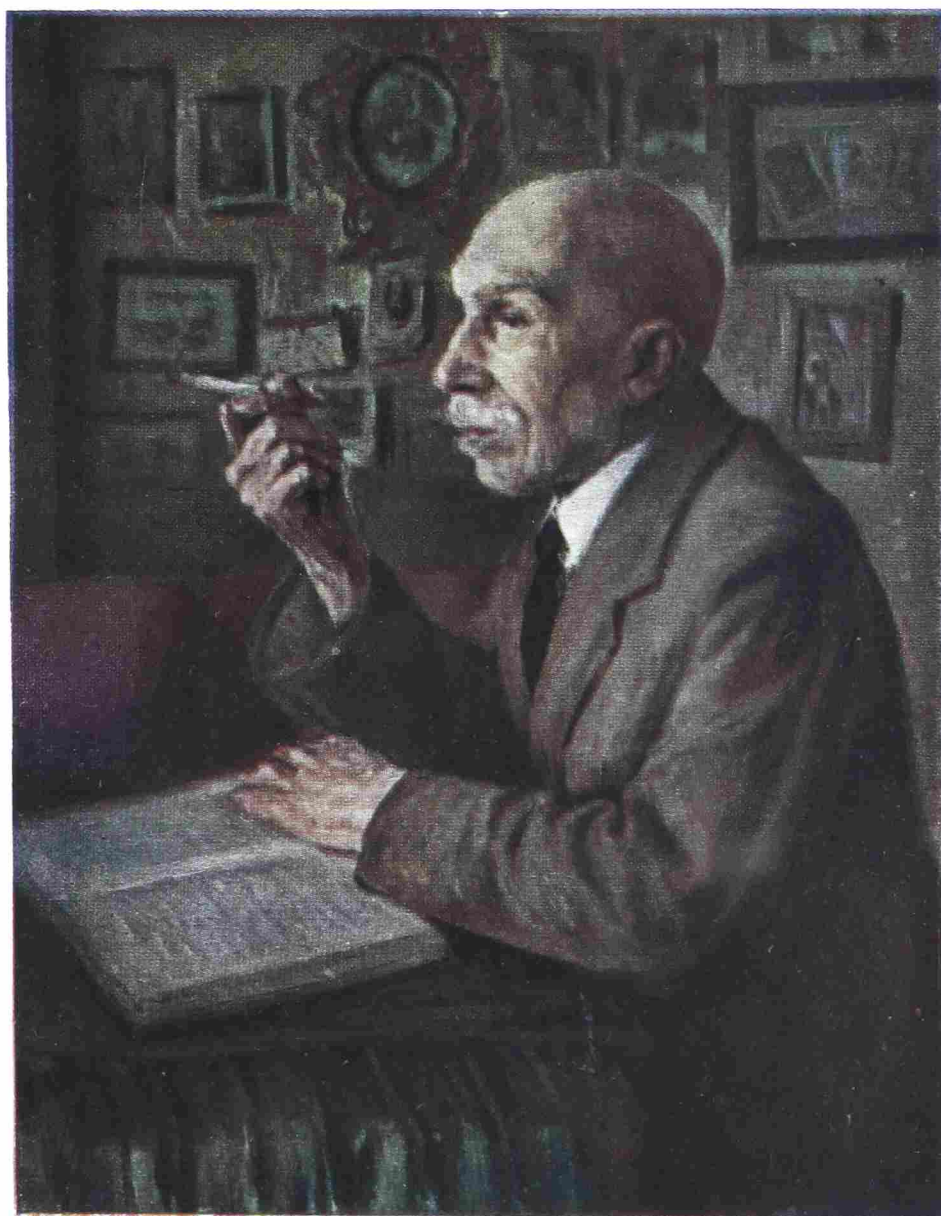

СОВЕТСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ

VII

*ПОСВЯЩАЕТСЯ АКАДЕМИКУ
СЕРГЕЮ АЛЕКСАНДРОВИЧУ ЖЕБЕЛЕВУ
В СВЯЗИ С 50-ЛЕТИЕМ ЕГО НАУЧНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ*

С. Мещеряков

Портрет работы художника В. А. Горб.

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ им. Н. Я. МАРРА

СОВЕТСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ

VII

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА 1941 ЛЕНИНГРАД

**Отвественный редактор директор Института истории материальной культуры
им. Н. Я. Марра проф. М. И. Артамонов**

**Редакционная коллегия: В. Ф. Гайдукевич, С. Н. Замятнин,
Т. Н. Книпович**

СО Д Е Р Ж А Н И Е

	Стр.
• Академик Сергей Александрович Жебелев как исследователь Северного Причерноморья	7
• Список печатных трудов академика Сергея Александровича Жебелева. (Дополнение к списку трудов, изданному в 1926 г.) Составлен Е. Г. Кастанаян	13
С т а т ь и	
• А. П. Мацевич (Ленинград). О скифских поясах	19
• Ю. Ю. Марти (Керчь). Поздне-эллинистические надгробия Боспора как историко-культурный документ	31
• В. Ф. Гайдукевич (Ленинград). Укрепленная villa rustica на Темир-горе	45
• Л. А. Мацулевич (Ленинград). Кто был Каллисфен, названный в надписи, открытой в Керчи в 1894 г.	61
• Л. П. Харко (Москва). Фрагмент фриза с изображением гигантов из станции Таманской	81
• В. Ю. Марти (Баку). Новые данные о рыбном промысле в Боспоре Киммерийском по раскопкам Тиритаки и Мирмекия	94
• А. П. Иванова (Ленинград). Херсонесские скульптурные надгробия с портретными изображениями	107
• <u>Н. И. Репников</u> (Ленинград). О характере римской оккупации южного берега Крыма	121
• А. Н. Карасев (Ленинград). К вопросу о водоснабжении Ольвии	129
• Т. Н. Книпович (Ленинград). Из истории художественной керамики Северного Причерноморья	140
• А. Н. Зограф (Ленинград). Находки монет в местах предполагаемых античных святилищ на Черноморье	152
• С. И. Капошина (Ленинград). Скорченные погребения Ольвии и Херсонеса	161
• Е. В. Ернштедт (Ленинград). Статуэтка Диониса из Тиритаки	174
• В. Д. Блаватский (Москва). Акарнанские бронзы Лисиппа	189
• М. И. Максимова (Ленинград). Античные архитектурные сады Италии	199
• М. Е. Сергеевко (Ленинград). Пахота в древней Италии	220
• Г. Д. Белов (Ленинград). К изучению аккомодации и быта позднесредневекового Херсонеса	231
П у б л и к а ц и и м а т е р и а л о в	
• Н. П. Розанова (Москва). Новые эпиграфические памятники Таманского полуострова	247
• Н. В. Анфилов (Краснодар). Новые данные к истории азиатского Боспора (Семибратнее городище)	258
• Р. В. Шмидт (Ленинград). К исследованию боспорских оборонительных валов	268
• Н. П. Кивокурцев (Керчь). Боспорская гипсовая статуэтка Эрота	280
• М. А. Наливкина (Ленинград). Терракотовая головка из Мирмекия	284
• О. Э. Ланговая (Ленинград). Позднеримская амфора из Мирмекия (опыт реставрации)	289
• Л. М. Славин (Киев). Ольвийские городские кварталы северо-восточной части верхнего города	292
• Е. И. Леви (Ленинград). Терракотовая архаическая головка, найденная в Ольвии	308
• Е. О. Прушевская (Ленинград). Из ольвийских находок краснофигурной керамики строгого стиля	318
• Л. Н. Белова (Ленинград). Неизданные монеты Херсонеса	326

S O M M A I R E

	Page
S. Žebelev et ses recherches scientifiques sur la partie nord de la région de la mer Noire	7
Liste des travaux de S. Žebelev parus de 1926 à 1940 (complément à la liste publiée en 1926). Dressée par E. Kastanajan	13

M é m o i r e s

A. Mancevič (Léningrad). Sur les ceintures scythiques	19
J. Marti (Kertch). Les stèles funéraires de l'époque hellénistique tardive au Bosphore comme document d'histoire de la culture	31
V. Gajdukevič (Léningrad). Une villa rustica fortifiée sur la montagne Témir	45
L. Matzulevič (Léningrad). Qui était Callisthène, nommé dans l'inscription découverte à Kertch en 1894 ?	61
L. Charko (Moscou). Un fragment de frise représentant des géants trouvé au village de Tamanskaïa	81
V. Marti (Bakou). Nouvelles données sur l'industrie poissonnière au Bosphore Cimmérien d'après les fouilles de Tyritaké et de Myrmékie	94
A. Ivanova (Léningrad). Les sculptures tombales avec portraits des morts de Chersonèse	107
<u>[N. Repnikov]</u> (Léningrad). Sur le caractère de l'occupation romaine du littoral sud de la Crimée	121
A. Karasev (Léningrad). Sur l'alimentation en eau d'Olbie	129
T. Knipovič (Léningrad). Sur l'histoire de la céramique d'art dans le nord de la région de la mer Noire	140
A. Zograph (Léningrad). Trouvailles de monnaies aux emplacements de sanctuaires antiques présumés dans la région de la mer Noire	152
S. Kapošina (Léningrad). Squelettes à posture ramassée dans les sépultures d'Olbie et de Chersonèse	161
H. Iernstedt (Léningrad). Une statuette de Dionysos trouvée à Tyritaké	174
V. Blavatskij (Moscou). Les bronzes acarnaniens de Lysippe	189
M. Maximova (Léningrad). Les jardins architecturaux antiques de l'Italie	199
M. Sergeenko (Léningrad). Le labourage dans l'Italie antique	220
G. Belov (Léningrad). Contribution à l'étude de la vie économique et sociale des habitants de Chersonèse à la fin du moyen âge	231

M a t é r i a u x

N. Rozanova (Moscou). Monuments épigraphiques inédits de la presqu'île de Taman	247
N. Anfimov (Krasnodar). Nouvelle contribution à l'histoire du Bosphore asiatique (gorodistché de Varénikovskaïa)	258
R. Schmidt (Léningrad). Sur l'étude des remparts du Bosphore	268
N. Kivokurcev (Kertch). Une statuette en plâtre d'Éros trouvée au Bosphore	280
M. Nalivkina (Léningrad). Une tête en terre cuite provenant de Myrmékie	284
O. Langovaja (Léningrad). Une amphore de l'époque romaine tardive trouvée à Myrmékie (essai de restauration)	289
L. Slavın (Kiev). Les quartiers de la partie nord-est de la ville haute à Olbie	292
E. Lévi (Léningrad). Une tête en terre cuite archaïque trouvée à Olbie	308
E. Prusevskaja (Léningrad). Quelques objets de céramique à figures rouges du style sévère trouvés à Olbie	318
L. Belova (Léningrad). Monnaies inédites de Chersonèse	326

АКАДЕМИК СЕРГЕЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ ЖЕБЕЛЕВ КАК ИССЛЕДОВАТЕЛЬ СЕВЕРНОГО ПРИЧЕРНОМОРЬЯ

Сергей Александрович Жебелев родился в Петербурге 10 (22) сентября 1867 г. Среднее образование получил во 2-й СПб. классической гимназии, которую окончил в 1886 г. с серебряной медалью. По окончании гимназии поступил на историко-филологический факультет Петербургского университета, где специализировался по античной истории и филологии. Окончил университет в конце 1890 г. и был тогда же оставлен при университете для подготовки к научной деятельности. Первая печатная работа С. А. появилась в 1889 г., когда он еще был студентом. С 1890 г. С. А. начал вести большую педагогическую работу — сначала в Центральном училище технического рисования Штиглица, а потом и в Академии художеств. С 1899 по 1927 г. состоял профессором Петербургского, а затем Ленинградского университета, с 1910 по 1920 г. — профессором Петербургского филологического института, с 1932 по 1936 г. — профессором Ленинградского института истории, философии и литературы. Степень магистра получил в 1899 г., степень доктора — в 1904 г. В 1927 г. С. А. избран действительным членом Академии Наук СССР, где и ведет в настоящее время большую научно-исследовательскую работу в Институте истории материальной культуры им. Н. Я. Марра, Институте языка и мышления им. Н. Я. Марра и Институте истории. Имеет около 300 печатных трудов. Таковы главнейшие вехи биографии С. А., являющегося ныне в Советском Союзе крупнейшим историком античного мира, ученой деятельности которого исполняется в текущем году пятьдесят лет.

Одной из особенностей научно-исследовательского таланта С. А. безусловно является его многосторонность. В свое время это было уже отмечено В. Бузескулом, писавшим о С. А., что «в своем лице он соединяет археолога, эпиграфиста, историка и филолога-классика». В самом деле, круг вопросов, являвшихся на протяжении уже более чем полувекового творческого пути С. А. предметом его изучения, исключительно широк и разнообразен, о чем наглядно повествует длинный перечень ученых трудов С. А. Попытно, что попытка дать в краткой заметке обстоятельную характеристику всего многообразия ученой деятельности С. А. была бы трудно осуществимой.¹ Позволим себе поэтому несколько сузить задачу, сосредоточив здесь внимание лишь на наиболее близких нам сторонах научной работы С. А., тесно связывающих его, в частности, с Институтом истории материальной культуры им. Н. Я. Марра АН СССР. Мы имеем в виду труды С. А. по античной археологии, а также по истории античных колоний Северного Причерно-

¹ Общая краткая характеристика ученой деятельности С. А. и его заслуг перед исторической наукой дана, как известно, И. И. Толстым в предисловии к «Списку печатных трудов С. А. Жебелева», изданному в 1926 г. к 35-летию ученой деятельности С. А., а также В. Бузескулом в книге «Всеобщая история и ее представители в России в XIX в. и начале XX в.» (ч. II, стр. 143 сл.).

морья, занимающих в списке печатных работ С. А. значительное место.

Будучи студентом университета, С. А. не готовился стать археологом. По этому поводу в своей автобиографии С. А. писал: «В годы студенчества я стоял далеко от запытой археологией, даже классической. Зато сразу по окончании университетского курса, волею судеб, близко столкнулся с археологией и ее представителями» (Введение в археологию, I, стр. 8). Важную роль в развитии интереса к археологии, по собственному признанию С. А., сыграла его педагогическая деятельность, к которой он приступил сразу же по окончании университета. Начал ее С. А. в Центральном училище технического рисования Штиглица, где в течение 13 лет преподавал историю быта древнего, средневекового, эпохи возрождения и русского, широко используя при этом памятники материальной культуры, памятники искусства.

Равным образом тесно связывала С. А. с классической археологией и его преподавательская работа в Академии художеств, где в течение 11 лет (с 1894 по 1905 г.) С. А. в должности профессора читал курс лекций античного искусства.

Выявившийся интерес С. А. к археологии привел его к вступлению в члены Русского археологического общества, в деятельности которого затем на протяжении почти тридцати лет (с 1894 по 1922 г.) С. А. принимал весьма близкое участие в качестве члена Совета и секретаря Отделения археологии древне-классической, византийской и западно-европейской. В течение более 20 лет С. А. являлся редактором «Трудов» и «Записок» Отделения.

С 1893 по 1901 г. С. А. ежегодно в журнале «Филологическое обозрение» печатал «Археологическую хроника эллинского Востока», систематически знакомя русскую научную общественность с новейшими археологическими открытиями в области древне-греческого мира.

Большое значение для популяризации археологических знаний имели также статьи С. А. по античной археологии и искусству в новом энциклопедическом словаре Брокгауза и Эфрона, причем все статьи в 29 томах этого словаря по разделам археологии и изобразительного искусства были отредактированы С. А.

На международных археологических конгрессах С. А. неоднократно представлял русскую античную археологию.

«Так в течение всей после-университетской жизни, — пишет о себе С. А., — судьба приковала меня все время, так или иначе, к археологии и стоящей с ней в тесной связи истории искусства. Все это давало мне смелость и в моей университетской преподавательской деятельности неоднократно объявлять курсы на темы, связанные с классической археологией.

Свою вступительную лекцию я читал на тему „Классическая археология, как предмет университетского преподавания“, а мой первый университетский курс был посвящен, как раз, введению в классическую археологию» (Введение в археологию, I, стр. 9).

Первая небольшая работа С. А. по классической археологии появилась в 1893 г. («Женская голова из Аргосского Ирэона»), и в ней уже определилось основное направление дальнейших археологических штудий С. А. — это, главным образом, вопросы, связанные с изучением изобразительного искусства, преимущественно античной пластики. Наиболее крупным исследованием в указанной области является вышедшая в 1899 г. работа С. А. «Пантикапейские Ниобиды». С большим мастерством С. А. дал анализ серии глиняных и гипсовых фигур ниобид, служивших для украшения деревянных саркофагов и являвшихся изделием местных пантикапейских мастеров-ремесленников, причем С. А. выяснил и те греческие оригиналы, к которым восходят мотивы пантикапейских ниобид.

Одним из достоинств работы С. А. о пантикапейских шобидях является исключительная ясность и простота изложения (кстати скажем, свойственная всем работам С. А.), которой далеко не всегда могут похвастать исследователи античного искусства.

Памятникам малой пластики посвящена также другая значительная работа С. А., вышедшая в 1909 г., об архаических бронзовых статуэтках-подставках, найденных на территории б. Херсонской губ. Первая часть этого труда является плодом совместной работы С. А. с В. К. Мальмбергом, с которым С. А. состоял в очень близких дружеских отношениях. «Судьба послала мне, — писал С. А. в 1923 г., — неизъяснимое счастье пользоваться, в течение 30 лет, самым близким общением с такими русскими археологами, как Н. П. Кондаков, покойные И. И. Толстой, Я. И. Смирнов, В. К. Мальмберг. В всегда интересных и плодотворных, касающихся самых разнообразных тем и вопросов, беседах с ними об археологии и истории искусства я прошел — правильнее сказать, должен был пройти — достаточно „археологическую школу“» (Введение в археологию, I, стр. 9).

Из названных работ, видно, что внимание С. А. уже рано стали привлекать античные археологические памятники юга СССР. Как русский историк античного мира, С. А. не мог, конечно, не интересоваться прошлым юга СССР, его античными греческими колониями, сыгравшими столь важную роль в развитии истории и культуры народов, населявших в древности наши южные степи.

Начиная с 1902 г. (когда появилась статья «Боспорские Археонактиды»), С. А. неоднократно обращался к темам по истории античных колоний, которые позднее стали занимать в исследовательской работе С. А. одно из основных мест.

Являясь чутким, глубоким исследователем, С. А. прекрасно понимал, что археология в условиях царского строя не могла занять в России подобающего ей места, как одна из важнейших отраслей исторической науки.

Касаясь положения археологии в дореволюционный период, когда руководящую роль играла Археологическая комиссия, подчиненная министерству двора, С. А. отмечал, что в дореволюционный период в «высших сферах» на археологию «нередко смотрели как на своего рода забаву, развлечение. Находясь в одном и том же ведомстве, где значились и казенные театры, и царские охоты, и придворно-кошопенная часть и т. п., археология не имела часто в глазах лиц, власть предержащих, того значения, какое ей по праву принадлежать должно было бы, как мощному орудью распространения знания. Лишь со времени крушения монархического строя археологии отведено было то место в ведомстве народного просвещения, какое ей всего более там и приличествует занимать» (Введение в археологию, I, стр. 101). Поистине поэтому, что С. А. с большим воодушевлением принял активное участие в организации и деятельности нового археологического научного центра, каким с 1919 г. взамен упраздненной Археологической комиссии стала Государственная Академия истории материальной культуры, образованная советским правительством по инициативе Н. Я. Марра. С. А. отдал и продолжает отдавать массу времени и энергии этому центральному в Советском Союзе археологическому научному учреждению, с 1937 г. влившемуся в Академию Наук СССР. В течение ряда лет (с 1923 по 1928 г.) С. А. был товарищем председателя ГАИМК, т. е. ближайшим помощником Н. Я. Марра. Большую работу С. А. ведет в ГАИМК — ИИМК, вот уже сколько лет руководя работой Сектора древнего Причерноморья.

Накопленные за долгие годы научной и педагогической работы знания в области античной археологии, отличная осведомленность в археологической литературе и широкое, непосредственное знакомство с памятни-

ками античного искусства и материальной культуры Греции, Малой Азии, Италии, позволили С. А. написать две обширные научно-популярные книжки «Введение в археологию» (1923), предназначенные для широкого читателя. В этих книжках С. А. ярко и увлекательно показал, как развивалась античная археология, как постепенно она из любительства превращалась в науку со своими сложными и многообразными методами и приемами, какие грандиозные успехи сделала античная археология на протяжении XIX и в первые десятилетия XX в. Обстоятельно изложена также история развития археологических исследований в России, главным образом античных поселений Северного Причерноморья.

Если раньше работы С. А. по античным колониям Северного Причерноморья появлялись все же довольно редко, то за последнее десятилетие, наоборот, С. А. занимался преимущественно их изучением. В результате наука обогатилась серией цепных исследований, освещающих по-новому ряд существенных вопросов истории античных колоний Северного Причерноморья. В лице С. А. мы имеем теперь крупнейшего и наиболее авторитетного специалиста в этой области нашей исторической науки. Не будем перечислять всех статей, выпущенных из-под пера С. А. по истории Северного Причерноморья, они всем, кто занимается древней историей СССР, очень хорошо известны. Напомним только, что наряду с исследованиями частных вопросов истории античных колоний в числе этих работ С. А. имеются и такие, в которых трактуются широкие проблемы греческой колонизации Северного Причерноморья, экономического развития причерноморских колоний и др. К таким исследованиям относятся, например, «Возникновение Боспорского государства» (1930), «Основные линии экономического развития Боспорского государства» (1934) и некоторые другие статьи, содержащие много новых мыслей, весьма ценных выводов и замечаний.

Хочется вместе с тем отметить некоторые особенности исследований С. А. по Северному Причерноморью, которые многому могут научить молодое поколение историков и археологов.

В 1902 г. С. А. разбирал в специальной статье вопрос о боспорских Археактидах. Ему тогда казалось сомнительным сообщение Диодора о существовании в V в. до н. э. династии правителей Боспора Археактидов, так как имя Археакта ни в литературных, ни в эпиграфических памятниках не было засвидетельствовано.

Однако последующие раскопки в Милете открыли надписи, в которых оказалось имя Археакта в числе городских магистратов. И вот, в работе «Возникновение Боспорского государства» (1930) С. А. снова подвергает пересмотру этот вопрос. «Но *dies diem docet*, и мне, — пишет С. А., — приходится по поводу проблематичности существования Археактидов теперь снять палиодию», далее С. А. дает интересный экскурс по вопросу об Археактидах уже в свете тех фактов, которыми теперь располагает наука. Безупречно зная фактический материал и строить выводы строго в соответствии с этим материалом — таков основной принцип научных поисков С. А. Если ранее высказанное исследователем предположение или реконструкция того или иного исторического явления несовместимы с новыми фактическими данными, историк должен смело пересмотреть свою точку зрения в интересах выяснения подлинной исторической истины.

В работах по Северному Причерноморью С. А. показывает также, как историк должен критически относиться к даже прочно укоренившимся, казалось бы, общепризнанным заключениям и выводам. В этом отношении показательна статья С. А. на тему «Афины, Нимфей и измена Гилона» (1935). Как известно, широко распространенным в науке было мнение, что Нимфей, прежде чем стать боспорским городом, являлся афинской

колонией в Северном Причерноморье. Убеждение¹ это возникло на основании одной из речей Эсхина, направленной против Демосфена.

В результате недостаточно критического подхода к этому источнику в литературу прочно вошла версия о принадлежности Нимфея Афинам. Став традиционным, укоренившимся, взгляд этот уже не подвергался серьезному анализу и принимался многими, так сказать, «на веру». Но С. А. не удовлетворился тем, что указанная версия относительно Нимфея «общепризнана». Он подверг тщательной проверке укоренившееся представление, и в результате оказалось, что теория о Нимфее, как афинской колонии, построена на исключительно зыбком основании и не заслуживает серьезного доверия.

Еще одна примечательная особенность научного метода С. А. — это умение видеть в так наз. «мелочах» существенное, важное для выяснения большой исторической картины. Правильно восстановленное или истолкованное иногда одно слово в том или ином тексте эпиграфического памятника позволяет С. А. сделать глубокие существенные выводы большого принципиального значения. Такими настоящими образцами мастерства историко-филологического анализа являются, например, этюды С. А.: «Был ли Танаис разрушен Полемоном» (1935), «Финас павклеров в Горгиинии» (1935), «Херсонесская присяга» (1935), «Ольвия и Мифрадат Евпатор» (1940).

В полном смысле блестящей является широко известная работа С. А. «Последний Перисад и скифское восстание на Боспоре» (1933 г., вторично в 1938 г.), в которой С. А. удалось выяснить революционный характер восстания скифов на Боспоре под предводительством Савмака, благодаря произведенному С. А. тонкому и глубокому анализу текста декрета в честь Диофанта и имеющегося в нем термина *ἐκθρέψωντα*, определяющего отношение боспорского царя Перисада к Савмаку. Установив, что Савмак был царским рабом, С. А. убедительно доказал, что не «дворцовый переворот» произошел в Пантикапее в конце II в. до н. э., а грандиозное восстание боспорских рабов-скифов, являющееся одним из звеньев в цепи восстаний II в. до н. э., потрясших античный рабовладельческий мир.

Следует также отметить, как в работах С. А. трактуются вопросы социально-культурных взаимоотношений греков-колонистов с местным скифо-сарматским и таврским населением Северного Причерноморья.

Исключительно остроумной является гипотеза С. А. по поводу загадочного слова — *ΣΑΣΓΗΡ* в херсонесской присяге, разгадать которое пытались многие исследователи. С. А. пришел к интересному выводу, что под этим именем, по видимому, скрывается название херсонесского кумира, олицетворявшего женское божество, культ которого в Херсонесе сложился под влиянием соседних тавров. Сложный процесс культурной ассимиляции греков-колонистов и варваров-туземцев — вот как рисует С. А. картину развития культуры Северного Причерноморья в античную эпоху, придавая при этом особенно важное значение активно-творческой роли местного скифо-сарматского населения.

Нельзя не сказать хотя бы несколько слов о С. А. как руководителе Сектора древнего Причерноморья ИИМК, в задачи которого входит разработка вопросов истории и материальной культуры античных колоний северного побережья Черного моря, производство там раскопок, издание добытых при раскопках материалов и т. д.

В лице С. А. коллектив античников ИИМК имеет замечательного высокоавторитетного научного руководителя, исключительно внимательного и отзывчивого. И здесь особенно хочется отметить одну черту С. А. — его неизменную готовность оказать помощь, охотно поделиться своими огромными знаниями и опытом. Трудно даже представить себе, как много и часто обращаются к С. А. за научной консультацией, советами, указа-

ниями, — и всегда С. А. доброжелательно откликается на просьбу, терпеливо разъясняет, советует, а нередко, чтобы помочь, кропотливо наводит сам необходимые справки в источниках, несмотря на свою постоянную загруженность большой текущей научной работой.

Как известно, у нас ежегодно ведутся археологические раскопки на Боспоре, в Ольвии, Херсонесе. С. А. неизменно с большим интересом и вниманием следит за этими работами, радуясь их успехам, достижениям. Но он всегда настойчиво требует, чтобы эти работы велись планомерно, систематически, строго научно, с доведением начатых исследований до конца, без всякой парочитой погои за «эффектными» открытиями.

Безграничная преданность делу науки, готовность передать свои знания другим и особенно молодым ученым, стремление сделать достижения науки достоянием широких масс народа, всяческое содействие росту молодых кадров научных работников, — за все это С. А. пользуется у всех, кто его знает, глубоким уважением, симпатией и любовью.

Все античники, все близкие товарищи по работе и весь коллектив научных работников ИИМК от души желают С. А. еще многих, многих лет здоровья, бодрости и той же неиссякаемой энергии, с какой С. А. в нынешний свой юбилейный год, невзирая на то, что позади уже полвека научных исканий и напряженного труда, поистине с юношеским рвением и энтузиазмом ведет огромнейшую научную работу в самых разнообразных направлениях, подчиненную, однако, всегда одной объединяющей цели дальнейшего роста и расцвета советской исторической науки.

В. Ф. Гайдукевич

СПИСОК ПЕЧАТНЫХ ТРУДОВ
АКАДЕМИКА СЕРГЕЯ АЛЕКСАНДРОВИЧА ЖЕБЕЛЕВА

№№ 213—293

(Дополнение к списку трудов до 1926 г., изданному И. И. Толстым в 1926 г.)
в честь тридцатипятилетия научной деятельности С. А. Жебелева

1926

213. Василий Васильевич Латышев. (Некролог.) ВВ, т. XXIV, стр. 105—110.
214. Иконографические схемы Вознесения Христова и источники их возникновения. Recueil d'études, dédiées à la mémoire de N. P. Kondakov. Archéologie. Histoire de l'art. Etudes byzantines. Прага, 16 стр.
215. Эдуард Курц. (Некролог.) ИОГН, № 12, стр. 1047—1052.

1927

216. Геродот и скифские божества. ИТОИАЭ, т. I, стр. 85—90.
217. Доменико Компаретти. ИОГН, № 18, стр. 1422—1424.
218. «Κατάλιον». ВВ, т. XXV, стр. 171.
219. Оранта. (К вопросу о возникновении типа.) Seminarium Kondakovianum, т. I, Прага, 1927, стр. 1—7
220. Поль Фукар. (Некролог.) ИОГН, № 18, стр. 1415—1421.
221. Разряд археологии и искусства древне-христианского и византийского Государственной Академии истории материальной культуры (1919—1926). (Хроника.) Seminarium Kondakovianum, т. I, Прага, 1927, стр. 321—322.

1928

222. Б. В. Фармаковский. (Некролог.) ИОГН, № 4—7, стр. 275—278.
223. [Совместно с В. П. Бузескулом] Иван Вячеславович Нетушил (1850—1928). (Некролог.) Там же, № 4—7, стр. 259—274.
224. Герман Дильс. (Некролог.) ИОГН, № 1, стр. 21—26.
225. Евреи и спартанцы. ДАН—В, № 4, стр. 65—70.
226. [Совместно с С. Платоновым и Н. Лихачевым]. Записки об ученых трудах А. А. Ильина. ИОГН, № 8/10, стр. 440—441.
227. [Совместно с В. Бузескулом]. Записки об ученых трудах А. А. Грушки. Там же, стр. 446—448.
228. [Совместно с Ф. Успенским и В. Бузескулом]. Записки об ученых трудах С. И. Соболевского. Там же, стр. 449—451.
229. [Совместно с Н. Лихачевым и В. Бузескулом]. Записки об ученых трудах А. В. Орешникова. Там же, стр. 452—454.
230. Перечень печатных работ Я. И. Смирнова. Seminarium Kondakovianum, т. II. Прага, 1928, стр. 16—18.
231. Я. И. Смирнов. Там же, стр. 1—16.

1929

232. Рец. на: Владимир Каренин. Владимир Стасов. Очерк его жизни и деятельности. ИОРЯС, т. II, кн. 1, стр. 347—349.
233. Киренская конституция. ДАН—В, № 5, стр. 77—84.
234. Милет и Ольвия. ИОГН, № 6, стр. 427—435.
235. Памяти Бориса Владимировича Фармаковского. СГАИМК, т. II, стр. V—XXIV.
236. Памяти В. И. Гошкевича. Там же, т. II, стр. XXVII.
237. Памяти Федора Ивановича Успенского. Там же, т. II, стр. XXV—XXVI.
238. Пеан Исилла. ДАН—В, № 11, стр. 193—206.
239. Плодородие Кирены. Там же, № 6, стр. 97—102.

240. Федор Иванович Успенский. (Биографическая канва.) Сб. «Памяти академика Федора Ивановича Успенского, 1845—1928» под редакцией С. А. Жебелева. Изд. Акад. Наук СССР, Лгр., стр. 1—3.
241. Ф. И. Успенский и Русский археологический институт в Константинополе. Там же, стр. 53—66.
242. Царь Кодр. ДАН—В, № 11, стр. 201—208.

1930

243. Афинская колония на Адриатике. Там же, № 4, стр. 59—65.
244. Возникновение Боспорского государства. ИОГН, № 10, стр. 799—820.
245. Возникновение Херсонеса Таврического. ДАН—В, № 9, стр. 157—162.
246. Новые этолийские документы. ИОГН, № 7, стр. 489—499.
247. Der Pean des Isyllos. PhW, 241, стр. 57—62.
248. Титан Яфет. Язык и литература, т. V, стр. 19—28.
249. Фрагмент элевсинской надписи. ИОГН, № 4, стр. 251—264.

1931

250. Август Гейзенберг. (Некролог.) ИОН, № 5, стр. 509—515.
251. Владислав Петрович Бузескул. (Некролог.) Там же, № 10, стр. 1065—1083.
252. Редакт.: В. П. Бузескул. Всеобщая история и ее представители в России в XIX и в начале XX в. Часть вторая. Лгр., стр. 233. (Редактор издания и автор послесловия акад. С. А. Жебелев, предисловие акад. В. П. Волгина.)
253. L'inscription dite de Nazareth. Rec. SR, Париж, стр. 570—576.
254. Памяти Александра Андреевича Спицына. (Некролог.) ИОН, № 9, стр. 1001—1002.
255. Памяти Владислава Петровича Бузескула. Вестн. АН, № 6, стр. 34—38.
256. Список печатных трудов В. П. Бузескула за 1915—1931 гг. (№№ 101—136). (Дополнение к списку трудов до 1915 г., помещенному в изданном в честь В. П. Бузескула XXI томе «Сборника Харьковского Историко-Филологического общества».) Там же, № 10, стр. 1084—1085.
257. Эпидаврийская ареталогия. ИОН, № 3, стр. 321—345.
258. [Совместно с Н. Н. Лукиным.] Записки об ученых трудах А. И. Тюменева. Записки об ученых трудах действительных членов АН СССР по Отделению общественных наук, избранных в 1931 и 1932 гг. Лгр., 1932, стр. 43—47.
259. Памяти Виламовица Миллендорфа. Там же, № 1, стр. 1—13.
260. Первые революционные восстания на территории СССР (Историческая справка.) СГАИМК, № 9/10, стр. 35—37.

1933

261. Редакт.: «Античный способ производства в источниках». (Литературные, эпиграфические и папирологические свидетельства о социально-экономической истории древней Греции, эллинистического Востока и Рима.) Под редакцией С. А. Жебелева и С. И. Ковалева. ИГАИМК, вып. 78, стр. 596.
262. В. Э. Регель. (Некролог.) Вестн. АН, № 5, стр. 51—54.
263. Манифест Птоломея Киренского. ИОН, № 5, стр. 391—405.
264. Последний Перисад и скифское восстание на Боспоре. ИГАИМК, вып. 70, стр. 36.
265. Счастливые города. (Филологическая справка.) Сб. «Из истории докапиталистических формаций». Там же, вып. 100, стр. 352—362.
266. Эпидаврийская терапевтика. ИОН, № 1, стр. 61—96.

1934

267. [Совместно с С. И. Ковалевым.] Великие восстания рабов II—I вв. до н. э. в Риме. Из истории античного общества. Там же, вып. 101, стр. 139—180.
268. Выступление в прениях по докладам на пленуме ГАИМК от 20—21 мая 1933 г., посвященного проблеме социальной революции в античном обществе. ИГАИМК, вып. 76, стр. 185—189.
269. Источники изучения рабских восстаний в древнем мире. Проблемы, № 9/10, стр. 45—55.
270. Основные линии экономического развития Боспорского государства. ИОН, № 8, стр. 589—607, 661—679.

1935

271. Редакт.: Аппиан. Гражданские войны. Перевод с греческого С. А. Жебелева (кн. I), С. И. Ковалева, М. С. Альтмана, О. О. Крюгера, Е. Г. Кагарова, Т. Н. Книпович, А. И. Тюменева, под редакцией С. А. Жебелева и О. О. Крюгера, с приложением очерка С. А. Жебелева «Аппиан и его гражданские войны». ИГАИМК, вып. 129, стр. 351.

272. Боспорские этюды. Из истории Боспора. ИГАИМК, вып. 104, стр. 7—56.
 273. Греческая надгробная надпись из Вагаршапата. (В кн.: Ашхарбек К а л а н-
 т а р. Раскопки древнего Вагаршапата. Ереван, стр. 81—83.)
 274. Рождение ГАИМК. Из воспоминаний о Н. Я. Марре. Проблемы, № 3/4, стр. 170—
 174.
 275. Херсонесская присяга. ИОН, № 10, стр. 913—939.

1936

276. L'abdication de Pairisadès et la révolution Scythe dans le royaume du Bosphore.
 REG, т. XLIX, № 229, стр. 17—37.
 277. История древнего мира, т. II, ч. I, гл. I и V; т. III, ч. II, гл. XVI, М.—Л.,
 стр. 7—34, 146—170, 197—208.

1937

278. «Аристотелева» «экономика». ВДИ, № 1, стр. 114—125.
 279. Итоги изучения античности в СССР за 20 лет. ИОН, № 5, стр. 1115—1124.
 280. Рец. на: К о в а л е в С. И. История античного общества. Греция. Историк-
 марксист, кн. 5—6, стр. 221—223.

1938

281. Изучение античности в СССР. Фронт Науки и техники, № 4—5, стр. 136—140.
 282. Народы Северного Причерноморья в античную эпоху. ВДИ, № 1/2, стр. 149—163.
 283. Последний Перисад и скифское восстание на Боспоре. ВДИ, № 3 (4), стр. 49—71.
 284. Русское византиноведение, его прошлое, его задачи в советской науке. Там же,
 № 4/5, стр. 13—22.

1939

285. В. Г. Васильевский в изучении византийских древностей. Там же, № 1/6,
 стр. 216—222.
 286. История СССР с древнейших времен до образования древне-русского государ-
 ства. Изд. АН СССР (на правах рукописи), ч. II, гл. 2, стр. 216—273.
 287. Маврикий (стратег). Известие о славянах VI—VII вв. Истор. архив. Инст. исто-
 рии Акад. Наук СССР, т. II, стр. 33—37.
 288. Парфенон в «Парфеноне». (К истории культа Афины Девы.). ВДИ, № 2/7,
 стр. 47—56.

1940

289. Армяны в Ольвии. Краткие сообщения ИИМК АН СССР, IV. Изд. Акад.
 Наук СССР, стр. 31—32.
 290. Танаидские «братья-приемыши». Там же, V, стр. 47—49.
 291. О Тирании тридцати в Афинах. ВДИ, № 1(10), стр. 27—33.
 292. Что понимать под «Борисфеном» в (IosPE, I², 24). Ольвия, т. I. Киев, 1940,
 стр. 275—280.
 293. Ольвия и Мифрадат Евпатор (IosPE, I², 35). Там же, стр. 281—292.

СТАТЬИ

А. П. МАНЦЕВИЧ
О СКИФСКИХ ПОЯСАХ

Роль и значение пояса у скифов до сих пор недостаточно учитывались, несмотря на то, что некоторые данные для суждения об этом имеются. Так, например, из свидетельства Геродота (IV, 9—10) мы знаем, что Геракл оставил одному из трех своих сыновей пояс и лук с золотой чашей на конце застежки, дав наставление о способе пользования ими. Достойным этих предметов оказался младший сын по имени Скиф, сумевший натянуть лук в соответствии с указаниями Геракла; оставшись в стране, из которой, согласно завету Геракла, были изгнаны недостойные пользоваться оружием отца старшие братья, Скиф сделался родоначальником скифских царей.

Несмотря на оговорку Геродота, что эта легенда передается живущими у Понта эллипами, вытекающий из нее вывод о значении у скифов пояса, как атрибута власти, остается бесспорным.

Лукиан в одном из своих диалогов рассказывает о чрезвычайном удивлении скифа Анахарсида тем, что скиф Токсарид, встретив его в афинском Керамике ἄζωστον, ἀσίδηρον (без пояса и без оружия),¹ все же признал в нем своего соотечественника. Из этого явствует, что ношение пояса с мечом являлось чуть ли не родо-племенной принадлежностью скифов и во всяком случае служило указанием на скифское происхождение.

Правда, следует оговорить, что это утверждение относится к категории лиц, находившихся в социальном отношении далеко не на последнем месте; при этом должно учитывать и материальную стоимость пояса вместе с вооружением.

Имеются свидетельства о том, что при покушении на амазонку Тиргатао надетый на ней пояс отразил удар меча,² и что амазонки назывались так потому, что, «подпоясавшись поясами, стали заниматься всеми мужскими делами»,³ причем пояса у них делались из звериных шкур.⁴ Ряд относящихся к более раннему времени указаний на воинственность савроматских женщин и на то, что костюм их одинаков с костюмом мужчин, позволяет заключить, что у савроматов пояс не был специфической принадлежностью мужского костюма. Не лишено вероятности, что в свидетельствах Страбона, Полиэна и Элия Иродиана следует видеть отражение более древней традиции, восходящей к скифской поро, когда, возможно, женщины также применяли эту принадлежность мужского костюма.

Нельзя умолчать также об особом значении, которое имел пояс, как ритуальный предмет, в древних культурах Закавказья и Передней Азии. Материалы по семантике пояса собраны Б. Б. Пиотровским в его неопубликованной работе о бронзовых поясах Закавказья.

¹ Scythica et Caucasia, I, стр. 544.

² Polyæn, VIII, 55. — Scythica et Caucasia, I, стр. 567.

³ Herodian, apud Steph. Byz. — Scythica et Caucasia, I, стр. 575.

⁴ Strabo, XI, V, 1. — Scythica et Caucasia, I, стр. 144.

Некоторые родственные черты семантики пояса, несомненно, имели соответствие в скифских религиозных представлениях, и находка бронзового пояса урартского типа в с. Подгорцы близ Киева¹ не случайна, а скорее закономерна.

Связь пояса с луком, отмеченная в эпизоде с Гераклом, выражается в том, что на поясе был подвешен содержащий лук футляр вместе со стрелами. Это засвидетельствовано находкой в кургане № 63 Бобрицкого могильника у с. Берестняги,² изображениями на вазе Куль-оба (рис. 1—2) и гребне кургана Солоха (рис. 3). Футляр этот — *ῥουτός* — хорошо известен в памятниках материальной культуры скифского периода. Горит делался из дерева и обтягивался кожей. Лицевая сторона его иногда украшалась серебром или золотом. Обивки роскошных горитов — золотые и серебряные — были найдены в Чертомлыцком кургане,³ кургане Солоха⁴ и др. Количество стрел, находившихся в горите, доходило до 200, как в кургане Солоха, а иногда и до 500, как в кургане № 400 в урочище Криворучково у с. Журовки Чигиринского р-на.⁵

На поясе подвешивался также железный меч в деревянных ножнах, часто покрывавшихся золотом (см. изображение на гребне кургана Солоха, рис. 3). Примером могут служить ножны ст. Елизаветинской, Солохи, Куль-обы, Чертомлыка.

Согласно свидетельству Геродота,⁶ скифы послали у пояса также чашу для питья, которая была, очевидно, металлическая, так как деревянная или глиняная была бы слишком непрочной при передвижениях; кроме того, к поясу прикреплялся точильный камень, иногда значительных размеров, как в Чертомлыцком кургане⁷ или в склепе Куль-оба,⁸ также частично покрытый золотом.

Все эти предметы вместе составляли солидный вес, поэтому, естественно, что пояс должен был отличаться прежде всего прочностью и вместе с тем эластичностью. В то же время он должен был иметь достаточную ширину, чтобы не скручиваться жгутом и не врезаться в тело.

Этим требованиям в полной мере удовлетворяет скифский пояс, образцы которого встречены в погребениях и зафиксированы памятниками изобразительного искусства, как греческими, например, упомянутыми выше вазой Куль-оба (рис. 1—2) и гребнем Солохи (рис. 3), так и скифской каменной статуей (рис. 4), найденной, повидимому, «в предгорьях Кубанского края». Более точное происхождение статуи неизвестно.⁹ Оригинал ее хранится в музее г. Краснодара, копия — в Государственном Эрмитаже.

Структура пояса, аналогичная, как увидим ниже, структуре панцыря, показывает, что, подобно панцырю, пояс играл также роль защитного оружия, и случай с Тиргатао не был единичен.

Изучение поясов в собрании Государственного Эрмитажа (см. таблицу в конце статьи) позволяет заключить, что пояс у скифов состоял из трех слоев кожаного ремня (рис. 5), поперек которого нашивались пластинки. Эти пластинки были то прямые, как на поясах кургана № 401 Журовки,

¹ Б. Б. П и о т р о в с к и й. Урарту, древнейшее государство Закавказья. Лгр., 1939.

² А. Б о б р и н с к и й. Курганы и археологические находки близ местечка Смелы, т. III, СПб., 1887—1891, стр. 128.

³ ДГС, Атлас, табл. 34.

⁴ ОАК, 1913—1915, стр. 122, рис. 195.

⁵ ИАК, вып. 14, стр. 11.

⁶ H e r o d., IV, 10. — Scythica et Caucasia, I, стр. 14.

⁷ ДГС, Атлас, табл. 37, I.

⁸ ДБК, табл. 30, 7.

⁹ А. А. М и л л е р. Новый источник к изучению связи Скифии с Кавказом. ИГАИМК, т. IV, стр. 109 сл., табл. II, рис. 7—9.

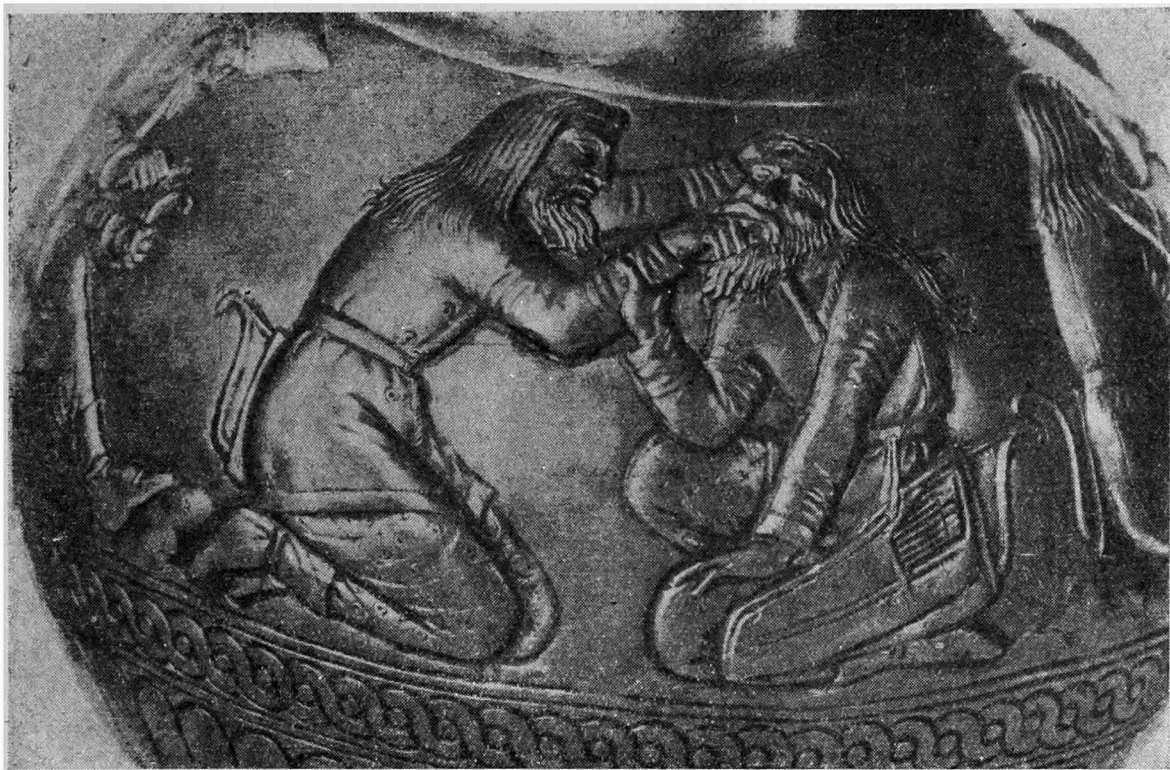

Рис. 1 и 2. Детали электровой вазы из склепа Куль-оба.

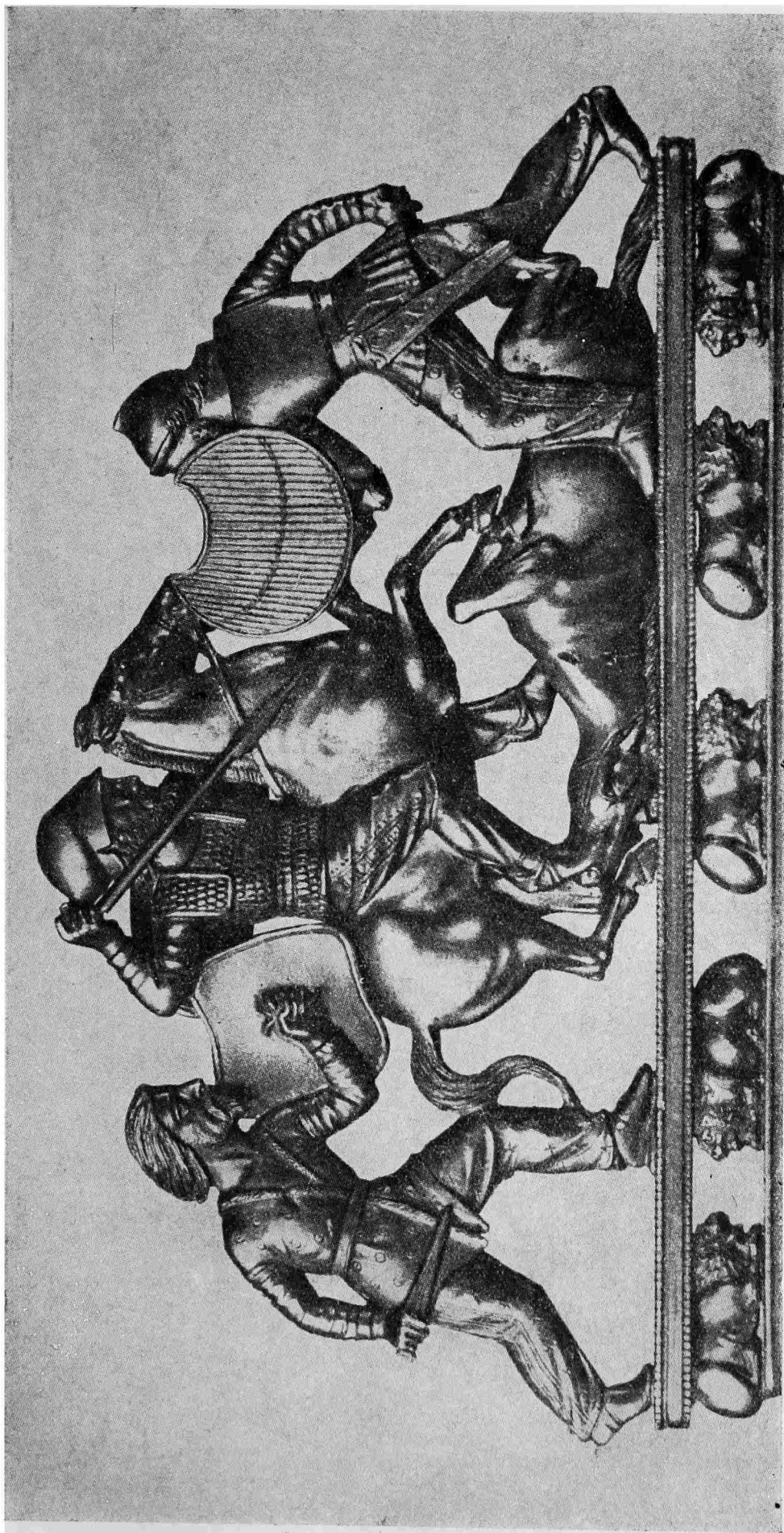

Рис. 3. Верхняя часть золотого гребня из кургана Солоха.

Берестняг, Галущина, Гришенцев (рис. 5, 4) и вазе Куль-оба, то изогнутые дугообразно, как на поясах курганов ст. Елизаветинской (рис. 6), Чертомлыцкого (рис. 7, 1—2), Талаевского (рис. 7, 3), Солохи (?) (рис. 8), Куль-оба (рис. 9) и статуи Краснодара (рис. 4). Пластинки делались преимущественно бронзовые или железные; концы их отгибались, причем накладывались они чешуеобразно, так что предыдущая пластинка была частично закрыта последующей. Возможно, что золотой пояс Огуза также имел выгнутую форму и что единственная уцелевшая пластинка от него была выпрямлена впоследствии. Концы пластинок были слегка сужены, и край каждой из них, находящийся на предшествующую, был слегка отогнут (рис. 10). Как свидетельствуют отверстия, каждая пластинка прикреплялась к коже в концах и в одном, двух или трех местах в средней части. В местах подвешивания одного из перечисленных предметов ряд узких пластинок прерывался пластинкой квадратной формы, выгнутой так же, как и узкие; эта пластинка имела в центре крупное отверстие квадратное (рис. 7, 1), круглое или продолговатое (рис. 5, 1). По краям — мелкие отверстия (рис. 8). Заканчивался пояс двумя полуовальными пластинками, также выгнутыми, с мелкими отверстиями по краю и одним или двумя крупными в центре (рис. 7, 1—2, 8, 9). Мелкие отверстия на квадратных и полуовальных пластинках служили для пришивания их к коже пояса. Крупные же отверстия предназначались в первом случае для продевания жгутообразного ремня, на котором подвешивался один из перечисленных выше предметов (способ прикрепления к поясу этих предметов, в частности, ножен меча, пока неясен), во втором случае — для продевания таких же ремней-завязок, служивших для стягивания заходивших один за другой концов пояса на фигуре.¹ С обратной стороны пришивался второй ремень, который должен был скрыть неровности и закрепить швы. К его краям пришивался утолщенный борт из сложенного вдвое узкого ремня, который, образуя валик, прикрывал острые концы чешуек и края пластин, заканчивавших пояс. Эта деталь видна на статуе Краснодарского музея (рис. 4) и поясах Гришенцев (рис. 5), Берестняг² и Елизаветинской (рис. 6). После пришивания пластинок и утолщения краев пояса валиком с обратной стороны пришивался третий слой кожи, прикрывавший неровности и швы прикрепления валика, как это видно на том же поясе Гришенцев (рис. 5, 4).

Чешуйки обычно имели ровный край, но иногда были и зубчатые, как, например, на поясах Гришенцев (рис. 5, 4) и Галущина.³

Рис. 4. Копия статуи скифского воина с оригинала, хранящегося в Краснодарском музее.

¹ На рис. 6 (нижний ряд) видны складки кожаной основы, получившиеся при сильном стягивании пояса на фигуре.

² А. Б о б р и н с к и й, ук. соч., т. III, табл. 19, 6.

³ В. И. и В. И. Х а н е н к о. Древности Приднепровья, вып. II, табл. 7, № 215.

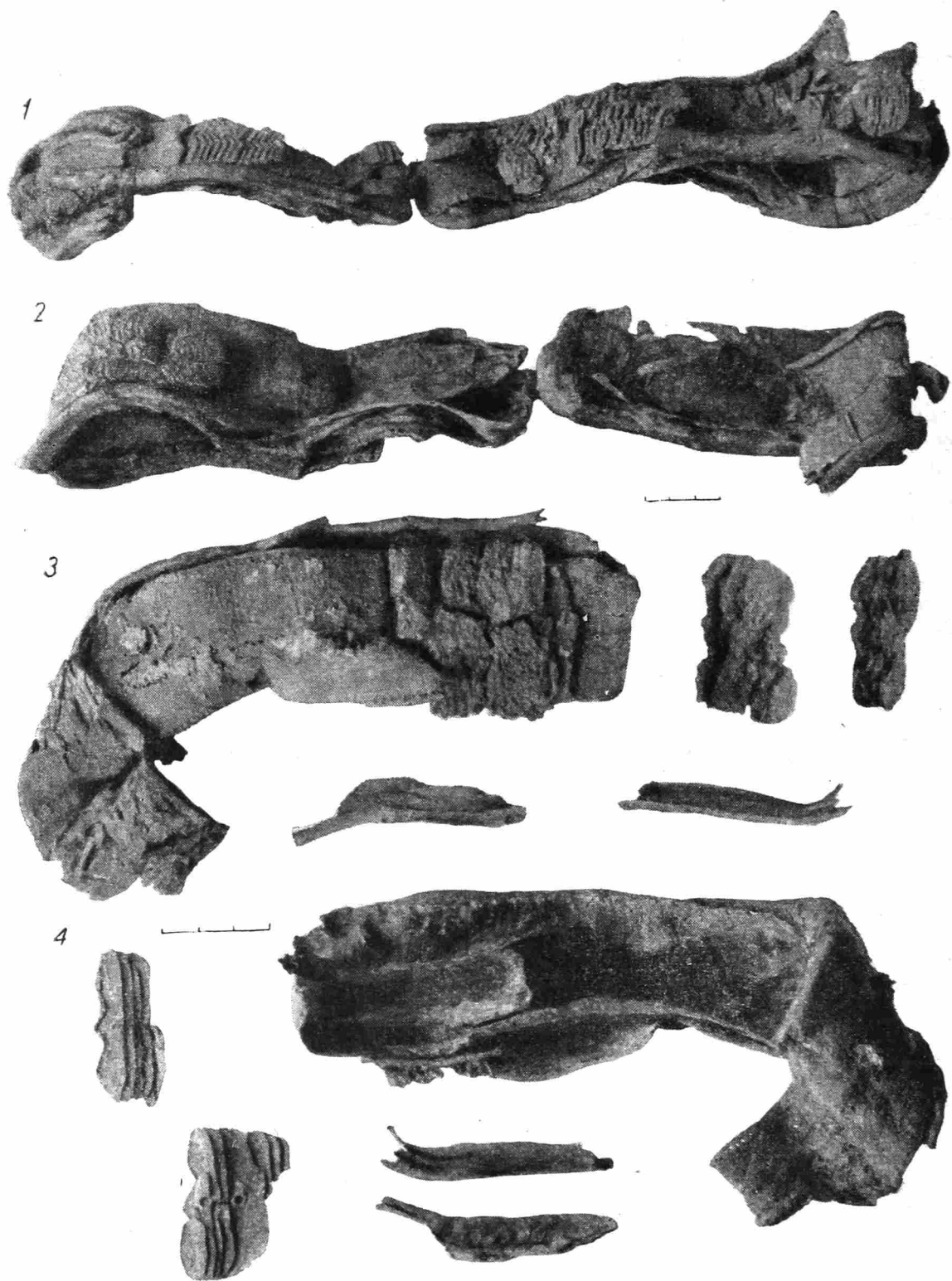

Рис. 5. Пояс из бронзовых зубчатых пластинок, нашитых на кожу, из кургана близ с. Гришенцы, Каневского района, Киевской обл.

1 — лицевая сторона пояса; 2 — обратная сторона пояса; 3 — детали пояса: кожаный ремень с тремя рядами отверстий в местах прикрепления пластинок к коже; вид пластинок с лицевой стороны; обрамляющий край узкий ремень — вид внутренней стороны; 4 — детали пояса: бронзовые пластинки и трехслойная кожаная основа пояса — вид с обратной стороны; обрамляющий пояс по краю узкий ремень — вид снаружи.

Пояса были найдены в ряде курганов скифского периода. Разумеется, список их не исчерпан настоящей заметкой. Большая часть поясов, находящаяся в собрании Государственного Эрмитажа, перечислена на прилагаемой таблице, где указаны данные об их материале и размерах.

Незначительная толщина металлических пластинок в целях придания поясу минимального веса, а также непрочность кожаной основы являются причиной плохой сохранности дошедших до нас поясов.

Все же, как видно из таблицы, в Чертомлыцком кургане сохранились остатки четырех или пяти поясов: бронзового и одного или двух железных — в главном погребении (1/451 и 1/452) и двух бронзовых у обоих скелетов (оруженосца и слуги) в юго-западной камере. Бронзовый пояс был найден у главного скелета в боковом погребении кургана Солоха (пояс отнесен к комплексу Солохи лишь предположительно, данные о его про-

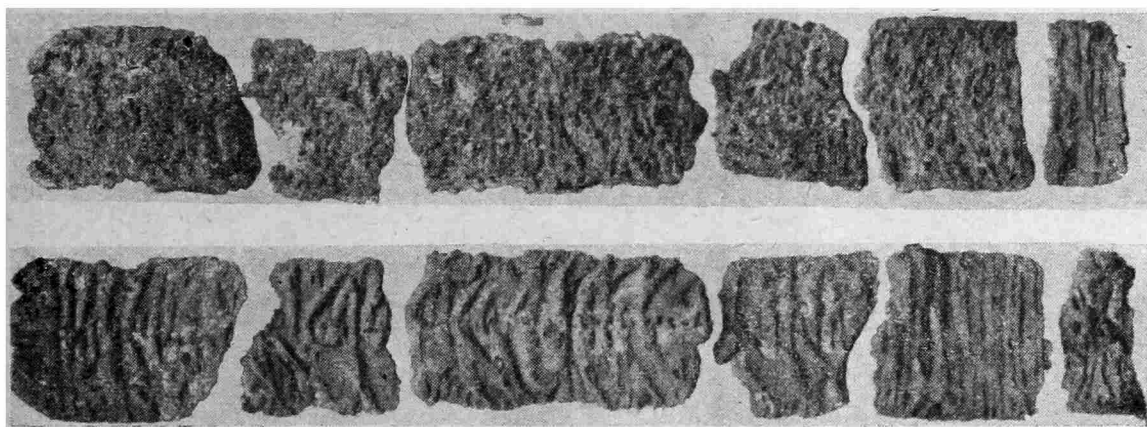

Рис. 6. Часть пояса с железными пластинками из кургана у ст. Елизаветинской, Краснодарского края.

Верхний ряд — лицевая сторона; слева на закругленном конце пояса виден кожаный валик, окаймляющий края пластинок; нижний ряд — обратная сторона; видны косые складки кожаной основы, образовавшиеся после стягивания пояса на фигуре.

исхождении петочны). Кроме того, бронзовые пояса были найдены в Цимбалке, кургане № 401 Журовки, первом Талаевском, Ильищевском, № 486 у Мокиевки.

Остатки таких же поясов были найдены Зноско-Боровским в упомянутом выше кургане № 63 Вобрицкого могильника у с. Берестяги Кашевского района,¹ при раскопках Хвойко в кургане № 1 урочища Галушино близ с. Пастырского, Чигирипского р-на;² в кургане № 1, раскопанном Хвойко близ Райгорода, Черкасского р-на,³ из раскопок Хвойко, без указания происхождения,⁴ и при хищнических раскопках одного из курганов группы Г у с. Журовки.⁵ В археологических отчетах поясам давались обычно самые различные определения. Часть их приведена в графе «примечания» на таблице.

Длина пояса неизвестна, хотя, например, у иберов она была точно установлена.⁶ Эрасистрат говорит, что «скифы имеют обыкновение... стягивать живот широкими поясами».⁷

¹ Э. Э. Ленц. Заметки о предметах вооружения из раскопок 1903 г. близ с. Журовки, Киевской губ. ИАК, вып. 14, стр. 67.

² Б. И. и В. И. Ханенко, ук. соч., вып. II, стр. 9, табл. 7, №№ 215 и 216.

³ Там же, вып. III, стр. 9 и 12, табл. 39, № 176.

⁴ Там же, табл. 39, № 175.

⁵ ИАК, вып. 14, стр. 27, рис. 68 («предмет в виде пояса»).

⁶ Scythica et Caucasica, I, стр. 865.

⁷ Scythica et Caucasica, I, стр. 875.

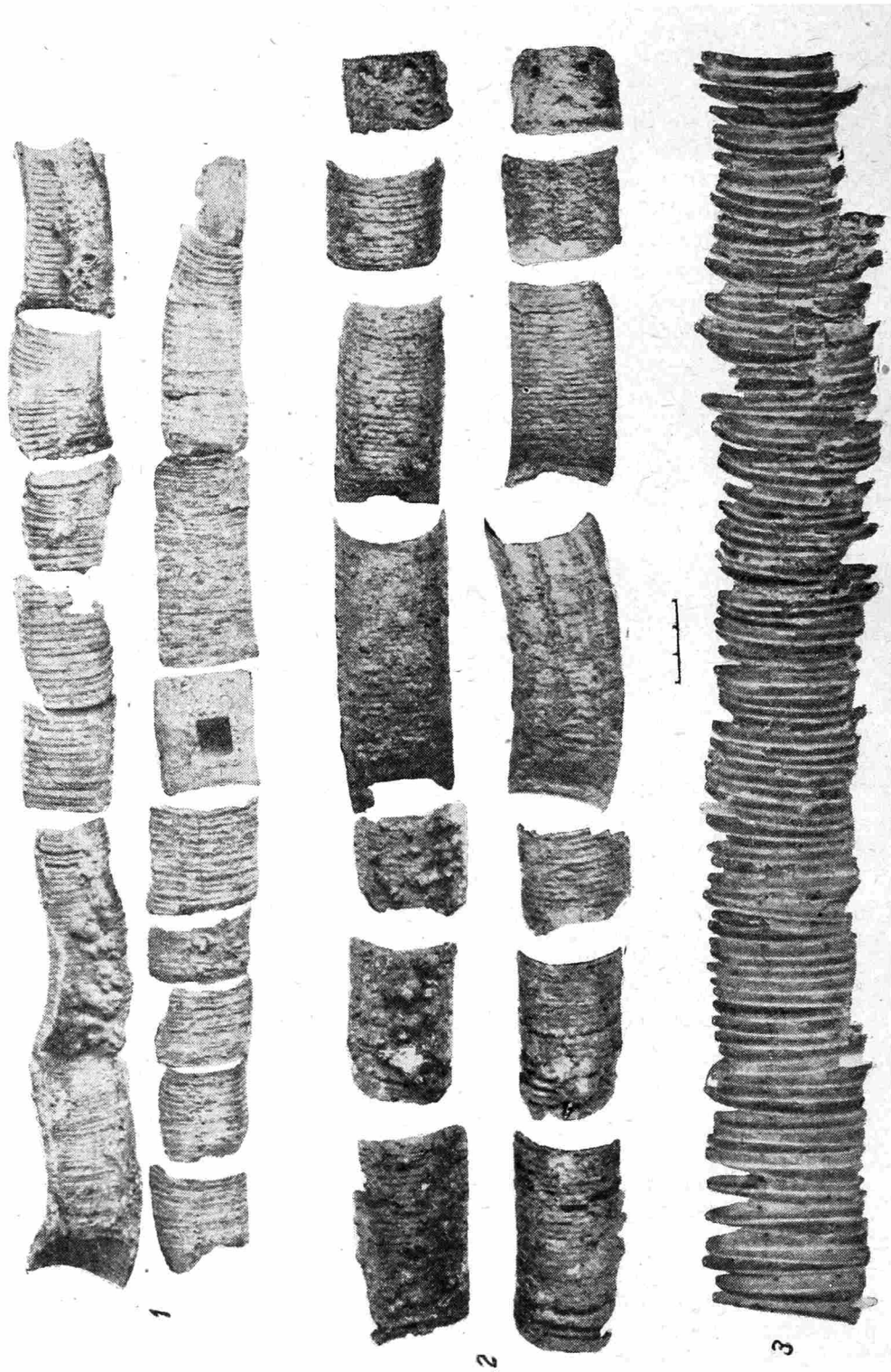

Рис. 7. Части поясов из Чертомлыцкого кургана и из Талаевского кургана в Симферопольском районе.
 1 — бронзовые пластинки пояса из юго-западной камеры Чертомлыцкого кургана; верхний ряд — часть пояса (вид с лицевой стороны), нижний ряд — другая часть того же пояса (вид с обратной стороны), в центре — пластинка с отверстием для продевания ремня с подвешенным предметом, на конце — пластинка для прикрепления завязок; 2 — железные пластинки части пояса из главного помещения Чертомлыцкого кургана; справа — пластинка для прикрепления завязок, верхний ряд — лицевая сторона, нижний ряд — обратная сторона; 3 — бронзовые пластинки пояса из Талаевского кургана в Симферопольском районе.

Ширина пояса выражена длиной составляющих его узких пластинок и колеблется от 37 мм (Ильищы) до 83 мм (Елизаветинская).

Наилучшую сохранность имеет пояс из раскопок Тарповского у с. Грипенцы (рис. 5, 1—4). В нем хорошо видно сложное устройство пояса, изготовление которого требовало длительного времени и кропотливого труда. На статуе Краснодарского музея чешуйки вогнутого пояса формой и разме-

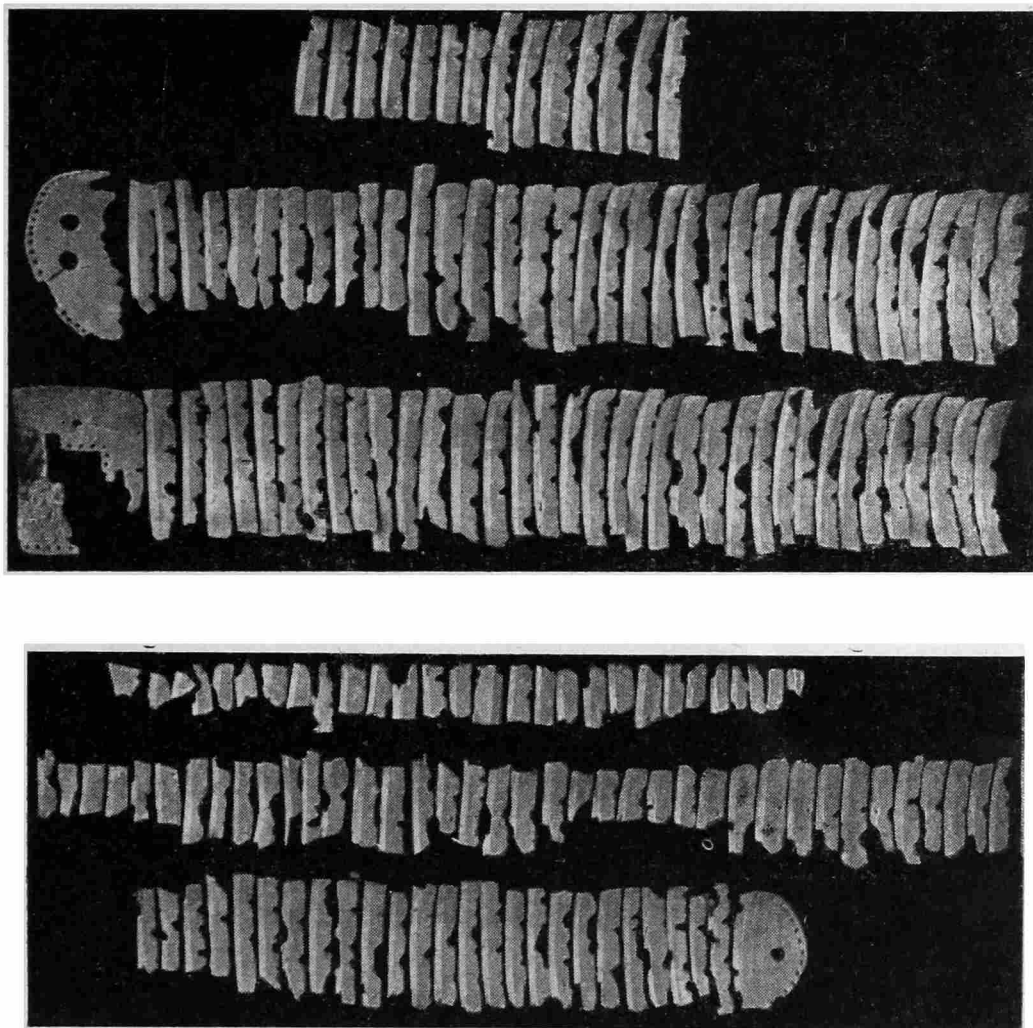

Рис. 8. Бронзовые пластинки — остатки двух (?) поясов из бокового погребения в кургане Солоха (?)

рами напоминают чешуйки пояса, происходящего, по видимому, из кургана Солоха, и пояса из ст. Елизаветинской.¹

Особый интерес представляет золотая пластинка из кургана Огу у с. Нижние Серогозы (рис. 10): длина ее 46 мм, ширина 6 мм, вес 1,45 г. Она имеет по одному отверстию на каждом конце и в двух местах средней части. Один продольный край ее слегка загнут, концы сужены. Словом, форма ее полностью совпадает с формой чешуек пояса первого Талаевского

¹ В каком именно кургане ст. Елизаветинской был найден пояс, не установлено с достоверностью: возможно, что под железным панцирем (чешуйчатым), который по сообщению отчета вместе с мечом лежал на каменной плите в южном кургане, следует подразумевать этот пояс.

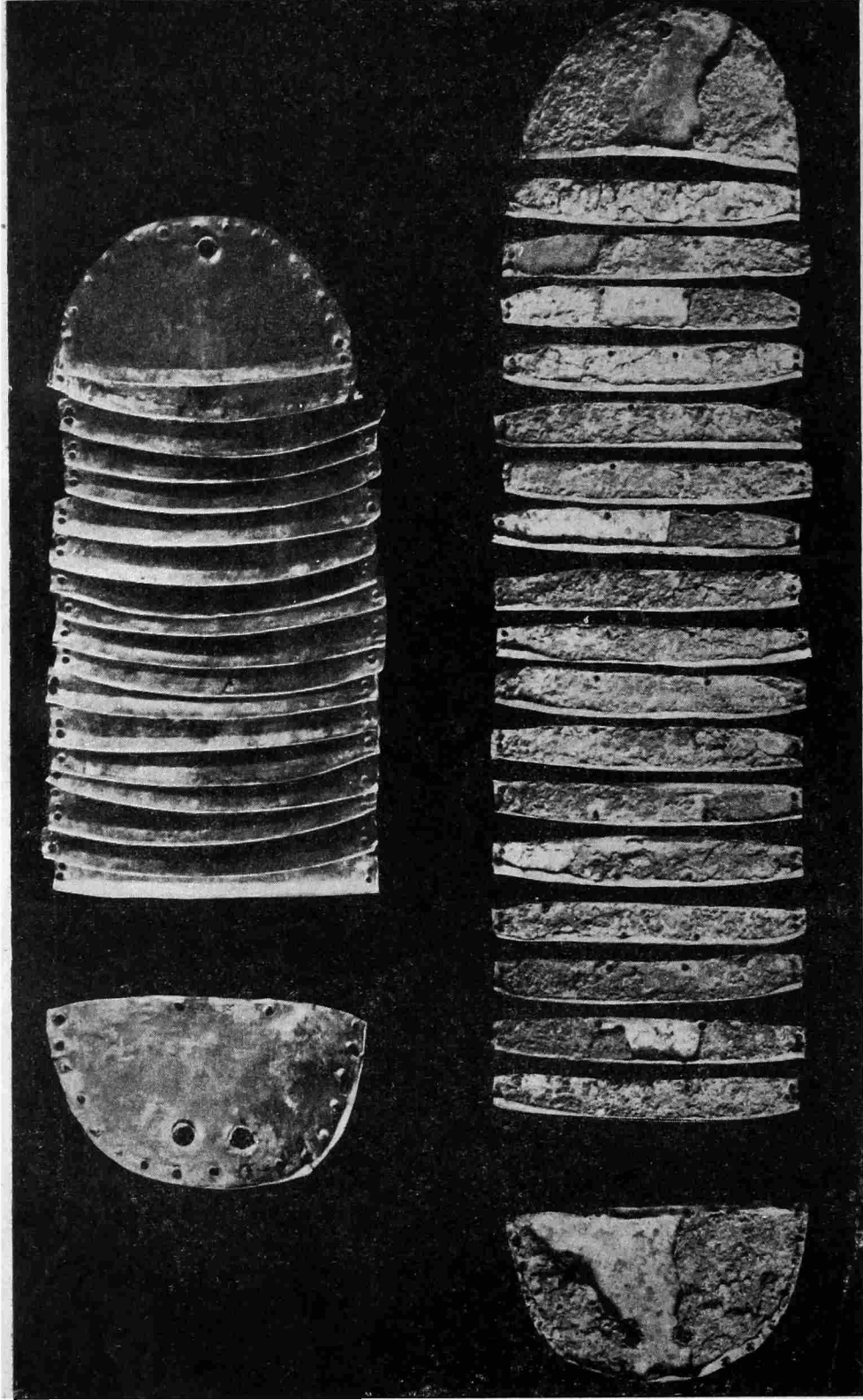

Рис. 9. Остатки пояса из склепа Куль-оба железные, покрытые с лицевой стороны золотом пластинки, две конечные полуовальной формы и 17 узких пластинок-чешуек.
Верхний ряд — лицевая сторона; нижний ряд — обратная сторона (железная основа пластинок местами выпала).

кургапа (рис. 7, 3). Следовательно, она является не чем иным, как одной из чешуек пояса, похищенного кладоискателями вместе с большинством других драгоценных предметов из центрального погребального помещения (курган в момент исследования оказался сильно разрушенным). Эта пластинка — единственное указание на существование золотых поясов у скифов.

В некоторых случаях пояса изготовлялись не из сплошного золота, а состояли из покрытых золотом чешуек менее ценного металла, например железа, как это имеет место и на папцырях Александропольского кургана,¹ второго Семибратнего кургапа и второго кургана группы Частых близ Ворожежа. Великолепный и единственный образец такого пояса из железных, покрытых золотом пластинок был найден в склепе Куль-оба.² Концы его также имеют форму полуовальных пластинок (рис. 9). Внутренняя вогнутая сторона их, как и узких пластинок-чешуек, покрыта золотым листом, который, огибая края железных пластинок, слегка заходит на их обратную сторону. Сохранилось всего 17 узких пластинок и две широких — конечных пластинки. В середине каждой узкой пластинки два мелких отверстия и по два таких же отверстия на концах: на конечных пластинках частые мелкие отверстия по краю и крупные в середине, очевидно, для прикрепления завязок.

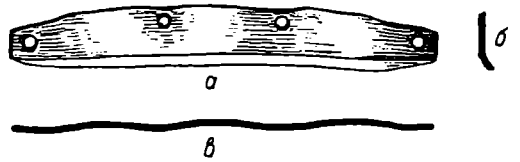

Рис. 10. Золотая пластинка пояса из кургана Огуз у с. Нижние Сергозы. а — наружный вид; б — поперечный разрез; в — вертикальный разрез.

Устройство пояса из склепа Куль-оба соответствует изображениям на электровом сосуде отсюда же; наиболее детально изображены пояса у фигуры скифа, перевязывающего ногу (рис. 2) и «выдергивающего зуб» (рис. 1). В полном соответствии с ними находятся пояс из 401-го кургана Журовки, 1-го Галуцина и 63-го Берестняг (ссылки см. выше). Такой же пояс изображен на фигуре всадника на гребне Солохи (рис. 3).

Единственный пример серебряного пояса в скифском погребении — пояс из раскопок Люценко в Александропольском кургане,³ остатки которого, разбросанные кладоискателями, были найдены в центральном помещении в грабительском ходе (расстояние между концами изогнутых узких пластинок 35—36 мм, ширина каждой пластинки около 6 мм). Сохранилось два фрагмента пояса, из них один состоит из 4, другой из 5 пластинок. Как мы видим, наличие в погребении меча и горита со стрелами предполагает существование и пояса. Отсутствие его, например, в кургане № 400 Журовки или № 401 Мокиевки объясняется лишь фрагментарностью дошедшего до нас инвентаря этих погребений.

Может броситься в глаза преобладание поясов в Приднепровском районе и почти полное отсутствие их на Кубани; но, во-первых, это может объясняться большим территориальным охватом материала Приднепровья, во-вторых, статуя музея Краснодара и пояс станицы Елизаветинской свидетельствуют о распространении поясов и на Кубани. Таким образом можно утверждать, что на всем Северном Причерноморье пояса имели в равной мере широкое применение. Правда, период, который охватывают содержащие пояса комплексы, сравнительно небольшой: хронологическими рамками бытования поясов служит, с одной стороны, курган № 401 у Журовки, с другой — курган Александрополь, что дает время с середины V в. по III в. до н. э.

¹ ДГС, Атлас, табл. XI, 3.

² ДБК, табл. 28, 9, определяется как «наконечники поножей, у которых верхняя часть железная, а нижняя — золотая» (там же, стр. 198).

³ ДГС, Атлас, табл. X, 37.

ПОЯСА ИЗ СОБРАНИЯ ГОС. ЭРМИТАЖА

№№ по порядку	Происхождение	Инв. №	Материал	Количество пластинок или общая длина пояса	Узкие пластинки		Конечные пластинки		Примечание
					дл. мм	шир. мм	дл. мм	шир. мм	
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
1	Ильинцы-Париевка, Липовецкого р-на, Киевской обл., кург. № 493	Дн 1932 72/6	Бронза	Около 13 см	37	7	Не сохранились		Печенкин. Журнал раскопок Брандербурга, стр. 140—141: «род короткого пояса»
2	Мокиевка, Черкасского р-на, Киевской обл., кург. № 486	Дн 1932 58/9	Железо	Остатки	53	9—10	Не сохранились		Там же, стр. 131: «немного остатков железного пластинчатого панцыря»
3	Гришенцы, Каневского р-на, Киевской обл.	Дн 1932 98/9	Бронза	Около 90 см	53	5—8	Не сохранились		Рис. 5
4	Журовка, Чигиринского р-на, Киевской обл., кург. № 401	Дн 1903 4/74		Множество отдельных пластинок	45	6	Не сохранились		ИАК, вып. 14, стр. 18: «может быть украшение колчана»
5	Чертомлыцкий курган, Никопольск. р-на, Днепропетровской обл.	Дн 1863 1/151	»	То же	52	5—6	Не сохранились		Рис. 7, 1, ДГС, стр. 106, Атлас, табл. 40, 24: «бронзовый набор пояса»
6	То же	Дн 1863 1/163	»		54	5—6	Не сохранились	34; с двумя отверстиями	Там же, стр. 106: «бронзовый набор»
7	Чертомлыцкий курган, Никопольск. р-на, Днепропетровской обл.	Дн 1863 1/452	Железо	Около 120 см (м. б. 2 пояса?)	60	6	56	30, с двумя отверстиями	Рис. 7, 2 (часть пояса) ДГС, стр. 112: «пластинки с поясного набора»
8	То же	Дн 1863 1/451	Бронза	Около 100 см	49	5—7	Не сохранились	32, с двумя отверстиями	

(Продолжение)

№№ по порядку	Происхождение	Инв. №	Материал	Количество пластинок или общая длина пояса	Узкие пластинки		Конечные пластинки		Примечание
					дл. мм	шир. мм	дл. мм	шир. мм	
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
9	Солоха, Мелитопольского р-на, Днепропетровской обл.	Ку 1914 1/171, 1/59; 1915 1/81	Бронза	Множество отдельных пластинок	83	9—14	59	31, с одним отверстием; 38, с двумя отверстиями	Рис. 8.
10	Цимбалка, Мелитопольского р-на, Днепропетровской обл.	Дн 1868 1/80		То же	Около 50	6—7	Не сохранились	С двумя отверстиями	ОАК, 1868, стр. XVI: «обломки бронзовых пластинок пояса»
11	Огуз, Мелитопольского р-на, Днепропетровской обл.	Дн 1902 1/184	Золото	Одна узкая пластинка	46	6	Не сохранились		Рис. 10. ОАК, 1902, стр. 64—65
12	Талаевский курган, Симферопольского р-на	Кр 1891 1/11	Бронза	Множество отдельных пластинок	74	7	Не сохранились		Рис. 63. ОАК, 1891, стр. 78: «пояс»
13	Ст. Елизаветинская, Краснодарск. края, Южный курган?	Ку 1913 1/7	Железо	Около 70 см	83	10	83	Около 30	Рис. 6. ОАК, 1913—1915, стр. 151: «Железный панцырь (чешуйчатый) на каменной плите»
14	Куль-оба. Керчь.		Железо, покрытое золотом	17 узких и широких пластинок; общая длина 20 см	75	7	73	44	Рис. 9. ДБК, стр. 198, табл. 28, 9: «наконечники поножей, верхняя часть железная, нижняя золотая»
15	Ст. Елисаветовская, Ростовск. обл. кург. № 4	ТЕ 1910 раск. № 67 468	Бронза	Около 35 см	55 мм	10 мм	Не сохранились		Не издан

A. MANCEVIČ

SUR LES CEINTURES SCYTHIQUES

R é s u m é

Les sources littéraires anciennes signalent le rôle particulier de la ceinture chez les Scythes: elle est un attribut du pouvoir chez le fils d'Héraclès appelé le Scythe; le port de la ceinture avec l'épée était un des traits distinctifs des Scythes; la ceinture, comme la cuirasse, servait à la défense; elle faisait partie du costume tant masculin que féminin.

Le caractère magique attribué à la ceinture par les peuples de la Transcaucasie contemporains des Scythes s'accorde avec le rôle qu'elle jouait chez ces derniers.

La ceinture était une des pièces les plus importantes de l'équipement guerrier des Scythes: ils y suspendaient l'épée dans son fourreau, le gorythe avec l'arc et les flèches, la coupe et la pierre à aiguiser.

Le matériel archéologique n'a conservé que des restes minimes de ceintures scythiques. Elles sont confectionnées de trois couches de cuir sur lequel sont cousues de minces et étroites lamelles métalliques imbriquées les unes sur les autres qui donnent à la ceinture la solidité, la souplesse et la légèreté nécessaires. Des monuments d'art, tant grecs que scythiques, par exemple le vase en electrum de Koul-Oba, le peigne de Solokha et la statue monumentale en pierre de Krasnodar, illustrent cette structure de la ceinture scythique.

Les écailles qui recouvraient la ceinture étaient ordinairement de fer ou de bronze, mais on a des exemples de ceintures recouvertes d'or — lamelle d'or unique trouvée dans le tumulus d'Ogouz et d'argent — neuf lamelles provenant du tumulus d'Alexandropol. Les restes de ceinture découverts dans le caveau de Koul-Oba étaient garnis de lamelles de fer couvertes d'or sur le côté extérieur.

Bien que le matériel qu'on possède provienne principalement de la région du Dniepr, l'usage de la ceinture était répandu dans toute la partie nord de la région de la mer Noire, dans le Caucase du Nord et en Crimée, ce qui est confirmé par les représentations de ceintures sur le vase de Koul-Oba et la statue de Krasnodar et par les trouvailles de ceintures au village d'Elisavétinskaïa et dans le tumulus de Talaév.

L'âge des complexes archéologiques qui renferment les ceintures atteste que l'existence de la ceinture a duré depuis la moitié du Ve siècle jusqu'au IIIe siècle avant notre ère.

Ю. Ю. МАРТИ

ПОЗДНЕ-ЭЛЛИНИСТИЧЕСКИЕ НАДГРОБИЯ БОСПОРА КАК ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНЫЙ ДОКУМЕНТ

Велико культурное наследие Боспорского государства, испытавшего на себе могучее влияние древней культуры Ионии, затем блестящей культуры Афин и, наконец, в эпоху эллинизма влияние таких крупнейших центров малоазийской культуры, как Сипопа, Амастрия. Теснейшая связь Боспора со скифским миром также не могла не оказать огромного воздействия на боспорскую культуру. Взаимодействие этих двух культур — эллинской и туземной — создало на Боспоре величайшие исторические памятники, имеющие мировое значение.

Подводя итоги тем крупным вкладам, которые внес в общечеловеческую сокровищницу культуры Боспор, необходимо прежде всего отметить достижения боспорских мастеров в области торевтики и ювелирного искусства. Высокохудожественные изделия их, найденные в Куль-обе, Солохе, Чертомлыке и других курганах, навсегда останутся превосходнейшими образцами эллинского искусства.

Далее, в области боспорской архитектуры выделяются, как первоклассные памятники, величавые, монументальные курганы Боспора с их уступчатыми сводами дромосов и погребальных камер то в виде параллелепипедов, то в виде пирамид или конусов. Не менее замечательны расписные боспорские склепы, роспись которых отражает быт и верования боспорцев и соседних туземных народностей, вошедших в состав обширного Боспорского государства.

Таковы выдающиеся памятники Боспора, пользующиеся мировой известностью. Но это не все. Заслуживают также безусловно глубокого внимания превосходные надгробные стелы Боспора, художественно и реально отображающие быт боспорян в поздне-эллинистическую эпоху. Ни в Ольвии, ни в Херсонесе мы не видим такого богатого расцвета скульптурных рельефов, такого разнообразия сюжетов, как в надгробиях, созданных в боспорских мастерских, под руководством афинских и малоазийских художников и расцвеченных яркими красками — голубой, розовой, лиловой, желтой, коричневой.

Если высшей знати Боспора, окружавшей царский двор, были доступны мраморные саркофаги, мраморные статуи и мраморные привозные стелы, то среднее по своей зажиточности торговое население Боспора предъявляло спрос прежде всего на простые надгробные стелы из местного известняка, с высеченным на них именем умершего и его изображением в кругу семьи с чадами и домочадцами.

Но освоение местного камня для скульптурных целей подвигалось весьма медленно: только постепенно, шаг за шагом, художники и мастера осваивали богатую разностороннюю область скульптуры, используя прекрасный местный камень.

Сначала в местных надгробиях преобладал элемент архитектурный, потом растительная орнаментика; но замечателен неоспоримый факт, что на боспорских надгробиях с V по III в. до н. э. мы почти не видим человека, его жизни, его быта. Исключения единичны: к ним принадлежит, например, изображение девочки с птичкой и виноградной кистью,

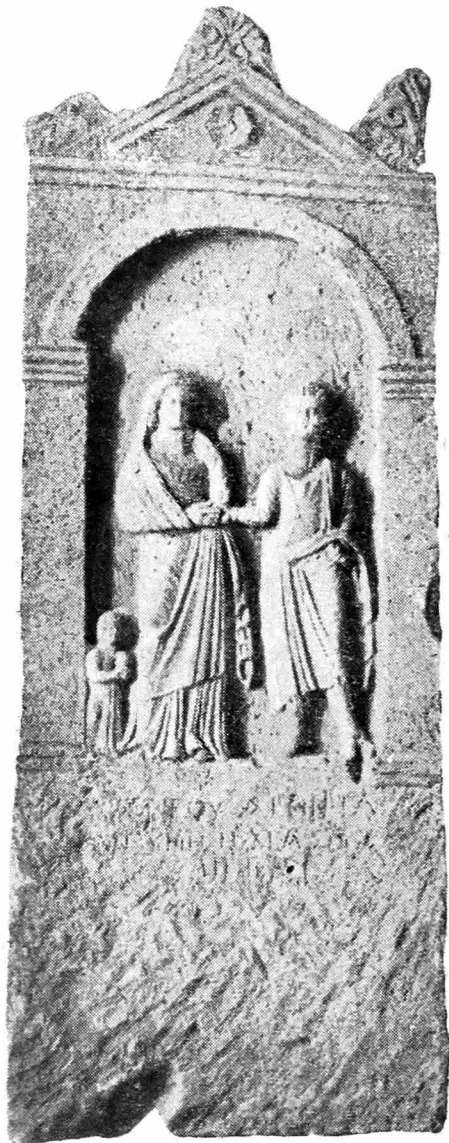

Рис. 1. Надгробие Маста, сына Ареифила, и жены его Элиады.

Рис. 2. Надгробие Маста, сына Аноптения, и матери Масатида.

(№ 285 KW); надгробная статуя Аристофана (№ 738 KW), а также расписная стела Апфы, жены Афиней¹ (№ 284 KW). Таким образом в более раннее время преобладали надгробия простейшего типа, без человеческих фигур, с архитектурными украшениями в виде карниза, фронтона, кровли. В IV в. до

¹ Kieseritzky-Watzinger. Griechische Grabreliefs aus Südrussland. Berlin, 1909. Все дальнейшие ссылки на номера в сопровождении сокращенного обозначения KW будут относиться к этой же публикации Кизерицкого-Вадингера.

н. э. появляются изящные мраморные надгробия из Аттики с пышными анфемиями в виде пальмет на волютах, но образ человека, его быт попрежнему отсутствуют.

Надгробия с изображением человека во всем разнообразии его облика, как мирного гражданина, как воина, как семьянина, появляются на Боспоре значительно позже, с запозданием на целое столетие.

Зарождение нового стиля надгробий происходит в III в. до н. э. и достигает наибольшего расцвета во II в. до н. э. Именно в это время на Боспоре получают распространение художественные надгробия, рельефы которых впервые реально и правдиво воссоздают повседневную жизнь боспорянина во всем ее разнообразии.

Чем объяснить такое запоздалое появление художественного рельефа с изображением человека? Экономические условия, несомненно, благоприятствовали расцвету искусства на Боспоре и, в частности, расцвету надгробной стелы в более раннее время. К IV в. до н. э. относятся высокохудожественные анфемии с пальметами и волютами, сначала мраморные аттические привозные, потом неплохие имитации из местного камня. Афинские мастера, по всем данным, играли крупную роль на Боспоре и могли бы создать рельефы с бытовыми сценами. Тем не менее, надгробий, отражающих быт боспорянина в IV в. до н. э., почти не имеется. Мы видим в данном случае, что развитие надстроек хотя и зависит полностью от экономического и социального развития, но не вполне совпадает с ним по времени. В этой связи уместно вспомнить следующее указание К. Маркса: «Относительно искусства известно, что определенные периоды его расцвета не находятся ни в каком соответствии с общим развитием общества, а следовательно также и развитием материальной основы последнего, составляющей как бы скелет его организации».¹ И еще в другом месте Маркс говорит: «Способ производства материальной жизни обуславливает социальный, политический и духовный процесс жизни вообще. С изменением экономической основы более или менее быстро происходит переворот во всей громадной надстройке».²

Несомненно на Боспоре в IV в. до н. э. произошли большие сдвиги в области его экономики, что повлекло за собой, надо полагать, значительные изменения и в социальной структуре общества. Это новое более демократическое рабовладельческое общество не довольствовалось старым традиционным типом стел, оно предъявило спрос на стелу иного характера, более ему понятную и доступную.

Однако художественная стела с бытовым рельефом развивается на Боспоре не в IV в. до н. э., а с некоторым запозданием — в III в., расцвет же ее приходится на II—I в. до н. э.

Рис. 3. Надгробие Гликариона и Полисфена.

¹ К. М а р к с. К критике политической экономии. Партиздат ЦК ВКП(б), 1935, стр. 32.

² Там же, стр. 38—39.

Известную роль в запоздании появления на Боспоре художественного рельефа сыграли и свойства керченского известняка: для изваяния человеческих фигур, в особенности детальной отделки лица, волос необходим твердый мелкозернистый камень, лучшей породы, близко подходящий к мрамору. Его надо было найти, изучить и освоить.

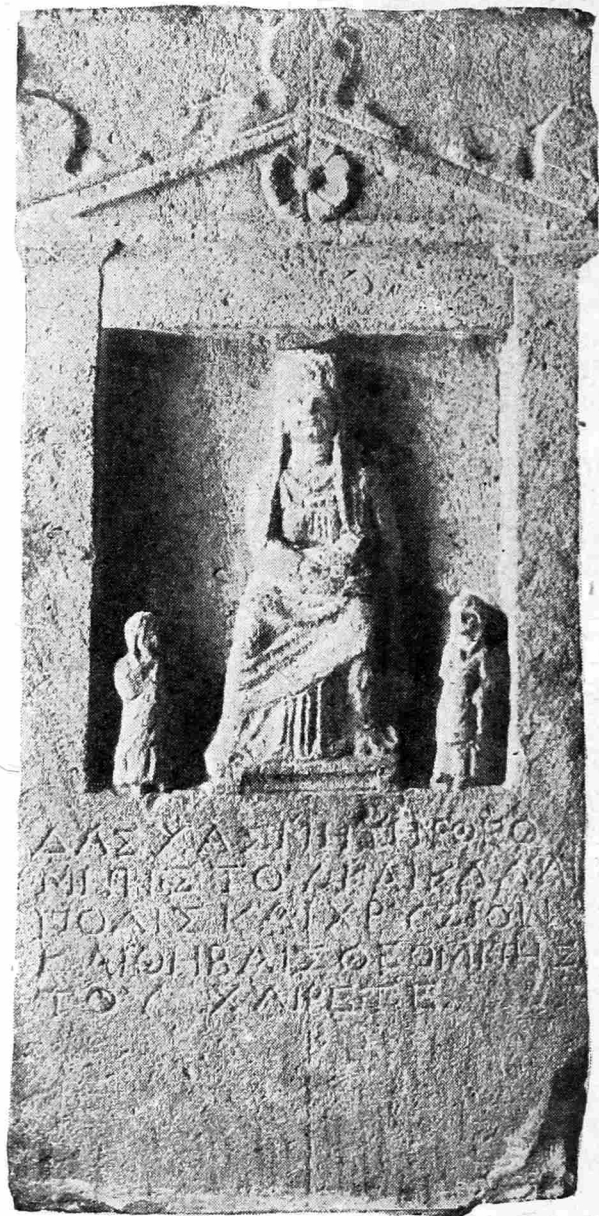

Рис. 4. Надгробие Дасхи и ее трех внушек.

увенчанным акротериями. Надписи надгробий высечены очень аккуратно и характерны своим мелким шрифтом.

Несмотря на разнообразие типов надгробий этого периода, все они имеют много общего в смысле художественного стиля. Все эти разновидности стел, — и стелы с гладкими акротериями, и с пальметами, и с арочными нишами, — эволюционируя, дают наилучшие художественные образцы во II в. до н. э. Одним из приемов художественного оформления этих стел являлось применение яркой полихромии, следы которой не всегда сохранились.

Первые такого рода надгробные стелы отличаются сравнительно небольшими размерами (до 1 м), несложными сюжетами, немногочисленными фигурами. Необходимо отметить еще одну особенность ранних стел III—II вв. до н. э. с рельефами. В них, за немногими исключениями, мы видим изображения детских фигур, играющих позднее важную роль в надгробных стелах. Эти фигуры, безымянные, не отмечаемые в надгробных надписях, являлись изображением прислужников и прислужниц.

Рассмотрим основные особенности надгробных стел позднеэллинистического периода. Исполнение этих надгробий весьма тщательное. Скульпторами воспроизводились не только все детали женского и мужского костюмов, вплоть до пуговицы, на которую застегивается камзол мужчины, но особенно тонкой отделке подвергались лица фигур, их прически. Печать художественности и тщательности работы видна и в обработке ниш, а равным образом и заключенной внутри их плоскости, на фоне которой выделяются рельефные фигуры: поверхность ее хорошо выравнена и сглажена. Наконец, художественно просто и беспритязательно сделано архитектурное обрамление стел, большей частью в форме паиска-храмика с фронтоном,

Рис. 6. Надгробие Ареты, жены Каллигена.

Рис. 5. Надгробие Феофилы, дочери Марка.

Полихромными были, например, следующие стелы: стела Гликариона и Полисфена (№ 550 KW): волны — синего цвета, корабль — красного; сидящие в судне — в синих хламидах. Буквы эпитафии, кроме последних 10 букв, расцвечены красной краской. Полихромную имела также стела сыновей Анхиала — Никия и Анхиала (№ 542 KW). Фон пиши, на котором выделяются фигуры Никия и Анхиала, голубой, на волосах сохранились следы темной краски. Буквы стихотворной эпитафии также расцвечены, причем гекзаметры окрашены розовой краской, а пентаметры — синей. Полихромной является и стела Перигена, сына Асклепиада (№ 559 KW). Поверхность пиши — голубая, лошадь — коричневая, плащ — розовый, колчан — желтый. Полихромия надгробных стел, повидимому, была широко распространена, но от времени большая часть стел свою раскраску утратила.

При рассмотрении надгробных стел более раннего периода (III—II вв. до н. э.), не следует упускать из виду, что надгробия эти ремесленной работы и представляют продукцию разных мастерских. Не все стелы одинаково художественны. Часть стел, кроме того, благодаря хрупкости и мягкости камня, в настоящее время уже утратила четкость формы и свой первоначальный художественный облик.

Демонстрируем только наиболее выдающиеся и характерные для этого периода стелы.

На первое место придется поставить ряд стел сравнительно небольших размеров, тонкой художественной отделки, с изображением семейных групп.

1. Надгробие Гедони, матери Феагена и Маста (№ 335 KW). Тщательно сработаны художником кудрявые волосы Маста, небольшая борода его. Опоясанный камзол оторочен мехом. На спине плащ. У Гедони на голове калаф, одета она в хитон и гиматий, покрывающий голову.

2. Надгробие супружеской четы Саббиона и Хресты (№ 371 KW). Юный Саббион с коротко остриженной бородой, в такой же одежде, как и Мاست (№ 335 KW). Возле Хресты изображение девочки, повидимому, сохранившееся от прежнего рельефа III в. до н. э. Сохранилась частично и старая надпись.

3. Надгробие (рис. 1) Маста, сына Ареифила, и жены его Элиады (издается впервые). Обращают на себя внимание тонкая отделка волос Маста и красиво обрамляющие лицо Элиады пряди волос; также тщательная отделка костюмов с красивыми складками.

4. Надгробие (рис. 2) Маста, сына Аноптения, и матери Масатиды. Тщательная хорошая работа. К сожалению, лица обеих фигур повреждены. Публикуется впервые.

5. Надгробие (рис. 3) с изображением судна (№ 550 KW). На судне друг против друга сидят Гликарион и Полисфен. Стела была раскрашена. (Изображение корабля ср.: ИАК, вып. 49, стр. 71).

6. Надгробие (рис. 4) старушки Дасхи и ее трех внучек: Каллиполии, Хрисни, Фиваиды (№ 217 KW). Художник мастерски изобразил идиллическую картину: бабушку с ее тремя внучками.

7. Надгробие (рис. 5). Феофилы, дочери Марка (№ 219 KW, Британский музей). Высокохудожественное изображение Феофилы в семейной обстановке. Феофила и другая женщина в траурных позах, Феофила держит в руке круглое зеркало; одна девочка играет с птичкой, другая держит в руке круглый сосуд.

8. Надгробие (рис. 6) Ареты, жены Каллигена (№ 294 KW). Художник прекрасно изобразил полую достоинства скромную фигуру Ареты в задумчивой позе.

9. Надгробие Фаши (№ 449 KW) III в. до н. э. — воин, одетый в опоясанный камзол, размахивает мечом.

Рис. Надгробие Менофила, сына Дамаста.

Рис. 8. Надгробие Фарнакиона, сына Фарнака.

10. Надгробие Стафила, сына Главкия (№ 450 KW). Изображен воин, одетый в рубаху, поверх которой камзол, застегнутый на груди; вооружение воина состоит из небольшого копья, большого овального щита, лука за плечами и цилиндрического колчана (не скифского).

11. Надгробие (рис. 7) Менофила, сына Дамаста (№ 593 KW). Изображен возмужалый воин верхом на коне, выступающем шагом вправо, позади его пеший дружинник в шлеме, с копьем в правой руке.

12. Надгробие (рис. 8) Фарнакиона, сына Фарнака (№ 587 KW). Изображение всадника на коне, направляющемся вправо, позади лошади дружинник с копьем.

Рис. 9. Обломок надгробия Хрестиона, сына Стратоника.

13. Обломок надгробия (рис. 9) Хрестиона, сына Стратоника (№ 585 KW). Изображен был всадник, шагом едущий вправо; под жеребцом собака.

Таковы лучшие надгробия III—II вв. до н. э. Это подлинно новый расцвет боспорского надгробного рельефа, замечательного своим художественным исполнением и глубоким реализмом.

Перечисленные выше боспорские надгробные рельефы являются памятниками, художественно отражающими до мельчайших деталей быт своей эпохи.

Хотя экономическая мощь Боспора в III—II вв. до н. э. начинает ослабевать, но общее благосостояние еще держится на высоком уровне. В связи с этим вполне понятно то идиллическое спокойствие, которым веет от бытовых сцен на надгробиях (надгробие Дасхи и надгробие Феофилы; надгробие Хрестиона с изображением собаки).

Переходим к другой группе надгробий II в. до н. э. Надгробия эти более крупных размеров, более громоздки, но стиль их выполнения, форма обрамления остаются те же. К этой группе относятся следующие памятники.

1. Надгробие Пайрисала и его супруги Аминии (Из истории Боспора. ИГАИМК, 104, № 11, 1935, стр. 74).

2. Надгробие (рис. 10) Астрагала в пилосе, принимающего от мальчика-прислужника виноградную кисть. Мальчик держит в левой руке корзинку цилиндрической формы (№ 500 KW).

3. Надгробие Саббиона, сына Стефана, со свитком рукописи в руке; под рельефным изображением стихотворная эпитафия (№ 523 KW; местонахождение этой надгробной стелы неизвестно).

4. Надгробие Александрии и Аполлония (ИАК, вып. 49, стр. 65, № 3).

5. Надгробие Ники и ее дочерей (ИАК, вып. 40, стр. 98, № 8).

6. Надгробие Афинокла, Тимофея и Евклии (Из истории Боспора. ИГАИМК, вып. 104, стр. 75).

7. Надгробие Саббиона и Александра, сыновей Стефана, в маленьких нишах искусно размещены мальчики-прислужники.

Переходим к надгробиям I в. до н. э.

I в. до н. э. полон тревоги, в противоположность III—II вв. Препятого благосостояния и спокойствия уже нет; нет и надгробий с идиллическими сюжетами. На Боспоре тревожное положение. Вслед за революцией рабов в конце II в. до н. э. и ее подавлением митридатскими войсками, Боспор входит в состав Понтийского царства. Начинается длительная война Митридата с Римом, далее идет борьба за престол Ахеменидов между ставленниками Рима и местными претендентами. События эти не могли не отразиться на торговле и благосостоянии населения Боспора. Как верно отмечает С. А. Жебелев, «тяжелое экономическое положение Боспора в описываемое время находит отражение в археологических памятниках».¹

Меняется не только самый способ захоронения: вместо труположения население прибегает к более дешевому трупосожжению, но меняются и сюжеты надгробных рельефов.

На них нет уже выражения прежнего спокойного благодушного настроения и чувства довольства. Из сюжетов выдвигается на первый план всадник на скачущей лошади. Таков рельеф (рис. 11) Садала, сына Садалова, гарцующего на лошади, вздымающейся на дыбы; рядом с ним пеший дружинник с копьём, переброшенным на левое плечо (№ 584 KW). Другой всадник Периген мчится карьером на своем копе (№ 559 KW).

Рис. 10. Надгробие Астрагала.

¹ С. А. Жебелев. Основные линии экономического развития Боспорского государства. ИОН, 1934, № 9, стр. 673.

Вот еще два воина перед нами. Это Хрестион в кавалерийском плаще, с кинжалом, закрепленным к ноге, подает руку сидящей перед ним в траурной позе женщине (№ 226 KW). Особенно хороша группа воина Коллиона, облокотившегося на овальный щит, и его сестры Каллисфении, сидящей перед ним в глубокой печали (рис. 12). Группа проникнута элегическим

Рис. 11. Надгробие Садала, сына Садалова.

настроением (№ 249). Далее отметим надгробный рельеф (рис. 13) Агафа, его жены и двух сыновей (№ 422 KW), а также рельеф (рис. 14) трагически погибших Никня и Анхиала (№ 542 KW).

Эти надгробные стелы стоят на высоте художественных требований времени. Интересны сюжеты и настроения, которыми проникнуты надгробные изображения. И в этих надгробиях мы видим еще тщательную отделку деталей рельефа, законченность работы, художественную композицию фигур, правильное художественное обрамление.

Такова вкратце характеристика кратковременного расцвета надгробных стел на Боспоре. Эти лучшие стелы, несмотря на ремесленную работу, заслуживают полного внимания археологов и историков искусства.

Рис. 12. Надгробие воина Коллиона и его сестры Каллисфени.

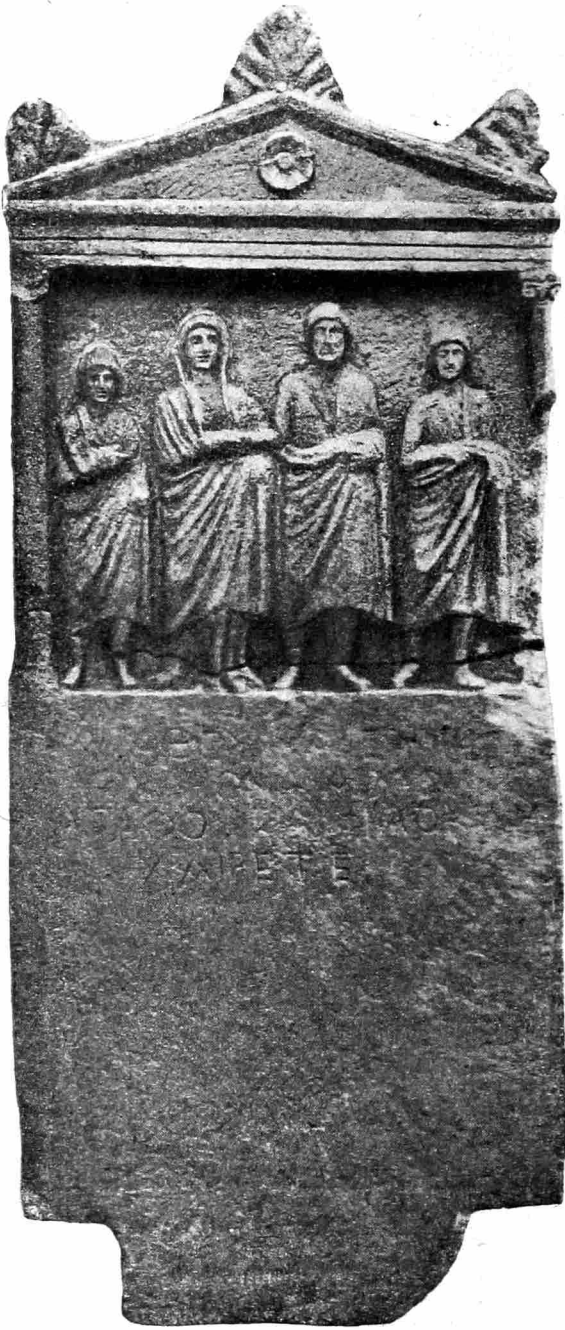

Рис. 13. Надгробие Агафа, его жены и двух сыновей.

Рис. 14. Надгробие Никия и Анхиала.

«После периода опустошительных войн в I в. до н. э. при императоре Августе материальное благосостояние начинает возрождаться.

Можно сказать, что погребения I в. н. э. свидетельствуют о значительном достатке населения Пантикапея. Погребения II в. н. э. отличаются уже значительно меньшим богатством, а в III в. богатые погребения насчитываются только единицами».¹

Такова картина постепенного оскудения и обеднения населения Боспора. Естественно, что боспорские надгробия, в связи с общим экономическим упадком на Боспоре, не могли остаться на прежней высоте. Лучшие надгробия римского времени относятся к первой половине I в. н. э. Традиционная техника, выработанная поколениями мастеров-скульпторов, еще продолжает некоторое время свое существование, но недолго. Чем ближе ко второй половине I в. н. э., тем быстрее падает искусство боспорских скульпторов. Отделка фигур становится небрежной, фигуры теряют свою жизненность и становятся схематичными, графаретными. Техника надгробных рельефов падает. Одновременно быстро деградирует архитектурное и орнаментальное оформление надгробий. Акротерии приобретают форму волнообразного орнамента. Средний акротерий упраздняется вовсе (№ 427 KW и № 572 KW). Обтечка ниш, на фоне которых выделяются фигуры, производится небрежно. Уже в начале II в. н. э. искусство надгробных рельефов явно хиреет и замирает. Датированные 130 г. стелы № 614 KW и № 272 KW, а также стела № 281 KW, датированная 116 г., подтверждают это самым наглядным образом.

В III в. н. э. надгробный рельеф исчезает. Надпись уже не вырезывается, а наносится на каменную плиту красной краской. Под конец остаются прямоугольная плита с простым карнизом и надписи крупного размера, написанные красной краской. Вот все, что осталось от прежней надгробной стелы с художественным полихромным рельефом.

Таким образом приходится констатировать, что бытовой надгробный рельеф Боспора, зародившийся в III в. до н. э., достиг наибольшего расцвета во II в. до н. э., получив к этому времени наиболее художественное развитие. Традиции этого художественного рельефа продолжают существовать и в I в. до н. э. Эти сравнительно немногочисленные надгробия ярко выделяются среди надгробий римского времени тщательностью отделки, а главное, жизненностью и разнообразием сюжетов, дающих богатейший бытовой материал для изучающего историю Боспора. В связи с этим, крайне желательно заново опубликовать возможно большее количество хороших воспроизведений с лучших художественных стел, как вошедших в сборник надгробных рельефов Кизерицкого-Вацингера, так и в последующие другие издания.

J. MARTI

LES STÈLES FUNÉRAIRES DE L'ÉPOQUE HELLÉNISTIQUE TARDIVE AU BOSPHORE COMME DOCUMENT D'HISTOIRE DE LA CULTURE

R é s u m é

Parmi les nombreux monuments de l'art du Bosphore, il convient de signaler, comme insuffisamment étudiés encore, les stèles funéraires à reliefs représentant d'une manière artistique et réaliste la vie des Bosphoriens à l'épo-

¹ С. А. Жебелев, ук. соч., стр. 677.

que hellénistique tardive. Semblable épanouissement de cette branche particulière de l'art ne se constate pas dans les colonies des autres régions (Olbie, Chersonèse). Les stèles étaient les monuments funéraires de la population marchande du Bosphore jouissant d'une aisance moyenne; les conditions de vie existant à chaque période donnée dans l'Etat du Bosphore s'y reflètent d'une manière très vive.

Les stèles funéraires du Bosphore ont subi une évolution très graduelle. Au début (V^e—IVe siècles avant notre ère), les figures humaines s'y rencontraient à titre tout à fait exceptionnel: l'ornement architectural, puis végétal, formait le sujet des reliefs. A partir du IIIe siècle avant notre ère, on observe l'apparition d'un nouveau style: stèles artistiques dont les reliefs reproduisent d'une manière réaliste la vie de tous les jours du Bosphorien dans toute sa diversité. Cette orientation atteint son apogée aux IIe et Ier siècles avant notre ère.

Les stèles de la période de plein épanouissement (II—Ier siècles) se distinguent par un travail très soigné et artistique et l'application de la polychromie. Le IIe siècle est caractérisé tout particulièrement par des groupes familiaux, remarquables par l'art de l'exécution et leur profond réalisme; ils présentent tous un air de calme idyllique, reflet des conditions de vie au Bosphore à cette époque. Au Ier siècle le calme idyllique fait place à un état d'inquiétude qui répond au changement survenu dans les conditions d'existence de la population; le cavalier galopant occupe la première place parmi les sujets des reliefs. En même temps on constate ici aussi une exécution soignée et artistique des différentes figures et de tous les détails, tant de l'image principale que de l'encadrement.

Aux premiers siècles de notre ère l'art des sculpteurs bosphoriens subit une dégradation rapide: les figures deviennent schématiques, uniformes; l'architecture et l'ornementation des stèles sont moins artistiques. Au IIe siècle, ce déclin est déjà très net. Au IIIe siècle, les reliefs funéraires disparaissent, cédant la place à des dalles de pierre avec inscriptions faites à la couleur rouge.

В. Ф. ГАЙДУКЕВИЧ

УКРЕПЛЕННАЯ VILLA RUSTICA НА ТЕМИР-ГОРЕ

Приблизительно в 8 км к СВ от Керчи находится Темир-гора, известная в археологической литературе благодаря тем открытиям, которые были сделаны на этой горе в 1869—1870 гг.

Темир-гора, высота которой над уровнем моря равна почти 153 м, является одним из наиболее возвышенных пунктов в восточной части Керченского полуострова (рис. 1). С вершины горы открывается широкая панорама:

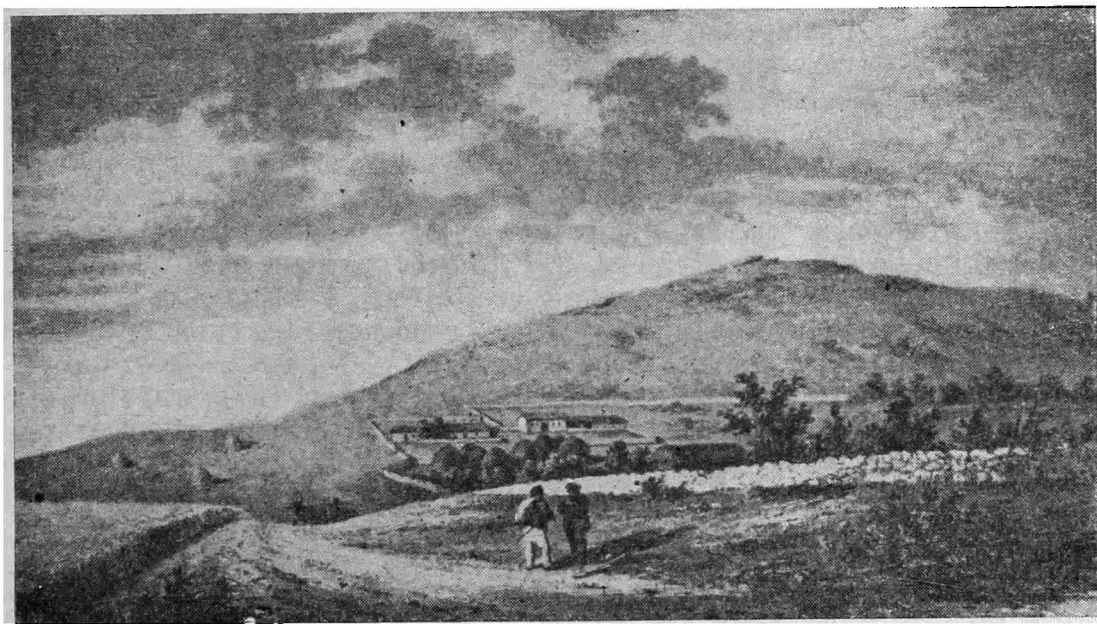

Рис. 1. Вид Темир-горы с юга. (По рисунку Ф. И. Гросса, 1870 г.)

виден Керченский пролив и противоположный берег Таманского полуострова, Азовское море, на юго-запад в излучине Керченской бухты отчетливо выступает Керчь.

В древности на вершине Темир-горы был совершен в разное время ряд погребений, покрытых большой курганной насыпью (высота ок. 6 м, окружность у подошвы ок. 160 м). В 1869 г. П. Хицунов успешно произвел частичную раскопку этого кургана.¹ В 1870 г. директором Керченского музея А. Люценко раскопки кургана были продолжены, и на этот раз работы также привели к интересным результатам.² В частности, в северной стороне

¹ ОАК, 1869, стр. XII.

² ОАК, 1870—1871, стр. XX сл.

кургана, близ его центра, была обнаружена вырубленная в скалистом материке могила, в которой между прочим оказался родосско-ионийский кувшин VII в. до н. э., являющийся до сих пор наиболее ранним образцом привозной греческой расписной керамики, найденным в районе Пантикапея.¹

Но сейчас нас интересуют не самый курган и результаты его раскопок, а то, что было обнаружено в 1869—1870 гг. на Темир-горе попутно с исследованием кургана.

Производя раскопки кургана, Хицунов заметил, что на склонах Темир-горы имеются культурные отложения, которые обычно свойственны местам древних поселений.

По этому поводу Хицунов писал в своем отчете следующее: «По всей горе, особенно с южной стороны, видны глубокие пепелищные насыпи точно как на горе Митридата — из золы, щебня, битой глиняной, преимущественно коричнево-золотистого цвета посуды, обломков мягкого камня и разного мусора, в котором попадается много ракушек мидий. По всем признакам заключить можно, что здесь было очень древнее поселение. Желая расследовать южные пепелища горы в предположении открыть здесь фундаменты древних зданий или мраморы с надписями, я сделал два разреза на южной окраине горы, один от другого на расстоянии около 15 саж. 1-й разрез — дл. 3, шир. 2 и средн. выс. $\frac{3}{4}$ саж. до материка, 2-й разрез — дл. 9, шир. $1\frac{1}{2}$ и средн. выс. около $\frac{1}{9}$ саж. тоже до материка. Но в обоих разрезах ничего особенного не открыто. Собрано, впрочем, несколько раскрашенных черепков, обломки глиняных грубых статуэток, изъеденных ржавчиной бронзовых обломков и одна монетка сильно испорченная. Между обломками черепков найдена одна глиняная ручка с неясною вытиснутою надписью. . . в конце надписи рельефный бюст какого-то лица. Монета с едва видимым луком и стрелой, и буквами ΠΑΝ и эта ручка [от амфоры с астиномным клеймом. В. Г.] подтверждают мнение, что здесь была в древности греческая колония, может быть одна из тех, положение которой древними писателями определено в нескольких стадиях к северу от Пантикапея. . . а именно Гераклий».²

Из приведенного отчета Хицунова следует, что на Темир-горе им было установлено наличие определенных культурных отложений, свидетельствующих о существовании здесь в древности поселения, однако, ни одна

¹ Попытку восстановления истории кургана с выявлением последовательности произведенных в нем захоронений сделал М. Rostowzew (*Skythien und der Bosphorus*. Берлин, 1931, стр. 370). Родосско-ионийский кувшин из архаической скифской могилы издан Б. В. Фармаковским. (Милетские вазы из России. ТМАО, т. XXV, табл. VIII—IX.) В последний раз об архаическом погребении в кургане на Темир-горе писала Т. Н. Книпович (ИГАИМК, вып. 104, стр. 105 сл.).

² Рукописный отчет о раскопках П. Хицунова. Архив ИИМК, дело АК, 1869, № 4 (О раскопках в Керчи и на Таманском п-ве в 1869 г.), лл. 27—28; сокращенно напечатан в ОАК за 1869 г. (стр. XII).

В отчете Хицунова надпись клейма на амфорной ручке, представлена так: ΑΣΤΥΝΟΜ. . . ΕΛΚΙΝΙΟΥ. . . ΤΟΥ. . . ΕΛ.ΤΑΙ. Очевидно, клеймо следует читать: ἀστυνόμου Κλεινίου τοῦ Ἐχάτιου (имя фабриканта не сохранилось); в имени астинома первые три буквы расположены в обратном порядке, повидимому, вследствие ошибки резчика, делавшего штамп; что касается отчества, то Хицунов несомненно ошибочно принял стершуюся «капшу» за «ламбду». Правильность вышеуказанного восстановления клейма подтверждается и тем, что известные аналогичные клейма с именем того же астинома имеют в качестве эмблемы бюст Артемиды с колчаном, что совпадает с определением, которое сделал Хицунов: «в конце надписи — рельефный бюст какого-то лица». Граков относит клейма астинома Клейния сына Гекатая к VI группе синопских астиномных клейм, 121—70 гг. (Б. Н. Г р а к о в. Древнегреческие керамические клейма с именами астиномов. М., 1929, стр. 149 и 191. — E. P r i d i k. Die Astynomennamen auf Amphoren- und Ziegelstempeln aus Südrussland, Берлин, 1928, оттиск, стр. 13, № 131):

из заложенных Хицуновым разведочных траншей строительных остатков не обнаружила.

Существенный интерес представляет находка некоторых эллинистических предметов, хотя и единичных, но все же позволивших сразу же предположить, что поселение Темир-горы восходит к эллинистическому времени.

Что касается предположения о возможности локализации на Темир-горе упоминаемого древними авторами селения Гераклия, то гипотеза эта была высказана Хицуновым чересчур поспешно и, как увидим из дальнейшего, она лишена каких-либо серьезных оснований.

Значительно более плодотворными оказались работы следующего 1870 г., когда А. Люценко, кроме окончательного расследования кургана, продолжил также и изучение на Темир-горе следов поселения, замеченных ранее Хицуновым.

В результате работ 1870 г. Люценко открыл около кургана весьма интересные остатки древнего сооружения, до настоящего времени должным образом не оцененные и не изученные.

Правда, М. И. Ростовцев, характеризуя археологическое изучение Темир-горы, отметил обнаруженные там в 1870 г. постройки, в которых он склонен был видеть остатки каателя или крепостцы, но более определенного истолкования этого памятника Ростовцев дать не мог, потому что в его распоряжении, кроме суммарного и местами невразумительного отчетного описания А. Люценко, никаких материалов (ни зарисовок, ни чертежей) не было. «К сожалению, плана открытых, очень интересных зданий сделано не было» — справедливо сетовал Ростовцев, заканчивая этими словами свой краткий экскурс относительно Темиры-горы.¹

Произведенные тщательные архивные розыски подтвердили, что плана открытых в 1870 г. на Темир-горе развалин снято не было. Однако розыски эти оказались не совсем безрезультатными, так как нам удалось обнаружить схематический эскизный набросок плана, сделанный Е. Е. Люценко (братом директора Керченского музея), являвшимся очевидцем раскопок на Темир-горе в 1870 г.

Несмотря на то, что карандашный набросок плана, о котором идет речь, сделан несомненно па-глаз, а может быть даже по памяти и, стало быть, он не совсем точен, все же это единственный документ, в котором рукою участника раскопок графически зафиксирован ценный археологический памятник. На рис. 2 мы воспроизводим копию с этого плана Е. Люценко.²

Для уяснения изображенного на плане здания обратимся к отчету А. Люценко за 1870 г., в котором сказано следующее (цитируем по рукописному оригиналу).

«С 18 мая по 14 июня. Произведено несколько раскопок в пепелищах Темир-горы с юго-западной стороны ее, из которых одно, довольно плоское и с крутыми откосами, прилегает к самой подошве вышеописанного кургана,

¹ М. R o s t o w z e w, ук. соч., стр. 370.

² План обнаружен мною случайно, при просмотре рукописей Е. Люценко, хранящихся в архиве ИИМК (фонд № 28). В одну из папок (дело № 21) оказался вшитым лист, на котором рукою Е. Люценко сделан карандашный набросок плана четырехугольного здания, прилегающего к круглому кургану. На листе нет указаний, что это план раскопок на Темир-горе, но сбоку имеется надпись: «Курган в поперечнике 24 саж.; четырехугольник, имеющий длины 20 саж. и столько же ширины».

Указанные на плане размеры здания точно совпадают с данными отчета А. Люценко. Более детальное сопоставление плана с текстом отчета не оставляет никаких сомнений в том, что мы имеем дело с планом здания, раскопанного в 1870 г. на Темир-горе.

а другое — конусообразной формы — находится на продолжении юго-западной покатости горы. Раскопы эти, сделанные наподобие траншей, длиною в общей сложности 60 саж., шир. 2 и среднюю глубину от поверхности насыпи до скалистого основания горы около 1 саж. привели к открытию в I пепелище:

«а) Уцелевших оснований от оградных стен какого-то древнего четырехугольного укрепления или жилья, которое образует довольно правиль-

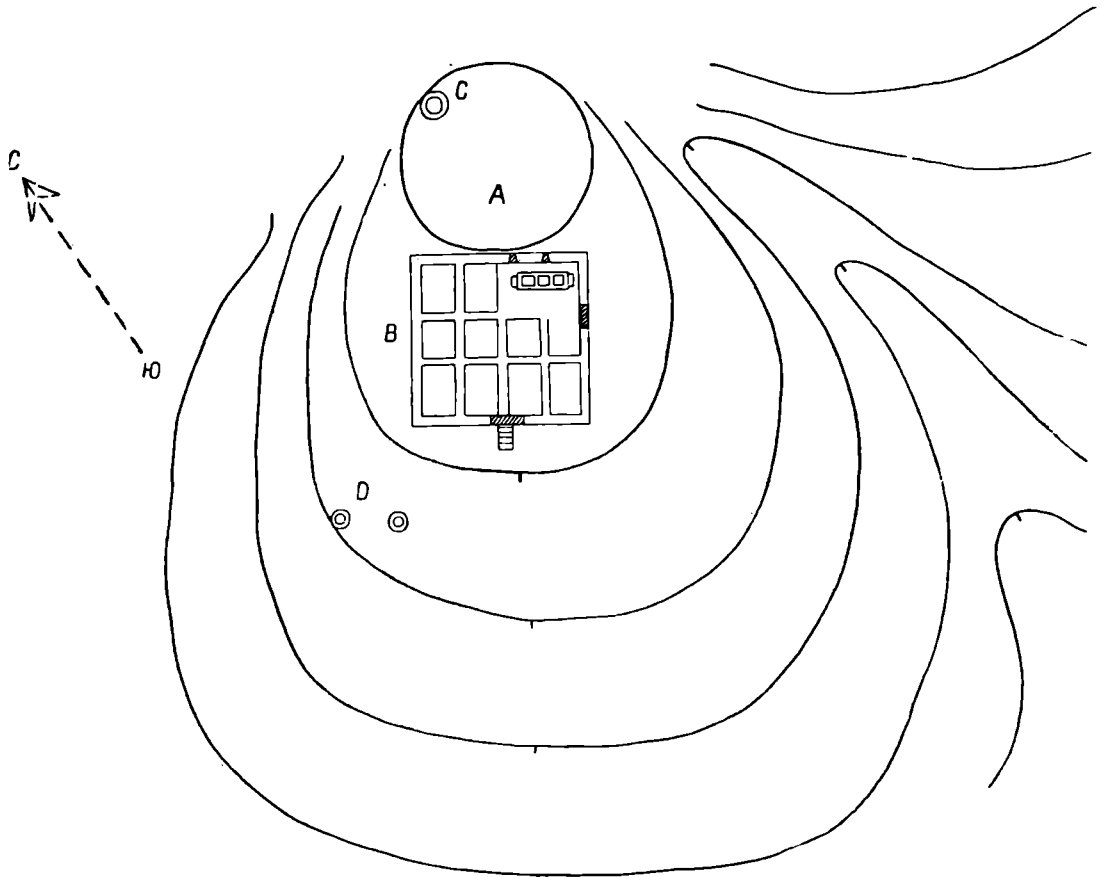

Рис. 2. Схематический план открытых в 1870 г. на Темир-горе остатков древних сооружений.

A — курган; B — четырехугольное здание; C и D — остатки круглых каменных башен.

ный четырехугольник длиной и шириной около 20 саж., прилегающий северо-восточной своей стороной к юго-западной подошве. кургана и оканчивающийся с двух сторон (юго-западной и северо-западной) довольно крутыми откосами. Стены его толщиной от 3 до $3\frac{1}{2}$ арш. и высотой около 3-х арш. сложены пачуго из больших дикарных камней, крупного щебня, земли и местами небольших плит известнякового камня. Внутренность этого четырехугольника, заключающего в себе около 400 кв. саж., разделена вдоль и поперек такими же стенами, только меньшей толщины, на несколько отделений, имевших, повидимому, сообщение одно с другим. В насыпи этих более или менее обширных отделений, расследованной до материка, найдено множество черепков от простой глиняной посуды без рисунков и шесть медных монет, в числе которых заключаются три царские с буквами МН в венках и с головами Савромата II, Котиса II, Римиталка (93—154 гг.) и три автономные — городов Фанагории, Пантикапея и Кесарии с обыкно-

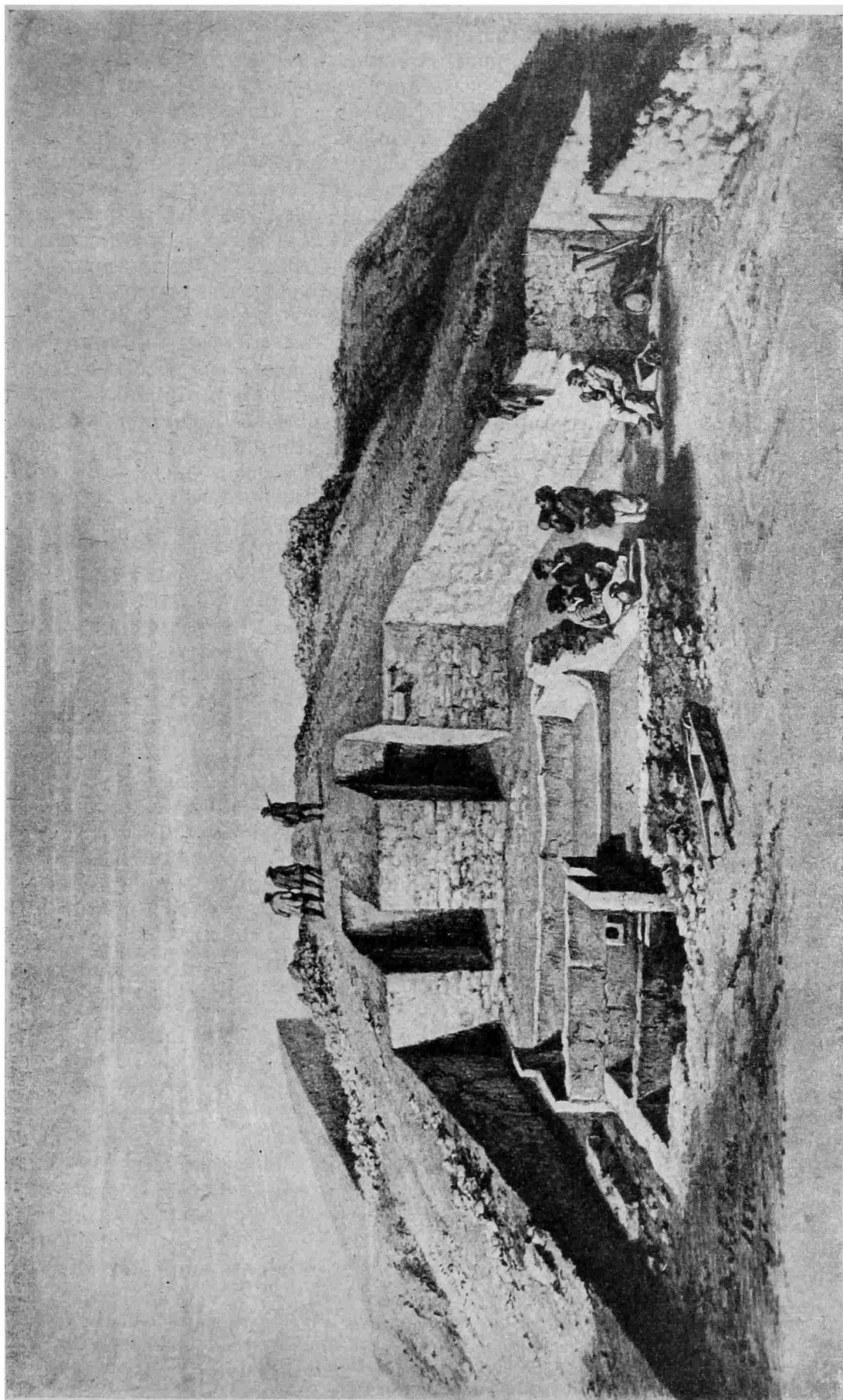

Рис. 3. Общий вид сооружения, открытого в 1870 г. в восточной части владения на Темир-горе. (По рисунку Ф. И. Гросса, 1870 г.)

вешными типами; в основании же одного из тех отделений оказались три круглые ямы с раздавленным в каждой из них камнями и землю простым глиняным кувшином без ручек и без всякого рисунка.

«б) Остатков цистерны — в северо-восточном углу означенного четырехугольника, у самой подошвы кургана (рис. 3).¹ Цистерна эта, построенная на поверхности скалистого материка из тесаных известняковых плит и мелких дикарных камней, имеет в настоящем полуразрушенном состоянии в длину $2\frac{1}{2}$ саж., в ширину $2\frac{1}{4}$ саж. и в высоту от 2 до $2\frac{1}{4}$ арш. Отделяясь от северо-восточной стены четырехугольника небольшим промежутком, она занимает немалое пространство и состоит из трех частей А, покрытых внутри тонким слоем цемента и снабженных в основании поперечных стенок двумя маленькими отверстиями, а в продольных стенах двумя каменными трубами для спуска накопившейся воды в два смежные с ними бассейна, дл. 3, шир. $1\frac{1}{2}$ и глуб. от 2 до $2\frac{1}{4}$ арш. каждый, вырубленные в скалистом материке и обложные внутри небольшими плитами известняка, с заметными на них остатками цемента. При очистке этой цистерны от разного мусора, смешанного с черепками простой глиняной посуды, найдена одна грубой работы глиняная статуэтка, представляющая юношу с собакой.

«в) В насыпи откоса с внешней юго-западной стороны упомянутого четырехугольника открыты остатки каменной лестницы, служившей, вероятно, для сообщения с пим, шир. $1\frac{1}{2}$ арш. и сложенной из тесаных плит, от лестницы уцелело только пять ступенек (рис. 4).² Несколько далее ее, под крутым обрывом скалы, расследованным до основания и потом заваленным землею, вывезенной из верхних раскопов, найдены на материке: четыре терракотовые статуэтки, из которых сохранилась только одна довольно хорошей работы, представляющая Венеру с дельфином у ног, прочие же были раздавлены камнями.

«г) Открыты также обложенный с боков большими дикарными камнями вход в означенный четырехугольник с юго-восточной стороны его, возле самой цистерны — дл. 1, шир. $1\frac{1}{2}$ саж. и выс. $\frac{5}{6}$ саж. и два также обложенных дикарными камнями и известняковыми плитами хода, шир. от $1\frac{3}{4}$ до 2 арш., сделанных в северо-восточной стороне упомянутого четырехугольника, против цистерны, которые, несколько суживаясь, направляются в виде трапезы или галлереек к оградной стенке кургана.

«В юго-западном углу четырехугольника обнаружена одна круглая яма, имевшая в поперечнике 2, в глубину 3 арш., на дне ямы, кроме черепков простой глиняной посуды ничего не оказалось.

«Что же касается до другого пепелища, конусовидной формы, то в основании его на значительной глубине насыпи обнаружена часть фундамента, повидимому, от круглой башни, заложенной в обрыве скалы из больших дикарных и штучных известняковых камней. Кроме того, следы такой же башни замечены и в насыпи кургана с северо-западной его стороны»

Таковы итоги исследований 1870 г.

В 1878 г. на вершине и на склонах Темир-горы были произведены исследования Веребрюсовым,³ но ни к каким новым открытиям эти работы не привели. Тем не менее нельзя сказать, что изыскания Веребрюсова совсем не дали никаких результатов. Несмотря на то, что Веребрюсов сделал во многих местах (с севера, северо-востока, юга и юго-запада) разведочные траншеи в насыпях вокруг кургана (к тому времени уже полностью раско-

¹ Рисунок, на который ссылается А. Люценко и воспроизводимый здесь, исполнен Ф. И. Гроссом как иллюстрация к отчету, хранится в альбоме рисунков Археологической комиссии за 1869—1877 гг. (Архив ИИМК). В. Г.

² Рисунок также Гросса, из того же альбома. В. Г.

³ Рукописный отчет о раскопках Веребрюсова (Архив ИИМК, дело АК, 1878, № 16) сокращенно напечатан в ОАК (1878—1879, стр. XXXIII).

панного) и на склонах горы, у ее подошвы, ни в одном пункте ему не удалось обнаружить каких-либо остатков построек. Следовательно, развалинами четырехугольного здания, раскопанными в 1870 г. А. Люценко, в основном исчерпываются строительные остатки на Темир-горе. Тем самым лишается почвы предположение, что на Темир-горе существовало поселение в широком смысле слова. (Хицунов даже предполагал существование здесь «греческой колонии»!) Поселение это ограничивалось, очевидно, одним большим зданием, в результате длительной жизни которого и образовались на Темир-горе довольно значительные насыпи с культурными отложениями.

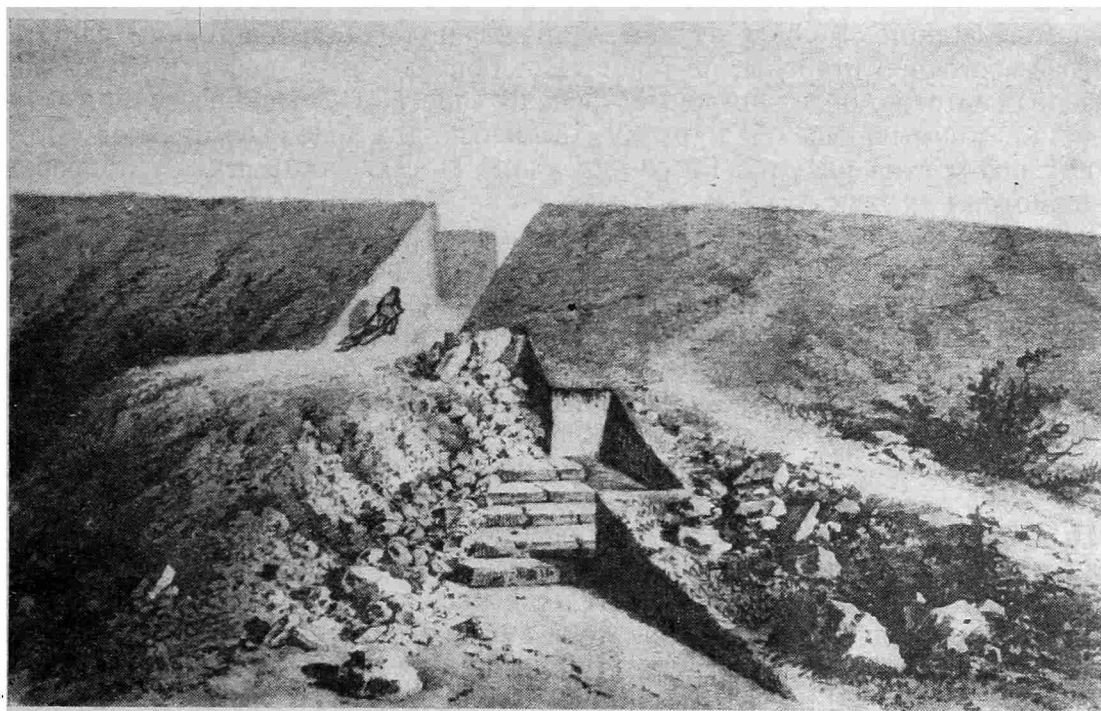

Рис. 4. Лестница с юго-западной стороны здания на Темир-горе. (По рисунку Ф. И. Гросса, 1870 г.)

Раскопки в 1878 г. «глубокого пепелища, составляющего удлиненную присыпь с северо-восточной стороны кургана», обнаружили черепки глиняной посуды, в том числе несколько амфорных ручек с клеймами и «грубое изображение Астарты из глины». На южном склоне горы Веребрюсов также расследовал насыпь, состоящую из слоев «глины, пепла, морских раковин и черепков посуды»; в числе последних оказались черепки «с рельефными узорами виноградных кистей».

Отчет А. Люценко, будучи сопоставлен с планом-наброском Е. Люценко и рисунком Гросса, позволяет установить, что в 1870 г. на вершине Темир-горы с юго-западной стороны у основания большого кургана было открыто огромное здание, занимающее по площади около 1815 м².

Интересной особенностью этой постройки является исключительная мощность ее внешних стен, достигающая 2.15—2.50 м. Насколько такая ширина стен значительна, показывает тот факт, что она почти не уступает мощности крепостных стен боспорских городов, напр. Мирмекия, толщина крепостной стены которого равняется 2.15—2.50 м.

В отчете А. Люценко говорится только об одном входе, ведущем внутрь здания, а именно о тех широких воротах, устроенных в юго-восточной внешней стене здания, которые представлены и на рисунке Гросса. Не-

сколько иначе изображает дело Е. Люценко.¹ «Внутренность этого четырехугольника [т. е. четырехугольного большого здания], — пишет он, — разделялась почти на равные квадраты. Комнаты эти сообщались между собою проходами. В западной стене здания находились широкие ворота, а в середине южной — небольшой проход, от которого шли к подшве Темир-горы каменная небольшая плитовая лестница, замыкающаяся внизу остатками двух круглых башен, стоявшими на площадке». Согласно с описанием Е. Люценко на своем плане показывает лестницу с юго-западной стороны. Однако эскизность плана сказывается в том, что хотя в тексте описания Е. Люценко говорит о «небольшом проходе», устроенном с юго-западной стороны здания в противоположность широким воротам с юго-восточной стороны, на плане Е. Люценко этот «небольшой проход» изображен даже более широким, нежели ворота. В северо-восточной стене здания, примыкающей к кургану, были еще два хода своеобразной формы (они видны и на рисунке Гросса на плане Е. Люценко), их мы подробнее рассмотрим позже.

Особый интерес представляет восточная угловая часть здания, в стенах которой устроены и широкие ворота и два вышеуказанных прохода, направленных к кургану. В этой части здания, по словам отчета А. Люценко, найдена «цистерна», занимающая «немалое пространство» и служившая, по предположению А. Люценко, для сбора воды, очевидно дождевой. Так же определяет назначение «цистерны», обнаруженной в восточной части здания, и Е. Люценко («открыта была большая цементированная цистерна, сложенная из тесных плит мягкого известняка с двумя по бокам ее отверстиями для стока воды»). Нужно заметить, что описание так наз. «цистерны» в отчете А. Люценко дано крайне обще и небрежно, так что если бы сведения об интересующем нас сооружении ограничивались текстом отчета, то о действительном назначении «цистерны» никакого заключения нельзя было бы сделать, тем более, что и на плане Е. Люценко она изображена неточно. Исключительную ценность поэтому приобретает рисунок Гросса, на котором с большой тщательностью зафиксированы результаты раскопок восточной части здания. Комбинируя данные отчета А. Люценко с показаниями рисунка Гросса, нам удалось восстановить в основных чертах план интересующего нас комплекса, повидимому довольно близко к действительности (рис. 5).²

Все сооружение в плане представляет почти квадрат (согласно А. Люценко размеры «цистерны»: $2^{1/2} \times 2^{1/4}$ саж.), который внутри разделяется на следующие три основные части: 1) цементированная площадка В, 2) цементированная площадка А, несколько меньших размеров, чем соседняя площадка В (обе площадки отделены одна от другой невысоким барьером С) и 3) примыкающий к площадкам резервуар, разделенный внутренней продольной стенкой на два отделения α и β . Края площадок А и В

¹ Е. Люценко дал краткое описание результатов раскопок на Темир-горе в 1870 г. в одной из своих неопубликованных работ, рукопись которой хранится в архиве ИИМК (фонд № 28, дело № 16).

² Для графического построения плана в отчете А. Люценко имеются следующие данные: общая длина и ширина «цистерны» и размеры устроенных в ней резервуаров. На основании этих цифровых данных и рисунка Гросса, дающего наглядное представление об общей конфигурации и расположении отдельных частей сооружения, представляется возможным вычертить план. Трудность, однако, состоит в том, что в отчете определена длина и ширина «цистерны» без указания, входит ли в приводимые цифры толщина наружных стен постройки или же данные цифры выражают лишь внутренние размеры. Когда было вычерчено несколько вариантов плана, то наиболее близким к рисунку Гросса, в смысле пропорционального соотношения частей, оказался тот план, при построении которого размеры длины и ширины «цистерны», приведенные в отчете, были приняты как размеры внутренние, без толщины стен. Этот вариант и воспроизведен на рис. 5.

ограничены вдоль резервуаров высокими бортами из тонких каменных плит. Обе площадки (А и В) сообщались с примыкающими к ним резервуарами (α и β) посредством двух каменных сливов, выступающих над резервуарами. Сливы эти (в отчете они названы «каменными трубами») представляют собой каменные блоки, в которых сверху высечен жолоб, служивший для стока жидкости, проникавшей в жолоб с площадки через отверстие, устроенное в плитовом ограждении.

Можно ли согласиться с предположением А. и Е. Люценко, что данное сооружение предназначалось для собирания воды? Разумеется, нет. После тех открытий, которые сделаны за последние годы в результате систематических раскопок Мирмекия и Тиритаки, достаточно беглого взгляда на рисунок Гросса и восстановленный по этому рисунку план, чтобы определить подлинное назначение постройки, раскопанной в 1870 г. на Темир-горе внутри обширного здания. Это, конечно, винодельня, т. е. производственное винодельческое сооружение, давальня, в которой происходила переработка винограда.

Благодаря произведенному изучению виноделен, открытых в Мирмекии и Тиритаке, не представляет теперь больших трудностей объяснить назначение отдельных частей винодельни, обнаруженной на Темир-горе. Как показали раскопанные боспорские винодельни, выжимание виноградного сока производилось в них не на одной давальной площадке, а на нескольких, минимум двух площадках. В винодельне на Темир-горе для этой цели служили площадки А и В, неодинаковые по своим размерам.¹ Ограничивающие их стены и самый пол давальных отделений были покрыты цементом, как сказано об этом в отчете и что вполне согласуется с обычным устройством античных виноделен и в Мирмекии, и в Тиритаке. Цемент состоял из известкового раствора, к которому была добавлена измельченная керамика для придания раствору водоупорности.² Давильное отделение

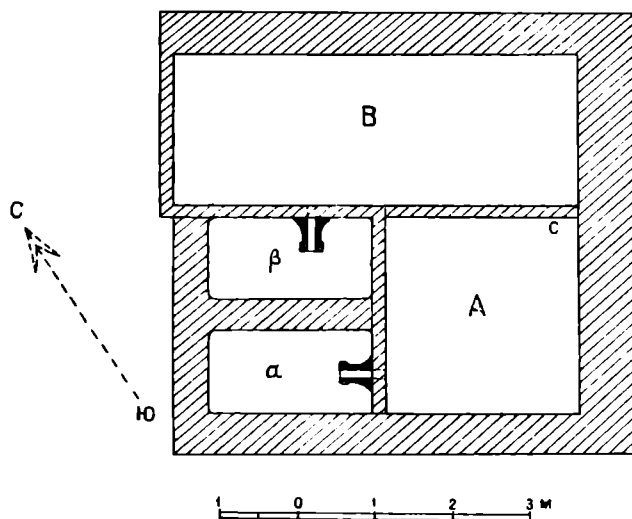

Рис. 5. Восстановленный, по данным отчета А. Люценко и рисунку Ф. И. Гросса, план винодельни, открытой в восточной части здания на Темир-горе.

¹ Реконструируя ниже устройство винодельни, открытой в 1870 г. на Темир-горе, мы не приводим ни ссылок на источники, ни указаний на параллельный археологический материал, относящийся к данной теме и широко использованный нами при изучении виноделен Мирмекия и Тиритаки. Все это мы даем в подготовляемой работе об античном виноделии в Северном Причерноморье, в которой главное место займут боспорские памятники виноделия, открытые раскопками в Мирмекии и Тиритаке.

² В 1936 г. мы обследовали место раскопок 1870 г. на Темир-горе. Участок, где А. Люценко раскопал здание с винодельней, совершенно залыл землей и никаких внешних признаков, которые бы говорили о существовании здесь древних строительных остатков, в настоящее время не заметно (возможно, что после раскопок они были растащены окрестными жителями на строительный материал). На «точках», т. е. местах, куда сваливали при раскопках разработанный грунт, имеется много обломков керамики и кусков цемента, несомненно от разрушенных частей винодельни. Ряд образцов был взят для лабораторного исследования (по инвентарной описи Боспорской экспедиции № М/36—2355).

А отделялось от смежного отделения В невысоким барьером, который отчетливо воспроизведен на рисунке Гросса. В тиритакских и мирмекийских винодельнях такие перегородки применялись двойного рода. Чаще всего в цементном полу площадок устраивались пазы для установки в них легких досчатых перегородок. Однако в поздне-эллинистической винодельне № 2, открытой в Тиритаке в 1936 г.,¹ являющейся, пожалуй, наиболее близкой по своей конструкции к винодельне на Темир-горе, разделяющая давяльные площадки перегородка имеет вид сплошного низкого бортика, сделанного из плиток камня и кусков черепиц, а снаружи оштукатуренного слоем цемента.

Весьма возможно, что и в винодельне на Темир-горе перегородка была сделана аналогичным образом. Такое предположение подтверждается рисунком Гросса, на котором перегородка не имеет признаков наличия в ней сверху продольного углубления.

Площадка В служила несомненно для первичной переработки винограда, т. е. для растапывания винограда ногами. Получавшийся сок стекал в прилегающий резервуар β. Перегородка С, отделявшая давяльное отделение А от давяльной В препятствовала распространению сусла с одной площадки на другую. Поверхность цементного пола площадки В, конечно, должна была иметь скат к сливу, т. е. быть так спланированной, чтобы сок устремлялся к сливу, дававшему выход жидкости в резервуар β. Площадка А, очевидно, предназначалась для заключительной операции, состоявшей в том, что после первичной обработки винограда, когда значительная часть содержащегося в нем сока была уже извлечена, виноград подвергали более сильному сжатию при помощи пресса. Сок, получавшийся таким путем, поступал в особый резервуар α, также через каменный слив, выдвинутый над резервуаром. Кстати сказать, каменные сливы, как показывает рисунок Гросса, имели точно такую же форму, как и в других винодельнях в Мирмекии и Тиритаке. Для сравнения воспроизводим на рис. 6 изображение слива тиритакской винодельни № 2.

Принимая во внимание неоднородность производственных операций на площадках А и В, понятно, почему последние различны по своим размерам. Площадка В, естественно, была значительно больше, так как на ней должны были разместиться несколько человек давяльщиков, выжимавших сок ногами, причем такая работа могла быть продуктивной при условии, если виноград распределялся по площадке тонким слоем, стало быть, места требовалось для этого довольно много. Другое дело — заключительная выжимка сока посредством пресса. Подвергавшуюся действию пресса виноградную мязгу помещали сначала в корзину или мешок, а затем уже клали под пресс. Для этой цели требовалось сравнительно небольшое пространство. Судя по мирмекийским и тиритакским винодельням, при заключительной операции мешки или корзины с виноградом уместались на площадке примерно в 1 × 1 м, как об этом свидетельствуют каменные платформы, на которые непосредственно клали виноград, подлежащий действию пресса. Таким образом мы видим, что планировка давяльных площадок винодельни на Темир-горе сделана в полном соответствии с их производственными функциями.

¹ Для удобства сопоставлений с открытыми в Тиритаке винодельнями присваиваем последним следующие порядковые номера:

№ 1 — винодельня римского времени (участок X).

№ 2 — винодельня поздне-эллинистического времени (уч. VI).

№ 3 — винодельня поздне-римского времени (уч. XIII).

№ 4 — винодельня эллинистического времени (уч. V).

О винодельнях №№ 1 и 2 некоторые предварительные данные мною опубликованы в ВДИ (№ 1, 1937).

В тиритакской винодельне № 2, с которой мы уже сравнивали винодельню на Темир-горе, имеются также две давяльные площадки, причем площадка больших размеров служила для выжимания сока погами, а площадки поменьше предназначались для пресса. Однако площадки в тиритакской винодельне отличаются одна от другой не только своими размерами, но еще и тем, что в центре меньшей площадки в цементный пол наравне с ним вделана каменная квадратная плита, служившая платформой для укладки упакованной в соответствующую тару виноградной мязки, подлежащей прессованию. Целесообразность такого устройства вполне понятна. В том месте, где на пол площадки передавалось значительное давление во время действия пресса, необходимо было пол площадки сделать особенно

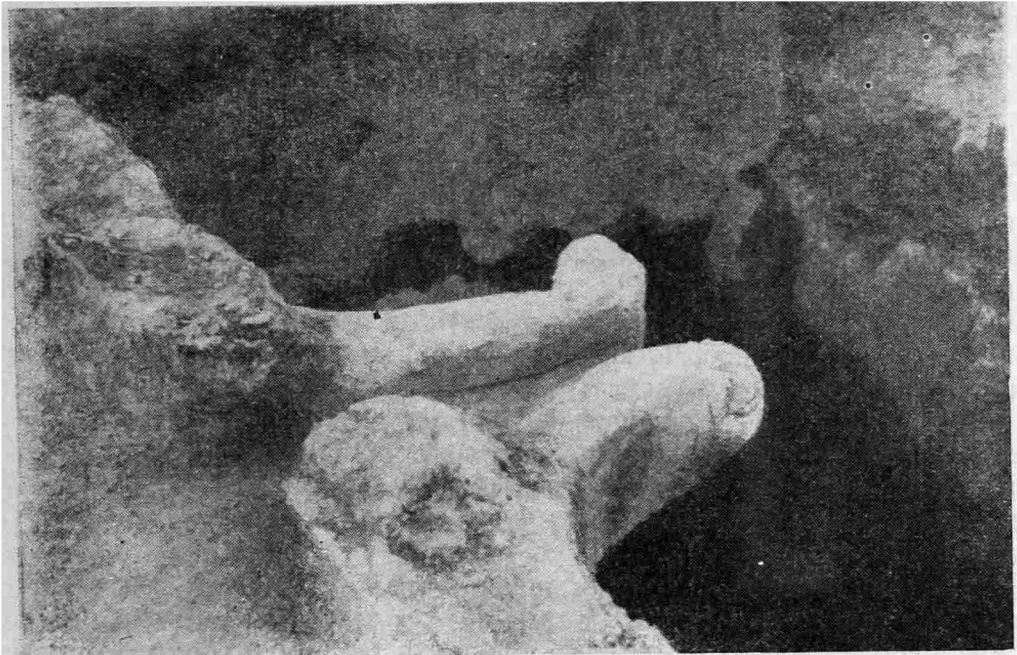

Рис. 6. Каменный слив давяльной площадки в винодельне № 2, открытый в Тиритаке в 1936 г.

прочным, т. е. способным выдержать большую нагрузку. Вставкой в цементный пол каменной плиты-платформы это и достигалось. Поскольку такая конструкция давяльных площадок являлась обычной в боспорских винодельнях, следовало бы ожидать наличия вмурованной в пол каменной плиты и на площадке А в винодельне Темир-горы. Но ни на рисунке Гросса, ни в отчете Люценко нет указаний на то, что центральная часть пола одного из отделений была каменной. Тем не менее, я не решаюсь на этом основании утверждать, что действительно винодельня на Темир-горе являлась каким-то исключением в конструктивном отношении. Дело в том, что производители раскопок, не понимая значения открытой ими постройки, на некоторые, не существенные с их точки зрения, детали могли просто и не обратить внимания. К тому же, если зачистка площадок была сделана не очень тщательно, то вделанную в цементный пол, в один уровень с ними, ровную каменную плиту Люценко и Гросс могли и не заметить. Что в винодельне на Темир-горе площадка А являлась местом заключительной операции по выжимке сока, с применением рычажного пресса, можно заключить и по устройству стен винодельни.

Обратимся к рисунку Гросса и посмотрим сначала на остатки стены, ограничивающей винодельню справа, т. е. с юго-восточной стороны (на

стене изображена фигура сидящего человека). Это широкая массивная стена, сложенная, повидимому, из крупных бутовых камней. Совсем иначе выглядит противоположная сторона винодельни. Тут видна довольно массивная стена, ограничивающая резервуары с северо-западной стороны, но кладка этой стены заканчивается на уровне сливов и очевидно выше указанного уровня она не шла. Особенно показательно устройство северо-западной стенки давяльного отделения В. На рисунке ясно показано, что площадка В с северо-западной стороны ограждена тонкими плитами — такими же, какими ограничены края давяльных площадок А и В вдоль резервуаров (сопоставляя толщину этих плитовых ограждений с общими размерами винодельни, можно установить, что толщина их приблизительно равнялась 0.10—0.15 м). На основании сделанного сравнения двух противоположащих сторон винодельни, следует заключить, что последняя имела солидную широкую стену с юго-восточной стороны, а с северо-западной была ограждена лишь тонкими плитами и капитальной сплошной стены не имела. Что касается остальных двух наружных боковых стен винодельни (северо-восточной и юго-западной), то, насколько позволяет судить рисунок Гросса, названные стены по характеру кладки были такие же, как и стена юго-восточная, но, повидимому, несколько тоньше. Наличие массивной стены именно с юго-восточной стороны вполне логично, если допустить, что назначение площадки А состояло в том, чтобы производить здесь отжимку виноградного сока посредством пресса. Прессы в боспорских винодельнях устраивались обычно рычажные. В винодельне Темир-горы следует предполагать такое же устройство, при котором рычагом служил деревянный брус: один конец его имел точку опоры в стене винодельни, а другой (противоположный) служил для подвешивания к нему тяжести. Естественно, что при указанной конструкции отжимного пресса стена, ограничивающая с юго-восточной стороны площадку А, должна была быть достаточно фундаментальной.

Нельзя не отметить еще одну интересную подробность, зафиксированную на рисунке Гросса. Как уже сказано, край площадки А вдоль резервуаров огражден довольно высоким бортом из каменных плит. Но примерно против середины площадки А эта плитовая стенка имеет выемку, благодаря которой ограждение в указанном месте достигает лишь небольшой высоты. Это, разумеется, необходимо было потому, что тут проходил рычаг пресса.

При столь хорошей общей сохранности винодельни могла бы сохраниться *in situ* и «гиря» от рычажного пресса, как это имело место, напр., в двух винодельнях Тиритаки (№№ 2 и 3).

На рисунке Гросса с северо-западной стороны от резервуаров изображена большая каменная плита, лежащая плашмя в том месте, где надлежит быть гире от пресса. Но действительно ли это гиря или часть ее — сказать трудно. На обычные гири, известные нам по Тиритакке, плита эта не похожа.

Однако следует заметить, что в тиритакской винодельне № 3 поверх основной гири, представляющей собой каменный блок в форме прямоугольного параллелепипеда с вырубленными на трех его сторонах выемками, при раскопках обнаружена плоская плита, являющаяся дополнительным грузом, увеличивавшим силу давления рычага. Эта добавочная гиря имеет вырубку как с боков, так и посередине на верхней стороне — в виде продольного жолоба — для прикрепления гири к концу рычага. Поскольку на рисунке Гросса лежащая за резервуаром плита подобных вырубок не имеет, нельзя утверждать, что здесь мы имеем дело с гирей, подобной той дополнительной, которая найдена в тиритакской винодельне № 3. Возможно, что гиря от пресса находилась несколько дальше, под нераско-

панной насыпью, и выявлена не была, поскольку расследование здания А. Люценко вел траншеями.

Что касается резервуаров α и β , куда стекал сок с площадок А и В, то, согласно описанию А. Люценко, оба резервуара имели одинаковые размеры: дл. 2.13 м (= 3 арш.), шир. 1.06 м (= $1\frac{1}{2}$ арш.), глуб. 1.42—1.60 м (= 2— $2\frac{1}{4}$ арш.) (глубина резервуаров, очевидно, измерена по отношению к верхнему уровню их северо-западной стены или, что то же самое, по верхнему уровню внутренней продольной стены, разделяющей резервуары). Интересно, что глубина резервуаров показана двумя цифрами, обозначающими наименьшую и наибольшую глубину. И эта деталь отлично согласуется с устройством виноделен, открытых в Мирмекии и Тиритаке. Как и там, в винодельне на Темир-горе резервуары, очевидно, имели дно с небольшим углублением («впадиной»), устроенным для того, чтобы облегчить вычерпывание сусла при опоражнивании резервуаров, а равным образом для лучшего выделения скопившегося в резервуарах осадка. Таким образом детальный разбор сооружения, раскопанного в 1870 г. внутри большого здания на Темир-горе, с полпой несомненностью подтверждает, что там была открыта хорошо сохранившаяся античная винодельня, а отнюдь не «цистерна для сбора воды», как полагали А. и Е. Люценко. Имела ли винодельня перекрытия? Поскольку она расположена была, по видимому, внутри большого двора, а не в закрытом помещении, устройство навеса, крыши над давальными площадками и резервуарами представляется весьма вероятным. Боковые стены (северо-восточная и юго-западная), по видимому, и служили для этой цели. В отчете не сказано, были ли при раскопках найдены обломки черепиц.

Как известно, винодельня на Темир-горе обнаружена внутри здания. Помещение, в котором расположена винодельня, являлось, вероятно, двором, для входа и въезда в который служили широкие ворота.

К сожалению, в отчете Люценко нет обстоятельной характеристики остальных помещений этого здания, а на рисунке Гросса показана раскопка лишь помещения с винодельней. Но уже самый факт присутствия в данном сооружении такого производственного объекта, как винодельня, достаточно ярко говорит о хозяйственных занятиях его обитателей. В самом деле, если была винодельня, стало быть, поблизости где-то находился и виноградник, за которым проводился надлежащий уход.

Отметим далее, что раскопками А. Люценко установлено в некоторых помещениях наличие ям, служивших, как надо полагать, для хранения провианта. В одном из помещений оказались три круглые ямы, в которых найдены «глиняные кувшины без ручек и без всяких рисунков» (может быть пифосы?), а в юго-западном угловом помещении открыта большая круглая яма (вероятно, вырубленная в скале материка), диам. 1.42 м (= 2 арш.) и глуб. 2.13 м (= 3 арш.). Как показывают раскопки античных причерноморских поселений, такие ямы обычно служили для хранения зерна.

Нет оснований думать, что назначение ямы, обнаруженной внутри здания на Темир-горе, было иным. В круг хозяйственных занятий обитателей здания на Темир-горе входило не только виноградарство и виноделие, но, по видимому, также в какой-то мере и хлебопашество.

Конечно, здание на Темир-горе было жилым, а отнюдь не только хозяйственным сооружением. В этом отношении показательным замечанием, имеющимся в отчете Хицунова, относительно обилия створок мидий в культурных отложениях на Темир-горе. Этот вид пищевых остатков обычно в изобилии встречается в культурных слоях боспорских поселений, находившихся близ моря. Характерно также, что на ряду с большим количеством обломков глиняной посуды при раскопках были найдены и терракотовые

статуэтки, а также монеты, т. е. все то, что свойственно остаткам бывших населенных пунктов.

А. Люценко считал, что на Темир-горе им открыты развалины «укрепления или жилья». Однако правильное решение вопроса требует, как нам кажется, соединения этих двух понятий, а не противопоставления их. Все данные говорят за то, что на Темир-горе в 1870 г. были открыты остатки укрепленного сельского жилого дома, представляющего нечто вроде «хутора», отдельно расположенной сельской «фермы». Пользуясь античной терминологией, такой тип сооружения мы в праве назвать *villa rustica*.

Отличительной особенностью ее является значительная мощь внешних стен, придающих зданию характер небольшой крепостцы. Да и само местоположение здания на вершине горы говорит за то, что при его сооружении были учтены соображения безопасности.

В этой связи имеет также важное значение указание отчета А. Люценко на то, что 1) поблизости от четырехугольного здания, к западу от него на склоне горы, и 2) на самой вершине горы, в насыпи кургана, с северо-западной стороны последнего — были обнаружены следы круглых каменных башен (на рис. 2 они отмечены буквами *C* и *D*).¹ Е. Люценко вполне правильно поставил в связь башни, расположенные на площадке к западу от здания, с бывшим с этой стороны входом в него в виде каменной лестницы. Задачей указанных сторожевых башен являлась, надо полагать, защита юго-западного входа. Что касается остатков башни, обнаруженной в боковой части кургана, то вполне вероятно, что она была наблюдательной. Поскольку здание примыкало к кургану с юго-западной стороны, курганная насыпь закрывала вид на север и северо-восток. Наличие башни по другую сторону кургана позволяло вести наблюдение за окрестностями в северном и северо-восточном направлениях. Было бы вполне логично устройство оборонительных сооружений типа башен и с юго-восточной стороны для прикрытия главных ворот, но так как Люценко с указанной стороны раскопок не произвел, вопрос о том, была ли как-либо защищена юго-восточная сторона здания, его главные ворота, остается без ответа.

Само собой разумеется, что мощные внешние стены самого здания были рассчитаны также на то, чтобы служить достаточно надежным укрытием в случае вражеского набега. Несколько загадочными являются устроенные в северо-восточной наружной стене здания проемы, направленные в сторону кургана (они хорошо представлены на рисунке Гросса). В отчете А. Люценко отмечено, что эти ходы («галерейки»), идущие к «оградной стенке кургана», имеют ширину от 1.25 м (= 1³/₄ арш.) до 1.42 м (= 2 арш.), т. е. они несколько расширяются по направлению к двору, в котором расположена вишневая аллея. Может быть, это были замаскированные, прикрытые курганной насыпью ходы, рассчитанные на тот случай, если во время тревоги пользоваться основными выходами не представлялось возможным?

Не претендуя сейчас на приведение всех возможных параллелей подобного рода укрепленных сельских усадеб, известных в других местах античного мира, укажу только, что укрепленные *villae rusticae*, снабженные башнями, например, известны в Африке в районе римского *limes'a*.²

Напомню, что в северном Причерноморье широко распространены были мощно укрепленные сельскохозяйственные «хутора» — *villae rusticae* — в окрестностях Херсонеса, на Гераклейском полуострове;³ кстати сказать,

¹ В отчете А. Люценко говорит об открытии в насыпи с юго-западной стороны только одной башни, тогда как на схематическом плане Е. Люценко в этом пункте отмечены две башни.

² H. Graillet et N. Frége. *Turris. Daremberg—Saglio*, т. V, стр. 551.

³ Важнейшая литература по Гераклейскому полуострову отмечена в статье И. Н. Вороздина. Новейшие археологические открытия в Крыму. М. 1925.

херсонесские укрепленные «хутора» были также тесно связаны с виноградарством и виноделием.

Таким образом раскопки 1869—1870 гг. на Темир-горе, результаты которых удалось надлежаще осмыслить лишь теперь, благодаря систематическим раскопкам боспорских городов, показывают, что и на Боспоре существовали укрепленные villae rusticae, жители которых вели хозяйство, будучи всегда готовы, в случае вражеского вторжения, укрыться за мощные стены своего дома, а также в примыкающие к нему башни, откуда можно было оказать и соответствующее активное сопротивление.

Остается решить вопрос, к какому времени относится возникновение открытой в 1870 г. на Темир-горе villae rusticae. Внутри нее в помещениях найдены были при раскопках три бронзовые боспорские монеты римского времени: 1) Савромата I (у А. Люценко она именуется монетой Савромата II, но поскольку при этом указаны годы царствования, начиная с 93 г., ясно, что речь идет о Савромате I, царствовавшем с 93/4 по 123/4 г.); 2) Котиса II (123/4—132/3 гг.) и 3) Римиталка (131/2—153/4 гг.).¹

Кроме этих монет, дающих последовательный хронологический ряд, найдены были три несколько более ранних монеты: автономные монеты Фанагории, Пантикалея (типы не указаны) и Кесарии.

На основании монетных находок следует заключить, что villa rustica на Темир-горе существовала в I—II вв. н. э., но возникла она, по видимому, раньше, в эллинистическое время. Жизнь прекратилась в ней во второй половине II в. или в первых десятилетиях III в. н. э., если при решении этого вопроса опираться на показания монетных находок.

V. GAJDUKEVIČ

UNE VILLA RUSTICA FORTIFIÉE SUR LA MONTAGNE TÉMIR

R é s u m é

Lors des fouilles d'un tumulus exécutées en 1869—1870 au sommet de la montagne Témir, à 8 km au NE de Kertch, on a constaté la présence sur les versants de cette montagne de dépôts archéologiques témoignant de l'existence ici dans le passé d'une localité habitée. En 1870, on mit au jour dans la terrasse sud-ouest contiguë à la base du tumulus d'intéressants restes d'un grand édifice. Le plan des ruines déblayées ne fut malheureusement pas dressé. Des recherches dans les archives ont permis de découvrir un croquis de plan fait à vue par E. Liucenko, frère du directeur du musée de Kertch A. Liucenko, qui dirigeait les travaux. Il subsiste également un dessin extrêmement précieux du peintre Gross, qui reproduit une des parties les plus intéressantes de l'édifice dégagé en 1870. La comparaison de ces documents établit que l'énorme édifice exhumé en 1870 dans la terrasse sud-ouest occupait une surface de 1815 m² environ et avait des murs de 2.15 m d'épaisseur. A l'intérieur d'un des locaux (qui était, selon toute probabilité, une cour dans les dépendances), on a découvert une construction, dont l'aspect général est bien représenté sur le dessin de Gross et dont le plan a été reconstitué par l'auteur (v. fig. 5). Cette construction comprend trois parties fondamentales: plateformes cimentées A et B et réservoir y adossé, divisé en deux compartiments α et β .

¹ У Е. Люценко монетные находки определены иначе. По его словам, «при исследовании и очистке от мусора внутренности здания между прочими разными вещами найдено несколько боспорских монет, которые относятся к царствованию Савромата II (93—124), Ройметалка (132—154) и Котиса III (228—233)» (Архив ИИМК, фонд № 28, дело № 16).

Grâce aux fouilles méthodiques effectuées dans ces dernières années sous la direction de l'auteur sur l'emplacement des deux villes bosphoriennes de Myrmékie et de Tyritaké (environs de Kertch), qui ont amené la découverte d'un nombre considérable de monuments de l'industrie vinicole au Bosphore, on peut affirmer aujourd'hui en toute certitude que la construction susindiquée était une antique installation de vinification et non une « citerne pour l'eau », comme le supposait A. Ljucenko. La plateforme B servait incontestablement au foulage du raisin avec les pieds, tandis que sur la plateforme A s'accomplissait l'opération finale — extraction du jus de raisin à l'aide d'une presse. Le jus s'écoulait de la plateforme A par un caniveau en pierre dans le réservoir α , et de la plateforme B dans le réservoir β . Outre cette installation, on a découvert dans l'édifice de la montagne Témir des fosses — caves servant à la conservation des vivres, ainsi que des vestiges d'habitation sous forme de restes de vaisselle, de statuettes en terre cuite, de monnaies, de restes d'aliments.

L'ensemble de ces données conduit à la conclusion qu'il existait ici sur la montagne Témir une maison rurale fortifiée, c'est-à-dire une villa rustica, dont les habitants s'occupaient de viticulture et de fabrication du vin. Cela explique l'épaisseur des murs et la situation même du bâtiment au sommet de la montagne. La présence de restes de tours près de la maison, en particulier de tours protégeant l'escalier de l'entrée sud-ouest, le confirme. À juger d'après la trouvaille dans l'édifice de monnaies des rois de Bosphore Sauro-mate Ier, Cotys II et Rhoemetalkes, ainsi que de monnaies des villes autonomes de Phanagorie, Panticapée et Césarée, la villa rustica de la montagne Témir a existé au Ier et IIe siècles de notre ère, mais elle fut construite probablement encore à l'époque hellénistique tardive.

Des villae rusticae solidement fortifiées sont bien connues dans la presqu'île dite d'Héraclée, aux environs de Chersonèse en Tauride. Ce type existait évidemment aussi dans le Bosphore.

Л. А. МАЦУЛЕВИЧ

КТО БЫЛ КАЛЛИСФЕН, НАЗВАННЫЙ В НАДПИСИ,
ОТКРЫТОЙ В КЕРЧИ В 1894 г.

Склеп, открытый в 1894 г. в Керчи в усадьбе Абдул-Керима, имеет большое значение для изучения судеб Пантикапея и вообще Северного Причерноморья в III—V вв. н. э.¹ При своеобразии его инвентаря, особенно ценным и существенным представляется то, что можно эпиграфическим и археологическим путем определить, кем был тот, кому принадлежал этот склеп и находившиеся в нем предметы. Самое имя владельца их нам сохранила посвятельная надпись на табличке от венца (рис. 1), обнаруженная в склепе.

Табличка с посвятельной надписью, по указанию находчиков «лежавшая над венком на голове остова»,² вырезана из тонкой золотой пластинки. Она квадратная с треугольными выступами по боковым сторонам; внешние углы их заканчиваются тупо.³ Края таблички, включая и выступы, обрамлены ободком из мелких точек, выбитых с оборотной стороны пластинки одна возле другой. На треугольных выступах изображено по плющевому листку, свисающему книзу на топком черенке. Они выполнены контурными линиями, чеканенными, как и обрамление, тоже с оборотной стороны. Других изображений или украшений нет. Форма таблички с двумя треугольными выступами ничем не отличается от обычной, так называемой *tabella ansata*. Украшение боковых придатков листком плюща повторяется в Керчи в склепе Сорока.⁴ Вообще лист плюща получил в надписях римского времени значение разделительного знака, изображение же его на боковых выступах табличек, возможно, имело и специальное значение.

Рис. 1. Золотая табличка с надписью от венца Каллисфена. Найдена в Керчи в 1894 г.

¹ Он будет подробно рассмотрен в подготовляемой мною книге о культуре и искусстве Пантикапея IV и V вв. Настоящая статья является извлечением из этой книги.

² Архив ИИМК. Дело Археологической комиссии № 47/1894. Рапорт № 13 от 30 IV 1894.

³ Размер пластинки: 0.049 × 0.049 м; ширина с выступами 0.070 м.

⁴ Ю. К у л а к о в с к и й. Две керченские катакомбы с фресками. МАР № 19, СПб., 1896, табл. VII.

Основная квадратная часть пластинки занята греческой надписью;¹ только несколько ее букв заходят на боковые выступы. Предварительно гладкое поле таблички было расчерчено девятью линейками. Расстояние между ними почти одинаковое: $4\frac{1}{2}$ —5 мм. Под нижней строкой свободное пространство в 3 мм. Линии продавлены с оборотной стороны, так что на

1) Ἀγαθῆ τύχη[ι]	лицевой они выступают выпукло, но значительно
2) τὸ κοινὸν τῶν	менее выпукло, чем самая надпись. Концы букв
3) διασιτῶν στεφα-	ограничены точками, выдавленными также с оборот-
4) νοῦσι Ἰούλιον Καλλι-	ной стороны. Текст размещен на первых семи стро-
5) σθένην παραφιλάγα-	ках и на последней, 8-я же осталась свободной.
6) θον διὰ βίου	При этом 7-я строка занята не полностью, а на две
7) τεμῆς	трети, находящееся же на 9-й строке единственное
8)	слово всего из пяти букв помещено в правой стороне
9) χάριν	строки, отступя от ее начала приблизительно на

четверть ее длины. Столь значительное количество неиспользованного текстом места должно быть объяснено неточным или даже просто небрежным распределением букв по строкам, без малейшего расчета. Табличка же была расчленена правильно и количество линеек на ней было проведено с точным расчетом равномерно разместить 89 букв надписи по 10 знаков на строке.

Если бы даже допустить, что подобные таблички изготовлялись сразу в сравнительно большом числе впрок, про запас, и что при этом они заранее шаблонно расчерчивались именно на 9 строк, — все же даже такое стандартное количество линеек вполне соответствовало бы размерам нашей надписи. Только от мастера зависело правильно распределить буквы. Начертана надпись в один прием полностью. Никаких пропусков, например, для позднейшего включения имени, не делалось. Имя было написано одновременно со всей надписью. Нет также никаких оснований допускать, что текст подвергся уже в процессе работы сокращению или изменению. Писцу была дана твердая редакция его, включавшая определенное имя. Но он, чекая буквы, не выдерживал их пропорций. Разместив на первой строке 10 букв, т. е. необходимое количество, возможно даже специально запроецированное, он со следующей же строки начинает суживать буквы и последовательно помещает вместо десяти букв на второй строке 11, на третьей — 13, а на соответствующем по длине участке четвертой строки втискивает 15 знаков, резко отличающихся от первой строки суженными пропорциями. К тому же, он еще вытягивает эту строку без всякой нужды на боковой треугольный выступ, нарушая стройность *tabella ansata*. Таким образом четвертая строка поглотила 17 знаков, вместо 10; пятая подобным же образом поглотила 16. Как мастер ни стал потом разгонять по шестой и седьмой строкам последние слова текста, заполнить оставшееся место он уже не смог. В конце концов, в виду необходимости дать надписи графическое завершение, он просто оторвал заключительный предлог *χάριν* от сплошного текста, поместил его в правом нижнем углу, отдельно от непосредственно связанного с ним слова *τεμῆς*, написал его более крупными буквами и растянул в ширину их пропорции. Бессмысленный в своей внешней изолированности предлог получил композиционно преобладающее значение.

Это значение чисто внешнее. Оно не может идти в сравнение с выделением в надписях некоторых боспорских стел последнего слова *χαίρε*, помещавшегося в таком случае строго посредине последней строки. Там

¹ Приведена полностью: В. Шкорпил. Боспорские надписи, найденные в 1907 г. ИАК, вып. 27, стр. 43. Упомянута: IosPE, т. IV, стр. 125, прим. 2; Н. П. Новосадский. Боспорские фиасы. РАНИОН, Тр. Секции археол., III, М., 1928, прим. 53; Шкорпил. Отчет о раскопках в Керчи в 1906 г. ИАК, вып. 30, стр. 52; E. H. Minns. Scythians and Greeks. Cambridge, 1913, стр. 624. ОАК за 1894 г., стр. 44—45.

это было обусловлено глубоким смыслом: выделяемое слово служило прощальным приветствием умершему.¹ Выделять же предлог *χάριν* было бы вообще бессмысленным, поэтому он никогда и не отделялся от своего существительного. Такие выражения, как *τεμῆς χάριν, μνημῆς χάριν, μνείας χάριν*, написаны на стелах нераздельно в сплошном столбце строк и *χάριν* не отведено обособленного и подчеркнутого места.² На нашей посвяtitельной табличке выделение его должно быть отнесено на счет небрежности работы мастера.

Общей неуравновешенности пропорций букв соответствует и колебание в начертании их. Так, *α* встречается в надписи то с прямой перекладиной — *Α*, то с ломаной — *Λ*. При этом обе формы употребляются в одном и том же слове. Например в *παράφιλάγαδον* обе начальных *α* с прямой перекладиной, а вторая пара с ломаной. Подобные колебания обычны в надписях этого времени и они, конечно, не нарушают целостности шрифта, характерного для I—II вв. н. э. Шкорпил³ был склонен слишком тесно сближать время начертания надписи на нашей табличке с надписью Алкима и Филопарты, датированной 14/15 г. н. э.⁴ Но боспорская палеография еще не настолько разработана, чтобы подобное сближение можно было бы признать окончательным. Напротив, между нашей надписью и надписью Алкима-Филопарты существенны черты их расхождения. При сравнении, конечно, необходимо учесть различие материала и связанные с ним особенности техники: в одном случае на тощей пластинке золота, в другом — на плите песчаника, и значительную разницу величины букв: на небольшой табличке они в 6—7 раз меньше, чем на каменной плите. Прежде всего, отличны пропорции букв. На пластинке, даже на тех строках, где они размещены просторно, характерна удлиненность букв. Очертания *Ο* и *Θ* никогда не имеют формы круга, как это постоянно у Алкима-Филопарты. Такое же соотношение между *С* и *Є*. Отличаются на обоих памятниках начертания *Α*, *Π*, *Υ*. На надписи 14 г. у *Ш* по сторонам средней вертикальной прямой две склоняющиеся к ней дуги, тогда как на золотой табличке *ω* состоит из двух как бы скоб, связанных вместе (особенно в начертании *τῶν* на второй строке). В этом отношении, а также и по пропорциям букв, наша табличка может быть сближена и с надписью 163 г. н. э. Евпатора,⁵ хотя последняя написана не полукурсивным округлым письмом, а уставным с ломаными очертаниями *Е*, *С*, *М*; буква же *ω* дана на ней в двух вариантах—ломаном и округлом, каждый по 3 раза. Много палеографически общего у нашей таблички и у стелы 210 г. н. э. Арата.⁶ Однако на последней косая линия *Н* соединяет не концы боковых линий буквы, а достигает только середины правой вертикали, чего на нашей табличке нет. Надпись Каллисфена в целом несколько архаичнее надписи Арата. Время нашей таблички, по палеографическим признакам, вероятнее всего рубеж I—II вв. н. э. Это вполне сочетается с датировкой других предметов, находившихся в склепе Каллисфена.

Поскольку табличка была найдена в могиле на покойнике, можно было бы объяснить небрежность расположения букв на ней изготовлением

¹ Некоторые примеры: В. В. Л а т ы ш е в. Греческие и латинские надписи. МАР, № 23, стр. 57—58, 61. — ИАК, вып. 10, стр. 82. — ИГАИМК, вып. 104, стр. 82, 84—85.

² ИАК, вып. 10, стр. 31, 32, 36, 82. — ИАК, вып. 27, стр. 42. — ИАК, вып. 37, стр. 1—3. — ИГАИМК, вып. 104, стр. 69.

³ ИАК, вып. 30, стр. 52.

⁴ В. В. Л а т ы ш е в. Греческие и латинские надписи. МАР, № 23, стр. 59—60. — IosPE, т. IV, стр. 140—141, № 231. — ОАК за 1895, стр. 20.

⁵ В. В. Л а т ы ш е в. Греческие и латинские надписи. МАР, № 9, стр. 62—64. IosPE, т. IV, № 447.

⁶ ИАК, вып. 10, стр. 31.

ее наспех, специально для погребального убора умершего. Однако самый текст надписи на ней, независимо от момента начертания его на нашей пластинке, воспроизводит или почетный диплом или посвянительскую надпись на дарственном венце или на памятной плите — вообще официальное постановление, сделанное безусловно еще при жизни погребенного. Об этом свидетельствует содержание надписи, в частности, указание на пожизненность присвоенной награды, и, наконец, заключительная формула $\tau\epsilon\iota\mu\acute{\eta}\varsigma \chi\acute{\alpha}\rho\iota\nu$ ¹ «в честь», вместо принятой для надписей по умершим, в частности по умершим фиаситам, «в память» — $\mu\eta\acute{\nu}\eta\mu\eta\varsigma \chi\acute{\alpha}\rho\iota\nu$ или $\mu\upsilon\epsilon\acute{\iota}\alpha\varsigma \chi\acute{\alpha}\rho\iota\nu$.² Отсутствие обычного упоминания официальных лиц общины позволяет считать, что надпись на табличке копирует текст постановления о награде не полностью, а ограничивается, преимущественно, резолютивной частью.

В связи с извлечением для таблички отдельных кусков полного текста постановления, на нее могло быть механически перенесено сказуемое во множественном числе — $\sigma\tau\epsilon\phi\alpha\nu\omicron\upsilon\sigma\iota$. В основном тексте оно соответствовало бы слитному подлежащему, состоящему из имен нескольких официальных лиц и коллектива в целом, перечисление которых обычно на подобных постановлениях фиасов.³ На рассматриваемой посвянительской табличке упоминание должностных лиц заменено суммарным $\tau\omicron \kappa\omicron\iota\nu\acute{o}\nu$. Такая замена была тем возможнее, что она грамматически не нарушала строения фразы: подлежащее в единственном числе могло бы в данном случае сочетаться по смыслу с глаголом во множественном числе — $\tau\omicron \kappa\omicron\iota\nu\acute{o}\nu \sigma\tau\epsilon\phi\alpha\nu\omicron\upsilon\sigma\iota$ — *constructio ad sensum*. Необходимость более краткой формулировки вызвана ограниченностью места на пластинке. Возможно, впрочем, что аналогичные краткие формулировки были вообще обычны в Керчи на подобных табличках. При этом сокращения и редакционные изменения, которые имели место при написании таблички, в основном, видимо, не затронули ничего существенного, относящегося непосредственно к награждению Каллисфена. Возможно, однако, что в пространной редакции постановления были отмечены заслуги, за которые ему присуждалась почетная награда.

Что же касается формулы $\tau\omicron \kappa\omicron\iota\nu\acute{o}\nu \tau\omicron\nu \delta\iota\alpha\sigma\iota\tau\omicron\nu$ как таковой, то, правда, она пока неизвестна на памятниках боспорской округи. В других же районах греческой периферии сочетание $\tau\omicron \kappa\omicron\iota\nu\acute{o}\nu \tau\omicron\nu \delta\iota\alpha\sigma\iota\tau\omicron\nu$ довольно распространено, так как объединения, определяемые термином $\kappa\omicron\iota\nu\acute{o}\nu$, составляли, как показывает фактическое положение вещей, нечто более общее, нечто более широкое по охвату, чем коллективы, определяемые понятием $\sigma\acute{\upsilon}\nu\omicron\delta\omicron\varsigma$, $\delta\acute{\iota}\alpha\sigma\omicron\varsigma$.⁴ Однако допускать, что $\tau\omicron \kappa\omicron\iota\nu\acute{o}\nu$ помещено в нашей надписи потому, что самое постановление о награждении было сделано в данном случае общиной не на официальном сходе и как бы в отсутствии руководящих лиц — нет никаких оснований. Да к тому же подобное постановление не было бы возможно вообще без участия правомочных должностных лиц. В виду того что табличка Каллисфена пока единственный пример на Боспоре формулы $\tau\omicron \kappa\omicron\iota\nu\acute{o}\nu \tau\omicron\nu \delta\iota\alpha\sigma\iota\tau\omicron\nu$, может воз-

¹ Ср. посвянительную стелу фиасита Хелия Павлейнова, сооруженную, явно, еще при жизни его фиасиатами $\tau\epsilon\iota\mu\acute{\eta}\varsigma \chi\acute{\alpha}\rho\iota\nu$ в 221 г. н. э. (ИАК, вып. 37, стр. 2); посвящение царю Савромату II (IosPE, т. II, № 357).

² IosPE, т. II, №№ 60—63; т. IV, №№ 208—211, 469. — ИАК, вып. 10, стр. 31, № 23; стр. 32, № 24; стр. 36, № 28. — ИАК, вып. 14, стр. 116, № 38. — ИАК, вып. 27, стр. 42, № 1. — ИРАИМК, т. II, стр. 97. — ИГАИМК, вып. 104, стр. 69. — ЗОО, т. XIX, стр. 34.

³ Пример множественного числа глагола при слитном подлежащем на надписи фиаситов: ИАК, вып. 37, стр. 2.

⁴ F. P o l a n d. Geschichte des griechischen Vereinswesens. Leipzig, 1909, стр. 167, 163—166. — E. Z i e b a r t h. Das griechische Vereinswesen. Leipzig, 1896, стр. 136.

цикнуть вопрос, в Паптиканее ли она сделана? Не привезена ли она из какого-нибудь центра, хотя бы западного Причерноморья? Но неизвестность на Боспоре данной формулы не должна служить поводом для каких-либо сомнений в местном изготовлении предмета. Ведь здесь не было встречено до сих пор не только этой формулы, но и самой посвячительной таблички, подобной нашей, на которой, прежде всего, и могла бы встретиться такая сокращенная формула. Причину этого нужно искать в том, что пока в Керчи не было открыто ни одного несомненного погребения фиасита,¹ кроме рассматриваемого погребения Каллисфена. О паптикапейских фиаситах мы знали лишь по памятным надписям.

Наконец, если бы все же допустить, что наша пластинка сделана специально для погребального убора умершего, то и тогда бы исключение на ней имен должностных лиц могло бы быть объяснено тем, что имена живых не могли без ущерба для жизни и благополучия их носителей быть начертаны на предмете, предназначенном к захоронению в могиле вместе с покойником. Вследствие этого, обычная на стелах форма постановления с перечислением должностных лиц могла бы быть заменена на погребальной табличке несколько отвлеченным указанием на общину в целом и даже не на *σύνδος*, который и без переименования официальных лиц мог бы казаться слишком конкретным для могильного инвентаря? Хотя подобные предположения не изменяют высказанного выше положения, что надпись на табличке является сокращенной редакцией постановления фиаса, их все-таки должно отбросить как ошибочные. Они исходят из произвольного допущения, будто рассматриваемая пластинка имела только погребальное назначение. Но какие доводы можно привести в пользу предположения об изготовлении ее специально для могильного инвентаря? Находка ее в могиле при костяке не может служить таким доводом; еще меньше оснований для этого в необычности для Керчи формулы *τὸ κοινὸν τῶν Διασιτῶν* или в небрежности распределения букв по строкам. Доводов более веских нет. Напротив, самое содержание надписи, указание на пожизненность награды, заключительные слова «в честь», а не «в память» не оставляют сомнений в том, что наша табличка составляла часть предмета, имевшего значение при жизни погребенного и изготовленного для живого в качестве награды. Табличка, хотя она и сопровождала Каллисфена и после его смерти в могилу, содержит не специфически заупокойную символику, а отражает реальное общественное положение покойного при жизни. Надпись на ней гласит дословно: «С добрым счастьем. Община фиаситов увековечивает Юлия Каллисфена, помощника филагата, пожизненно почести ради».

Возникает вопрос, правильно ли связывать слово «пожизненно» — *διὰ βίου* с предшествующим существительным *παρὰφίλαγον*, как это делалось до сих пор всеми,² или и грамматически правильнее связывать его с глаголом, со сказуемым *στεφανοῦσι*. Иными словами, вопрос в том, был ли, согласно надписи, Каллисфен пожизненным парафилагатом или, будучи парафилагатом, был удостоен чести пожизненного пошения венка. Порядок награждения в паптикапейских фиасах и вообще во всех фиасах боспорской округи пока неизвестен, в практике же, например, фиасов западного Причерноморья применялись в виде награды разные виды венцов в зависимости от заслуг награждаемого. Так, в Каллатии при денеж-

¹ Склепы, связываемые К. М. Колобовой, на основании настенных изображений, с навклерами-эмпорами, были неоднократно посещаемы грабителями и, кроме глиняного светильника с изображением двух рыб, находок не дали (К. М. К о л о б о в а. К вопросу о судовладении в древней Греции. ИГАИМК, вып. 61, Лгр., 1933, стр. 60—64. — ИАК, вып. 47, стр. 17 — Ср. ОАК за 1894 г., стр. 88—89).

² IosPE, т. IV, стр. 125 прим. 2. — Н о в о с а д с к и й, ук. соч., стр. 60, 70, прим. 53. — Е. М i n n s, ук. соч., стр. 624.

ной подписке на возобновление одного храма подписавшиеся в сумме до одного золотого (т. е. статера) должны были получить для пожизненного ношения венец почета, а имена их написаны на памятной стеле — *εἶμεν στέφανον φιλοτιμίας διὰ βίου καὶ ἐγγραφὰν εἰς στάλαν*.¹ Подписавшие тридцать серебряников, кроме помещения их имен на памятной стеле, получали более простой венец, который уже не назывался, как первый, «венцом почета». Он давался тоже в пожизненное пользование, но право ношения его ограничивалось днями триетерий, т. е. только временем периодических религиозных празднеств фиаса, справлявшихся один раз в три года, — *εἶμεν τὰν τε ἐγγραφὰν καὶ στέφανον ἀπ[ὸ] [εὐεργ]εσίας τῶν триετηρίδων διὰ βίου*.² Подобный венец и тоже с ограниченными правами ношения его должна была получить и ведавшая постройкой храма коллегия из трех лиц.

Таким образом обычай пожизненного увенчивания применялся в Каллатии довольно широко, по степень и права пожизненного пользования были различны. В течение долгого времени с момента присвоения фиаситами описанных венцов в III в. до н. э. вплоть до веков римского владычества могло и должно было произойти не мало изменений. Однако и в практике первой четверти I в. н. э., т. е. во время, сравнительно, близкое нашему Каллисфену, известно постановление каллатийских фиаситов увенчивать некоего Аристопа Аристонова сына в продолжение каждого синода и в течение всех дней, в которые фиаситы собираются, — *στεφανοῦν κατὰ πᾶσαν σύνοδον καὶ κατὰ πᾶσαν ἡμέραν ἐν αἷς ἀδροῖζονται*.³ Такая формулировка на одной мраморной стеле, воздвигнутой при царе Каллатии Котисе, сыне Ройметалка, т. е. около 19 г. н. э.,⁴ равносильна формуле *διὰ βίου*. Поэтому вполне вероятно, что последняя употреблялась в это время также и в других подобных случаях. По крайней мере, мы неоднократно встречаем ее в сочетании *φιλότιμος διὰ βίου*, что, быть может, указывает на пожизненное увенчивание «венцом почета» — *στέφανος φιλοτιμίας διὰ βίου*.

На возможность обычая пожизненного увенчивания в практике пантикапейских фиасов указывает сопоставление следующих косвенных данных. Почти во всех сходах (*σύνοδος*) фиаситов упоминаются среди официальных лиц *φιλάγαθος* и *παραφιλάγαθος*, занимавшие по рангу третьи-пятые места.⁵ Парафилагат, по прямому смыслу слова, был определен Латышевым и следовавшими ему учеными, как помощник, заместитель или товарищ «добролюба».⁶ Таким образом его официальные функции в фиасе были признаны подчиненными, не самостоятельными. И вот, если отнести формулу *διὰ βίου* нашей золотой таблички к слову *παραφιλάγαθον*, как это сделал Латышев, и вслед за ним Новосадский,⁷ то окажется, что эта третьестепенная и несамостоятельная роль, иногда и вовсе не упоминаемая в надписях,⁸ «в некоторых — по словам Новосадского — случаях, вероятно

¹ Th. S a u c i u c - S ā v e a n u. Callatis. Dacia, т. I, Bucarest, 1924, стр. 128, строки 7—8, рис. 38.

² Там же, стр. 128, строки 10—11.

³ Там же, стр. 140, строки 30—31. Ср.: Th. S a u c i u c - Š a v e a n u. Observations concernant deux décrets des «thiasites» de Callatis. Dacia, т. I, стр. 324.

⁴ V P ā r v a n. A propos du «basileus» Cotys de Callatis. Dacia, т. I, стр. 363—367 — S a u c i u c - S ā v e a n u. Callatis, стр. 142.

⁵ IosPE, т II, №№ 60—62, 439—443, 445—448, 451, 453—455; т. IV, №№ 209—212. — ИАК, вып. 10, стр. 33, № 25. — ИАК, вып. 27, стр. 42, № 1. — ИАК, вып. 37, стр. 2, № 1. — ИГАИМК, вып. 104, стр. 69.—ЗОО, т. XXVI, стр. 60—62.

⁶ IosPE, т II, стр. 59.

⁷ Там же, т IV, стр. 125, прим. 2. — Н. И. Н о в о с а д с к и й, ук. соч., стр. 66, 70 прим. 53. — Ср. E. M i n n s, ук. соч., стр. 624.

⁸ IosPE, т II, № 63; т. IV, №№ 421, 469. — ИАК, вып. 14, стр. 116.

в зависимости от личных достоинств данного лица и доверия к нему»,¹ будто бы могла получить неожиданную значимость и почетность не в пример прочим. Только Юлий Каллисфен среди официальных лиц вообще всех рангов и, в частности, среди всех 25 известных нам по надписям парафилагатов один удостоился чести якобы быть пожизненным «помощником». Возникает сомнение, можно ли считать для него действительно честью быть всю жизнь помощником, т. е. быть как бы лишеным возможности продвижения по иерархической лестнице, хотя бы до филилагата. Абсурдность такого положения, вытекающая из формалистичного подхода Латышева к тексту, могла бы быть отчасти смягчена, если отказаться от этимологического толкования начального *πάρρα* как указания на функции помощника. Возможно, что понимание термина *παραφιλάγαθος*, как обозначение лица подчиненного, было ко времени нашего Каллисфена утрачено и функции парафилагата были обособленными, самодовлеющими. Но это было бы только кажущимся смягчением абсурда. Неленость, почему именно пятистепенная роль фиаситской иерархии однажды была удостоена почести стать пожизненной, оставалась бы не объясненной. Корень же недоразумения в том, что *διὰ βίου* ошибочно связано Латышевым с *παραφιλάγαθον*;² оно должно быть отнесено к сказуемому *στέφανουσι* без малейшего насилия над грамматикой, над синтаксическим построением фразы. Не даром же в надписи взят глагол именно *στέφανουσι*, а не какой-нибудь другой, например *τιμᾶσι*. В отношении должностного положения Каллисфена, таким образом, ничем не отличался от остальных известных нам парафилагатов. Он занимал рядовую должность. В надписи нет никаких указаний на то, что к исполнению обязанностей по должности он был допущен на исключительных, а не на общих основаниях.

Итак, текст на золотой табличке, начинающийся с обычной благожелательной греческой формулы *Ἀγαθῆ τύχη*, т. е. «счастливо», «в час добрый», имеет следующее содержание: община фиаситов увенчивает в знак почета пожизненным венцом Юлия Каллисфена, парафилагата. Такое понимание надписи помогает, вместе с тем, определить и назначение самой таблички. Она служила начальной пластинкой почетного пожизненного венца Каллисфена.

Характер должности парафилагата (если это была должность) или значение звания парафилагата (если это было звание) неизвестны. Помяловский, основываясь, главным образом, на довольно произвольном толковании смысла редко употреблявшегося глагола *φιλιχαδέω*, сближал обязанности филилагата с обязанностями синагога по подготовке коллективных пиршеств фиаса и распорядительству на них.³ Соображениями Новосадского такое сближение можно считать отвергнутым.⁴ Нисколько не приблизил нас к выяснению реальной роли парафилагата чисто формальный перевод Латышева: «товарищ добролюба».⁵ Несостоятельность столь внешнего, неисторического толкования объясняется тем, что и Латышев определял обязанности официальных лиц «на основании значения слов», как он сам однажды выразился.⁶ Недавно высказанная Н. И. Ново-

¹ Н. И. Новосадский, ук. соч., стр. 66.

² Вообще же сочетание с существительным формулы *διὰ βίου* не было на Боспоре исключительным. Она, в частности, встречается в титуле некоторых боспорских царей этого времени: «ἀρχιερεὺς τῶν Σεβαστῶν διὰ βίου» (IosPE, т. II, № 39, ср. № 355. — В. В. Латышев. *Понτικά*. СПб., 1909, стр. 110—113).

³ И. В. Помяловский. О танаитских коллегиях. Тр. VI АС, т. II, Одесса, 1888, стр. 27.

⁴ Н. И. Новосадский, ук. соч., стр. 65.

⁵ IosPE, т. II, стр. 59—61. — Ср.: Ю. Марти. Новые эпиграфические памятники Боспора. ИГАИМК, вып. 104, стр. 69.

⁶ ИРАИМК, т. I, М.—Л., 1921, стр. 26.

садским попытка объяснить роль парафилагата отличается обстоятельностью, по и она основывается опять-таки на этимологическом происхождении слова, хотя и учитывает возможность специфического значения термина τὸ ἀγαθόν у греков того времени. По его мнению, это было должностное лицо, обязанностью которого, совместно с филагатом, было наблюдать за поведением членов общества»; «они же решали вопрос о нравственных достоинствах тех, кто желал вступить в число членов общества»; они были связаны «тяжелой моральной ответственностью». Оттого-то, по мнению Новосадского, несение этих обязанностей и поручалось двум лицам — филагату с помощником.¹ По существу и Новосадский ставит знак равенства между названием должности и фактическими функциями лица, занимающего ее. Но функции на протяжении времени могут меняться; к тому же термин, первоначально обозначавший должность, может получить значение почетного звания и, наоборот, первоначально почетное звание может быть перенесено на должность. Примером многообразности значения термина может служить близкое по грамматическому составу слово φιλότιμος, широко распространенное в надписях фракийских фиасов. С одной стороны, это — должность, быть может, почетная — своего рода попечителя дома судовладельцев. Один из филотимов дома навклеров устраивает на собственные средства очаг или жертвенник — φιλότιμος τοῦ οἴκου τῶν ναυκλήρων κατασκεύασεν ἐκ τῶν ἰδίων τὴν ἐστίαν.² С другой стороны, в одной надписи из Томи перечислено шесть филотимов, из которых один διὰ βίου φιλότιμος.³ Относительно последнего можно предположить, что он награжден пожизненным «венцом почета» — στέφανος φιλοτιμίας διὰ βίου. И относительно остальных пяти трудно думать, что все они занимали какую-то должность филотимов. Слишком невероятно, чтобы в небольшом фиасе было пять одинаковых должностей. Скорее всего, «филотим» в данном случае все же обозначает почетное звание, а не должность, указывает тоже на присвоение венца, только менее почетного и не в пожизненное пользование.

Таким образом грамматическое толкование должностного термина не обязательно совпадает с действительным, часто многообразным и изменчивым положением дел. Относительно пантикапейского парафилагата II—III вв. н. э. все же можно считать, что он был должностным лицом фиаса, так как его имя значится среди возглавлявших синод официальных лиц почти на всех известных нам многочисленных сходах фиаситов.

Археологические данные — устройство склепа Юлия Каллисфена, способ захоронения, состав погребального инвентаря — не содержат ничего специфического, что раскрыло бы перед нами существо и своеобразие обязанностей парафилагата. Нет также специально культовых предметов, которые подчеркивали бы преимущественно религиозный характер связи парафилагата с другими членами фиаса или были бы связаны со служением его «всевышнему» — θεὸς ὑψιστος. Не дают на это указаний и изображения на умвоне щита, находившегося в склепе Каллисфена.⁴ Зато социальное положение Каллисфена получает отчетливое, конечно неисчерпывающее, освещение. Указание на его принадлежность к общине фиаситов ограничивается лишь одним венцом и посвятительной табличкой. Других указаний на это в подборе предметов, сопровождавших погребаемого в могилу, нет, если не приписывать подобной роли самому факту паличия у Каллисфена

¹ Н. И. Новосадский, ук. соч., стр. 65—66, ср. стр. 68.

² E. Ziebarth, ук. соч., стр. 32, прим. 1.

³ O. Hirschfeld. Inschriften aus der Dobrudscha. Archaeologisch-epigrafische Mitteilungen aus Oesterreich, Jahrgang VI, Wien, 1882, стр. 19—20. — Ziebarth, ук. соч., стр. 155.

⁴ Рассмотрению их посвящена особая глава в упомянутой выше подготовляемой мною книге.

оружия, в частности, щита с изображениями на последнем. Отсутствие религиозной специфики в погребальном инвентаре фиасита и сохранение в нем в какой-то степени бытовой характеристики умершего — знаменательно. Уж одно это показывает, что пантикапейский фиас, — по крайней мере тот, в котором состоял членом наш Каллисфен и во времена Каллисфена — был объединением не исключительно на религиозной основе.¹ Какие именно производственные потребности или классовые интересы вызвали к жизни фиас, значащийся на нашей посвященной табличке, не знаем. Были ли это интересы, потребности и нужды исключительно судовладельческой и торговой знати, как полагает К. М. Колобова относительно боспорских фиасов,² и был ли фиас, увенчавший нашего Каллисфена, обязательно частью единого боспорского объединения фиасов, именно павклеров-эмпоров, — археологических указаний на это нет, как, впрочем, нет указаний и противоречащих этому или свидетельствующих об иных производственных или бытовых основах данного объединения. При всем этом обязанности должности парафилагата боспорского фиаса остаются неизвестными.

Каллисфен был погребен в склепе довольно больших размеров, рассчитанном на два саркофага. По свидетельству заведывавшего керченским музеем К. Думберга, лично видевшего большую часть склепа еще не разобранной владельцем усадьбы на строительный камень, он отличался «своей тщательной отделкой». Весь склеп выстроен из тщательно отесанного хорошего известняка.³ В обоих отделениях склепа находилось по каменному саркофагу с гладкими стенками без украшений. Крышек саркофагов Думберг не застал в целости — они были уже разбиты находчиками. На чертеже разреза склепа, сделанном на основании схематичной и суммарной съемки, показаны неодинаковые в обоих случаях крышки — на женском полукруглая, на мужском с прямыми боковыми стенками и округлым верхом. Такое различие в реконструкции крышек, вероятно, основано на форме разбитых кусков камня. Но общая нетщательность и неумелость съемки заставляет относиться с осторожностью к восстановлению Думбергом формы крышек. У саркофага Каллисфена крышка была прикреплена четырьмя железными болтами. На втором саркофаге будто бы не было подобного. Места болтов были установлены Думбергом, очевидно, по гнездам для них, имеющимся на верхнем крае саркофага. На чертеже они показаны не на углах, а на боковых стенках, отступя от углов почти на полметра. Такое размещение болтов должно было иметь реальные основания. Родится мысль, не было ли по углам крышки акротериев, которые и затруднили или даже вовсе не позволили пропустить болты сквозь углы крышки и заставили отодвинуть их на полметра вдоль стенок. Наличие их Думберг легко мог упустить, поскольку крышка была в кусках. Не последним ли объясняется и то, что крышка показана массивной, сплошной, без выемки с внутренней стороны? Имел ли Думберг возможность разобраться в кусках камня, в которые были превращены крышки и которые, по видимому, были смешаны с камнями самого склепа, так как к приходу Думберга к месту находки раскопщики «уже разрушили потолок и восточную стену гроб-

¹ Ср.: Э. Р. Штерн. Надпись религиозного общества из Феодосии. ЗОО, т. XXIV, стр. 35. — Н. И. Новосадский, ук. соч., стр. 68. — М. И. Ростовцев. Античная декоративная живопись на юге России. СПб., 1914, стр. 432—433. — С. А. Жебелев. Боспорские этюды. ИГАИМК, вып. 104. М.—Л., 1934, стр. 55.

² К. М. Колобова, ук. соч., стр. 60—95. Ср. дополнения и замечания С. А. Жебелева (Боспорские этюды. ИГАИМК, вып. 104, стр. 45—56), Е. Г. Кагарова (Проблемы, 1934, № 7—8, стр. 201—202) и А. С. Коцевалова (там же, стр. 202—205).

³ Архив ИИМК. Дело Археологической комиссии № 47/1894. Рапорт от 4 V 1894 за № 16.

ницы женщины?»¹ Таким образом саркофаг Юлия Каллисфена, повидимому, был известным в Пантикапее типом гладкостенных саркофагов с высокой крышкой с акротериями.² Внутри саркофагов находились деревянные ящики, будто бы из кипариса, без крышек. Они были совершенно разрушены находчиками еще до прихода Думберга. Костяки в них лежали «на толстых слоях лавровых листьев», которыми было покрыто все дно.³ Кроме того, у Каллисфена «весь остов был усеян с головы до ног листьями ариит из тоненького золота,⁴ а у женщины часть их лежала будто бы на груди.⁵ В коллекции Эрмитажа среди вещей из склепа Юлия Каллисфена сохранилось некоторое количество лавровых листьев, которыми могло быть устлано дно гроба; сохранились также листки из очень тонкого золота без черенков для прикрепления их к венку и просто кусочки листового золота, которыми могли быть осыпаны трупы.

Подобный способ захоронения характерен для Пантикапея преимущественно первых веков н. э. Так, в известном склепе кургана «невдалеке от сахарного завода кн. Херхеулидзева», открытого А. Ашиком в 1841 г., было обнаружено 14 деревянных гробов с крышками. «Находящиеся в них остовы лежали на подстилке из лавровых листьев». «Близ гробов разбросаны были скорлупы яичные, каштаны, орехи; у крайних сторон склепа собраны кости баранов и птиц».⁶ Было ли что-либо подобное, кроме уже упомянутых листьев, в склепе нашего Каллисфена, неизвестно. Находчики, так называемые «счастливчики», легко могли не обратить на это внимания, будучи ослеплены обилием золота. Погребение склепа Ашика относится ко времени не раньше последней четверти II в. н. э., так как на головной повязке одного из погребенных отсиснута монета Марка Аврелия 173 г.⁷ В другом керченском кургане, вскрытом тоже во времена Ашика, была обнаружена каменная гробница, перекрытая, подобно гробнице Юлия Каллисфена, каменными плитами. В ней покойник «лежал в деревянном гробу, украшенном алебастровыми фигурами, на лавровых листьях и маковых цветах».⁸

Еще больше совпадений с погребением Юлия Каллисфена дает находка Шкорпила в 1905 г. Им был раскопан мраморный саркофаг с двускатной крышкой с акротериями. Внутри него деревянный гроб, «не имевший крышки», как и гроб Каллисфена. Костяк в нем лежал «на толстом слое лавровых листьев».⁹

Что же касается обряда покрытия или посыпания трупа погребяемого кусочками или листочками золота, то в дневниках керченских раскопок мы постоянно встречаемся с указаниями на них. Они имеют форму большей частью листа апия или «просто кусочков листового золота разпой формы», как и в нашем склепе. Труп усеян ими то «от шеи до ног», то только «верхняя часть костяка от головы до талии» покрыта ими, то небольшая группа их лежит на груди погребенного или «начиная от колен и на поясе».¹⁰

Все это позволяет признать, что как характер самого склепа, так и каменный саркофаг, и наличие в нем деревянного гроба, и самый ритуал по-

¹ Там же.

² Ср. ИАК, вып. 30, стр. 33.

³ Архив ИИМК. Ук. дело. Рапорт от 30 IV 1894 за № 13 и от 4 V 1894 за № 16.

⁴ Там же. Рапорт от 30 IV 1894 за № 13.

⁵ Там же.

⁶ А. Ашик. Воспорское царство, ч. II. Одесса, 1848, стр. 50. ДБК, табл. III, № 1.

⁷ А. Ашик. Часы досуга. Одесса, 1851, стр. 154.

⁹ ИАК, вып. 30, стр. 33.

¹⁰ ИАК, вып. 47, стр. 12, № 38; стр. 23, № 59; стр. 50—51, № 26; стр. 53, № 30; стр. 60, № 47; стр. 64, № 59. — ОАК за 1891 г., стр. 53, 151, 154. — ИАК, вып. 30 стр. 15, № 58.

требения на слое листьев и с осыпанием трупа сверху золотыми листками — все это обычно в Паптикалее римского времени и ничем не выделяет Юлия Каллисфена среди других представителей верхов пантикипейского общества. Это дает право подчеркнуть, что в лице Каллисфена мы можем видеть рядового представителя пантикапейской знати.

В связи с этим необходимо еще раз вернуться к тексту таблички — *Τὸ κοινὸν στεφανοῦσι Ἰούλιον Καλλισθένην*. Теперь будет своевременным обратить внимание на то, что оба имени собственных в этой фразе даны в винительном падеже. Это значит, что звали увенчанного венком собственно Каллисфеном, Юлий же было его родовым именем — *πομπ.* Если бы было иначе и собственно именем его было Юлий, то второе имя стояло бы в родительном падеже — *στεφανοῦσι Ἰούλιον Καλλισθένους*.¹ Юлий в таком случае оказался бы сыном Каллисфена. Но из сочетания на пластинке двух винительных падежей явствует, что речь на ней идет о Каллисфене из рода Юлиев или, как Латышев в таких случаях считал вероятным, о боспорце Каллисфене, который, имея права римского гражданства, был приписан к роду Юлиев. Впрочем, относительно последнего предположения Латышеву казалось «странным, что столь многие лица были приписаны к одному и тому же роду Юлиев».² Нет оснований для предположения об опiske: *Καλλισθένην* вместо *Καλλισθένους*. Род Юлиев, или предполагаемая приписка пантикапейских граждан именно к нему, действительно, существовал на Боспоре. Об этом свидетельствует ряд надписей на стелах, тщательно различающих употребление падежей отцовского имени и родового. Так, в надписи 221 г. н. э. в честь Хелия Павлейпова³ наблюдаем, с одной стороны, следующие сочетания: *περὶ ἱερέα Ἰούλιον Νεικηφόρον* и *περὶ φιλάγαθον Ἰούλιον Ζενόδωρον*, с другой стороны: *περὶ συναγωγὸν Μαστοῦν Ἀντιμάχου*, *περὶ παραφιλάγαθον Ἄρδαρον Θεοφίλου*, *Ἦλιον Παυλείνου*. Здесь только в двух случаях — обоих, касающихся представителей рода Юлиев, — пары имен собственных даны в винительном падеже; у остальных же второе имя рассматривается как отцовское и приведено в родительном падеже. То же сочетание двух винительных на стеле 214 г. н. э. в память Каллиста Бафиллова:⁴ *περὶ πατέρα συνόδου Ἰούλιον Σαμβίωνα*. Опять-таки здесь патер фиаситского синода Самбион родом Юлий. Из того же рода был тысяченачальник конца II в. н. э. Менестрат (*Ἰούλιος Μενέστρατος*).⁵ Юлиями были начальник конюшни Симмах Стратоников и жрец Психарион, участвовавшие в 234 г. н. э. в сооружении храма в Китее.⁶ Повидимому, к роду Юлиев принадлежал еще *Ἰούλιος Ἠλίττας*, соорудитель двух поминальных стел.⁷

Итак, можно считать установленным, что родовое имя (*πομπ.*) Юлиев продолжало существовать на Боспоре и в конце II в. н. э. и в первой половине III в., т. е. немногими поколениями позже Каллисфена. Ряд пантикапейцев с этим именем состояли членами фиаса и занимали в нем, даже

¹ Ср. «*περὶ συναγωγὸν Μάην Καλλισθένους*» — стела Атты Трифонова (ИГАИМК, вып. 104, стр. 69); «*Περὶ ἱερέα Καλλισθένην Καλλισθένους*» — стела Каллиста Бафиллова (ИАК, вып. 10, стр. 32); «*Χρηστίων υἱὲ Καλλισθένους*» (ИАК, вып. 40, стр. 108, № 22); «*Ψυχὴ γυνὴ Καλλισθένης*» (ИАК, вып. 27, стр. 47, № 4); «*Καλλισθένης Στεφανός*» (ИАК, вып. 33, стр. 24, № 3); *Μενέλαε καὶ Καλλισθένη οἱ Μενελάου* (ИАК, вып. 37, стр. 5, № 4).

² В. В. Л а т ы ш е в. Неизданные боспорские надписи. ИРАИМК, т. II стр. 90—91.

³ ИАК, вып. 37, стр. 1—3.

⁴ ИАК, вып. 10, стр. 32.

⁵ IosPE, т. II, № 357; ср. № 428.

⁶ ИРАИМК, т. II, стр. 85. — ИГАИМК, вып. 104, стр. 62.

⁷ IosPE, т. IV, №№ 349—350. — MAP, № 17, стр. 50, № 50; ср.: IosPE, т. IV, № 421.

одновременно,¹ высшие должности. Не был ли род этих Юлиев связан с династией Тибериев-Юлиев, боспорских царей, царствовавшей с последней четверти I в. н. э. (Τιβέριος Ἰούλιος Ῥησκούπορις 71—92 гг. н. э.), не был ли он побочной ветвью рода Тибериев-Юлиев? В частности же, относительно родового имени нашего Каллисфена, поскольку на его левой руке был надет римский перстень, не рядовой по своему характеру, возникает еще частное предположение, которое пока, на основании имеющихся данных, не может быть окончательно разрешено. Перстень золотой с вправленной в него печаткой из аметиста с врезанным изображением императора Клавдия (41—54). Клавдий представлен в образе Зевса с лавровым венком на голове и с эгидой на груди.² Сбоку подпись резчика Скилакса.³ Не попал ли этот подписанный художником перстень с императорским изображением в Пантикапей в связи с тамошними событиями времени царствования Клавдия? Успешные для римлян военные действия 49 г. н. э. закончились разгромом союзников Мифридата Боспорского, выдачей и привозом его самого в Рим. Во главе победоносного римского отряда из немногочисленных когорт стоял, по словам Тацита, римский всадник Юлий Аквила (Julius Aquila). За свои успехи он был награжден знаками преторского достоинства — *insignia praetoria*.⁴ Нет ли связи между нашим Каллисфеном, носящим родовое имя Юлиев, и этим Авкилой из рода Юлиев? Не этой ли связью объясняется наличие у Каллисфена перстня с императорским изображением Клавдия? Не от Авкилы ли, как главного участника событий середины I в. н. э., или же от близких ли его унаследовал его Каллисфен? Вопросы пока остаются открытыми.

Что же касается собственно имени Каллисфена, то из него не представляется возможным почерпнуть указания на этническую принадлежность Юлия Каллисфена. Такое имя на Боспоре мог бы носить и грек и, по видимому, римлянин, и грецизованный сармат или алан.⁵ Только совокупность археологических данных помогает подойти к этому вопросу. Ритуал погребения Юлия Каллисфена настолько типичен для варварской и варваризованной пантикапейской знати, что в лице его нельзя видеть иноземца, случайного, сравнительно недавнего пришельца. Скорее всего он происходил из коренной местной сарматской среды. Видеть в нем иудея на основании только того, что он был членом *фиаса*, неправильно. Это Латышев допустил подобное, слишком свободное обобщение относительно *фиаситов* в одной из последних своих статей.⁶ Шюрер же видел только воздействие на *фиасы* пропаганды иудейской, усматривал таковую в упоминаниях культа всевышнему богу в Танаидских надписях.⁷ Но в пантикапейских более ранних *фиаситских* надписях как раз нет формулировок, связанных с культом.⁸ К тому же, Шюрер мог указать среди *фиаситов* только два имени,

¹ ИАК, вып. 37, стр. 1—3.

² М. И. Максимова. Античные резные камни Эрмитажа. Лгр., 1926, стр. 86, № 12, табл. III, 9.

³ О Скилаксе см.: A. Furtwängler. Die antiken Gemmen. Leipzig—Berlin, 1900, т. III, стр. 358; т. I, табл. XLI, 26; LVII, 10; т. II, Beschreibung und Erklärung der Tafeln XLI, 26; LVII, 10. — A. Furtwängler. Gemmen mit Künstlerinschriften. Jahrbuch des Archaeologischen Instituts, т. III (1888), табл. 10, № 24; табл. 11, № 6; т. IV (1889), стр. 49—50. — Ср. Н. К. Е. Köhler. Abhandlung über die geschnittenen Steine mit den Namen der Künstler. Gesammelte Schriften, т. III, СПб., 1851, стр. 74, 96, 159, 175, 188.

⁴ Scythica et Caucasica, т. II, СПб., 1904, стр. 238—241.

⁵ Ср. С. А. Жебелев, ук. соч., стр. 53—54.

⁶ В. В. Латышев. Заметки по греческой эпиграфике. ИРАИМК, т. I, стр. 25.

⁷ E. Schürer. Die Juden im bosporanischen Reiche. Sitzungsber. der Preuss. Akad. der Wissensch. zu Berlin, т. XIII, 1897, стр. 217—219.

⁸ Ср.: С. А. Жебелев, ук. соч., стр. 55.

которые, по его мнению, могли бы быть объяснены из еврейского.¹ Оба эти имени встречаются в танаидских надписях III в., т. е. значительно позже времени Юлия Каллисфена. Нужно прибавить еще, что Новосадский, в противоположность Шюреру, видел в боспорских фиасах влияние христианских общин,² а по мнению Штерна они являлись «как бы последней попыткой протеста против победоносно распространяющегося христианства».³ Таким образом, хотя надпись на золотой пластинке и указывает, что Каллисфен был фиаситом, из этого еще не следует, что он был иудей. Как бы исторически ни была ценна возможность доказать последнее, данных для этого нет. В нашем Каллисфене мы должны видеть скорее всего грецизованного сармата, не одно поколение предков которого крепко обосновалось в Пантикапее. Во всяком случае, он не вышел непосредственно из царского рода Тибериев-Юлиев, но был, действительно, знатного происхождения, как это уже показал нам самый характер его погребения и как это следует из надписи на табличке его почетного венца. Она читается, таким образом, полностью так: «В час добрый! Община фиаситов увенчивает в знак почета пожизненным венцом Каллисфена из рода Юлиев, парафилагата».

Посвятительная табличка с этой надписью занимала центральную часть венца.⁴

Склеп Юлия Каллисфена был сооружен на кладбище, возможно, действительно принадлежавшем его фиасу и, повидимому, среди могил других пантикапейских фиаситов. По крайней мере, в саду той же усадьбы и по соседству с его склепом была открыта сохранившаяся в значительной части известняковая стела в память фиасита Папы Дмитриева сына, Монохордова впука, поставленная его фиасом.⁵ В нижней части ее, под посвятительной надписью, вырезан большой, высотой в 18 см., знак — родовой, семейный, личный, фиаситский или царский. По всем данным, он одновременен с надписью. Совершенно такой же повторен и под строками текста на стеле Фиарсена Феодорова сына.⁶ Последний отличается только большей вытянутостью пропорций (выс. 35,5 см) и небрежностью исполнения. Знаки этого типа, как таковые, являются своеобразными, сложившимися в условиях родового общества произведениями искусства, в которых художественный образ выражен в схематизованных графических формах. Вариант стел Папы и Фиарсена почти совпадает с образцами на одной танаидской плите⁷ и на стеле Херака,⁸ особенно ценных тем, что время их точно определено 193 и 208 гг. н. э. От них он отличается только верхней частью композиции. На знаках в редакции стелы Херака наверху помещено геометризованное изображение двойной птицы или пары птичьих протом, обращенных в противоположные стороны. У Папы и Фиарсена средний круг увенчан большой птицей, сидящей в профиль вправо, переданной в прямолинейных очертаниях. Характер стилизации ее может быть сопоставлен с изображением метки на коне на рельефе Атты Трифонова сына,⁹ а также на знаке,

¹ E. Schürer, ук. соч., стр. 218. Танаидские надписи, на которых Шюрер базируется, относятся ко времени от 220 г. н. э. до 236 г. н. э. (IosPE, т. II, №№ 434, 446—448, 451, 454).

² Н. И. Новосадский, ук. соч., стр. 64, 66, 68.

³ ЗОО, т. XXIV, стр. 35 (прилож. к протоколам).

⁴ Данные для реконструкции венца в целом и связанный с этим круг вопросов более общего порядка в настоящей статье, за ограниченностью места, опускаются.

⁵ ЗОО, т. XIX, стр. 5—6. IosPE, т. IV, № 209. — Ю. Ю. Мартин. Описание Мелек-Чесменского кургана. ЗОО, т. XXXI, стр. 39, № 32.

⁶ Хранится в Керченском историко-археологическом музее им. А. С. Пушкина.

⁷ IosPE, т. II, № 423.

⁸ ИАК, вып. 40, стр. 112—114.

⁹ ИГАИМК, вып. 104, стр. 69.

помещенном на керченском надгробии с указанием в надписи того же имени,¹ на стеле Ареты,² среди graffiti склепа 1872 г.,³ на фрагментированной плите Керченского музея,⁴ на наконечнике ремня, найденном в Керчи в 1910 г., и др.⁵ Пространный вариант аналогичного изображения птицы со включением треугольной части дают тамаидская плита 163 г. н. э.,⁶ таманский рельеф с никами⁷ и другие многочисленные памятники.⁸

Все эти данные в совокупности позволяют отнести стелу фiasита Папы Дмитриева, Монохордова внука, к концу II или к началу III в. н. э. и, тем самым, определить время смерти Папы рубежом II и III вв. Таким образом Папа Дмитриев, если он прожил даже долгую жизнь, едва ли мог застать в живых Юлия Каллисфена. Они не были современниками в прямом смысле. Тем не менее, можно ли считать случайностью, что они оказались погребенными поблизости друг от друга, если, конечно, не считать, что стела Папы Дмитриева могла быть найдена не на первоначальном месте, на котором была воздвигнута над могилой, а привезена сюда позже откуда-то со стороны. Данных для подобных сомнений, однако, нет. Поэтому допустимо предположение, что близость места погребения Папы и Каллисфена вызвана тем, что они принадлежали к одной общине фiasитов, располагавшейся, хотя бы на протяжении двух-трех поколений, одним и тем же кладбищенским участком.

Опуская здесь подробное рассмотрение обследований Думбергом и Шкорпилом этого места Керчи, нельзя не остановить внимания на том, что при раскопках никаких фiasитских предметов или соответственных изображений не найдено и ничего специфического в самом ритуале не обнаружено. Но ведь и в склепе самого Каллисфена не было специально культовых предметов, и способ его погребения оказался типичным для широких слоев пантикапейской знати; ничто не говорило о культе единого, «всевышнего бога», обычно считаемого основной осью объединения боспорских фiasов. Можно ли поэтому говорить, что отсутствие данных о находке фiasитских предметов в гробницах возле склепа Юлия Каллисфена опровергает предположение, что данный участок мог принадлежать фiasитской общине и что обнаруженные погребения будто бы никакого отношения к фiasитам иметь не могли. Не показывает ли, напротив, этот факт, что для боспорских фiasов этого времени религиозная специфика не была типичной, не была ведущей основой объединения. Если бы расследование участка вокруг склепа Юлия Каллисфена и места находки стелы Папы Дмитриева было произведено тщательно и своевременно (Шкорпил копал в этом районе спустя 12 лет после открытия склепа Каллисфена), могла бы быть установлена взаимосвязь между отдельными гробницами. Рядовой характер большинства их и ограниченное количество в них роскошных предметов явилось бы ценным указанием на то, что община фiasитов обнимала, по крайней мере во времена Каллисфена, не только знать, но и средний слой пантикапейцев, так или иначе связанный общими интересами.

¹ IosPE, т. IV; № 283. — K i e s e r i t z k y u n d W a t z i n g e r. Griechische Grabreliefs aus Südrussland. Berlin, 1909, табл. XLIV, № 631.

² K i e s e r i t z k y - W a t z i n g e r, ук. соч., табл. XVI, № 232.

³ М. И. Ростовцев. Античная декоративная живопись, табл. LXXXIII.

⁴ ИАК, вып. 37, стр. 30, рис. 3.

⁵ Там же, стр. 32, рис. 9.

⁶ МАР, № 9, стр. 62—53. — IosPE, т. IV, № 447.

⁷ ИАК, вып. 37, стр. 23, рис. 1.

⁸ Там же, стр. 31—32. — ОАК за 1891 г., стр. 53, рис. 29. — K i e s e r i t z k y - W a t z i n g e r, ук. соч., рис. 16. — Записки Северо-кавказского краевого общества археологии, истории и этнографии, кн. I (т. III), вып. 5—6. Ростов/Дон, 1929—1930, стр. 10, рис. 1.

Склеп Юлия Каллисфена был двойным. Во второй половине его была погребена женщина. Как приходилась она Каллисфену, документально неизвестно. Но наличие каменного саркофага, установка в нем такого же, как у него, деревянного гроба без крышки, тот же способ погребения на подстилке из лавровых листьев и с осыпанием трупа сверху золотыми листками, аналогичность отдельных частей ее венка с венком Каллисфена, характер вещевого инвентаря со значительным числом предметов роскоши — все указывает, что, скорее всего, это была его жена. Исследования костного материала для установления рентгенологическим путем возраста погребенных произвести невозможно, так как костного материала не сохранилось — он сразу же в руках раскопщиков «превратился в муку».¹ Таким образом поскольку можно считать, что Юлий Каллисфен был женат, он был, во всяком случае, не юношей. Тем самым предположения об эфебическом характере боспорского фиаса,² по крайней мере того, в котором состоял Каллисфен, должны отпасть. Это, впрочем, следует и из прямых указаний надписи горгийского фиаса павклеров, отмечающей в числе рядовых членов двух стратегов и трех ἐγχιλίων οἰκονόμοι.³

Часть вещевого инвентаря, сопровождавшего Каллисфена в могилу представляет собой предметы вооружения. Опуская в настоящей статье разбор данных о них, ограничусь перечислением. Некоторые из них, как то меч и кинжал, находились непосредственно при погребенном; щит был помещен с наружной стороны саркофага, в ногах; части панциря и парадная конская уздечка лежали в нише у изголовья. Меч был длинный, с характерной для сарматских мечей халцедоновой шайбой на конце рукояти, обычно увенчиваемой шляпкой из золота со вставками цветных камней. От щита сохранился высокий железный умвоц, обложенный с лицевой стороны листом бронзы с рельефами. Панцирь, по видимому кожаный, был снабжен двумя железными позолоченными бляхами-фаларами.

Таким образом Юлий Каллисфен вырисовывается перед нами воином. Учитывая принадлежность его к знати, а также наличие на руке перстня с императорским изображением, и принимая во внимание вообще весь состав погребального инвентаря и, наконец, самый характер склепа, «отличающегося своею тщательной отделкой», допустимо считать, что он занимал командную воинскую должность и мог быть даже стратегом.

Нет ничего неожиданного или нового в том, что фиасит — впервые на основании вещественных, археологических источников — предстал перед нами в качестве воина и, возможно, даже стратега. Большая надпись горгийского фиаса павклеров, относящаяся к рубежу II и III вв., отмечает среди рядовых членов общины двух стратегов.⁴ Но относительно последних остается открытым вопрос, были ли они военными или гражданскими должностными лицами. С. А. Жебелев указал, что в это время «под стратегами можно с равным правом разуметь и гражданских магистратов».⁵ На другой фиаситской надписи из Тапанса упомянут рядовой фиасит Οὐαλέριος στρατιώτης.⁶

Однако из того, что Юлия Каллисфена можно признать воином, или из отдельных эпиграфических упоминаний воинов в числе фиаситов нет оснований утверждать, что боспорские фиасы вообще носили воинский характер, что «особенностями фиасов Пантикапси являются», на ряду с исклю-

¹ Архив ИИМК. Дело Археологической комиссии № 47/1894.

² ИАК, вып. 27, стр. 44. — Ср.: И. В. Помяловский, ук. соч., стр. 27.

³ ИАК, вып. 37, стр. 38—43. Объяснение этих должностей см.: С. А. Жебелев, ук. соч., стр. 52.

⁴ ИАК, вып. 37, стр. 39, строка 15.

⁵ С. А. Жебелев, ук. соч., стр. 52.

⁶ IosPE, т. II, № 442.

ченем женщин, участие в них только воинов». ¹ Такое преувеличенное подчеркивание Ростовцевым воинского характера пантикапейских фиасов было важно для его концепции о «тесной связи религии и культов Боспора с культом доримского Мифры». Ограничивая состав общины только воинами, он хотел выдвинуть аналогию с культом Мифры, «где такую видную роль играет, — по его словам, — и термин *miles*». ²

Столь решительно поддерживаемое и даже подчеркнутое Ростовцевым положение было выдвинуто Шкорпилом на основании следующих соображений. «На памятниках боспорских фиаситов, где были или сохранились рельефы, встречаются изображения только двух типов: изображен либо юный вооруженный пехотинец, опирающийся левым локтем на колонну, либо безбородый вооруженный всадник на спокойно стоящем коне, обращенном вправо; иногда за всадником следует конный слуга. На эфебический характер обществ указывают, как было уже замечено относительно танаидских фиасов И. В. Помяловским, также названия должностных лиц *γυμνασιάρχης* и *νεανισκάρχης*, встречающиеся в двух пантикапейских надписях». ³

Уже Н. И. Новосадский обратил внимание на несостоятельность этого мнения. Он отметил, что количество барельефов, на которых основывается Шкорпил, «настолько незначительно по сравнению с общим числом надписей, дошедших до нас от боспорских фиаситов, что делать из них общий вывод едва ли возможно. Кроме того, если бы все члены боспорских фиасов были воинами, то указывать на это при именах некоторых лиц было бы совершенно излишним. Наконец, в одной надписи среди членов фиаса находится *ὁ ἐπὶ τῆς αὐλῆς*, которого, конечно, нельзя считать воином». ⁴

В самом деле, определение некоего Дафна в надписи на стеле, поставленной в память его самими фиаситами, ⁵ как «*ὁ ἐπὶ τῆς αὐλῆς*», обозначает правителя дворца, управляющего дворцом или занимающего какую-то подобную дворцовую должность. ⁶ Поэтому изображение этого гражданского чиновника с мечом, кинжалом и луком, верхом на спокойно стоящем коне показывает прежде всего то, что на рельефах надгробий в таком виде представляли и не воина, и что наличие на них оружия еще не является указанием, будто основным занятием изображенного была военная деятельность. Правда, можно возразить, что во главе управления царским дворцом в некоторых случаях могло быть поставлено и военное лицо и что как раз этот-то случай мы и имеем в лице Дафна. Последний, тем самым, хотя он и занимал гражданскую должность, должен, мол, рассматриваться как военный; изображение на нем предметов вооружения нужно, мол, воспринимать как показатель его воинского достоинства. Но у Дафна на рельефе нет даже щита, не говоря уже о шлеме, что мы в праве ожидать у пантикапейского воина, тем более, по своему общественному положению, несомненно не рядового. Тацит противопоставляет вооружение боспорянина легкому вооружению сарматского конника-степняка — *Bosporani tutabantur nostris in armis*. ⁷

Горит с луком и длинное копье занимают определенное место и в росписи керченского склепа, в котором был погребен некто Анфестерий, бывший,

¹ М. И. Ростовцев. Античная декоративная живопись, стр. 432, прим. 3. Там же, стр. 433.

² В. В. Шкорпил. Боспорские надписи, найденные в 1907 г. ИАК, вып. 27, стр. 43—44.

³ Н. И. Новосадский, ук. соч., стр. 67—68.

⁴ *IosPE*, т. II, № 65.

⁵ В. В. Латышев однажды дал крайне модернизированный перевод: «министр царского двора» (*IosPE*, т. II, № 48; ср. № 342). *Kieseritzky-Watzinger* считали, что Дафн как должностное лицо — «ein Hofmarschall» (ук. соч., № 627).

⁷ *Scythica et Caucasica*, т. II, стр. 238.

приблизительно, современником интересующего нас сейчас Дафна и Юлия Каллисфена. Какое бы культовое содержание ни имела написанная на стене склепа картина, она все же разработана в типе идилической сцены скотоводческого кочевнического быта.¹ Она рассказывает о конкретном этапе в скотоводческом хозяйстве, о переходе кочевничества к новым формам, связанным с длительными остановками и, в частности, с разбивкой для жилья юрты. Наличие оружия на картине указывает не на воинский лагерь, а на готовность в степной обстановке каждого защищать свое хозяйство от всяких случайностей.

Не каждый, у кого имеется оружие, может быть признан воинским чином. В этом отношении исключительна по своей показательности и убедительности стела Стратоника Зенонова сына.² Он изображен верхом на спокойно стоящем коне, повернутом направо. Левой рукой он держит рукоять меча, в правой — уздечка. На обращенном к зрителю правом бедре укреплен кинжал с характерной для сарматского времени рукоятью с кольцом на конце. За седлом подвешен горит с луком. В отношении вооружения и типа изображения Стратоник ничем не отличается от рельефов Дафна и остальных фиаситов,³ на основании которых Шкорпил и признал всех их за воинов. Если, за ничтожным исключением, мы конкретно не знаем ни общественного положения этих фиаситов, ни рода их деятельности, то в отношении Стратоника Зенонова эпитафия с четкостью показывает, что он был не военным. «Будущие времена, — гласят строки надписи, — узнают из [твоих] книг твою неизмеримую прелестную мудрость».⁴ Слова эпитафии еще не оправдались. Пока мы точно не знаем, был ли он ученым, философом, литератором. Но во всяком случае наличие оружия на его изображении должно указывать на что-то иное, а не на воинскую профессию.

Ошибка Шкорпила не в том, что он основывался на недостаточном числе памятников, а в том, что принял за специально воинский и фиаситский тот тип изображений на стелах боспоранцев, который на самом деле был общеупотребительным и широко распространенным. И фиасит и нефиазит изображались на надгробиях одинаково.⁵

Невозможно, конечно, допускать, что и нефиазитские стелы являются на самом деле фиаситскими. Принадлежность же их фиаситу будто бы не указана в надписях лишь потому, что поставлены они не общиной фиаситов, а родственниками. Быть может, на такую мысль наведет кого-нибудь существование двух надгробий с именами Атты Трифонова сына. Одно из них с фиаситской надписью,⁶ другое с памятной записью общего характера.⁷ Ю. Ю. Марти считает, что в данном случае мы имеем дело не со случайным совпадением имен двух разных лиц, а со стелами одного и того же лица.

¹ ОАК за 1878—1879 гг., Атлас, табл. I.

² Хранится в Керченском историко-археологическом музее им. С. А. Пушкина (ИАК, вып. 54, стр. 71—75, рис. 2).

³ Конные изображения фиаситов: K i e s e r i t z k y W a t z i n g e r, ук. соч., табл. ХХХІХ, № 574; XLV, № 648 (= IosPE, т. II, № 60); № 625 (= IosPE, т. II, № 365). — ЗОО, т. ХХІІ, стр. 128 прот. (= IosPE, т. IV, № 210); т. ХХVІ, стр. 60—62. — ИГАИМК, вып. 104, стр. 69, рис. 7. От двух рельефов, на которых еще основывался Шкорпил, сохранились лишь конские копыта; они в счет итти не могут (IosPE, т. IV, № 208; ИАК, вып. 10, стр. 35—36, № 27).

⁴ ИАК, вып. 54, стр. 73. Перевод В. В. Шкорпила.

⁵ Конные изображения нефиазитов: K i e s e r i t z k y W a t z i n g e r, ук. соч., табл. ХLІ, №№ 599, 600; ХLІІІ, №№ 626, 619, 622; ХLVI, № 657 — ИГАИМК, вып. 104, стр. 79—80, рис. 15. — ИАК, вып. 54, стр. 75—76, № 6.

⁶ ИГАИМК, вып. 104, стр. 68—70, рис. 7.

⁷ K i e s e r i t z k y W a t z i n g e r, ук. соч., табл. ХLIV, № 631. — IosPE, т. IV, № 283.

По его мнению, одну стелу ему поставили товарищи по общине, другую родственники.¹

В подкрепление своей догадки Марти ссылается еще на два надгробия, одному лицу поставленные». ² Дело идет об известных стелах с именами Маста Мастова сына. ³ Но эти стелы не могут быть ни в каком отношении аналогичней в желаемом Марти смысле. Прежде всего, ни одна из этих стел не поставлена родственниками — обе сооружены фиасами. К тому же в надписях на них названы разные лица, только носившие одинаковое имя. Факт именно совпадения имен у двух лиц явствует в данном случае из того, что обозначенный в надписи состав фиаса, соорудившего в каждом отдельном случае стелу, совершенно иной. Ни одно имя не совпадает. При сооружении одной стелы жрецом был *Καλοῦς*, при сооружении другой *Παντάγαθος*; синагогом на первой указан *Χρῶσης*, на второй *Μίχας*. То же наблюдаем и у остальных должностных лиц: один филагат *Τρύφων*, другой *Εὐρήμων*; парафилагаты — *Βασιλείδης* и *Ἦνις*, прагматы — *Πάτρις* и *Φαρνάκης*. Несомненно, это совершенно различные фиасы и, вероятно, не одновременные. Самое большее, что можно признать относительно Маста, это то, что мы имеем здесь дело если не с совершенно случайным совпадением имен, то с представителями разных поколений одной семьи.

Но ведь и относительно Атты Трифонова еще ни в коей мере нельзя считать доказанным, что на обоих надгробиях подразумевается одно и то же лицо. Быть может, и здесь мы имеем дело с совпадением имен двух разных людей.

Поэтому нет оснований признать даже за гипотезу мысль, что общность изображений на фиаситских и нефиаситских надгробиях объясняется тем, что и последние принадлежат также членам фиасов, но только история умалчивает об этом, так как такие надгробия были, мол, поставлены родственниками умерших, а не общиной фиаситов.

Общность объясняется не этим. Рельефы на надгробиях хотя и передают некоторые действительные черты быта, как то: форму предметов вооружения, одежду, но в целом на них дан отвлеченный художественный образ. Корнями он восходит к представлениям, сложившимся в кочевнических степях в условиях родового общества. Именно меч, кинжал, лук и стрелы, конь или конская уздечка сопровождали покойника в могилу. Именно изображение меча и горита с луком составляют, как и на керченских надгробиях, характерную черту каменных статуй предка.⁴ Последние, схематически передавая только условные признаки человеческой фигуры, дают, в противоположность этому, правдиво вырисованные особенности подлинных предметов вооружения. Самый характер рельефа на керченских надгробиях этого времени, его стиль, говорят, что перед нами не портрет, а отвлеченное, условное культовое изображение знатного умершего. Вот источник общности фиаситских и нефиаситских надгробий.

Среди фиаситов только один Маст Мастов сын, который изображен со щитом, копьями и мечом,⁵ может быть с большим правом, чем все остальные, признан воином. Но опять-таки тип изображения его в виде стоящей скорбной фигуры, облокотившейся на колонну, как и вариант той же ком-

¹ ИГАИМК, вып. 104, стр. 70.

Там же, стр. 70.

² IosPE, т. II, №№ 61—62.

³ А. А. Миллер. Новый источник к изучению связи Скифии с Кавказом. ИРАИМК, т. IV, стр. 103. — ESA, т. IV (1929), стр. 294—296.

⁴ ОАК за 1876 г., стр. 214—215. — И. И. Толстой и Н. П. Кондаков. Русские древности в памятниках искусства, вып. 1, рис. 27. — Kieseritzky-Watzinger, ук. соч., табл. XXXIII, № 455. — IosPE, т. II, № 61.

позиции без щита, но с подвешенными на крюке горитом и кинжалом, являются общими и для фиаситских и для нефиаситских рельефов.¹

Вхождение отдельных воинов в фиас не делало боспорские фиасы воинскими объединениями. Воин-профессионал, представитель знати, должен был быть желанным сочленом хотя бы для организации защиты предприятий тех же павклеров-эмпоров или других производственных и торговых объединений, задачи которых совпадали с его классовыми и имущественными интересами. Если бы в фиас его влекли преимущественно религиозные побуждения, если бы в пантикапейском фиасе того времени задачи культа, в частности служение единому «всевышнему богу», играли главенствующую ведущую роль, если бы это были чисто религиозные общества, если бы стержень объединения фиаситов был в то время исключительно культовый, то культ этот обязательно отразился бы в погребальном инвентаре фиасита, и хотя бы отдельные, специфически фиаситские предметы не могли бы не попасть в могилу, тем более, если данный фиасит играл в общине некоторую роль, хотя бы, например, занимая должность парафилагата. В этом отношении особенно ценен для нас склеп Юлия Каллисфена. Ведь в лице Каллисфена мы впервые имеем дело с пока единственным несомненным пантикапейским фиаситом, окруженным некоторым числом подлинных предметов, так или иначе с ним связанных. Выше уже было обращено внимание на то, что в этом — столь показательном для нас — погребальном инвентаре единственным свидетелем связи Каллисфена с фиасом является веночек с посвянительной надписью.

Каллисфен был рядовым представителем боспорской знати нач. II в. н. э. Родом он Юлий или только приписан к этому роду; возможно, он связан именно с Юлием Аквиллой — римским всадником, прославившимся на Боспоре во время военных действий 49 г. Этнически Каллисфен, скорее всего, сармат из семьи, длительно живущей в Пантикапее и эллинизованной, — во всяком случае это типичный боспорянин, а не сторонний пришелец, не иноземец. Он воин, быть может даже стратег. К моменту смерти был не юношей и, по видимому, женатым. Нет оснований считать, что к вступлению в фиас его побудили религиозные соображения. Фиас, в котором состоял членом Каллисфен и в его время, был, скорее всего, производственным объединением. Ничто не указывает, что целью общины было служение $\theta\epsilon\omicron\varsigma\ \upsilon\phi\iota\sigma\tau\omicron\varsigma$. За какие-то заслуги Каллисфен, уже состоя членом фиаса и будучи в нем должностным лицом, был награжден пожизненным венцом.

Нет оснований думать, что он был привлечен к несению должностных обязанностей на каких-то исключительных условиях. Напротив, надпись на его венце подчеркивает, что он был рядовым должностным лицом фиаса — обыкновенным парафилагатом.

В открытом в 1894 г. в Керчи каменном склепе был погребен, таким образом, не случайный пришелец, не чужестранец, не неведомое лицо, а коренной пантикапеец, эллинизованный сармат, типичный представитель местной культуры — Каллисфен, родом Юлий.

¹ Примеры фиаситских надгробий: ИАК, вып. 27, стр. 42. — Толстой и Кондаков, ук. соч., вып. 1, рис. 26. Примеры нефиаситских надгробий: K i e s e r i t z k y W a t z i n g e r, ук. соч., табл. XVI, № 232; XXXII, № 453; XXXV, № 494; XXXVI, № 529 и мн. др.

L. MATZULEVIČ

QUI ÉTAIT CALLISTHÈNE, NOMMÉ DANS L'INSCRIPTION
DÉCOUVERTE À KERTCH EN 1894 ?

R é s u m é

L'examen du sépulcre découvert à Kertch en 1894, en particulier de l'inscription dédicatoire sur la couronne, permet d'établir ce qui suit au sujet du mort.

Son nom était Callisthène. C'était un représentant ordinaire de la noblesse bosporientine du début du IIe siècle de notre ère. Il appartenait à la gens de Julius ou lui était seulement incorporé; peut-être était-il lié précisément avec Julius Aquila, le cavalier romain qui s'illustra au Bospore au cours des opérations militaires de l'an 49 (Tacite). Au point de vue ethnique, Callisthène était un Sarmate de famille hellénisée, non un étranger, mais un Panticapéen de naissance et un représentant typique de la culture locale. C'était un guerrier, peut-être même un stratège. Au moment de sa mort, il n'était plus un adolescent et était apparemment marié. On n'a pas de raisons de supposer que ce soient des motifs religieux qui l'aient engagé à entrer dans le thyasos. Rien n'indique que le thyasos se consacraît au culte de θεός ὑψιστος. En récompense de ses mérites, Callisthène, alors déjà membre du thyasos et y exerçant certaines fonctions, reçut une couronne à vie. On n'est pas fondé à croire qu'il ait été appelé à exercer ces fonctions à des conditions exceptionnelles. Au contraire, l'inscription sur sa couronne souligne qu'il était un fonctionnaire ordinaire du thyasos — un paraphilagathes comme les autres.

Nous avons en la personne de Julius Callisthène le premier et pour le moment l'unique membre de thyasos incontestablement panticapéen, entouré d'un certain nombre d'objets authentiques liés à lui d'une manière ou de l'autre.

Л. П. ХАРКО

ФРАГМЕНТ ФРИЗА С ИЗОБРАЖЕНИЕМ ГИГАНТОВ
ИЗ СТАНИЦЫ ТАМАНСКОЙ

В июле 1926 г. археологической экспедицией РАНИОН, в которой принимал участие и автор настоящих строк, был замечен находящийся в ограде б. Покровской церкви в станице Таманской фрагмент мраморного фриза с остатками рельефа, на котором ясно распознавалась фигура гиганта. Один из местных жителей сообщил нам, что ему известен еще аналогичный обломок, лежащий неподалеку от Покровской церкви на юг, на современном кладбище в качестве надгробной плиты. Через некоторый промежуток времени камень был доставлен с кладбища. Сличив оба фрагмента, мы тотчас же убедились в несомненной принадлежности их одному и тому же памятнику. Оказалось, что о происхождении обломков никому ничего неизвестно. Местный Красведческий музей также никакими сведениями не располагал. В результате поисков — пересмотра научной литературы и архивных материалов, касающихся исследований на Таманском полуострове в прошлом, — мне удалось совершенно точно выяснить, что обнаруженный нами в 1926 г. памятник является как раз тем, о котором в 1876 г. сообщал К. К. Гёрц, как об исчезнувшем из вида.¹

В архиве Керченского музея мне удалось найти два документа, подписанных К. Р. Бегичевым (занимавшим в свое время должность исправляющего обязанности директора Керченского музея древностей) и оставшихся неизвестными К. К. Гёрцу. Содержание их таково:

«22 сентября 1851 г. № 64.

г. Градоначальнику Лазареву.

В последний проезд мой через Тамань 15-го этого месяца мне показали там древний мрамор, открытый случайно одним из тамошних переселенцев по имени Григорий Литвиненко при добывании им камня для своей постройки в насыпи, где была расположена старая турецкая крепость. Мрамор этот около 1¹/₂ арш. длины и 14¹/₂ вершков ширины, представляет в рельефе 2-х гигантов (géants) превосходной работы, но к сожалению сильно поврежденных. Находя во всяком случае приобретение этого мрамора интересным для Музеума, я приказал в то же время доставить его сюда, обещая хозяину исходатайствовать приличную за него награду. Донося об этом в. п., я имею честь покорнейше просить распоряжения вашего о награждении упомянутого Григория Литвиненко за полезное сохранение им мрамора 25 р. сер. в поощрение ему и в пример прочим жителям г. Тамани. Бегичев».²

Через четыре месяца Бегичевым было отправлено повторное отношение керчь-еникальскому градоначальнику.³

¹ К. Гёрц. Исторический обзор археологических изысканий на Таманском полуострове. М., 1876, стр. 40.

² Архив Керченского музея, дело 1851 г.

³ Судя по письму, тогда должность градоначальника исполняло уже другое лицо.

«31 января 1852 г. № 11. г. Градоначальнику.

Представляя при сем в. с. в копии рапорт мой бывшему градоначальнику г. контр-адмиралу Лазареву за № 64, коим исходатайствовал о награждении Григорию Литвиненко 25 р. сер. за приобретенный от него мною для здешнего Музеума мраморный барельеф, представляющий 2-х гигантов — я имею честь донести в. с., что на рапорт этот не последовало от г. Лазарева никакого удовлетворения. Почему я осмеливаюсь ныне обратиться к в. с. с моей покорнейшей просьбой о том же. Бегичев».¹

Несомненно, что в документах, приводимых К. К. Гёрцем и опубликованных мною, речь идет об одном и том же памятнике. Но поскольку в них имеется некоторое разноречие, попытаемся в нем разобраться. Мы располагаем, следовательно, такими материалами: 1) письмом К. Р. Бегичева Л. А. Перовскому от 21 сентября 1851 г. (цитированным К. К. Гёрцем); 2) рапортом К. Р. Бегичева градоначальнику Лазареву от 22 сентября 1851 г. № 64 (цитированным мною); 3) ответным письмом секретаря Л. А. Перовского от имени последнего от 7 ноября 1851 (цитированным К. К. Гёрцем); 4) рапортом К. Р. Бегичева новому градоначальнику от 31 января 1852 г. (цитированным мною)² и, наконец, сообщением К. К. Гёрца.

На основании всех этих данных, обстоятельство находки и дальнейшая судьба интересующего нас памятника рисуются в следующем виде. Найден он в первой половине сентября (или в конце августа) 1851 г. в станице Таманской случайно местным жителем Литвиненко при добывании им камня для своей постройки в пашыи, где располагалась раньше старая турецкая крепость. 15 сентября 1851 г. его впервые увидел Бегичев. В рапорте своем от 22 сентября 1851 г. о виденном памятнике он сообщил керчь-еникальскому градоначальнику Лазареву. В этом рапорте Бегичев сообщил размеры фрагмента и упомянул о сильном его повреждении. По мнению Бегичева, предмет представлял интерес для Керченского музея, и он (Бегичев) распорядился доставить рельеф в Керчь,² пообещав владельцу его, Г. Литвиненко, исходатайствовать вознаграждение. На этот рапорт не последовало ответа, и Бегичев принужден был вторично 31 января 1852 г. обратиться к градоначальнику с просьбой о вознаграждении Литвиненко за «приобретенный у него» мраморный барельеф для Керченского музея. Одновременно с посылкой указанных рапортов Бегичев вел переписку с Петербургом, которую выдержками цитирует Гёрц. Из этой переписки видно, что по уведомлении Бегичевым Перовского о новой находке на Тамани, секретарь Перовского от имени последнего отвечал, что «так как мрамор этот найден при разысканиях на счет графа, то г. министр заметил, что было бы не лишним спросить предварительно его сиятельство, не пожелает ли он оставить эту находку для себя». Таким образом мы видим, что в лице Перовского Керченский музей встретил конкурента и претендента на право обладания этим памятником. Неизвестно, продолжалась ли переписка по этому поводу с Петербургом, но предполагаю, что, поскольку в рапорте к градоначальнику от 31 января 1852 г. Бегичев вторично просил о вознаграждении Литвиненко и называл вещь «приобретенной для Керченского музея», постольку, вероятнее всего, Перовский от рельефа отказался.

Неизвестно, получил ли Литвиненко деньги и был ли перевезен мрамор в Керченский музей, но из сообщения Гёрца мы узнаем, что памятник исчез из поля зрения археологов уже до 1859 г., иначе его видел бы Гёрц в бытность свою на Таманском полуострове в 1859 г. Памятник, повидимому, не будучи куплен, оставался у Литвиненко. Обнаружение его нами в 1926 г.

¹ Архив Керченского музея, дело 1852 г.

² Из этого рапорта трудно заключить, однако, был ли все-таки рельеф доставлен в Керчь или оставался, несмотря на распоряжение Бегичева, у Литвиненко.

в Таманской станице подтверждает, что предмет не был вывезен в Керчь, несмотря на тот повышенный интерес, который вызвал он в тогдашних археологических и административных кругах.

Приступим к описанию памятника.

Выше я указал обстановку и условия обнаружения фрагментов (в 1926 г.), принадлежность коих друг другу несомненна.

Размеры первого фрагмента (рис. 1, а): дл. 0.54 м, выс. 0.49 м, толщина в основании 0.225 м.

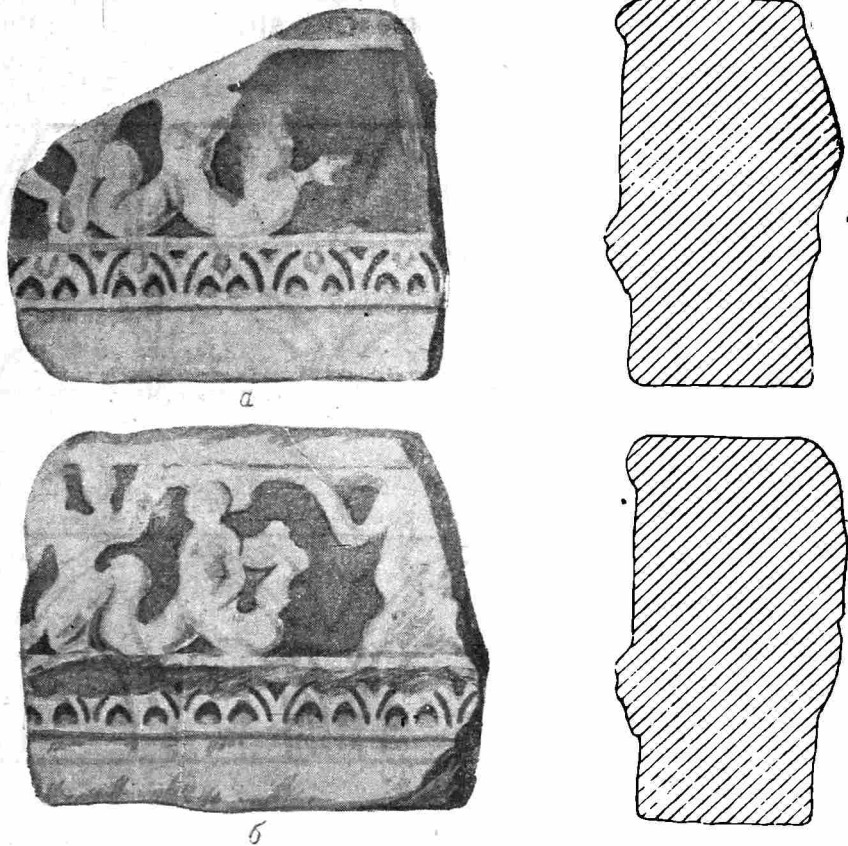

Рис. 1. Два фрагмента мраморного фриза с изображением гигантов, найденные в станице Таманской.

Размеры второго фрагмента (рис. 1, б): дл. 0.60 м, выс. 0.49 м, толщина в основании 0.22 м.

Мы видели выше, что и Бегичев и Гёрц все время говорят об одном фрагменте с двумя гигантами; размеры мрамора, по сообщению Бегичева, составляют «около 1¹/₂ арш. длины и 14¹/₂ верш. ширины», что при переводе на метрическую систему составляет около 1.063 м длины и 0.643 м ширины. Шириной у Бегичева названо то измерение, которое я назвал высотой. Оговорка Бегичева («около») свидетельствует о приблизительном измерении памятника. Длина 1.063 м (по Бегичеву) выражает ту цифру, к которой приблизится цифра 1.14 м в результате сложения 0.54 и 0.60, т. е. сложения цифрового выражения длины обоих фрагментов по моему обмеру. Таким образом разница между измерением Бегичева и моим заключается всего лишь в 0.077 м. Такая небольшая ошибка вполне возможна у Бегичева, поскольку измерение производилось, как я указал уже, не абсолютно точно. Тем же может быть объяснена несколько большая разница в измерении ширины — высоты Бегичева и моего, выражающаяся в 0.153 м.

Очевидно, фрагмент, найденный в 1851 г., кем-то был преднамеренно распилен или разбит пополам в целях использования этих кусков мрамора для строительных целей.

Мрамор обоих фрагментов белый, среднего зерна. Оба фрагмента весьма похожи друг на друга как по стилю и технике, так и в отношении сохранности. Фрагмент *а* имеет сильно обветрившуюся скульптурную поверхность, фрагмент *б* к тому же весь обсажен слоем моха, затрудняющего восприятие изображения.

Значительная часть левого угла фрагмента *а* отбита, у фрагмента *б* справа отбиты верхний и нижний углы. Сверху и снизу мрамор срезан, и обе плоскости — верхняя и нижняя — параллельны друг другу; с лицевой сто-

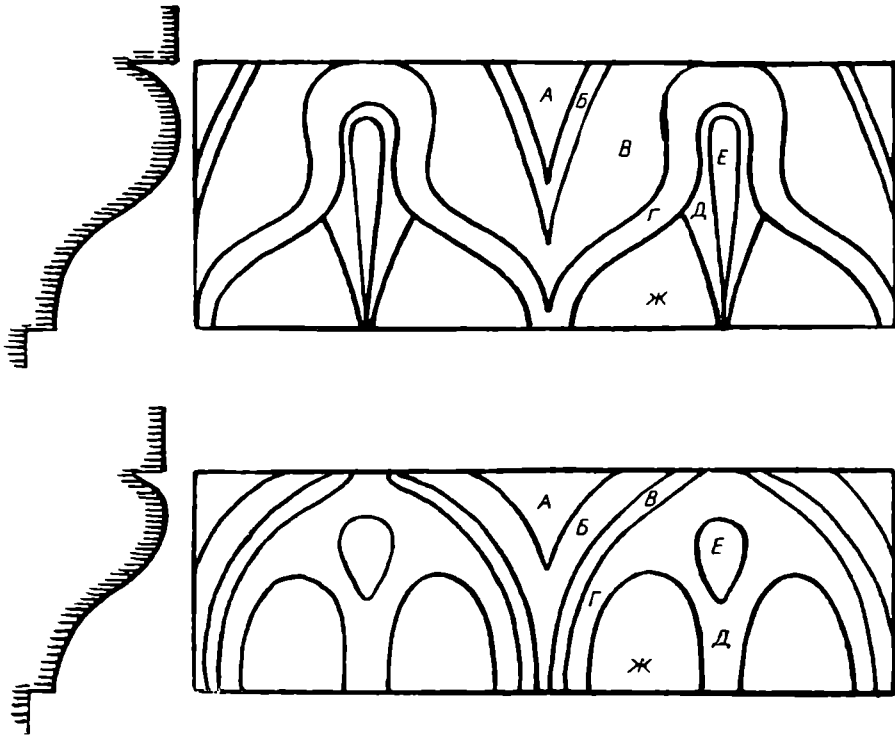

Рис. 2. Сопоставление искаженного лесбийского киматия, украшающего таманский фриз (внизу), с нормальным типом того же орнамента (вверху).

роны верхняя часть фрагментов заполнена горельефом, обрамленным снизу узкой полосой мулюра с архитектурным орнаментом; последний отделяет горельеф от гладкой нижней части блока.

Обратим внимание на орнаментацию мулюра, имеющую профиль каблучка; ширина его вместе с полочкой 0.085 м у обоих фрагментов. Все мои попытки найти полную аналогию такой орнаментации мулюра не увенчались успехом. Возникла мысль — не является ли данный рисунок искажением одного из видов «канонического» орнамента. Сопоставления подтвердили это предположение. Известно, что мулюры ионийские орнаментировались почти всегда, для чего применялись преимущественно или овы, или лесбийский киматий, имеющий вид, указанный на рис. 2, и употреблявшийся только для орнаментации мулюров с профилем в форме каблучка.¹ Совершенно очевидно, что орнаментация мулюра на таманском фрагменте оказывается искажением лесбийского киматия, причем искаже-

¹ О. Ш у а з и. История архитектуры, стр. 217—280. — A. S p r i n g e r. Die Kunst des Altertums. 12-е изд., Лейпциг, 1923, стр. 142—143.

нием настолько сильным, что на первый взгляд между типом нормальным и искаженным не заметно ни малейшего сходства. Только при сличении соответствующих друг другу отдельных элементов орнамента обнаруживается родство между ними. Сопоставим таманский орнамент с нормальным и отметим одинаковыми обозначениями общие у них обоих элементы, которые, однако, в таманском мулюре претерпели соответствующие изменения. Эти элементы, обозначенные буквами *А, В, В, Г, Д, Е, Ж* (рис. 2), соответствуют друг другу в обоих типах. В нормальном лесбийском киматии главным звеном орнамента является мотив, напоминающий форму чашечки распустившегося цветка, звеном промежуточным — стрелка, обращенная острием вниз, имеющая округленное ребро, вверху более широкое, а книзу заостряющееся. На таманском мулюре главное звено орнамента (чашечка) утратило свое значение, превратившись в звено промежуточное; звено же промежуточное (стрелка) приобрело значение главного.

Проследив подробнее процесс искажений на деталях орнамента, мы увидим, что ни одна деталь не пропала, но все они сильно видоизменены.

Искаженный лесбийский киматий таманского фрагмента по сравнению с нормальным дает совсем иное впечатление вследствие того, что здесь получили преобладающее значение те элементы, которые в нормальном типе играют второстепенную роль.

Вместо изящного орнамента лесбийского киматия нормального типа, построенного по принципу графическому, мы видим тот же орнамент, но сильно упрощенный и более грубого типа, построенный по принципу живописности.

В мраморных таманских фрагментах представлены два куска одного и того же антаблемента ионийского ордера, именно та его часть, которая заключается между колонной и карнизом (гейсоном) и заполняется поясом зоофора.

Перед нами часть антаблемента — фриз и архитрав, высеченные из мраморного монолита. Отметим, что обычное разделение ионийского архитрава на три горизонтальных пояса, располагающихся уступами, здесь отсутствует.¹ Архитрав таманского антаблемента также отступает от требований классического античного ордера, заключающихся в том, чтобы ширина архитрава равнялась ширине фриза, в данном же случае ширина архитрава составляет $\frac{2}{5}$ ширины фриза; ширина мулюра, нормально составляющая $\frac{1}{8}$ или $\frac{1}{6}$ часть архитрава, здесь равна ширине последнего.

Отсутствие трех горизонтальных поясов на архитраве Таманского памятника вероятно было обусловлено тем, что эти пояса дали бы чрезмерно мелкие членения на весьма небольших (по своей абсолютной величине) архитектурных массах, поэтому-то, повидимому, зодчий и предпочел отказаться от подобного дробления. Вообще весь стиль произведения характеризуется стремлением к обобщенной, суммарной трактовке деталей, как в архитектурных, так и в скульптурных частях.

На обратной стороне, снизу, до высоты 0.15 м, блок гладко обработан, далее небольшим выступом отмечается грубый облом значительной части мрамора, имевшего горизонтальное распространение.

Попытаемся определить по размерам приблизительные отношения архитектурных частей того сооружения ионийского ордера, которому принад-

¹ Единственное засвидетельствованное исключение составляет гладкий архитрав в Афинском храме на Иллисе (нач. V в. до н. э.), детали которого известны лишь благодаря зарисовке Стюарта (см.: О. Ш у а з и, ук. соч., стр. 276; W i n t e r. Kunstgeschichte in Bildern, I, Das Altertum, neue Bearbeitung, Heft V—VI, стр. 135, рис. 1; A. S p r i n g e r, ук. соч., стр. 141—142).

лежала данная деталь. Конечно, такая реконструкция является более или менее вероятной, и основана она на следующих расчетах (рис. 3).¹

Высота таманского фрагмента 0.49 м. Сравнительно небольшие размеры фриза и архитрава фрагмента указывают, что перед нами деталь небольшой архитектурной постройки.

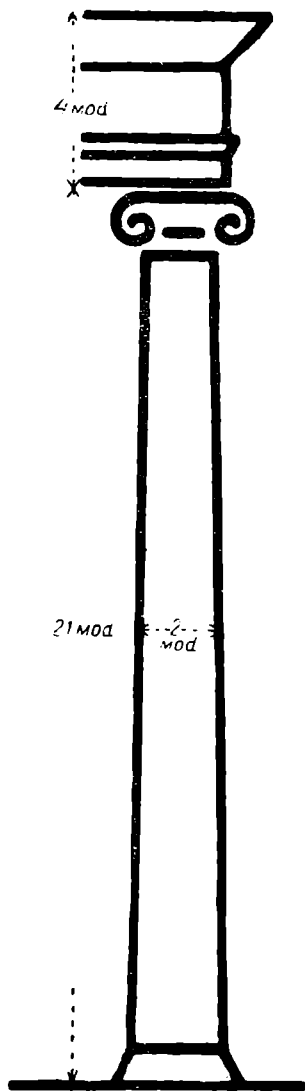

Рис. 3. Предполагаемая реконструкция архитектурного ордера здания, которому принадлежал таманский фриз с изображением гигантов.

Известно, что нормальный ионийский ордер на протяжении VI—IV вв. до н. э. претерпел некоторую эволюцию в своих пропорциях,² развивавшихся в сторону более толких и стройных форм, что находило свое выражение, в частности, в сужении диаметра колонны и ширины антаблемента. Моя попытка реконструкции основывается на поздних пропорциях нормального классического ионийского ордера. Я это заключаю на основании указанной небольшой высоты архитрава и того, что гиганты на рельефе фриза, как увидим дальше, и в иконографическом и в стилистическом отношении должны быть отнесены к эпохе эллинизма. Высоте колонны я даю 21 мод., антаблементу — 4 мод. Эти пропорции уже встречаются в северном портике Эрехтейона; высота колонн в 21 мод. и антаблемент в 3 мод. встречаются в храме Афины в Приене (вторая половина IV в. до н. э.),³ где антаблемент и колонны приобретают более узкие и стройные формы, увеличивая вместе с тем и высоту всего здания в целом. При таком отношении — 21 мод. колонн и 4 мод. антаблемента — модуль будет составлять в реконструируемой постройке 0.1531 м. Судя по обратной стороне плит, можно думать, что из того же мраморного монолита был высечен небольшой величины горизонтальный выступ (брус), который своим свободным концом, повидимому, опирался на стену целлы, что подтверждает предположение о небольших размерах постройки, а следовательно, и о небольшом пространстве, заключавшемся между колоннами и стеной целлы.

Таким образом весьма вероятно, что таманский фрагмент с изображением гигантов является деталью небольшого храма (быть может «сокровищницы»), высота которого составляла около 5 м.

Перейдем к рассмотрению фриза. Рельеф его (рис. 1) изображает на фрагменте *a* фигуру гиганта, расположенную впрямь, как бы распластанным на фоне; голова гиганта наклонена вправо, несколько наклонен и весь корпус; слева различается довольно отчетливо часть человеческой ноги, по всей вероятности принадлежащей фигуре в состоянии сильного движения. Вот в сущности все то, что можно довольно ясно различать в этом рельефе. Остальные выдающиеся части фриза возле указанных фигур мало разбор-

¹ Мы преднамеренно приступаем к реконструкции архитектурного памятника, оставляя описание рельефа фриза, который правильно может быть понят лишь после выяснения архитектурного ордера.

² О. Ш у а з и, ук. соч., стр. 297—298.

³ К. И. Р о н ч е в с к и й. Образцы древнегреческих ордоров. М., 1917, табл. 17, 4 и 6. — Ш у а з и, ук. соч., стр. 298. — Н. Б р у н о в. Эрехтейон. М., 1938.

чивы, выпуклость справа составляет, очевидно, часть змеевидных ног гиганта, слева корпуса гиганта располагаются, повидимому, аналогичные детали. Руки гиганта не сохранились; надо полагать, что они были расплывчатыми.

Фрагмент *б* составляет полную противоположность фрагменту *а* в смысле сохранности. Мрамор покрыт мохом, фигуры менее разборчивы. При некотором внимательном рассмотрении в центре различается аналогичная фигура гиганта. Неясные выпуклости справа напоминают очертания человеческой фигуры. Трудно представить себе, что располагается по обеим сторонам гиганта. Корпус его держится прямо, левая рука, сжатая в кулак, напряженно опущена вниз, правая, возможно, поднята вверх, чтобы нанести удар; змеевидные ноги гиганта напряжены, голова, как и весь корпус, держится прямо. На фрагменте *а* гигант размером своим значительно больше, чем нападающая на него фигура слева. Это видно по небольшим размерам сохранившейся ноги. На фрагменте *б* фигура возле гиганта тех же размеров. Художник давал изображения в одном масштабе, и из наблюдения над различными величинами фигур мы в праве сделать соответствующее заключение, но для этого необходимо решить вопрос о том, какой сюжет представлен здесь и какие персонажи фигурируют.

Я полагают что на рельефе представлены эпизоды из мифа об избииении гигантов Гераклом. Миф этот носил строго локальный характер на Боспоре и теснейшим образом связан с почитанием Афродиты Апатуры на Боспоре, а также и с почитанием Геракла в Северном Причерноморье.

Страбон (XI, II, 10) так повествует от этом мифе: «Для объяснения происхождения [этого] прозвания богини приводят миф, будто богиня, когда гиганты там напали на нее, призвала [на помощь] Геракла и спрятала его в какой-то пещере, а затем, принимая [отдельно] каждого гиганта, поодиночке передавала их Гераклу, чтобы он умерщвлял их обманом».¹

В несколько измененной редакции Стефан Византийский повторяет: «Апатур — святилище Афродиты в Фаагории. [О нем говорит] Страбон в XI книге: „происхождение [этого имени] объясняют так: при нападении гигантов [Афродита], призвав на помощь Геракла, скрыла его в одной пещере и, впуская каждого из гигантов по одному, обманом предавала их Гераклу для умерщвления“».²

Стефани сомневался в возможности происхождения слова Ἀπατούρις и Ἀπάτουρον от ἀπάτη.³ Но И. И. Толстой показал,⁴ что у древних «легенда прилагается часто к какому-нибудь неясному слову и служит для его объяснения». Так эпитет Аполлона Δελφίνιος — Дельфиний (от змея Δελφίνιον, которого он убил) производился от Δελφίς. Эпитет же Афродиты Ἀπατούρις, равно как отсюда и наименование Ἀπάτουρον, объяснялся происходящим от ἀπάτη — обман.

Сюжет указанного местного мифа об обмане Афродитой гигантов и избииении их Гераклом, пришедшим на помощь богине, вполне мог получить свое отражение в памятниках изобразительного искусства Боспора, и нет ничего невероятного, что данный сюжет в частности нашел свое отражение в декоративной скульптуре одного из архитектурных местных памятников.

В мифе фигурируют следующие лица: Геракл, Афродита и гиганты. Какие же персонажи могут быть представлены на таманских фрагментах, если допустить, что данный миф послужил сюжетом для фриза? На фрагменте *а* нога слева принадлежит фигуре, нападающей на гиганта. Хотел-

¹ Scythica et Caucasica, I, стр. 133.

² Там же, стр. 254.

³ ОАК, 1859, стр. 125—129.

⁴ И. И. Толстой. Врач и Дельфиний. ИАК, вып. 14, стр. 50—51.

лось бы видеть в этой группе схватку самого Геракла с одним из гигантов, группу наиболее активную. На фрагменте *б* неясная фигура справа от гиганта представляется нам нападающей не с фронта, а с тыла. Не изображена ли здесь Афродита, предающая гигантов Гераклу?

Возникает вопрос, как обломы фрагментов должны быть приставлены друг к другу? У каждого фрагмента имеется по одной стороне более или менее ровной, почти вертикальной, и по одной стороне с обломами случайного очертания. Хотелось бы в этих сходных по своему очертанию обломах видеть их соприкасающимися. Однако нет достаточных оснований, чтобы исключить возможность соединения противоположными концами, а потому я предлагаю два варианта соединения фрагментов (рис. 4).

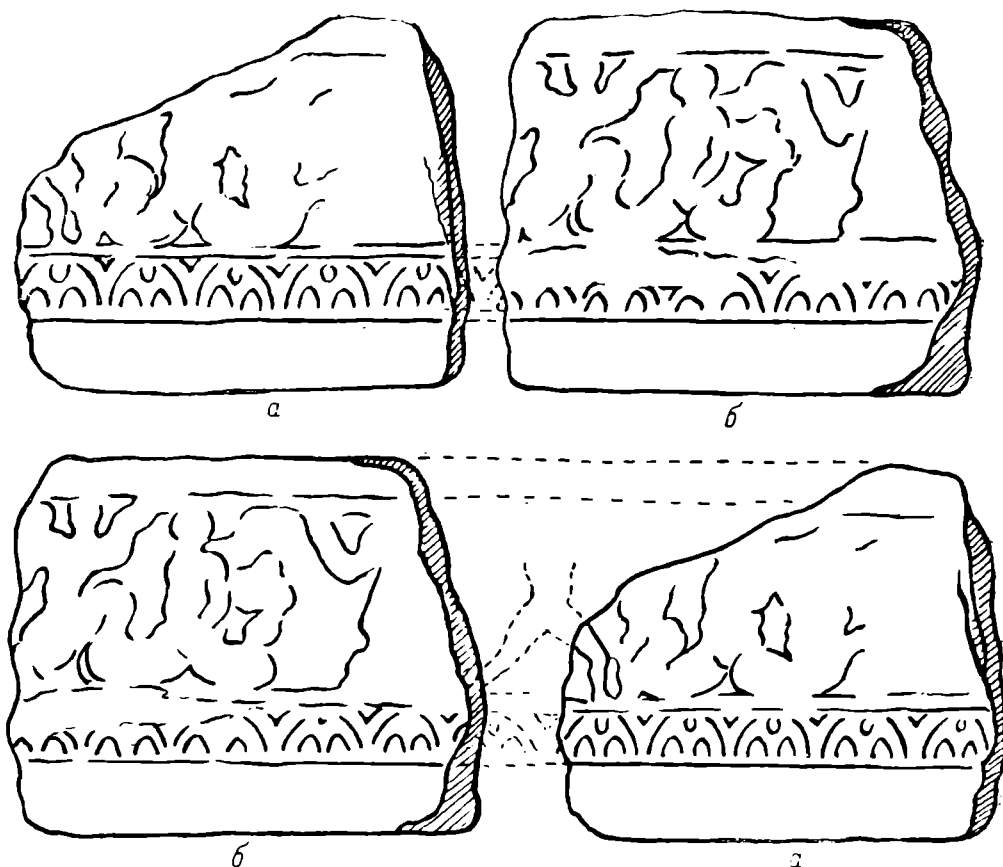

Рис. Два варианта реконструкции фриза с изображением гигантов.

В а р и а н т I. Фрагмент *а* располагается слева, фрагмент *б* справа. Необходимо дать минимальный промежуток между ними для того, чтобы уместился рисунок орнамента.

В а р и а н т II. Фрагмент *б* слева, фрагмент *а* справа. Минимальный промежуток между ними определяется рисунком орнамента мулюра, несколько больше, чем в варианте I. Степень сближения кусков мрамора для восстановления состояния фрагмента до распилки в обоих вариантах определяется, конечно, ориентировочно с учетом цифровых данных обмера Бегичева.

В I варианте получается следующая расстановка фигур: две фигуры гигантов располагаются симметрично по отношению к группе неразборчивых фигур, занимающих пространство в центре между указанными гигантами. Так же симметрично слева и справа располагаются фигуры нападающих на гигантов человеческих фигур. Если мое толкование правой и левой

фигур на фрагменте б правильно, то композиция представляется так: группа гигантов занимает центральное место, слева на них нападает Геракл, справа Афродита.

Во II варианте получается иная расстановка: центральное место занимает группа нападающих человеческих фигур, справа Геракл, а слева Афродита, направляющие свои движения из центра в стороны. Конечно, такое расположение групп, при котором богиня и полубожественный герой занимают центральное место композиции и вместе, наиболее вероятно. Расположение гигантов по бокам, как получается в данном случае, дает возможность разместить еще несколько фигур гигантов по правую и левую сторону и таким образом продолжить и заполнить утраченные концы фриза увеличением количества фигур гигантов. В варианте I пространство, предназначенное для фигур гигантов, очень ограничено, здесь могут быть размещены всего не более трех гигантов. Вариант I дает такое чередование фигур, при котором богиня и герой оказываются разобщенными друг от друга. Конечно, изобразительная традиция мифа может отличаться от традиции литературной, и мы не в праве требовать полного соответствия между повествованием литературным и изобразительным. Однако, как бы велико иногда ни было различие между формой литературной и изобразительной, всегда будет сохраняться известная согласованность между рассказом и изображением. Из мифа известно, что 1) Афродита подверглась нападению гигантов, 2) призвала на помощь Геракла, 3) спрятала Геракла в некоей пещере, 4) принимала поодиночке каждого гиганта, 5) поодиночке же предавала их Гераклу, 6) Геракл поодиночке умерщвлял гигантов. Повесть мифа складывается из шести эпизодов, и каждый эпизод в отдельности мог бы служить самостоятельной темой для художественного воспроизведения. Успех победы заключался в согласованности действий Афродиты и Геракла. Естественно, в произведении изобразительного искусства хотелось бы видеть Афродиту и Геракла вместе, а гигантов разъединенными. Композиция, получившаяся в результате соединения фрагментов во II варианте, таким образом более правдоподобна. Слева располагаются нападающие гиганты, их заманивает к себе Афродита. Рядом с ней Геракл, умерщвляющий чудовищ, переданных ему Афродитой. Хочется видеть в правой части фриза гигантов только поверженными. Так, слева направо вдоль фриза, как в строке надписи, прочитываем мы эту повесть мифа.

Все выводы приходится строить в значительной степени на догадках. Какова была протяженность всего фриза, а следовательно, какое количество фигур еще могло расположиться в утраченных частях? Повидимому, перед нами центральная часть фриза, а общая длина его представляется мне примерно равной 22 модулям или 3.37 м. В утраченных частях фриза с обеих сторон могли поместиться еще по одной или по две фигуры гигантов. На всем фризе, следовательно, было не менее четырех-шести фигур гигантов, по две-три по сторонам и две фигуры — Афродиты и Геракла — посредине. Если допустить столь малые размеры аптаблемента, то вполне возможно, что весь фриз был высечен из одного куска монолитного мрамора. Поскольку для скульптурных украшений храмов — на фронтонах, метопах, фризах — в большинстве случаев брались сюжеты, относящиеся к божеству, в честь которого воздвигался данный храм, настолько принадлежность таманских фрагментов к храму в честь божества, с которым связывался изображенный на фризе миф, является несомненной, и таким божеством могла быть только Афродита-Урация-Анатура.

На таманском памятнике представлены гиганты в виде змееногих существ, иконографический тип коих, как принято считать, прочно утвердился в скульптуре в эпоху эллинизма, приходя на смену изображением

гигантов в человеческом облике.¹ Древнейшим скульптурным изображением гигантов в человекоподобном виде считается рельеф на фронте мегарской сокровищницы в Олимпии, где гиганты представлены обыкновенными греческими гоплитами. Этот фронтон датировался В. К. Мальмбергом последней четвертью VI в. до н. э.² Древнейшее скульптурное произведение, изображающее гиганта с змеевидными ногами, засвидетельствовано пока бронзовой группой Афины, поражающей гигантов (Музей Kircherianum),³ считающейся аттической работой конца IV — начала III в. до н. э. Гигантомахия на большом фризе пергамского алтаря (нач. II в. до н. э.) является лучшим образцом данного иконографического типа. Памятники аттической вазописи чернофигурной и краснофигурной техники дают нам образцы гигантов человекоподобными, в виде воинов или юлошей, вооруженных камнями, горящими стволами деревьев и покрытых звериными шкурами.⁴ На поздней краснофигурной вазописи появляются примеры изображения гигантов с змеевидными ногами, сражающихся с богами. На основании памятников изобразительного искусства можно заключить, что образ гиганта с змеевидными ногами является по преимуществу поздним иконографическим типом, получившим, быть может, почти исключительное преобладание в эллинистический период, но не исключена возможность появления этого образа и ранее, причем в течение некоторого времени он мог сосуществовать с образом человекоподобным.

Таманский памятник — произведение несомненно эллинизовавшихся туземных мастеров, которые по-своему интерпретировали орнамент классического ордера.

Каноические образцы эллинического зодчества и скульптуры были представлены на Боспоре в достаточной мере и, следовательно, были известны туземным мастерам. Многочисленные архитектурные фрагменты и скульптура, находимые на Боспоре, показывают, что наряду с варваризованными изделиями нередко попадаются произведения прекрасной работы, выполненные по всем правилам зрелого искусства.

Посредственный по своим художественным достоинствам таманский памятник, возможно, повторяет или варьирует в целом или частично архитектурные и скульптурные мотивы монументальных боспорских построек более крупного масштаба и более высокого художественного качества, созданные до этого приезжими ионийскими и аттическими мастерами. Поскольку памятник связывается мною с именем Афродиты-Апатуры, имевшей на азиатской стороне Боспора — в Фанагории и Апатуре — два больших храма, не исключена возможность, что образцом для заимствования и интерпретации вполне могла послужить архитектура одного из упомянутых храмов. Об этих знаменитых храмах сообщают нам древние писатели (Гекатей, Страбон и Стефан Византийский).

По пропорциям ионийского ордера, по иконографическому типу гигантов, по динамике и экспрессии скульптуры, также упрощенной и варваризованной, хотя в основе глубоко реалистической, таманский памятник должен быть отнесен к эпохе эллинизма, возможно, ко времени правления Перисада II (первая половина III в. до н. э.), когда самостоятельное торговое и культурное общение Боспора с эллинистическим миром могло

¹ W. H. Roscher. Ausführliches Lexikon der griechischen und römischen Mythologie, т. I. Лейпциг, 1894—1914, стр. 1639—1673.

² Там же, стр. 1663. — В. К. Мальмберг. Древние греческие фронтоны композиции. СПб., 1904, стр. 42. — Он же. Фронтон Мегарской сокровищницы в Олимпии. ЗРАО, т. III, 1887, стр. 215—237, 274, 276.

³ Roscher, ук. соч., т. I, стр. 1666, рис. 5.

⁴ Памятники указаны у Roscher'a.

содействовать условиям принесения на берега Понта и Меотиды и иконографического образа гигантов в виде змееногих существ и усвоения стиля эпохи.

Постройка небольшого храма в честь Афродиты (или быть может „сокровищницы“) в Гермонассе (ныне станция Таманская) могла произойти в то время, когда указанным выше двум древнейшим храмам насчитывалось уже свыше двухсот лет существования. Построенный местными мастерами храм в Гермонассе, очевидно, не был посетителем новых и оригинальных тенденций. Постройка шла под знаком заимствований и упрощений, и в ней свободно могли получить отзвук те мотивы, которые были положены в основу больших боспорских храмов Афродиты. Возможно, что эти отзвуки выразились прежде всего в применении того же ордера (ионийского), в использовании мифа в качестве сюжета для фриза и др., трактованных, однако, в духе и стиле эллинистического времени.

Рис. 5. Фрагмент мраморного рельефа, найденного в 1828 г. в Керчи (Эрмитаж).

Таманский фрагмент, несмотря на свою относительно плохую сохранность и посредственное исполнение, ценен потому, что, во-первых, дает пример отражения местного мифа о происхождении эпитета Афродиты в памятнике изобразительного искусства, притом местного; во-вторых, позволяет предполагать существование в древности небольшого храма в честь Афродиты в Гермонассе, о чем до сих пор не имелось ни литературных, ни эпиграфических, ни археологических свидетельств; в-третьих, позволяет в общих чертах угадывать основные стилистические особенности этого храма; в-четвертых, позволяет строить некоторые общие предположения о стиле двух других древнейших храмов Афродиты на Боспоре, о которых мы имеем только краткие литературные упоминания писателей и никаких вещественных остатков.

★ ★ ★

В заключение считаю необходимым сказать несколько слов по поводу керченского мраморного рельефа, хранящегося в Гос. Эрмитаже, впервые опубликованного в 1848 г. Ашиком и прежними учеными связывавшегося с сюжетом мифа о гигантах (рис. 5). Рельеф этот был извлечен в 1828 г. из стены одного здания в Керчи новейших времен, т. е. обнаружен не *in situ*; размеры плиты: выс. 0.17 м, дл. 0.51 м, толщ. 0.17 м. Мрамор белый, желтоватого оттенка, мелкозернистый. Фрагмент довольно сильно попорчен.

Судить о форме и назначении целого скульптурного произведения на основании такого обломка, конечно, трудно.¹ Фрагмент изображает верхние части трех мужских фигур. В центре обращенная вправо фигура молодого человека, одетого в короткий хитон, подпоясанный под грудью, и в хламиду, скрепленную застежкой на правом плече. Левая рука его выставлена вперед, правая откинута назад, согнута в локте и поднята кверху. Корпус представлен прямо, голова повернута вправо в сторону движения. На голове широкополая шляпа *πέτασος*, обычно державшаяся при помощи ремешка, протянутого под подбородок. Такую шляпу эллины носили обычно вместе с хламидой, и в данном изображении сочетание головного убора и одежды представлено правильно. Голова и локтевая часть поднятой правой руки повреждены. Судя по одежде и головному убору, фигура в центре представляет всадника, но только не на коне, а спешившегося и вступившего в рукопашный бой. Хотелось бы видеть в правой руке его длинное копьё, которым он собирается поразить противника, но никаких следов этого оружия в рельефе незаметно.² Быть может, здесь изображен момент, когда после брошенного или сломанного копья в дело пущен короткий обоюдоострый меч или первый попавшийся под руку камень. Хотя повторим, что именно движение более похоже на то, при помощи которого совершается удар копьем.³ Следующая фигура справа видна темного, однако она представляется нам или в положении коленопреклощенной или бегущей вперед с сильно наклоненным и подавшимся вперед корпусом. Фигура одета совершенно так же, как и центральная, — хитон, хламида и петас на голове. Движение обоих согласовано и направлено в одну сторону, к одной цели — поразить нападающего противника или, скорее всего, постигнуть такового, отступающего под их стремительным натиском.⁴ Голова второго воина повернута, как и вся фигура, в сторону движения вправо и дана в профиль. Крайняя фигура слева изображает обнаженного юношу с непокрытой головой, тоже движущегося вправо, но не в состоянии нападающего или преследующего, а обороняющегося от противника, который мыслится изображенным в левой, тоже утраченной части рельефа.⁵ Юноша высоко поднял согнутую в локте правую руку, в которой он зажал короткий меч с искривленным и утолщающимся с противоположной стороны лезвием. Такой меч-кинжал с серповидным изгибом, типа лакедемонского, назывался *ξυήλη*. Тыльной стороной кинжала юноша замахнулся для нанесения удара противнику, левая рука опущена вниз и видна лишь до локтя. Я не ставлю своей задачей истолкование сюжета изображения на керченском фрагменте; это задача сложная и к тому же не является моей целью. Для меня ясно, что здесь представлен, быть может, мифологический, возможно, исторический эпизод батального характера, а отнюдь не то, что предполагали Ашик и Бларамберг, неосновательно усмотревшие в этом произведении изображение мифа об избиении Гераклом гигантов.

Для ознакомления читателя с мнениями названных авторов отсылаем к сочинению Ашика, в котором подробно дано описание памятника и его истолкование, сильно отличающееся от описания, сделанного мною.

¹ А. Ашик. Воспорское царство, ч. I. Одесса, 1848, табл. VII (текст на стр. 26 и сл.). Исследуя памятник, я пользовался оригиналом, а в дальнейшем фотографией, любезно изготовленной для меня в Эрмитаже.

² Вряд ли копьё могло быть изображено здесь краской, это производило бы неприятное впечатление, проходя по неровной поверхности рельефа.

³ Ср. на надгробии Дексилея движение руки всадника, бывшего копьем поверженного врага (A. Springer, ук. соч., стр. 326, рис. 601).

⁴ Совершенно очевидно, что правая часть облома фрагмента отсекает, видимо, еще значительную часть памятника, где могла быть изображена группа противника.

⁵ Таким образом и слева рельеф имел значительную протяженность, где были изображены фигуры нападающих.

Как видим, прежних исследователей боспорских древностей вопрос отражения в изобразительном искусстве мифа об Афродите и гигантах интересовал, но им не удавалось найти такого памятника, который можно было бы бесспорно отнести к искомой категории.

Таманский фрагмент этот пробел, очевидно, устраняет.

L. CHARKO

UN FRAGMENT DE FRISE REPRÉSENTANT DES GÉANTS
TROUVÉ AU VILLAGE DE TAMANSKAÏA

R é s u m é

Le fragment de relief en marbre fortement endommagé, trouvé en 1851 au village de Tamanskaïa, puis disparu et retrouvé en 1926 en deux morceaux, constitue une partie d'une frise en haut-relief représentant des géants, bordée en bas par une bande ornementée, de l'époque hellénistique. L'analyse de l'ornement — cymatium lesbien barbarisé — conduit à la conclusion que le haut-relief est l'oeuvre d'un artiste indigène. Les fragments de Tamanskaïa peuvent être des morceaux de l'entablement — frise et corniche — d'un petit temple de l'ordre ionique.

La frise en haut-relief représentait, selon toute vraisemblance, des épisodes du mythe bosphorien local du massacre des géants par Heraclès. Ce mythe était étroitement lié au Bosphore avec le culte d'Aphrodite Apatouros.

Les fragments de frise à géants de Tamanskaïa appartenaient peut-être au temple de l'époque hellénistique consacré à Aphrodite Apatouros à Hermoussa, construit par des artisans indigènes hellénisés.

В. Ю. МАРТИ

НОВЫЕ ДАННЫЕ О РЫБНОМ ПРОМЫСЛЕ В БОСПОРЕ КИММЕРИЙСКОМ ПО РАСКОПКАМ ТИРИТАКИ И МИРМЕКИЯ

Географическое положение Керченского пролива (в древности Боспора Киммерийского), соединяющего Азовское и Черное моря и представляющего как бы огромный коридор, по которому, в зависимости от времени года, то с севера на юг, то с юга на север движутся огромные скопления различных видов рыб (хамса, сельдь и ряд др.), издавна должно было создать самую благоприятную обстановку для развития здесь рыбного промысла.

И действительно, у ряда древних авторов, современников возникновения и существования на берегах Черного моря греческих поселений, мы находим указания на то, что рыболовство по берегам Черного моря, Керченского пролива и Азовского моря в античную эпоху было широко развито; об этом же говорят находимые во время раскопок в культурных слоях бывших поселений различные остатки предметов рыболовства: грузила, крючья, иглы для вязания сетей и т. д.

Ведущиеся Боспорской экспедицией ИИМК совместно с Керченским археологическим музеем в последние годы близ Керчи раскопки древних городов Тиритаки и Мирмекия, входивших в состав Боспорского царства, дали исключительно интересные открытия: раскопками найден ряд комплексов древних производственных сооружений, связанных с виноделием и рыбным промыслом. Находки большого числа рыбозасолочных ванн и находившихся в них, либо поблизости, остатков рыб дают возможность, хотя бы приблизительно, выяснить размеры обрабатывающего рыбного промысла в древности и установить видовые названия рыб, которые в те времена являлись объектом промысла. Благодаря любезному содействию руководителя раскопок В. Ф. Гайдукевича и директора Керченского археологического музея Ю. Ю. Марти, мне удалось ознакомиться со сделанными археологическими открытиями и определить остатки найденных в рыбозасолочных ваннах рыб.

В настоящей статье мы используем как имеющийся известный нам литературный материал по вопросам рыбного промысла в Азово-Черноморском бассейне в древности (первый раздел работы), так и фактический материал, обнаруженный во время археологических раскопок с 1932 по 1938 г. (второй раздел работы). Настоящая статья, отнюдь не претендуя на полноту изложения и разрешение всех поставленных вопросов, имеет своей целью дать лишь попытку обобщения имеющихся литературных данных по этому вопросу и объяснения археологических находок, связанных с рыбным промыслом, с точки зрения ихтиолога-рыбохозяйственника.

С несомненностью можно утверждать, что рыболовство на берегах Керченского пролива начало существовать в глубокой древности, но особенно широкие масштабы оно получило в античную эпоху, когда здесь были основаны греческие колонии.

Очень вероятно, что в первое время, т. е. в VI в. до н. э., греки-колонисты из-за противодействия аборигенов-кочевников вынуждены были держаться преимущественно прибрежных районов, а потому возможно, что именно рыболовство и явилось первым занятием пришельцев-греков.¹

В последующие столетия греческая колонизация продвигалась далее на север и восток, в связи с чем возникли торговые поселения греков на Кубани и Дону. Таким образом открывались возможности к использованию ресурсов двух богатейших рек Азовского моря и рыбных богатств последнего.

Насколько велико было значение Азовского моря для греков в отношении его рыбохозяйственного использования, видно из того, что незнакомое им слово местного происхождения, обозначавшее название Азовского моря, — Меотида, Меотийское озеро, — они впоследствии производили от слова «μαίη», что значит «бабка», «кормилица».² Это обстоятельство подчеркивает исключительные природные рыбные богатства Меотиды, дававшей ценный пищевой продукт.

Обилие в Меотиде рыбы, добываемой для соления, отмечает и Страбон.³

Известно, насколько важна была роль Боспора в снабжении Греции хлебом: в IV в. до н. э. половина всего хлеба, ввозимого в Афины, доставлялась из Боспора.⁴ На ряду с хлебом во внешней торговле Боспора видное место занимал вывоз соленой рыбы.⁵

О том, как важно было для Греции снабжение страны рыбой, свидетельствует тот факт, что некий Хайрефил и сыновья его в царствоваше Александра получили права афинского гражданства за доставку в Афины, во время сильной дороговизны, съестных припасов, состоявших по большей части из соленой рыбы.⁶

Какие же рыбы, по литературным данным, являлись предметом промысла в Боспоре Киммерийском?

Одно из первых мест, несомненно, занимали осетровые (*Acipenseridae*), которых древние авторы описывали как «больших рыб без позвоночника». В настоящее время лов осетровых собственно в Керченском проливе не велик, однако есть все основания предполагать, что в те отдаленные времена здесь скоплялось большое количество осетровых, вследствие того что р. Кубань имела свое основное устье не в Азовском море, как теперь, а в непосредственной близости от Керченского пролива в Черном море, а возможно, и в Таманском заливе. На большой промысел «красной» рыбы (осетровые) в проливе указывает еще Сумароков.⁷ Несомненно, во времена существования на Боспоре греческих колоний видовой состав осетровых, входящих на нерест в р. Кубань, отличался от теперешнего (в настоящее время в уловах р. Кубани преобладает северяга — *Acipenser stellatus* P.). В значительном количестве должны были входить в Кубань белуга (*Huso*

¹ М. Ростовцев. Боспорское царство и южно-русские курганы. Вестн. Европы, 1912, июнь, стр. 109.

² Евстафий. Комментарии к землеописанию Дионисия. *Scythica et Caucasia*, т. I, стр. 193.

³ Страбон, VII, IV, § 6; XI, II, § 4. — *Scythica et Caucasia*, т. I, стр. 126 и 131.

⁴ Мищенко. Торговые сношения Афинской республики с царями Боспора. Изв. Киевск. унив., 1878, № 7; стр. 478.

⁵ М. Тихий. Анчоус Херсонеса Таврического. Вестн. рыбопромышл. за 1917 г., № 1—3, стр. 4 сл. (отгиск).

⁶ Ф. Мищенко, ук. соч., стр. 480.

⁷ П. Сумароков. Досуги Крымского судьи, ч. II, СПб., 1805, стр. 421.

huso) и осетр (*Acipenser güldenstädti* Br.). Известное подтверждение этому дает исследование Никольского,¹ который на основании анализа костей осетровых, найденных при раскопках античного городища у станицы Елизаветинской на Кубани, указывает на иное, чем теперь, соотношение в уловах осетра и севрюги; по его данным удельный вес осетра в прежних уловах значительно выше, чем теперь. Мы полагаем, что отмеченный факт стоит в прямой зависимости от прежнего впадения р. Кубани в Черное море, а, как известно, вдоль всего Кавказского побережья не севрюга, а именно осетр является преобладающей формой.

Возвращаясь к древним источникам, следует указать, что у Страбона имеется непосредственное указание о лове «во льду» в Керченском проливе осетров, по величине почти равных дельфину.²

Интересно, что эти рыбы уже тогда шли преимущественно на приготовление балыков или подобия их, как и в более поздние эпохи.

Из других рыб, согласно Коehler'у,³ ловилось большинство тех рыб, которые и в настоящее время составляют основу промысла в Керченском проливе: кефаль, скумбрия, бычок, сельди, анчоус (хамса) и султанка. В явном противоречии с тем, что имеет место в настоящее время, стоит указание Аристотеля на то, что пелагида происходит от «сердитых самок тунцов», нерестящихся якобы в Азовском море. Как известно, пелагида, скумбрия, тунец являются различными формами и принадлежат к различным родам и видам. В настоящее время ни тунец ни пелагида не совершают сколько-нибудь закономерных миграций из Черного моря в Азовское. Однако не исключена возможность, что в древности эти рыбы, вследствие ряда несхожих с современными экологических условий в Азово-Черноморском бассейне, могли проникать регулярно в промысловых количествах и в Азовское море. М. Тихий,⁴ например, считает, что главное значение в черноморском рыболовстве в античную эпоху имели макрелевые, причем древние путали между собою тунцов, пелагиду и скумбрию, считая их, повидимому, возрастными категориями тунца.

Дельфин также был хорошо известен эллинам, привыкшим видеть это красивое животное выбрасывающимся из воды вблизи их кораблей во время плаваний по Черному и Средиземному морям; изображение дельфина имеется на рисунках древнегреческой посуды.

О способах лова и орудиях лова, применявшихся древними на берегах Тавриды и Керченского пролива, писал Коehler,⁵ который дал по этому вопросу обширную сводку сведений из различных произведений античных авторов.

Крючья и невод почти в том же самом виде, что и в настоящее время, — вот основные орудия лова, применявшиеся на Боспоре и в других греческих колониях.

Вообще нужно заметить, что орудия лова и способы лова рыбы очень консервативны и передаются из столетия в столетие, не претерпевая сколько-нибудь существенных изменений. Укажем на тот факт, что на египетских фресках времен VI династии мы можем видеть настоящий прототип нашего невода, вытаскиваемого из воды при помощи лямок.⁶

¹ Г Н и к о л ь с к и й. К познанию ихтиофауны р. Кубани. Бюлл. Моск. общ. естествоиспыт., т. XVI, вып. 2, 1937, стр. 121—125.

² С т р а б о н, VII, II, § 18. — *Scythica et Caucasica*, т. I, стр. 121.

³ М. К о е h l e r. *Τάρχως* ou recherches sur l'histoire et les antiquités des pêcheries de la Russie méridionale. Mém. de l'Acad. imp. St. Pétersbourg, VI série, 1832, стр. 358.

⁴ М. Т и х и й, ук. соч., стр. 6 сл. (оттиск).

⁵ М. К о е h l e r, ук. соч., стр. 361.

⁶ О. К e l l e r. *Die antike Thierwelt*. Лейпциг, 1913, стр. 330 сл., рис. 118.

Очень древним орудием лова является также намет — круглая сетка, которая ловким движением набрасывается на проходящую стаю рыб. Этот характерный бросок намета встречается как бытовой рисунок на древнегреческих вазах. Заметим, что и это орудие лова применяется в настоящее время по берегам Крыма и Кавказа, главным образом, для лова хамсы и кефали. В зимнем подледном рыболовстве была в употреблении и острога, которой ловили подо льдом красную рыбу. Намек на существование этого орудия лова мы видим в вышеприведенном указании Страбона.¹ На этот же способ лова в конце XVIII ст. указывает и Паллас.²

Описанию античной технологии рыбных продуктов посвящена обширная монография, уже упоминавшаяся нами ранее, — книга Koehler'a; вопросам заготовки рыбы впрямь достаточно много места отведено в работе М. Тихого. В последние годы вышла обстоятельная статья Турпаева,³ в которой автор — специалист-технолог — классифицирует все способы древней обработки рыбы, параллельно сопоставляя с ними современные способы заготовки рыбы; в этой же работе автор затрагивает и техническую сторону производственного процесса, а также касается вопроса о конструкции рыбозасолочных ванн различных систем. Вследствие этого мы лишь в общих чертах остановимся на способах обработки рыбы, применявшихся в древности, отсылая интересующихся к работам названных выше авторов.

Самым простым способом приготовления рыбы у греков была резка рыбы с очисткой от внутренностей и последующей сушкой (осетровые, тунец, пелагида).

Для соления употребляли тунцов, пелагиду, осетров, сельдей, кефаль, скумбрию. В греческих колониях соление рыбы практиковалось в специальных рыбозасолочных ваннах (подробнее о рыбозасолочных ваннах см. ниже), также в глиняных сосудах, в которых рыба отправлялась из колоний в метрополию. Эти глиняные амфоры были различной формы и носили различные названия (*ταρίχους κέραμα*, *vasa salsamentaria*). Демосфен в одной из своих речей упоминает о каком-то судне, которое направлялось в Феодосию из Паптикапей, имел в качестве груза несколько сосудов с шерстью, 11—12 амфор соленой рыбы и 2—3 связки козьих кож.

Прототипом наших балыков являлись длинные куски тунца или осетра, которые вырезывались из спины рыбы, солились и затем вялились или коптились. У римлян этот продукт носил название «*melandryon*».

Кроме того, как греки, так и в особенности римляне готовили из рыб различные дорогие соусы, употреблявшиеся в виде приправы преимущественно состоятельным классом. Наиболее известны были два сорта соусов: *mulgia* и *garum*. Первый — *mulgia* — был дешевле и доступнее *garum*'а. Он готовился в небольших амфорах из внутренностей, крови и жабер тунца, реже из скумбрии. К этой смеси добавляли соль и оставляли ее затем под действием воздуха на два-три месяца. Такой соус обычно применялся как приправа к соленой рыбе.

Garum был очень дорог; он готовился из скумбрии и султанки, причем в соус шли внутренности и другие части рыбы, которые мариновались в амфорах.

Высший деликатес представлял *alix*, приготовленный из печени султанки. Очень дорогой соус приготовлялся также из анчоусов.

¹ Страбон, VII, II, § 18.

² П. С. Паллас. Поездка во внутренность Крыма, вдоль Керченского полуострова и на остров Тамань (1793—1794). ЗОО, т. XIII, стр. 62.

³ М. Турпаев. Очерки по истории посола рыбы в древний период. Рыб. хоз. СССР, № 4, 1935.

Заключив на этом обзор литературных сведений, переходим ко второму разделу нашей работы — описанию рыбозасолочных ванн, открытых при раскопках боспорских поселений.

Древние рыбозасолочные ванны, о которых мы упоминали выше, пока обнаружены при раскопках в двух пунктах Керченского пролива — на месте древних городов Тиритаки и Мирмекии. Ванны эти, по характеру

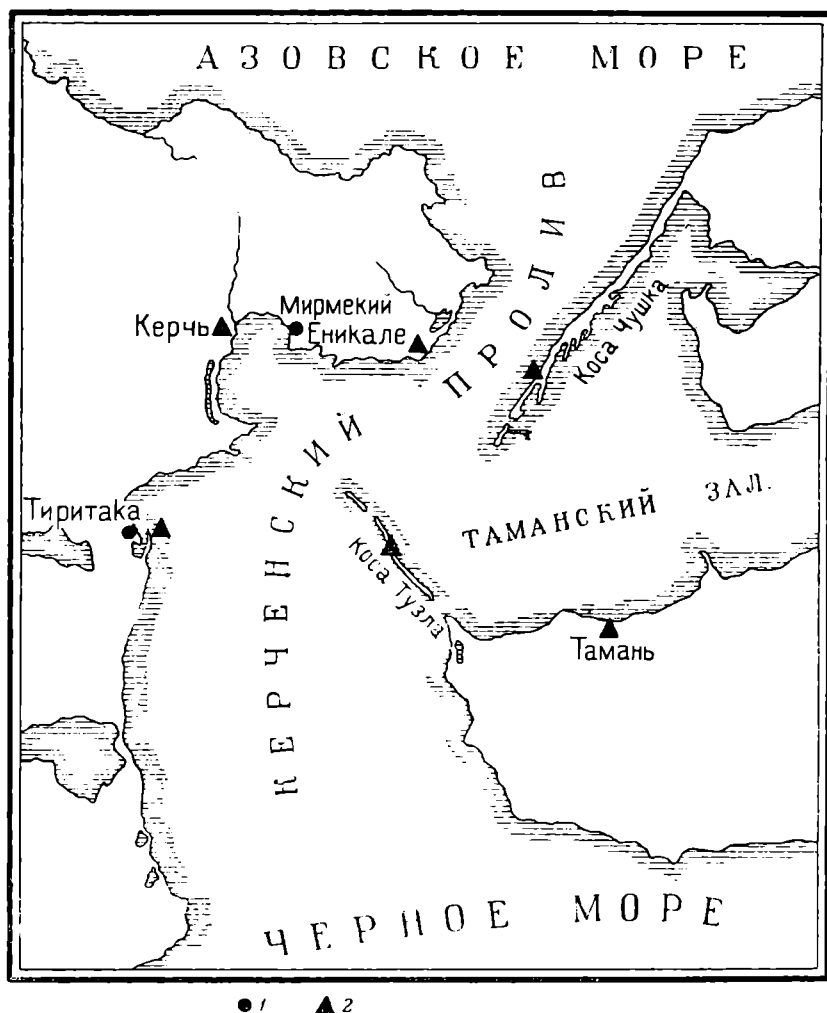

Рис. 1 Схема дислокации рыбопромысловых пунктов в настоящее время и в древности.

1 — современные промыслы; 2 — древние рыбообрабатывающие комплексы ванн.

своей постройки и датировке находимых на ряду с ними сооружений и предметов, относятся специалистами к I—III вв. п. э. Таким образом все без исключения рыбные ванны, найденные на берегах Керченского пролива, являются сооружениями римского времени. Ванны более древнего периода пока не найдены. Следует ли это объяснить случайностью и считать, что ванны более раннего периода могут быть найдены при дальнейшем продолжении раскопок, либо это значит, что в более древние времена не производилось столь крупных заготовок рыбы, сказать пока трудно. Не исключена возможность, что на местах более древних ванн, постепенно пришедших в ветхость, строились новые рыбозасолочные сооружения и что только эти

последние и сохранились до нашего времени. Небезинтересно высказать несколько соображений о расположении древних рыбозасолочных ванн. На прилагаемой схеме (рис. 1) представлена современная дислокация промыслов, а также нанесены пункты, где раскопками обнаружены древние рыбозасолочные комплексы. Как видно из схемы, современные промыслы расположены в основном в непосредственной близости от мест лова, часто на косах пролива; на ряду с этим, организованы и рыбоперерабатывающие промыслы непосредственно в черте города в Керченской бухте. Существовали ли в древности рыбообрабатывающие предприятия на косах Керченского пролива, где лов должен был быть наиболее эффективным? На этот вопрос следует, повидимому, ответить утвердительно, но непосредственных доказательств этого, возможно, никогда не представится, по той причине, что косы за время своего существования неоднократно меняли свой облик, то размываясь водой и разбиваясь на ряд островков, то вновь нарастая и соединяясь в одно целое.¹ Если на этих косах когда-либо в древности и существовали подобного рода сооружения, то они, по всей вероятности, безвозвратно погибли, смытые морем. Раскопки в районе нынешних селений Еникале — Опасная — Жуковка — Глейки еще не производились; возможно, что в этих районах в дальнейшем и будут найдены комплексы рыбозасолочных ванн, подобные найденным в Тиритаке и Мирмекии.

Наибольшее количество ванн найдено в Тиритаке неподалеку от Камыш-Бурунского маяка, значительно меньшее — в Мирмекии. Такое распределение количества помещений для засола рыбы хорошо согласуется с тем огромным значением Камыш-Бурунского района, какое он имеет и, вероятно, имел в древности в рыболовстве Керченского пролива.

Принимая во внимание то обстоятельство, что в районе Камыш-Бурунской бухты идет процесс нарастания берега, следует думать, что в прошлом, когда ванны города Тиритаки функционировали, часть из них находилась в непосредственной близости от заплеска воды (в настоящее время они отстоят от моря примерно на 0.7—0.8 км).

Ванны города Мирмекия в значительной мере должны были пополняться привозной рыбой из пролива, которая транспортировалась к ваннам с мест лова на расстоянии 5—8 км. Это предположение мы выдвигаем по той причине, что больших подходов рыбы к северному берегу Керченской бухты обычно не наблюдается, и большинство промысловых рыб, идущих через Керченский пролив, проходит близ канала, минуя Керченскую бухту. Нет никаких данных предполагать, что 1½—2 тысячи лет тому назад миграционные пути рыб проходили иначе.

Лов рыбы, непосредственно в самой бухте и в древности должен был поэтому носить лишь случайный, нерегулярный характер.

Если обратиться к расположению современных промыслов огромного большинства рыболовных районов, то мы увидим, что весь комплекс засолочных сооружений обычно строится на уровне моря или реки, близ которых промысел находится. Такое расположение промысла вполне понятно и объясняется тем, что при постройке его стараются создать оптимальные условия для доставки рыбы с берега на промысел. Однако, как показали раскопки, значительная часть ванн как в Тиритаке, так и в Мирмекии, находится на относительно высоком уровне от моря. В обоих случаях большинство рыбозасолочных комплексов расположено на естественных холмах, значительно поднимающихся над уровнем моря. Такое расположение рыбозасолочного пункта должно было создавать ряд затрудне-

¹ В. Визе. Исторические данные по наносным образованиям в Керченском проливе. Цегимбюро Цумора, 1927.

ний и дополнительных работ по доставке рыбы с мест промысла к местам обработки. Повидимому, к такому расположению мест лова рыбы существовали какие-то веские причины. В чем они состояли?

Очень вероятно следующее объяснение. Владелец рыбообрабатывающего промысла, живший в городе, за городской стеной, хотел иметь свое предприятие тут же под рукой, вблизи от своего жилья. Это, с одной стороны. С другой же стороны, такое расположение обрабатывающего пункта внутри города, защищенного стеной, было вполне безопасно, в то время как промысел, расположенный у берега моря, вне городских стен, подвергался опасности быть разграбленным. Жертвуя удобствами доставки рыбы на свой пункт, владелец рыбообрабатывающего промысла зато мог быть гарантирован от всяких посягательств на его собственность.

Лишь незначительная часть ванн в Тиритаке лежит в пизине, на высоте 2—2.5 м над уровнем моря, но и в этом случае все ванны находятся на территории города, за оборонительной стеной.

Несмотря на то, что все найденные ванны датируются, как мы уже указывали, одним временем (I—III вв. н. э.), конструкция их, материал постройки, размеры сильно отличаются.

Часть ванн, например комплекс ванн возле южного участка крепостных стен Тиритаки, выстроена из среднего размера бутового камня-известняка, скрепленного известковым раствором красноватого цвета вследствие примеси толченой керамики (рис. 2 и 3). Некоторые из комплексов ванн, расположенных на холме, сложены из крупных отесанных плит известняка различных размеров (рис. 4 и 5). Внутренность этих ванн также была покрыта водоупорной штукатуркой. Стены рыбозасолочных ванн в высоту почти во всех случаях полностью не сохранились, поэтому далее, при исчислении емкости их, мы всегда брали наибольшую высоту стены, как наиболее приближающуюся к истинной высоте ванн. Высота ванн значительно колеблется.

Найдены очень глубокие ванны, выс. 2.70—2.80 м и даже 3.30 м, в некоторых же высота не превышает 1.50 м. Современные рыбозасолочные ванны по М. Турпаеву¹ не превышают в высоту 2.26 м. Большая высота ванны, особенно при незначительной площади основания, несомненно усложняет процесс выборки из ванны готового продукта. Между тем высота ванн, приближающаяся к 3 м, повидимому, обычное явление в древнем рыбном хозяйстве. Для Херсонеса М. Тихий² указывает предельные высоты, очень близкие к установленным в ваннах Тиритаки, именно: 2.60—2.80 м. Очень трудно объяснить те соображения, которыми руководились строители таких глубоких ванн. Предположение, что при большой глубине ванны достигалось получение более низких температур, вряд ли верно, так как получаемый в этом случае эффект мог быть очень незначительным. При этом следует упомянуть, что при столь большой глубине ванны нижние слои рыбы должны были претерпевать чрезмерное давление и сильно деформироваться. Возможно, что самый способ заготовки и качество получаемого продукта предусматривали создание значительного давления на просаливаемую рыбу. Так, например, следует отметить, что в Мирмекии, где высота ванн не превышала 2 м, в самих ваннах были найдены большие штучные камни, принявшие буро-ржавый цвет, которые, повидимому, служили прессом, накладывавшимся поверх досок на просаливаемую рыбу. Указанный способ иногда до сего времени практикуется при засоле, например, шемаи и рыба на кубанских промыслах.

¹ М. Турпаев, ук. соч., стр. 48.

² М. Тихий, ук. соч., стр. 12 сл. (оттиск).

Рис. 2. Часть комплекса 16 рыбозасолочных вани, открытых в Тиритаке у крепостной стены (на участке I).

Рис. 3. Комплекс 8 рыбозасолочных вани, открытых в Мирмеке (на участке 3).

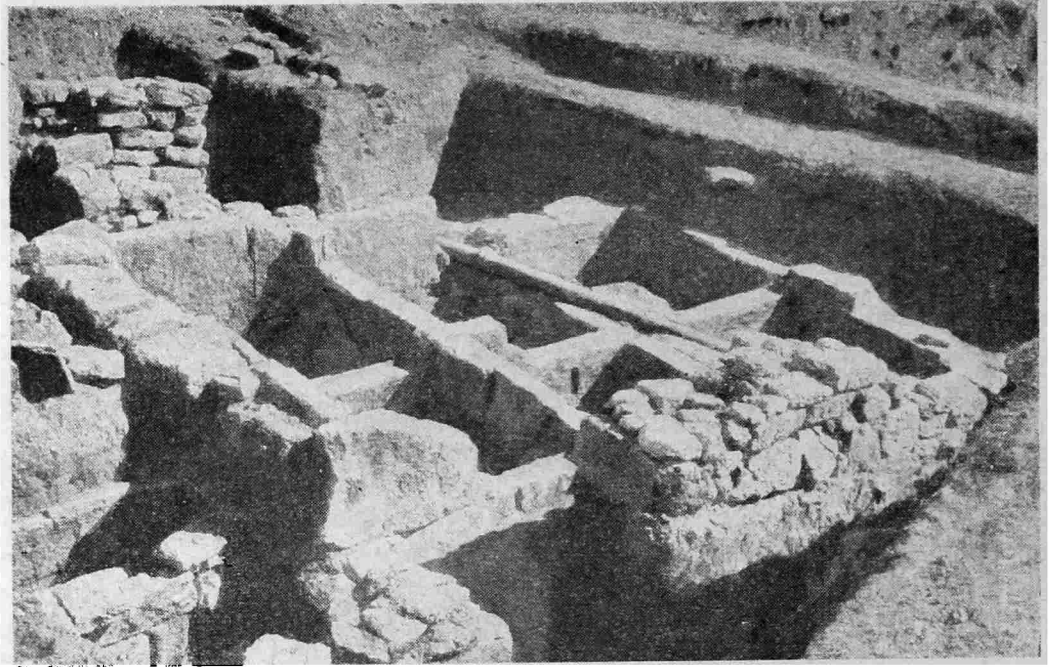

Рис. 6. Комплекс 6 рыбозасолочных ванн, открытых в Тиритаке на верхней террасе городища (на участке X).

Рис. 5. Комплекс 4 рыбозасолочных ванн, открытых в Тиритаке на верхней террасе городища (на участке XIII).

Во всяком случае античные рыбозасолочные ванны достаточно близки к цементированным ваннам современного промысла, пришедшим на смену широко применявшимся деревянным ларям и ваннам прошлого столетия.

Размеры древних ванн значительно колеблются. Наибольшие из них имеют площадь основания более 10 м^2 , наименьшие около 3 м^2 . Площадь основания у некоторых ванн квадратна, у других имеет вид прямоугольника с соотношениями ширины к длине как 1 : 1,4 и до 1 : 1,9. Емкость отдельной ванны из наиболее характерных комплексов равна: $4,3 \text{ м}^3$, $5,2 \text{ м}^3$, $11\text{—}13 \text{ м}^3$; встречались при раскопках ванны и значительно меньшей кубатуры.

Если подсчитать всю кубатуру обнаруженных в Тиритаке и Мирмекии ванны, то мы получим достаточно внушительную цифру общей емкости про-

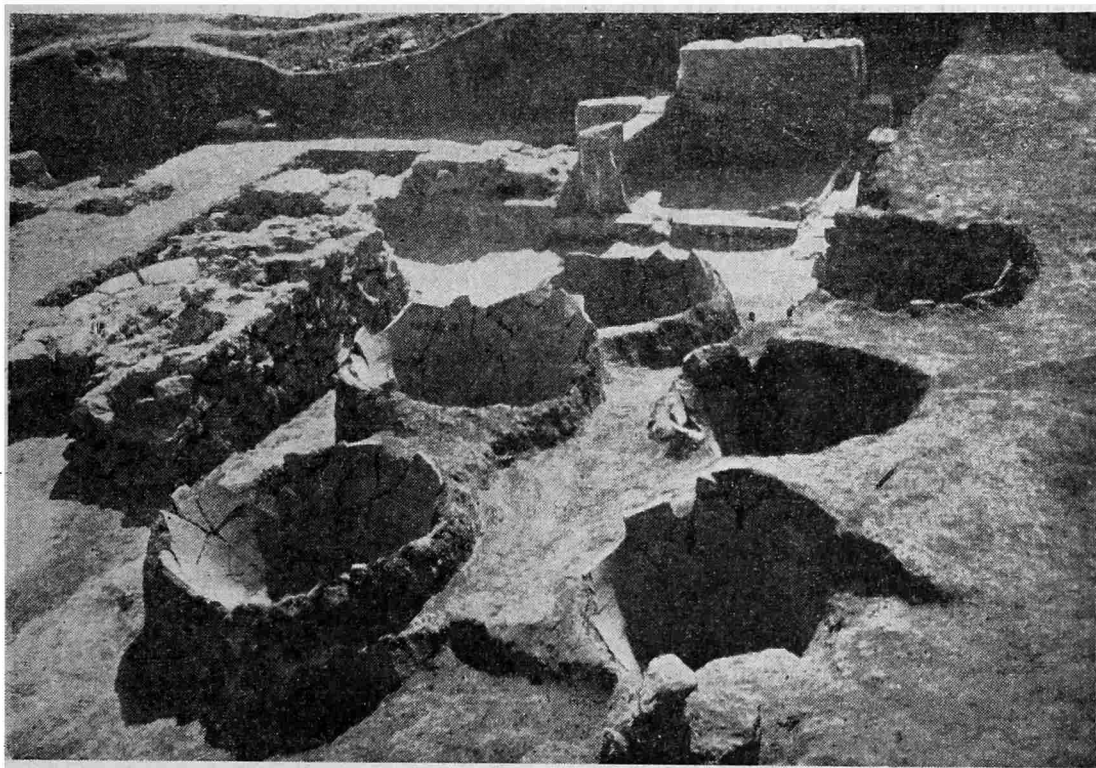

Рис. 6. Остатки глиняных нифосов, открытых в Тиритаке близ рыбозасолочных ванн (на участке XIII)

мыслов. Так, общая емкость открытых рыбозасолочных ванн Тиритаки равна 457 м^3 ,¹ Мирмекия — 130 м^3 , а в общей сложности около 590 м^3 сооружений, предназначенных для посола рыбы. Следовательно, при одновременной загрузке все рыбозасолочные ванны могли вместить улов примерно в 4720 центнеров сырца.

Надо думать, что рыбозасолочные ванны имели верхнее покрытие в виде навеса, о чем говорит большое количество кровельной черепицы, найденной на дне ванны Мирмекия. Находимые возле ословых засолочных ванн неглубокие ванны в виде каменных ларей, а также цементированные площадки, служили, вероятно, для таких процессов, как переборка рыбы, возможно, мойка и др. Подобную роль при засолке рыбы выполняли глиняные кадй, так называемые нифосы (рис. 6). Надо полагать, что для успешности работ над ваннами

¹ Кубатура найденных ванн вычислена по данным раскопок до 1938 г. включительно.

настилались помосты, которые были необходимы для выполнения производственного процесса: заполнения ванн поступающей свежей рыбой и солью, выборки уже просолившейся рыбы, чистки ванн перед новым посолом и т. д. Дальнейшие находки при раскопках, несомненно, могут дать еще ряд ценных данных для воссоздания всего технологического процесса засола рыбы в древности.

Чтобы закончить вопросы, непосредственно связанные с ваннами, необходимо еще сказать несколько слов о том, что представляли собой найденные отдельные комплексы в смысле производственной мощности. Из раскопанных в Тиритаке самый мощный комплекс включает 16 ванн, другие состоят из 3, 4, 5, 6 ванн. В этих масштабах, повидному, и следует рассматривать размеры рыбозасоленных пунктов, принадлежавших отдельным владельцам. Размер каждого такого обрабатывающего пункта с песочностью указывает на то, что здесь было занято по несколько человек рабочей силы, а на более крупных — до десятка и более человек.

Как в самих ваннах, так и вблизи них при раскопках найдено значительное количество остатков рыб в виде различных костей, изредка целиком сохранившихся скелетов, чешуи и др. Некоторые данные о видовом составе промысловых рыб того времени нами уже коротко сообщались в заметке к отчету о раскопках Тиритаки за 1932—1934 гг.¹ На основании найденных остатков рыб можно сказать, что в римский период заготавливались те рыбы, которые и в настоящее время являются объектом промысла в Керченском проливе.

Судя по количеству остатков, несомненно, одно из первых мест в промысле составляли сельдь и хамса.

В некоторых ваннах, найденных в Тиритаке, сохранились целиком скелеты сельди, в очень большом количестве найдена чешуя сельди, причем в некоторых случаях чешуя прекрасной сохранности. На чешуе очень хорошо видны склериты и годовые кольца. Следует отметить, что размеры некоторых из найденных чешуй говорят об огромной величине вылавливавшейся в те времена сельди, во всяком случае не менее 38—40 см. Более высокие линейные размеры сельди того времени можно объяснить тем, что тогдашний промысел был, конечно, значительно менее интенсивен, чем в настоящее время, — отсюда большее число в улове особей старших возрастных групп. Аналогичный факт по отношению к ряду других рыб отмечает и Г. Никольский, работавший над определением остатков рыб, найденных при раскопках Елизаветинского городища на р. Кубани.² О более крупных размерах сельди в Керченском проливе в 60-х годах XIX ст. упоминает в своем обширном исследовании и Н. Я. Данилевский.³ Хамса встречается в огромных количествах в ваннах древнего Мирмекия. При раскопках обнаружен у дна ванн слой более 10 см толщины, очень схожий по виду с рыбной мукой, состоящий в массе из остатков хамсы, незначительного количества костей других рыб, желтой глины и зерен песка. При рассмотрении массы под 40—50-кратным увеличением видны на костях и чешуе мельчайшие кристаллики соли.

Далее обращает на себя внимание большое количество костей осетровых, находимых, главным образом, вблизи ванн. Преобладают кости осетров, в меньшем количестве встречаются кости севрюги, костей белуги почему-то пока не найдено. Нахождение щитков осетровых поблизости ванн,

¹ В. Марти. Рыбозасоленные ванны Тиритаки, открытые в 1932 г. (печатается в Материалах и исследованиях по археологии СССР при отчете о раскопках Тиритаки за 1932—1934 гг.).

² Г. Никольский, ук. соч., стр. 123.

³ Н. Я. Данилевский. Исследование о состоянии рыболовства в России, т. VIII. СПб., 1871.

повидимому, следует объяснить тем, что перед засолом рыба разделывалась, а «жучки», грудные лучи и другие части удалялись. Возможно, что перед засолом головы осетровых разрубались вдоль, о чем может свидетельствовать находка рассеченного *Parasphenoideum Acipenseridae*.

Интересно указать, что при изучении остатков найдены кости и чешуя судака, глоточные зубы, повидимому, тарани (*Rutilus* sp.). Остатки двух упомянутых видов найдены как в Тиритаке, так и в Мирмекии.

Из моллюсков в очень большом количестве, в мусоре поблизости ванн, найдены створки мидий и устриц. Очевидно, эти моллюски шли в пищу и в древности.

Несмотря на имеющиеся указания в литературе о находках во время раскопок костей камбалы, характерных костей этой рыбы пока не найдено. Очень возможно, что камбала, как и в нынешнее время, не шла в засол, а употреблялась в пищу в свежем виде. Если принять это предположение, то отсутствие костей камбалы в ваннах и вблизи засолочных пунктов становится понятным. Остатков барабули (султанки), о которой имеется так много указаний у древних авторов, пока не обнаружено. Не обнаружено также костей пеламиды, скумбрии, тунца и кефалевых.

Из предметов рыболовного обихода следует указать на большое число каменных и глиняных грузил и сделанных из кости иголок для вязки сетей. В Мирмекии найден разбитый глиняный сосуд с отверстиями, который, можно предполагать, служил для выборки просолившейся рыбы из ванны; остатки рассола (тузлука) должны были вытекать из отверстий найденного глиняного ведра-черпака.

Таким образом сделанные во время раскопок древних городищ находки вполне подтверждают свидетельства древних авторов о большом значении рыболовства в древности.

Не подлежит сомнению, что далеко еще не все памятники, связанные с рыбным хозяйством древности, в настоящий момент обнаружены. Но даже и те комплексы ванн, которые открыты при раскопках Тиритаки и Мирмекия, говорят об огромных заготовках рыбы в древности. Без преувеличения можно утверждать, что в обоих указанных пунктах засаливалось в год несколько десятков тысяч центнеров рыбы, главным образом сельди и хамсы. Это косвенно указывает и на размеры добывающего промысла в древности. Чтобы поймать такое количество рыбы, должны были существовать, несомненно, специальные ловедкие кадры, значительное количество неводов, неводников для лова, судов для транспорта рыбы и т. д.

На ряду с рыбным промыслом должны были функционировать соляные промыслы. Возможно, что для отправки готовой продукции специально заготавливалась и «тара» в виде глиняных амфор.

Резюмируя все вышесказанное о рыбном хозяйстве древнего Боспора в свете последних археологических открытий в Мирмекии и Тиритаке, следует сделать вывод, что рыбный промысел после земледелия занимал одно из первых мест в экономике боспорских поселений.

V MARTI

NOUVELLES DONNÉES SUR L'INDUSTRIE POISSONNIÈRE. AU BOSPHORE CIMMÉRIEN D'APRÈS LES FOUILLES DE TYRITAKÉ ET DE MYRMÉKIE

R é s u m é

Dans la première partie de son mémoire, l'auteur résume brièvement les données qu'on trouve dans la littérature au sujet de l'industrie poissonnière au Bosphore dans l'antiquité.

La seconde partie du travail est consacrée à l'étude des anciennes installations pour le salage du poisson et autres restes de l'industrie poissonnière, mis au jour en grand nombre lors des fouilles exécutées dans ces dernières années sur l'emplacement des deux villes bosphoriennes de Myrmékie et de Tyritaké (environs de Kertch). Les réservoirs pour le salage du poisson, découverts jusqu'à ce jour, datent des I—III siècles de notre ère. La fig. 1 montre la répartition actuelle de l'industrie poissonnière dans le détroit de Kertch et les points où les fouilles ont décelé d'anciennes installations pour le salage du poisson.

Le plus grand nombre de réservoirs de salage a été constaté à Tyritaké (actuellement Kamých-Bouroun), un nombre beaucoup moindre à Myrmékie.

Aujourd'hui, on a coutume de construire les installations de salage au niveau même de la mer ou de la rivière, afin de créer les conditions les plus favorables pour le transport du poisson du rivage aux installations. A Tyritaké et Myrmékie, par contre, les réservoirs se trouvaient à une altitude assez élevée au-dessus de la mer, dans les parties hautes de la ville. Le propriétaire cherchait à établir son entreprise dans la ville, à l'abri de ses murailles, sacrifiant la commodité du transport du poisson à la garantie qu'il avait ainsi contre tout attentat à sa propriété de la part des pillards. Des modèles de réservoirs sont représentés sur les fig. 2 et 3. La hauteur maximum des réservoirs de salage est de 3.30 m.

Les réservoirs étaient ordinairement disposés par complexes. Le complexe le plus puissant, découvert à Tyritaké, compte 16 réservoirs, d'autres ont 4, 5 ou 6 réservoirs appartenant à différents propriétaires. Les dimensions de ces installations montrent qu'elles occupaient plusieurs hommes — les plus importantes jusqu'à une dizaine et d'avantage. La charge globale de tous les réservoirs découverts jusqu'ici à Tyritaké et Myrmékie était d'environ 4720 quintaux métriques de poisson.

Si l'on en juge par la quantité des restes, le hareng et la khamisa occupaient incontestablement une des premières places au Bosphore parmi les poissons soumis au salage. Les dimensions de certaines écailles attestent la taille énorme du hareng, pêché à cette époque. Au cours des fouilles, on a trouvé, principalement près des réservoirs, une grande quantité d'os d'esturgeon et d'esturgeon étoilé; on a rencontré également des os de bars et de sertes.

Comme engins de pêche, on a trouvé beaucoup de poids de filets en pierre et en argile et d'aiguilles en os pour confectionner les filets. A Myrmékie, on a découvert un puisoir en argile pour enlever des réservoirs le poisson salé à point.

Les dernières découvertes archéologiques, faites à Myrmékie et à Tyritaké, donnent à conclure que l'industrie poissonnière était après l'agriculture une des branches les plus importantes de l'économie des villes bosphoriennes.

А. П. ИВАНОВА

ХЕРСОНЕССКИЕ СКУЛЬПТУРНЫЕ НАДГРОБИЯ С ПОРТРЕТНЫМИ ИЗОБРАЖЕНИЯМИ

Одной из отличительных особенностей искусства Херсонеса римского времени по сравнению, например, с искусством Боспора той же эпохи является большое количество скульптурных надгробий, снабженных такими изображениями умерших, которые несомненно преследовали цель передачи индивидуальных портретных черт, а не общего идеального типа. Наиболее распространенным видом такого надгробного памятника-портрета является бюст, изображенный в более или менее плоском рельефе и помещенный в нише.

Эти надгробия обнаруживают в большей или меньшей степени влияние римской портретной скульптуры. Каким путем могло проникнуть это влияние в Херсонес? Скульптурный портрет был официальным искусством Римской империи, сознательно насаждавшимся и культивировавшимся в провинциях. Насколько мы можем судить по известному нам херсонесскому материалу, у нас нет оснований говорить об импорте в Херсонес непосредственно из Рима произведений портретной скульптуры. Не исключена возможность, что из Малой Азии и других восточных провинций Римской империи в Херсонес могла привозиться скульптура, сделанная в духе официального римского искусства. Среди мастеров, работавших в Херсонесе, были, несомненно, люди, знакомые с основными художественными приемами, характерными для римской портретной скульптуры, хотя, вернее всего, сами они были не римлянами, а выходцами из восточных провинций. Большая романизация искусства Херсонеса по сравнению, например, с искусством Боспора, стояла, по видимому, в связи с наличием в Херсонесе римского гарнизона. Возможно, что именно в результате римского влияния получил такое широкое распространение в Херсонесе тип надгробий с портретными изображениями умерших, тем более, что нам известны подобные надгробные памятники солдат стоявшего в Херсонесе римского гарнизона. Но едва ли надгробия с портретными бюстами получили бы широкое распространение в Херсонесе в римское время, если бы там на месте не существовало чрезвычайно древней традиции — придавать надгробным памятникам форму человеческой головы.

В классический и эллинистический период в Херсонесе были широко распространены антропоморфные надгробия из известняка,¹ представляющие местный херсонесский вариант антропоморфных надгробных памятников, известных и в других областях северного Причерноморья.² Обычно

¹ См., напр., Г. Д. Белов. Отчет о раскопках Херсонеса за 1935—1936 гг. Севастополь, 1938, стр. 192, рис. 41.

² См., напр., надгробие IV в. до н. э., найденное в станице Таманской в 1910 г. (ИАК, вып. 40, стр. 107), или другое надгробие того же происхождения, датированное концом III — началом II в. до н. э. (там же, стр. 101).

это — схематизованное изображение человеческой головы с показанными суммарно плечами. Лицевая сторона совершенно плоская, задняя округлая и выпуклая. Верх слегка заострен (рис. 1). Как подсказывает одна аналогия из Керчи, — стела Парменонта IV—III вв. до н. э., увенчанная вместо акротерия фригийской шапкой,¹ — может быть, это попытка схематически передать форму скифского головного убора.

Эти памятники являются произведениями местной работы, хотя иногда такие изображения голов помещены в античную нишу-эдикулу, увенчанную фронтоном.²

Суммарные воспроизведения человеческих голов, служившие надгробными памятниками или культовыми изображениями, связанными с представлениями о загробном мире, сохранились в местной художественной традиции Херсонеса вплоть до позднеримского времени. Об этом свидетельствует позднеримская катакомба № 1480, при входе в которую были обнаружены два схематических изображения бюстов; врезанная в толщину плиты углубленная линия передает только контур головы, шеи и плеч, поверхность оставлена совершенно плоской, отдельные детали, как, например, черты лица, не показаны.³

Также, повидимому, к позднеримскому времени относится хранящаяся в Херсонесском музее сильно поврежденная голова из известняка (рис. 2). По своей форме она очень напоминает антропоморфные надгробия классического и эллинистического времени: лицевая поверхность ее плоская, задняя округлая и выпуклая, верх слегка заострен, что особенно хорошо видно на снимке в профиль (рис. 2). Основное отличие этой головы от антропоморфных надгробий классического и эллинистического времени в том, что на ее лицевой поверхности показаны, хотя и в крайне схематизованном, даже геометризованном виде, рот, нос, глаза и надбровные дуги. Геометризация лица — прием, с которым неоднократно приходится сталкиваться в херсонесских памятниках римского времени.

Надгробия с портретными изображениями встречаются в Херсонесе, начиная с I в. н. э. К сожалению, относящийся к этому времени памятник вольноотпущенников Цинция и Ведия⁴ сильно поврежден, лица сбиты, что не позволяет судить о стиле.

Значительное количество надгробий с портретными изображениями относится к концу II — началу III в. н. э. Прежде всего нужно отметить надгробие римского солдата Аврелия Виктора (рис. 3), принадлежавшего к I италийскому легиону.⁵ Памятник представляет собою стелу из известняка, в которую вставлена тонкая плита с изображением бюста Аврелия Виктора в плоском рельефе. Имя солдата указывает на время Антонинов.⁶ Стиль портретного изображения, приемы трактовки бороды и волос также находят аналогии в портретной скульптуре времени Антонинов. Мастер, делавший надгробие Аврелия Виктора, был, несомненно, знаком с римской портретной скульптурой. Но это был местный мастер. Местную работу выдает известная резкость и суммарность трактовки.

¹ K i e s e r i t z k y - W a t z i n g e r. Griechische Grabreliefs aus Südrussland. Берлин, 1909, табл. II, № 39.

² K i e s e r i t z k y - W a t z i n g e r, ук. соч., табл. LVI, №№ 765a и 765b.

³ К. К. Косцюшко-Волюжинич. Отчет о раскопках в Херсонесе в 1901 г. ИАК, вып. 4, стр. 92, рис. 41. Такой же характер носят изображения на облицовочной кладке второго кольца башни Зенона (К. Э. Гриневич. Стены Херсонеса Таврического. Херсонесск. сб., вып. II, Севастополь, 1926, стр. 68, рис. 69). К сожалению, трудно сказать что-нибудь определенное относительно их значения.

⁴ ИАК, вып. 27, стр. 55.

⁵ K i e s e r i t z k y - W a t z i n g e r, ук. соч., табл. XXXIV, № 481.

⁶ Там же, стр. 85.

Рис. 1. Антропоморфные надгробия.

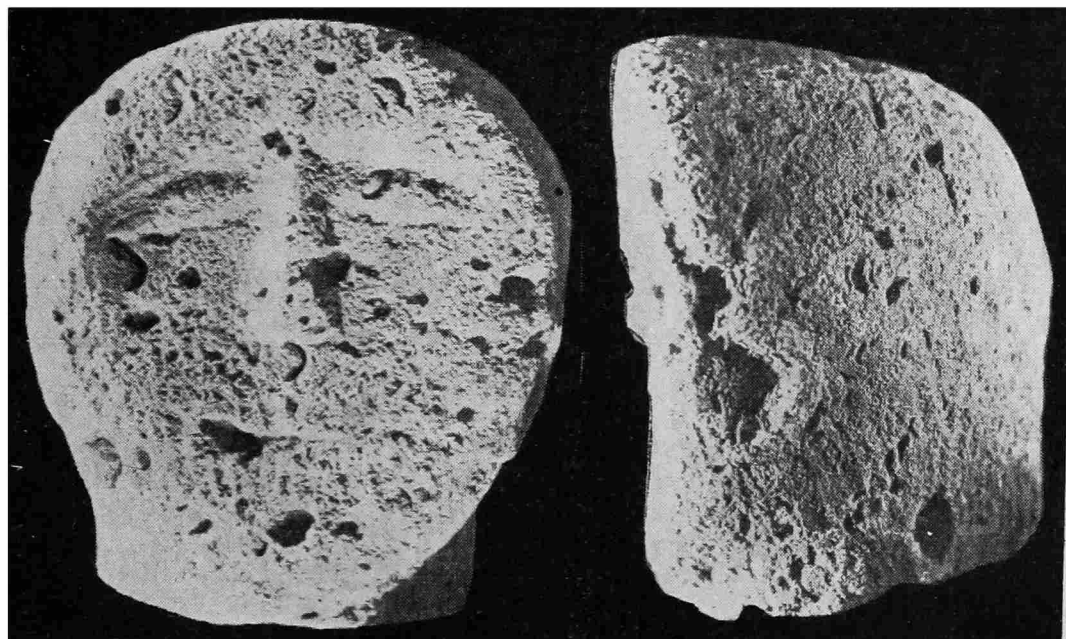

Рис. 2. Голова из известняка местной работы.

деталей, а также допущенная мастером ошибка в передаче ракурса правой половины лица: он сделал лицо асимметричным, подражая обычной постановке римского портретного бюста с легким поворотом головы, рассчитанным на главный вид не в фас, а в три четверти. Скульптура времени Антонинов использует этот поворот для изображения лица в сильном ракурсе. Этот ракурс передал херсонесский мастер, чем объясняется асимметрия лица: правая щека значительно уже левой. Но мастер не понял, что ракурс обусловлен определенным поворотом в пространстве. Он развернул лицо в плоскости, показал полностью всю бороду, бакенбарды и оба уха, тогда как в действительности все эти черты не могли быть видны полностью при повороте головы в три четверти.

К тому же времени относится найденное в 1907 г. надгробие Скифа, сына Феагена (рис. 4).¹

Тонкая мраморная плита вставлена в массивный блок песчаника, в котором рядом имеется пустое гнездо для второй подобной плиты, очевидно, для портрета жены Скифа.²

На основании надписи Латышев датирует надгробие II в. н. э.³ Стилистически надгробие Скифа находит аналогии опять-таки в портретной скульптуре времени Антонинов. Аналогию к прическе и форме бороды дает портрет неизвестного варвара в Капитолийском музее, относящийся к антониновскому времени,⁴ хотя трактовка прядей у Скифа значительно более схематизована. Волосы над лбом несколько напоминают портретную голову римлянина в виде Марса, относящуюся к тому же времени и хранящуюся в Латеранском музее.⁵ За принадлежность антониновскому времени говорит пластическая трактовка зрачка и радужной оболочки глаз. С еще большей резкостью, чем в портрете Аврелия Виктора, выражена здесь асимметрия лица, обусловленная непонятым ракурсом; левая щека даже производит впечатление припухлой. В то же время лицо развернуто в плоскости еще больше, чем в надгробии Аврелия Виктора; также видны оба уха. В трактовке слегка волнистых прядей волос наблюдается известный параллелизм, граничащий с орнаментальностью. Крайне схематизованы складки хитона на груди, переданные почти прямыми, глубоко-врезанными линиями.

Этот памятник также является работой местного херсонесского мастера, знакомого с римским портретом, но в его работе в еще более сильной степени дают себя чувствовать принципы местного искусства, сказывающиеся в плоскостности и в схематизации деталей.

К началу III в. н. э. относится найденное в 1900 г. надгробие Севиры, сына Лиллона⁶ (рис. 5). Трактовка волос и бороды напоминает портреты Каракаллы. Поворот лица в три четверти передан здесь более правильно, чем в надгробиях Скифа и Аврелия Виктора. Характерной особенностью местного херсонесского мастера в данном случае является только значительная обобщенность форм.

К другой категории херсонесских скульптурных надгробий принадлежит стела солдата Марка Мецилия из когорты Бракаравгустандев (рис. 6).⁷

¹ В. В. Л а т ы ш е в. Эпиграфические новости из Южной России. ИАК, вып. 27, стр. 19.

² Как это предполагает В. В. Латышев (ук. соч. ИАК, вып. 27, стр. 29).

³ Там же, стр. 20.

⁴ A g n d t B r u c k m a n n. Griechische und römische Porträts, № 797.

⁵ Там же, № 873.

⁶ В. В. Л а т ы ш е в. Греческие и латинские надписи, найденные в южной России в 1900 г. ИАК, вып. 2, стр. 61. — IosPE, IV, № 114.

⁷ М. И. Р о с т о в ц е в. Новые греческие и латинские надписи с юга России. ИАК, вып. 33, стр. 20 сл.

Рис. 3. Надгробие солдата Аврелия Виктора (верхняя часть).

Рис. Надгробие Скифа, сына Феагена,

На основании надписи Ростовцев датировал этот памятник также временем Антонинов.¹

Античные элементы, которые можно здесь проследить с полной ясностью, восприняты мастером только внешним образом и переданы в чисто местной трактовке. Марк Мецилий изображен во весь рост, стоящим в фас. Он одет в короткую, достигающую только до колен, тунику и короткий солдатский плащ (sagum). Голова сбита, так что судить о передаче лица невозможно, но трактовка всей фигуры очень характерна для местного мастера, совершенно не затронутого античным художественным влиянием.

Рис. 5. Надгробие Севиры.

Она имеет форму эдикулы, увенчанной треугольным фронтоном, с двумя каннелированными дорическими пилястрами по сторонам. Каннелюры даны схематично — в виде двух вертикальных, глубоко врезанных линий, так же, как трактованы складки. Схематизованы и капители — они переданы глубоко врезанными горизонтальными линиями. Прием, который в надгробии Скифа, сына Феагена, использован для трактовки складок, здесь применяется ко всем деталям без различия.

На ряду с надгробиями с изображением бюста или фигуры умершего в Херсонесе в римское время были широко распространены надгробные рельефы с изображением сцены загробной трапезы. Изображение пирующих героизированных умерших не преследует в такой степени задачи точного портретного изображения, как вышеразобранная группа памятников. Как правило, лица в них носят значительно более идеальный характер. Но и в этих памятниках наблюдается известная индивидуализация; некоторые внешние детали, как бороды и прически, находят аналогии в римской портретной

Постановка строго фронтальная, ноги изображены прямыми и негнущимися, как палки, без обозначения суставов. Руки непропорционально коротки и тоже не имеют суставов, они округло согнуты в плече и дальше прямо опущены вниз по обеим сторонам туловища. Складки туники и плаща трактованы совершенно плоскостно, глубоко врезанными линиями; хотя самый рисунок их довольно правильно передает античную систему, но переводит ее в плоскость, — местный мастер не понял принципов античной моделировки. Такое чисто внешнее восприятие античного мотива, переведенного на язык варварского примитива, напоминает отчасти стелы римской эпохи, происходящие из Африки и посвященные Юпитеру, синкретизированному с местным божеством Ваал-Аманом.²

Те же особенности трактовки, которые мы отметили в фигуре Марка Мецилия, наблюдаются и в трактовке архитектурного обрамления стелы.

¹ Там же.

² См. серию «Musée d'Algérie et de la Tunisie» [напр.: Musée de Constantine (табл. IV), Musée de Tebessa (табл. I), Musée de Guelma (т. II), Musée de Timgad (табл. V)].

«скульптуре, — это говорит за то, что они точно передают моды своего времени.

К числу наиболее ранних памятников относится найденное в 1928 г. надгробие Филократа, сына Фарнакиона (рис. 7). Надгробие имеет форму ниши-эдикулы, увенчанной треугольным фронтоном. Филократ изображен возлежащим на ложе, перед которым стоит круглый стол. Слева сидит его

Рис. 6. Надгробие солдата Марка Мецилия из когорты Бракаравгустанцев.

Рис. 7. Надгробие Филократа.

жена, в левом углу маленькая фигура раба. Трактовка волос и причёска Филократа находят аналогию в римской портретной скульптуре раннеимператорского времени: сходную трактовку волос мы находим на портретах Августа и Клавдия,¹ на портретной голове греческой работы из Смирны, хранящейся в Афинском национальном музее,² и на портрете неизвестного римлянина эпохи Клавдия в Капитолийском музее.³ Очень плоскостная трактовка волос женщины напоминает даже портреты республиканской

¹ См. статую в Латеранском музее (A r n o l d - B r u c k m a n n, ук. соч., № 81).

² Там же, № 840.

³ Там же, № 845.

эпохи.¹ Лица индивидуализованы: можно отметить широкий овал лица женщины, широкие скулы Филократа, его слегка сдвинутые брови и нос с горбинкой. Гладкие плоскости лба и щек, отсутствие морщин относятся

Рис. 8. Фрагмент надгробия из известняка со сценой загробной трапезы.

к чертам идеализации, характерным для римского портрета раннеимператорского времени. Самый тип лица Филократа несколько напоминает портреты Августа.

Общая композиция и стиль находят аналогии в малоазийских надгробиях. Но известная суммарность трактовки, несколько приземистые пропорции, слишком большие головы — все это черты местного стиля.

К эпохе Антонинов можно отнести хранящийся в Херсонесском музее сильно поврежденный фрагмент надгробного рельефа из известняка, на котором сохранилась верхняя часть фигуры возлежащего на ложе мужчины, с поднятой вверх правой рукой (рис. 8).

Повидимому, он держал венок, как это обычно изображалось в сценах

Рис. Портретное изображение Фемиста, сына Стратона, и его жены Василики. (деталь рельефа, найденного в 1935 г.).

¹ См., напр., надгробие супружеской четы, так наз. Катона и Порции (там же, № 210).

загробной трапезы. Насколько позволяет судить сохранность, прическа и форма бороды близки к портретам Антонины Пия.¹

К тому же или несколько более позднему времени можно отнести и найденную при раскопках 1935 г. плиту с надписью Фемиста, сына Стратона,² датируемую на основании надписи концом II — началом III в. н. э. Помещенное над надписью изображение возлежащей супружеской четы — Фемиста и его жены Василики (рис. 9), находит аналогии в портретной скульптуре конца II в. н. э. В качестве аналогии к прическе и форме бороды Фемиста можно указать, в частности, на голову неизвестного римлянина в Музее Людовизи в Риме.³

Связь с римской портретной скульптурой может быть также прослежена в херсонесских надгробиях IV в. н. э. Можно указать на найденную в 1892 г. верхнюю часть надгробия с изображением сцены загробной трапезы.⁴ Прическа, а также очертания лба и надбровных дуг возлежащего на ложе мужчины паходят аналогию в портретной статуе Константина.⁵ По характеру трактовки волос этот памятник можно сблизить с портретом императора IV в. во Флоренции,⁶ а также со статуей магистрата во дворце Консерваторов⁷ и, наконец, с колоссальной головой Константина.⁸

Нужно отметить как общее явление, что херсонесские памятники уступают римскому портрету в смысле остроты индивидуальной характеристики. В частности, херсонесские мастера совершенно не ставят перед собою тех психологических задач, которые с большой тонкостью разрешали римские портретисты времени Антонинов. Более или менее условно передается возраст: например Фемист, сын Стратона, проживший, согласно надписи, 70 лет, выглядит не более старым, чем Скиф, сын Феагена, проживший 35 лет. Все это нельзя рассматривать как небрежность или недостаток мастерства: херсонесские художники, воспитанные в традициях местного искусства, привыкли к значительно более общим и суммарным образам, далеким от индивидуализма римского портрета.

К числу наиболее интересных памятников искусства Херсонеса принадлежат два надгробия с изображением сцены загробной трапезы, которые могут быть датированы III в. н. э.

Первый из этих памятников — мраморное надгробие Сотериха и Конхи⁹ (рис. 10). Интересно отметить, что Сотерих был так или иначе связан с местным культом Девы. Выражение надписи *Σοτήριχος θεῆς Παρθένου* допускает, по Латышеву, два возможных толкования: он был или жрецом Девы, или рабом при ее храме.¹⁰ Рельеф изображает Сотериха и Конху возлежащими на ложе, перед которым стоит круглый пиршественный стол и к которому подходит маленький слуга. Сотерих держит в руке сосуд, по форме напоминающий ритон, у Конхи в левой руке, повидимому, хлеб, в правой — тарра. Характер прически и форма бороды Сотериха напоминают римскую портретную скульптуру конца II — начала III в. н. э., в особенности

¹ См., напр., бюст в Неаполитанском музее (A r n d t - B r u c k m a n n, ук. соч., № 753).

² Г. Д. Белов, ук. соч., рис. 23, а, б.

³ A r n d t - B r u c k m a n n, ук. соч., № 309.

⁴ ОАР, 1892, стр. 26. — K i e s e r i t z k y W a t z i n g e r, ук. соч., № 733.

⁵ A r n d t - B r u c k m a n n, ук. соч., № 82—83.

⁶ Там же, № 84.

⁷ Там же, № 314.

⁸ Там же, № 891.

⁹ В. В. Латышев. Эпиграфические новости из южной России. ИАК, вып. 27, стр. 16. — I o s P E, I², № 457.

¹⁰ В. В. Латышев, ук. соч., ИАК, вып. 27, стр. 17. На последнем толковании настаивает И. И. Толстой (Остров Белый и Таврика на Евксинском Понте. СПб., 1918, стр. 105 сл.).

довольно многочисленны в эту эпоху портреты варваров, так как тип лица Сотериха явно не греческий. Его неправильные и грубоватые черты не только хорошо передают этнический тип, но и несут, несомненно, индивидуальный характер. Признаки старческого возраста (как говорит надпись, Сотерих прожил 80 лет) переданы здесь с гораздо большей выразительностью, чем, например, в рельефе Фемиста, сына Стратона. Индивидуальный

характер носит также лицо Конхи — очень полное, с чрезвычайно крупным подбородком.

Черты местного стиля сказываются в надгробии Сотериха с большой яркостью. Прежде всего нужно отметить крайне приземистые пропорции фигур, а также известную условность и неправильность поз, в частности неестественно вывернутые ступни ног Конхи. С этими условными приемами тесно связана плоскостность композиции рельефа. Принцип плоскостности, на который уже не раз приходилось указывать как на характерную черту местного искусства Херсонеса, в данном случае с особенной яркостью проявляется в изображении стола: его крышка поставлена вертикально, она дана без всякого перспективного сокращения, причем самым тщательным образом показаны все стоящие на столе блюда. Как правило, на херсонесских рельефах с изображением загробной трапезы крышка стола изображается горизонтально. В большинстве случаев мы видим горизонтально поставленную крышку стола и на керченских стелах, вообще значительно более плоскостных, чем херсонесские. Вряд ли мастер, делавший надгробие Сотериха, не умел правильно изобразить стол. Скорее дело заключается в его стремлении с максимальной точностью показать все стоящее на столе, а это он мог сделать только отказавшись от перспективного изображения. Таким образом на ряду с условными приемами мы находим в творчестве херсонесского художника ясно выраженную реалистическую тенденцию, в частности стремление к большой точности в деталях.

Рис. 10. Надгробие Сотериха и Конхи.

Интересно в этом отношении, что плоскостность композиции надгробия Сотериха сочетается с ярко выраженной объемностью в трактовке деталей, в особенности складок одежды, которые даны крупными, рельефно выступающими массами. С такой объемной трактовкой мы встречаемся и в других памятниках Херсонеса этой эпохи; можно, в частности, указать на рельеф с подвигами Геракла, найденный в Херсонесе при раскопках 1935 г.

Интересно в этом отношении, что плоскостность композиции надгробия Сотериха сочетается с ярко выраженной объемностью в трактовке деталей, в особенности складок одежды, которые даны крупными, рельефно выступающими массами. С такой объемной трактовкой мы встречаемся и в других памятниках Херсонеса этой эпохи; можно, в частности, указать на рельеф с подвигами Геракла, найденный в Херсонесе при раскопках 1935 г.

Этот прием крайне характерен для скульптур галло-германского круга;¹ он в значительной мере способствует их большой реалистической выразительности. Не представляется возможным объяснить это стилистическое совпадение между искусством Херсонеса и Римской Галлии взаимным влиянием. Нужно предполагать известную общность путей развития искусства для всей периферии Римской империи.

Плоскостность композиции надгробия Сотериха тесно связана с довольно ясно выраженными декоративными тенденциями мастера: левая рука Сотериха, в которой он держит сосуд, и левая рука Конхи, держащая хлеб, совершенно одинаковым образом согнуты в локте и расположены строго параллельно одна другой. Очевидно, тут имел место сознательный расчет со стороны мастера на тот декоративный эффект, который создается ритмом параллельных линий и простым повторением одного и того же мотива.

Реализм и условность тесно переплетаются между собой в надгробии Сотериха, как это часто приходится наблюдать в памятниках искусства северного Причерноморья, носящих местный характер.

Еще более резко выражен не античный характер в другом, хранящемся в Херсонесском музее надгробии (рис. 11), найденном в 1901 г. в катакомбе № 1095.² Надгробие сделано из местного известняка и состоит из двух частей: плита с изображением сцены загробной трапезы вставлена в четырехгранную тумбу с сильно поврежденной греческой надписью III в. н. э., называющей имя умершей Гимароклеи или Гиллароклеи.³ Изображены возлежащие на ложе супруги. Мужчина держит в поднятой правой руке веночек. Перед ложем стоит пиршественный стол. Изображение отличается крайней плоскостностью и упрощением форм, доходящим до геометризации. Приземистость пропорций, более или менее обычная в рельефах с изображением загробной трапезы, доведена здесь почти до утрировки: фигурки

Рис. 11. Надгробие из известняка с изображением сцены загробной трапезы.

¹ Большое количество памятников подобного характера опубликовано у Esperandieu. Recueil général des bas-reliefs, statues et bustes de la Gaule Romaine.

² ОАК, 1901, стр. 48. — ИАК, вып. 4, стр. 104 сл., рис. 52.

³ В. В. Латышев, ук. соч. — ИАК, вып. 10, стр. 21—22.

сделаны очень маленькими, головы кажутся несоразмерно большими. Крайне обобщенно изображены тело и одежда, руки не имеют суставов, как мы это видели в надгробии Марка Мецилия. Почти детскими кажутся кисти рук женщины, пальцы которых переданы врезанными линиями. Интересно отметить одну черту условности в изображении стола: его крышка не развернута в плоскости, как в надгробии Сотериха, но зато две лежащие на столе виноградные кисти показаны вертикально, без перспективы. Их необходимо было показать полностью, очевидно потому, что они играли в данном случае какую-то существенную роль, может быть культовую, а может быть они указывают на то, что умерший был связан с виноградарством и виноделием.

Рис. 12. Бюст из известняка местной работы.

Особенно интересна характеристика лиц. Черты их крайне упрощены и сведены к простейшим геометрическим формам: нос изображен прямоугольным, рот передан прямой горизонтальной чертой. Но в то же время интересно отметить, что в изображении лиц, несмотря на весь их схематизм и примитивные приемы изображения, имеет место несомненная и совершенно сознательная попытка индивидуальной характеристики. Эта индивидуализация достигается очень простым приемом: черты лица мужчины трактованы с большей резкостью, им придан довольно сильный рельеф: линия, обозначающая рот, глубоко врезана, глаза глубоко посажены, нос дан объемно; лицо обрамлено густой шапкой волос и бородой, которые представлены в виде общей, нерасчлененной массы. Всеми этими приемами создается вполне определенное впечатление немолодого, сурового лица не греческого типа. Совершенно иначе охарактеризовано лицо женщины: черты ее лица нанесены графически, тонкими, только слегка врезанными линиями на совершенно ровной и

плоской поверхности. Лицо поэтому кажется значительно более молодым, лишенным морщин и складок кожи, черты его значительно мельче и тоньше, чем у мужчины.

Это — произведение местного херсонесского мастера, почти совершенно не затронутого античным влиянием. Античного происхождения, в данном случае, только самый сюжет — загробная трапеза, но все стилистические приемы являются приемами чисто местного искусства. Характерно, что даже приемы индивидуальной характеристики лиц не навеяны влиянием римской портретной скульптуры, — эти примитивные приемы являются совершенно самостоятельным творчеством местного мастера.

Последнее обстоятельство доказывает, в частности, что на ряду с элементами условности и схематизма в местном искусстве Херсонеса существовали реалистические тенденции, которые, повидимому, и создали благоприятную почву для восприятия влияния римской портретной скульптуры.

Этот памятник можно до некоторой степени сблизить с рядом хранящихся в Херсонесском музее надгробий из местного известняка несомненно местной работы и не имеющих ни греческих, ни латинских надписей, что также, косвенным образом, говорит о туземном происхождении изображенных людей. На ряду с крайней суммарностью изображения, схематизацией и геометризацией черт лица в этих памятниках можно отметить

отдельные детали этнографического порядка, а может быть и некоторую попытку передать индивидуальные особенности: во всяком случае, лица, изображенные на этих памятниках, сильно отличаются одно от другого, тем самым исключается возможность предположения, что все они передают один отвлеченный идеальный тип.

Заслуживает внимания хранящийся в Херсонесском музее большой бюст из известняка (рис. 12). Самый бюст имеет форму прямоугольного блока, пластически обработаны только голова и шея. Черты лица переданы с большим схематизмом, доходящим до геометризации: нос имеет прямоугольную форму, рот обозначен прямой горизонтальной чертой, узкие длинные глаза лежат совершенно плоско, веки даны в виде равномерно выпуклых валиков. Острая клинообразная борода трактована графически, так же как густая шапка волос, в которой только в отдельных местах имеются более глубокие удары резцом. Форма бороды этого памятника находит аналогию в стеле тавра, хранящейся в Одесском музее.¹ Возможно, что и херсонесский памятник изображает тавра.

Внимательное изучение памятника позволяет сделать довольно определенные выводы относительно его датировки, а также отметить даже в этом произведении местного искусства некоторое влияние римской портретной скульптуры, хотя и переработанное на свой лад херсонесским мастером. Густая шапка волос вряд ли была взята мастером просто с натуры. На портретных изображениях варваров конца II — начала III в. н. э. мы видим густые, беспорядочно лежащие волосы, рельефно и живописно трактованные, с сильным применением буравчика.² Эти особенности типичны для римского искусства этого времени. Херсонесский мастер использовал эти образцы, но живописная трактовка волос, характерная для римской портретной скульптуры конца II — начала III в. н. э., переведена им на язык плоскостного графического изображения.

Можно предполагать, что изображением тавра является еще одно надгробие Херсонесского музея, также из местного известняка, без надписи, в виде бюста в нише (рис. 13). Черты лица крайне схематизованы, этническим признаком служит длинная борода, хотя она не имеет такой правильной клинообразной формы, как в предыдущем памятнике. Складки одежды даны в виде двух углубленных линий — этот прием напоминает надгробие Слифа,

Рис. 13. Надгробие из известняка местной работы.

¹ Kieseritzky-Watzinger, ук. соч., табл. XXXII, № 442. — М. И. Ростовцев. Античная декоративная живопись на юге России. СПб., 1914, табл. XXXV, 1.

² См., напр., голову неизвестного варвара во Флоренции (Arnold-Bruckman, ук. соч., № 799).

сына Феагена, но в данном случае видна еще более резкая схематизация. Такими же линиями обрисован треугольный фронтон над нишей, круг во фронтоне и акротерии, переданные двумя дугообразными линиями. По бокам, на антах также имеется по одной углубленной вертикальной линии — может быть, непоцятые каннелюры пилястров, как в надгробии Марка Медилия. К этим памятникам примыкает по стилю и хранящееся в Историческом музее в Москве надгробие Аврелия Виатора,¹ носящее чисто местный характер, несмотря на латинскую надпись и римское имя. Стоящая во фронтальной позе фигура трактована крайне обобщенно, в чертах лица наблюдается та же геометризация, как в только что разобранных памятниках. Интересна одна реалистическая деталь этнографического порядка — высокий остроконечный головной убор. Можно отметить одну черту, сближающую надгробие Аврелия Виатора с надгробием Гимароклеи или Гиллароклеи, — в руках Аврелия изображена виноградная кисть. Резко выраженная асимметрия лица может быть понята как попытка индивидуальной характеристики.

Весь рассмотренный материал позволяет сделать вывод о наличии в Херсонесе в римское время своего местного портретного искусства. Портретное искусство Херсонеса развивалось в значительной степени под влиянием римского портрета. Но это влияние могло быть воспринято херсонесскими мастерами благодаря тому, что почва для этого была подготовлена местной художественной традицией, в частности благодаря наличию реалистических тенденций в местном искусстве Херсонеса.

A. IVANOVA

LES SCULPTURES TOMBALES AVEC PORTRAITS DES MORTS DE CHERSONÈSE

Résumé

Un des traits distinctifs de l'art de Chersonèse à l'époque romaine, comparé à celui des autres villes du nord de la région de la mer Noire, est le grand nombre de monuments funéraires sculptés avec portraits des morts. Ces monuments accusent une influence plus ou moins forte du portrait romain, mais modifiée à travers le prisme de la création des artistes chersonésiens. Le type du monument funéraire à relief figurant le buste du défunt dans une niche, largement répandu à Chersonèse à l'époque romaine, n'aurait pu l'être s'il n'eût existé ici depuis longtemps la tradition de donner aux monuments funéraires la forme d'une tête humaine, comme l'attestent par exemple les monuments funéraires anthropomorphes fréquemment rencontrés dans les couches classiques et hellénistiques de Chersonèse. Ce type à buste du défunt nous est le mieux connu dans la période allant de la fin du II siècle au début du III siècle.

Non moins répandus à Chersonèse sont les monuments funéraires à relief représentant la scène du repas d'outre-tombe. Ici aussi, le visage est caractérisé par ses traits individuels; on y peut également reconnaître l'influence du portrait romain et des traits du style local particulier. Des tentations d'individualisation du visage s'observent dans certains monuments funéraires en calcaire de travail indigène, dépourvus de toute inscription grecque ou latine quelconque. Quelques-uns d'entre eux représentent peut-être des Taures.

L'ensemble du matériel examiné permet de conclure à l'existence ici à l'époque romaine d'un art du portrait indigène qui s'est développé en grande partie sous l'influence du portrait romain. Mais cette influence n'a pu être ressentie que grâce au fait que le terrain avait été préparé dans ce sens par la tradition artistique locale, en particulier grâce à l'existence de tendances réalistes dans l'art indigène.

¹ ОАР, 1894, стр. 102, рис. 60.

Н. И. РЕПНИКОВ

О ХАРАКТЕРЕ РИМСКОЙ ОККУПАЦИИ ЮЖНОГО БЕРЕГА КРЫМА

Общеизвестным пунктом римской оккупации является мыс Ай-Тодор, лежащий к западу от Ялты и состоящий из трех скалистых выступов, обрывающихся в море. У подножия крайнего юго-восточного выступа расположена небольшая бухта с ровным пляжем, несомненная гавань древнего поселения. Память о ней сохранило название мыса Лимеш-бурун (Мыс гавани), прикрывающего бухту с востока. Средний, Монастырь-бурун, имеет на вершине известную виллу «Ласточкино Гнездо».

Отчетливые следы древнего поселения прослеживаются на всей территории Маячного холма. К нему от гавани, пересекая низину, где теперь находится поселок Жемчужина, шла старая дорога. Она приводила к боевой ограде, прикрывавшей поселение с севера. Первые археологические поиски здесь относятся к 1849 г., когда была обнаружена на городище линия гончарного трубопровода, подававшего воду в бассейн. При этих любительских раскопках «найдена была мраморная статуя и другие предметы».¹ В шестидесятых годах XIX в. на территории маяка (гайдеи) был ряд предметов, ныне утраченных.² В 1896 г. б. владельцем городища вел. кн. Александром Михайловичем предприняты были любительские раскопки.³ Начатые поиски велись с перерывами в течение 15 лет, пося бессистемный характер. Основные результаты их изложены в ряде статей.⁴ В последнее время В. Д. Блаватский вновь приступил к раскопкам на Ай-Тодоре. Работы велись в 1931,

¹ В. Х. К о н д а р а к и. Универсальное описание Крыма, ч. I. Николаев, 1873, стр. 159, прим.

² О древних монетах, найденных близ Ай-Тодорского мыса, см. Архив ИИМК, дело АК, 1868, № 21; В. Х. К о н д а р а к и, ук. соч., ч. XV, стр. 88; IosPE, I², № 677.

³ Зап. Крымск. горного клуба, 1896, № 11—12, стр. 70. Письмо Н. П. Кондакова к В. В. Латышеву (в выдержке) см. в ЖМНП (1900, кн. 3, стр. 152—153).

⁴ М. И. Р о с т о в ц е в. Римские гарнизоны на Таврическом полуострове и Ай-Тодорская крепость. ЖМНП, 1900, кн. 3, стр. 140—159. — О н ж е. Römische Besatzungen in der Krim und das Kastel Charax. Beitr. zur alten Geschichte. Klio, 1902, т. 2, ч. 1, стр. 80—95. — О н ж е. Святилище фракийских богов и надписи бенефициариев в Ай-Тодоре. ИАК, вып. 40, стр. 1—42. — Ф. А. В и н о г р а д о в. Римские развалины на Ай-Тодоре. Гермес, 1910, № 9—10. — А. С. Б а ш к и р о в. Историко-археологический очерк Крыма. Крым, путеводитель, изд. Крым. общ. естествоисп. и любит. прир., стр. 270—283, с планом. — В. Н. Д ь я к о в. Древности Ай-Тодора. Сб. трудов Алушкинского музея, Ялта, 1930, стр. 17—53. — А. И в а н о в а. Ай-Тодорское городище. СГАИМК, 1931, № 9—10, стр. 52—54.

1932 и 1935 гг. Приходится сожалеть, что исследования носили только реконструктивный характер. До надлежащего конца они доведены не были, а итоги их полностью так и остались до сих пор не опубликованными.¹

Находки, а также остатки зданий на Маячном холме определяют, что на данном месте в римское время существовало большое поселение. Фрагменты керамики, разнообразные бытовые предметы, а в особенности многочисленные монеты, найденные на городище, датируют его временем с половины I до середины III в. н. э. Решающими в определении характера поселения являются клейма на кирпичях, здесь найденных. Они изготовлены были римскими воиновскими частями. Первая группа кирпичей имеет штамп: vex(illatio) с(lassis) Rav(ennatis) s(umptu) p(ublico), что свидетельствует об изготовлении кирпичей моряками равеннской флотилии. Вторая группа носит штамп: Per L. . . . A. . . . S(enturionem) leg(ionis) I It(alicae) praep(ositum) vex(illationi) Moes(iae) inf(erioris), определяющий отношение этого строительного материала к вексилляции Мэзии I италийскому легиону. Третья группа кирпичей имеет штамп: Leg(io) XI Cl(audio), указывающий на изготовление их частями XI Клавдиева легиона.

Первый издатель айтодорских штемпелей М. И. Ростовцев полагал, что все эти кирпичи были изготовлены в Херсонесе воиновскими «частями, стоявшими там, на общественный, т. е. городской счет».² А. Л. Бертье-Делагард возражал против такого толкования айтодорских клейменных кирпичей. «Глина не лучше в Херсонесе, чем на южном берегу, топлива там [т. е. в Херсонесе. — Н. Р.] гораздо меньше, перевозка оттуда затруднительна; приготовляя даже кирпич, Херсонесу не было никакого основания ставить на нем римские штемпеля; наконец, и кирпичей с римскими штампами, сколько помню, в Херсонесе не находили». В подтверждение своей гипотезы о местном происхождении айтодорских кирпичей А. Л. Бертье-Делагардом было отмечено «несколько выше Ай-Тодора в горах местонахождение превосходной пластической глины и теперь называемое „глинищем“, а за боевой оградой поселения „следов завода кирпичей и посуды“».³

Появление римских воинских частей в Крыму восходит ко времени Нерона, как следствие удачного похода правителя Мэзии Т. Плавтия Сильвана.⁴ Развернувшиеся тогда события вызвали первое занятие важнейших гаваней полуострова римской эскадрой и отрядами. На это определено указывают слова Иосифа Флавия (из речи Агриппы в 66 г. о могуществе Рима): «Зачем говорить. о племени тавров, воспоранцах и живущих вокруг Понта и Мэотиды народах, которые раньше не признавали даже и собственного владыки, а теперь держатся в подчинении тремя тысячами оплитов, и сорок военных кораблей поддерживают мир на несудоходном прежде и суровом море».⁵

Первая группа штемпелей Ай-Тодора, определяя строительство здесь моряками равеннской флотилии, уточняет самый момент его; клейма не могут быть позднее времени Веспасиана, так как при нем равеннский флот получил отсутствующее на клеймах наименование praetoria.⁶ Первый

¹ Предварительный отчет о раскопках в Хараксе в 1932 г. Проблемы, 1933, № 1—2, стр. 55—60. — Раскопки Харакса в 1931, 1932 и 1935 гг. ВДИ, вып. 2 (3), 1938, стр. 321—335. — Архив ИИМК, дело 1933 г., № 107; дело 1935 г., № 8.

² М. И. Ростовцев, ук. соч., стр. 158. — Кlio, стр. 93. — ИАК, вып. 40, стр. 36.

³ А. Л. Бертье-Делагард. Случайная находка древностей близ Ялты. ЗОО, т. XXVII, прот., стр. 25.

⁴ CIL, т. IV, № 3608.

⁵ Иосиф Флавий, II, 16. Scythica et Caucasia, т. I, стр. 483.

⁶ М. И. Ростовцев, ук. соч., стр. 158.

период морской оккупации своей опорной базой имел бухту Херсонеса. Город в это время находился в зависимости от наместника Нижней Мэзии. Об этом свидетельствуют надписи на пьедесталах статуй в честь этих должностных лиц [Секста Ветрулена Кералиса, наместника при Веспасиане (IosPE, I², № 421), и Секста Октавия Фроптона — 92 г., при Домициане (IosPE, I², № 422)]. Показателем этого же является псефизм в честь некоего гражданина Херсонеса, «бывшего послом к правителю Мэзии».¹ При Домициане римский флот покинул северное побережье Черного моря.

Естественны вопросы о характере поселения на Ай-Тодоре, равно и причинах возникновения его. Уяснить это поможет описание одной из многих подобных же крепостей на Черноморском побережье. В письме Флавия Арриана императору Адриану об его инспекторской поездке в 134 г. описывается крепость Фазис (совр. Поты), у устья Риоца: «Самая же крепость, где помещаются 400 отборных воинов, мне показалась в е с ь м а с и л ь н о й п о п р и р о д н ы м с в о й с т в а м м е с т н о с т и и р а с п о л о ж е н а н а м е с т е , о ч е н ь у д о б н о м д л я з а щ и т ы п л а в а ю щ и х з д е с ь (разрядка моя. — *Н. Р.*). Вокруг стены проведен двойной ров; оба они широки. Прежде стена была земляная, и на ней стояли деревянные башни, но теперь и стена и башни построены из обожженного кирпича; она построена на прочном фундаменте, на ней поставлены машины: одним словом, она снабжена всем [необходимым] для того, чтобы никто из варваров не мог даже приблизиться к ней, не говоря уже о невозможности угрожать осадой [паходящемуся] в ней гарнизону. А так как и самая гавань должна была представлять безопасное убежище судам, а также и все места, которые вне укрепления населены отставшими военными и некоторыми другими торговыми людьми, то я решил от двойного рва, окружающего стену, провести другой ров до [самой] реки, которая окружит гавань и дома [стоящие] вне стены».²

Свидетельство Иосифа Флавия о морском характере первой оккупации, преследовавшей задачу «поддержания мира на несудоходном прежде и суровом море», недооценивалось исследователями в прошлом, хотя нельзя было не заметить, что охрана всего северного побережья Черного моря осуществлялась лишь 3000 римских воинов и 40 военными кораблями. Одно это показывает, что римские власти не ставили задачи территориальных захватов, а стремились лишь обезопасить мореплавание от поползновений пиратов. Последнее и осуществлялось бдительным наблюдением за побережьем в целом ряде пунктов.

Отмечены уже исключительные свойства Ай-Тодорского мыса, предопределившие устройство именно на нем римского укрепления. А. Л. Бертье-Делагард затруднялся объяснить причину возникновения здесь укрепления. Он указал, что «со стороны житейской это место весьма посредственно, даже печально, по каменистости места и еще более по совершенному его безводию, а вода во всякие времена была в Тавриде „душой культуры и самой жизни“».³ Он полагал, что «устройством укрепления на естественной границе, идущей от Яйлы к морю и оканчивающейся мысом Ай-Тодор, закреплялся рубеж, делящий южный берег на две части; он является резкой культурно-топографической чертой, отделяющей водные, а стало быть, культурные, места запада (Симеиза, Алупки, Мисхора, Гаспры) от таких же восточных (Ялты, Массандры) на лучшей части южного берега. Вот именно этим свойством гряды и воспользовались, закрепив его постройкой укрепления».⁴

¹ IosPE, I², № 420.

² A r r i a n u s. *Periplus Ponti Euxini, 12. Scythica et Caucasica*, т. I, стр. 221.

³ А. Л. Бертье-Делагард, *ук. соч.* 300, т. XXV, стр. 25.

⁴ Там же, стр. 26.

М. И. Ростовцев пытался объяснить возникновение укрепления на Ай-Тодоре тем, что в этой части побережья «скрещивались сухопутные пути, существовавшие, конечно, до римской оккупации этого пункта», в силу чего «станет понятным и то, почему римляне обратили свое внимание именно на это место на Крымском побережье».¹ Автор правильно сетовал об отсутствии в его распоряжении «представлений о состоянии Крыма в римское время», отмечая при этом, что он не осведомлен «о сухопутных дорогах, соединявших отдельные населенные пункты Крыма». М. И. Ростовцев тем не менее полагал возможным существование если не шоссированного пути, то «прилично устроенной тропы, соединявшей Ай-Тодор с Херсонесом, с одной стороны и, может быть, другими пунктами побережья и центрального Крыма — с другой».²

Говорить о наличии дорожной сети на пространстве от Ласпи до округи Алушты не приходится. На этом природно изолированном пространстве «не имелось ни одной проезжей дороги, а только трудно проходимые выючные тропы, не только через горы, но и по самому побережью».³ Такое положение было свойственно южному берегу «с глубокой древности до сороковых годов XIX столетия, когда возникло южно-бережное шоссе и Байдарские ворота, ведущие с севера на юг к морю».⁴

Сообщение с загорьем искони осуществлялось природными перевалами, через плато Яйлы. Это в подавляющем большинстве пешеходные, реже выючные тропы — «богазы». Среди них до некоторой степени искусственным является один Шайтан-Мердвен (Чортова лестница).⁵ Что же касается древнего пути через горы, доступного телегам, то таковой шел через перевал Кибит-богаз (Проезд для кибиток). Последний, проходя очень далеко от Ай-Тодора в райоше Алушты, ни малейшего отношения к нему, естественно, не имел.

В. Н. Дьяковым высказано утверждение, что Ай-Тодор являлся основным звеном всех укреплений южного берега. В. Н. Дьяков полагает, что по последнему проходила «целая система в ясной взаимной связи расположенных укреплений, представляющих непрерывную и замкнутую цепь древнего оборонительного рубежа». «Притом вся система ориентирована явным образом на оборону не с моря, а с суши, и запирает каждую из троп (богазов), идущих с Яйлы». «Ее создал народ, уверенный в своем морском господстве и именно с моря оккупировавший эту благодатную часть Крымского побережья». В итоге всех этих соображений автор пришел к выводу, что «перед нами оборонительная система, буквально совпадающая с римским *limes*'ом Германии».⁶

Базируясь на словах речи Иосифа Флавия, штемпелях моряков равеннской флотилии, а также учитывая наличие аналогичных укреплений на Черноморском побережье (письмо Арриана), необходимо сделать иные выводы.

Потребность иметь пункт, позволяющий вести наблюдение за прибрежьем, — вот что оправдывало постройку укрепления в тяжелых природных условиях, вблизи Маячного холма. Укрепление это не могло быть изолированным явлением на протяжении прибрежья. Природные условия предопределили устройство аналогичных же военных постов на горе Кошка и на вершине Аю-дага. В обоих пунктах как раз имеются определенные остатки

¹ М. И. Ростовцев, ук. соч. ИАК, вып. 40, стр. 9.

² Там же, стр. 10—11 и 44.

³ А. Л. Бертье-Делагард. Исследование некоторых недоуменных вопросов средневековья в Тавриде. ИТУАК, вып. 57, стр. 34.

⁴ Н. И. Репников. Предполагаемые древности тавров. ИТОИАЭ, т. I, стр. 140.

⁵ Там же, стр. 140.

⁶ В. Н. Дьяков, ук. соч., стр. 31—32.

римских укреплений, ожидающих своих исследователей.¹ Предугадать продолжение укреплений, исходя из потребностей контроля за морем, не составит затруднений. На запад — мысы Сарыч, Ласпи, Айя-буруц,² а в особенности Балаклавская скала, находящаяся рядом с бухтой Симболоц;³ на восток от Аю-дага — гора Кастель с обширным укреплением на вершине,⁴ весьма возможно, далее Караул-оба под Судаком и, наконец, Чабан-кулле. Последняя не проста и в генуэзский период имела укрепление, из которого велось наблюдение за морем.⁵

Естественен вопрос, возникла ли айтодорская римская крепость на пустом месте или до нее здесь уже имелось поселение? Наличие в линии внешней боевой ограды Маячного холма участков стен циклопической кладки⁶ с несомненностью доказывает существование здесь укрепления предшествующей «таврской поры».⁷ Малочисленность культурных остатков доримского времени в нижних пластах городища дают В. Д. Блаватскому основание предполагать, что здесь имелось не постоянное поселение, а временное убежище тавров. Точно датировать время возникновения этого таврского укрепления трудно: известным показателем могут служить находки доримского времени, относящиеся к IV—I вв. до н. э.⁸ Аналогичное же использование «таврских» укреплений, с циклопическими стенами, имело место на горе Кошка, равно на Аю-даге и Кастеле.

В литературе существует попытка установить имя римского укрепления на Ай-Тодоре. Клавдий Птолемей (гл. VI, 2, 26—27) на одном меридиане с мысом Бараций лоб поместил на южном побережье Крыма поселение Харакс. Ю. А. Кулаковский, давший проекцию сведений Птолемея на карте, поместил это поселение к западу от мыса Бараций лоб.⁹ В. В. Латышев исправил ошибку Ю. А. Кулаковского, указав на то, что Харакс должно помещать к востоку от упомянутого мыса.¹⁰

Харакс в прошлом локализовали в Орианде,¹¹ на Никитском мысу.¹² В. В. Латышевым высказано предположение, что «быть может именно к Хараксу следует приурочить те остатки древнего поселения, которые открыты на мысе Ай-Тодор».¹³ С легкой руки М. И. Ростовцева, принявшего

¹ А. А. Васнецов. Древнее Симеизское кладбище. ТМАО, т. XXIV, стр. 326. — Крымский сборник, стр. 200—201. В 1923 г. около городища обнаружен большой могильник I—II вв. н. э. (Архив ИИМК, дело ГАИМК, 1923, № 59). План остатков на Аю-даге см. в нашей статье: Разведки и раскопки в Крыму в 1907 г. ИАК, вып. 30, стр. 103.

² В. Н. Дьяков, ук. соч., стр. 31—32.

³ Последняя истария являлась «притоном» морских пиратов-тавров (Страбон, кн. VII, IV). Наличие на Балаклавской скале городища римского времени констатируют раскопки 1855 г. подполковника английского 39-го полка Монро (журн. «Athenaeum», 1855, № 1470). О наличии значительного могильника I—II вв. н. э., см. ук. нашу статью (ИАК, вып. 30, стр. 126).

⁴ П. Келлен. Крымский сборник, СПб., 1837, стр. 159 (наш осмотр в 1905 и 1907 гг.).

⁵ Там же, стр. 138—140.

⁶ Воспроизведение ее издано в «Клио», 1902, т. 2, ч. 1 (рис. 2, стр. 89).

⁷ Н. И. Репников. Предполагаемые древности тавров. ИТОИАЭ, т. I, стр. 139.

⁸ В. Д. Блаватский, ук. соч. ВДИ, № 2, 1938, стр. 334.

⁹ Ю. А. Кулаковский. Карта европейской Сарматии по Птолемею. Киев, 1899.

¹⁰ ФО, т. XVI, М. 1899, стр. 95. — Ю. А. Кулаковский в своем ответе В. В. Латышеву (там же, т. XVII, стр. 4—5) в числе других признал эту ошибку и внес поправку при новом издании карты в своей книге «Прошлое Тавриды» (Киев, 1914, табл. 1).

¹¹ К. F. Neumann. Die Hellenen im Skythenlande. Берлин, 1855, стр. 456.

¹² Л. Ф. Воєводский. Карта древних поселений на юге России. Одесса, 1884.

¹³ ФО, т. XVI, стр. 94 сл., прим.

безоговорочно высказанное мимоходом предположение В. В. Латышева, оно получило права гражданства.¹ Между тем было бы **правильнее** **впредь** до находки соответствующей надписи вопрос об имени древнего укрепления на Ай-Тодоре считать открытым. Харакс локализуется Птолемеем на меридиане мыса Бараньего лба. Под последним вряд ли возможно усматривать что-либо иное, как далеко выдавшийся из линии побережья мыс Аю-даг. Харакс — не индивидуальное название, а нарицательное обозначение, означающее «укрепленное место» — «кастель» в римском понимании. В связи с тем, что Харакс помещен Птолемеем по восточную сторону мыса Бараньего лба, следует учесть, что до недавнего времени население называло Аю-даг «Биюк-Кастель даг» («Большого укрепления гора»). Согласно сообщению П. И. Кеппена, в записи, данной в 1686 г. из Мангупского Кадылыка деревне Партенит «на владение принадлежавшей ей земли», гора эта названа не Аю-дагом, но Кастелем.² В ближайшем соседстве от Аю-дага к востоку на побережье находится гора Кастель, называемая населением «Кучук-Кастель» («Малое укрепление»). Наличие же в обоих пунктах остатков римских укреплений мы отмечали.

Первый этап римской оккупации южного берега закончился в конце I в. Развернувшиеся события на Дунае отвлекли внимание римлян от Северного Причерноморья. Флот покинул Крымское побережье. Начавшиеся длительные дакийские войны закончились лишь при Траяне. Опорной базой последовавшей за этим второй римской оккупации был опять же Херсонес. В нем стоял гарнизон, откомандированный из состава мэзийской армии, а в гавани города — римская эскадра. Таковое положение определяет надпись 185 г.³ В составе оккупационного отряда, сменявшегося время от времени, стояли солдаты I Италийского,⁴ V Македонского⁵ и XI Клавдиева легионов,⁶ а также вспомогательные части I когорты Бракаравгуставов,⁷ I Киликийской когорты⁸ и II когорты Lucensium.⁹ Начальником крымского vexillatio являлся трибун, проживавший в Херсонесе. Под его начальством находились морские и сухопутные силы. Во главе гарнизона стоял центурион, а отдельными постами на побережье ведали бенефициарии.

Отмечалось уже, что в числе клейм, найденных на Ай-Тодоре, имеются штемпеля с обозначением I Италийского и XI Клавдиева легионов. Они определяют вторичное занятие этого пункта в середине II в. вексильцией Мэзии, констатируя строительство, производившееся римскими воинскими частями, — первоначально I Италийским, а затем XI Клавдиевым легионами.

Наличие в это время на Ай-Тодоре значительного отряда определяют посвященные алтари бенефициариев.¹⁰ Возможно, что в состав отряда входили также и солдаты I когорты фракийского вспомогательного отряда. На последнее намекает надгробие Л. Фурия Севта, оптима (т. е. помощника) префекта этой когорты.¹¹ Массовые находки монет на Ай-Тодорском городище обрываются первой третью III в., что

¹ М. И. Ростовцев, ук. соч. ЖМНП, 1900, кн. 3, стр. 159. — Клис, стр. 95. — В. Д. Блаватский, Проблемы, 1933, № 1—2.

² П. Кеппен, ук. соч., стр. 167

³ IosPE, I², № 417.

⁴ Там же, №№ 417 и 547.

⁵ Там же, № 549.

⁶ Там же, №№ 550 и 551.

⁷ Там же, № 553.

⁸ Там же, № 554.

⁹ Там же, № 555.

¹⁰ Там же, №№ 674, 675 и 676.

¹¹ ИАК, вып. 40, стр. 38—39.

объясняется, повидимому, происшедшей около 245 г.¹ эвакуацией римской охраны северного побережья Черного моря. Последствия быстро сказались в пробуждении пиратской деятельности прибрежного населения Приазовья и Крыма. Не встречая противодействия, пиратство вскоре приняло широкий размах, выразившись в ряде грозных морских набегов — 255—275 гг.² Лишь при Диоклетиане (284—305) римлянам вновь удалось восстановить свое влияние на северном побережье Понта.³ Здесь вновь появилась Мэзийская эскадра. Херсонес опять стал базой ее. Был ли вновь занят Ай-Тодор, сказать пока затруднительно. Несомненно лишь одно, что поселение существовало еще и в IV в., о чем свидетельствует его могильник,⁴ а равно следы ремонта внешней боевой ограды.⁵

N. REPNIKOV

SUR LE CARACTÈRE DE L'OCCUPATION ROMAINE DU LITTORAL SUD DE LA CRIMÉE

R é s u m é

Un des points d'appui bien connus de l'occupation romaine sur le littoral sud de la Crimée, qui avait pour base Chersonèse, était le cap Aï-Todor, situé à l'ouest de Yalta. De là s'ouvre un large panorama embrassant le rivage sud de la Crimée.

Sur le territoire du cap Maïatchny se trouvait dans l'antiquité une grande localité romaine fortifiée qui exista du milieu du I siècle au milieu du III siècle. On admettait jusqu'ici que cette forteresse avait été construite en vue de protéger les routes terrestres qui passaient ici (M. Rostovcev). Pareille hypothèse est peu vraisemblable, vu que depuis la plus haute antiquité jusqu'aux années quarante du XIX siècle il n'y eut dans cette contrée aucune route carrossable, mais seulement des sentiers peu praticables pour bêtes de somme.

Les témoignages de Flavius Josèphe, les estampilles des marins de la flottille de Ravenne sur les briques trouvées lors des fouilles de la colline Maïatchny à la pointe ouest du cap Aï-Todor ainsi que la présence de fortifications analogues sur le littoral de la mer Noire mentionnées par Arrien obligent à tirer une conclusion différente quant au caractère des fortifications romaines tant à Aï-Todor que dans les autres points voisins, à savoir: lesdites fortifications avaient pour but la surveillance du littoral sud de la Crimée et la lutte contre les pirates, qui constituaient un danger sérieux pour la navigation, surtout dans la période de 255 à 275.

La présence dans la ligne des retranchements extérieurs de la colline Maïatchny de sections de murs de construction cyclopéenne indique que la forteresse romaine sur l'Aï-Todor fut érigée non sur place vide, mais qu'il existait déjà ici une forteresse probablement taurique. Une utilisation analogue

¹ С. П. Шестаков. Очерки по истории Херсонеса в IV—X вв. (=Памятники христианского Херсонеса, в. III.) М., 1908, стр. 4, с перечнем основной литературы.

² В. Г. Васильевский. Житие Иоанна Готского. Труды, т. II, стр. 353—360.

³ С. П. Шестаков, ук. соч., стр. 5—7.

⁴ Погребения — сожжения, с многочисленными монетами — конца III и первой половины IV в. н. э. [ВДИ, № 2 (3), стр. 325—328].

⁵ Там же, стр. 330.

des fortifications «tauriques» à murs cyclopéens se voit sur la montagne Kochka, sur l'Aïu-Dagh et sur le Kastel.

V. Latyšev a émis la supposition que les fortifications romaines de l'Aï-Todor portaient le nom de Charax mentionné par Claude Ptolémée, qui les place sur le même méridien que le cap Barany-lob. Cette opinion fut adoptée sans réserves par M. Rostovcev, à la suite duquel elle s'établit solidement dans la littérature scientifique. Toutefois, l'auteur estime que la question du nom de ces fortifications doit demeurer ouverte, tant que n'aura pas été trouvée l'inscription correspondante.

La première étape de l'occupation romaine du littoral sud de la Crimée s'acheva à la fin du I siècle. Les événements survenus sur le Danube et les longues guerres contre les Daces forcèrent la flotte romaine à quitter les côtes de la Crimée. Ce ne fut que sous Trajan que les Romains occupèrent de nouveau ces contrées, qu'ils n'évacuèrent qu'au début du III siècle.

La troisième étape de l'occupation romaine du littoral sud de la Crimée commence au temps de Dioclétien. Il est difficile de dire pour le moment si Aï-Todor fut de nouveau occupé. Ce qui est certain, c'est que le cap était encore habité au IV siècle, comme l'attestent son cimetière et les traces de restauration de l'enceinte fortifiée extérieure.

А. Н. КАРАСЕВ

К ВОПРОСУ О ВОДОСНАБЖЕНИИ ОЛЬВИИ

Наши сведения о водоснабжении древней Ольвии ограничиваются преимущественно описанием открытых раскопками остатков водопроводов, колодцев и т. д. Специальному изучению этот материал не подвергался. Не ставя здесь перед собой задачи исчерпывающего разрешения вопроса о водоснабжении Ольвии, мы все же решаемся сделать попытку подойти хотя бы к частичному решению его, используя для этого разрозненные материалы старых и новых полевых работ, а также привлекая некоторые данные, не имеющие непосредственного отношения к археологии. Выдвигая некоторые положения в порядке постановки вопроса, требующего своего дальнейшего изучения, мы надеемся, что дальнейшие работы подтвердят правильность пути, на котором мы стоим.

Вода Бугского лимана, на берегу которого находилась Ольвия, для питья не годится. В виду близости Черного моря морская вода проникает в лиман, и поэтому вода в нем имеет горько-соленый привкус.

О горьком привкусе воды Буга говорит Геродот (IV, 52): «Вытекая из озера, река Гипанис на протяжении пяти дней плавания еще мелка и пресна, а затем до моря на четыре дня плавания вода в ней очень горька, ибо в нее впадает горький источник, настолько горький, что, несмотря на свою незначительную величину, он изменяет вкус воды в Гипанисе, с которым немногие реки могут сравняться по величине. Источник этот находится на границе земли Скифов-пахарей и Алазонов».¹

Кроме того, в летний период, с июля по октябрь, вода в лимане «цветет», и тогда при юго-восточном ветре к западному берегу лимана пригоняется масса мелких водорослей, толстым слоем плавающих на поверхности воды. Воду для питья давали несколько источников, выходящих на поверхность земли у береговой полосы в южной части городища (рис. 1). Особенно обильный источник обнаружен в южной части раскопа НГФ (раскоп Б. В. Фармаковского в нижнем городе), при исследовании его в 1938 г. Здесь раскопками открыты остатки древнего каптирования источника: в месте выхода его на поверхность были построены в древности стены для удержания увлекаемого вместе с водой песка и защиты воды источника от загрязнения. Вода огражденного и как бы заключенного в футляр источника направлялась далее по водопроводным каналам. Стены каптажа сложены из больших, плоских, прекрасно отесанных и тщательно пригнанных друг к другу плит. Из квадратного отверстия в стене каптажа вода отводилась в разных направлениях при помощи каменных водопроводных каналов (рис. 2). Один из них, расположенный под прямым углом к стене каптажа, отводил воду к востоку (рис. 3—4), другой — к северу от него (рис. 5). Водопроводные каналы состоят из плотно пригнанных квадратов, в верхней

¹ Scythica et Caucasica, I, стр. 23.

плоскости которых выдолблено прямоугольное ложе канала шир. 0.10 м, глуб. 0.06 м. Сверху канал перекрыт плоскими плитами. Очевидно такого рода водопроводные каналы из каменных плит служили для отвода воды источников на близкое расстояние, например, для питания расположенных вблизи колодцев; при отводе воды на более далекие расстояния применялись гончарные трубы. Один из таких водопроводов открыт в том же раскопе, в юго-западной части его.¹ Гончарные трубы (диаметром в 0.17 м и дл. 0.47 м), плотно входящие одна в другую, уложены в каменный жолоб, сверху перекрытый плитам. В плане П. Кеппена (1821) указано 10 водо-

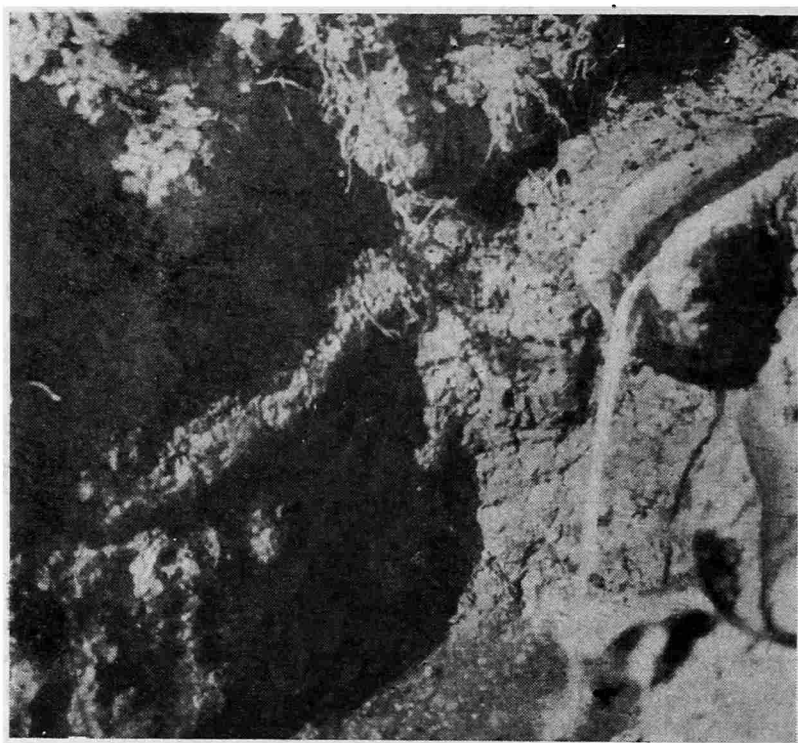

Рис. 1. Один из источников у береговой полосы (вода источника стекала по каменному сливу).

проводов вдоль береговой полосы нижнего города.² Часть этих «водопроводов», повидимому, является не водопроводами, как полагал Кеппен, а каменными водостоками, отводившими дождевую воду к реке, часть же из них действительно представляет сохранившиеся водопроводы из гончарных труб.³

По всей вероятности все источники Ольвии на склонах в нижнем городе были каптированы для удобства направления их воды по водопроводным трубам в колодцы.

Прекрасным образцом колодца может служить колодец в здании эллинистического времени в нижнем городе.⁴ Колодец находился между колоннами перистилля, под южным портиком. Стены и дно колодца выложены крупными квадратами. Прямоугольная шахта его имела круглую горловину. Помимо простых колодцев, в городе, повидимому, существовали

¹ ОАК, 1909—1910, стр. 58, рис. 107.

² ЗОО, т. VIII, табл. IX.

³ Там же, стр. 407.

⁴ ОАК, 1909—1910, стр. 51, рис. 54.

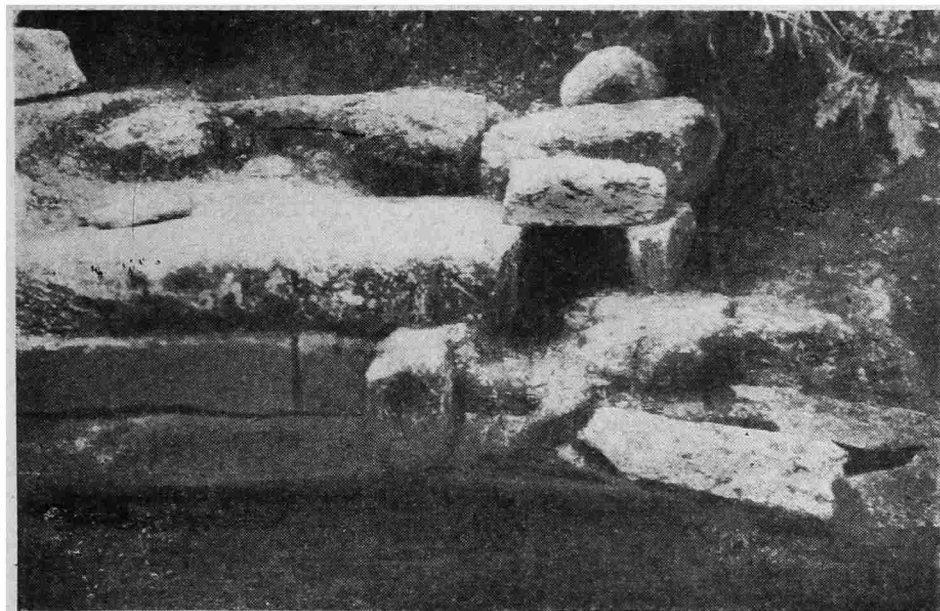

Рис. 2. Стена каптажа с квадратным отверстием водопроводного канала.

Рис. 3. Восточная магистраль водопроводного канала.

красиво оформленные общественные источники-фонтаны со свободно падающей струей воды. Во время раскопок в 1905 г. на территории римской цитадели, в одном из подвальных помещений, была найдена мраморная статуя нагого мальчика, державшего в руках мех для вина, служившая украшением для фонтана.¹ Вода поступала, очевидно, по свинцовой трубе к меху сзади и выливалась наружу через отверстие в мехе. Сзади статуя не отделана; это указывает на то, что она была установлена в нише или стояла вплотную у стены фонтана. Высота статуи 0.92 м (рис. 6).

В том же раскопе, на расстоянии 25 м от статуи, была найдена надпись,² в которой говорится о посвящении коллегией ольвийских стратегов Апол-

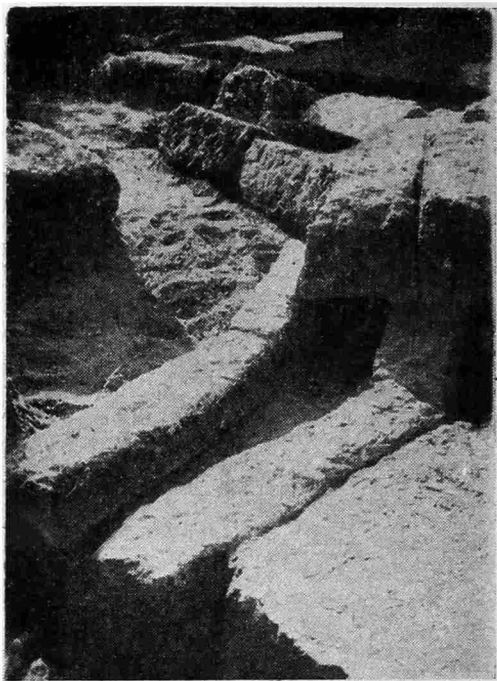

Рис. 4. Восточная магистраль (деталь).

Рис. 5. Северная магистраль водопроводного канала.

лону Простату статуи мальчика. Надпись относится к II—III вв. н. э. К тому же времени относят Б. В. Фармаковский и статую мальчика. Предположение Б. В. Фармаковского, что статуя и надпись украшали стену цитадели, где «могли быть ниши, отделанные экседрами, в которых были сделаны фонтаны в виде фигур»,³ нам представляется маловероятным. Фундаменты и забутовка стен римской цитадели, сложенные из громадных квадратов известняка, говорят о стремлении достигнуть максимальной прочности при сравнительно небольшой толщине стен (от 2.50 до 3 м). Устройство же ниш ослабило бы их прочность. Кроме того, у нас нет никаких оснований предполагать существование подобных украшений стен ольвийской цитадели, сооруженных в очень короткий срок для строго определенных целей оборонительного характера.

Не приходится доказывать, что подача воды к фонтану, находящемуся выше уровня верхнего плато города, практически невозможна. По всей вероятности статуя стояла где-то на склонах, у нижнего города, служа

¹ ОАК, 1905, стр. 15, рис. 15 и 16.

² Там же, стр. 16, рис. 17.

³ Там же, стр. 17.

украшением общественного источника-фонтана. В дальнейшем по каким-либо причинам статуя была перенесена в здание казармы цитадели, возможно, для хранения ее в подвале, чем и объясняется ее хорошая сохранность.

При помощи древнего водопровода питается современный колодец у раскопа ПГ, вырытый в 1903 г. взамен находившегося к востоку

Рис. 6. Статуя мальчика с фонтана.

от него старого колодца, разрушенного при размыве береговой полосы.¹ Водой этого колодца пользовались до недавнего времени жители близлежащего села.

Таким образом, мы видим, что нижний город Ольвии был хорошо снабжен водой. Значительно хуже обстояло дело с водоснабжением верхнего города. Очевидно, колодцев в верхнем городе не было, а если и были, то в незначительном количестве, так как водоносный слой находится на большой глубине. Воду для питья туда приходилось доставлять из нижнего города, что являлось весьма затруднительным. Для создания и хранения запасов воды в верхнем городе устраивались глубокие цементированные цистерны (глуб. до 5.90 м). Но цистерны существовали, вероятно, лишь в богатых

¹ Архив ИИМК, 11/1903, стр. 93.

домах. Одна цистерна открыта в богатом доме эллинистического периода у Зевсова кургана¹ и другая в здании казармы в римской цитадели.²

Если в течение первых двух веков своего существования верхний город мог снабжаться питьевой водой из нижнего города, то с IV в. до н. э., в связи с ростом городской территории и увеличением населения, имевшиеся в городе источники вряд ли могли удовлетворить всю потребность даже в питьевой воде. Если же к этому прибавить громадное количество воды, необходимой для хозяйственных надобностей, то станет понятным, насколько важно было обеспечить верхний город достаточным количеством воды.

Изучение рельефа местности дает нам возможность выдвинуть положение, что для решения этой задачи ольвиополитами было создано крупное водохранилище в сев.-зап. части города, для чего были использованы окружающие город балки.

Будучи естественными границами города, Заячья и Северная балки, расположенные перед мощными городскими стенами, идущими вдоль всего их протяжения, служили целям защиты города, представляя естественную преграду со стороны окружающих город степей. Эти же балки были почти непреодолимым препятствием для дальнейшего расширения города, вследствие чего городская территория, ограниченная этими балками, чрезвычайно плотно застроена. Для сооружения жилых домов приходилось засыпать существовавшие ранее в городской черте более мелкие балки, строить здания на довольно крутых склонах к нижнему городу, использовать для строительства каждый квадратный метр городской территории. При сооружении жилых домов, расположенных вдоль склонов на узких террасах, вертикально срезался естественный скат и вплотную к вертикальному обрезу группа возводились задние стены домов, служившие одновременно подпорными стенами для выпележающей террасы. Раскопки последних десяти лет показали, что топографический рельеф Ольвии в древности был иной, чем в настоящее время. Верхнее плато города было пересечено несколькими балками. Глубокая балка, шедшая параллельно Северной, обнаружена на раскопе И, где в архаический период находился некрополь. Балка была засыпана и застроена после сооружения городских стен в IV в. до н. э. В настоящее время на ровной площади сохранилась еще башня бывшей сигнальной станции. Ровная площадь к западу от кургана Зевса в архаический и классический периоды была покатой к востоку и выровнена в эллинистический период.

Заячья балка, глубокая и крутая в южной половине, в своем верховье имела сравнительно небольшую глубину и пологие скаты. Северная балка в древности имела узкое и неглубокое верховье, лежащее выше верховья Заячьей балки.³

¹ ИАК, вып. 13, стр. 51, рис. 26 и 27.

² ОАК, 1905, стр. 12.

³ К востоку от водораздела балка, сохраняя одну и ту же ширину (около 100 м), понижается к востоку до глубины в 12 м, где резко переходит в глубокий овраг новейшего происхождения (рис. 8).

Крутое падение глубины балки, переход ее в овраг с вертикальными стенками — явление новейшего происхождения. Образование глубокого оврага в балке происходит в результате размыва дна балки бурными потоками ливневых вод. Большая глубина сразу же от вершины (начала) оврага с вертикальными стенками образовалась благодаря легко размываемому грунту-лёссу, отслаивающемуся по вертикали. Вершины оврагов с каждым годом отходят все дальше и дальше от береговой полосы. На старых планах Ольвии глубокий овраг в Северной балке показан лишь на очень небольшом расстоянии от берега. В древности, по всей вероятности, оврага в устье Северной балки совсем не было.

Глубокий овраг в южной половине Заячьей балки имеет вторичное образование. Существовавший овраг был засыпан в древности строительным мусором, массой битой керамики. Во вновь образовавшемся овраге с крутыми стенками культурный слой достигает значительных размеров (около 4 метров).

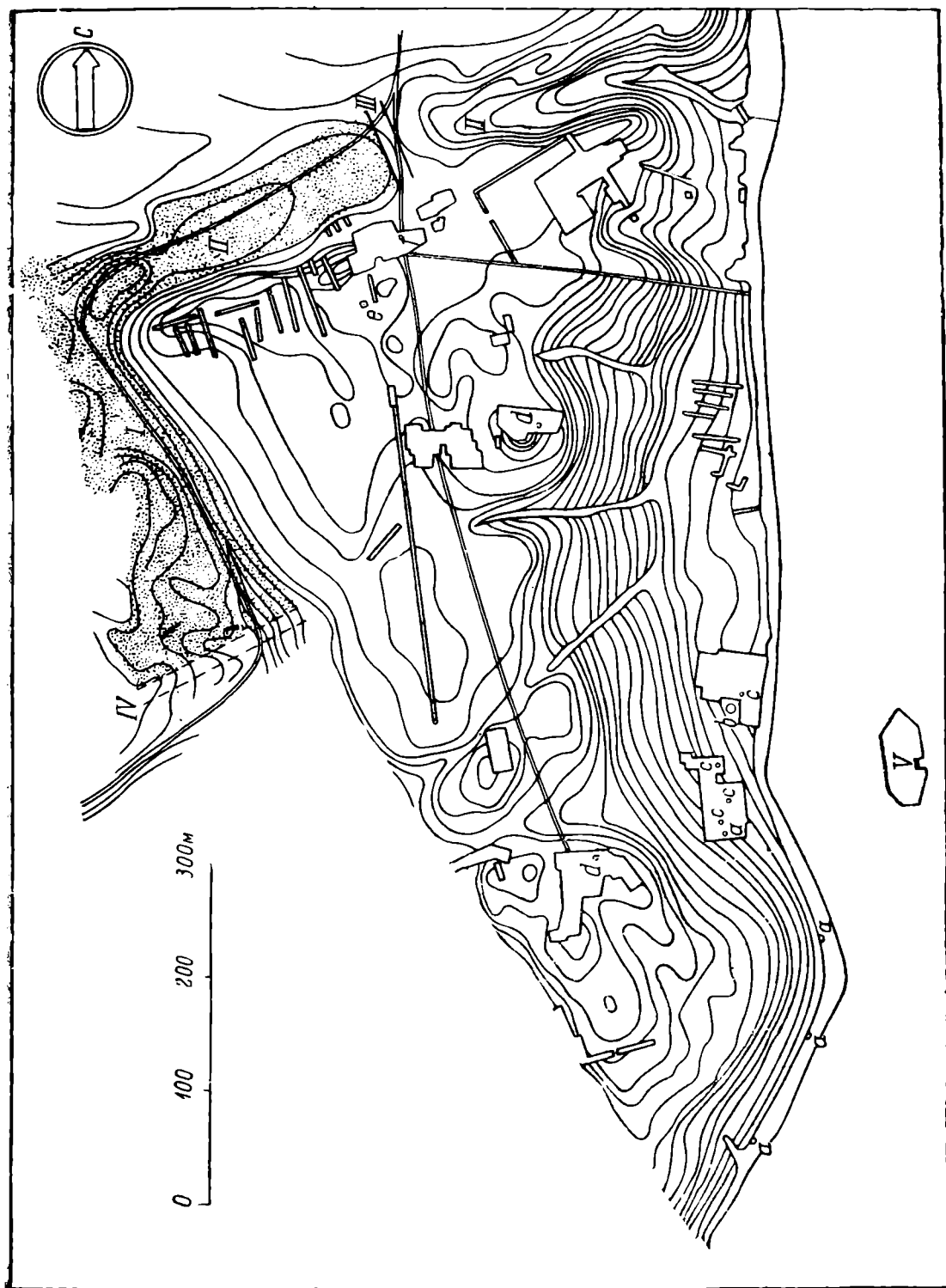

Рис. 7. План Ольвии с обозначением водохранилища.

a — источник; *b* — современный колодец; *c* — античные колодцы; *d* — цистерны; *e* — остатки бассейна; *f* — главные городские ворота; *g* — Запчья балка; *h* — Северная балка; *i* — восточная плотина водохранилища; *ii* — южная плотина водохранилища; *iii* — источник; *iv* — остатки пристани под водой.

При взгляде на балки в северо-западной части города бросаются в глаза ровные линии склонов, прилегающих к городской территории, и изрезанные, более покатые, противоположные городу склоны (рис. 7). Разница во внешнем виде противоположных склонов не естественного происхождения, а результат больших земляных работ, при которых прилегающим к городу склонам была придана большая крутизна и выровнен верх их.

При сооружении городских стен в IV в. до н. э. вдоль Северной балки и соединении их со стенами, расположенными вдоль Заячьей балки, были произведены крупные земляные работы по расширению и углублению западной половины Северной балки до глубины Заячьей балки в месте их

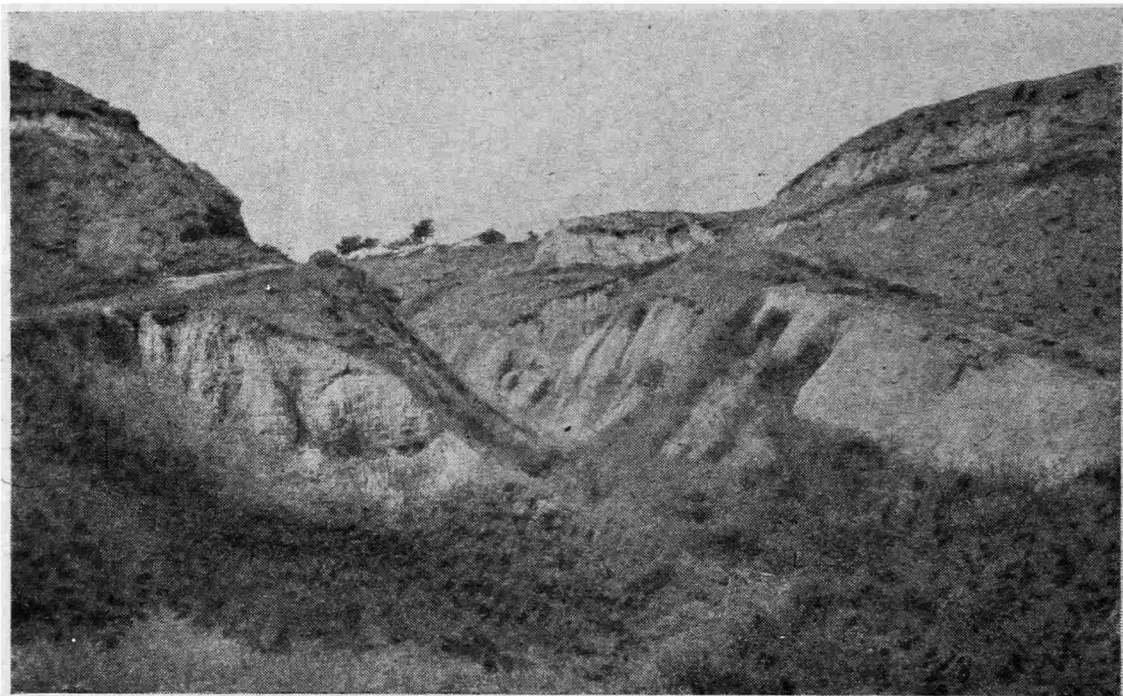

Рис. 8. Вид на восточную часть Северной балки.

соединения, для создания вдоль городских стен у северо-западного угла города крупного водохранилища. На протяжении 200 м дно западной части Северной балки в настоящее время идет почти на одном уровне, имея среднюю глубину в 8.50 м. Далее очень незначительный подъем дна переходит в резкий водораздел, пересекающий балку в месте нахождения главных ворот города. Водораздел перед городскими воротами, высотой около 3 м, с пологими скатами, имеет вид перемычки. Необходимость сооружения перемычки или моста через балку для дороги к воротам вызвана глубиной балки. Таким образом, до наших дней сохранились остатки потерявшей свою форму перемычки, которая в древности была выше и доходила до уровня площади перед городскими воротами. Сооружение каменного моста через балку по техническим соображениям не представлялось возможным, так как легко размываемый грунт балки — лёсс — повлек бы за собой разрушение моста. Сооруженная в данном месте земляная перемычка служила вододержательной плотиной для скопившейся атмосферной воды к западу от нее. По верху плотины был устроен проезд. В дальнейшем эту плотину будем называть восточной плотиной водохранилища. Сооружение вододержательной плотины из земли обеспечивало прочную связь между основанием (лёссовый грунт) и сооружением (плотиной), кроме того она была вполне устойчива и водонепроницаема.

Кроме открытых раскопками главных городских ворот у Северной балки,¹ в Ольвии существовали, по всей вероятности, еще двое ворот.

Одни из этих ворот находились у Заячьей балки, откуда шли дороги в южную часть некрополя и в степь по направлениям к югу и западу.

Северо-западная часть города менее всего изучена. Кроме траншей Забелина у Северной балки, копанного в 1873 г., раскопок в этой части города не производилось. Не имея возможности точно определить местонахождение ворот у Заячьей балки, мы все же можем предполагать их местонахождение к северу от второй поперечной балки, на расстоянии 150 м от последней. О возможности нахождения ворот в данном месте позволяют нам говорить следующие обстоятельства. Восточный склон северной половины Заячьей балки, идущий почти по прямой линии и носящий следы искусственного выравнивания, как и южный склон Северной балки, имеет в этом месте небольшой выступ в балку. Более пологий западный склон балки пересечен несколькими небольшими балками, отходящими к западу. Напротив выступа у восточного склона на западном склоне также имеется выдающийся несколько больше выступ в балку. Очевидно, эти выступы в балку являются сохранившимися остатками (береговые сопряжения) плотины, перегораживавшей Заячью балку перед воротами. Средняя часть плотины полностью смыта водою. Кроме того, в данном месте еще до недавнего времени проходила, как и через главные ворота у Северной балки, местная дорога.²

Водоудержательная плотина в Заячьей балке являлась южной границей водохранилища.

Вынутый грунт при выравнивании склонов и углублении балок шел на сооружение плотины и на засыпку существовавших ранее балок на вновь освоенной городской территории. Особенно много потребовалось земли на сооружение южной плотины. Дно Заячьей балки в районе южной плотины находится на 4 м ниже дна западной части Северной балки. Для того чтобы иметь достаточно высокий уровень воды у восточной плотины, южная плотина должна была быть значительно выше восточной. Если принять за наивысшую отметку уровня воды в водоеме горизонталь 36-го метра над уровнем моря, что дает глубину водоема в Северной балке в 3 м, то высота южной плотины должна была быть около 8 м. Длина плотины по верху была от 120 м до 150 м. При такой высоте ширина плотины, по которой также был устроен проезд к воротам, должна была быть вверху не менее 6 м. Исходя из этих цифровых данных, мы можем ориентировочно определить, что на сооружение южной плотины пошло от 8500 до 11 000 м³ грунта. На сооружение восточной плотины потребовалось значительно меньшее количество грунта, в виду меньших ее размеров.

Общие размеры древнего водохранилища можно предположительно определить в следующих цифровых данных.³ Общая длина водохранилища

¹ ОАК, 1907 и 1908.

² В результате раскопок последних лет замечено, что основные городские магистрали сохраняли свое направление на протяжении существования города, уровень же улиц поднимался все выше и выше. После разрушения города гетами население продолжало пользоваться старыми улицами, сохранившимися в разрушенной части города среди развалин.

³ Отсутствие точного плана с горизонталями затрудняет целый ряд более точных цифровых расчетов о размерах водоема, водоудержательных плотин и т. д. Имеющийся план не точен. В частности, в этом плане нет точной нивелировки Заячьей и Северной балок. Особенно неточно показаны горизонтالي противоположных городу склонов. Все это не дает возможности с необходимой точностью определить размеры поверхности воды (зеркала) водохранилища, ширину его, длину плотин и т. д. Цифровые данные вследствие этого взяты приближенно, с возможной точностью по имеющимся в нашем распоряжении материалам.

равна 600 м, из которых 400 м приходится на Заячью балку и 200 м на Северную. Средняя ширина водохранилища около 70 м, причем в некоторых местах Заячьей балки ширина его доходила до 120 м.

Водохранилище заполнялось талой водой весной и дополнялось ливневыми водами, собиравшимися с окружающей балки степи.

Создание высокого уровня воды в водоеме в весеннее время было вызвано необходимостью собрать запасы воды в достаточном количестве весной, ввиду очень незначительного количества осадков в этом районе летом. Кроме того, в летние периоды потеря воды от испарения значительно понижала уровень воды в водоеме. Водосборная площадь, т. е. поверхность земли, с которой стекала талая вода, вполне достаточна для заполнения водоема атмосферными водами.

По всей вероятности пользование водой водоема для питья ограничивалось первыми двумя-тремя жаркими месяцами, после чего вода его шла на хозяйственные надобности.

От длительного существования водохранилища, на дне которого в древности откладывался ил, в пористом лёссовом грунте балки, на площади, занятой водоемом, образовался плотный удерживающий воду слой.¹

О существовании в данном месте древнего водохранилища свидетельствует и то обстоятельство, что погребения, в большом количестве открытые на противоположных городу склонах, прекращаются на уровне верха плотин.²

Раскопками в 1907 г. в районе городских ворот, на глубине 2.50 м от современной поверхности, были открыты остатки большого углубления, облицованного вертикально поставленными плитами.³ Продолжение этого углубления с вертикально поставленными плитами было обнаружено и к востоку, в соседнем раскопе III.⁴ «Каменные облицовки и прямоугольный план углубления, на что указывают кладки *ab* и *bc*, присутствие поблизости черепичной вымостки и каналов *g* (рис. 13) и непосредственно примыкающие к углублению кладки сверху могут наводить на мысль, что перед нами — остаток бассейна ольвийского водопровода, ольвийской «*ρύνη*».⁵ Остатки водопроводного бассейна Б. В. Фармаковский относит к третьему слою,⁶ датируемому II—I вв. до н. э.⁷

Совершенно правильное определение открытых остатков как бассейна ольвийского водопровода вызывало некоторые сомнения, так как было не ясно, как действовал водопровод в верхнем городе, откуда бралась вода для заполнения открытого бассейна.

Существование реконструированного нами водохранилища на верхнем плато рассеивает эти сомнения. Размещенные в разных частях верхнего города водопроводные бассейны при помощи каналов соединялись с водохранилищем. Уровень воды в бассейнах всегда совпадал с уровнем воды в водохранилище. Устройство крупного водохранилища говорит о большом техническом уровне ольвийских градостроителей, об умении использовать

¹ По всей вероятности, в период существования водохранилища на верхнем плато часть воды просачивалась через лёсс до водоносного слоя, вследствие чего количество родников, возможно, было большее и дебит воды существующих ныне источников был несколько увеличен.

² Полное отсутствие погребений ниже уровня воды водохранилища выяснилось из бесед со стариками парутинцами, работавшими в течение многих лет на некрополе.

³ ОАК, 1907, стр. 50, рис. 39 и 40.

⁴ Там же, стр. 23, рис. 13 и 14.

⁵ Там же, стр. 51.

⁶ Там же, стр. 52.

⁷ Там же, стр. 54.

природные условия для нужд города, паходить формы и приемы дешевого и прочного строительства. Помимо большого хозяйственного значения водохранилища, обеспечивающего городское население водой, устройство его в северо-западной части города обусловлено необходимостью укрепить добавочными средствами городские оборонительные стены, расположенные вдоль балок в этом районе. С устройством водохранилища наиболее уязвимые участки городских стен, в виду незначительной глубины балок в этом районе, стали также труднодоступными для нападающих.

Созданное в IV в. до н. э. водохранилище существовало, по всей вероятности, до разгрома города гетами в середине I в. до н. э.

A. KARASEV

SUR L'ALIMENTATION EN EAU D'OLBIE

R é s u m é

L'eau du liman du Boug est impropre à la consommation. Olbie était alimentée en eau potable par plusieurs sources situées dans la partie sud du gorodistché, près de la bande riveraine. Toutes ces sources étaient captées dans l'antiquité et leurs eaux dirigées vers la ville dans des tuyaux en argile et des canaux en pierre. L'auteur présume qu'un grand réservoir avait été construit sur le plateau supérieur afin d'assurer l'alimentation de la ville haute en eaux pour les usages économiques, ce qui obligea d'approfondir et d'élargir la partie ouest du ravin Nord. Il subsiste de ce réservoir, dans le ravin Nord, des restes d'un barrage qui servait également de chemin d'accès à la porte principale de la ville. Un second barrage se trouvait dans le ravin Zaiatchy, où existait probablement aussi une porte. Le réservoir servait en même temps à défendre la ville en cas d'assaut, vu le peu de profondeur des ravins en ces endroits.

Le réservoir fut construit apparemment au IV siècle et a existé jusqu'à la destruction de la ville par les Ghètes.

Г. Н. КНИПОВИЧ

ИЗ ИСТОРИИ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ КЕРАМИКИ
СЕВЕРНОГО ПРИЧЕРНОМОРЬЯ

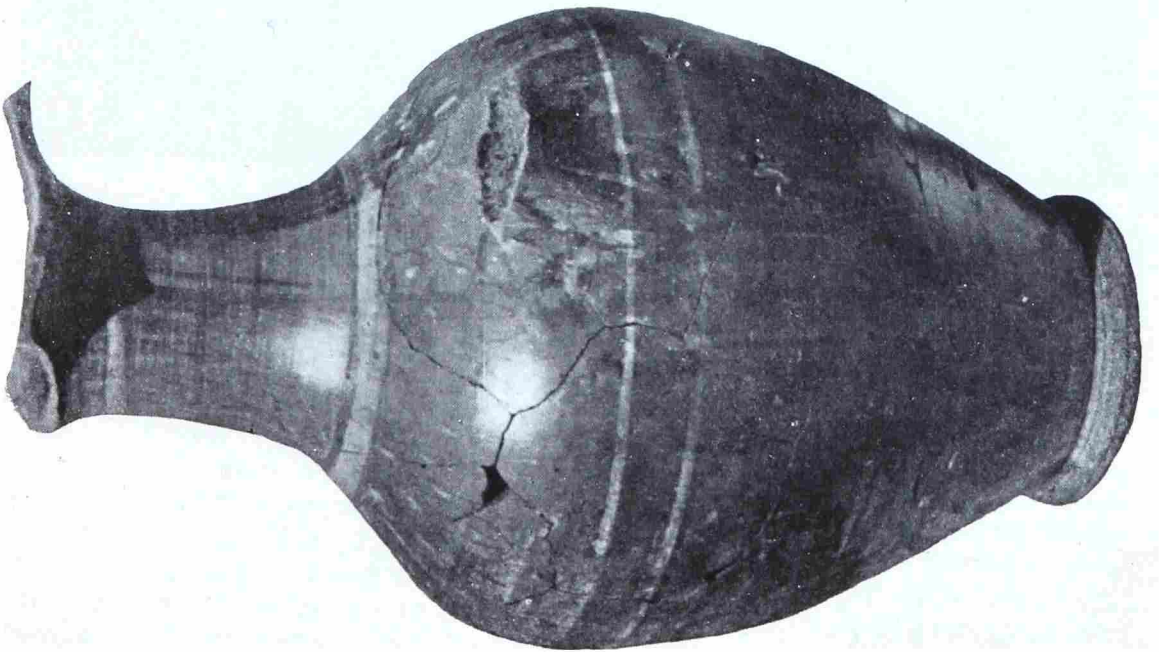
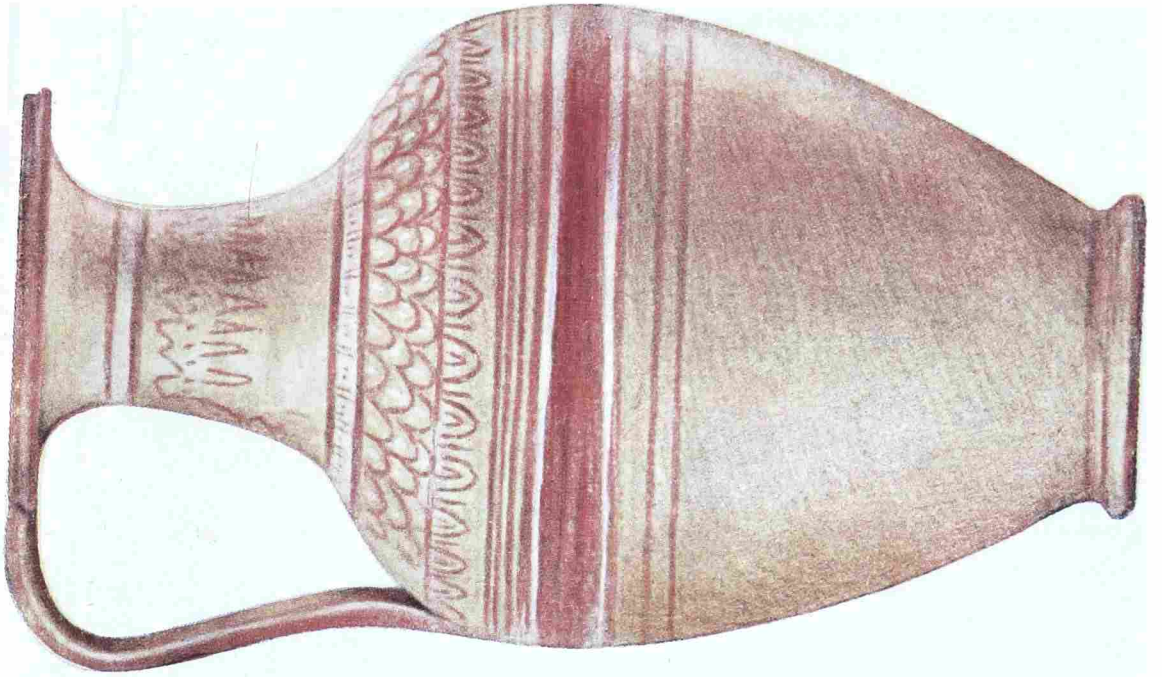
Предметом, определение и объяснение которого составляет главную задачу настоящей статьи, является расписная ваза из собрания Николаевского музея (инв. № 3932; рис. 1—2).

Ваза сделана из глины буровато-красного цвета, довольно плотной и хорошо измельченной, но содержащей значительное количество примесей, среди которых на-глаз особенно заметны частицы слюды, известняка и кварца; из последних некоторые достигают значительной величины (до 4 мм в диаметре). Признаков подкраски поверхности или какой-либо обмазки нет: за исключением подставки с прилегающей к ней нижней частью туловища и небольшого участка под ручкой, вся поверхность подвергнута лощению, выполненному резкими и грубыми штрихами. На лощеной поверхности — роспись, исполненная тусклыми красками, красной и белой, и покрывающая всю верхнюю половину сосуда. Роспись слагается из следующих составных частей: на горле — два пояска, белый и красный, красная волнистая линия, красные косые черточки и под ними удлинённые уголки; на плечах — а) пояс с красным рисунком по белому фону, состоящим из отделённых друг от друга двойными линиями прямоугольников, внутри которых по две точки; б) широкий пояс с орнаментом чешуек в три ряда; контуры чешуек даны красной краской, пятна внутри — белой; иногда белая краска лежит поверх красной; в) пояс с исполненным красной краской орнаментом ов; в верхней части туловища — пояски, красные и белые (всего 8): в центре — широкий, кверху и книзу от него — узкие; венчик и наружная сторона ручки (во всяком случае в нижней части) покрыты красной краской.

По форме ваза представляет кувшин выс. 0.312 м, удлинённый и стройный, с отогнутым широким венчиком, плоской ручкой и кольцеобразной подставкой. В настоящее время ваза склеена из частей; не хватает ручки и большей части венчика. Форма сосуда может быть, впрочем, восстановлена вся, за исключением деталей ручки: мы увидим в дальнейшем, что кувшины аналогичного типа различаются иногда именно в деталях формы ручки. Плохо сохранилась роспись — краски не держатся на гладкой лощеной поверхности,¹ и в настоящее время большая часть их стерлась. Восстановлена роспись может быть целиком.

О происхождении вазы точных данных нет; по словам сотрудников Николаевского музея, из архивных материалов музея можно извлечь только то, что ваза «почти несомненно принадлежит к собранию велдей, найденных в Ольвии».

¹ Интересно, что там, где орнаментация заходит на поверхность, не подвергнутую лощению (под ручкой), краски сохранились гораздо лучше.

Издаваемый кувшин представляет экземпляр не вполне обычный. Даже с первого взгляда останавливает внимание неожиданное сочетание формы, свойственной эллизму, с орнаментом чешуек, заставляющим вспомнить об архаической керамике, как, например, керамика стиля «Фикеллура» — клазоменская и т. д. Не менее странным является сочетание росписи, слагающейся из типичных античных мотивов, с выполненным грубыми и резкими штрихами лощением. Чтобы правильное понять и оценить все эти черты, рассмотрим имеющиеся аналогичные экземпляры.

В опубликованном материале едва ли не самым близким нашей вазе сосудом является изданный Э. Р. Штерном кувшин, паходящийся в Одес-

Рис. 3. Расписной кувшин из Ольвии. Одесский историко-археологический музей. Инв. № III/2937.

ском Историко-археологическом музее¹ (рис. 3); кувшин найден в Ольвии в 1899 г. Кроме почти совершенно одинаковой формы, по крайней мере в части сохранившейся у нашей вазы, оба сосуда сближает также композиция росписи: главные орнаменты располагаются на плечах и на горле, ниже идут простые пояски; эти пояски кончаются приблизительно на одном и том же месте; совпадает даже то, что среди поясков один, средний, широкий, а кверху и книзу от него — узкие. Различаются вазы по мотивам орнаментации (у вазы Одесского музея на плечах и горле растительные орнаменты), а также технически (поверхность одесского кувшина не подвергнута лощению, а покрыта «покровом грязно-белого цвета»,² поверх которого

¹ Инв. № III/2937. См. Э. Р. Штерн. К вопросу об эллинистической керамике. ЗОО, т. XXVIII, табл. IV, 10; текст, стр. 168.

² Э. Р. Штерн, ук. соч., стр. 168.

роспись исполнена красной краской). Близки и размеры обоих сосудов: высота николаевской вазы 0.312 м, одесской — 0.29 м.

Другой экземпляр, близкий вазе Николаевского музея, мы встречаем в собрании Таманского музея (№ 3156; рис. 4); найден близ мыса Тузла на Таманском полуострове. Здесь перед нами кувшин того же типа, что и оба описанных, но характеризующийся более округлыми очертаниями и имеющий меньшие размеры (выс. 0.159 м, наиб. диам. 0.102 м); незначительные отличия наблюдаются также в форме ножки — у описываемого сосуда дно плоское, слегка вдавленное, выраженной кольцеобразной подставки нет. Глина желтовато-красноватого цвета, тонко измельчена, примеси очень мелки; более всего бросаются в глаза включения извести. Поверхность лощеная; следует отметить, что здесь лощение произведено гораздо тщательнее, штрихи мельче, поверхность глаже. Роспись выполнена красной краской, сходной с красной краской вазы Николаевского музея. Орнаментация состоит из очень схематизированной гирлянды из листочков на горле, ряда точек на месте перехода горла в плечи, гирлянды спиралевидных завитков на плечах; последний орнамент также представляет, очевидно, схематизацию растительной гирлянды.

Рис. 4. Расписной кувшинчик с Таманского полуострова. Таманский музей. Инв. № 3156 (с рисунка).

Сосуду, очень близкому последнему из описанных, принадлежит найденный в 1935 г. в Мирмекии фрагмент расписного кувшинчика (по описи № М/35—1157; рис. 5). Сходство проявляется здесь в глине (у мирмекийского фрагмента она имеет только менее яркий цвет и более выраженный красновато-сероватый оттенок), в тщательно выполненном лощении, в округлых очертаниях, наконец, в совершенно идентичном растительном орнаменте с рядом точек под ним на горлышке; на плечах мирмекийского фрагмента — небрежно выполненная гирлянда плюща, ниже обычные пояски. Отличие данного экземпляра от ранее описанных — в краске, примененной для росписи. Здесь это не тусклая красная краска, везде сохраняющая тот же цвет, а глазурь, ближе напоминающая по внешнему своему виду обычный «лак» античных сосудов эллинистического времени: она варьирует в оттенках на том же обломке от красно-желтого до коричневого и в более толстом слое приобретает блеск. Кувшинчик, которому принадлежал описываемый фрагмент, отличался еще меньшими размерами, чем таманский; он имел всего 0.093 м в диаметре (диаметр таманского 0.102 м).

Рис. 5. Фрагмент расписного кувшинчика из Мирмекии. Инв. № М/35—1157.

В ту же наметившуюся у нас группу мы должны будем отнести целый ряд обломков, происходящих из эллинистических слоев поселений Северного Причерноморья. Некоторые из этих обломков, найденные при раскопках Ольвии в 1936 г., были мною описаны в недавнее время.¹ Уже при описании этих фрагментов мною было отмечено существование различных вариаций в технике обработки поверхности и росписи: одни из сосудов, которым принадлежали ольвийские обломки, имели лощеную поверхность, другие — поверхность, покрытую светлой обмазкой, роспись выполнялась то глазурью, напоминающей античный «лак», то тусклой красной краской. Мы видим, что это — те же вариации, которые мы наблюдали у только что рассмотренных кувшинов. Далее, ряд совпадений с описанными сосудами наблюдается и в мотивах росписи. Схематический растительный орнамент

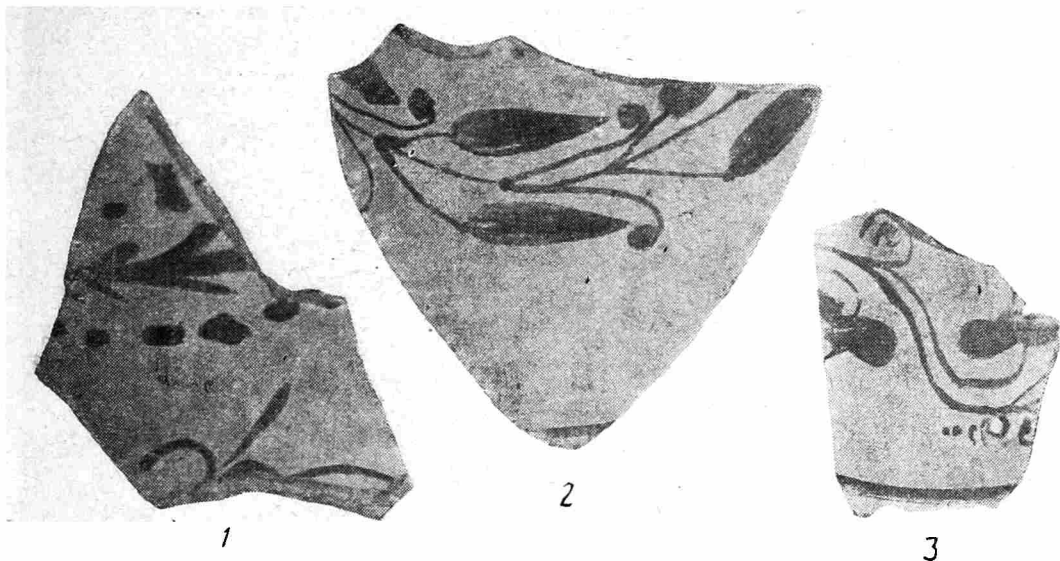

Рис. 6. Фрагменты расписной керамики из Ольвии.
1 — № 43; 2 — № 1094; 3 — № 825.

и точки под ним на ольвийском фрагменте № 43/1936 (рис. 6, 1) повторяются на тамапской вазе и мирмекийском фрагменте; орнамент плюща на ольвийских фрагментах № 825/1936 (рис. 6, 3) и № 272/1936² близок орнаменту на плечах мирмекийского фрагмента. Интересно, что здесь не только применяются одни и те же мотивы орнаментации, но и повторяется расположение этих орнаментов на сосудах: плющ — на плечах, упрощенный орнамент образующих острые углы листочков с рядом точек под ним — на горле, пояски — ниже растительного орнамента.

Когда я описывала ольвийские фрагменты, я еще не располагала всем тем материалом, который издается здесь, и поэтому о форме сосуда высказывалась осторожно. Теперь можно предположить с большой долей вероятности, что во всяком случае большинство этих фрагментов принадлежало таким же расписным кувшинам с плоской ручкой и профилированным венчиком, какими являлись перечисленные выше сосуды. И во всяком случае вне сомнения аналогичность в очертаниях сосудов: округлые и постепенные переходы, отсутствие резкого членения сосуда на горло, плечи и туловище одинаково свойственны и ольвийским обломкам и всем ранее рассмотренным сосудам.

¹ Ольвия, т. I. Киев, 1940. Т. Н. Книпович. Керамика местного производства из раскопа II, стр. 165—166.

² Там же, стр. 165, рис. 107; 1.

Наличие сосудов сходного типа может быть констатировано также и для Херсонеса. К сожалению, этот материал известен мне только по фотографиям, что лишает меня возможности составить представление о технических его особенностях. Во всяком случае не подлежит сомнению факт присутствия среди херсонесских находок расписных сосудов, близких описанным нами и по форме, и по орнаментации. Из числа найденных в Херсонесе в 1935—1936 гг. обломков расписной керамики интересующей нас группы¹ ряд

Рис. 7. Фрагменты расписной керамики из Херсонеса.

кземпиров несомненно принадлежит тому же типу кувшина с профилированным венчиком, плоской ручкой и округлыми очертаниями, который хорошо знаком нам по ольвийским и боспорским находкам; а среди орнаментов, сохранившихся на херсонесских фрагментах, некоторые представляют повторение или почти повторение описанных выше (рис. 7).²

При несомненной аналогичности основного типа нашей группы — кувшина с профилированным венчиком — мы убеждаемся в наличии некоторых деталей, свойственных именно херсонесским кувшинам: такой деталью

¹ Г. Д. Белов. Отчет о раскопках в Херсонесе за 1935—1936 гг. КрымАССР, 1938, стр. 25, рис. 17; стр. 243, рис. 85.

² Наиболее интересен фрагмент, воспроизведенный на рис. 85 в верхнем ряду, в середине, и на нашем рис. 7, во втором ряду слева: здесь совершенно те же орнаменты, и занимают они то же место, что и на вазе Таманского музея.

является, например, продольный желобок, идущий по внешней стороне ручки. С другой стороны, мы встречаем здесь типы сосудов, не представленных ольвийскими и боспорскими находками, как, например, тип сосуда с горизонтальными ручками на плечах.¹ Местные особенности проявляются также и в характере росписи, выполняемой на херсонесских сосудах более тонкими линиями.

Итак, мы получаем значительную группу расписной керамики, характерным признаком которой является орнаментация, выполненная красноватой краской по светлому фону; этот фон представляет или особо пансепп-

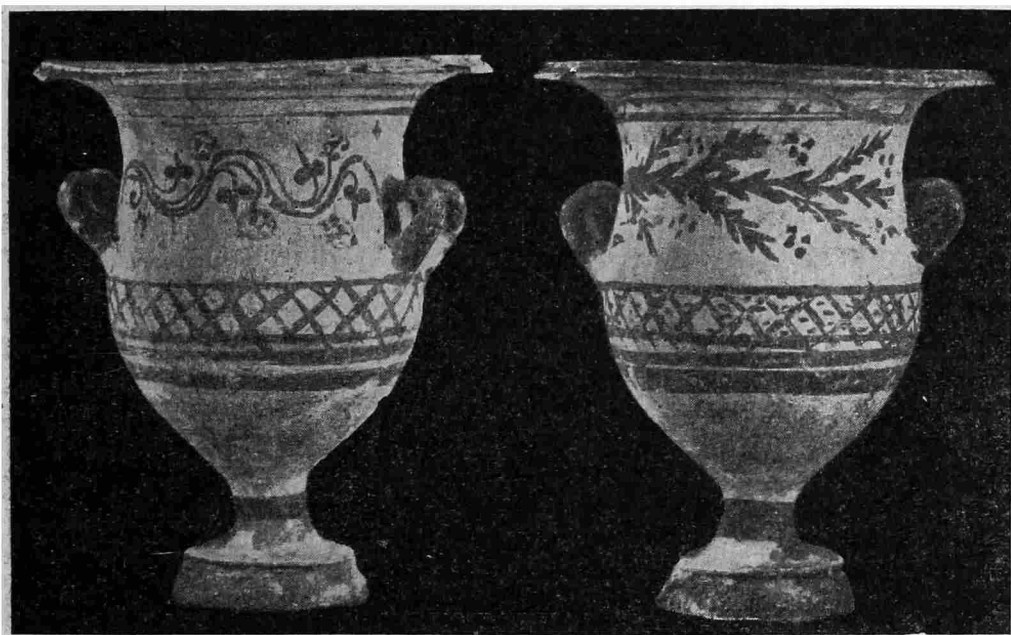

Рис. 8. Расписной кратериск из Ольвии. Одесский историко-археологический музей. Инв. № 5786.

ную обмазку, или не закрашенную, а лишь подвергнутую лощению поверхность глины; в росписи преобладают растительные мотивы, с более или менее выраженной схематизацией или даже геометризацией. Основным типом сосуда оказался в этой группе тип кувшина с широким профилированным венчиком, плоской ручкой, округлыми очертаниями. Следует, впрочем, указать на существование в данной группе также и сосудов иных типов. Это было уже отмечено по отношению к Херсонесу; прибавим, что и среди ольвийских находок имеются экземпляры иных форм, которые по особенностям их техники и стиля должны быть отнесены к той же группе. Укажу, например, на расписной сосудик в форме кратера, найденный в Ольвии в 1899 г. и изданный Э. Р. Штерном (рис. 8).²

Вернемся к вазе Николаевского музея. Черты, сближающие ее с просматриваемыми нами сосудами и обломками, проявляются как в форме, так и в орнаментации; при этом в орнаментации эти общие черты состоят в сходной, а иногда и совершенно идентичной композиции и в применении одинаковых технических приемов. В то же время во всей прошедшей перед нами

¹ Г. Д. Белов, ук. соч., рис. 85 (у нас рис. 7), верхний ряд справа.

² Э. Р. Штерн, ук. соч., табл. V, 13. Близость этого сосуда нашим кувшинам ясно выражена как в росписи (ср. орнамент плюща), так и в деталях формы (ср. характерный профилированный венчик).

серии сосудов и фрагментов сосудов нам не встретилось ни разу аналогичных нашей вазе орнаментов: чешуйки, овы, орнамент, образуемый точками и вертикальными линиями, заменяют здесь обычные растительные гирлянды и представляют особенности, свойственные именно данному экземпляру. Итак, николаевская ваза безусловно входит в общую рассматриваемую нами группу керамики, но вместе с тем знакомит нас с особым течением в этой группе.

В литературе наши сосуды не являются достаточно освещенными и объясненными. Некоторые из них, как мы видели, были изданы и описаны Э. Р. Штерном в его работе об эллинистической керамике; но взгляды Штерна, высказанные еще в 1910 г., несомненно нуждаются в пересмотре. В последнее время керамика той же категории упоминается в публикациях о раскопках, но эти упоминания все очень кратки и недостаточны. Необходимо поэтому остановиться здесь на ней подробнее, и прежде всего выяснить время и место ее изготовления.

По вопросу о датировке сомнений не возникает. Уже Э. Р. Штерн правильно включил сосуды рассматриваемой группы в категорию эллинистической керамики. Определение это было им сделано на основании стиля.¹ Мы можем представить дополнительный материал, подтверждающий датировку Штерна и вносящий в нее большую точность.

Существенное значение имеет прежде всего выяснение обстоятельств находки керамики интересующей нас группы. Упомянутые выше ольвийские обломки были все найдены в 1936 г. при раскопках так наз. «участка И», на территории северо-восточной части «Верхнего города». Эта часть Ольвии была заселена только в эллинистическое время, с IV до конца II — начала I в. до н. э. Везде, где наслоения сохранились в чистом, не нарушенном виде, намечались три хронологически сменявших друг друга слоя: нижний, содержащий материал IV — начала III в.; средний, наиболее мощный, с находками преимущественно III в., частично первой половины II в.; верхний, тонкий и не везде сохранившийся, с материалом более позднего II в. Экземпляры керамики интересующей нас группы были найдены все в среднем слое, вместе с другими предметами III и первой половины II в. до н. э., частью весьма показательными.²

Менее точные данные могут быть извлечены из имеющихся у нас сведений об обстоятельствах находки других экземпляров. Мирмекийский фрагмент был найден в слое, относимом производившим наблюдение над раскапываемым участком Н. П. Кивокурцевым к IV в. до н. э.; но исследование слоя велось на территории настолько ограниченной, а количество находок в слое было настолько незначительно, что делать выводы обо всем слое, тем более о всем материале слоя, было бы едва ли правильным.³ Что касается

¹ Э. Р. Штерн, ук. соч., стр. 161—162.

² Так, обломок № 1094 (рис. 6, 2) найден вместе с двумя ручками родосских амфор с клеймами (№№ 1088 и 1089), датированными изучавшим их А. Г. Кацеваловым — одна III в., другая — 220—180 гг.; № 865 — с четырьмя амфорными ручками с клеймами (№№ 861—864), из которых три отнесены Кацеваловым к III в., одна — к первой половине II в. до н. э. (годы 180—150); из ряда монет (№№ 275, 279), найденных вместе с обломком № 272 (ср. прим. 2 на стр. 143), одна отнесена А. Н. Зографом к середине II в., остальные — к III и (одна) к концу IV в. до н. э. Обломки №№ 43 и 825 (рис. 6, 1 и 3) были обнаружены в слое не вполне однородном; но и там преобладал материал III — начала II в., находки же более поздние представляли почти исключение.

³ Обломок был найден при земляных работах на склоне возвышенной части городища Мирмекия (позднее раскоп 3). Под эллинистическим слоем здесь оказался, по определению Н. П. Кивокурцева, слой классического времени и при начале его исследования и был найден интересующий нас обломок. Кроме него, здесь было найдено три предмета — медный гвоздь, терракотовая статуэтка IV в. до н. э., светильник V—IV в. до н. э.

упомянутых у нас херсонесских находок, то они все происходят из эллинистических слоев; но датируются эти слои очень значительным промежуточком времени (IV—II вв. до н. э.).¹

Таким образом больше всего для выяснения времени существования нашей группы керамики дают все же ольвийские находки; полученную на основании этих находок дату — III в. и первую половину II в. до н. э. — следует, повидимому, принять для всей группы. Остается пока открытым, не возникло ли это производство уже в IV в., о чем, может быть, свидетельствуют обстоятельства находки мирмекийского фрагмента. Отмечу, что форма сосуда, которому принадлежал этот фрагмент, производит впечатление более ранней, чем, например, форма ваз Николаевского и Одесского музеев.

Для проверки нашей датировки интересны те аналогии, которые встречаются исследуемые нами сосуды вне Северного Причерноморья. В настоящее время стало общеизвестным существование расписной керамики эллинистического времени с орнаментами, нанесенными или прямо на незакрашенную и непокрытую поверхность глины или на светлую обмазку. В этой группе правильно видят возрождение традиций архаической керамики с росписью по светлому фону (как это имело место в группах керамики навкратийской, родосско-милетской и т. д.),² при наличии в росписи мотивов, свойственных эллинизму.³ Выяснение датировки этой керамики облегчается существованием некоторых категорий, поддающихся точной хронологической фиксации. На первом месте здесь стоит группа александрийских гидрий с надписями. После углубленных исследований Pagenstecher'a и Pomtow'a⁴ принадлежность этих гидрий первой половине III в. (для изданных Pagenstecher'ом гидрий годы 284—249) может считаться вполне установленной. Менее выяснена хронология всех вообще александрийских гидрий: предметом дискуссии является вопрос о времени возникновения этой группы, а также относительная хронология гидрий с темной росписью по фону глины и гидрий с полихромной росписью по белой обмазке.⁵ Как бы то ни было, даже и установление датировки гидрий с надписями дает отправную точку для выяснения времени существования аналогичных групп керамики.

С меньшей точностью могут быть датированы другие группы эллинистической керамики с темной росписью по светлому фону. Из них наиболее распространена группа сосудов формы *lagynos*.⁶ Имевшие место попытки выяснить их датировку приводят к заключению о начале их фабрикации в III в., по существованию этой группы продолжается долго, в течение всего II и даже I в. до н. э.⁷

Наши вазы из колоний Северного Причерноморья представляют несомненно явление того же порядка, что и обе упомянутые группы эллинистической керамики; по характеру росписи они стоят безусловно ближе к александрийским гидриям. Общность проявляется здесь не только в тех-

¹ Г. Д. Белов, ук. соч., стр. 30 и 249.

² Э. Р. Штерн, ук. соч., стр. 174.

³ Wiegand-Schraeder. Priene. Берлин, 1904, стр. 399.

⁴ R. Pagenstecher. Dated sepulchral vases from Alexandria. Amer. Journ. of Archeol., 1909, vol. XIII, № 4, стр. 387 сл. — R. Pagenstecher. Grabgemälden aus Gnathia. RM XXVII, 1912, 120. — Pomtow. Boesch. Θεωρος. Berl. Philol. Wochenschr., 1910, № 34/5, стр. 1090.

⁵ Кроме обоих указанных сочинений Pagenstecher'a, см. также: Врессиа. La necropoli di Sciatbi. Catalogue général des antiquités égyptiennes du Musée d'Alexandrie. Каир, 1912, стр. 27.

⁶ О них см.: G. Legoux. Lagynos. Париж, 1913.

⁷ Legoux, ук. соч., стр. 101, сл. — Ср. Wiegand-Schraeder, ук. соч., стр. 400.

нике и мотивах росписи, но и в композиции орнаментации, с преимущественным расположением главных орнаментов на плечах и горле сосуда, с рядами поясков, закрывающих верхнюю часть туловища, как у наших кувшинов, так и у александрийских гидрий. Отличие наших ваз от александрийских гидрий первой половины и середины III в. до н. э. (я имею в виду гидрии с надписями) состоит, главным образом, в тщательности выполнения орнаментов. Растительные гирлянды на наших кувшинах в общем схематичнее, линии грубее, весь рисунок более небрежен. В известной части это зависит, может быть, от более позднего времени причерноморских сосудов: мы видели, что обстоятельства находки указывают для некоторых из них не на середину, а на вторую половину III в., может быть даже и начало II в. до н. э.

Что касается сосудов *lagynos*, то наши кувшины по характеру и композиции росписи могут быть сопоставлены с наиболее ранними экземплярами этой группы, принадлежащими времени не позднее III в. до н. э.¹

Необходимо, далее, внести полную ясность также и в вопрос о локализации рассматриваемых сосудов. Пока по этому вопросу высказывалось два мнения: Э. Р. Штерн включил входящий в нашу группу кувшин Одесского музея в число произведений Александрии, в позднейших же изданиях подобные сосуды упоминаются среди экземпляров местной керамики причерноморских колоний.² Правильно, несомненно, второе определение. В последнее время уделяется много внимания вопросу местного керамического производства, вследствие чего мы хорошо знакомы с особенностями местных глин Ольвии, Херсонеса, Боспора. К сожалению, херсонесских фрагментов я не видела, но не подлежит сомнению местное происхождение ольвийских обломков из раскопок 1936 гг., равно как и вазы Николаевского музея: глина такого типа, с характерными крупными зернами кварца, — это та глина, которая хорошо знакома нам по грубой лепной керамике из Ольвии, по отбросам керамического брака в районе открытых в Ольвии гончарных печей, словом, по тем образцам, ольвийское происхождение которых стоит вне сомнений. Аналогичное впечатление производят и боспорские экземпляры: у них глина такая же, но тоже хорошо известная нам по типичным местным изделиям района Пантикапея. В качестве таких местных боспорских изделий я пазову простые вылепленные от руки сосуды, примитивные терракоты-гротески, также так наз. акварельные вазы, местная работа которых не вызывает сомнений. В пользу причерноморского происхождения нашей группы говорят также и другие особенности, повторяющиеся в причерноморской керамике иных категорий. Укажу прежде всего, что имеющая место у некоторых из рассмотренных нами экземпляров обработка поверхности посредством лощения представляет типичную особенность туземной керамики, особенно так наз. сарматской керамики. Укажу далее, что основная форма нашей группы — кувшин с плоской ручкой, профилированным венчиком и округлыми очертаниями — представляет один из излюбленных типов широко распространенной обиходной керамики причерноморских колоний: эта керамика иногда вовсе не имеет росписи или покрытия, иногда украшена простейшими поясками.³

Признавая рассмотренные нами вазы принадлежащими к местной керамике Северного Причерноморья, мы должны все же отметить аналогичность

¹ Л е г о у х, ук. соч., стр. 30—31, рис. № 45 (кипрские сосуды).

² См., напр.: Г. Д. Б е л о в, ук. соч., стр. 248; при перечислении местной керамики дана ссылка на рис. 85, где изображены обломки сосудов описанного у нас типа.

³ Об этой керамике см.: Т. Н. К н и п о в и ч. Опыт характеристики городища у станицы Елисаветовской. ИГАИМК, вып. 104, 1935, стр. 148—149, рис. 39 и 40. — Б е л о в, ук. соч., стр. 173, рис. 12. — ИАК, вып. 8, табл. V, 37, 40, 41.

их другим группам, выделявшимся приблизительно в это же время вне Причерноморья. Производство керамики с росписью по светлому фону получило широкое распространение начиная с III в. до н. э., и причерноморские сосуды этой категории составляют одну из многочисленных групп, характеризующуюся своими локальными особенностями, но имеющую и ряд общих черт с аналогичными группами других областей. Особенно много общего мы найдем у наших ваз с александрийскими гидриями *Nadra*. Общность в композиции росписи, близкие, иногда поражающие своим сходством с нашими, орнаменты,¹ — все это создает впечатление, исключающее возможность объяснять имеющиеся совпадения случайностью. Несомненно влияние александрийских гидрий на нашу группу, являющееся лишним свидетельством прочной связи между эллинистическим Египтом и Северным Причерноморьем. Предполагать на основании указанного сходства общность центра производства обеих групп, как это сделал Штерн, нет необходимости. Здесь идет речь о двух параллельных, сходных, но различных группах, каждая из которых имеет свой излюбленный тип сосуда (гидрии в Александрии, кувшины у нас), свои особенности в очертаниях, четких и угловатых у александрийских гидрий середины III в., мягких и округлых — в Причерноморье.

★ ★ ★

Обзор всего аналогичного вазе Николаевского музея материала, как происходящего из колоний Северного Причерноморья, так и принадлежащего другим областям античного мира, убеждает нас в правильности первоначального нашего впечатления о своеобразном характере этой вазы. При многочисленных, иногда очень близких аналогиях ее форме, при сходной композиции росписи, главные ее орнаменты — овы и чешуйки — не повторяются на других экземплярах. При этом, если овы бесспорно представляют характерный для классической и эллинистической керамики орнамент, то чешуйки ни в коем случае не являются мотивом распространенным в расписной керамике указанного времени: это — орнамент, свойственный архаической керамике и в классическое время встречающийся уже почти как исключение.² Едва ли присутствие этого орнамента на вазе Николаевского музея следует считать только капризом художника: скорее оно найдет объяснение в общих условиях развития культуры Северного Причерноморья.

Я уже упоминала, что появление в эллинистическое время группы керамики с темной росписью по светлому фону рассматривается исследователями как возрождение одного из направлений архаического искусства. При общей правильности такого взгляда следует все же указать, что в колониях Северного Причерноморья дело обстояло несколько сложнее. Мне

¹ Ср., напр., орнаменты плюща и лавра с ягодами на наших причерноморских экземплярах с многочисленными повторениями тех же мотивов на гидриях, изданных у *Vreccia* (*Sciatbi*); ср. также орнамент на плечах таманского кувшинчика с орнаментом у *Vreccia* (ук. соч., стр. 39, рис. 29); ср. также орнамент вертикальных черточек с точками на вазе Николаевского музея и у *Vreccia* (ук. соч., стр. 41, рис. 31). Интересен мотив завивающихся побегов плюща на ольвийском обломке № 272, встречающий аналогию у *Vreccia* (стр. 39, рис. 29).

² Пример сосуда IV в. с орнаментом чешуек представляет лекиф в музее в Кембридже (CVA, Great Britain. Cambridge, Fitzwilliam Museum, Fasc. 6, табл. XXVIII, 2). В более позднее время орнамент чешуек встречается в рельефной керамике, но в форме уже совсем иной. Здесь интересно подчеркнуть не только общность мотива, но и близость его выполнения на нашей вазе и в архаической керамике: ср. его изображение у нас и на клазоменских сосудах (напр. ИГАИМК, т. V, табл. XI, 2).

пришлось уже касаться этого в работе о местной ольвийской керамике, найденной во время раскопок 1935—1936 гг. Я указывала там, что в Ольвии приходится нередко встречать сравнительно ранние типы местной керамики в комплексах, принадлежащих более позднему времени. Так обстоит дело, напр., с типом архаического открытого светильника, который в колониях воспроизводится не только в классическое, но и в эллипстическое время. Так же обстоит дело и с керамикой «ионийского типа», с росписью в виде поясков и полосок, производство которой можно проследить в колониях непрерывно в VI, V, IV и III вв. до н. э. И с тем же в основе явлением мы встречаемся, когда видим на местных причерноморских вазах сложные мифологические сцены в то время, когда в центральных областях античного мира такого рода сюжеты уже вытеснены чисто орнаментальными мотивами. В чем здесь дело?

Обычно принято говорить о запоздании тех или иных приемов и течений, об отставании в искусстве колоний. Едва ли это определение вполне правильно. Учтем, как слагалась жизнь причерноморских колоний. Явившиеся сюда в VI в. греки-колонисты пришли со свойственными данной эпохе художественными вкусами, навыками, направлениями. В течение следующих веков колонии не были, конечно, изолированы от античного мира, и дальнейшее развитие искусств и ремесла, происходившее в центральных частях Греции, получило свое отражение и на далекой периферии. Но в то же время старые традиции держались здесь прочнее, и они легли в основу происходившего на месте развития, направление которого не всегда совпадало с направлением метрополии. Что слагавшееся здесь искусство не всегда приобретало формы менее совершенные, чем искусство метрополии, об этом свидетельствует факт существования таких явлений, как причерноморская живопись; в керамическом производстве это местное художественное течение нашло отражение в группе так наз. акварельных ваз, давшей прекрасные образцы вроде знаменитой одесской вазы с изображением Харона.

Искусство колоний Северного Причерноморья еще далеко не изучено. Правильно подойти к его пониманию можно только на основании учета всех элементов той своеобразной, разносторонней культуры, которая слагалась в Северном Причерноморье. В этом отношении интересна и наша ваза, в которой сложным путем переплелись орнаменты, берущие начало в очень древнее время, со стилем, типичным для эллинизма, античные мотивы — с местным приемом лощения.

T. KNIPović

SUR L'HISTOIRE DE LA CÉRAMIQUE D'ART DANS LE NORD DE LA RÉGION DE LA MER NOIRE

R é s u m é

L'auteur publie un groupe de céramique d'art de l'époque hellénistique (III—II siècles avant notre ère), représenté dans plusieurs localités du nord de la région de la mer Noire (Olbie, Chersonèse, colonies du Bosphore). Le trait le plus caractéristique de cette céramique est le dessin exécuté en couleur foncée, rouge ou brune, sur fond clair obtenu à l'aide d'un vernis ou formé par la surface non colorée de l'argile. Le dessin consiste principalement en guirlandes et branches de plantes diverses, plus ou moins schématisées, com-

binées avec des ornements géométriques très simples; la partie inférieure du vase est couverte ordinairement de rangées de petites bandes circulaires. Toutes ces particularités rapprochent le groupe considéré des groupes similaires de céramique existant approximativement à la même époque dans les autres régions du monde antique; les vases publiés offrent des affinités particulièrement accusées avec les hydries d'Alexandrie — les Hadra.

D'autre part, l'argile et les particularités techniques des vases publiés établissent avec une entière certitude leur origine locale. Le groupe donné se distingue aussi des groupes des autres régions par les types des vases, parmi lesquels prédomine le type de la cruche à marge au profil échancré et anse plate.

Intéressant et original est le vase d'Olbie conservé au musée de Nicolaïev (fig. 1—2), qui se distingue par son ornementation (au lieu des guirlandes végétales — ornement composé d'écailles, d'oves, de motifs géométriques très simples), exécutée en deux couleurs — rouge et blanche; la surface du vase est travaillée suivant le procédé indigène du «lissage», qui se constate également sur d'autres vases de ce groupe. Ce vase montre une combinaison originale de motifs archaïques et hellénistiques, de traits grecs et indigènes.

А. Н. ЗОГРАФ

НАХОДКИ МОНЕТ В МЕСТАХ ПРЕДПОЛАГАЕМЫХ
АНТИЧНЫХ СВАТИЛИЩ НА ЧЕРНОМОРЬЕ

Ровно сто лет тому назад, в мае-июне 1841 г., по инициативе Одесского общества истории и древностей, заинтересованного фактами доставки различных предметов древности с острова Левки (Фидониси), на остров был командирован для археологических разведок член Общества Н. Н. Мурзакевич. Во время пребывания на острове Мурзакевичу удалось на южном склоне, у тропинки, ведущей к морю, «на пространстве каких-нибудь десяти квадратных сажен и в глубине много-что на пол-аршина, в течение двух с половиною дней. по просеянии земли сквозь решето. .» найти на ряду с иными мелкими предметами — геммами, кольцами, пряжками, бусами и пр. — монеты, всего числом до 120. Состав этой монетной находки поражает своим разнообразием: в списке монет на ряду с Херсонесом, Ольвией, Паптикапеем фигурируют не только города западного и южного побережья Черного моря, но и более отдаленные — Киме, Самос, Родос, монеты царские фракийские, македонские и птолемеевские, а также много римских.¹ Поиски древностей на о. Левке командруемые бессарабским губернатором чиновниками производились и в последующие годы, и ими привозились в Одесское общество монеты в значительно еще больших количествах. В следующей заметке,² касающейся монет с Левки, количество их исчисляется в 2000 штук. Многие из этих монет, вошедшие в собрание Одесского общества, в ряду других монет того же собрания были описаны Мурзакевичем.³ Отдельные ошибки, допущенные Мурзакевичем,⁴ не подрывают все же полностью доверия к его определениям и описаниям. В правильности значительного числа их я мог убедиться, отождествляя по его описаниям монеты с о. Левки, находящиеся ныне в коллекции Одесского музея.

Чтобы конкретизировать картину состава монетных находок на о. Левке и в то же время избежать повторений, приведу здесь наиболее полный, очевидно сводный, список монет, происходящих оттуда,⁵ дополнив его лишь случайно, без сомнения, пропущенными именами городов и царей, упоминаемых в разновременных публикациях Мурзакевича, касающихся этих монет.⁶ Этот список монет, найденных за время «шестилетних изысканий», произведенных на сем острове вследствие распоряжения бессарабского генерал-губернатора», расположен в порядке, более или менее близком к эвкелевской географической схеме, и охватывает с указанными дополне-

¹ ЗОО, т. I, стр. 555.² ЗОО, т. II, стр. 414.³ ЗОО, т. I, стр. 315 и сл.; т. III, стр. 237; т. VI, стр. 475.⁴ Б. Кёне. Описание музея Кочубея, I, 72. — А. Орешников, ИРАИМК, т. I, стр. 230. — А. Н. Зограф, ИГАИМК, т. IV, стр. 148.⁵ ЗОО, т. II, стр. 838.⁶ ЗОО, т. I, стр. 316 сл., стр. 555; т. II, стр. 414; т. III, стр. 237 сл.

ниями монеты следующих городов: в Европе — Неаполь (Италия), Мегара (Сицилия), Херсонес Таврический, Паптикапей, Феодосия, Ольвия, Тира (Северное Черноморье), Дионисополь, Истр, Каллатия, Маркианополь, Никополь, Одесс, Томи (Нижняя Мэзия), Адрианополь, Анхиал, Аполлония, Византий, Лисимахия, Месемврия, Перинф, Энос, о. Фасос (Фракия), Фессалоника (Македония), Феры (Фессалия), Аполлония (Иллирия), Локры Опунтские, Тапагра, Афины, Пилос, Сикиоп (Средняя Греция и Пелопоннес); в Азии — Фанагория, Диоскуриада (северо-восточное Черноморье), Амис (Понт), Амастрия, Синопа (Пафлагония), Гераклея, Никея, Никомидия, Пруса, Прусиада, Тиос (Вифиния), Адрамитион, Кизик, Лампсак (Мизия), Абидос, Александрия, о. Тенедос (Троада), Киме, Митилена (Эолия), Гераклея, Ефес, Смирна, о-ва Самос и Хиос (Иония), Антиохия, Аполлония, о. Родос (Кария), Кесария (Каппадокия), Патара (Ликия), Перга (Памфилия); в Африке — Александрия.¹

Из царских монет во всех списках упоминаются монеты царей: Гнерона (Сиракузы), Филиппа II, Александра III,² Филиппа III (Македония), Лисимаха, Котия, Римиталка (Фракия), Капита, Илиоса, Ипсемея (Скифия), Левкона, Савроматов III, IV, VI (sic), Ипифимея, Рискупорисов VI и VII (Боспор), Пруссия (Вифиния), Филетера³ (Пергам), Птолемея (Египет).

Из римских монет на ряду с консульскими (республиканскими) перечисляются монеты следующих императоров: Августа, Тиберия, Клавдия, Веспасиана, Домициана, Нервы, Траяна, Марциана, Адриана, Антонина Пия, Фаустины, Гордиана, Филиппа, Галлиена, Клавдия II, Аврелиана, Проба, Кара, Констанция, Константина I, Феодосия I, Гонория, Анастасия, Юстиниана.

С этим списком, чрезвычайно разнообразным по составу, интересно сравнить список монет, виденных и определенных Стемпковским из числа более 800, привезенных капитаном Критским в 1824 г. с Тендровой косы.⁴ Этот список охватывает монеты следующих городов: Херсонес Таврический, Паптикапей, Ольвия, Тира, Каллатия, Истр, Томи, Анхиал, Одесс, Византий, Перинф, Платиполь, Траянополь, Фанагория, Амисос, Хабакта, Амастрия, Помпейполь, Синопа, Кесария в Вифинии, Калхедон, Гераклея, Никея, Кретея, Никомидия, Тиум, Аполлония на Риндаке, Кизик, Герме, Лампсак, Пергам, Париум, Ассос, Илион, Киме, Элея, Мефимна, Ефес, Милет, Смирна, о. Самос, Кильвианы Верхние, Перга, Кесария в Каппадокии. Кроме того, упоминаются монеты, принадлежащие различным царям боспорским и фракийским и римским императорам, причем самая поздняя из этих последних относится ко времени правления Валента.

Сравнение списков показывает, что географический диапазон, намечаемый составом находок, в обоих случаях чрезвычайно близок.⁵ Если наблюдаются различия, то в отношении пунктов, более удаленных от Черноморья. Что же касается городов, расположенных по побережью Черного

¹ К списку необходимо добавить остров Мелиту (Мальту). Этому острову принадлежит происходящая из находок на Левке и правильно определенная Бертье-Делагардом (Поправки общего каталога монет Бурчакова. М., 1907, стр. 9) монета, которой Мурзакевич (ЗОО, т. VI, стр. 476) и Бурчаков (стр. 79, № 257) давали фантастические определения.

² Ср. отдельную находку в 1847 г. на о-ве Левке золотого статера Александра Македонского (Зап. Арх. Нум. общества, т. II, стр. 416).

³ В сводном списке он отнесен к неизвестным царям. Имя Филетера продолжают помещать на пергамских царских монетах и все его преемники.

⁴ Journal de St. Pétersbourg, 1825, № 118, стр. 506. — П. К е п п е н. Библиографические листы, 1825, № 24, стр. 336. — Ср.: В. Ю р г е в и ч, ЗОО, т. XIV стр. 37.

⁵ На это сходство уже обращено было внимание: И. И. Т о л с т о й. Остров Белый и Таврика, стр. 31 и 56.

моря и в Пропонтиде, то их монеты в обеих группах находок идут непрерывными рядами. Совершенно естественно предположение, что это сходство обуславливается одинаковым контингентом мореплавателей, посещавших острова и завезших сюда указанные монеты. Это наблюдение выигрывает в убедительности при сопоставлении списков монет с перечнем городов, принявших участие в увенчании ольвиополита Феокла, сына Сатира.¹ Из девятнадцати городов, упомянутых в этом декрете, среди находок на Левке монетами представлены семнадцать, и среди находок на Тендре также семнадцать. В первом случае отсутствуют Милет и Апамея, во втором — Пруса и Апамея.² С другой стороны, при сопоставлении с раскопочными монетными находками в самой Ольвии выступает следующее обстоятельство. Если в Ольвии и можно встретить в иные годы раскопок совмещение монет малоазиатских городов с монетами городов Западного Черноморья, присутствие наряду с монетами прибрежных городов монет городов, находящихся в глубине Фракии или Мэзии,³ то все эти чужие привозные монеты попадаются в Ольвии сравнительно редко, эпизодически, на фоне массы монет местного ольвийского происхождения, и растворяются в огромном количестве этих последних. Во всяком случае, если даже собрать все привозные монеты, встреченные на территории Ольвии за все время долголетних раскопок, то не удастся получить список, в такой же мере совпадающий с декретом в честь Феокла, как отмеченные выше. Это как бы подчеркивает то обстоятельство, что Левка и Тендра служили обязательными этапами на пути плаванья по Черному морю, а в частности и для тех, кто направлялся в Ольвию.

Конечным хронологическим пределом, судя по приведенным перечням римских монет, и на Левке и на Тендре являются IV—V вв. н. э. Несколько труднее ответить на вопрос о противоположной хронологической грани. Значительное большинство монет с о. Левки, описанных Мурзакевичем, императорские. Имена упоминаемых в списке царей позволяют возводить наиболее ранние из найденных на Левке монет к концу IV в., к началу эллинистической эпохи. Относительно Тендры прямых указаний для установления начальной даты нет, но и здесь наличие монет, распространяющихся по крайней мере на весь императорский период, не подлежит сомнению. Широта хронологического диапазона, таким образом, также характерна для обеих групп находок.

Поскольку и Белый остров (Левка) и Ахиллов бег (Тендра) прочно засвидетельствованы не только античной традицией, но и эпиграфическими находками в качестве центров культа Ахилла Поштарха,⁴ естественно было связать указанные находки монет и вещей с этим культом и считать их приношениями посетителей святилищу владыки Понта.⁵ При этом географическое и хронологическое разнообразие монет объяснялось широкой популярностью и длительным процветанием святилища. Тем не менее, поскольку, по крайней мере в отношении Тендры, сомнения в достоверности этих старых сообщений высказывались в недавнее время,⁶ подкрепление такого

¹ IosPE, I², № 40.

² По поводу отсутствия в списках Апамеи необходимо иметь в виду, что монеты с полным именем Апамеи (Вифинской) редки и малочисленны; колониальные же, римского времени, монеты с сокращенным обозначением имени колонии одними инициалами легко могли не быть опознаны Мурзакевичем. Ср.: *B a b e l o n - R e i n a s h. Recueil général de monnaies grecques d'Asie Mineure*, II, стр. 245 сл.

³ Ср. Монеты из раскопок в Ольвии в 1935—1936 гг. Ольвия, т. I, Инст. археол. АН УССР, Киев, 1940, стр. 211 сл.

⁴ И. И. Толстой, ук. соч., стр. 6 сл. и 55 сл.

⁵ Н. Мурзакевич, ЗОО, т. I, стр. 558.

⁶ Херсонський Історико-археологічний музей, вып. 8, стр. 15.

истолкования этих находок другими монетными находками, близкими по характеру, является не лишним.

В поисках монетных находок,¹ аналогичных по разнообразию состава, внимание останавливается на следующих. В первую очередь идет старая находка в Викарелло, к северу от Рима, близ озера Браччиано.² При ремонте бассейна целебного источника в 1852 г. было найдено огромное количество римских монет различного времени. Не считая обломков бесформенного *aeris rudis* и *aeris signati*, общая сумма которых исчисляется на вес в 1200 фунтов, находка заключала свыше 5200 литых и чеканенных медных монет, в том числе 1366 экземпляров *aeris gravis*, свыше 3800 так наз. римско-кампанских и республиканских римских и около сотни монет других итальянских городов. Последние принадлежали, главным образом, Неаполю, но также Теану, Суессе, Калам, Теате, Метапонту, Регию, Паноорму и Сиракузам. Помимо монет, были найдены: серебряная шпилька для волос, серебряная пальметка, медные астрагалы и целый ряд сосудов, преимущественно серебряных, причем некоторые из них с посвятельными надписями Аполлону и нимфам.³ Хотя сделанную при опубликовании находки попытку отождествить Викарелло с античным *Aquae Apollinares* по географическим соображениям приходится отвергнуть,⁴ однако в том, что источник в Викарелло входил в состав популярного в древности святилища и что монеты вместе с сосудами представляют приношения посетителей целебного источника его божеству, по обстоятельствам находки не остается никаких сомнений. Сохраняющийся до настоящего времени обычай у итальянцев, посещающих Рим, бросать монету в бассейн фонтана Треви представляет пережиток таких приношений.

Еще более интересна опубликованная Б. Филовым⁵ находка в Болгарии в Айтоска Баня, в 15 км к северо-западу от Бургаса, в известном и в античную и в византийскую эпоху теплом источнике (*Aquae Calidae*). Здесь также при перестройке бассейна, преимущественно под образовывавшими его дно каменными плитами и в щелях между ними, было найдено огромное количество (свыше 3000) монет. За подробностями списка найденных монет отсылаю к обстоятельной заметке Филова, здесь же остановлюсь только на характеристике состава находки. Для автономной эпохи, при совершенно естественном преобладании городских и царских монет Фракии, Македонии и Мэзии, список дает все же и 18 монет малоазийских, принадлежащих следующим городам: Абидос, Амис, Гургара, Калхедон, Кизик, Милет, Пергам, Проконнес, Хиос. В списке монет императорского периода решительно преобладают римские. Городские составляют среди них небольшой процент (67 из 986) и принадлежат уже только городам Фракии, Македонии и Мэзии. Заканчивают список 48 византийских монет, от Феодосия II до Цимисхия. Чрезвычайно важно отметить, особенно в связи с составом находок на Левке, что вместе с монетами там же, под дном бассейна, было найдено большое количество бронзовых фибул, гемм и колец, в том числе золотые и серебряные.

¹ Полезным справочником для этой цели служит книга S. P. Noe «A bibliography of Greek coin hoards» New York, 1937 (Numismatic Notes and Monographs, № 78. Первое издание, в той же серии № 25, N. Y., 1925, устарело). Близкая по теме статья F. Dölger «Die Münze im Taufbecken und die Münzfunde in Heilquellen der Antike (Antike und Christentum, III, 1932)», к сожалению, остается мне недоступной из-за отсутствия ее в наших библиотеках.

² S. P. Noe, ук. соч., стр. 304, № 1160. Там же указана литература.

³ G. Marchi. La stipe tributata alle divinita delle Acque Apollinari. Roma, 1852, стр. 15 сл.

⁴ RE, II, 3 стлб. 275.

⁵ S. P. Noe, ук. соч., стр. 41, № 111. — В. Filow, AA, 1911, стлб. 350 сл.

Обе только что отмеченные находки интересны тем, что они позволяют с уверенностью квалифицировать монеты и найденные вместе с ними предметы как приношения посетителей лечебных учреждений тому божеству, под покровительством которого находились целебные источники. Разнообразие находок свидетельствует о длительности существования святилища при источнике и о его широкой популярности.

Несколько иной характер носит третья аналогичная находка, для нас особенно интересная, поскольку она также принадлежит Северному Черноморью. Это — находка в лесном святилище к северу от Ялты, близ селения Верхней Аутки, подробно описанная Бертье-Делагардом.¹ Находка охватывает свыше тысячи монет — весьма вероятно до полутора тысяч. Состав ее по определению Бертье-Делагарда, который сам просмотрел 1078 найденных монет, следующий: 1) римских императорских монет от Веспасиана до Константина I (в том числе много серебряных) — около 58%; 2) боспорских царских, от монет с монограммой из букв В, А, Е до Рискупорида VII (VI), медных и биллоновых — около 30%; 3) херсонесских, почти исключительно периода элевфрии — около 11%. Остающийся 1% Бертье-Делагард относит монетам более удаленных городов, которые ниже им перечисляются. Повторим их список, так как он невелик и представляет значительный интерес: Амис (времени Мифрадата Евпатора), Амастрия (Антонин Пий), Гераклея (Каракалла), Никополь на Истре (Каракалла), Ольвия (Север Александр), Томи (Септимий Север), Пантикапей (Пан и грифон).

За исключением упомянутых здесь монеты Амиса мифрадатовского времени и монеты Пантикапея, которая, судя по типам, должна принадлежать III, а может быть и IV в. до н. э., остальные монеты относятся ко времени не ранее I в. н. э., вернее даже его середины, и, таким образом, преобладающее число составляющих находку монет охватывает период около трех столетий. Географическое разнообразие здесь не так велико, как на Левке и на Теудре; присутствуют, правда, монеты и из М. Азии и с западного побережья, но количество их небольшое. Следует подчеркнуть наблюдающееся на протяжении всего периода совмещение в находке херсонесских монет с боспорскими, между тем как среди монет, найденных при раскопках в соседнем Хараксе,² боспорские монеты в течение I и II вв. отсутствуют и только в середине III в. начинают заступать место херсонесских. На это обстоятельство обратил внимание в своей заметке и Бертье-Делагард, но пытался объяснить его тем, что Ай-Тодор составлял в настоящем смысле владение Херсонеса, между тем как расположенная несколько восточнее гряды, заканчивающейся Ай-Тодорским мысом, территория святилища была нейтральна, не подчиняясь ни Херсонесу, ни Боспору, и сохраняла самостоятельность и в денежном обращении. Натянутость и искусственность такого объяснения бросается в глаза. На самом деле объяснение заключается в специфическом святилищном характере ялтинской находки. Состав монет в таких находках должен обуславливаться не экономическими предпосылками, поскольку, становясь приношением, делаясь предметом культового акта, монета в значительной мере утрачивает свою денежную сущность. Естественно, что крымское святилище, объединяя в первую очередь жителей Крыма, в равной мере принимает в число приношений своему божеству все категории монет, обращавшихся в Крыму, независимо от того, в сферу обращения каких монет входит сама территория святилища.

¹ ЗОО, т. XXVII, прот., стр. 19 сл. В книге S. P. Ное эта находка упомянута, но Ялта у него по недоразумению обратилась в «Талту» (sic!), почему находка и зарегистрирована в алфавитном порядке под буквой «Т» (стр. 272, № 1040).

² В. Б л а в а т с к и й. Раскопки в Хараксе. ВДИ, № 2, 1938, стр. 335.

Вместе с монетами были найдены бронзовые браслеты, кольца, пряжки, бусы и различные металлические поделки, частью серебряные. Кроме того, несколько в стороне от монет, но все же поблизости, были найдены, в целом виде и в обломках, терракотовые женские статуэтки довольно грубой работы. Эта последняя находка правильно учитывается Бертъе-Делагардом как главное доказательство принадлежности святилища женскому божеству.

Бертъе-Делагард подробно и обстоятельно описывает самые условия находки монет. «Все монеты. . . находились неправильно разбросанными на указанном пространстве (15—20 кв. сажен), причем лежали на материке, большей частью в его впадинах, где образовывались их более значительные скопления, по несколько штук и даже десятков».¹ Невольно напрашивается сравнение с обстоятельствами находки монет на юго-восточной оконечности о. Левки (см. выше), где также они были найдены на пространстве каких-нибудь десяти сажен. Отличие только в том, что Мурзакевич говорит о находке на небольшой глубине, в то время как Бертъе-Делагард прямо подчеркивает, что монеты лежали группами на материке.² Аналогичны и выводы, сделанные обоими авторами из обстоятельств находки. Участок земли, на котором найдены монеты и вещи, был посвящен божеству, и все попадавшие на него приношения охранялись религиозным запретом, связанным с этим местом. Такое объяснение, несомненно, стоит на верном пути, находится в полном соответствии с таинственными подробностями, окружавшими легенду об о. Ахилла и запрещавшими пребывание на нем ночью. Едва ли прав И. И. Толстой, полемизирующий с Мурзакевичем и предпочитающий допустить хранение приношений в храме.³

Относительно обстоятельств находки монет на Теindre есть сведения,⁴ что они были найдены при разрытии возвышения, имевшего «фигуру опрокинутого чайного блюдечка, не более 1¼ аршина вышиною и около 25 саж. в обмере основания». Автор заметки добавляет, что в виду отсутствия поблизости остатков строевого камня можно предполагать лишь существование на этом месте строения из «земляного нежженого кирпича». Может быть и здесь есть основание скорее допустить скопление монет на огороженном, но открытом священном участке, чем хранение их в храме или ином закрытом помещении.

В нашем обзоре монетных находок на местах святилищ не случайно встретилась ялтинская находка с находками на Левке и на Теindre. Это сопоставление в вопросах денежного обращения античного Черноморья так же неизбежно и естественно, как и соединение культов и мифов, связанных с о. Белым и Таврикой в неоднократно упоминавшемся прекрасном исследовании И. И. Толстого. Необходимо, однако, оттенить и некоторое отличие, обнаруживающееся между этими группами монетных находок. Находки на Левке и на Теindre чрезвычайно близки между собой по составу и отличаются исключительным разнообразием. Как бы воспроизводя в своем составе расширенный «нумизматический перипл» Понта Евксинского и Пропонтиды, они заявляют о себе, как о дарах мореплавателей божеству-властителю Понта. Их только в автономную эпоху отчасти напоминает комплекс находок в Айтоска Баня, поскольку в императорскую эпоху состав этого комплекса, кроме римских, ограничивается монетами непосредственно

¹ ЗОО, т. XXVII, прот., стр. 20.

² Бертъе-Делагард, к сожалению, бросает лишь вскользь замечание о возможности существования на месте святилища ручья (впоследствии пересохшего?) и не подкрепляет этой мысли никакими наблюдениями, сделанными во время раскопок. Можно ли одним только действием дождевых вод объяснить скопление разно-временных монет во впадинах материка?

³ И. И. Толстой, ук. соч., стр. 32, прим. 1.

⁴ IosPE, I², стр. 277, прим. 1.

прилегающих областей Фракии и Мэзии. Ялтинская находка, напротив, скорее приближается к находке в Викарелло, заключавшей, помимо римских, сравнительно немного иногородних монет и притом таких, которые не выходят за пределы Италии. Встретившиеся в ялтинской находке монеты малоазийских городов (Гераклея, Амис, Амастрия) принадлежат к числу таких, которые часто встречаются в Херсонесе и поэтому могли быть занесены оттуда. Такая большая замкнутость, ограждение кругом посетителей из состава чисто крымского населения, для лесного святилища, расположенного в значительном отдалении от моря, более чем естественна.

Заканчивая эту статью, было бы несправедливым совершенно не упомянуть о Березани, тем более, что этот остров, как обойденный античной традицией,¹ особенно нуждается в проверке, также и путем исследования монетных находок, своего права считаться одним из очагов культа Ахилла Понтарха.

Монетные находки на Березани очень немногочисленны. Прендель в своем кратком отчете о разведках на острове в 1884 г.² упоминает об одной монете, найденной в погребении, но, к сожалению, не дает ее определения. Энергично производившиеся в 1904—1909 гг. Э. Р. Штерном раскопки дали в разное время несколько литых ольвийских медных монет, как крупных, так и малого размера, с изображением горгонейона архаического типа.³ Кроме того, эти же раскопки доставили значительное количество литых ольвийских дельфинов, так наз. «рыбок», причем некоторые находки этих рыбок в погребениях, в руке костяка, послужили серьезным аргументом в пользу денежного их характера.⁴ Среди керамических находок в этих раскопках решительно преобладал архаический материал, и предметы начала V в. были редки. Штерн склонен был в силу этого предположить запустение острова уже в первой половине V в. до н. э. При такой предпосылке естественно было сделать вывод, что, поскольку монетные находки на Березани ограничиваются литыми ольвийскими монетами с горгонеем архаического типа, эти монеты должны принадлежать времени не позже начала V в. до н. э.⁵ Орешников,⁶ учитывая эти данные, также датировал эти монеты V в., а в одной из своих позднейших работ пытался возводить их даже еще к VI в.⁷ Я не буду здесь останавливаться на аргументах в пользу правильности первоначальной датировки этих монет Штерном и Орешниковым, так как подробно говорю об этом в соответствующем разделе книги «Античные монеты», правда, исходя из иных мотивов.

В 1927, 1928 и 1930 гг. на Березани производились раскопки М. Ф. Болтенко. Данные этих раскопок побудили пересмотреть создавшееся представление о совершенном запустении острова с начала V в. Что касается монет, то они также дали совершенно иной контингент находок. В 1927 г., согласно сообщению М. Ф. Болтенко, были найдены две ольвийские монеты из числа тех, которые, будучи выпущены еще в первой половине II в. н. э., в падчакапленном виде продолжали обращаться еще и в третьей четверти II в.⁸ Монеты из раскопок 1928 и 1930 гг. я имел возможность

¹ О попытке Келера отнести к Березани ряд античных свидетельств, относящихся к Левке, — попытке, отвергнутой Латышевым, см.: И. И. Толстой, ук. соч., стр. 45 сл.

² Тр. VI АС, т. I, стр. 218 сл.

³ ОАК, 1904, стр. 45; 1908, стр. 92; ср.: ЗОО, т. XXVIII, прот., стр. 45. — ОАК, 1909, стр. 106; ср.: ЗОО, т. XXVIII, прот., стр. 88.

⁴ ОАК, 1906, стр. 56.

⁵ ОАК, 1904, стр. 45.

⁶ Нумизматический Сборник, III, М., 1915, стр. 56.

⁷ ИРАИМК, т. I, стр. 222.

⁸ Бур., табл. VII, 164 сл.

видеть; некоторые из них представляют большой интерес как неизданные варианты. Их подробное описание с соответствующими комментариями я рассчитываю дать в другом месте, здесь позволю себе ограничиться перечислением монет. При раскопках 1928 г. найдены две монеты:

1. Ольвийская медная монета с именем Δάδος Σατύρου времени Марка Аврелия (Бур., табл. VIII, 177).

2. Медная монета Каллатии времени Коммода.

Более многочисленны монеты в находках 1930 г. их список обнимает следующие номера:

1. Ольвийская медная монета времени Коммода (Бур., табл. VIII, 181, 182).

2. Медная монета города Томи с портретом Геты.

3. Медная монета города Истра с портретом Каракаллы.

4. Небольшая медная монета, по всей вероятности города Клазомен, IV (?) в. до н. э.

5. Неольвийская медная монета императорского времени с типом корзины на оборотной стороне (Павталия?, Августа Траяна?).

6. Неподдающаяся определению небольшая монета, вероятно автономной эпохи.

Кроме того, как и обычно, найдено значительное количество дельфинов-различных образцов.

В составе этих списков обращает внимание, с одной стороны, неожиданно высокий пред лицом близости Березани к Ольвии процент неольвийских монет, с другой — принадлежность подавляющего большинства монет императорской эпохе, в противовес раскопкам Штерпа, давшим исключительно ранние литые монеты Ольвии. Следует напомнить, что и при раскопках Штерпа на Березани были найдены две надписи II—начала III в. н. э. с посвящениями Ахиллу Понтарху и два фрагмента таких же посвящений.¹ Упорно не желавший отказаться от мысли о раннем запустении Березани Э. Р. Штерп реагировал на эти находки предположением, что на остров «приезжали, между прочим, из Ольвии, чтобы ставить посвячительные надписи Ахиллу Понтарху и приносить ему жертвы».² Признать постоянное сплошное заселение острова в римский период казалось ему неприспемлемым. Возможно, что эта его догадка стоит на верном пути. Во всяком случае разнообразие состава монетных находок 1927—1930 гг., напоминающего, правда, очень отдаленно, состав находок на Левке и Тендре, не противоречит такому предположению. И надписи с посвящениями и монеты найдены в северо-восточной части острова — участке, наиболее близком к излучине берега, где причаливают и укрываются от ветра рыбацьи лодки. Именно здесь, подобно тому как Мурзакевич это сделал для юго-восточной оконечности о. Левки, было бы вероятно предположить существование священного участка, где совершались жертвоприношения и оставлялись дары владыке Понта. Однако следует еще раз подчеркнуть, что до настоящего времени материал монетных находок с о. Березани слишком мал, и он позволяет только поставить вопрос о закономерности каких-либо заключений по аналогии Левки и других находок в святилищах. Неблагоприятные для Березани условия усугубляются еще тем, что верхние слои в той северо-восточной части, о которой идет речь, были нарушены давно, еще при постройке здесь турецкой крепости в XVII в., а это заставляет опасаться, что для римского периода Березани данные находок навсегда останутся скудными и фрагментарными.

¹ ОАК, 1905, стр. 37. — ЗОО, т. XXVII, прот., стр. 64. — ОАК, 1907, стр. 69. — ЗОО, т. XXVIII, прот., стр. 45. — ОАК, 1909, стр. 117. — ЗОО, т. XXVIII, прот., стр. 91. — IosPE, I^a, №№ 131, 135, 154.

² ОАК, 1909, стр. 117; ЗОО, т. XXVII, прот., стр. 66.

A. ZOGRAPH

TROUVAILLES DE MONNAIES AUX EMPLACEMENTS DE SANCTUAIRES ANTIQUES PRÉSUMÉS DANS LA RÉGION DE LA MER NOIRE

R é s u m é

Les monnaies antiques rapportées au musée d'Odessa de l'île Leuké vers le milieu du XIX siècle présentent une frappante diversité de provenance. Les pièces de rois et de villes de la Macédoine, de la Thrace et de la Mésie s'y trouvent à côté des pièces de la Grèce proprement dite et de l'Asie Mineure; au point de vue chronologique, elles embrassent une période de longue durée qui va de la fin du IV siècle avant notre ère jusqu'au IV siècle de notre ère. Les trouvailles de monnaies faites par le capitaine Kritsky à Tendrovskaya Kossa portent les mêmes traits caractéristiques. L'hypothèse que ces groupes de monnaies résultent des offrandes faites au sanctuaire d'Achille Pontarque par les marins qui visitaient les îles Leuké et Tendra est confirmée par une comparaison avec les trouvailles analogues, comprenant de grandes masses de monnaies de provenance diverse, telles que celles de Vicarello en Italie et d'Aitoska Bania en Bulgarie près de Bourgas. La trouvaille de monnaies faite dans le sanctuaire d'une divinité féminine près de Yalta et publiée par Berthier-Delagarde s'en rapproche aussi, quoiqu'elle offre quelque traits singuliers.

Les monnaies trouvées à l'île Bérézan sont très peu nombreuses, mais là aussi on peut noter dans les trouvailles de 1928—1930 des monnaies de Tomi, d'Istros et de Callatis, accompagnées d'une monnaie de Clazomène.

С. И. КАПОШИНА

СКОРЧЕННЫЕ ПОГРЕБЕНИЯ ОЛЬВИИ И ХЕРСОНЕСА

С. А. Жебелев в своей статье «Счастливые города» пришел к выводу, что «... бессознательно оказался правым неизвестный нам ольвийский поэт II в. н. э., который в сочиненном им метрическом надгробии сказал: *Σκυθίας Ὀλβία πόλις*, „скифский город Ольвия“, потому что она возникла на месте существовавшего до прихода греков скифского поселения, называемого просто „ольба“».¹

К этому выводу привел исследователя сравнительный анализ слова «Ольвия». Археологические исследования последних лет все больше подтверждают выводы, сделанные в результате лингвистических изысканий.

Следы пребывания туземцев в Ольвии весьма многочисленны, хотя остатков древнейшего догреческого поселения пока еще не открыто. Может быть, если вообще позволительно гадать в этих вопросах, туземное поселение подверглось разрушению за многие столетия существования греческой колонии. Для древнейшей эпохи жизни Ольвии следы пребывания туземцев наиболее заметны в ольвийском некрополе. Особенно показательными в этом отношении памятниками являются погребения, выполненные по туземному обряду.

Скорченные погребения в ольвийском некрополе встречались спорадически почти во все годы раскопок, но они не вызвали к себе интереса исследователей. Лишь за последние годы заметно увеличилось внимание ко всем деталям ольвийского погребального ритуала. Материалы раскопок некрополя, начиная с 1904 г. и по 1925 г., не опубликованы в отчетах о раскопках; о них существуют только суммарные сведения.

Необходимо отметить, что во всех опубликованных отчетах о положении костяков имеются только незначительные указания. В отчетах преимущественно фигурируют описания могил, являющихся особенно интересными для исследователя по вещественному материалу. Те указания на скорченные костяки, которые имеются в отчетах, часто не сопровождаются ни более подробным описанием положения костяка, ни описанием или даже перечислением инвентаря.

Важный материал дают хранящиеся в рукописном архиве ИИМК полевые дневники, состояние которых, однако, не является вполне удовлетворительным.

Археологические исследования некрополя Ольвии далеко еще не закончены, тем не менее известно уже свыше 50 скорченных погребений, и их количество увеличивается с каждым раскопочным сезоном. В большинстве случаев скорченные погребения характерны для древнейшего ольвийского некрополя, относящегося ко второй половине VI в. до н. э.

¹ Сборник в честь Н. Я. Марра. ИГАИМК, вып. 100, М.—Л., 1933, стр. 362

Здесь подразумеваются погребения, содержавшие поддающийся датировке инвентарь.¹ Но во многих случаях скорченные погребения либо лишены вовсе какого-либо инвентаря,² либо содержат инвентарь, трудно поддающийся датировке.³ В некоторых случаях скорченные погребения без инвентаря можно отнести к той или иной эпохе в зависимости от его отношения к другим, хорошо датирующимся погребениям. Это возможно проследить только на материалах раскопок последних лет. Так, в 1937 г. Т. Н. Книпович открыла скорченное погребение на том участке, где располагался древнейший ольвийский некрополь. «Грунтовые погребения с вытянутыми

Рис. 1. Погребение, открытое в Ольвии под оборонительной стеной в 1932 г.

костяками и прекрасной греческой керамикой оказываются здесь в непосредственном соседстве с типичнейшим туземным погребением скорченного; при этом один уровень всех этих погребений убеждает нас в том, что действительно в этом месте в середине или во второй половине VI в. до н. э. умершие погребались и по греческому и по местному обряду».⁴

Скорченные погребения, относящиеся к архаической эпохе, располагаются в простых грунтовых могилах. Встречаются скорченные костяки (по имеющемуся у нас материалу — в очень редких случаях) и в могилах подбойного типа. Видимо, эти погребения могут быть отнесены к более позд-

нему времени. Так, в подбойном погребении 1926 г. скорченный костяк сопровождался керамикой классического времени.

Скорченные костяки ольвийского некрополя по своему положению могут быть подразделены по крайней мере на четыре категории. К первому типу скорченности относится положение на правом или левом боку с согну-

¹ Погребения 8/14, 24/14, 20/14, 16/10, 30/10, 17/13, 44/12 (дробью обозначаются номера погребений; числитель означает номер могилы, знаменатель — год раскопок). Погребение 1932 г. под оборонительной стеной, 32/09, содержало в качестве инвентаря чернолаковые, чернофигурные и так наз. ионийские сосуды.

² Погребения 37/15, 2/02, 71/02, 116/02, 97/01, 50/10.

³ Сюда относятся прежде всего погребения, открытые в 1928, 1929 и 1930 гг., сведения о которых мы имеем только в виде сохранившихся в фотоархиве ИИМК фотографий. Полевые записки этих лет были мне недоступны. Затем сюда относятся также погребения, в которых были найдены либо отдельные фрагментированные металлические предметы, либо оселки и пр.

⁴ Т. Н. Книпович. Некрополь на территории с.-в. части Ольвии. Работы в 1937 г. Сов. археол., № 6.

тими ногами¹ (рис. 1, 2, 3). Ко второму типу скорченных погребений принадлежат костяки, положенные на спину с согнутыми и приподнятыми вверх ногами (рис. 4, 5, 6). Типичным образцом такого рода погребений является могила 2/26. Там костяк «зориентовании головою на О лежит на спине з-О на W». Череп трохи збочений на S, сюда же повернуті и цоги зігнуті в колінях, руки трохи зігнуті в ліктях».²

Приложенная к отчету фотография костяка не оставляет сомнений в том, что погребенный был положен в могилу на спину с поджатыми вверх коленями и что ноги его при разложении упали в левую сторону. Ноги костяка,

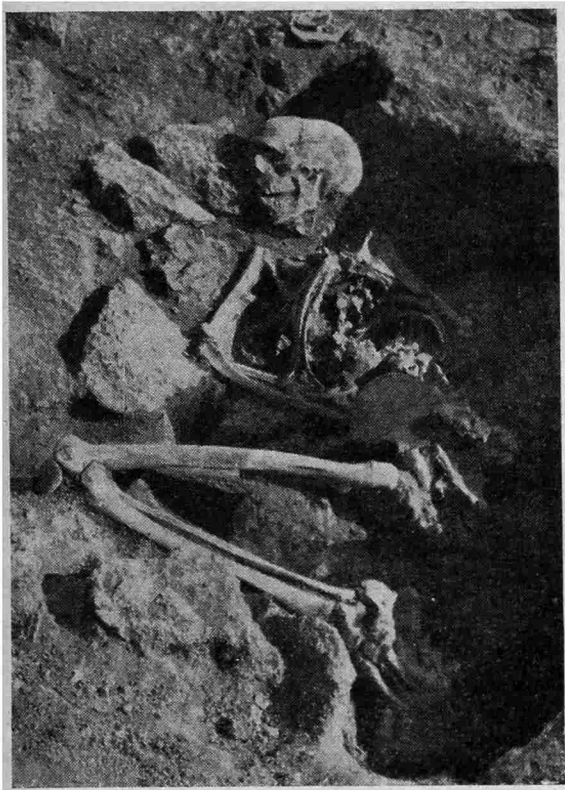

Рис. 2. Погребение, открытое в Ольвии на раскопе Г в 1928 г.

Рис. 3. Погребение, открытое в Ольвии на раскопе И в 1937 г.

положенного в могилу с коленями, поднятыми кверху, могли унасть либо вместе в одну какую-нибудь сторону, либо распасться в разные стороны. В последнем случае получается постановка ног «всадника»³ (рис. 7).

¹ Костяки могил 91/02, 71/02, 64/06, 97/01, 43/03, 32/15, 4/25, скорченник под стеной 1932 г. и скорченники 1928, 1929, 1937 гг. одни бесспорно, а другие только вероятно лежали на боку с согнутыми ногами. Костяк могилы 64/02 лежал на правом боку с согнутыми ногами, причем левая была подогнута под правую. Костяк могилы 116/02 лежал в согнутом положении на правом боку, с правой рукой, загнутой под голову, и левой, положенной на колено.

Согнутость ног установлена в могилах 38/10, 44/12, 30/10. Принадлежность их к группе скорченных костяков, лежащих на боку, только возможна, так как они могут относиться и ко второй группе.

² Б. В. Фармаковский. Розкопування Ольвії у 1926 р., стр. 58.

³ Такое положение имеют костяки в могилах 76/12, 28/15. В могиле 14/14 у костяка ноги в коленях согнуты, коленями наружу. Согнутость коленями наружу также означает обычную форму распадаения ног костяка при положении его с поднятыми вверх ногами. Раздвинуты колени у костяков в могилах 6/09 и у скорченника 1930 г. Согнутые в коленях и поднятые вверх ноги установлены в могилах 24/14, 19/15, 8/14, 20/14, 2/25 (рис. 5) и 32/15. Расходились в коленях и сходились в ступнях ноги у костяков в могилах 17/13, 50/10.

Таковы первые два типа скорченных погребений в Ольвии. Первый из них содержит костяки, лежащие на боку, с согнутыми ногами, второй — костяки на спине с поднятыми вверх коленями. Третьим типом скорченности является сидячее или полусидячее положение костяка.

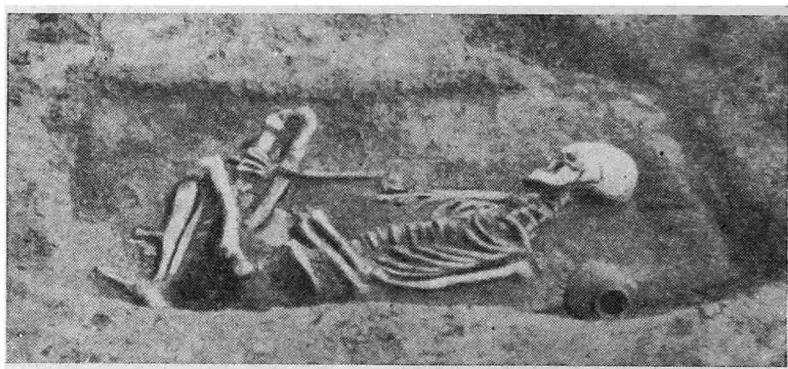

Рис. 4. Погребение, открытое в Ольвии на территории раскопа И в 1925 г.

В отчете о раскопках за 1913—1915 гг. читаем: «В могилах. №№ 18 и 22 покойники, повидимому, вследствие недостаточной длины могил, были помещены так, что их позы показывают на полусидячее положение».¹

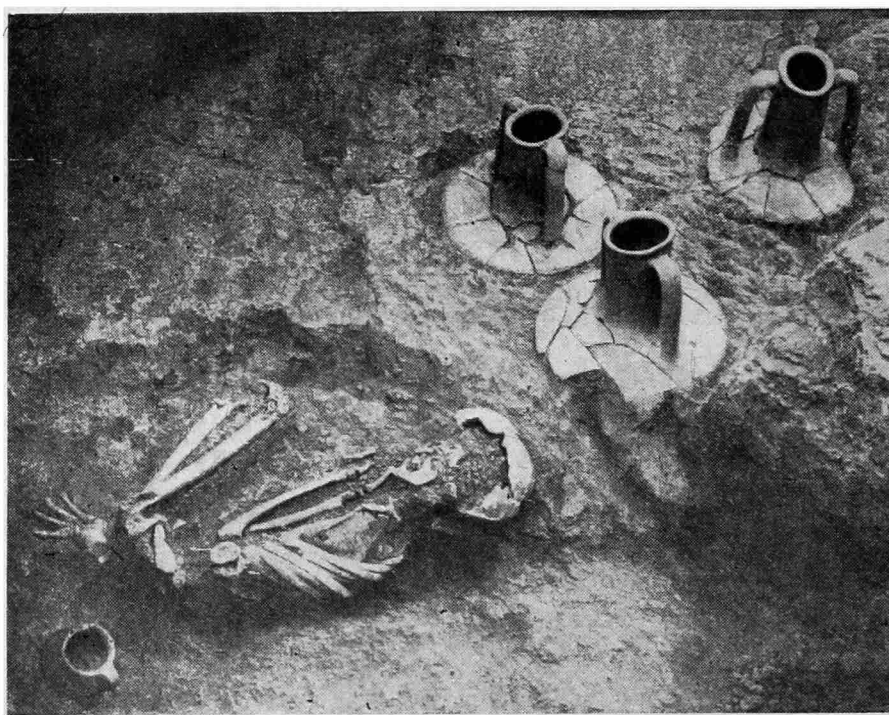

Рис. 5. Погребение, открытое в Ольвии в 1929 г.

Вряд ли правильным является объяснение полусидячих поз погребенных недостаточной длиной их могил. Скорее здесь имеет место такой же ритуал захоронений, какой выражают и обычные скорченные костяки.²

¹ ОАК, 1913—1915, стр. 38.

² В. В. Гольмстен. О происхождении скорченности костяков в погребениях родового общества. Проблемы, 1935 г., № 5/6.

Накопец, четвертым типом скорченности является перекрещивание ног у костяка, лежащего на спине.¹

Бобрицкий, как известно, давно уже предполагал, что скрещенность ног лежащего на спине костяка есть лишь особая форма распада поджатых кверху колен лежащего на спине покойника и что костяки с подобным расположением ног являются, следовательно, одной из разновидностей погребений в скорченном положении.²

Подобные разновидности скорченности встречаются в Ольвии и в подобноных могилах и в так наз. земляных склепах. По крайней мере в склепе, открытом Ястребовым еще в 1896 г., был найден на лежажке костяк с ногами, положенными крест-накрест. Склеп, по найденному в нем черполаковому килику с надписью датируется концом IV — началом III в. до н. э. Таким образом в Ольвии традиции захоронения скорченных костяков доходят до III в. до н. э., хотя в массе своей они характерны для архаического периода.

Четыре типа скорченности, которые мы устанавливаем в ольвийском некрополе, в полной мере являются характерными для способов захоронения, существующих у местного населения Северного Причерноморья и Поднепровья в доскифскую и скифскую эпохи.

Эварницкий, описывая раскопки херсонских курганов, принадлежащих по общераспространенному мнению доскифскому времени, отмечает, как господствующий, тип погребения на боку в скорченном виде. Но, говорит он, есть и варианты: «или с широко разнесенными дугообразно ногами, или же в так наз. утробном положении».³

Бранденбург отмечает следующие основные разновидности скорченности костяков в древнейших, по общему мнению доскифских, киевских курганах: положение на боку с поджатыми ногами и положение на спине с ногами, согнутыми и обращенными коленями в одну сторону, или с ногами, в коленях раскинутыми в разные стороны и сходящимися в ступнях.⁴

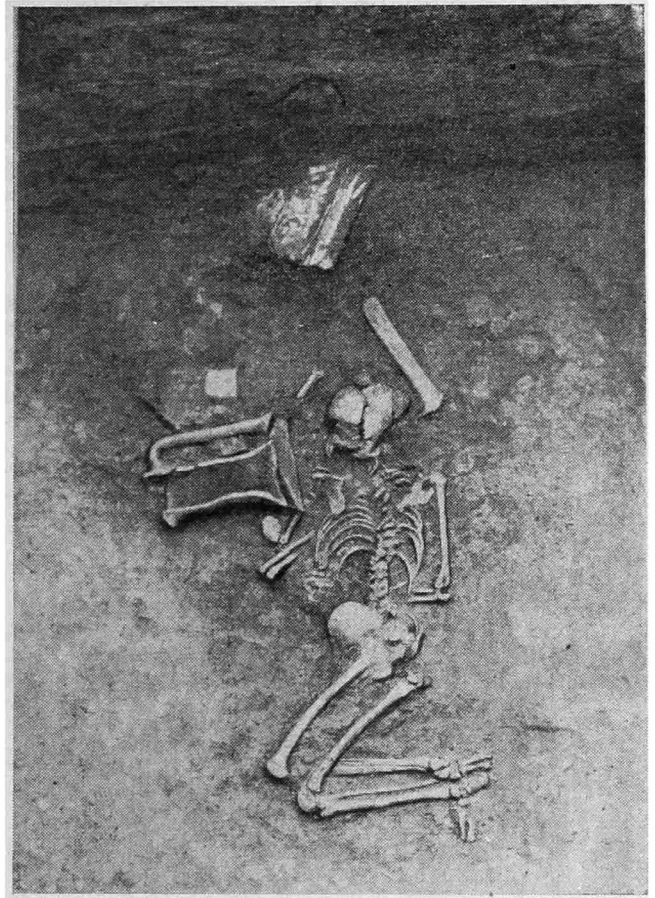

Рис. 6. Погребение, открытое в Ольвийском некрополе в 1929 г.

¹ Установлено в могилах 29/96, 34/96, 42/02, 66/02, 9/11, 93/12 46/10.

² ИАК, вып. 49, стр. 33.

³ Д. И. Эварницкий. Тр. XI АС, стр. 729.

⁴ Н. Е. Бранденбург, там же, стр. 157. Не менее характерно для этих доскифских, согласно обычной точке зрения, погребений сочетание обычных форм скорченности с сидячим положением костяка, как это установлено, напр., в Большом кургане у Херсона (В. И. Гошкевич. Клады и древности Херсонской губер-

Как же следует объяснить факт паличия в ольвийском некрополе скифского времени всех указанных четырех типов скорченности?

Вопрос о связи так называемых скифских вытянутых погребений со скорченными и окрашенными костяками является несомненно весьма сложным. Традиционная точка зрения¹ относит скелеты, вытянутые на спине, к скифской эпохе, скелеты скорченные и окрашенные к более раннему времени.

Для доскифской стадии, несомненно, характерно преобладание в обряде погребений скорченности костяков, но и для скифской стадии, при общем преобладании погребений с вытянутыми скелетами, характерны и скорченные погребения. По крайней мере об этом говорят все доступные археологические исследования.

Уже Бранденбург, раскопавший большое число курганов, отмечал:

«Эти характерные погребения [скорченные], как будет видно ниже, являются относительно древнейшими, но необходимо, однако, заметить, что им же сопутствуют иногда и простейшие, т. е. при которых скелеты лежат в обыкновенном вытянутом положении, свойственном могилам времен позднейших, причем несомненно, однако, что оба ритуала принадлежат к одной эпохе и существовали рядом в виду полного совпадения условий размещения тех и других могил в самых курганах. Так, например, некоторые вытянутые скелеты лежат совместно со скорченными в самых нижних слоях насыпи, или в материке, а иногда

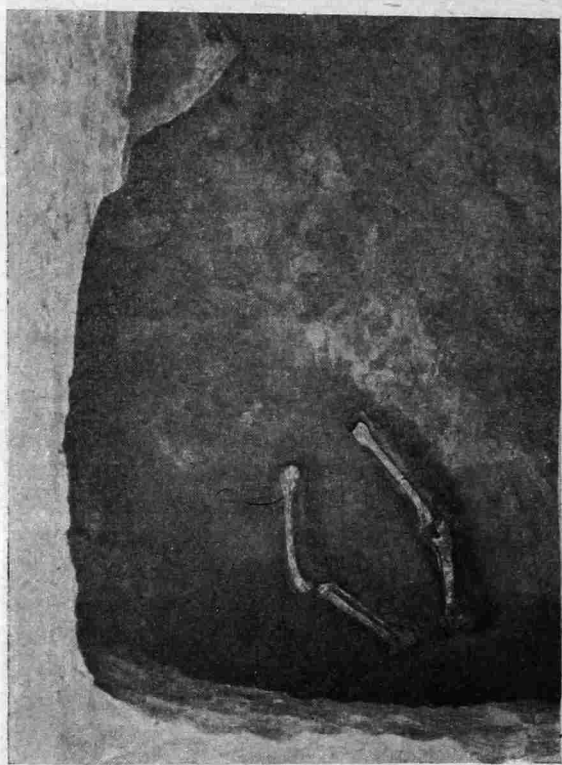

Рис. Погребение, открытое в Ольвии в 1930 г.

оказываются даже еще глубже скелетов скорченных, или, наконец, в общей с ними могиле, т. е. при условиях, совершенно исключающих возможность принадлежности подобных вытянутых скелетов к временам позднейшим».²

Могила со скорченными костяками действительно встречаются иногда в условиях, устанавливающих их более позднюю датировку по сравнению

нии. Херсон, 1903, стр. 111); ср. курган у с. Казацкого (там же, стр. 113), у с. Архангельского (стр. 110) и во многих курганах Киевщины; ср. курган № 2 у Россовы (Д. Самоковсов. Могила русской земли. М., 1908, стр. 11), у Серебрянки (А. Бобринский. Курганы и археологические находки близ местечка Смелы, т. I, СПб., 1887—1891, стр. 2) и др.

Это же относится и к положению костяков на спине, с ногами крест-накрест. В целом ряде случаев подобные костяки были действительно найдены в связи с погребениями скорченных и окрашенных костяков, как, напр., на Херсонщине в курганах у Терновки (В. И. Голубович, укр. соч., стр. 121), у Тирасполя (там же, стр. 119), или у с. Паркан (там же, стр. 114), на Днепропетровщине в курганах у р. Орели (Д. И. Эварницкий, укр. соч., стр. 123) и в Киевщине в курганах, раскопанных Бранденбургом (по Журналу раскопок, стр. 220; ср. А. Бобринский, укр. соч., т. II, стр. 4).

¹ В. В. Гольмстен, укр. соч., стр. 41.

² Тр. XI АС, стр. 156—157.

с могилами с вытянутыми костяками. Существует большое количество курганов, в которых не только в насыпи, но и в материковых могилах найдены и скорченные и вытянутые погребения.

Подобное соотношение скорченных и вытянутых погребений установлено многими исследователями. Это наблюдалось в раскопках Стемпковского,¹ Скадовского,² Эварницкого,³ Бобринского,⁴ Самоквасова,⁵ Бранденбурга,⁶ Оссовского⁷ и др.⁸

В других случаях скорченные и вытянутые костяки встречаются в общих могилах.⁹

Наконец, в большой группе курганов одиночные скорченные погребения сопровождаются скифским инвентарем.

«Ничего не будет неожиданного, — писал В. А. Городцов о позднейших погребениях со скорченными костяками, — если эти погребения займут место среди памятников железной эпохи».¹⁰

В сопровождении скифского инвентаря выступают не только костяки в обычной скорченной позе, но и костяки в сидячем положении и костяки, лежащие на спине с ногами, положенными крест-накрест.¹¹

Даже самый беглый обзор позволяет установить факт сосуществования различных обрядов погребения у скифского населения сравнительно небольшого района, но ближе других стоящего к Ольвии. Важно подчеркнуть то обстоятельство, что сочетание двух обрядов труположения, свойственное скифскому населению Причерноморья и Поднепровья, представлено и в некрополях Ольвии и Херсонеса. Из этого ясно, что источником распространения скорченных погребений в ольвийском некрополе был погребальный культ туземного населения. Можно смело утверждать, что скорченные погребения Ольвии — погребения скифские.¹²

¹ В. И. Гошкевич, ук. соч., стр. 119—121.

² Тр. VIII АС, стр. 97.

³ Тр. XI АС, стр. 735.

⁴ А. Бобринский, ук. соч., стр. 34—35. — ИАК, вып. 4, стр. 32. — ИАК, вып. 65, стр. 128.

⁵ Д. Самоквасов, ук. соч., стр. 111—112.

⁶ Н. Е. Бранденбург, ук. соч., стр. 119.

⁷ А. Бобринский, ук. соч., т. II, стр. 151—156.

⁸ А. А. Спицын. Курганы со скорченными и окрашенными костяками. ЗРАО, стр. 116. — ИАК, вып. 35, стр. 49. — ОАК, 1907, стр. 96. — А. Бобринский, ук. соч., стр. 65—67.

⁹ См. раскопки у Сербки, Терновки, Паркан и в б. имени Высоцкого (В. И. Гошкевич, ук. соч., стр. 108, 114—118, 122, 127); раскопки у Смелы (ИАК, вып. 49, стр. 94; ОАК, 1911, стр. 62); раскопки у Рыжановки (Д. Самоквасов, ук. соч., стр. 13); у Горячева (ИАК, вып. 14, стр. 33); над Холодным Яром, на берегу Тенетинки, у Гуляй-города (А. Бобринский, ук. соч., т. I, стр. 71, 106; т. II, стр. 65, 75); раскопки Хвойко (Древности Приднепровья, вып. I, Киев, стр. 10—11); раскопки у Яновки, у с. Пастырского, у Гладковщины (Н. Е. Бранденбург, ук. соч., стр. 97, 137, 146—148).

¹⁰ Тр. XIII АС, стр. 240; см. также раскопки у Марицына (PZ, 1911, стр. 256); раскопки у с. Перешеры (ИАК, вып. 65, стр. 93); у Мартоноши (ОАК, 1889, стр. 33); раскопки Веселовского (ОАК, 1877, стр. XXVI); у с. Мыс Доброй Надежды (Тр. XIII АС, стр. 153—154, 348); раскопки на левом берегу Тенетинки, у с. Константинова (А. Бобринский, ук. соч., т. II, стр. 46—48, 85, 93—95; ИАК, вып. 4, стр. 34), у с. Грушевки (ИАК, вып. 4, стр. 42); у Рыжановки (Д. Самоквасов, ук. соч., стр. 13); у Кагарлыкской слободы, у с. Ковали (Н. Е. Бранденбург, ук. соч., стр. 14, 108, 116, 138); у Бельского городища (Тр. XIV АС, стр. 130).

¹¹ См. раскопки Белозерского некрополя (Тр. VIII АС, стр. 131, 153); у с. Райского (Тр. XIII АС, стр. 354); у Гладковщины (Н. Е. Бранденбург, ук. соч., стр. 449).

¹² Мы не затрагиваем здесь сложных вопросов о причинах погребения умерших в скорченном положении. Скорченные погребения ольвийского некрополя нас интересуют сейчас как показатель распространения в Ольвии туземных культов и как источник для выяснений состава ольвийского населения в древнейшие времена.

Это дополняется и некоторыми другими деталями погребального ритуала. Речь идет о могилах, имеющих в своем устройстве типичные скифские черты.

В могиле № 6, открытой в 1909 г., «на полу обнаружена облицовка из деревянных толстых (0.08—0.12 м) дубовых бревен (шир. 0.21—0.25 м) и досок (шир. 0.22 м, толщ. 0.12 м), на которых оказалась обмазка из извести. Перекрытие из дерева обвалилось. Сохранились также следы камышевой подстилки».¹ Это погребение принадлежит к числу ольвийских могил, снабженных деревянным полом и деревянным перекрытием. Крайне интересно, что в этой могиле был найден скорченный костяк.

Вполне соответствует скифскому характеру могилы и найденный там инвентарь: слиток бронзовых наконечников стрел, железный кинжал, камень, точило, кусочек серы, кабаньей клык, когти птицы, кости животных и, наконец, обломки амфоры, — трудно было бы подобрать инвентарь, более типичный для скифских захоронений.

Могилы № 8, открытая в 1914 г., также имела деревянное перекрытие, опиравшееся на земляные выступы, и умерший был также похоронен в скорченном положении. Однако в этой могиле были найдены только греческие импортные сосуды: ионийский аск, чернолаковый килик и амфора.

Углубления с остатками дерева, вероятно ямки от столбов, поддерживавших деревянное перекрытие, были открыты в могиле № 20 в 1914 г. Там же были обнаружены выступы по сторонам могилы, служившие дополнительной опорой деревянной крыше. Костяк и в этой могиле лежал в скорченном положении.

Местное население Северного Причерноморья и Приднепровья с очень отдаленных времен практиковало использование дерева для облицовки и перекрытия грунтовых могил, и при этом имели место все три известных в Ольвии типа деревянных конструкций: простые ямные могилы с деревянными перекрытиями, могилы с деревянным срубом и с тем же перекрытием и, наконец, могилы, в дополнение ко всему этому еще имеющие деревянный пол.

Нас сейчас не может интересовать имеющий самостоятельное значение вопрос о генезисе всех этих типов могильного устройства у скифов и у их непосредственных или более отдаленных предков.

Возможно, например, что в устройстве этих могил следует видеть известное подражание конструкции жилищ, но на этом вопросе в настоящей статье мы не можем останавливаться. Нам лишь важно установить, что в скифское, как, впрочем, и в доскифское, время все эти типы «могил с деревом» являлись господствующей формой погребений у древнего населения УССР.

Вместе с погребением трупов в скорченном положении в ольвийский погребальный ритуал вошли срубные могилы с деревянным перекрытием и многие другие элементы скифского культа.

В меньшей мере показательным для подобного рода погребений является инвентарь. В некоторых случаях, как, напр., в могиле 6/09 или в такой, как 43/03, где был найден один оселок, или в могиле 2/25, где были найдены 6 наконечников стрел и одна сероглиняная чашка, или, наконец, 64/06, где были найдены два сероглиняных сосуда, — инвентарь, лишенный специфических греческих черт, вполне соответствовал положению костяка или форме могилы. В других случаях, несмотря на скорченное положение костяков, инвентарь не содержал ничего специфически скифского. Так, в могилах 8/14, 44/12, 17/13, 4/25 были найдены только греческие импортные сосуды. В других могилах со скорченными костяками встречались железные, бронзовые и костяные украшения, игральные кости, железные ножи, в одном случае найдено серебряное кольцо.

¹ Дневник раскопок Ольвии за 1909 г. Хранится в архиве ИИМК.

Из этого следует, что скифы, проживавшие в Ольвии, иногда клали вместе с погребенными только греческие вещи и, теряя традиционные черты обряда, начинали хоронить своих умерших по греческому образцу. Особенно показательной в этом отношении является подбойная могила 28/07, где костяк с перекрещенными ногами держал в руке монету.¹ Ольвийские скифы, снаряжая своих умерших в загробный мир, снабжали их монетой для уплаты греческому Харону. Скорченные погребения в ольвийском некрополе располагаются рядом с вытянутыми, зачастую не отличаясь от них ни инвентарем, ни формой могильного устройства. Они ничем, кроме скорченного положения костяков, не выделялись из среды других могил. Трудно думать, что греки уже в VI в. до н. э. могли усвоить какие-либо существенные черты скифского погребального ритуала. Напротив, туземцы довольно скоро стали наполнять свои могилы греческими вещами, и поэтому их могилы не всегда легко отличить от греческих.

Смешанный состав населения Ольвии полностью отражается в особенностях ольвийского некрополя. Факт присутствия серии скорченных захоронений сам по себе является достаточно красноречивым. Смешение населения не могло не привести к ассимиляции культов. Естественно, что в архаическое время этот процесс только начался, и в древнейшем некрополе еще как-будто можно выделить греческую и скифскую группы могил. К последней, в первую очередь, принадлежат погребения со скорченными костяками.

Таким образом археологический материал позволяет считать присутствие скифского населения в древнейшей Ольвии непреложным фактом и подтверждает вывод С. А. Жебелева о «счастливых городах».

Недавно стало известно, что и Херсонес в этом отношении не представлял собой исключения.

В 1936 г. Г. Д. Беловым впервые был открыт древнейший херсонесский некрополь. Нельзя недооценить значения этого открытия. Исследователь справедливо отмечает, что «данный некрополь представляет большое значение для истории Херсонеса».²

Впервые в Херсонесе была открыта довольно значительная группа скорченных погребений, причем они находились в ряду древнейших херсонесских могил. Как и в Ольвии, скорченные погребения характерны здесь для древнейшего некрополя. Ранний ольвийский некрополь относится ко второй половине VI в. до н. э., ранний херсонесский некрополь датируется концом V — началом IV в. до н. э.

Но и там и здесь эти даты являются начальными для жизни обеих колоний. И там и здесь одновременно с самого начала существуют два обряда погребения умерших.

Г. Д. Белов среди погребений 1936 г. насчитывает 28 могил со скорченными костяками. Он устанавливает два основных типа скорченности.³ К первому относятся костяки, лежащие на правом или левом боку с согнутыми ногами, ко второму — лежащие на спине с согнутыми ногами.

Г. Д. Белов был очень осторожен в отношении того или иного костяка к разряду скорченных и учитывал только обычные виды скорченности.

Но кроме тех типов скорченности, которые установил Г. Д. Белов, можно заметить в отдельных случаях и другие ее виды. Традиции захоронений в скорченном положении можно усмотреть и в погребениях №№ 20,

¹ Аналогичные явления имеют место в Херсонесе (см. ниже).

² Г. Д. Белов. Отчет о раскопках в Херсонесе за 1935—1936 гг. КрымАССР, 1938, стр. 194.

³ Там же, стр. 193.

29, 49, 54, 74.¹ Погребения №№ 49 и 74 дают особый вид скорченности, известный и среди ольвийских погребений. Это положение на спине и с ногами крест-пакрест.² Примерно те же типы скорченности, что в Ольвии, представлены и в Херсонесе, за исключением сидячего или полусидячего положения.

Инвентарь, сопровождавший херсонесских скорченников, ничем не отличается от инвентаря других погребений. В большинстве случаев скорченные захоронения были лишены всякого инвентаря. Но в тех случаях, когда сопровождавшие погребенного вещи были найдены, они не представляли ничего специфически туземного. Напротив, при скорченных костяках были найдены только импортные сосуды,³ в одном случае монета III в. до н. э.⁴

В этом отношении херсонесские погребения со скорченными костяками напоминают многие ольвийские. Их расположение в некрополе рядом с вытянутыми или рядом с погребениями, устроенными по греческому образцу, их сопровождение греческими сосудами или монетами свидетельствуют о том же смешении населения и о той же ассимиляции культов, какое имело место в Ольвии. Исследователь херсонесского некрополя ставит вопрос об этнической принадлежности умерших, погребенных в скорченном положении.

«Скорченные погребения свидетельствуют о том, что, наряду с греками-пришельцами, в Херсонесе жило и местное население, повидимому тавры. Обычай хоронить в скорченном положении, как известно, существовал у многих племен на определенной стадии их развития. Но пережитки этого обычая сохранялись очень долго и встречались на более поздних ступенях развития. Скорченные погребения тавров в каменных ящиках открыты были поблизости от Херсонеса. Вполне вероятно, что и открытые в Херсонесе скорченные погребения принадлежали также таврам».⁵

Такая постановка вопроса сама по себе законна, но пока она еще не получает подтверждения в том археологическом материале, какой дает херсонесский некрополь. Наиболее характерными памятниками таврской культуры являются погребения в каменных ящиках. Погребальный обряд тавров имел свои специфические особенности. К ним прежде всего относится особое устройство могилы в виде каменного ящика, сложенного из четырех каменных плит, и перекрывавшегося сверху пятою. Некоторые группы таких ящиков окружались прямоугольным каменным ограждением.⁶ Другие группы каменных ящиков располагались под курганными насыпями.⁷ Но особо важной отличительной чертой погребального обряда тавров является то обстоятельство, что эти каменные ящики были коллективными

¹ Погребение № 20: «Сохранились: ноги без нижней части, таз, часть позвоночника и правая рука ниже локтя, лежавшая поперек на животе. Ноги слегка согнуты в коленях и в тазу». (Г. Д. Белов, ук. соч., стр. 171); № 54 — «костяк детский, лежал на спине, правая нога в бедре согнута. не сохранились левая нога и руки» (там же, стр. 180).

² Погребение № 49 — «костяк лежал на спине. Левая рука от локтя согнута и лежала на животе, кисть правой руки лежала возле таза. Колено правой ноги лежит на левой ноге» (там же, стр. 179, рис. 22). № 74 — «костяк лежал на спине в вытянутом положении, но правая нога согнута в колене и своей ступней лежала на левой. Левая рука от локтя поднята вверх, правая ниже локтя не сохранилась» (там же, стр. 175, рис. 31).

³ Погребение № 16 (там же, стр. 168, 175).

⁴ Погребение № 67 (там же, стр. 184).

⁵ Н. И. Репников. Предполагаемые древности тавров. ИТОИАЭ, т. I, 1927, стр. 138.

⁶ Н. И. Репников. Каменные ящики Байдарской долины. ИАК, вып. 30, стр. 130, см. также рис. 5.

⁷ Там же, стр. 438.

могилами. Так, в тех случаях, когда были открыты непо потревоженные каменные ящики,¹ они бывали наполнены несколькими скорченными погребениями, — одно на другом. Исследователям часто не удавалось точно установить ни количества погребенных, ни положения их конечностей.² Но по количеству раздавленных черепов погребенные насчитывались десятками. Так, в кургане Мал-муз, где были найдены не разграбленные каменные ящики, количество погребенных в каждом ящике насчитывалось от 10 до 68.³ Не менее своеобразен и инвентарь, сопровождавший таврские захоронения. Предметный инвентарь в каменных ящиках одинаков, что позволяет считать все три группы одновременными. Все предметы украшения — бронзовые, лишь единичные предметы оружия — железные. Находки состоят из разнообразных крученых гривен, гладких и спиральных браслетов, спиральных же пронизок. Серьги-наушники поражают своим архаизмом, массивностью и утрировкой форм. Любопытны большие очкообразные спирали. Ассортимент бус не разнообразен, преобладают желтые стеклянные. В состав ожерелий входят многочисленные раковины *Cypraea moneta*. Немногочисленные предметы оружия состоят из бронзовых наконечников стрел, железного меча и кинжала, имеющих характерное загнутое полукруглое окончание рукоятки; любопытны остатки нашивных бляшек поясов из круглых бронзовых двойных пластинок. Немногочисленная керамика сработана из грубой глины, и лишь изредка отдельные из найденных черепков «украшены резным линейным орнаментом».⁴

Три особенности характерны для погребального обряда тавров: могилы в виде каменных ящиков, захоронения в них многочисленных скорченных костяков и наличие бронзовых спиральных украшений, как наиболее типичного элемента инвентаря. Ни одна из этих особенностей не представлена в херсонесском некрополе. О формах могил херсонесских скорченников сказать трудно потому, что, как отмечает Г. Д. Белов, «костяки ранних погребений иногда были потревожены более поздними погребениями,⁵ и потому, что впоследствии при расширении территории города кладбище было застроено жилыми домами».⁶ И все же характерной формы таврского погребения пока не открыто. В Ольвии на ряду со скорченными костяками представлены и скифское устройство могил и отдельные элементы инвентаря, свойственного скифским погребениям.

В Херсонесе, кроме скорченности, нет никаких других «таврских» признаков.

Предметы таврских древностей настолько своеобразны, что, как отмечает Н. И. Репников, подыскать аналогии предметам из каменных ящиков в древностях Черноморья не легко; возможно, что они носят на себе следы архаизма, вызванного, быть может обособленностью района и консервативностью его населения».⁷ По времени таврские древности непосредственно предшествуют херсонесскому некрополю (VII—V вв. до н. э.)⁸ и сосуществуют одновременно с ним, — таврские каменные ящики известны и в IV—III в. до н. э. Против предположения о наличии таврских погребений в херсонесском некрополе говорит и географическое и культурное положение тавров. Особенности культурной и хозяйственной жизни тавров.

¹ Большая часть открытых Н. И. Репниковым каменных ящиков была ограблена в древности (Н. И. Репников. Предполагаемые древности тавров, стр. 138).

² Там же (погребения №№ 21—26), указывается лишь сильная скорченность ног.

³ Там же.

⁴ Н. И. Репников. Предполагаемые древности тавров, стр. 139. — ИАК 30, рис. 28 и 29. — СГАИМК, 1931, стр. 24, образцы керамики.

⁵ Г. Д. Белов, ук. соч., стр. 164.

⁶ Там же, стр. 192.

⁷ Н. И. Репников, ук. соч., стр. 139.

⁸ Там же.

выяснению причип долгого сохранения их политической независимости посвящена работа В. А. Дьякова: «Древняя Таврика до римской оккупации».¹ Автор устанавливает, что «географическая самобытность Таврики — единственного горного оазиса среди моря припонтийских степей — помогла ей сохранить и особое этническое лицо».² Автор указывает на примитивное состояние хозяйства тавров, на низкий уровень материального быта и техники,³ на замкнутость таврской культуры, и делает вывод, что «культура тавров до сих пор продолжает нас поражать своей удивительной изолированностью и самобытностью».⁴

Политическая и культурная независимость тавров «объясняется тем, что, с одной стороны, эллины избегали селиться в горной части Крыма в виду неблагоприятных почвенных условий и примитивной свирепости нравов ее населения. С другой стороны, и сами тавры, повидимому, сопротивлялись влиянию культуры чужеземцев. .»⁵

Признание херсонесских скорченных погребений таврскими предполагает тесное общение греков с таврами, в результате которого уже в древнейшем некрополе рядом уживаются два обряда.

Г. Д. Белов ставит вопрос о социальной приниженности «таврского» населения Херсонеса. Но пока нет решительно никаких данных в пользу этого предположения.⁶

Обряд захоронений в скорченном положении был свойствен не только таврам, но и другим причерноморским племенам. В Ольвии скорченные погребения принадлежат скифам. Не следует ли поставить вопрос о принадлежности херсонесских скорченных погребений не таврам, а скифам? Ничего специфически таврского в херсонесских погребениях нет, а одиночность скорченных захоронений больше соответствует скифскому обряду. Скифы скорее приобщались к греческой культуре: в Ольвии скорченные погребения с греческими сосудами и монетами, столь напоминающие херсонесские, принадлежат безусловно скифам.

Можно предположить, что в составе древнейшего населения Херсонеса были представлены туземцы, более близкие скифским племенам, чем таврским, и что им-то и принадлежат херсонесские скорченные погребения.

S. KAPOŠINA

SQUELETTES À POSTURE RAMASSÉE DANS LES SÉPULTURES D'OLBIE ET DE CHERSONÈSE

R é s u m é

Les nécropoles d'Olbie et de Chersonèse renferment à côté de sépultures à squelette allongé des sépultures à squelette en position ramassée. On constate quatre types de position ramassée du squelette: 1) couché sur le côté droit ou gauche avec jambes repliées aux genoux et bras repliés aux coudes; 2) couché sur le dos avec genoux relevés; 3) demi-assis et 4) couché sur le dos les jambes croisées.

¹ ВДИ, 1939, № 3, стр. 72—86.

² Там же, стр. 77.

³ Там же, стр. 81.

⁴ Там же, стр. 86.

⁵ Там же, стр. 86.

⁶ А. И. Тюменев. Херсонесские этюды. ВДИ, № 2 (3), 1938, стр. 263—264.

A Olbie comme à Chersonèse, les sépultures à squelette replié ont été découvertes dans les plus anciennes nécropoles. Elles ne se distinguent en rien des autres tombes; souvent, elles sont situées à côté et à la profondeur des sépultures aménagées suivant le rite grec. Elles étaient propres à la population indigène du nord de la région de la mer Noire à l'époque préscythique et existaient au temps des Scythes simultanément avec les sépultures à squelette allongé.

La présence des dites sépultures dans les nécropoles des colonies grecques d'Olbie et de Chersonèse témoigne de la population mixte de ces villes. La population a commencé à se mêler déjà depuis les temps les plus reculés — à Olbie dans la seconde moitié du VIe siècle avant notre ère, à Chersonèse à la fin du Ve ou au début du IVe siècle.

Outre la posture ramassée du squelette, ces sépultures présentent d'autres indices de leur caractère indigène. Mais parfois elles ne sont accompagnées que d'un mobilier grec.

Les sépultures à squelette replié d'Olbie appartenaient incontestablement à des tribus scythes. L'absence dans celles de Chersonèse d'indices caractéristiques des sépultures tauriques fait supposer qu'elles appartenaient également à des tribus scythes et non tauriques.

Е. В. ЕРНШТЕДТ

СТАТУЭТКА ДИОНИСА ИЗ ТИРИТАКИ

7 августа 1937 г. в Тиритаке Боспорской археологической экспедицией ИИМК была найдена мраморная статуэтка Диониса (рис. 1 и 2). Статуэтка найдена вне строительных комплексов, в насыпи, образующей край тиритакского городища с западной его стороны (участок XIV).

Статуэтка сделана из белого мрамора с мелкими кристаллами в изломах, очевидно, пентелийского. Поверхность мрамора покрыта коричневатой патиной. Патина не столь золотисто-коричневая, как на памятниках из пентелийского мрамора, найденных в пределах Средиземноморья, это объясняется, повидимому, тем, что статуэтка испытала воздействие других климатических условий, других, менее интенсивных, лучей солнца.

Статуэтка найдена в фрагментированном виде. Утрачены голова с большей частью шеи, вся правая рука, большая часть левой руки. — сохранилась левая кисть с небольшой частью предплечья над запястьем, а также часть плечевого сустава. Утрачен мизинец левой кисти. Утрачена вся нижняя часть статуэтки, начиная с места выше колен. Кроме того, поверхность статуэтки повреждена в нескольких местах: на складках хитона, посредине груди вверху; ниже на отогнутом крае небриды поверхность на протяжении 6 см сбита. Она также сбита посредине передней стороны статуэтки, в двух местах на жгуте плаща и ниже в четырех местах на дугообразных складках отворота плаща. На спинной стороне статуэтки есть небольшие выбоины. Как верхний отлом, идущий поперек, так и нижний, перерезавший бедра, а также выбоины на задней стороне статуэтки, очень давние, покрыты такой же патиной, как и вся античная поверхность статуэтки. Отлом же, по которому утрачена часть левой руки, покрытая плащом, часть левой лопатки с частью плаща и повреждения на лицевой стороне статуэтки произошли много позже; они относительно свежи.

Высота сохранившейся части статуэтки 0.362 м; ширина в плечах 0.171 м; ширина в бедрах плюс левая кисть 0.20 м.

Правая рука была сделана из другого куска мрамора; об этом свидетельствует круглый железный стержень, который остался в стесанной поверхности среза правого плеча (рис. 2).

Статуэтка Диониса из Тиритаки несомненно греческой работы. Об этом ясно говорит вся обработка поверхности мрамора. Статуэтка изображает Диониса. На фигуре падет льняной хитон с длинными рукавами, так наз. *χειμαδωτός χιτών* — это несомненно потому, что немного выше левого запястья, на сохранившейся части предплечья, скульптурно обозначен тот рельефный рубец, которым всегда оканчивается такой рукав,¹ — далее небрида

¹ Примером могут служить рукав хитона Диониса на рельефах треножной базы с изображением Диониса и двух Ник в Афинском национальном музее (S v o g o n o s. Das Athener Nationalmuseum. Афины, 1908, табл. XXIX), рукав Аполлона и скифа на Мантинейской базе [S v o g o n o s, ук. соч., табл. XXXI; В г у н н В г и с к

Рис. 1. Статуэтка Диониса (передняя и задняя стороны).

Рис. 2. Статуэтка Диониса (вид спереди и профили).

и плащ. Совокупность хитона с длинными рукавами — культовой одежды Диониса — и небриды достаточно ясно характеризуют Диониса.

Дионис стоит прямо. Утраченная голова статуэтки, судя по еле заметному повороту сохранившейся части шеи и по направлению прядей волос на правом плече, была обращена чуть-чуть влево. Правая рука была, судя по ориентировке стержня, направлена вправо прямо; во всяком случае так был направлен плечевой сустав, предплечье могло быть поднято вверх. Рука могла держать тирс. Левая рука опущена, согнута в локте, кисть у левого бедра держит жгут плаща тремя пальцами, указательным, средним и безымянным, а большой палец поднят и положен поверх верхней складки жгута плаща, касаясь небриды. Правая нога была, очевидно, попой опоры, левая немного выдвинута вперед.

Дионис изображен с длинными волосами. Одна широкая прядь традиционно спадает на затылок и спину. По две завитых пряди лежат с каждой стороны на плечах и на груди. Верхняя часть груди обнажена. Поверх хитона на фигуре шкура пантеры, лапки которой связаны на правом плече. Шкура покрывает правую грудь Диониса, причем ее отвернутый край по диагонали пересекает грудь, она плотно охватывает бедра и живот, скрывается за плащом, а распластанная морда пантеры традиционно ложится по талии спереди, ниже правой груди. Гладкий широкий пояс лежит строго на талии поверх морды. Большой плащ накинут на левое плечо, с которого на спине складки спускаются вниз, покрывает нижнюю часть спины и падает, туго охватив бедра, вниз, очевидно, до щиколоток. Спереди угольный отворот плаща ложится дугообразными складками и вверх свернут жгутом, который перерезывает фигуру в форме латинского S, и подхватывает левой кистью. Складки жгута характерно перевиты. Четыре раза группа складок из-под низу выступает и снова перебивается следующей группой. Задняя сторона обработана очень суммарно. Это сказывается в обработке поверхности как пряди волос, так и плаща. Передняя сторона, наоборот, обработана с исключительной тонкостью. Особенно тонко переданы пагие части тела: сохранившаяся часть шеи, впадинка между ключицами, едва заметная ключица, начало *linea alba*. На поверхности левой кисти античная эпидерма сохранилась не так хорошо, но и здесь поверхность мрамора отличается той же тонкостью отделки.

Судя по шее и верхней части груди, изображен очень молодой Дионис, вероятно безбородый, потому что при наличии бороды поверхность передней части шеи не была бы проработана так детально.

Статуэтка Диониса из Тиритаки дает иконографически новый образ. В применении к Дионису такой не был до сих пор известен. Мотив рук стоящего божества и прямо вытянутого торса, такой как у Диониса из Тиритаки, встречается на аттическом надгробном рельефе в Афинском национальном музее, изданном Стансом,¹ и в очень усложненном виде на статуе Посейдона Мелосского в том же музее.²

m a n n. Denkmäler d. griechischen u. römischen Sculptur, табл. 468 (дальнейшие ссылки даем сокращенно Br. Br.), рукав Диониса на рельефе, изображающем посещение Дионисом Икария (S c h r e i b e r. Hellenistische Reliefbilder. Лейпциг, 1894, табл. 37—39). Рукав хитона стоящей девушки на аттической стеле (S o n z e. Attische Grabreliefs. Берлин, 1893—1900, т. I, табл. XXXIII, 71). На саркофаге Александра эта черта ясна на всех фигурах, которые одеты в хитоны с длинными рукавами (H a m d y B e y et Th. R e i n a c h. La nécropole royale à Sidon. Париж, 1892, табл. XXVI, I, фиг. 1, 3, 5; рис. 2, фиг. 1—5; табл. XXIX, фиг. 1, 3, 6, табл. XXVIII на всех фигурах; табл. XXX и XXXI на всех фигурах, которые носят хитоны с длинными рукавами).

¹ S t a i s. Marbres et bronzes du musée national d'Athènes. Афины, 1910, I, стр. 156. № 931.

² Br. Br., ук. соч., табл. 550. — ВСII, 1889, табл. III.

Остановлюсь сначала на надгробном рельефе. Хорошего издания его я, к сожалению, не знаю. Маленькая фотография в каталоге Стаиса показывает стелу, разделенную на два ряда; в верхнем ряду стоящая мужская фигура с обнаженным торсом, в нижнем лутрофор. У мужской фигуры тот же мотив руки, что и у Диониса из Тиритаки. Правая рука в плечевом суставе поднята и протянута почти горизонтально в сторону, согнута в локте, предплечье поднято вверх, кисть держит какой-то поясный предмет, который может быть молнией. Левая рука его опущена, согнута в локте, держит у бедра складки жгута плаща, так же как Дионис из Тиритаки. Обе руки находятся в плоскости торса. Но на мужской фигуре аттической стелы № 931 Афинского национального музея только мотив рук представляет полную аналогию. Торс обнажен. Мотив ног иной. Левая нога явно нога опоры, правая разгружена. Стела по ряду особенностей стилизации мужской фигуры (Зевса?) и по форме лутрофора относится ко второй половине IV в.

Мотив верхней части статуэтки Диониса встречается в очень эффектной театральной перефразировке в статуе Посейдона, найденного на о. Мелосе, II в. до н. э. Кроме того, он встречается на рельефе, посвященном Зевсу Аммону, найденном в Тигани на о. Самосе.¹ Рельеф на аттическом надгробии № 931 и статуэтка Диониса из Тиритаки дают первоначальный вид этого мотива. Статуя Посейдона Мелосского очень усложняет его. Торс несколько выгнут влево в талии, правый бок выпячен, левая согнутая в локте рука отодвинута назад, кисть снова в плоскости торса, запястье уходит вглубь. Правая рука в плече гораздо более поднята, чем она поднята на фигуре рельефа № 931 и чем могла быть поднята правая рука статуэтки Диониса из Тиритаки. Правое плечо Диониса находится на том же уровне, что и левое; повышает уровень ясно и определено только узел из лапок шкуры. Плечевой сустав правой руки Диониса мог быть направлен только горизонтально, а предплечье возведено вверх. Если продолжить линию направления левой плечевой части вниз от сохранившейся, а линию направления предплечья вверх, то обе линии скрестятся всецело в той плоскости, в которой находится и торс. Постановка кисти не вносит элемента трехмерности в построение этой статуэтки.

Мотив Посейдона Мелосского всецело построен уже в трехмерном пространстве. Построение статуэтки Диониса из Тиритаки остается в плоскости. Статуэтка Диониса из Тиритаки принадлежит к первоначальной концепции этого мотива, так же как и рельеф IV в. № 931 в Афинах.

Мотив постановки ног и кладки плаща статуэтки Диониса из Тиритаки известен и излюблен уже во второй половине V в. на определенной группе статуй, лучшим представителем которой является статуя Асклепия Кампапа в Эрмитаже.² 16 повторений этого мотива перечислены Фуртвенглером и Бибер.³ Характерен мотив ног, правой ноги опоры и слегка выдвинутой вперед и несколько согнутой в колене левой ноги, тот же что и у Диониса из Тиритаки. Мотив отворота плаща также очень близок. Он падает треугольником вниз и стилизован характерными дугообразными складками. Эти дугообразные складки были, очевидно, очень излюблены и вызвали много повторений в V, IV вв. и в эллинистический период. Оригинал статуи Асклепия Кампапа очень убедительно датируется Вальдгауером сороковыми годами V в. Но на статуэтке Диониса из Тиритаки есть, конечно,

¹ Издан Schede в AM (37, 1912, стр. 213, рис. 10).

² O. Waldhauser. Materialien aus russischen Sammlungen, т. I. Берлин, 1928.— Katalog der antiken Sculpturen der Ermitage, I, № 2, стр. 9, табл. II.

³ Furtwängler. Masterpieces of Greek sculpture. Лондон, 1895, стр. 186 сл. — M. Bieber, AM, 38, 1913, стр. 265.

и свои особенности, которых нет на статуях V в.¹ К этим особенностям я еще вернусь.

Я уже отметила исключительную точность в трактовке шеи и верхней части груди молодого Диониса. Мастер, создавший статуэтку Диониса, изумительно владеет передачей поверхности нагого тела. Он, кроме того, виртуозно оперирует контрастами и всей гаммой техники обработки поверхности мрамора, передающей особенности разных материй, которые так культивировала вторая половина IV в. Это понимание и эта техника ему не только знакомы, он владеет ими в совершенстве — льняной хитон он трактует несколько жестко по сравнению с поверхностью нагого тела, с одной стороны, и поверхностью плаща — с другой. Эти неправильно брошенные ломкие складки хитона прекрасно характеризуют льняную ткань. А та волна кромки хитона, что посередине груди, мягче и изощреннее, чем на ряде аттических надгробий второй половины IV в.; затем передача шкуры пантеры, тяжелой, гладкой, но не столь гладкой, как нагие части тела, перебивается контрастом морды, которая смело трактована широкими врезами бурава. И, наконец, поверхность мрамора на плаще передает мягкую эластичную шерсть. Эти тонко проведенные контрасты сообщают этой статуэтке очень много очарования.

К какой же эпохе греческой скульптуры относится статуэтка Диониса из Тиритаки? И какова та художественная школа, к которой принадлежит мастер, создавший ее? По ходу анализа я отвечу сначала на второй вопрос.

Определяющими чертами тут будут трактовка нагого тела, трактовка хитона и жгута плаща. Стилизация треугольного отворота плаща, уложенного дугообразными складками, как я уже отметила, является излюбленной чертой уже со второй половины V в., и здесь звучит определенно классицизирующей нотой, но еще очень свежо и точно проведенной. В тех трех группах дугообразных складок, которыми заполнен отворот, есть всегда одна большая, нарочито доминирующая складка, которая оттеняет другие, более мелкие. Эта нарочито проведенная стилизация гораздо более свидетельствует об определенной системе, чем те образцы V в., которым она следовала. Если на статуе Асклепия Кампана в Эрмитаже поверхность чищена, то все же основная подлинная группировка складок несомненно налицо. Эти широкие двоящиеся справа складки очень характерны для V в. Бронзовая статуя в Касселе, издавшая Бибер,² показывает другую стилизацию отворота. Три смело проведенные, не абсолютно дугообразные складки не обладают ни той правильностью, ни той нарочитостью, которые так характерны для классицизирующих черт, начиная со второй половины IV в. Итак, стилизация отворота не является датировочным моментом или, если и является им, то только в очень широком смысле, как классицистическая черта.

Я выше сказала, что мотив верхней половины статуэтки встречается на аттическом надгробии второй половины IV в. Мастер статуэтки Диониса из Тиритаки держится еще всецело простой сдержанной редакции этого

¹ Что дугообразные складки отворота плаща были очень излюблены в V в. и пользовались большой популярностью, ясно, если вспомнить ряд копий и оригиналов женских и мужских статуй, на которых эта черта встречается. Назову несколько примеров: женский торс в Смирне (E. P o t t i e r, BCH, 1881, табл. 13; H. S c h r a d e r, Phidias, Франкфурт н/М., 1924, рис. 190), статуя Афродиты в Неаполе (там же, рис. 187 и 188), статуя Керы Альбани Schrader, ук. соч., рис. 21, статуя Афины Велетри Furtwaengler, ук. соч., рис. 58, Афина Кампана в Эрмитаже, мужская фигура рельефа Немезиды в Рамнунте V в. (Schrader, ук. соч., стр. 297, рис. 271).

² AM, 38, 1913, стр. 266, рис. 1.

мотива, не выворачивает плеч, не отодвигает назад левую руку, никак не двигает торса. Он еще очень близок к концепции этого мотива в IV в. Я не хочу сказать, что скульптура второй половины IV в. и позже не могла создать статуи в трехмерном пространстве. Нет, она, конечно, могла. Особенно после смелого новаторства Лисиппа в области компановки фигуры ряд художников разных художественных школ был захвачен композиционными исканиями создания фигуры, живущей в пространстве. Скульпторы Аттики не составляли исключения. Но мастер статуэтки Диониса из Тиритакки не следовал этим путям, держался традиции создания культовой статуи, построенной в плоскости.

Перехожу к тем чертам статуэтки, на которых я базирую определение школы мастера, создавшего ее, и датировку.

Я выше сказала, что трактовка пагого тела очень тонко проведена. Трактовка сохранившейся части шеи, ключицы, впадинки между ключицами, начало *linea alba* особенно тонки и показательны. В этом отношении интересно сравнение со статуями юношей греческой работы, которые так редки, или их изображениями на рельефах. На статуэтке Диониса из Тиритакки от шеи сохранилась только ее нижняя часть, поверх хитона видна только самая верхняя часть груди. И то и другое и ключица очень характерны. Те два шейных мускула, которые спереди идут от места за ушами и сходятся в впадинке между ключицами, расположение этих двух мускулов, трактовка их очень характерны и понимаются различно различными школами. Например на статуях-копиях Лисиппа упомянутые два шейных мускула выделены очень сильно и опускаются очень низко, вследствие чего и впадинка расположена низко, что является характерной чертой целопонесской школы и до Лисиппа.¹ На произведениях ионических мастеров, напр. на фигуре Гермеса на рельефе базы колонны Артемизиона Эфесского (Вг. Вг. 52) и на фигурах юношей фриза Мавзолея Галикарнасса, шейные мускулы шире расставлены, выделены не столько объемно, сколько линейно и живописно. На аттических произведениях мускулы шеи выделены гораздо меньше, сходятся относительно высоко, впадинка между ними трактуется гораздо мягче и ключица также намечена мягко. Это в смысле общих вех трактовки этих деталей.² Во второй половине IV в. моделировка и шейных мускулов, и ключицы и впадинки достигает в Аттике очень большой мягкости и тонкости. Это можно проследить на надгробиях, на посвященных рельефах, напр. на рельефе, посвященном Асклепию и его сыновьям,³ на Маптинейской базе, на статуе Гермеса Праксителя в Олимпии, на отдыхающем сатире (Луврская копия — Вг. Вг. 593), на статуе Софокала (Вг. Вг. 427), на Эроте Ченточеле (Вг. Вг. 379).

Эта черта на статуэтке Диониса из Тиритакки имеет все характерные особенности, присущие и развитые в произведениях аттической скульптуры, и при этом она проведена с громадной тонкостью. Моделировка этих деталей не только тонка, в ней есть какая-то трепетная мягкость, которой нет еще в IV в.

Статуя так называемого «Гиппократа», найденная на о. Косе, которую издатель ее Ясори⁴ очень убедительно датирует первой половиной IV в., показывает близкую трактовку. Возраст «Гиппократа» более зрелый,

¹ См. статуи Агия, Апоксиомена, Гермеса из Геркуланума. В V в. эта черта ясна уже на мужских статуях фронтонов в Олимпии (H a m a n n. Olympische Kunst. Франкфурт н/М., 1923, табл. I, XII, LII). На статуях Поликлета и его школы то же.

² Мне приходится предпослать эти краткие замечания, так как в научной литературе этот вопрос еще не разработан.

³ S v o g o n o s, ук. соч., табл. XXXIX слева, внизу.

⁴ Clara R h o d o s, Родос, 1932, т. V₂, табл. I, II и III.

а потому моделировка и шеи и верхней части груди отражает более полные формы. Статуя Гиппократа сделана из местного косского мрамора, по аттическим художником, работавшим, очевидно, на Косе, ибо по всем чертам стиля и техники эта статуя ясно идет в колее аттической пластики. Работа аттических художников ценилась очень высоко уже во второй половине V в., об этом свидетельствует стела Крито и Тимариста, найденная в 1932 г. на Родосе, сделанная в местном мраморе и типичная для аттической пластики.¹ Затем на аттических стелах, сделанных из пентелийского мрамора, очень близкая трактовка ключицы и всей верхней части груди. Например, на фигуре сидящего мужчины² на стеле, изданной там же,³ также на фигуре сидящего мужчины.

Переходя к трактовке левой кисти Диониса, я подчеркиваю ее стройность и стройность пальцев, особенно большого пальца, тонкого, длинного, эластичного, в котором так ясно чувствуются и кость, и мускульное напряжение, и нервная потенция подвижности. Другие три пальца также не лежат безразлично, а держат легко и подвижно складки плаща. Сопоставляю руку Диониса с рукой «Гиппократа».⁴ Это та же стройная форма кисти, тот же стройный длинный палец, та же потенциальная подвижность пальцев, что и на статуэтке Диониса из Тиритаки. Культивирование тонкой передачи кисти и пальцев было в аттической пластике, начиная с V в. Дифференциация деятельности пальцев, отдельных фаланг пальцев и особой функции большого пальца культивировались любовно и изощренно в аттических надгробиях, где сцены прощания с покойным и передача покойному дорогих предметов делали кисти рук особо деятельными и они как бы становились средоточием всей группы, изображенной на стеле. Это культивирование трактовки руки началось еще в V в. В IV в. она достигает большой тонкости.⁵

Кроме того, форма кисти пальцев руки на статуэтке Диониса из Тиритаки очень близка таковым на аттических надгробиях, причем она ближе всего к наиболее тонким кистям рук на стелах второй половины IV в., но утончение на статуэтке идет дальше, тонкость более изощренная.⁶ В этом отношении всего убедительнее сравнение рук Диониса из Тиритаки с руками на стелах *Conze*.⁷ Близость руки Диониса с рукой статуи «Гиппократа» также очень характерна.

Интересно сравнить трактовку рук на аттических стелах с трактовкой руки на заведомо малоазийских вещах. Например, фрагмент рельефа из Кузика (в музее в Стамбуле) с правой рукой, поднятой над головой.⁸ Очень характерно изображение подвижных, коротких и широких паль-

¹ Там же, т. V, табл. 4 сл.

² *Conze*. Attische Grabreliefs. Tafelband, т II₁, табл. CXXXVI.

³ *Conze*, ук. соч., т. II, табл. CXXXVI, 641.

⁴ *Clara Rhodos*, V₂, табл. I.

⁵ Это очень ярко проявляется на стелах (*Conze*, ук. соч., т. II₁, табл. CXXXVI, 641 и 692; на лекифе *Conze* II₁, табл. CXXXV, 698; на стелах т. II, табл. CLII, 805; табл. CLI, 804, табл. CLVI, 820; т. II₂, табл. CLXXXVI, 937 — правая рука; т. I, табл. XXIII, 71 — рука сидящей женщины; табл. LXXIII, 290 — очень ярко проявляется подчеркивание мастером дифференцированной деятельности фаланг пальцев; т. I, табл. LXXVIII, 320 — функции большого пальца; на лекифе, т. II₂, табл. CCXLIII, 1196 — руки Гермеса и Евридики).

⁶ Отмечаю ряд аттических стел, в которых трактовка кисти руки является показательной: *Conze*, ук. соч., т. I, табл. XXIX, 67; табл. XXXI, 69; табл. XXXIV, 73; табл. LXIX, 293 — еще стиль V в.; табл. LXXIII, 306; табл. LXXIX, 321; табл. CXIV, 572; табл. CI, 429; табл. CIV, 448; табл. XCVII, 410; там же, т. II₁, табл. CXVIII, 617 — еще может быть конец V в.

⁷ Ук. соч., т. II₁, табл. CXXXVI, 641 и 692; т. II₂, табл. CLXXXVI, 937.

⁸ *Edhem-Schede*. Meisterwerke d. antiken Plastik in den türkischen Museen zu Konstantinopol. Берлин—Лейпциг, 1928, табл. XI.

цев, указательного, безымянного и большого. Теми же чертами и кроме того широкой, почти квадратной кистью отличаются руки юноши на рельефной картине из Тралла III в. в том же музее в Стамбуле.¹

Итак, трактовка нагих частей груди, ключицы, пластика шеи и левой кисти руки статуэтки Диониса из Тиритаки имеют близкие аналогии в произведениях аттической скульптуры второй половины IV в., причем на статуэтке Диониса эти черты в смысле утончения показывают более развитую форму

Рис. 3. Стела Филумены. Афины.
Собр. Карапанос.

Я выше отметила те неправильно брошенные, тонкие, ломкие складки хитона, которые так хорошо характеризуют льняную ткань. Эти ломкие, немного жесткие складки новой непрозрачной льняной материи составляют полный контраст тем льющимся, волнистым округлым складкам тонкого, прозрачного полотна, которые и в V и в IV, и в III—II вв. так культивируются в малоазиатских скульптурных мастерских и носят в науке название «*tralucida veste*». В конце V в., на рубеже V и IV вв., аттическая скульптура этой трактовкой несомненно заражается (рельефы баллюстрады храма Афины-Ники, части фриза этого храма, статуарная скульптура: Афродита в садах, статуи стилия Тимофея и др.), но в развитии IV в. аттическая скульптура сбрасывает это влияние и определяет свою самостоятельную манеру трактовки непрозрачного льняного хитона, которая и проводится на ряде рельефов посвященных и надгробных, на ряде изображений Кибелы, сидящей в своем *χίτωνος*. Большинство памятников, о которых я говорю, передают этот непрозрачный льняной хитон более резко и жестко, грубее, чем на статуэтке Диониса из Тиритаки, и среди заведомо аттических произведений последней четверти IV в. есть памятники, правда редкие, которые близки статуэтке Диониса и по тонкости трак-

товки хитона. Наиболее близкая, прямо бьющая аналогия — это стела Филумены собрания Карапанос в Афинах² (рис. 3). Трактовка хитона девочки на этой стеле показывает те же неправильно брошенные ломкие складки. Но надо прибавить, что пластика этих складок на статуэтке Диониса эволюционировала и достигает большего эффекта, чем на стеле Филумены. Мастер статуэтки Диониса эти складки разрядил, они не так скучены, как на стеле Филумены, на всем протяжении верхней части хитона, они лежат свободнее, на статуэтке они больше лежат на теле, не так врезаны в поверхность. Это тот же прием, это то же стилистическое явление, но

¹ Там же, табл. XIVb.

² Conze, ук. соч., табл. CLV, 811.

мастер статуэтки Диониса работал на несколько десятилетий позже мастера стелы Филумены. Далее мы встречаем то же стилистическое явление на аттическом рельефе Афинского национального музея, посвященном Асклепию и Гигиее и относящемся ко второй половине IV в.¹ (хитон Гигиен). Далее эти ломкие складки полотна в отличие от округлых мягких складок шерстяного плаща уже ясно видны на стелах середины IV в., напр. на стелах в Берлинском музее.²

Наконец, на посвяtitельных рельефах Кибеле (в Афинском национальном музее в Берлине), относящихся ко второй половине IV в., в гораздо более резкой и ремесленной форме наблюдается то же явление.³

Очень характерна также трактовка той верхней кромки хитона, которая на груди Диониса, в ее верхней части, образует волну. Это свободно лежащая верхняя кромка хитона, объем которого был всегда шире, чем охват соответствующей части торса и излишек которого всегда волнился на груди и трактовался различно в разные эпохи аттической пластики. В V в., несомненно, не была достигнута пластическая передача этой детали аттического костюма; этот излишек и верхней части хитона и его кромки трактуется очень резко, даже на лучших надгробиях. В течение IV в. эта деталь трактуется все мягче и тоньше, из резко проведенной складки постепенно вырабатывается настоящая волна, следующая за движением торса, и мастерам второй половины IV в. удается создать в мраморе иллюзию свободно лежащей ткани. Называю наиболее показательные стелы: стела, найденная в Мениди, в Аттике;⁴ на фигуре сидящей женщины;⁵ на фрагментарной стеле.⁶

Мастер статуэтки Диониса из Тиритаки превзошел в смысле тонкости передачи волны кромки хитона все примеры на стелах и других рельефах. Тут играет роль не только его виртуозная техника работы в мраморе, но определенная эволюция всей аттической техники. Автору статуэтки Диониса доступны достижения, которые, очевидно, были еще недоступны в последней четверти IV в. Он работает позже и может быть больше. Итак, трактовка ногих частей тела и левой кисти и стилизация хитона ясно и определенно говорят об аттической художественной школе мастера статуэтки Диониса из Тиритаки. Наиболее близкие аналоги встречаются в аттической пластике позднего IV в., причем эти стилистические приемы на статуэтке показывают фазу развития большого утончения. Мастер статуэтки владеет всеми приемами пластики конца IV в., владеет всем достоянием аттического скульптурного мастерства и его техники в мраморе, он принадлежит эпохе, которая хранит это достояние, утончает, развивает его дальше.

Но есть в статуэтке Диониса черты, которые являются датировочными моментами в более определенном смысле и ставят датировку этого памятника в более узкие рамки. Это — стилизация жгута плаща, который спереди перерезает фигуру в форме латинского S. Жгут имеет форму перевитого: одна часть материи перебивается другой, четыре раза складки, исходя снизу, перебивают предыдущую группу и в свою очередь перебиваются следующей группой. Эта кладка жгута, несомненно, всплывает уже в конце IV в. и живет в течение всего III в.; но стилизация такого перевитого жгута

¹ S v o g o n o s, ук. соч., табл. XXXVII, 1374.

² B l ü m e l. Die griechischen Sculpturen d. V и VI Jahrh. Берлин, 1928, табл. 45 и 46.

³ Там же, табл. 66, К 107; табл. 85, К 110, К 109; табл. 61, внизу К 61.

⁴ S o n z e, ук. соч., табл. CXV, 572.

⁵ Там же, т. I, табл. LXXVIII, 320.

⁶ Там же, табл. CIV, 448 = B l ü m e l, ук. соч., табл. 46, К 96; B l ü m e l, ук. соч., табл. 61, К 61.

в течение этого времени переживает различные фазы. В конце III в. она вырождается в схему.¹

На аттической стеле Conze² верхняя часть плаща, лежащая на коленях сидящей женщины, начата свертывающим таким перевитым жгутом. Перевитость этого жгута очень свежа и первоначальна, жгут еще не льнет к фигуре. Это одна из самых поздних скульптурных стел, найденных на почве Аттики, очевидно она создана непосредственно до 317 г., до закона Димитрия из Фалер, запретившего роскошь надгробий (имелись в виду скульптурные надгробия), т. е. это начало двадцатых годов IV в.³ Приблизительно

Рис. 4. Торс Арндт. Правый профиль.

к тому же времени относится оригинал той статуи Асклепия, которая дошла до нас в римской копии, находящейся в Palazzo Pitti во Флоренции.⁴ На этой статуе Асклепия так же уложен жгут плаща, и стилизация его по своей определенности и законченности производит впечатлительные орнамента. Затем та же кладка жгута плаща на статуе Демосфена Полиевкта, датированной 280 г.⁵ Тут кладка жгута видна на небольшом отрезке, так как правая его половина скрыта той частью плаща, которая спадает с левого плеча Демосфена. Тем не менее стилизация ее очень определена. Она проще, чем на стеле Conze № 71,⁶ и весь жгут плаща очень льнет к фигуре.

Гораздо более сочно и подчеркнуто эта черта проведена на жезском торсе, изданном Арндтом в сборнике в честь Амелунга⁷ (рис. 4). Здесь на правой боковой стороне торса стилизация перевитого жгута исключительно близка, почти идентична той, которую можно наблюдать на статуэтке Диониса из Тиритакки. Группы складок жгута, перебивающие друг друга, более растянуты на стеле, которую я цитировала выше, так же как и на статуе Асклепия в Palazzo Pitti, т. е. в обоих случаях на произведениях IV в. На торсе, изданном Арндтом, чередующиеся группы складок гораздо более скучены, более непосредственно следуют одна за другой, так же как и на статуэтке Диониса из Тиритакки. Наконец, эта черта налицо на статуе девушки из Анцио в Museo delle Terme в Риме.⁸ Но тут стилизация перевитого жгута определенно эволюционировала: жгут интенсивно скручен и трактовка его гораздо объемнее, чем на статуэтке Диониса и на торсе Арндт. Ряд черт стиля девушки из Анцио датируют ее временем около середины III в. Торс, изданный Арндтом, создан раньше девушки из Анцио, что при-

¹ Во II в. жгут имеет свою кладку или, лучше, свои кладки и каждая из них имеет и свою эволюцию и свою стилизацию.

² Ук. соч., т. I, табл. XXXIII, 71.

³ В менее подчеркнутой форме, ибо перевитость жгута трактована более расплывчато на аттической стеле (Conze, ук. соч., II, табл. CXCII, 963).

⁴ Издана Graeven (RM, 1913, 28B, стр. 227, рис. 1). См. текст Amelung'a (Führer durch die Antiken von Florenz. Мюнхен, 1897, стр. 135, № 188).

⁵ Вр. Вр., № 429.

⁶ Ук. соч., т. I, табл. XXXIII.

Festschrift für Amelung. Antike Plastik. Берлин, 1928, стр. 9, рис. 7.

⁸ Вр. Вр., № 583.

знает и Арндт. На произведениях конца III в., напр. на рельефе Архелая из Приены,¹ который Вацингер очень убедительно датирует временем около 210 г., а также на базе Галикарнасса трактовка перевитого жгута превратилась в голую схему. Жгут как-то плоско прибит. Он не столько перевит, сколько именно прибит и заложен. Это высушивание живого начала этого мотива. Я имею в виду трактовку жгута на плащах второй и четвертой муз второго ряда рельефа Архелая из Приены и на фигуре поэта, которая стоит на пьедестале последней в третьем ряду рельефа. Итак, в конце III в. эта черта определенно вырождается. Наиболее близкая аналогия перевитому жгуту на статуэтке Диониса из Тиритаки — жгут на торсе Арндт. В виду того что торс Арндт создан раньше статуи девушки из Анцио, я считаю наиболее убедительным датировать Диониса из Тиритаки временем между статуей Демосфена, т. е. 280 г., и временем создания девушки из Анцио, т. е. серединой III в. Итак, это первая половина III в.

Ряд других, менее заметных, черт в статуэтке подтверждает эту датировку и ставит ее тоже в контекст III в. На небриде, ниже пояса, вправо от распластанной морды, шкура едва заметно волнится, слабо отражая очертания складок хитона, лежащего под ней; это три слабо заметных подъема уровня, идущих по направлению складок хитона. Конечно, это еще не столь обычное в эпоху развитого эллинизма просвечивание складок нижней одежды сквозь верхнюю, тем более, что через шкуру не могут проступать складки льняной ткани. Но это несомненная тенденция отразить неровности нижней одежды на гладко-лежащей верхней. И эти неровности отражены в той степени, в которой они отражены, напр., на статуе стоящего юноши в плаще из Тралла в музее в Стамбуле.² На этой статуе юноши, одетого в плотный плащ, закрывающий фигуру от шеи до колен, неровности хитона, несомненно находящегося под плащом, и направление левой руки переданы тоже такими линейными повышениями уровня материи. Статуя юноши из Тралла по ряду черт может быть датирована только III в. Тенденция проведена еще робко и скромно. Но она налицо. Такая робко проведенная тенденция отразить проступающую нижнюю одежду характерна именно для раннего эллинизма. IV век этого еще не делает. Развитой эллинизм этого уже не делает. Такие черты могут быть только в рамках III в. Просвечивание складок хитона сквозь плащ доводится во II и I вв. до большого изощрения.³

Еще одна черта. Фигура Диониса из Тиритаки стоит подчеркнута прямо, по прямой вертикали вытянулся торс, а небрида и плащ туго охватили бедра. В IV в. постановка фигуры всегда вольна и не вытянута по такой прямой. Охват всей фигуры, особенно одетой в хитон и плащ, всегда шире, всегда свободнее льются складки, обильные и богатые даже в конце IV в. Хитон и плащ свободно спадают, не охватывая туго торс и бедра. Примерами могут служить фигуры Диониса и обеих Ник на рельефах треножной базы в Афинском национальном музее,⁴ статуи Деметры Книдской в Британском музее,⁵ фигуры Аполлона, скифа и муз на Мантинейской базе, длинный ряд фигур на аттических надгробиях IV в. Гораздо строже III век. Статуя Демосфена Полиевкта⁶ построена по прямой вертикали, которая была еще

¹ Br. Br., № 50. — W a t z i n g e r. Das Relief des Archelaos v Priene. 63 Winkelmannsprogramm. Берлин, 1903. табл. I.

² E d h e m - S c h e d e, ук. соч., табл. XV

³ В этом отношении показательны следующие произведения: статуя женщины из Магнезии на Меандре (E d h e m - S c h e d e, ук. соч., табл. XXII и XXIII); статуи, найденные на Родосе (Clara Rhodos, т. V₂, фиг. 29 на стр. 135); там же, т. V₂, табл. IX, XI, XIV; там же, т. V₂, фиг. 31 и 32.

⁴ S v o g o n o s, ук. соч., I, табл. XXIX.

Br. Br., № 65.

Br. Br., № 429.

более подчеркнута при сомкнутых кистях рук, как это было на оригинале: голова, поставленная сосредоточенно прямо и слегка наклоненная вниз, направление складок плаща, спадающих с левого плеча, сомкнутые кисти рук, левая нога. Строгая и сознательно простая стилизация плаща. И это датированная вещь. Сомнения исключены. Прямолинейной постановкой торса отличаются многие фигуры на стелах III в., найденные в Александрии, напр. в некрополе Sciatbi.¹

Наконец, в этой связи интересна еще черта техники. Как я сказала выше, правая утраченная рука статуэтки Диониса из Тиритаки была сделана из другого куска мрамора и присоединена железным стержнем, кусок которого остался в стесанной поверхности правого плеча. Это, поскольку мы можем судить, единственная часть статуэтки, сделанная из другого куска мрамора. Эта техника приставления частей статуй из другого куска мрамора начинается уже в IV в., и в той скромной степени, в которой она применена на статуэтке Диониса из Тиритаки, она осуществлялась в IV в. Тут убедительно приведение примеров только на оригиналах. На уже упомянутой статуе «Гиппократ», найденной на о. Косе,² утраченная правая рука была приставлена из другого куска мрамора, и на той же статуе спереди была приставная складка на штифтах. Это на статуе, которая датируется временем до середины IV в. Отдельно сработанные головы с шеями, вставленные в торс, маскирование шва кромкой хитона или складками плаща применяется уже на надгробьях IV в. Но в общем такие случаи в IV в. относительно редки. В первой половине III в., повидимому, еще держится скромное применение этой техники. На статуе девушки из Андрио она применена еще тоже скромно: статуя сделана из двух кусков мрамора, шов маскирован жгутом плаща. Развитой эллинизм поступал иначе. Статуя могла быть сделана из нескольких кусков мрамора, смотря по тому, какими кусками, какой величины и какого качества располагал скульптор. Это — прием, распространенный в скульптуре эллинизма II и I вв. Торс мог делаться отдельно, ноги, начиная от бедер, отдельно, даже ступни ног вместе с базой могли быть сделаны из отдельного куска. Так сработана, напр., статуя Зевса или Пергамского царя, найденная в Пергаме, в храме Геры II в.³ Статуя стоящего ююпи в хитоне и плаще II в., найденная на Косе,⁴ в которой голова и торс сделаны из одного куска, вся нижняя половина статуи от жгута вниз из другого, жгут плаща из третьего, тоже является характерным примером. Скромное применение этой техники на статуэтке Диониса из Тиритаки является наследием IV в., которое характерно для всей первой половины III в.

Итак, ряд черт говорит за то, что статуэтка Диониса из Тиритаки создана в III в., а стилизация перевитого жгута датирует ее первой половиной III в. Стилизация сохранившейся части шеи, верхней части груди, левой кисти и трактовка хитона локализируют ее в аттическую школу. Материал, т. е. пентелийский мрамор, ясно показывает, что она сделана на месте, в Аттике. Из Афин статуэтка была вывезена на Боспор в далекую Тиритаку.

Какова была аттическая пластика первой половины III в.? На чьи заказы она работала? Кто были ее потребители? Находки отвечают на эти вопросы очень определенно.

¹ Стела из желтого известняка, изданная Brescia (La necropoli di Sciatbi. Капр 1912, т. II, табл. XXI).

² Clara Rhodos, V₂, табл. I.

³ Edhem-Schede, ук. соч., табл. XX = AM, 1912, стр. 37, табл. XXVII.

⁴ Clara Rhodos, V₂, стр. 75, табл. IV—VI.

В Афинах конца IV в. и первой половины III в. самостоятельной, независимой политической жизни уже не было. Ряд олигархических переворотов, ни к чему не приводящие освобождения, македонские наместники, временно даже гарнизон, низвели Афины до роли игрушки в руках тех авантюристов-тираннов, которые делали то, что Антипатру, Антигону и другим македонским правителям было угодно. Государственного строительства и сопряженной с ним декоративной скульптуры не было уже в IV в. Главный контингент художников-скульпторов Афин давно жил заказами на надгробия и посвячительные рельефы в храмы. Дипилоцское кладбище и храмы давно были прекрасными музеями рельефов, которые теперь наполняют Афинский национальный музей и разбросаны по музеям Европы и Америки. С 317 г. закон Димитрия из Фалер, запретивший роскошь надгробий, фактически лишил заработка большинство аттических скульпторов. И эта экономическая причина обусловила экспансию аттического мастерства. Мастера, которые были достаточно молоды, достаточно смелы, энергичны и инициативны, уезжали из Афин и несли свое умение, свои художественные навыки, свой стиль, выкованный тремя веками, в новые центры мира, еще не имевшие своих художественных школ. Этими новыми политическими и государственными центрами, где жизнь была ключом и где жаждали иметь и свою архитектуру и свою скульптуру, являлись Александрия, Антиохия, Родос, Дафиз. Находки ярко отражают указанное явление. Длинный ряд надгробий двух больших кладбищ Александрии — Ракотис и Элевзии, отчасти Надра, теперь в музеях Каира и Александрии, — по стилю, по форме самой стелы или *ναϊσκος*²а неопровержимые показатели работы аттических мастеров в местном египетском известняке.¹ И в III и в II вв. работа аттических мастеров этих надгробий очень ясна. Эмиграция части аттических мастеров в Александрию несомненна. Работа им была обеспечена в новых больших столицах восточного Средиземноморья, которые строились и украшались, где была кипучая жизнь, двор и новая знать. А в Афинах было тихо, тихо по сравнению с жизнью новых столиц. Но в этой затихшей столице была, конечно, неизменная художественная атмосфера, и оставались большие мастера, не примкнувшие к эмиграции, имевшие заказы и в Афинах, владевшие всем богатством скульптурных возможностей IV в., по работавшие с более углубленной характеристикой, с более утопченной стилистически разработкой деталей III в. Одним из таких скульпторов был и Полиевкт, создавший оригинал статуи Демосфена, сдержанной и убедительной в своей характеристике, в своем сознательном упрощении мотива, с экспрессивной головой (я имею в виду оксфордскую реплику в Ashmolean Museum), реалистической трактовкой тела, строгой в своей сосредоточенности. Такие художники работали и на иностранный заказ и на экспорт. Если политическая роль Афин была не та, что раньше, то их культурная ценность и культурная роль были громадны. Это были «святые» Афины со своими шедеврами искусства, с их несравненным Акрополем,² с их музеями в храмах и на Дипилоне, и их художественные заслуги в прошлом чтились, их современные возможности ценились очень высоко. Это знали и греки и верхушка скифского

¹ Изданы Pfuhl'ем (AM, 1901, 26, стр. 258; особенно табл. XVIII, 1 и 2, стелы изданные на стр. 272, 273, 284).

² Вспомним о том характерном факте, что царь Пергама Аттал I поставил на акрополе Афин в качестве посвячительного дара четыре большие бронзовые группы, изображавшие победы богов над гигантами, афинян над амазонками и персами, пергамян над галатами. Это акт полуполитический, это, несомненно, акт почитания Афин и желание создать преемственность традиции: боги — Афины — Пергам.

общества в Причерноморье. Аттический скульптор, обладавший всеми возможностями аттического мастерства первой половины III в., у себя дома, в Афинах, в пентелийском мраморе, создал статуэтку Диониса, увезенную заказчиком или купившим ее греком в Боспорское царство, в далекую Тиритаку.

В этом историческое значение находки статуэтки Диониса в Тиритаке. Но она интересна не только как импорт произведения аттической скульптуры первой половины III в. в пределы Боспорского царства. Она интересна для всего облика аттической пластики этого времени, оригиналов которого не много найдено и опознано. Только в атмосфере Афин этого времени могла быть создана эта строгая, тонкая вещь. Она — показатель аттической пластики первой половины III в. в гораздо большей степени, чем те стелы, которые в Александрии, в местном известняке, сделаны аттическими художниками. Она создана в тех условиях и в том материале, в которых богатые возможности аттического резца III в. могли проявиться во всей их полноте и тонкости. Среди изданного материала очень мало произведений, которые так ясно и так определенно говорят об этой эпохе, о всей картине того искусства, из которого она выросла, как эта статуэтка. Большая портретная статуя Демосфена создана для рыночной площади Афин, рассчитана на впечатление, даваемое основными формами и мотивом статуи. К тому же она дошла до нас в копии римской. Статуэтка Диониса из Тиритаки, тонкая в своих деталях, обладающая очарованием целой гаммы контрастов в оттенках различной стилизации нагих частей тела, льняного хитона, гладкой шкуры, смело и остро трактованной морды небриды, мягкой шерсти плаща; строгая в простоте прямо вытянутого торса — рассчитана на любованье вблизи. Она дает другой аспект той же аттической пластики.

В каких целях создана статуэтка Диониса, найденная в Тиритаке? Является ли она культовой? Ее задняя сторона отделана гораздо более обще, чем передняя. Мастер рассчитывал на то, что статуэтка будет стоять у стены, или во всяком случае на то, что задняя сторона будет в тени. Она, конечно, была либо культовой, либо посвятительной. За это говорит ее строгий характер. О храме Диониса в Тиритаке мы ничего не знаем. Идут первые годы раскопок. Находка Диониса в сбросе намеков не дает. Статуэтка Диониса могла стоять в домашнем святилище купца-грека или состоятельного рыбопромышленника, обосновавшегося в Тиритаке. Мы знаем такие домашние святилища в Приене. Она стояла, несомненно, в закрытом помещении, ибо ее поверхность не пострадала от атмосферных осадков.

Если мраморные статуэтки, найденные в Приене, носят определенно выраженный жанровый характер, то статуэтка Диониса из Тиритаки, оставаясь в пределах размеров больших из них, носит характер строгий, культовой. Мраморные статуэтки Приены найдены в домах III и II вв.

Статуэтка Диониса из Тиритаки по своему строгому характеру гораздо ближе той серии мраморных статуэток, которая найдена на о. Косе (изданы *Clara Rhodos*, V₂).

Эта серия статуэток гораздо строже тех, что найдены в Приене. Они носят культовой или посвятительный характер. Те, что до сих пор опубликованы, относятся все к IV в.

В последней четверти IV в. создана и статуэтка сидящего Диониса (в Государственном Эрмитаже) греческой аттической работы, изданная О. Ф. Вальдгауером.¹ Она старше статуэтки Диониса из Тиритаки лет на 50.

О. Waldhaueг, Katalog, т. I, № 9, табл. 7. О. Ф. Вальдгауер датирует статуэтку Эрмитажа серединой IV в. на основании стилистической близости статуэтки и Мантинейской базы в некоторых чертах. Близость несомненная. О. Ф. Вальдгауер оговаривает, что он остается при прежней датировке Мантинейской базы. Дати-

Статуэтки, найденные на о. Косе, и аттическая статуэтка Диониса Эрмитажа (неизвестного происхождения) являются примерами посвячительных статуэток эпохи, предшествующей созданию статуэтки Диониса, найденной в Тиритаке.

В смысле художественного исполнения статуэтка Диониса из Тиритаки много тоньше тех, что найдены на о. Косе, и не уступает эрмитажной.

Статуэтка Диониса из Тиритаки поступила в Керченский археологический музей.

H. IERNSTEDT

UNE STATUETTE DE DIONYSOS TROUVÉE A TYRITAKÉ

R é s u m é

La statuette en marbre de Dionysos ici publiée fut trouvée en 1937 par la mission archéologique au Bosphore à Tyritaké (10 km de Panticapée), en dehors des complexes architecturaux, dans le remblai qui borde le gorodistché du côté de l'ouest. Elle est à l'état fragmentaire — la tête, le bras droit, une partie du bras gauche et les jambes jusqu'au-dessus du genou font défaut. La surface est endommagée en plusieurs endroits.

La statuette représente Dionysos vêtu d'un chiton à longues manches — *χειριδωτός χιτών*, d'une nebris et d'un manteau. Il se tient debout, s'appuyant sur la jambe gauche; la main droite, disparue, était levée et tenait probablement un thyrsé, la gauche est abaissée et retient les plis du manteau sur son flanc gauche. La statuette donne une image iconographiquement nouvelle de Dionysos, inconnue jusqu'ici.

La statuette est incontestablement de travail grec. Le marbre est évidemment pentélique. L'analyse du style de la partie subsistante du cou, de la clavicule, de la partie supérieure de la poitrine et de la main gauche montre des analogies proches avec les originaux les plus fins de la sculpture attique du IVe siècle avant notre ère. Les particularités stylistiques du chiton se rencontrent sur les stèles attiques les plus tardives créées immédiatement avant la loi de Démétrius de Phalère, c'est-à-dire avant 317, le travail de l'artiste auteur de la statuette marquant une phase ultérieure plus évoluée. La stylisation du bord tordu du manteau date nettement la statuette de la première moitié du IIIe siècle avant notre ère. La tentative de rendre sur la nebris — plus bas que la ceinture, à droite — les inégalités du chiton, ainsi que la posture droite soulignée du torse, indiquent clairement aussi le IIIe siècle. Un trait caractéristique est l'emploi modéré de la technique de l'appliquage de parties de la statue faites d'un autre morceau de marbre — seul le bras droit de la statuette de Dionysos est ajouté et fixé au moyen d'une tige de fer. A l'époque de l'hellénisme évolué, ce procédé était plus largement pratiqué.

La statuette de Dionysos trouvée à Tyritaké est donc l'oeuvre d'un sculpteur attique de la première moitié du IIIe siècle avant notre ère possédant toutes les possibilités et les particularités du ciseau attique de ce temps et travaillant en Attique — il ne s'est pas joint au mouvement d'émigration qui a embrassé au IIIe siècle beaucoup d'artistes de l'Attique. Cette statuette est

ровку Vollgraff'a (BCH, 1908, 236 сл.), Sieveking'a и Buschor'a (Münchn. Jahrb., 1912, 125) Мантинейской базы концом IV в. Вальдгауер не принимает, не приводя оснований. Я полагаю, что доводы Sieveking'a и Buschor'a очень убедительны, а потому датую и статуэтку сидящего Диониса в Эрмитаже последней четвертью IV в.

intéressante en tant qu'exemple d'importation de productions de l'art attique de la première moitié du IIIe siècle dans le royaume du Bosphore. Son caractère sévère atteste que c'était une statuette de culte ou dédiée à la divinité. Le bon état de conservation de sa surface montre qu'elle était placée dans un local fermé. Les conditions de sa trouvaille, non in situ, ne fournissent aucune indication de son séjour dans un temple local. Elle pouvait se trouver dans le sanctuaire familial d'un marchand grec ou d'un poissonnier aisé. C'est un beau spécimen de la sculpture attique de la première moitié du IIIe siècle.

В. Д. БЛАВАТСКИЙ
АКАРНАНСКИЕ БРОНЗЫ ЛИСИППА

В весьма обширной литературе о Лисиппе вопрос об акарнанских скульптурах никогда не стоял в центре внимания исследователей.

Причины этого явления совершенно очевидны: свидетельства источников отличаются крайней краткостью, а привлекавшиеся до сего времени небольшие копии некоторых из акарнанских скульптур были недостаточны для того, чтобы пролить свет на всю серию этих скульптур в целом.

Из античных авторов об акарнанских скульптурах упоминает один Страбон.¹ Из его слов мы узнаем, что в Акарнании, непосредственно за Левкадою, лежали города Пелайр (отстоящий от моря на 50 стадий) и Ализия, и что в этом месте у моря была гавань, посвященная Гераклу, с храмом последнего; из него какой-то римский полководец перевез в Рим исполненные Лисиппом «подвиги Геракла», ибо они находились в неподобающем им запустелом месте.

Как видно из нашего изложения текста Страбона, он дает нам весьма мало для каких-либо определенных заключений. Некоторые исследователи пытались сопоставить с этим свидетельством дошедшие до нас произведения скульптуры, в той или иной степени близкие по стилю работам Лисиппа.

Прежде всего, следует отметить происходящую из Геркулана и ныне хранящуюся в Палермском музее небольшую бронзовую группу, представляющую Геракла, поймавшего керенейскую лань² (рис. 1). Эта бронза, некогда служившая украшением фонтана, была приписана Лисиппу еще Овербеком,³ к мнению которого присоединился целый ряд исследователей.⁴

Отдельные голоса,⁵ раздававшиеся против принадлежности этого памятника Лисиппу или же против отнесения его к числу акарнанских скульптур, не были подкреплены достаточно вескими аргументами.

¹ Strabo, X, II, 21. — Ср.: J. Overbeck. Die antiken Schriftquellen zur Geschichte der bildenden Kunst bei den Griechen. Лейпциг, 1868, стр. 281, № 1477.

² Ada Maviglia в монографии о Лисиппе (*L'attività artistica di Lisippo ricostruita su nuova base*. Рим, 1914, стр. 71) утверждает, что к типу палермской бронзы относится сильно поврежденная и неправильно реставрированная большая мраморная реплика Капитолийского музея.

³ T. Overbeck. Geschichte der griechischen Plastik. Лейпциг, 1894, т. II, стр. 144.

⁴ G. Culltrera. Una statua di Ercole. Mem. dei Lincei. 1910, стр. 244 (по ссылке Ada Maviglia, ук. соч., стр. 71, прим. 3). — M. Collignon. Histoire de la sculpture grecque. Париж, 1897, т. II, стр. 423. — M. Collignon. Lisippe. Париж, A. Springer. — A. Michaelis. P. Wolters. Die Kunst des Altertums. Лейпциг, 1923, стр. 363 сл., рис. 682.

⁵ L. Pallat. Herakles mit Hydra im Alten Capitolischen Museum. 1894, стр. 345 сл. Обходит молчанием этот вопрос W. Klein (Geschichte der griechischen Kunst. Лейпциг, 1905, стр. 368). Ср. также: Ch. Picard. La sculpture antique de Phidias à l'ère Byzantine. Париж, 1926, стр. 182. Последние общие работы не упоминают об акарнанских бронзах: A. W. Laurence. Classical sculpture. Лондон, 1929; G. Richter. The sculpture and sculptors of the Greeks. Лондон, Оксфорд, 1930; L. Curtius. Die klassische Kunst Griechenlands. Потсдам, 1938.

Затем может быть признан твердо установленным ряд реплик группы Геракла, борющегося с немейским львом. Еще в прошлом столетии были усмотрены (Overbeck, Cultrera) копии с акарпанской группы Геракла со

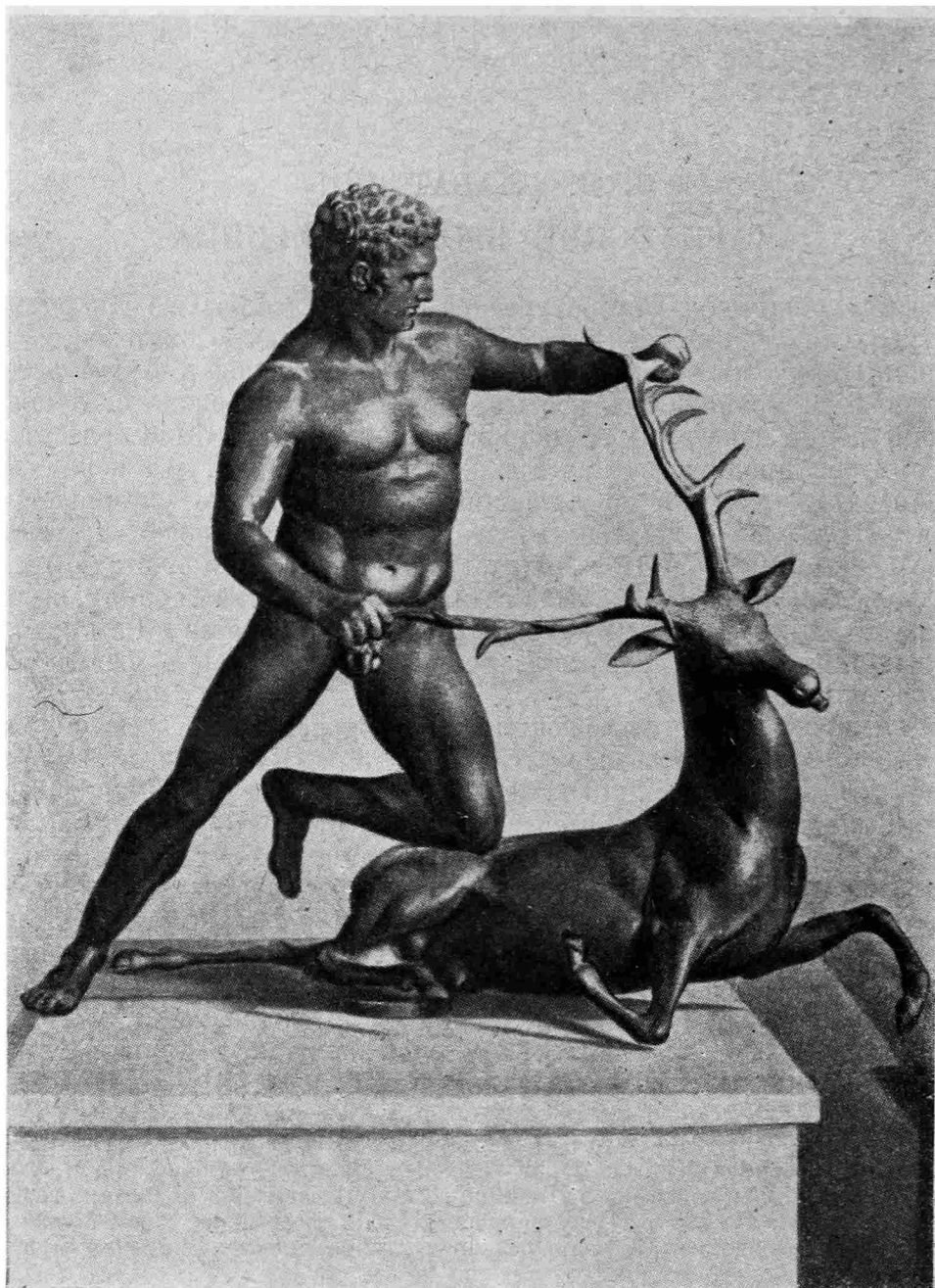

Рис. 1. Геракл с ланью (Палермо).

львом в скульптуре Оксфорда и Palazzo Corsini во Флоренции.¹ Небольшая мраморная реплика той же группы находится в Государственном Эрмитаже² (рис. 2).

¹ Т. Overbeck, ук. соч., стр. 144. — Ada Maviglia, ук. соч., стр. 72, рис. 16.

² О. Ф. Вальдгауер. Лисипп. Берлин, 1923, стр. 30—31, рис. 18.

Далее следует упомянуть о большой (высота 1.81 м) мраморной статуе Palazzo dei Conservatori,¹ в которой Висконти² видел часть одной из группы, некогда стоявших в Ализии, а именно Геракла с Гернионом или скорее с копиями Диомеда. Ада Мавилья³ относит это произведение к скульптурам того же цикла, но считает его изображением Геракла, борющегося с критским быком.

Нам представляется более близким к истине мнение Культреры,⁴ исключаяющего эту скульптуру из круга акарнанских скульптур Лисиппа и вместе с тем считающего ее изображением Геракла, который схватил Ипполиту за волосы и стаскивает ее с коня. Вопросы о сюжете этой скульптуры мы коснемся ниже. Теперь отметим только, что характер моделировки тел с гораздо менее развитой мускулатурой резко отличается от изображения Геракла на ранее рассмотренных нами репликах двух групп из Акарнании, Геракла со львом и керенейской ланью, на последних могучее тело героя покрыто буграми сильно развитой мускулатуры.

Следует еще остановиться на происходящей из Тарса (и ныне хранящейся в Константинопольском музее) бронзовой статуе, от которой сохранились лишь голова, верхняя часть торса и левая рука. В этом фрагменте Ада Мавилья⁵ пытается уловить изображение Геракла, несущего эриманфского вепря, и связать эту группу с циклом акарнанских скульптур Лисиппа. Очень юный возраст изображенного персонажа, однако, заставляет усомниться в том, что скульптор хотел представить хотя бы молодого Геракла. Но самое существенное — это то, что в данной скульптуре вообще нельзя признать работу Лисиппа. Показательно, что целый ряд исследо-

Рис Геракл и лев (Эрмитаж)

Ada Maviglia, ук. соч., рис. 17.

² C. L. Visconti. Una statua di Ercole combattente scoperta presso i giardini di Mecenate. Bull. Comm. Archeol. Comun. d. Roma, VIII, 1880, стр. 153 сл., табл. IX—X.

³ Ada Maviglia, ук. соч., стр. 73—75.

⁴ Там же, стр. 73—74.

⁵ Там же, стр. 79—83.

вателей¹ единодушно склопяется к датировке скульптуры из Тарса V в. до н. э. Одна только трактовка волос, исполненных довольно плоскими, очень стилизованными завитками, уже совершенно исключает возможность предположения об атрибуции ее Лисиппу

Наконец, следует еще остановиться на трех мраморных группах, хранящихся в Sala degli animali Ватикана, которые Культреера считает репликами акарцанских скульптур Лисиппа, против чего возражает Ада Мавилья.²

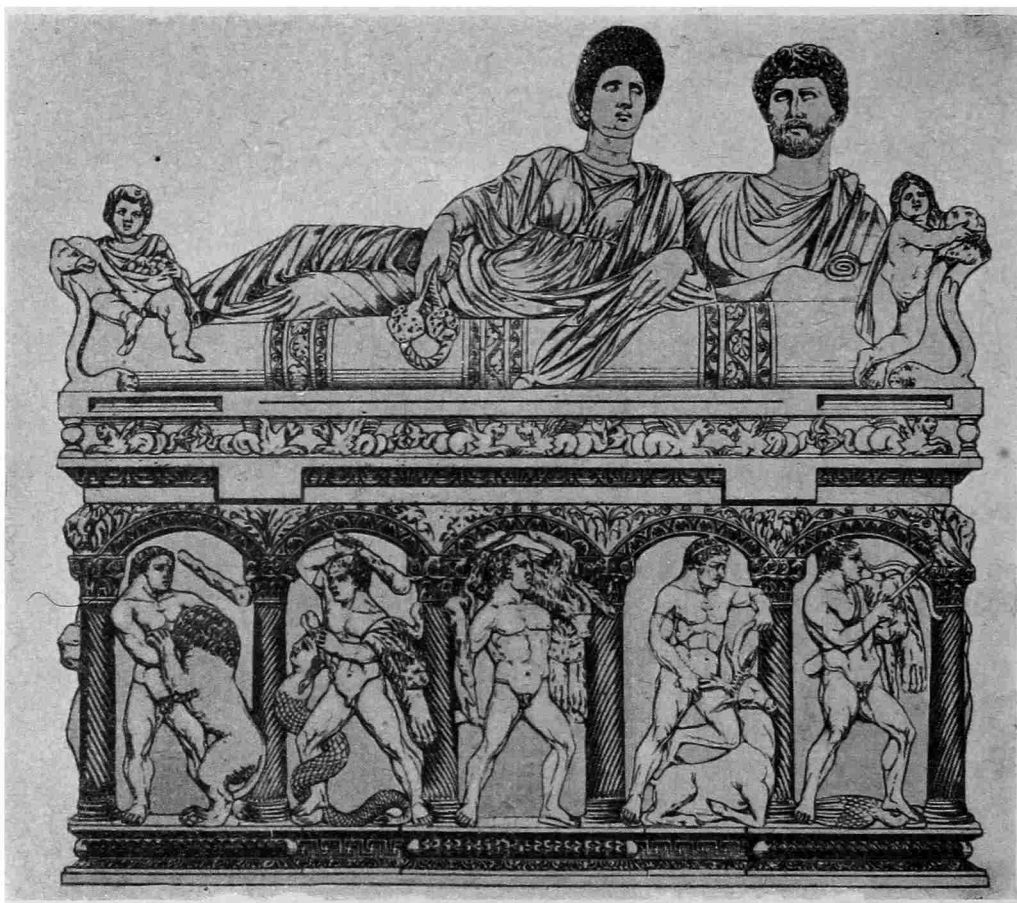

Рис. 3. Саркофаг Torlonia (лицевая сторона)

Эти группы, немного меньше натуральной величины, изображают Геракла с кобыми Диомеда,³ Геракла, уводящего Кербера,⁴ и Геракла, похищающего быков Гериона.⁵

Аргумент, выдвинутый Адой Мавилья против принадлежности упомянутых скульптур Лисиппу, — горельефный характер построения последних — вряд ли может быть признан достаточным, ибо в плане разрешения

¹ O. Raue t. Fragments de statues du bronze du Musée de Constantinople. Gazette Archéol., ч. VIII, 1883, стр. 88. — E. Pottier et S. Reinach. La nécropole de Myrina. Париж, 1887, т. II, стр. 452 сл. — Ad. Furtwängler. Meisterwerke der griechischen Plastik. Лейпциг—Берлин, 1893, стр. 348, прим. 2. — M. Collignon, ук. соч., т. I, стр. 478 сл. — A. Toubin. L'éphèbe de Tarse. RA, 1899, т. II, стр. 19—33, табл. XIII—XV

² Ada Maviglia, ук. соч., стр. 73.

³ W. Amelung. Die Sculpturen des Vaticanischen Museums. Берлин, 1908, т. II, текст, стр. 344—346, табл. 34, № 137.

⁴ Там же, стр. 380, табл. 34, № 213.

⁵ Там же, стр. 377—378, табл. 34, № 208.

пространства эти группы мало чем отличаются от бронзы Палермского музея, изображающей Геракла с ланью.

Более веским следует признать мнение Амелунга,¹ который указал на то, что ватиканские скульптуры являются представителями классицизирующего направления в римском искусстве, сопоставляя их с Диоскурами Monte Cavallo. В ватиканских скульптурах, во всяком случае в группах Геракла с быками Гериона, сочетаются элементы эллипской скульптуры

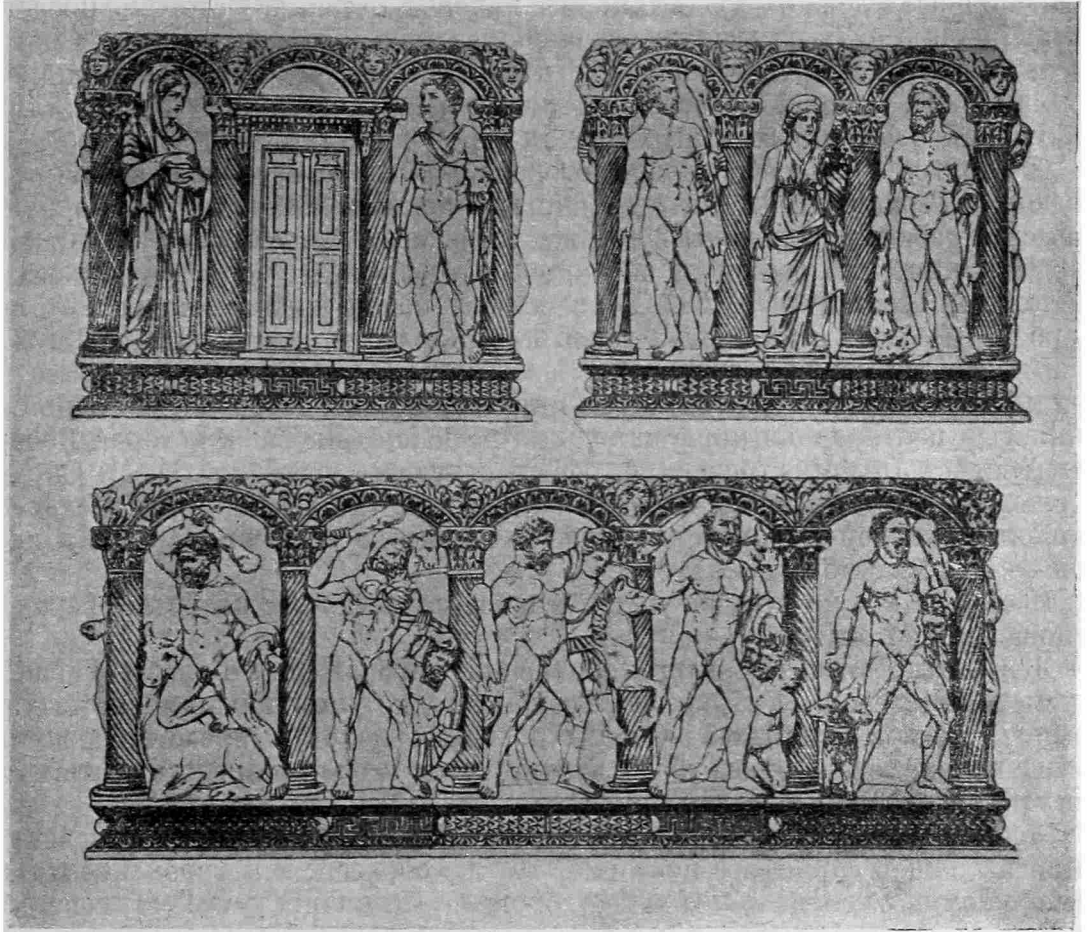

Рис. 4. Саркофаг Torlonia (тыловая и боковые стороны).

стиля V и IV вв. Все это заставляет отнести к вопросу о включении их в число реплик с акарнанских бронз Лисиппа с крайней осторожностью и пока считать предположение Кюльтреры недостаточно обоснованным. В дальнейшем мы еще возвратимся к рассмотрению этих групп в *Sala degli animali*.

Подводя итог обзору, мы можем сказать, что вполне достоверными репликами акарнанских бронз Лисиппа можно признать лишь группы Геракла с керенейской ланью (в Палермском музее) и Геракла со львом (в Оксфордском музее, Palazzo Corsini и Государственном Эрмитаже), что же касается изображений других подвигов героя (борьба его с амазонкой или критским быком, победы над эриманфским вепрем и конями Диомеда, похищение быков Гериона), то все дошедшие до нас скульптуры, передающие этот сюжет, или явно не принадлежат к рассматриваемому циклу, или, в лучшем случае, принадлежность их следует признать сомнительной.

¹ Там же. стр. 344 сл., 378.-380.

Новые данные для представления об акарнанских скульптурах Лисиппа могут дать рельефные украшения ряда римских саркофагов, и прежде всего саркофага Museo Torlonia. Этот саркофаг¹ (рис. 3 и 4), известный еще в XVI в., увенчан монументальной крышкой с изображением возлежащих покойников — мужчины и женщины. Боковые стороны саркофага разделены тонкими колонками, перекрытыми арками, на довольно высокие, узкие ниши; число их на длинных сторонах равно пяти, на коротких — трем. В нишах помещаются горельефные изображения, сюжеты которых были подробно исследованы Робертом. На лицевой (длинной) стороне представлены первые пять из двенадцати канонических подвигов Геракла. Смотри слева направо, мы видим борьбу с немейским львом, лернейской гидрой, эриманфским ведром, керенейской ланью и, наконец, истребление стимфалийских птиц. Во всех этих сценах герой представлен безбородым.

На другой длинной (тыловой) стороне саркофага изображены еще пять подвигов Геракла (начиная с седьмого и кончая одиннадцатым по каноническому счету); они даны в той же последовательности (слева направо): борьба с критским быком, похищение коней Диомеда, борьба с амазонкой Ипполитой, похищение быков Гериона и, наконец, похищение адского пса Кербера. Во всех этих сценах герой представлен в виде бородатого мужа.

Каждая из узких сторон саркофага, как мы упоминали, разделена на три ниши; эти ниши несколько уже ниш на длинных сторонах. На одной из сторон на центральной нише находится женская фигура, в которой Роберт усматривает *Juventus* (божество, соответствующее греческой Гебе). Справа и слева от нее помещены изображения шестого и двенадцатого подвигов Геракла: в левой (от зрителя) нише — очищение Авгиевых стойл, в правой — Геракл с яблоками Гесперид.

Изображения на другой узкой стороне саркофага к подвигам Геракла отношения не имеют.

Достаточно самого быстрого сравнения изображения борьбы Геракла с немейским львом на саркофаге *Torlonia* с уже упоминавшимися статуэтками (Эрмитажа, *Palazzo Corsini* и Оксфордской), представляющими тот же подвиг героя, чтобы убедиться в том, что все эти памятники являются репликами одного и того же оригинала.

Равным образом и изображение Геракла, поймавшего керенейскую лань, на нашем саркофаге повторяет тот же образец, к которому восходит тоже упоминавшаяся палермская бронза. Незначительные отклонения, допущенные скульптором, украшавшим саркофаг *Torlonia*, в группе Геракла с ланью, были вызваны необходимостью вместить обе фигуры — героя и пойманной им добычи — в узкое пространство между колонками.

Таким образом два изображения подвигов Геракла нашего саркофага повторяют две наиболее достоверные группы, восходящие к акарнанским бронзам Лисиппа. У нас не только нет оснований сомневаться в том, что в обоих случаях мы имеем дело хотя бы и с отдаленными копиями с произведений прославленного сиционского мастера, но более того — наличие обеих реплик на одном саркофаге является веским аргументом в пользу справедливости построенного на стилистическом анализе определения статуэток Геракла со львом и палермской бронзы как повторений акарнанских скульптур Лисиппа.

Коль скоро две группы на саркофаге *Torlonia* восходят к акарнанским бронзам, естественно может возникнуть вопрос, не являются ли остальные десять изображений также репликами грандиозного цикла скульптур Лисиппа.

¹ C. R o b e r t. *Die antiken Sarkophagreliefs*, т. III. Берлин, 1897, стр. 143—146, № 126, табл. XXXIV—XXXVII. — См. также: Ch. H u e l s e n. *I lavori archeologici di Giovannantonio Bosio Auson*, т. VII. Рим, 1913, стр. 29 сл.

Крайняя лапидарность свидетельства Страбона не дает точных указаний, сколько подвигов изобразил Лисипп в упомянутых бронзах; но именно это обстоятельство наводит на мысль, что число их отвечало каноническому другим словам — было равно двенадцати.

Постараемся проверить это предположение и остановимся на других группах саркофага *Torlonia*. Наш анализ не может основываться на стиле¹ этих скульптур, ибо они подвергались существенной переработке и отвечают характеру римской декоративной скульптуры III в. н. э. Фигуры наделены типичными тяжелыми пропорциями, отличаются коренастым, массивным, несколько грубым сложением, движения их лишены живой непосредственности. В силу этого центр внимания придется перенести на анализ композиций и мотивов движений в изображениях остальных десяти подвигов Геракла на саркофаге.

Прежде всего, отметим композиционную близость изображения Геракла с критским быком группе Геракла с керенейской ланью. В обеих группах герой заставил упасть животное и прижимает его к земле коленом. При этом в группе с ланью герой обращен вправо, в группе с быком — влево; другими словами, одна группа исполнена в *pendant* к другой.

Затем должно отметить, что ряд скульптур, подобно изображению Геракла с немейским львом, представляет собой группы, имеющие, повидимому, характерное для Лисиппа пирамидальное построение. По этому принципу строится композиция борьбы Геракла с лернейской гидрой, Диомедом, Герионом и похищение Кербера.

Не исключена возможность, что оригиналы этих групп отличались более свободной расстановкой, так как исполнитель скульптур саркофага был принужден сдвинуть фигуры, вследствие недостатка места,² подобно тому как он это сделал в группе Геракла с ланью.

В такой более свободной расстановке пирамидальный характер построения групп выступал еще ярче, движения фигур были энергичнее и живее, усиливалось впечатление напряженной борьбы, которым были насыщены оригиналы Лисиппа и которое в значительной мере утрачено в римской реплике.

Эта композиционная близость и наличие расположения части групп одна в *pendant* другой делает вполне вероятным отнесение к акарнапскому циклу рассмотренных нами семи изображений подвигов Геракла (победа над львом, ланью, гидрой, быком, Диомедом, Герионом и Кербером). Во всяком случае не противоречат той же атрибуции остающиеся пять изображений деяний героя.

Постановка фигуры Геракла, несущего вепря, стреляющего в стимфалийских птиц и стаскивающего с лошади Ипполиту, близка последней в группах Геракла с гидрой, Диомедом, Герионом и Кербером: герой представлен с головой, повернутой в три четверти, с развернутым, обращенным к зрителю торсом, руки даны в энергичном движении, ноги показаны в положении пага: выставленная вперед — в профиль, находящаяся позади — в фас.

¹ Кроме того, детальный анализ стиля саркофага *Torlonia* нам трудно дать еще и потому, что доступные нам репродукции представляют собой контурные рисунки, явно недостаточные для этой цели.

² В этом отношении любопытно сравнить втиснутые в довольно узкие ниши изображения на саркофаге *Torlonia*: Геракла в борьбе с немейским львом, а также Геракла, несущего эриманфского вепря, с изображениями тех же подвигов героя на фреске из «Базилики» в Геркулане, ныне хранящейся в Неаполитанском музее, где не связанный никакими рамками живописец дал в смелом движении живые, напряженные, полные энергии и динамики фигуры (P. Negmann. *Denkmäler der Malerei des Altertums*. Мюнхен, 1909, табл. 86).

Меньше оснований для заключения дают фигуры Геракла на узкой стороне саркофага; помещенные в более узкие ниши, они, возможно, подверглись более сильным искажениям. Особенно легко это могло произойти с изображением Геракла, очищающего Авгиевы стойла, представленного, видимо, по недостатку места, стоящим прямо, в спокойной позе.

Подводя итог вышесказанному, мы можем утверждать, что в рельефах саркофага *Torlonia* до нас дошли повторения знаменитых акарнанских бронз Лисиппа. Но это не значит, что все эти группы представляют собой одинаковые по точности повторения греческих оригиналов.¹ Необходимость втиснуть группы в узкие рамки ниш, качество исполнения, присущее довольно грубоватой позднеримской декоративной скульптуре, сделали изысканные фигуры Лисиппа тяжеловесными, подчас неуклюжими. Внешний облик произведений сикнопского мастера сильно изменился, и в результате оказались утраченными присущие Лисиппу живость движения, первая напряженность, тщательная передача мускулатуры. Исчезли также характерные вытянутые пропорции, в значительной мере оказалась утраченной и трехмерность пространства.

Однако, несмотря на утрату столь многого, скульптуры саркофага *Torlonia* для нас ценны как отзвук знаменитых оригиналов акарнанского цикла Лисиппа, и нужно думать, что в этих неточных, грубых репликах сохранены во всяком случае основные схемы лисипповых композиций.

Если же мы поставим в связь украшения саркофага *Torlonia* с акарнанскими бронзами, то это позволит нам проверить ряд вызвавших сомнения атрибуций отдельных скульптур, которые относились различными исследователями к упомянутому циклу деяний Геракла.

Остановимся прежде всего на группе *Sala degli animali* Ватикана, изображающей борьбу Геракла с конями Диомеда. Достаточно самого беглого взгляда, чтобы убедиться в коренном различии композиционных схем, лежащих в основе этой скульптуры и аналогичного изображения на саркофаге.

Равным образом должно отвергнуть какую бы то ни было близость изображения на нашем саркофаге и группы Геракла с быками Гериона,² хранящейся также в *Sala degli animali* Ватикана.

Значительно ближе очень сильно, к сожалению, реставрированная скульптура, изображающая Геракла с Кербером³ (также в *Sala degli animali*); так как античными в этой скульптуре являются только голова, торс и верхние части рук и ног героя, то сделать решительные выводы нам не представляется возможным.

Итак, из трех скульптур *Sala degli animali* мы должны отвергнуть принадлежность двух из них к акарнанским бронзам и считать вопрос открытым в отношении третьей (т. е. Геракла с Кербером).

Вернемся теперь к статуе Геракла в *Palazzo degli Conservatori*.⁴ Принадлежность этой скульптуры к числу реплик с акарнанских бронз Лисиппа, как мы уже говорили, не может быть достаточно убедительно доказана. Но сравнение этой скульптуры с украшениями саркофага *Torlonia* интересно в том отношении, что оно облегчает определение сюжета статуи, которое, как мы уже отмечали, вызвало разногласие между занимавшимися ею исследователями. Изображение борьбы Геракла с амазонкой Ипполитой,

¹ Отмеченные нами отклонения в изображении Геракла с кернейской ланью от бронзы в Палермо и близость эрмитажной статуэтки, изображающей Геракла со львом, группе на саркофаге, наглядно свидетельствуют о том, что точность этих повторений далеко не равноценна.

² W. A. Melung, ук. соч., табл. 34, № 208.

³ Там же, № 213.

⁴ Ada Maviglia, ук. соч., рис. 17.

которую герой схватил за волосы и стаскивает с коня, на нашем саркофаге представляет довольно близкую аналогию мрамору Palazzo degli Conservatori и является некоторым подтверждением справедливости мнения Культуреры.

В заключение бегло остановимся на нескольких римских саркофагах. в той или иной мере близких саркофагу Torlonia.

На фрагментированном саркофаге Британского музея изображены пять подвигов Геракла, совершенно аналогичных обратной стороне саркофага Torlonia. При этом все группы представлены стоящими на особых пьедесталах (профилированных и имеющих различную форму). Ценным дополнением к мрамору Британского музея является одна из длинных сторон недошедшего до нас саркофага,¹ ранее находившегося в крипте базилики San Pancrazio во Флоренции. Судя по рисунку XVIII в., на ней были рельефы, изображающие первые пять подвигов Геракла, очень близкие² изображениям на лицевой стороне саркофага Torlonia, при этом под всеми группами находились одинаковые профилированные базы.

Наличие упомянутых пьедесталов является во всяком случае известным указанием в пользу статуарного происхождения образцов, с которых были скопированы эти группы.

Далее имеется еще целый ряд более или менее близких аналогий изображениям на саркофаге Torlonia. К числу наиболее близких памятников относятся: саркофаг Villa Borghese³ (лицевая сторона), а равно и уже упомянутые нами саркофаги Британского музея и San Pancrazio.⁴

Несколько более далеким является другой саркофаг Museo Torlonia⁵ и саркофаг Giardino della Pigna Ватикана.⁶

Наконец, еще дальше отстоят от нашего памятника саркофаги: Лувра (Salle du sarcophage de Medée),⁷ Palazzo Corsini,⁸ Villa Borghese,⁹ Британского музея,¹⁰ Giardino Boboli (во Флоренции)¹¹ и два саркофага Флорентийских Уффиций,¹² а также два ныне утраченных саркофага: 1) некогда находившийся в Риме около Torre Cartularia в начале сада Farnese¹³ и 2) найденный на Via latina и вмурованный позднее в стену на Via di San Nicola de Tolentini.¹⁴

Все эти памятники указывают на довольно большую распространенность изображений подвигов Геракла в той иконографической схеме, которую дает саркофаг Torlonia. Такая популярность данной схемы также в известной мере свидетельствует о том, что она восходит к одному из прославленных оригиналов древности.

¹ С. Robert, ук. соч., стр. 149, № 128, табл. XXXIX.

² Исключение представляет только группа, изображающая Геракла, стреляющего в стимфалийских птиц. На саркофаге Torlonia герой обращен к зрителю и повернут вправо, на флорентийском саркофаге Геракл показан со спины и повернут влево.

³ С. Robert, ук. соч., стр. 147, табл. XXXVIII, № 127. Такое же соответствие может быть отмечено и для части обратной стороны саркофага Borghese (С. Robert, ук. соч., стр. 147—148, табл. XXXVIII, № 127).

⁴ Возможно, что к этой группе должно отнести фрагмент лицевой стороны саркофага, хранящегося в Бельведере Ватикана (С. Robert, ук. соч., стр. 149—150, табл. XXXIX, № 129. — W Amelung, ук. соч., текст, стр. 316—317, табл. 24, № 102).

⁵ С. Robert, ук. соч., стр. 137—139, табл. XXXII, № 116.

⁶ Там же, стр. 150, табл. XXXIX, № 130.

⁷ Там же, стр. 128—129, табл. XXIX, № 105.

⁸ Там же, стр. 130, табл. XXX, № 106.

⁹ Там же, стр. 134—135, табл. XXXI, № 112.

¹⁰ Там же, стр. 141—142, табл. XXXIII, №№ 120, 120a, 120b.

¹¹ Там же, стр. 130—132, табл. XXX, № 107.

¹² Там же, стр. 127—128, табл. XXIX, № 104 и стр. 135—137, табл. XXXI, № 113.

¹³ Там же, стр. 124—125, табл. XXVIII, № 101.

¹⁴ Там же, стр. 127, табл. XXIX, № 103.

V. BLAVATSKIJ

LES BRONZES ACARNANIENS DE LYSIPPE

R é s u m é

Il convient de reconnaître comme les seules répliques entièrement authentiques des bronzes acarnaniens de Lysippe les groupes d'Hercule et la biche cérynitide (musée de Palerme) et d'Hercule et le lion (musée d'Oxford, Palazzo Corsini à Florence et musée de l'Ermitage). Quant aux représentations des autres travaux d'Hercule (par exemple sa lutte avec l'amazone, avec le taureau de Crète, sa victoire sur le sanglier d'Erymanthe et les chevaux de Diomède, l'enlèvement des troupeaux de Géryon) dans les groupes arrivés jusqu'à nous, elles sont manifestement impossibles à rattacher à Lysippe, ou bien leur attribution à l'original de Lysippe est douteuse. Les ornements en relief d'un sarcophage romain du Museo Torlonia à Rome fournissent de nouvelles indications sur les sculptures acarnaniennes de Lysippe. On y trouve répétés les célèbres groupes de Lysippe, arrangés pour les besoins de la sculpture décorative romaine. En dépit de certaines modifications essentielles et de la perte des traits caractéristiques du style de Lysippe, les sculptures du sarcophage de Torlonia sont précieuses comme reflet des originaux du cycle acarnanien de cet artiste.

М. И. МАКСИМОВА

АНТИЧНЫЕ АРХИТЕКТУРНЫЕ САДЫ ИТАЛИИ

В одной из своих од Гораций в следующих словах сетует на чрезмерное распространение в Италии вилл и садов, в ущерб сельскому хозяйству:

Дворцов громады много ли югеров
 Оставят плугу? Всюду раскинута
 Пруды пространнее Лукрина,
 Вытеснит вяза платан безбрачный;
 Фиалок клумбы, мирт и различные
 Цветы наполнят воздух душистостью
 На месте том, где плодных маслин
 Рощи росли при владыке прежнем.
 И пламень солнца лавр густолиственный
 В ветвях задержит. То ль заповедали
 Нам Ромул и Катон небритый,
 И римской жизни уклад старинный?
 Был мал достаток частный, общественный —
 Велик. У граждан не было портиков
 По десять сажень, что в час зноя
 Тень и прохладу в себя вбирают.
 Сподручным дерном не позволял закон
 Небечь для стройки, но украшать велел
 На счет общинный новым камнем
 Храмы богов и градские аданья.

(Гораций, Оды, II, 15)

Гораций не был одинок, возвышая свой голос против новой моды. Подобные же настроения можно пайти у целого ряда римских писателей, затрагивавших вопрос о падении сельского хозяйства в I в. до н. э., но все эти протесты в защиту «доброе старого времени», конечно, не имели и не могли иметь каких-либо реальных результатов.

Зеленое строительство появилось в античной Италии в процессе накопления крупных состояний в руках римского нобилитета, откупщиков и спекулянтов, и было одной из форм непроизводительного помещения ими своего капитала на удовлетворение личных потребностей в роскоши.¹ Правда, значение садов для охраны здоровья и для отдыха широких кругов городского населения до известной степени учитывалось римским правительством, и в Риме, напр., существовало несколько больших садов общественного пользования,² однако значение их в общем зеленом строительстве

¹ Анализ этого процесса дан в книге А. И. Тюменева «История античных рабовладельческих обществ» (М.—Л., 1935, стр. 171 сл.).

² О садах города Рима см.: O. R i c h t e r. Topographie der Stadt Rom. Мюнхен, 1901; D a r e m b e r g — S a g l i o, s. v. Hortus; RE, s. v. Hortus.

страны было ничтожно и, кроме того, они не были специально устроены с этой целью, а перешли к римскому народу в готовом виде, по завещанию бывших их владельцев (напр. сады Помпея, Агриппы и Цезаря). В громадном своем большинстве античные сады Италии принадлежали либо римским императорам, либо представителям верхушки римского общества, и именно последние были наиболее активны как в деле внедрения на почве Италии культуры зеленых насаждений, так и в деле распространения последних по всей стране.

Время возникновения первых художественных садов в Италии совпадает с походами Суллы на Восток. Первым собственником крупного сада в Риме был, согласно литературным свидетельствам,¹ Луций Лициний Лукулл, один из римских полководцев, стяжавший колоссальные богатства в войне с Митридатом и украсивший свои сады на Monte Pincio (Collis hortorum) вывезенными из Греции статуями. Лукулл нашел себе многочисленных подражателей, и если римский hortus еще в эпоху Катона был, по видимому, ничем иным как фруктовым садом и огородом,² то уже в первой половине I в. до н. э. представители римского нобилитета (напр. Цицерон, его брат Квинт, друзья Атик, Целий и др.), как правило, обладали не только городским домом с садом, но и многочисленными вилами в разных местностях Италии; при этих виллах имелись искусно разбитые сады с редкими деревьями, статуями, портиками, искусственными реками и прочими «затейми» римской садовой архитектуры.³

В течение I в. до н. э. и I в. н. э. зеленое строительство, вместе со строительством вилл, приняло массовый характер. Всюду, где имелись налицо красивое местоположение и удобные для отдыха условия, на берегу моря у Остии, по Неаполитанскому заливу, на Албанских и Сабинских горах, в долине Тибра, на северных озерах, — всюду воздвигались виллы с великолепными садами, в которых знатные римляне проводили свои досуги. В то же время и самый Рим с его скученным населением и многоэтажными домами постепенно окружался зеленым поясом садов, и даже некоторая часть драгоценной земельной площади внутри города отводилась под зеленые насаждения.

Примеру Рима следовали и другие города Италии. В Помпеях, напр., можно проследить постепенное внедрение сада в городской дом. Старые дома Помпей, так наз. туфового периода (II в. до н. э.) вовсе не имеют перистилей с садами, а та небольшая площадь за домом, в которой впоследствии обычно разбивался сад, использовалась, судя по обнаруженным раскопками следам, под огороды.⁴ В последующие же периоды, в домах, воздвигнутых разбогатевшими гражданами Помпей по расширенному плану, за счет той площади, которая ранее принадлежала обнищавшей теперь и принужденной жить в паемных помещениях части населения, — в этих домах перистили с садами, т. е. сады внутри домов и сады при домах, стали обычным явлением. В то же время в окрестностях Помпей появились пригородные виллы с садами — летние резиденции богатых помпеянцев и римлян, искавших здесь отдыха от суеты столичной жизни.

В произведениях римских поэтов и прозаиков, в трактатах по архитектуре, сочинениях, посвященных сельскому хозяйству, в описаниях вилл, в письмах, речах и т. д. встречается очень много материала по вопросу о римских садах. На ряду с восторженными, но мало говорящими отзы-

¹ Plut., Luc., 39.

² Cic. Cato Major 16. — Plin. N. H. XIX, 50—52 и 57.

³ O. E. Schmidt. Ciceros Villen. Лейпциг, 1899.

⁴ Дом Эпидия Руфа, дом Панзы. См.: Overbeck - Mau. Pompeji. Лейпциг, 1884, стр. 265.

вами о красотах и роскоши тех или иных садов, здесь можно найти немало иногда кратких и случайных, иногда отрывочных сведений о садах и их убранстве, сведений чрезвычайно ценных, но почти всегда касающихся только деталей, а не общего вида и плана зеленых насаждений. Исключение составляют только два письма Плиния Младшего (II, 17 и V, 6) с описанием принадлежавших ему вилл — виллы в Ларенциуме близ Остии и виллы в долине Тибра. Особенно ценно последнее письмо, представляющее собой развернутое описание виллы и ее садов на фоне окружающей их местности. В виду его большого значения мы приводим это описание в несколько сокращенном пересказе, но с сохранением всех существенных подробностей.

Тосканская вилла Плиния находилась в долине Тибра между нынешними местечками Citta di Castello и Borgo San Sepolcro.¹ Местность эту

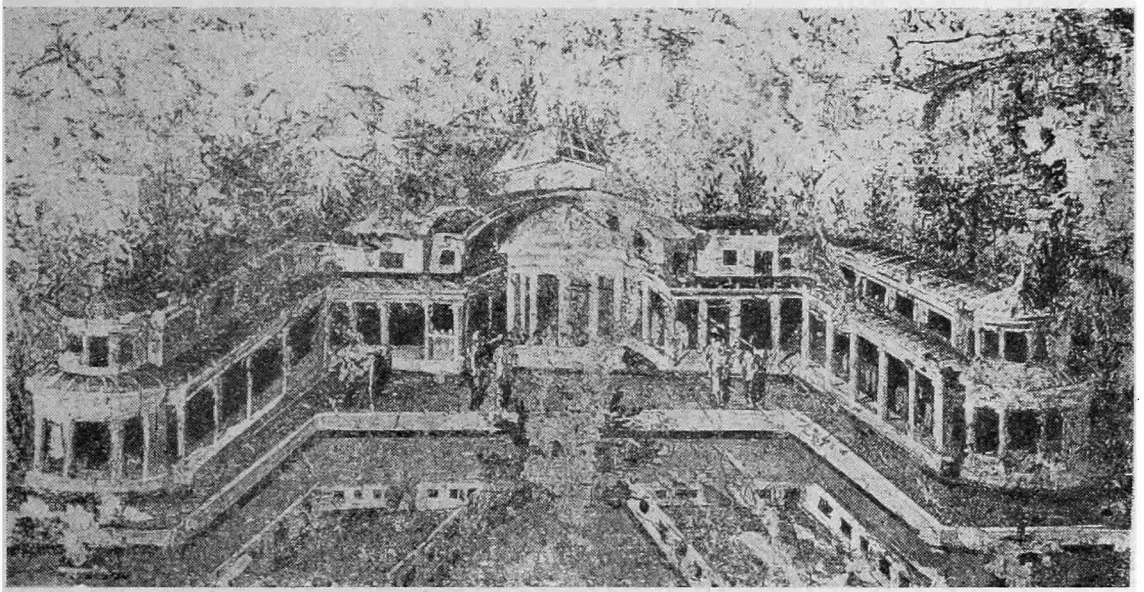

Рис. 1. Плоский сад перед виллой. Детали росписи таблинума в доме Марка Лициния Фронта в Помпеях.

Плиний сравнивает с гигантским амфитеатром, образуемым отрогами Апеннинских гор. Верхушки гор были покрыты старым строевым лесом, склоны — лесной порослью; ниже на холмах расстились виноградники, а по широкой долине Тибра раскинулись цветущие луга, возделанные поля и рощи. Ви́лла Плиния расположена была на покатом склоне одного из холмов и состояла из ряда отдельных строений. Главный фасад виллы обращен был прямо на юг. Отсюда открывался прекрасный вид на долину Тибра и на плоский сад (по римской терминологии ксист), который был разбит на склоне холма и у его подножия и занимал весь передний план открывавшейся из виллы широкой панорамы. Перед самым фасадом виллы находились клумбы разнообразной формы, отделенные друг от друга буксом. Ниже по склону холма, или на особой террасе, расстился зеленый ковер с разбросанными по нему и поставленными парами друг против друга фигурами животных из искусно подстриженного букса. За зеленым ковром

¹ От виллы сохранились развалины, к сожалению, до сих пор не обследованные археологически. Здесь найдены были черепицы с инициалами Плиния: C. P. C. S. — Caius Plinius Caecilius Secundus. См. статью G. Garmurrini в «Strena Helbigiana» (Лейпциг, 1900, стр. 93—98).

шла полоса мягкого акацифа. До этого места вела дорожка для пешеходов (*ambulatio*), обсаженная зелеными шпалерами подстриженных деревьев. Дальше, уже по самой долине Тибра, шла аллея (*gestatio*) в форме вытянутого овала, обрамлявшая сад, в котором посажены были кусты различным образом подстриженного букса и карликовые деревья. Сад окружен был каменной оградой, скрытой от глаз кустами букса, подстриженными уступами. За оградой расстилалась долина Тибра, с ее лугами, полями, рощами.

Помимо этого плоского сада, на вилле Плиния был еще большой сад или парк, который носил название ипподрома, т. е. сада в форме вытянутого прямоугольника, одна из коротких сторон которого образовывала дугу в виде полукруга.¹ Основными архитектурными линиями этого сада были две широкие аллеи, проходившие по краям сада, и параллельная им про-

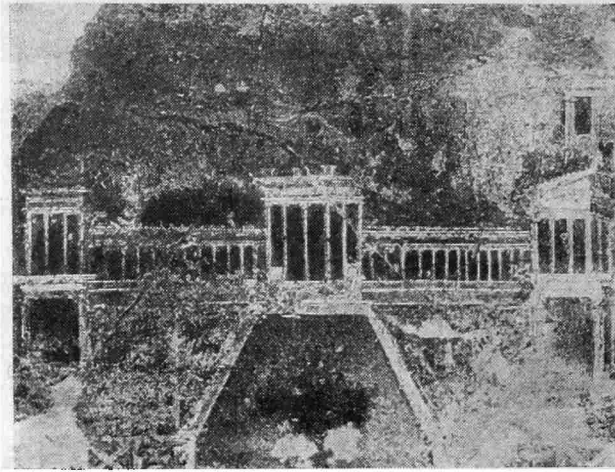

Рис. 2. Плоский сад перед виллой. Детали росписи таблинума в доме Марка Лициния Фронта в Помпеях.

сека в его середине, обсаженная низкими платанами и позволявшая сразу охватить весь сад одним взглядом. Вдоль боковых аллей росли высокие платаны. Вокруг них вился плющ; цепляясь за ветки, он перебрасывался гирляндами с дерева на дерево. Между платанами рос букс, а за ними лавровые деревья. Аллеи вытянуты были по прямой линии, и только в конце сада они изгибались дугообразно, образуя большой полукруг, обсаженный высокими, бросающими черную тень кипарисами. Здесь расположен был розарий, в центре которого возвышалась беседка из винограда, поддерживаемая четырьмя колоннами из зеленого мрамора. В беседке стояло беломраморное ложе, устроенное таким образом, что из него тонкими струйками текла вода, как бы выжатая из ложа тяжестью отдохавшего на нем человека. Вода стекала в особый, высеченный в скале водоем и отсюда переходила в мраморный бассейн, так искусно устроенный, что он всегда был полон, а между тем вода никогда не выступала за его края. Когда посетители хотели подкрепить себя пищей, тяжелые блюда ставились на край бассейна, а легкие на особые вазы в виде кораблей и птиц, которые плыли по воде вокруг бассейна. Тут же находился бивший струей вверх фонтан, а немного дальше, в самом конце сада, стоял мраморный павильон с застекленной верандой. Виноград обвивал веранду сверху и со всех сторон так, что в ней царствовала вечная полутьма, и отдыхающим здесь посетителям

¹ Местоположение ипподрома остается невыясненным. отождествление *gestatio in modum circi* с ипподромом, предложенное R. Kukula (*Briefe des jüngeren Plinius*, 2-е изд., Вена, 1909), должно быть, по нашему мнению, отвергнуто. Во-первых, форма цирка и форма ипподрома не совпадают, во-вторых, совершенно не совпадают и описания Плинием того и другого сада. Kukula, вероятно, введен был в заблуждение желанием создать перед виллой Плиния такую же примерно садовую перспективу, какая разворачивается из дворца в Версале. Этим он впал в совершенно ошибочную модернизацию. Предложение Winnefeld'a (*JAI*, VI), помещающего парк в предполагаемой им долине между холмами, рядом с виллой, также кажется мне мало вероятным. Ипподром, скорее всего, расположен был где-нибудь в долине Тибра, недалеко от *gestatio*.

казалось, что они лежат в лесу. На всем протяжении сада между обеими аллеями разбросаны были поляны, боскеты с плодовыми и другими деревьями, лужайки с аканфом и с кустами букса, подстриженными то в виде пирамидок, то в виде отдельных букв, из которых составлялись имена хозяина и садовника. Здесь, как говорит Плиний, можно было видеть произведения самого высокого столичного искусства и рядом с ними как бы подражания деревенской природе (*in opere urbanissimo subita velut inlati ruris imitato*). По всему саду шли дорожки для пешеходов, с мраморными скамейками, около которых журчали маленькие фонтаны. Искусственно проложенные ручейки орошали сад на всем его протяжении.

Сады Плиния в том виде, в каком они вырисовываются перед нашими глазами благодаря приведенному описанию, настолько характерны для Рима, что они могут, до известной степени, быть положены в основу изучения римского садового искусства. Прежде всего, здесь намечается два вида римских садов — плоский сад, или ксист, с цветочными клумбами и зеленым ковром и большой сад с высокими деревьями и широкими аллеями. В описании ксиста Плиний, правда, очень лаконичен. Главное свое внимание он уделяет особенно любимому им ипподрому, но зато именно относительно ксиста мы располагаем сравнительно богатым археологическим материалом, так что этот вид римского сада выступает перед нами вполне отчетливо.

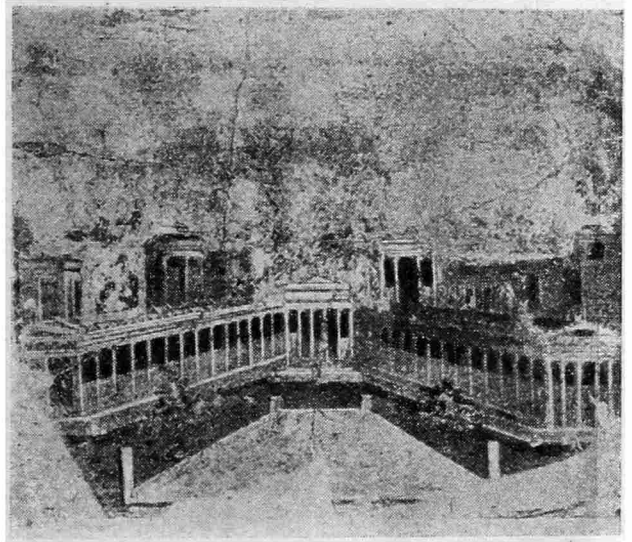

Рис. 3. Плоский сад перед виллой. Детали росписи таблинума в доме Марка Лициния Фронта в Помпеях.

Ксист располагался обычно либо перед главным фасадом дома, как на вилле Плиния, оживляя собой открывавшийся из виллы вид, либо на прямоугольной площадке, окруженной со всех сторон портиками, иногда внутри самого дома, либо, наконец, он входил в состав большого сада, как розарий в ипподроме Плиния.

На рис. 1, 2 и 3 воспроизведены три небольшие фрески из таблинума дома Марка Лициния Фронта в Помпеях, относящиеся к 3-му помпейскому стилю (прибл. с 30 г. до н. э. по 30 г. н. э.) и изображающие ксисты различной формы, разбитые перед фасадами зданий. На рис. 1 представлена вилла в форме покоя, выстроенная на склоне холма. Фасад имеет вид портика с круглым павильоном в центре и полукруглыми павильонами в конце выступающих вперед крыльев. Вдоль всего фасада идет полоса газона, ограниченная с внешней стороны парапетом. Перед газоном дорожки, из которых одна идет по прямой линии от центрального павильона фасада, а две другие огибают выступы газона перед крыльями виллы. Между центральной и боковыми дорожками — две цветочные клумбы в виде вытянутых в длину прямоугольников, окруженные решетчатой балюстрадой. На центральной дорожке между клумбами посажено невысокое, видимо подстриженное деревцо, а перед полукруглыми павильонами виднеются омафы (возвышения яйцевидной формы) из плюща. За виллой видны верхушки деревьев, другие строения и горы.

Здание, изображенное на рис. 2, представляет собой длинный открытый портик (без задней стены). В центре его высокие пропилеи. Края портика загибаются под прямым углом и образуют два крыла, которые покоятся на высоких фундаментах, выравнивающих скат холма, на котором построен весь портик. От пропилей идет в прямом направлении широкая дорожка, в конце которой посажено дерево. Все пространство между дорожкой и боковыми портиками занято большими клумбами прямоугольной формы, обнесёнными деревянной балюстрадой. За портиком сад и другие здания.

Здание, представленное на рис. 3, состоит из пропилей в центре и двух длинных портиков, соединяющихся с пропилями под тупым углом. Между портиками — трапециевидная площадка, занятая большой клумбой такой же формы, огражденной балюстрадой с пилястрами на углах. Вокруг клумбы идет дорожка. У боковых сторон балюстрады посажено по одному дереву. За портиком видны деревья и другие строения виллы.

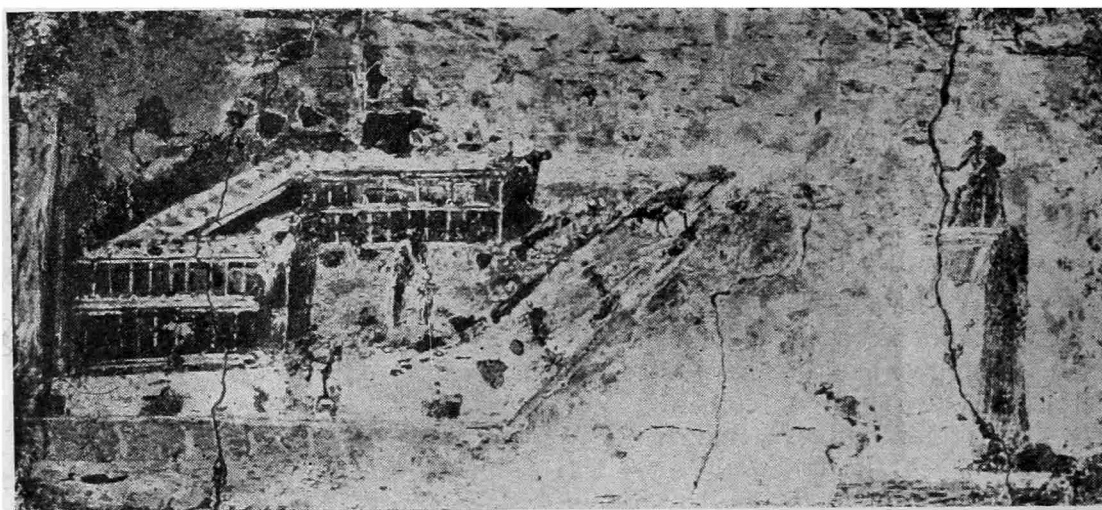

Рис. 4. Плоский сад перед виллой. Фреска из Стабий.

Аналогичное расположение киста, на этот раз состоящее, повидимому только из зеленого ковра (краски фрески сильно пострадали), дает фреска из Стабий 4-го помпеянского стиля (примерно с 30 г. до 79 г. н. э.) (рис. 4). Между виллой и морем или озером, к которому обращен ее фасад, находится широкое поле газона с разбросанными по нему кустами и двумя гермами. Вдоль набережной проложена изгибающаяся под прямым углом широкая аллея. По внутреннему ее краю идет бордюр из кустов, по внешнему расставлены статуи. Направо, повидимому на островке среди озера, статуя на высоком постаменте, у подножия которого сидит человек, удерживающий рыбу.

Приведенные фрески, особенно первые три, чрезвычайно ценны тем, что они наглядно показывают сочетание основных линий киста с архитектурными линиями самой виллы. По ним можно наблюдать изменение планировки кистов в зависимости от изменения архитектурных форм тех зданий, перед которыми они разбиты.

Что же касается самих кистов, то более подробную картину их устройства дают маленькие отдельные изображения этих садов, довольно часто встречающиеся на стенных росписях 3-го помпеянского стиля, стиля чисто декоративного и охотно использующего всякого рода садовые мотивы для декорирования стен. Приводимые ниже изображения кистов представляют

собой своего рода миниатюры, заполнявшие в комбинации с разными элементами узкие фризы, расположенные под главным полем стеной росписи.

На рис. 5 (фреска из дома Эпидия Сабина в Помпеях) представлен квест. разбитый по очень простому плану. Невысокие, по видимому, деревянные решетчатые или плетеные балюстрады делят его на три поля — одно широкое в центре и два узких по бокам. Балюстрады расчленены пилястрами, на которых стоят вазы. Передняя балюстрада прерывается тремя воротами легкой конструкции, ведущими в отдельные части сада. Над пролетом ворот подвешены круглые медальоны, по всей вероятности апотропеи для отражения дурного глаза. Перед входом в ворота и вдоль балюстрады посажены кусты.

Несколько сложнее план квеста, представленного на фреске из Портитчи (рис. 6а). Основные его линии и деления и здесь даются плетеной балюстра-

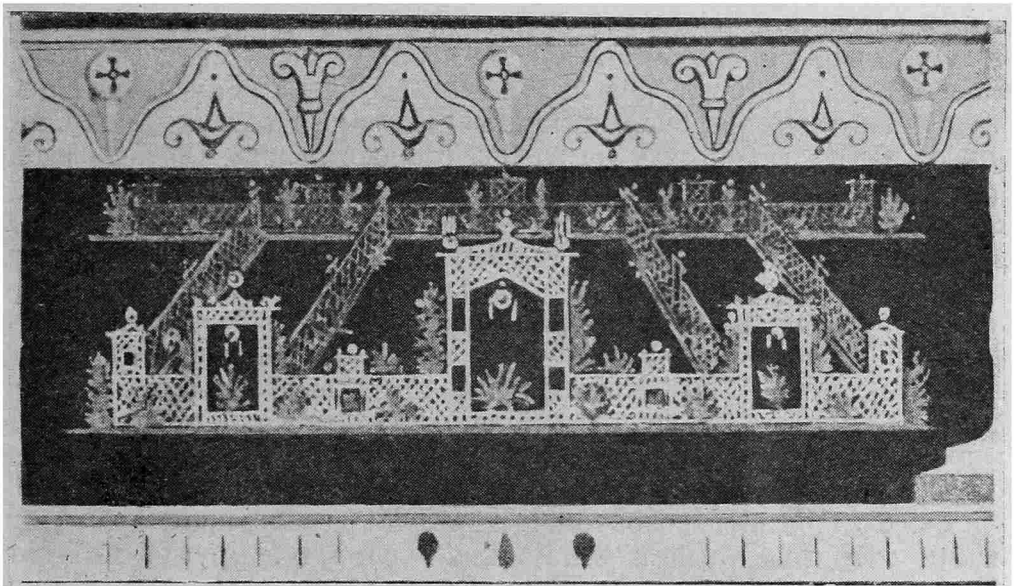

Рис. 5. Плоский сад. Деталь росписи из дома Эпидия Сабина в Помпеях.

дой, которая образует три симметрично вдающиеся внутрь сада полукруга и четыре примыкающих к ним и также строго симметрично расположенных прямоугольных поля. Крайние деления квеста представляют собой перголы, т. е. зеленые галереи, перекрытые вьющимися растениями, средние деления частично заняты беседками с выпуклой плетеной крышей. Между изгибами балюстрады растут цветы и низкие пальмы. Спереди балюстрада расчленена пилястрами, на которых стоят вазы. Перед беседками помещаются фонтаны в виде круглого мраморного стола. Весь сад разбит на газоне.

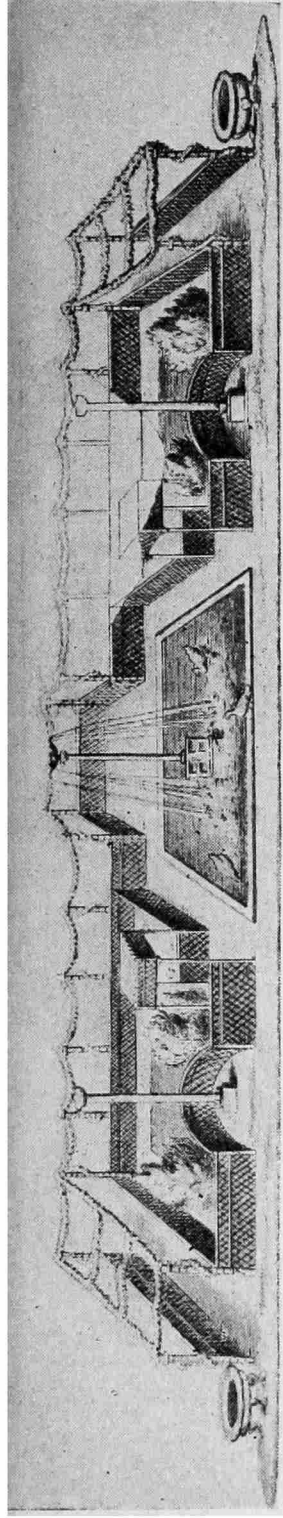
Совершенно симметричен также план сложного квеста, изображенного на рис. 6б (фреска из Портитчи). При помощи балюстрад он разделен на девять частей. В центре находится эдикула, в которой стоит статуя. На копытке крыши помещена ваза, из которой широкими дугами спускаются на землю гирлянды. Гирляндой украшены и задние пилястры эдикулы. По бокам от эдикулы, на балюстраде, по статуе животных (Диана и олени?). В делениях квеста, соседних с эдикулой, на продолговатой клумбе стоит высокий мраморный кратер и два дерева, листва которых острижена в форме шара. За этими делениями следуют перголы, пилястры которых имеют форму герм сатиров. Далее следуют поля, аналогичные с только что описанными, но с вазами несколько иной формы. Между этими полями и край-

ними делениями ксита проходит дорожка, в середине которой расположена цветочная клумба с зеленым бордюром. Отсюда через легкую, украшенную гирляндой арку можно пройти в крайнее поле ксита, где посажены кусты. На углах балюстрады тонкие колонки, поддерживающие небольшие вазы, соединенные друг с другом гирляндами. Весь ксидт обрамлен бордюром из зелени и цветов.

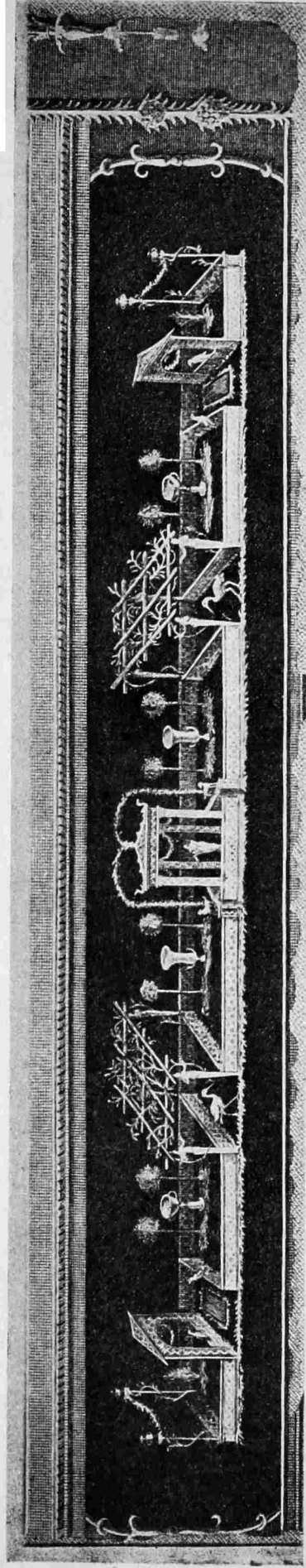
Наконец, наиболее сложен, но также совершенно симметричен план ксита, изображенного на фреске из так наз. аудитории в садах Мецената на Эсквiline (рис. 6а). В середине сада большое поле, ограниченное зигзагообразными линиями плетеной балюстрады, передняя его часть занята прямоугольным бассейном, в центре которого фонтан в виде высокой тонкой колонки, стоящей на квадратной базе и поддерживающей вазу. Бьющие из последней струи воды падают в бассейн, в котором плавают птицы. Такие же колонки с вазами стоят в полукруглых выступах, вдающихся спереди в соседние с бассейном поля. Вход сюда из среднего поля ведет через легкие ворота. Здесь помещаются писцины (искусственные водоемы), обложенные зеленым бордюром и, местами, обсаженные кустами. По краям ксита длинные перголы, перекрытые гирляндами. Колонки с гирляндами украшают и всю балюстраду на задней стороне ксита. Спереди за краем ксита стоит по треножнику с ножками в виде звериных лап. Также и этот ксидт весь разбит на газоне.

Описанные фрески дают ясное представление как об общем виде и плане римского ксита, так и об отдельных элементах, его составляющих. Для плана их характерна прямолинейность и строгая симметричность. Балюстрады, ограждающие и делящие сад на части, дорожки, клумбы, бассейны — все это имеет в основном прямолинейные формы, изгибается под прямыми углами и идет по прямой линии, только изредка перебиваемой тоже правильными полукругами. Благодаря этому, основные деления сада имеют форму правильных геометрических фигур, вписанных в ксидт, который, в свою очередь, в основном представляет собой правильный прямоугольник, расположенный в длину или в ширину. Другая характерная черта ксита — это его чрезвычайная насыщенность всякого рода архитектурными и скульптурными украшениями. Приведенные фрески, правда, дают в этом отношении несколько одностороннее впечатление: зеленое и цветочное убранство ксита отражено в них очень недостаточно, может быть из-за миниатюрности фресок и неумения писавших их не слишком искусных художников. Зелень сводится здесь к отдельным подстриженным деревьям и кустам, довольно жидким гирляндам, газону и зеленым бордюрам, а цветы почти полностью отсутствуют. Между тем из других источников хорошо известно, что культура зеленых насаждений в римских кситах играла выдающуюся роль. В частности, здесь, как и в больших римских садах, процветал так называемый *opus topiarium*, который считался римским изобретением, приписываемым другу Августа, всаднику Гаю-Матию. Это была своеобразная скульптура из зелени (впрочем, римляне называли ее живописью, *pictura*). Путем искусного обрезывания кустов и деревьев (обычно букса или кипариса) им придавались самые разнообразные формы. Так, в вышеприведенном описании садов Плиния упоминаются пирамидки, буквы и фигуры зверей, сделанные из букса. Из других источников известно, что таким путем иногда составлялись сложнейшие композиции, целые охоты и морские битвы.¹ Знакомы римлянам были и зеленые шпалеры и зеленые уступчатые ограды. Римляне, видимо, особенно гордились своими достижениями в этой области, и сам термин «*topiarium*»,

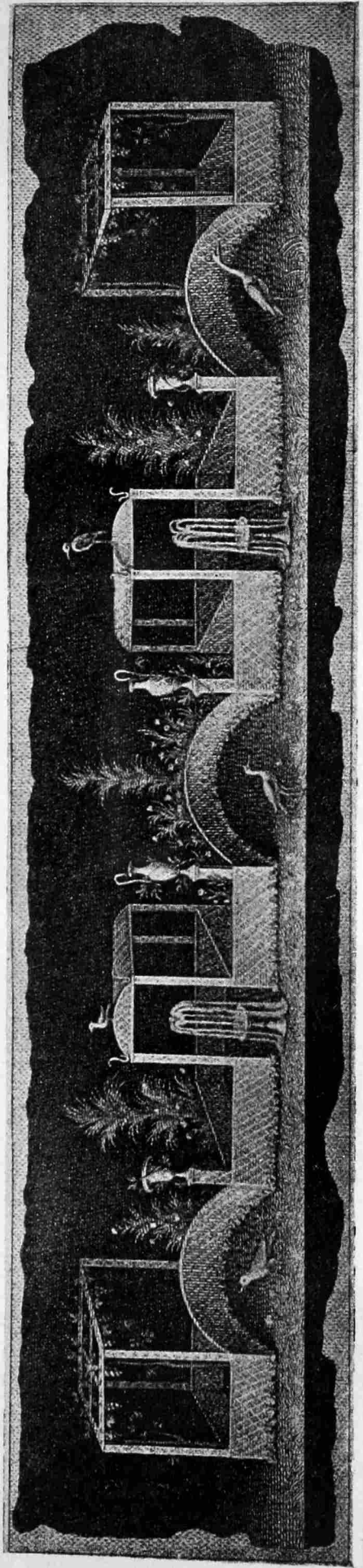
¹ P l i n. N. H., XVI, 140.

a

b

c

Рис 6. Плоские сады: а и б — детали фрески из Португии; в — деталь фрески из Эскупална.

прилагаемый к садовнику, специально занятому подстрижкой кустов и деревьев, со временем превратился в обозначение садовника вообще.¹

Наравне с подстрижкой деревьев и кустов, римляне также усиленно культивировали декоративное использование вьющихся растений. На рис. 16 можно видеть омфалы из плюща. Плющ обвивался вокруг деревьев, балюстрад и статуй. Из него составлялись длинные гирлянды, причем достигалось это таким образом, что между двумя пушктами протягивалась тонкая веревка, по которой ползли ветки плюща.² Наконец, без зеленых беседок и зеленых галерей не обходился почти ни один римский сад.

Что касается цветов, то они, несомненно, вопреки свидетельству миниатюрных фресок, были одним из главных элементов ксита. Культура цветов в Риме была вообще чрезвычайно распространена; цветы культивировались не только на грядках, но и в оранжереях и, напр., зимние розы имелись в Риме в изобилии.³ По словам Плиния Старшего, которому мы вообще обязаны ценнейшими сведениями о флоре Италии, любимыми цветами в его

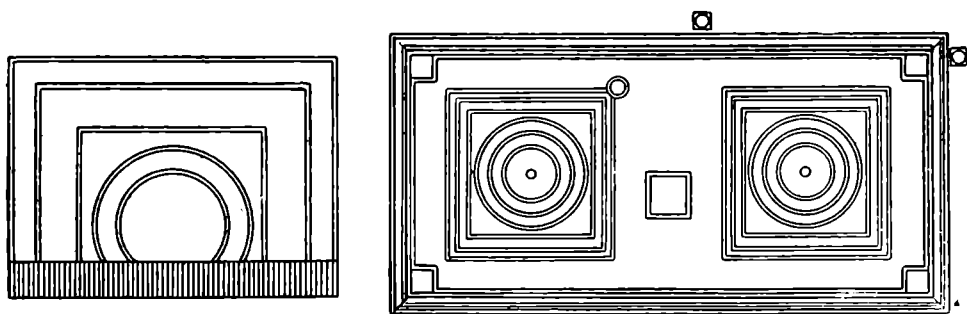

Рис. План цветочных клумб. Помпеи.

время были розы, лилии и фиалки.⁴ Из них и из ряда других цветов, как нарциссы, анемоны, ирисы, маки и т. д., составлялись цветочные клумбы и цветочные бордюры вдоль деливших ксист балюстрад (ср. рис. 16). Так, в ипподроме Плиния Младшего имелся розарий, а ксист его виллы в Лаврентиуме благоухал фиалками. Раскопки в Помпеях добыли интересные данные о цветочных узорах на клумбах римских ксистов. При раскопках перистилей с ксистами в некоторых домах Помпеи найдены были *in situ* поставленные на ребра кирпичи, которые окаймляли клумбы и, таким образом, сохранили их рисунок. Как видно по рис. 7, здесь, так же как и в общем плане ксита, царствует геометрическая фигура — квадрат, прямоугольник и круг.⁵

Подстриженная зелень и правильные цветочные грядки ксистов чередовались с архитектурным и скульптурным их убранством, наполнявшим ксист не меньше, если не больше, чем зеленые насаждения. Общий характер плетеных балюстрад, легких деревянных беседок и арок, фонтанов и водных бассейнов ясен по вышеописанным миниатюрным фрескам. Садовая архитектура такого рода, впрочем, отличалась, повидимому, большим разнообразием и даже причудливостью форм, если судить по помпеянским фрескам 4-го стиля, для архитектурных арабесок которого всякого рода садовые павильоны и беседки доставляли, повидимому, основной мате-

¹ Daremberg — Saglio, s. v. Hortus.

² Prop., V, 4, 3. — Plin. N. H., XVI, 144—152.

³ Martial, VI, 80.

⁴ Plin. N. H., XXI, 14.

⁵ Overbeck Mau, ук. соч., стр. 265 (Casa dei capitelli colorati и Casa dei capitelli figurati).

риал. Что же касается до скульптурных украшений, то наиболее живое представление о системе их расположения и общем характере их тематики, а также способе применения их в виде фонтанов может дать восстановленный ксист в знаменитом доме Веттиев в Помпеях (рис. 8). Почти все статуи и мраморные столы этого сада найдены были на местах, а общие линии дорожек и клумб восстановлены, согласно сохранившимся античным следам.

Ксист перистиля дома Веттиев представляет собой продолговатый прямоугольник, окруженный со всех сторон портиком. Посреди ксиста в один ряд расположены три соединенные друг с другом восьмиугольные площадки, окаймленные газоном, цветочными клумбами и цветущими кустами. На средней площадке, в центре ксиста, стоит круглый мраморный стол,

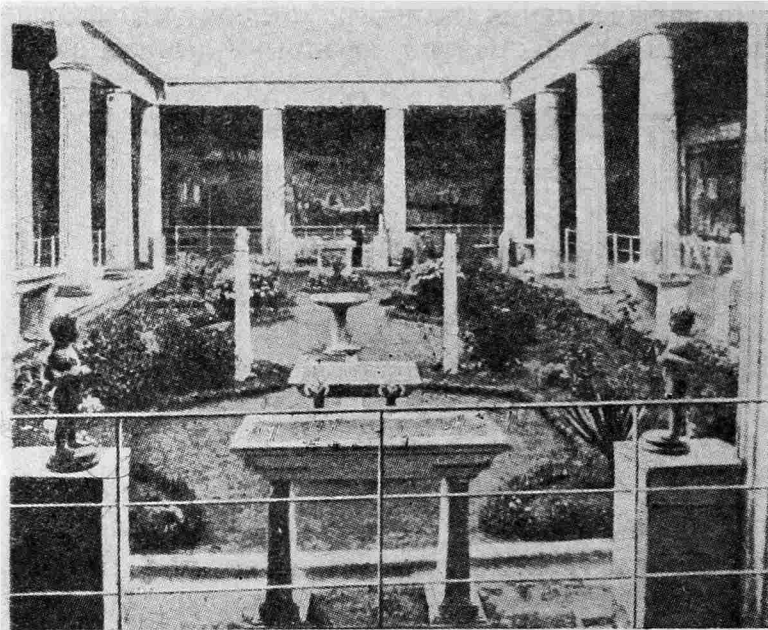

Рис. 8. Восстановленный плоский сад перистиля дома Веттиев в Помпеях.

из которого бьет струя фонтана; по бокам от него две двойные гермы. В углах портика и между средними его колоннами продолговатые и круглые мраморные столы, куда падают тонкие струи воды, выходящие из 12 стоящих рядом со столами мраморных и бронзовых статуэток, изображающих мальчиков с зайцами и гусями в руках, сатиров, пастухов, статуи Вакха. В разных местах сада симметрично расположено еще несколько мраморных фонтанов в виде раковин, ваз и квадратных водоемов.

Римский ксист принято считать предшественником и даже родоначальником итальянского плоского сада эпохи возрождения и французского партера XVII в. Такой взгляд, несомненно, имеет свои основания, хотя и следует заметить, что римский ксист никогда, повидимому, даже не приближался к тем гигантским размерам, какие имеют большие партеры Лепотра, и что ему свойственна большая простота форм при значительной перегруженности всякого рода архитектурными и скульптурными украшениями. Тем не менее, общие принципы разбивки плоских садов, как в отношении их планировки, так и в отношении основных декоративных приемов, и тут и там одинаковы, и вполне возможно, что старые традиции художественного садоводства Италии возродились с особой силой в Италии XV и XVI вв.

Это особенно справедливо по отношению к римскому ксисту, разбитому перед фасадом здания, так как именно эта форма плоского сада и получила впоследствии столь широкое развитие, в иных условиях воспроизводя старую идею римских архитекторов. Идея эта совершенно ясна: плоский сад не только не скрывал архитектурного замысла, воплощенного в фасаде здания, перед которым он был разбит, но, наоборот, в силу строгой согласованности основных линий фасада с линиями сада выявлял его

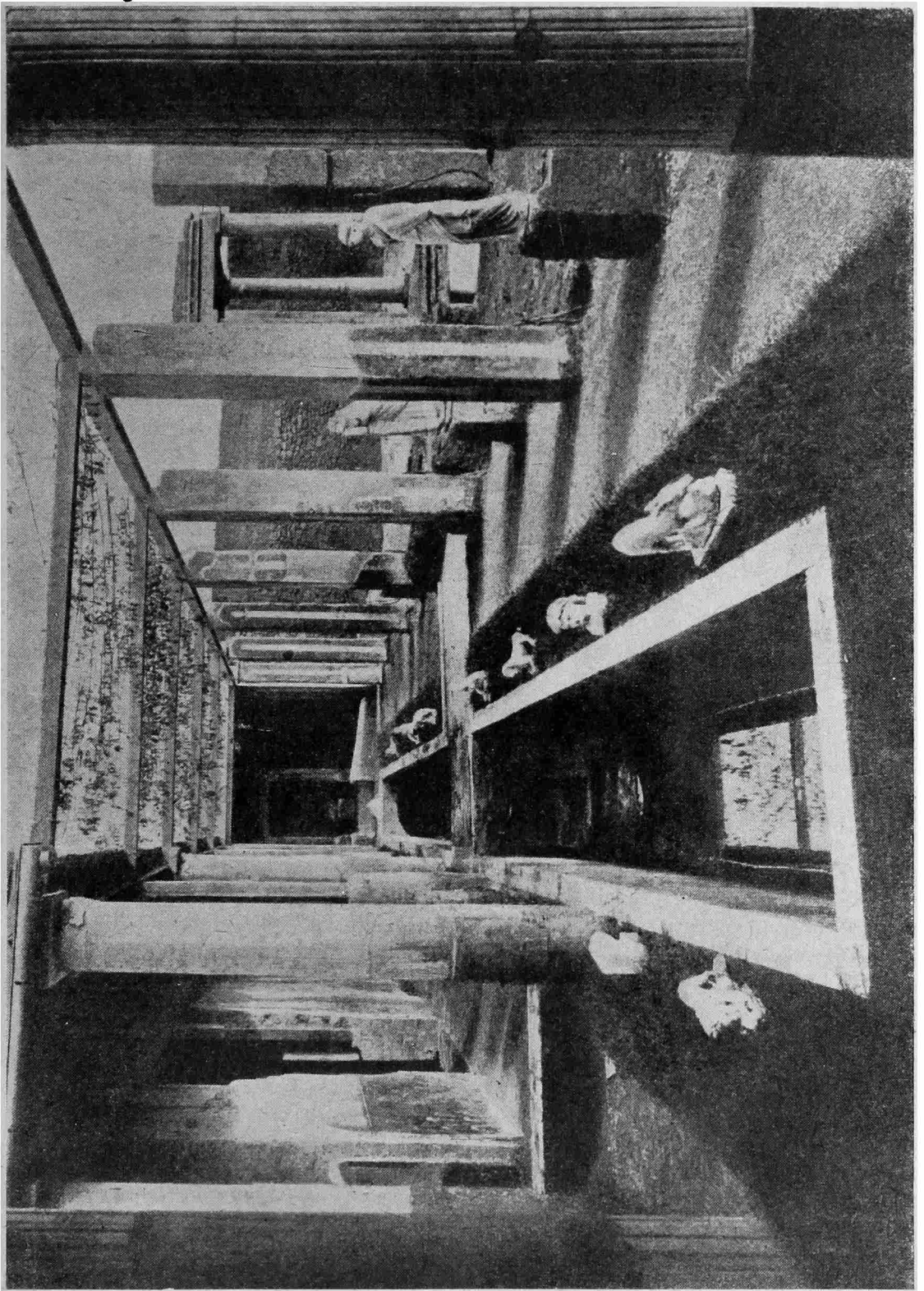

Рис. 9. Пергола в саду дома Юкундия Квартона в Помпеях.

с особой отчетливостью и как бы проецировал его на плоскости. С другой стороны, если вспомнить исключительное удовольствие, находимое римлянами в созерцании широких видов из окон своих жилых помещений и из колоннад портиков, то нельзя не признать, что плоский сад, разбитый перед фасадом виллы, прекрасно отвечал этой склонности. Он не мешал любоваться морем или равниной, и даже служил своего рода эффектной красочной декорацией для переднего плана панорамы, в рамках которой нежные тона голубой дали получали особую прелесть.

Совершенно иные задачи стояли перед архитектором при разбивке сада внутри дома, в его перистиле. Вопрос о широкой перспективе здесь отпадал, зато на первый план выступали конструктивные проблемы, связанные с планом всего дома. Жилые помещения греческого дома с перистилем, типа дома, принятого римлянами в конце II в. до н. э., ориентированы были на внутренний дворик с колоннадами, помещавшийся в середине дома. Не имея окон на улицу, жилые помещения получали свет и тепло из этого дворика. Посадка больших деревьев, бросавших густую тень, была здесь поэтому целесообразна. Наоборот, форма плоского сада как нельзя лучше соответствовала всем требованиям, предъявляемым к перистилю. Свет беспрепятственно проникал в примыкавшие к нему комнаты и, вместе с тем, портик давал защиту от жарких лучей итальянского солнца, а зелень, цветы, мраморы и фонтаны киста создавали иллюзию пребывания среди природы в условиях полной замкнутости от внешнего мира. Роль, которую выполнял плоский сад в перистиле римского дома, можно до известной степени сравнить с ролью зимнего сада в богатых домах нового времени, форма же его была воспринята и развита впоследствии при создании *chiostro* итальянских монастырей.

На вопрос о том, где и когда создан был перистиль с кистом, в настоящее время невозможно дать точного ответа, так как история греческого сада мало разработана. Греческий тип дома с перистилем и греческий термин, обозначающий в Риме плоские сады,¹ как будто указывают на то, что активная роль принадлежит здесь грекам.²

Выяснение основных форм римского большого сада связано с большими трудностями, чем изучение римского киста. Многочисленные литературные свидетельства, за исключением вышеприведенного письма Плиния, не содержат в себе связанных, детальных описаний садов. Из них можно почерпнуть только сведения о местоположении крупных зеленых насаждений, о некоторых деталях их устройства, а также общие представления о величине некоторых из этих садов, но указания на архитектурный их план здесь отсутствуют. Археологические данные тоже скудны. Правда, местонахождение большинства знаменитых садов города Рима в настоящее время может считаться приблизительно установленным, благодаря найденным при раскопках надписям с именами владельцев, но от самих насаждений не сохранилось ничего, кроме остатков их архитектурных и скульптурных украшений и водопроводных труб для фонтанов. Только раскопки в Помпеях были в этом отношении более плодотворны. Наконец, что касается памятников живописи, то и здесь при наличии довольно большого числа фресок с изображением садов (в Риме существовал даже особый вид фресковой живописи, занимавшийся изображением садовых панорам, *Garten-*

¹ Слово *ξυστός* употреблялось в Греции для обозначения колоннады, в которой происходили упражнения гимнастов в зимнее время.

² Интересные, но не вполне ясные сведения о плоском саде в Египте при Птолеме II можно найти у Калликсена (*Athen*, 5, 196, 25). Ср.: F. S t u d n i c z k a. *Das Symposion Ptolemaios*, II. *Abh. d. Philol.-Hist. Klasse Sächs. Ges. d. Wiss.*, т. XXX, № II, 1914, стр. 71.

malerei) приходится констатировать отсутствие таких композиций, которые давали бы представление об архитектуре садов в целом.

Между тем римские большие сады, несомненно, были чрезвычайно разнообразны, в зависимости от условий их местонахождения. Достаточно вспомнить римский обычай строить виллы на длинных дамбах,¹ вдававшихся в море или в озеро, или описанные Стацием² сады Поллия Феликса и Манлия Вописка, разбитые в Сорренто на склоне скалистых гор и в Тибуре на горных террасах по обоим берегам горной речки, чтобы представить себе, какие разнообразные задачи ставила перед римским архитектором природа Италии. Таким образом и те неполные данные о форме больших римских садов, которые можно извлечь из имеющихся в нашем распоряжении источ-

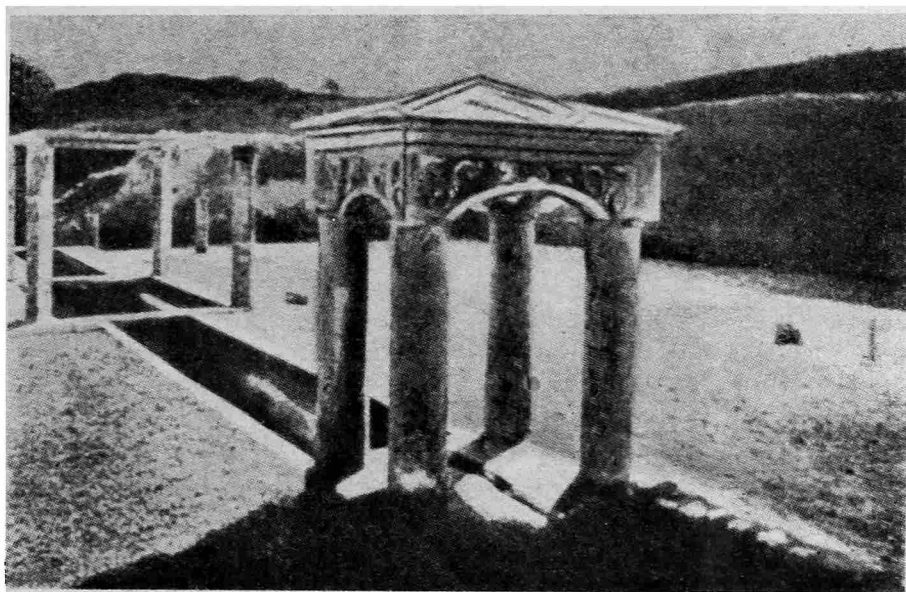

Рис. 10. «Эврий» в саду дома Юкундия Квартона в Помпеях.

ников, должны быть приняты лишь с большими ограничениями, как характерные только для части античных зеленых насаждений Италии.

Раскопки последних лет в Помпеях раскрыли богатый и сложный по своему плану дом Юкундия Квартона, при котором имелся большой сад с прекрасно сохранившимся архитектурным и скульптурным оформлением.³ Сад расположен на большой прямоугольной площади, помещавшейся позади дома. Вдоль одной из сторон дома идет терраса, по которой тянется длинная пергола, перекрывающая дорожку и параллельный с последней длинный бассейн, окрашенный внутри голубой краской (рис. 9). По краям бассейна газон, по которому расставлены мелкие скульптуры, главным образом фигуры животных. В промежутках между пилястрами перголы, лицом к дорожке, стоят на особых постаментах статуи и среди них, между прочим, копия со статуи музы Полигимнии, особенно ценная тем, что это единственная из дошедших до нас копий этой статуи с подлинной головой. В конце перголы находится пища, отделанная мозаикой, со статуэткой-фонтаном, двумя ложами и фресками на стенах, изображающими сцены охоты и мифы о Нарциссе и о Геро и Леандре. Посреди сада, на всем его

¹ P l i n. Epist., IX, На этих дамбах также разбивались всяческие сады. Ср.: RM, 1911, табл. VII, 2, стр. 76.

² S t a t. Silvae. I, 3 и II, 2.

³ A. I r p e l. Pompeji. Berühmte Kunststätten, т. 68. Лейпциг, 1925, стр. 114 сл.

протяжении, перпендикулярно к перголе, тянется второй бассейн в виде искусственной реки (рис. 10). Римляне очень любили украшать свои сады такими искусственными реками, которые они называли «Еврипами» (по имени узкого пролива между островом Евбеей и Беотией) или «Нилами».¹ В одном месте «Еврип» расширяется и образует квадратный бассейн с фонтаном, перекрытый беседкой. В другом месте над «Еврипом» стоит эдикула с богатыми лепными украшениями. Здесь найдена была статуя Гермафродита, любовавшегося на свое отражение в воде. В конце этой реки опять шипа с фонтаном.

По краям второго «Еврипа» посажены были два ряда плодовых деревьев. При раскопках обнаружены были в земле пустоты, образовавшиеся на тех

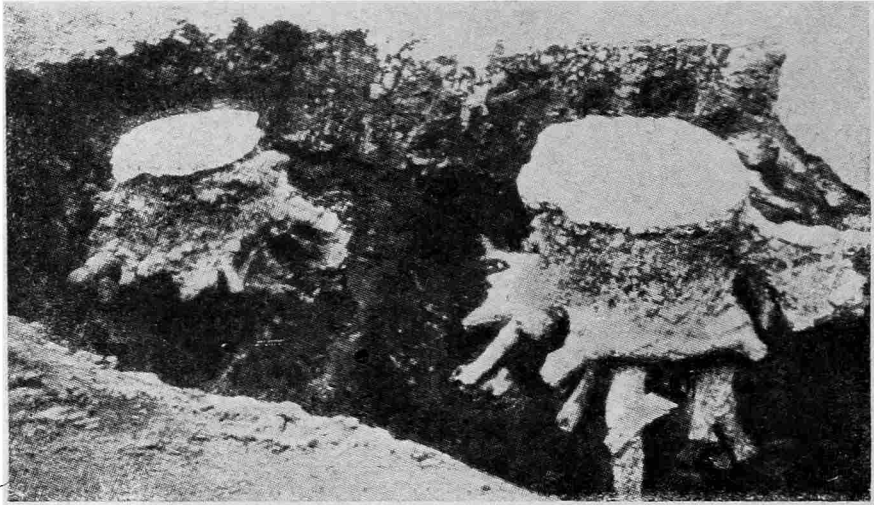

Рис. 11. Отлитые в гипсе древесные корни. Помпеи.

местах, где находились корни деревьев. Путем заполнения этих пустот гипсом удалось получить точные слепки корней и таким образом восстановить картину некогда возвышавшихся здесь насаждений (рис. 11). О том, как были распланированы и чем заполнялись остальные пустые теперь пространства сада, в литературе, к сожалению, ничего не говорится, но и приведенных данных достаточно, чтобы установить основные линии его плана: прямоугольную форму всей садовой площади, разделенной на две равные части пересекавшей ее рекой с двумя рядами деревьев.

Другой сад Помпей, сад пригородной «виллы Диомеда», занимал, как это видно по плану (рис. 12), квадратную площадь за домом, приблизительно в 30 м длины. Посреди него находился бассейн, в центре которого возвышалась колонна, служившая фонтаном. За бассейном, на возвышенной площадке, найдены были остатки зеленой беседки — части шести колонн, поддерживавших крышу из винограда. В саду найдены были обуглившиеся остатки деревьев. Дневник раскопок, произведенных в 1771 г., утверждает, что положение, в котором обнаружены были эти остатки, дает полную возможность восстановить картину первоначальной посадки деревьев, но,

¹ С i с. De legibus, II, 2. Римляне вообще очень любили связывать свои сады с реминисценциями о знаменитых местностях Греции и других стран. Так, на вилле Адриана имелись: Темпейская долина, Академия, Ликей, «Пестрый» портик и Каноп.

к сожалению, эти данные не были, насколько нам известно, обнародованы в печати. Впрочем, в последнее время начались работы по восстановлению всего сада «виллы Диомеда». Нам не известно, закончены ли они в настоящее время.

Помимо квадратной формы сада и симметричного расположения его бассейна и беседки, сад «виллы Диомеда» интересен еще одной подробностью. Со всех четырех сторон он окружен широким двухэтажным портиком, совершенно изолирующим его от окружающих дом полей (рис. 13). Подобные открытые галереи, иногда вытянутые в одну линию, иногда построенные в виде громадной дуги,¹ иногда, наконец, как на «вилле Диомеда», сомкнутые в квадраты или прямоугольники, являлись важнейшим элементом римского сада. Даже в саду виллы Поллия Феликса в Сорренто,² саду, разбитом на склоне скалистой горы, имелся портик, который спускался по скалам к самому берегу моря. Эти портики, «в час зноя вбравшие в себя тень и прохладу», служили для прогулок во время жары или дождя. Впрочем прогулки совершались не только пешком, но также и в носилках и в экипажах.³ На вилле Адриана в Тиволи имелся, напр., большой двусторонний портик, общим протяжением прибл. в 400 м, ориентированный с запада на восток с таким расчетом, чтобы одна сторона его всегда находилась в тени.⁴ Оба конца портика закруглены, чтобы проезжавшим здесь экипажам удобно было погибать угол, выезжая из одной галереи портика в другую. В садах Саллюстия на Monte Pincio император Аврелиан воздвиг портик длиною в 1000 шагов, катаясь в котором он ежедневно доводил до усталости как самого себя, так и своих лошадей.⁵

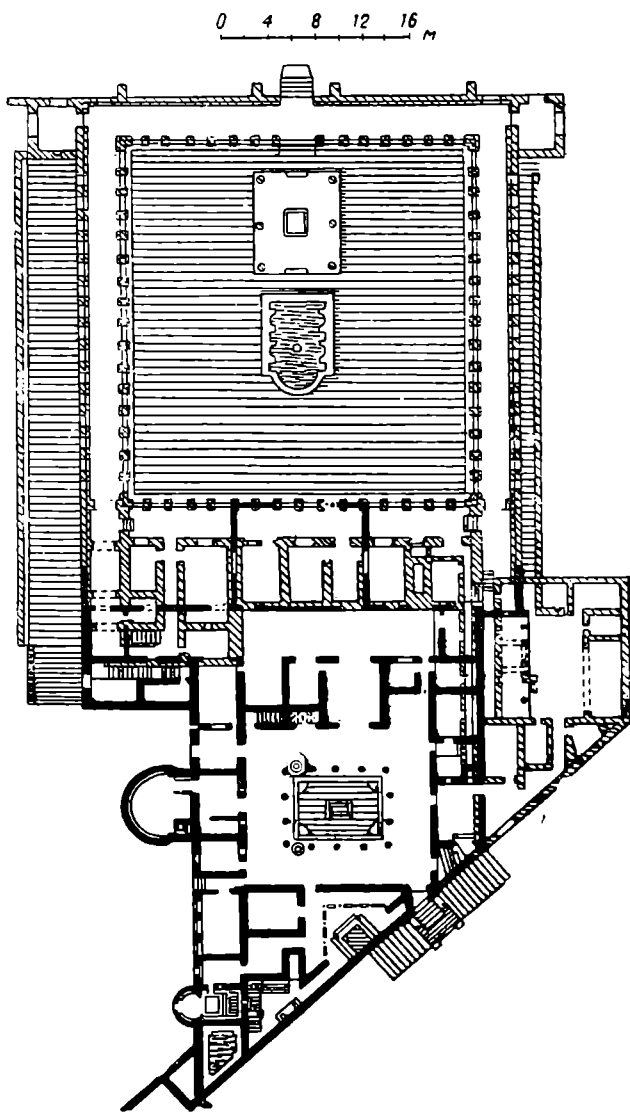

Рис. 12. План «виллы Диомеда» в Помпеях.

¹ Ср., напр.: RM, 1911, рис. 92.

² Stat., II, 2, 30.

³ Juven., VII, 178 и IV, 6. — Martial, I, 12 и 82.

⁴ Н. Winnefeld. Die Villa des Hadrians bei Tivoli. Берлин, 1895. Новые работы Hülsen'a, Kennedy и Chillmann'a мне, к сожалению, недоступны.

⁵ V. Aureliani, 49. — O. Richter, ук. соч., стр. 268.

Там, где не было портиков, их заменяли большие, обсаженные тенистыми деревьями аллеи (*gestatio*).¹ Последние, в отличие от дорожек для пешеходов (*ambulatio*), предназначались главным образом для экипажей. На вилле Плиния в Лавренциуме имелась, напр., *gestatio*, рядом с которой шла мягкая дорожка для пешеходов.

Живое представление об устройстве таких аллей дает знаменитая фреска из виллы Ливии «*Ad gallinas albas*» в Примапорте (рис. 14). Вдоль всех четырех стен одной из комнат этой виллы тянется фреска, изображающая боскет и проложенную перед боскетом широкую аллею, которая, таким образом, как бы обходит кругом всего помещения. Зритель, стоящий в комнате, мыслится находящимся на внутренней стороне аллеи. Он видит перед собой на переднем плане легкую балюстраду, за ней широкую аллею, окаймленную с противоположной стороны более массивной деревянной балю-

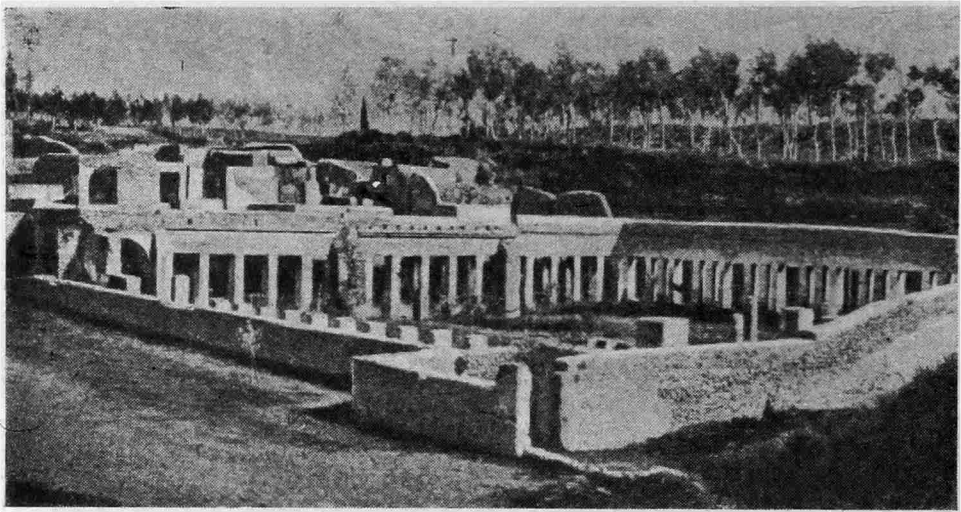

Рис. 13. Сад «виллы Диомеда» в Помпеях. Общий вид.

страдой с резьбой. Вдоль последней тянется бордюр из мелких белых цветочков, и на равномерном расстоянии друг от друга рассажены небольшие кустики, чередующиеся с омфалами из плюща, вьющегося вокруг воткнутых в землю палочек. Прямая линия деревянной балюстрады прерывается от времени до времени квадратными выступами, против которых в плетеных балюстрадах имеются проходы. В каждом из выступов посажено по большому дереву — сосне, пихте или дубу. Нижнюю часть их стволов закрывают кусты акаци, выше по стволу вьется плющ. Непосредственно за балюстрадой рассажены цветы: розы, маки, хризантемы, циперарии, ромашки, присы, фиалки и др. Дальше идут деревья и кусты, среди которых можно различить яблоню, айву, пальму, лимонное дерево, кипарис, ежевику, букс; все это сливается в глубине картины в густую зеленую чащу.²

Большие аллеи, имевшие, как мы увидим ниже, очень важное значение в планировке римского большого сада, шли обычно по его периферии, благодаря чему для катания в экипажах выгадывалось максимально воз-

¹ *Gestatio* в Тосканской вилле Плиния обсажена была низкими деревьями, но это исключение из общего правила, объясняемое тем, что этот сад расположен был перед виллой и высокие деревья мешали бы виду на долину Тибра.

² Разбор данной фрески с точки зрения ботаники можно найти в *RM*, 1890, стр. 78 сл.

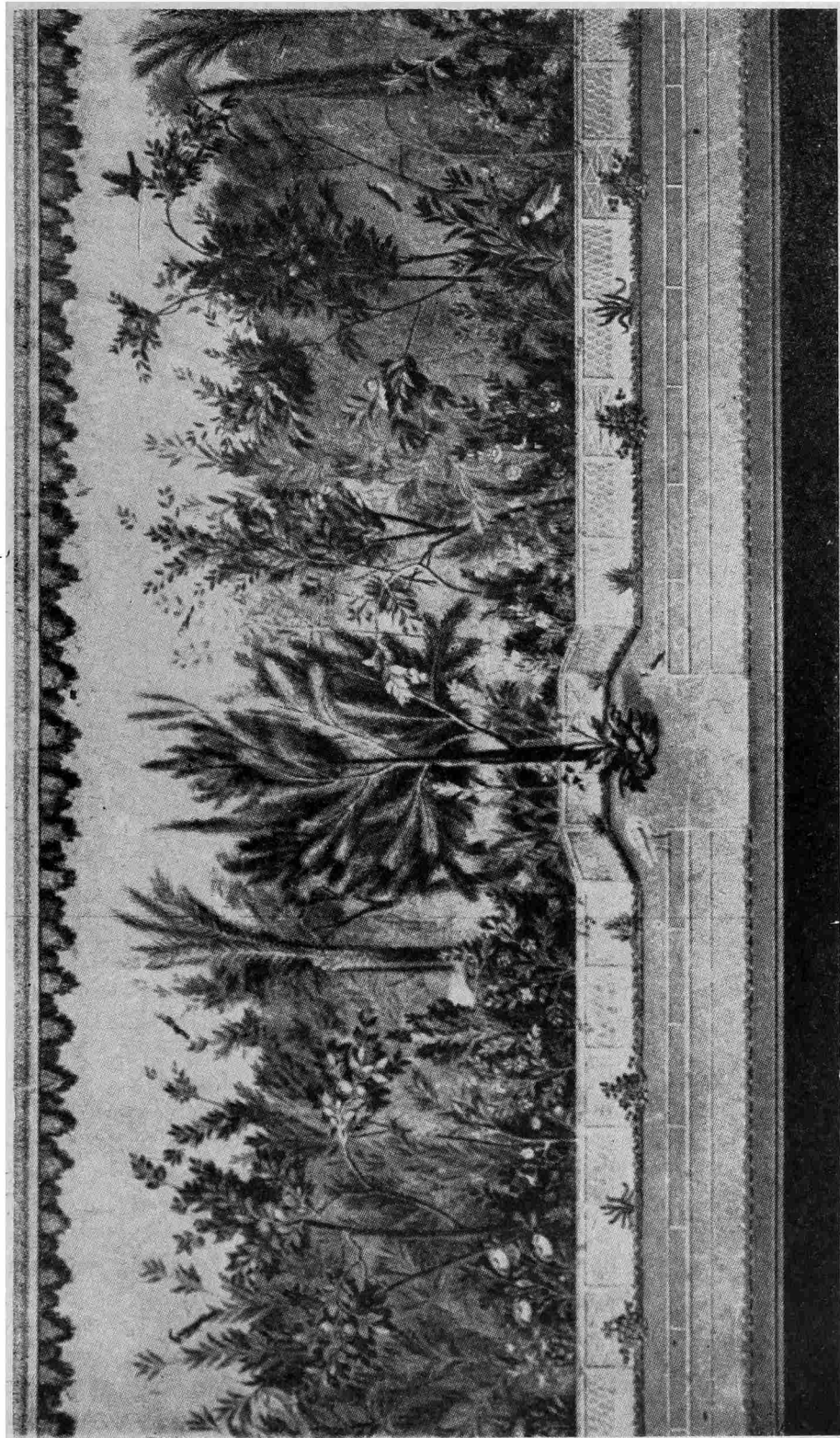

Рис. 14. *Gestatio* большого римского сада. Фреска из виллы Ливии в Примапорте.

можное на данном участке протяжение аллей. В пространстве же, заключенном посреди круговой аллеи, размещался самый сад с его боскетами, лужайками, прудами, навильонами, беседками и фонтанами. Принципы размещения всех этих элементов внутри сада известны нам лишь очень приблизительно. По упоминаниям в литературе мы знаем, что убранство садов часто бывало очень роскошным: павильоны из цветного и белого мрамора, беседки с лепными, мозаичными и резными украшениями, нимфеи, храмы, целые леса статуй («мраморные сады» поэта Лукапа), ценные мраморные вазы — все это было обычным явлением в садах римских богатей. С другой стороны, предпринимались и обширные земельные работы:

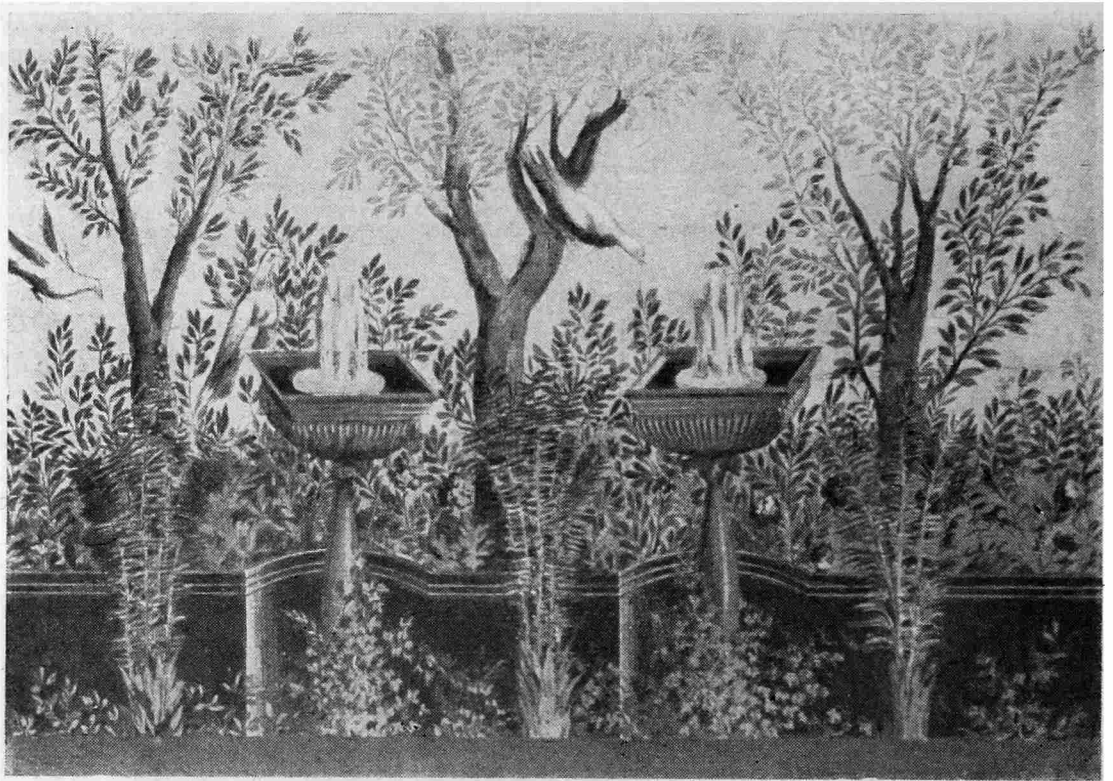

Рис. 15. Деталь сада. Фонтаны. Фреска из Помпей.

вырывали большие пруды (*risinae navigabiles*), насыпали холмы, прокладывали искусственные реки и водопроводы для фонтанов, устраивали искусственные гроты и лабиринты. Не отставало и искусство садовника: *opus toriagium* встречался здесь, судя по описаниям Плиния, на каждом шагу, искусно подбирались ценные породы деревьев, среди которых особой популярностью пользовались платаны, устраивались зеленые беседки и зеленые галереи, рассаживались яркие цветы, грядки с мягким аканфом и устраивались из газона зеленые ковры.

Римская живопись, к сожалению, лишь очень слабо отразила былое великолепие большого римского сада. Приводимые ниже два художественных памятника, наиболее характерные в своем роде, несмотря на невысокие свои художественные качества, позволяют, однако, пропикнуть взором в отдельные уголки такого сада.

Фреска из Помпей (рис. 15) изображает два фонтана в виде массивных, глубоких мраморных чаш (перспективно неправильно нарисованных), поддерживаемых высокими подставками с бордюрами из листьев на стыке подставок с чашами. Фонтаны помещаются за выступами деревянной балю-

страда, за которой растут цветы, кусты и посаженные в ряд большие деревья. Перед балюстрадой плющ, акаф и кусты. Между деревьями и фонтанами порхают птицы.

Фреска из виллы Фанния Синистора близ Боскореале (рис. 16) переносит нас в сад, разбитый на склоне горы. Внизу под горой искусственный грот, вход в который обвит плющом. Справа, перед входом в грот, фонтан. Вода изливается тонкими струйками из скалы в высокий, продолговатый мраморный бассейн, откуда она падает на мраморный стол, поддерживаемый ножками в виде звериных лап. На горе на фоне деревьев и голубого неба вырисовываются пергола и деревянная балюстрада.

Какой же общий вид имел тот единый комплекс, который составлялся из этих разнообразных элементов?

Выше уже было отмечено, что широкая аллея, предназначенная для прогулок в экипажах, обычно огибала весь сад, проходя по его периферии. Типичную форму такого сада с огибающей его аллеей дает форма так называемого сада-ипподрома, как он описан в письме Плиния. Надо думать, что самый выбор этой формы сада связан с удобством ее для бега коней. Во всяком случае, она была очень распространена в античной Италии, по крайней мере в эпоху Домициана, так как и Плиний (57, 23) и Марциал (XII, 50, 5) говорят о ней как о чем-то общеизвестном. Место, на котором расположен был один из таких садов, было обнаружено раскопками на Палатине.¹ Размеры этого примыкавшего к дому Августа ипподрома очень невелики, длина его равняется, приблизительно, 180 м, а ширина 50 м. Форма его в точности соответствует форме ипподрома, т. е. вытянутого прямоугольника с закругленным в виде дуги коротким концом. Вся эта площадь обнесена была при Септимии Севере широким портиком, а раньше того, при Адриане, выстроена была эседра, выходившая своей открытой

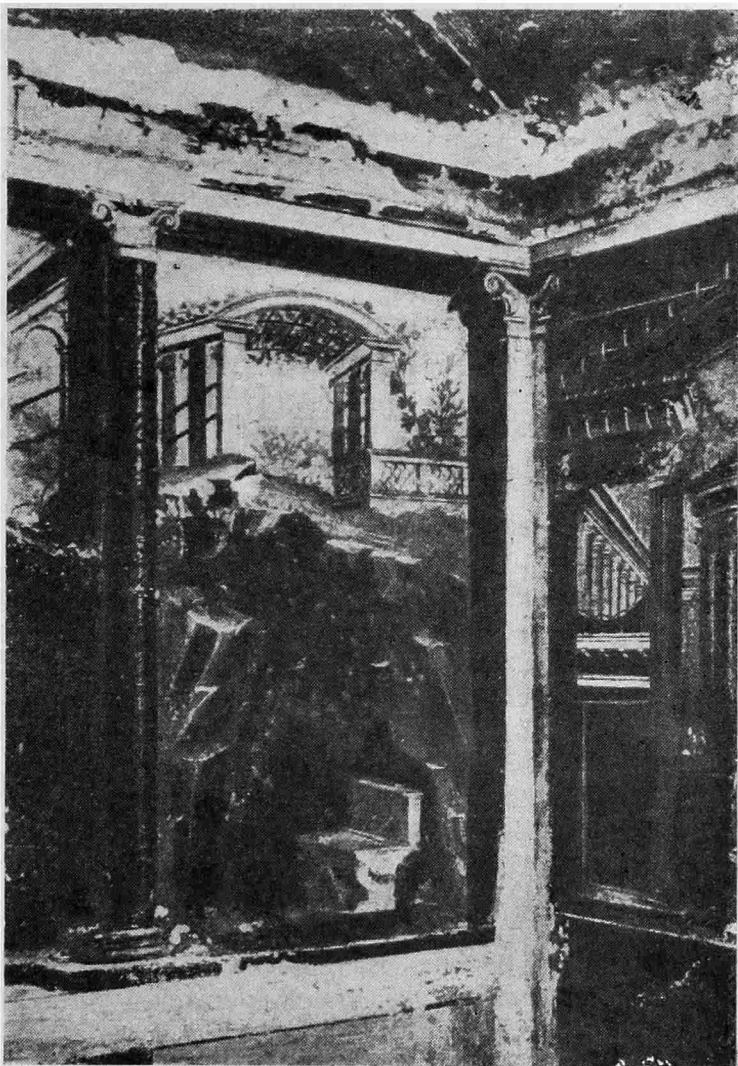

Рис. 16. Сад на склоне горы. Фреска из виллы Фанния Синистора близ Боскореале.

¹ Richter, ук. соч., стр. 155. — JAI, 1895, стр. 138 сл.

частью на сад. От убранства сада сохранились лишь статуи амазонок и остатки гидротехнических сооружений.

Итак, существование в античной Италии больших садов, разбитых на площадях правильной, точно определенной формы, не подлежит сомнению. Далее, у того же Плиния мы находим описание двух других его садовых аллей (*gestatio* на Тосканской вилле и *gestatio* на вилле в Лавренциуме), из которых первая имела форму цирка (*in modum circi*), т. е. правильного овала, и вторая обходила кругом весь сад, тоже образуя, повидимому, либо овал, либо правильный круг. Если далее вспомнить правильную квадратную форму сада виллы Диомеда и указания надписей о существовании близ Рима сада с двумя аллеями, в виде правильных concentрических кругов,¹ то придется сказать, что геометрически правильная форма большого сада, форма, определяемая направлением окружавших их аллей или портиков, была, повидимому, очень распространена в древней Италии.

Возможно, что эта особенность римского большого сада, так же как и прямолинейность ксеста, находилась в связи с коренным римским обычаем деления земельной площади на правильные квадраты.² Для выяснения же характера римского большого сада из этой его особенности можно сделать еще одно заключение. На фресках с изображением вилл большой сад всегда изображен находящимся за главными строениями виллы. Главный фасад виллы открыт и обращен лицом к морю, озеру или к равнине. При постройке самой виллы, несомненно, принимался во внимание окружающий ландшафт, но, в противоположность ксесту, большой сад, расположенный по ту сторону главного фасада виллы, откуда открывался вид, планировался без учета этого ландшафта.³ Большой сад с его правильной формой и внутренней замкнутостью, благодаря ограждавшим его со всех сторон аллеям с высокими деревьями или портиками, представлял собой самодовлеющую единицу, и окружающий ландшафт в его план не вводился. Внутри же сада, как это видно по описанию Плиния, основные архитектурные линии давались большими аллеями и просеками, причем созданные таким образом эффектные садовые перспективы замыкались павильонами и другими архитектурными сооружениями. В пространстве, заключенном между боковыми аллеями, размещались, конечно тоже по определенному плану, борскеты, лужайки, архитектурные и скульптурные украшения сада, словом все те создания сложнейшего садового искусства и подражания деревенской природе, о которых говорит Плиний. Таким образом создавался регулярный замкнутый большой садовый комплекс, который имеет много общего с регулярными европейскими садами эпохи возрождения и последующих эпох и который по своему характеру вполне соответствовал привычкам и вкусам верхушки римского общества. Радости непосредственного общения с нетронутой человеческой рукой природой были ей чужды, и недаром римляне называли «настоящую природу» варварской.⁴ Ею они предпочитали любоваться издали, лежа в своих столовых или гуляя в тени

¹ CIL, VI, 297, 74. — D a r e m b e r g — S a g l i o, s. v. Hortus.

² См. статью Fabricius'a «Limitatio» в RE. В Помпеях найден был инструмент, служивший для выверки прямых углов при землемерных работах, так наз. стопа или *ferramentum* (Della Corte. Monumenti dei Lincei, XXVIII, стр. 29 сл.).

³ Считаю необходимым повторить, что форма римского большого сада, описанная в данной статье, характерна лишь для части этих садов. Интересно отметить, что существуют указания на наличие в Риме садов пейзажного стиля. Так, на вилле Адриана долина небольшой речки, протекающей к северо-востоку от виллы, была использована таким образом, что из нее создано было подобие Темпейской долины в Северной Греции, причем виднеющиеся вдали горы изображали Олимп.

⁴ По этому поводу см. L. Friedländer. Darstellungen aus der Sittengeschichte Roms. Лейпциг, 1901, I, стр. 417 сл.

своих портиков. Большой же регулярный сад давал им возможность пребывать среди культивированной природы, распланированной лучшими архитекторами, возвращенной опытными садоводами¹ и насыщенной памятниками искусства. Здесь открывались широкие возможности для всякого рода развлечений в своем обособленном кругу, здесь можно было отдыхать в стеклянных, обвитых виноградом верандах, воображая себя в лесу и в то же время не испытывая неприятностей от свойственной настоящему лесу сырости, и сюда же, как это делал Плиний,² можно было удалиться, когда крики и возгласы рабов во время праздника сатурналий нарушали обычное спокойствие дома. Любовь римлян к своим садам хорошо известна, и надо думать, что когда Марциал (XII, 50) высмеивал хозяина, обладавшего лаврами, платанами и соснами, портиком в сотню колонн, ипподромом и множеством фонтанов, но не имевшего ни столовой, ни спальни, он не слишком грешил против действительности.

M. MAXIMOVA

LES JARDINS ARCHITECTURAUX ANTIQUES DE L'ITALIE

R é s u m é

L'auteur s'est proposé de reconstituer l'aspect général du jardin architectural antique en Italie dans les derniers temps de la république et à l'époque de l'empire romain et de mettre en lumière la conception architecturale qui se trouve à sa base. Il essaie, d'après les lettres de Pline le Jeune contenant la description des jardins de ses villas et d'autres sources littéraires, ainsi que des fresques de Pompée et des documents fournis par les fouilles, de donner un tableau du jardin plat (xyste), situé soit à l'intérieur de la maison de ville, soit devant la façade de la villa suburbaine, et du grand jardin ou parc attenant aux palais et aux riches maisons de campagne. Il examine la végétation du jardin, les plantes ligneuses et herbacées qui y étaient cultivées et les sculptures, fontaines et constructions légères qui l'ornaient et montre la combinaison heureuse qu'y offraient les plantations, la sculpture et l'architecture, ainsi que la subordination des unes et des autres à un plan général strictement ordonné et géométriquement régulier. Le plan du xyste était dressé en tenant compte des lignes architecturales de la façade du bâtiment devant lequel il était situé; le plan du grand jardin, au cas où la configuration des lieux le permettait, présentait la forme d'un hippodrome, c'est-à-dire d'un rectangle allongé dont un des petits côtés était arrondi. Le grand jardin constituait un tout à part, indépendant. Il offrait de larges possibilités au développement de la perspective intérieure, mais son plan n'était pas coordonné avec le paysage ambiant. Le caractère strict du plan des jardins de l'Italie antique s'explique probablement par l'ancienne coutume romaine de lotir les terres en pièces d'une forme géométrique régulière.

¹ Литературное предание не сохранило нам имен архитекторов и садоводов, создавших римские сады. Интересно, что у Плиния (N. H. XX, 33) и у Вергилия (Georg., IV, 127 сл.) говорится об искусных садоводах Италии, выходцах из Сирии и Киликии.

² P l i n. Epist., II, 17, 24.

М. Е. СЕРГЕЕНКО

ПАХОТА В ДРЕВНЕЙ ИТАЛИИ

Древняя Италия была, как известно, страной земледельческой. Хозяйственный облик ее в разных частях страны и в разное время был различным, но без хлебопашества и полевого хозяйства Италию нельзя представить себе ни в одной части ее и ни в какое время. В тот период, когда римское владычество не выходило за пределы полуострова, полеводство было главной сельскохозяйственной отраслью (животноводства мы здесь в расчет принимать не будем). Уже в половине V в. до н. э. Софокл восхвалял «белую пшеницу счастливой Италии». Известно, что после заморских завоеваний и особенно после разрушения Карфагена полеводство в ряде мест отодвинулось назад, уступая место виноградникам, оливковым плантациям и фруктовым садам. Книга Катона воочию показывает нам, как в Кампани и в Лациуме виноградная лоза и маслина постепенно завоевывали хлебные нивы и отбирали земли, находившиеся раньше под посевом. Ошибочно думать, однако, что полевые культуры всюду оказались на положении почти вытесненных. В I в. н. э., когда в распоряжении Рима был хлеб из Египта и Африки, даже Кампания, представлявшая еще со времен Ганнибала почти сплошной сад, не перестает сеять полбу и просо. Этрурия славилась своей превосходной пшеницей и полбой, белой и тяжеловесной. Апулия, где паслись громадные стада скота, сеяла пшеницу, с которой, по словам Варрона, никакая другая не могла сравниться. Страбон выделял Умбрию из всей Италии как область, где сеют больше полбы, чем пшеницы. Долина По изобиловала хлебом. Плиний говорит, что итальянской пшенице уступают все заморские сорта. Хлеб в Италии сеяли и крестьяне на своих клочках земли, сеяли в своих имениях и рабовладельцы, как для нужд собственного хозяйства, так и для продажи. Колумелла в своей работе посвятил полеводству целую книгу (вторую). А когда к концу I в. н. э. виноградарство и маслиноводство в Италии начинают постепенно хиреть, не выдерживая провинциальной конкуренции, и итальянский рабовладелец мало-по-малу переходит с самостоятельного хозяйства на отдачу земли в аренду мелкими участками, то хлебные культуры опять выдвигаются на первое место, и уже во II в. н. э. Италия вновь приобретает характер хлебопашеской страны. В связи с важностью хлебопашества для Италии особое значение, конечно, приобретают вопросы полеводческой техники. Нельзя представить себе состояние сельского хозяйства в стране, агротехника которой (в широком смысле) остается неизвестной. Понятен и законен поэтому интерес к такого рода вопросам в области древней истории; вопрос о пахоте по важности своей стоит здесь на первом месте. В самом деле, как пахали землю в древней Италии?

Вопрос этот сложнее, чем кажется с первого взгляда, хотя в нашем распоряжении находится довольно много свидетельств, которые производят впечатление почти исчерпывающих; о пахоте рассказывают Варрон и Вер-

гиллий, Колумелла и Плиний. Беда однако в том, что они рассказывают о процессах, ими сотни раз виденных и превосходно известных им самим и их читателям. Поэтому они пропускают ряд подробностей, останавливаться на которых им представлялось совершенно излишним. Надо помнить, прежде всего, что в Италии пахали по-разному, в зависимости от почвы, от характера местности, самого плуга и высеваемого растения. Холмы, напр., — а холмистая поверхность занимает значительную часть Италии, — пахали иначе, чем равнины, и техника работы тем плугом, который Плиний называет «клювистым колом», должна была существенно различаться от работы плуга с резаком; под пшеницу пахали иначе, чем под бобы. Здесь, однако, поражает следующее обстоятельство: наши источники — Варрон с его ярко выраженными этнографическими интересами, Плиний с его стремлением в возможной полноте фактического материала, Колумелла с его дидактическими заданиями — все, начиная свой рассказ о жатве, сообщают о том, как различно происходит она в разных местах. Когда дело касается пахоты, то мы узнаем о разных сроках ее, о различном количестве вспашек, о разной обработке земли под разные растения, но ни о какой разнице в техническом процессе самой пахоты нет ни слова.

Из этого следует заключить, что среди италийских хозяев с весьма давних времен установился некий канон пахоты, обусловленный преобладающим распространением однотипного плуга. Канон этот представлял собой сводку правил идеальной пахоты, и местные различия были, в конце концов, настолько незначительны, что техника самого процесса в основном оставалась почти неизменной. К основам этим относятся: особый способ упряжки, при котором волы меньше набивают себе шею ярмом; длина борозды, которую полагается пройти одним духом, не останавливаясь; помощь, оказываемая волам пахарем, который топориком перерубает корни деревьев и виноградных лоз; запрещение огрехов, частота борозд, многократная вспашка (в Этрурии девятикратная; в некоторых местах пятикратная; обычно трехкратная и двукратная). Тут, однако, и начинаются вопросы. Происходили ли следующие вспашки, как первая или нет? Что значат слова Плиния: «prius quam ares, proscindito»?¹ Что представляли собой *ligae*, и на каком расстоянии находились они одна от другой? Каким образом можно было, засеяв поле, не боронить его? Обратимся к нашим источникам и послушаем, что они нам ответят.

Главные наши источники для пахоты это Плиний (18, 174—181 и еще в целом ряде мест этой же книги) и Колумелла (2, 2, 21—28, 4 и опять-таки по всей книге). Плиний определяет излагаемые им правила как *leges*; Колумелла говорит, что земледельцы должны при распашке полей соблюдать *velut sectam legemque* — те заповеди пахоты, которые он сейчас изложит. *Leges* обоих почти целиком совпадают по содержанию; мало того, иногда совпадают даже слова и последовательность мыслей. Оба, очевидно, черпают из какого-то одного общего источника. Он жил у обоих в памяти и в записи; Колумелла его пересказывал, перемежая собственными наблюдениями, злободневными замечаниями, дополнениями и изменениями; Плиний списывал, следуя методу своей работы, с составленного конспекта, несомненно близко передающего подлинник: без литературных затей, со старомодной склонностью к кратким изречениям афористического типа. Эта старомодность заставляет искать наш источник среди сельскохозяйственных писателей, предшествовавших Варрону и даже Скрофе, «сделавшему агрономию красноречивой»² и «сообщавшему сельскохозяй-

¹ Plin. N. H., 18, 176.

² Columella, 1, 1, 12.

ственные предписания со знанием дела и с изысканностью».¹ Не был ли это Сазерца, земляк Плиния (как и он, уроженец долины По), очень им уважаемый? Утвердительный ответ очень соблазнителен, но, к сожалению, нет оснований категорически на нем настаивать. Как бы то ни было, мы имеем дело с очень старыми сельскохозяйственными правилами. Одно из них сразу же приводит нас в некоторое недоумение: «*prius quam ages proscindito*» («прежде чем пахать, подними землю»)².

Самый термин «*proscindere*» не оставляет у нас никакого сомнения: он совершенно отчетливо объяснен Варроном: «*terram, cum primum agant, proscindere appellant*» («когда землю пахнут в первый раз, это называется поднимать ее»),³ и именно в таком смысле слово это неоднократно употребляется нашими сельскохозяйственными писателями.

Итак, следовательно, первая вспашка чем-то отличается от второй. Об ее особенностях сообщает здесь же Плиний: «*hoc utilitatem habet, quod inverso caespite herbarum radices necantur*» («польза этого в том, что дерн

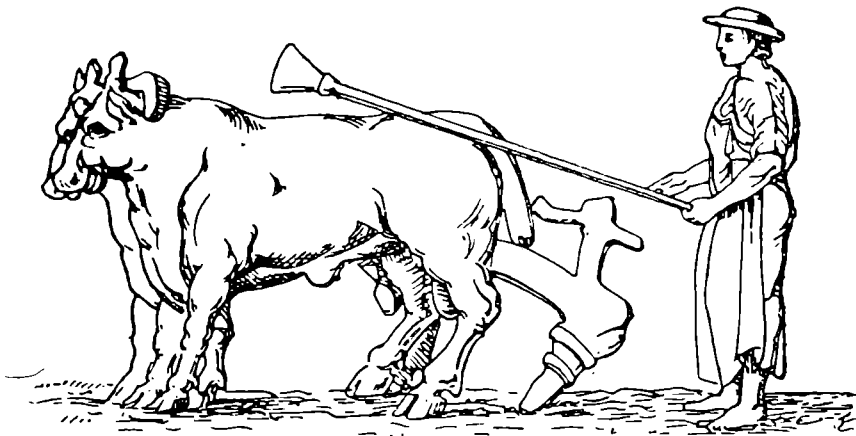

Рис. 1. Плуг из Арrezzo.

переворачивают и корни трав умирают»). Колумелла рекомендует поднимать равнину с жирной сырой почвой в середине апреля, «когда уже взошли все травы, а семена их еще не успели взреть».⁴ Первая вспашка, следовательно, ставит своей целью уничтожение травянистого покрова, которым заросла нива. Для этого пахнут особым образом: дерн переворачивают. Древне-италийский плуг имел отвал: в плуге, описанном Вергилием, есть «уши»; Варрон говорит о «досках, прибавленных к плугу» («*tabellis, additis ad vomerem*»),⁵ а Плиний о «доске, присоединенной к плугу» («*tabula aratro adnexa*»)⁶. Оба последних автора, правда, совершенно определенно указывают момент, когда «доски» приделывали к плугу: это делалось, «когда после посева волы (с помощью этих досок) прикрывают в гребнях посеянный хлеб и одновременно проводят борозды, по которым стекает дождевая вода». С *liratio* соединяет свою доску и Плиний. О том, что «ухо» надевали при первой вспашке, не говорит ни один автор; Колумелла, как мы сейчас увидим, первую вспашку производил без него: в качестве отвала у него выступает подошва плуга. «Пахарь должен держать плуг попеременно

¹ Он же, 2, 1, 2.

² Plin., 18, 176.

³ Varro, r. r. I, 24, 2.

⁴ Col., 2, 4, 1—3.

⁵ Varro, r. r. I, 24, 2.

⁶ Plin., 18, 180.

на одной борозде вкось, а другую вести прямо и целиком погружать его в землю» («*babulcum oportet alternisque versibus obliquum tenere aratrum et alternis recto plenoque sulcare*»).¹

Каким же плугом можно было пахать таким образом? Мы знаем несколько типов древне-италийских плугов. Плуг, изображение которого дошло до нас на бронзовой статуэтке, найденной в Ареццо (Этрурия), представляет собой сплошной кусок дерева, отделанный в виде грядиля, рукоятки и лемеха² (рис. 1). К деревянному лемеху прибавлен, прихваченный двумя кольцами металлический лемех. Плуг имеет характер примитивный — это VI в. до н. э. — и явно приспособлен для тяжелого чернозема, который надо глубоко поднимать (такой и был в Этрурии). Следующим образцом будет также очень старинный плуг на статуэтке из *Civita Castellana* (также Этрурия), которая относится к эллинистическому периоду³ (рис. 2). В этом плуге уже есть подошва, представ-

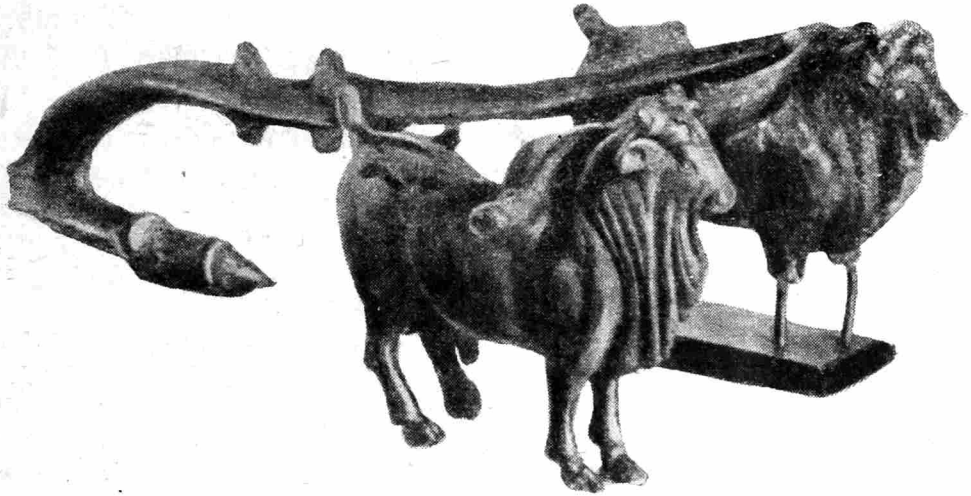

Рис. 2. Плуг из *Civita Castellana*.

ляющая собой один кусок с грядилем, и длинное дышло, прикрепляемое к грядилю с помощью колышков. На подошву падет металлический лемех, прикрепленный веревками или ремнями. Вспомним, что Катон горячо рекомендовал эти лемеха, которые можно было снимать и надевать.⁴ Они, видимо, только начисали при нем распространяться и представляли собой повишку, на которую стоило обратить внимание хозяев; сам Катон, хозяин передовой и расчетливый, позаботился о том, чтобы запастись такими лемехами.⁵ Плуг этот своим видом совершенно подходит под то определение, которое дано Плинием: «*alterum genus est volgare rostrati vectis*» («второй, обычный вид плуга это кол с клювом»).⁶ Именно такой плуг увидим мы на ряде монет последнего века республики: на монетах Вибия (48 г. до н. э.) и Тиберия Семпрония Гракха (38—36 гг. до н. э.).⁷ Слова Плиния чрезвычайно важны. Ими, во-первых, определению засвидетельствовано преиму-

¹ Col., 2, 2, 25.

² Billard. *L'agriculture dans l'antiquité*, стр. 69, рис. 19— наш рис. 1.

³ Статья М. И. Ростовцева. Ein spätetruskischer Meierhof в «*Antike Plastik*» (Festschrift für Amelung zum sechzigsten Geburtstag. Берлин, 1928, стр. 213—217, табл. 17).

⁴ Cato, 135, 2.

⁵ Там же, 10, 2.

⁶ Plin., 18, 171.

⁷ Grueber H. A. *Coins of the Roman Republic*. London, 1910, pl. XXXII, 12 pl. LVIII, 18—20.

цественное распространение такого плуга в Италии. Надобно заметить, что эти лемеха в форме кола чрезвычайно удобны для почв вязких, тяжелых и глинистых, которых в Италии было достаточно. Этого мало. Плуг из *Civita Castellana* настолько прост, что его может сделать для себя самостоятельно каждый крестьянин, единственной покупной частью в нем является железный лемех, без которого в крайнем случае, если на него нет денег, можно обойтись. К достоинствам этого плуга прибавим еще, что длинное дышло в соединении с грядилем должно было действовать как сильный рычаг и не позволяло плугу выскакивать из борозды. Оно несколько утяжеляло весь плуг, но зато заставляло его с большей силой и напором входить в землю. «Кол с клювом» переходил из века в век, оставаясь, повидимому, излюбленной формой плуга в бедных хозяйствах или в таких, где очень экономили и «считали первым доходом отсутствие трат».

Совершенно ясно, однако, что способ пахоты, предписываемый Колумеллой, при таком плуге невозможен. Для такой пахоты требовался лемех другой конструкции. О нем рассказывают нам Вергилий и Плиний.

До нас дошло описание итальянского плуга, — старейшее в латинской литературе — сделанное самим Вергилием.¹

Continuo in silvis magna vi flexa domatur 169
In burim, et curvi formam accipit ulmus aratri.
Huic a stirpe pedes temo protentus in octo,
Binae aures, duplici aptantur dentalia dorso
Caeditur et tilia ante jugo levis, altaque fagus
Stivae, quae currus a tergo torqueat imos. 174

Без промедленья, чтоб сделать в лесу рукоятку,² вязину

С силой великою гнут, кривизну придавая ей плуга.

В восемь ступней у него от корня протянуто дышло,

Пара ушков и с двойным приспособлена тылом рассоха,³

Валят и липу еще для ярма, и рослые буки —

Заднюю ручку — чтоб низ поворачивать сооруженья.

(Пер. С. Шервинского)

Перед нами составной плуг: грядиль из вяза, 8-футовое дышло (ок. 2¹/₂ м), прикрепленное к этому грядилю (как на плуге из *Civita Castellana*), полоз «с двойной спинкой» (не составляющий уже одного целого с грядилем, как в *Civita Castellana*) и буковая рукоятка. Этот описанный Вергилием плуг из долины По и похож на только что разобранный и отличен от него. Отличие заключается помимо упомянутых особенностей в форме полоза и в лемехе. «*Duplici dentalia dorso*» («полозы с двойной спиной») вызвали недоумение у комментаторов «Георгик». *Dentalia* согласно признали поэтическим множественным числом, а «двойную спицу» объясняли либо невразумительно, либо объявляли местом просто непонятным. Между тем имеется объяснение Сервия (*ad loc.*): *cuius utramque eminent latus: nam fere huiusmodi sunt vomeres in Italia*. Мы имеем плуг с высокой подошвой, которая могла играть роль отвала. Такие плуги еще в XIX в. существовали в Сев. Италии и в Тоскане. Вергилий имел в виду для этого плуга лемех такой формы: вспомним то место «Георгик»,⁴ где рассказано, как крестьянин отбивает «крепкий зуб затупившегося лемеха». Оттачивать лемех, отбивая его, как косец отбивает косу, можно только в том случае,

¹ Vergilius Georgica I, 169—174.

² Грядиль.

³ Подошва.

⁴ Vergilius, I 260—261.

если он представляет собой не остроконечную трубку, а более или менее широкое лезвие — вроде такого, какое изображено на динарии Кальпурния Пизона Фруги¹ (89 г. до н. э.). Такие именно лемехи имел в виду Плиний, когда писал: «лемехи четвертого рода шире и острее, к концу они суживаются, как меч, и этот меч разрезает почву, а острыми краями подрезает корни трав».² Лемех этот был большим и если даже не «потягивался на всю подошву», как утверждает Плиний, то, во всяком случае, передняя часть ее могла быть им целиком прикрыта. Именно таким плугом с давних времен работали в рабовладельческой среде, по крайней мере в тех кругах ее, где стремились к тщательной обработке земли и не останавливались перед расходами. Мы довольно отчетливо можем представить себе работу этим плугом. Пахарь ставит его наискось под тупым углом к возделываемой поверхности и боковой острой стороной лемеха срезает пласт дерна, который наклонно стоящая высокая подошва и отваливает на сторону. Затем он поворачивается, ставит плуг на землю и рыхлит почву. Таким образом процесс первой вспашки складывается из двух различных моментов: срезания дернового пласта и разрыхления земли. Теперь возникают два вопроса: во-первых, как располагаются эти различные борозды в пространстве, и во-вторых, имел ли в виду Плиний, вернее его источник, такой же способ *proscissio*, т. е. первой вспашки, как и Колумелла, или же в его представлении работа сводилась к однообразному срезыванию дерна, пласты которого отваливались один на другой, — иными словами, не являются ли эти две разные борозды каким-то позднейшим изменением старинного способа, который принял Колумелла? Оба эти вопроса тесно связаны между собой, и ответ на них дан обоими нашими авторами, единодушно признавшими следующий «закон» старинной пахоты: «пахать следует столь частыми бороздами, чтобы с трудом можно было разобрать, в какую сторону шел плуг» («*tam frequentibus densisque sulcis arandi sunt, ut vix dinoscatur, in utram partem vomer actus sit*»)³ Это требование в точности повторено у Плиния: «только то поле хорошо возделано, где не поймешь, в какую сторону шел плуг» («*id demum recte subactum erit, ubi non intellegetur, utro vomer ierit*»)⁴ Что это значит? Представим себе поле, целиком вспаханное плугом, поставленным наискось. Каждый следующий пласт ложится на только что отваленный, и никакой разницы между бороздами, которые пахарь ведет, идя в одну сторону и возвращаясь обратно, нет. Требование Колумеллы и Плиния имеет смысл только при такой пахоте, когда поле распахивается разными бороздами, как мы это только что видели. Следовательно, распашка поля попеременно — *obliquo* и *recto plenoque aratro*, отнюдь не была новшеством, и оба наших источника представляют себе процесс первой вспашки одинаково. *Proscissio* в I в. н. э. производилась так же, как и — самое меньшее — два столетия тому назад. И на наш первый вопрос ответ дан тут же. Если предположить, что обе борозды, одна проведенная *obliquo aratro* (плугом, поставленным наискось), а другая *recto plenoque aratro* (плугом, идущим прямо, во всю ширину своей подошвы), расположены рядом, то все поле представит собой волнистую поверхность, на которой ложбинки борозды будут весьма отчетливо выделяться от приподнятых полос перевернутого дерна. При одном взгляде на такое поле можно будет сказать, что вот эту борозду пахарь провел в одном направлении, а эту в обратном. Остается предположить, что обе

¹ B a b e l o n, стр. I, 292, № 164.

² P l i n., 18, 172.

³ C o l., 2, 4, 1.

⁴ P l i n., 18, 179.

борозды проходят по одному и тому же месту: пахарь сначала срезает пласты дернового покрова и отворачивает его наискось поставленными подошвой плуга и лемехом, а затем, повернувшись, ставит плуг прямо и проходит вторично по проведенной им борозде, разрыхляя землю на большую глубину. При таком способе пахоты требование пахать так, чтобы пельзя было разобрать, в какую сторону шел плуг, приобретает весь смысл, сводясь к требованию сплошного разрыхления земли. В самом деле, представим себе еще раз весь процесс первой вспашки. Плуг, прошедший всей подошвой, разрыхлил землю и вывернул земляные комья, беспорядочно отскочившие по обе стороны проведенной ложбинки, ширина которой соответствует ширине подошвы; на следующей борозде следует срезать пласт дерна таким образом, чтобы он целиком вошел в эту ложбинку, по самый ее паружный край. В этом случае, действительно, только при внимательном рассмотрении (*vix dinoscatur*) можно будет установить, в какую сторону шел плуг. Так как толщина срезаемого пласта была невелика, то у пахаря, естественно, мог возникнуть соблазн срезать его пошире, сократив для себя тем самым число борозд, проводимых *recto plenoque aratro*: он отступал от углубления борозды подальше, так что срезаемого им пласта не хватало, чтобы закрыть всю ложбинку; эта ложбинка, беспорядочно лежащие на ней комья и аккуратно срезанный перевернутый пласт дерна — все красноречиво свидетельствовало, в какую сторону шел плуг. Своеобразное удвоение работы при *proscissio* диктовалось следующими соображениями. Плиний говорит, что глубина при этой вспашке равнялась $\frac{3}{4}$ римского фута, т. е. 22 см слишком.¹ Поднять землю на такую глубину наискось стоящим плугом было бы чрезвычайно трудно; кроме того, плуг, входя в землю, должен был образовать некий пологий скат, в результате чего все поле оказывалось бы распаханым очень неравномерно, с неизбежными огрехами. Во всяком случае проверка пахоты с помощью шеста, которым тыкают поперек борозд, по рецепту Колумеллы, была бы совершенно невозможна. Кроме того, итальянский хозяин, требуя глубокой вспашки (вспомним спор Колумеллы с Цельзом),² вовсе не хотел выворачивать отвалом толстых глыб, потому что «у всякой, самой плодородной почвы нижняя часть бесплодная, а ее и извлекают наверх вывороченные из земли большие глыбы, в результате чего бесплодное вещество, смешавшись с жирным, делает ниву менее урожайной» («*omnis humus quamvis laetissima tamen inferiorem partem ieiuniorum habet eamque adtrahunt excitatae maiores glabrae, quo evenit, ut infecundior materia mixta pinguiori segetem minus reddat*».³ Таким образом, проходя дважды по одному и тому же месту, итальянский земледelec достигал всех своих целей: дерн высыхал, будучи перевернут и подвергаясь воздействию горячих лучей южного солнца; земля разрыхлялась на нужную глубину, и, однако, нижние слои ее не были извлечены наверх. Любопытно, что в современной Италии ряд агрономов требует возвращения именно к такой вспашке и объявляет плуги, глубоко переворачивающие землю, «губительными». Вторичная вспашка (она, как и первая, происходила в разное время в зависимости от свойств почвы, особенностей климата и профиля места) называлась «*iteratio*» («двое-ние»). Колумелла, как правило, употребляет этот технический термин. Варрон говорит, что для обозначения вторичной вспашки служил глагол «*offringere (frango)*» («разбивать», «разламывать»), потому что «при первой вспашке, обычно, образуются большие глыбы» («*quod prima aratione glabrae grandes solent excitori*»)³

¹ Plin., 18, 176.

² Col. 2, 4, 7.

³ Varro, I, 29, 2.

Первая пахота происходила обычно в вертикальном направлении, потому что при вторичной вспашке плуг шел поперек нивы: «aratione per transversum iterata» («повторив пахоту вдоль»);¹ дважды итти в одном и том же направлении не годилось: «nec eodem vestigio terram moliamur».² Она, как и все последующие, сводилась просто к рыхлению уже поднятой почвы. По указанию Плиния эта поперечная вспашка производилась наискось: «omne agrum rectis sulcis mox et obliquis subigi debet» («всякое поле должно быть вспахано прямыми бороздами, а затем косыми»)³ Идеальной целью многочисленных вспашек было превратить землю в порошок так, чтобы при посеве поле требовало только незначительной бороньбы, а то и вовсе ее не требовало («...con pluribus iterationibus sic resolvatur ver vactum in pulverem, ut vel nullam vel exguam desideret occationem, cum seminavimus»)⁴

Теперь по полю разбрасывали семена, затем прилаживали к плугу «уши» и проходили снова плугом по вспаханной ниве, забирая землю с семенами вместе в высокие и узкие гребни, *ligaе*, между которыми оставались довольно широкие борозды; по ним мог двигаться человек, пропалывавший и мотыживший посевы, и они в то же время служили канавками для стока излишней влаги. При том избытке влаги, который отличал древнюю Италию (по крайней мере, ее северные и средние области), такой способ посева был чрезвычайно рационален: посевам не грозила опасность погибнуть от излишней влаги, и им было обеспечено больше света и тепла. Часть поля при этом, правда, пропадала (и не малая часть, так как по обе стороны гребней должно было находиться свободное пространство, откуда можно было нагрести земли при окучивании), но потеря в пространстве вознаграждалась выигрышем в урожае, который значительно повышался, так как окучивание вызывало сильное кущение хлебов.

Какой величины были гребни? Ответить на этот вопрос можно только приблизительно. Мы не знаем, какова была ширина гребней; Рау⁵ и Беллен,⁶ которые исходят в определении ее из ширины огородных грядок, несомненно, неправы. Более вероятным кажется предположение Беллена,⁷ который, исходя из того, что на третью вспашку полагался день, а на *liratio* $\frac{1}{4}$ дня, делает вывод, что гребни занимали $\frac{3}{4}$ всего поля; остальное было под бороздами. Весьма интересно то обстоятельство, что бороньба и мотыженье земельного участка, одинакового по величине, но засеянного разными культурами, требовали различного числа дней. В чем здесь дело? Менялось ли количество гребней? Присмотримся ближе к норме рабочих дней, даваемых Колумеллой.⁸ Хотя по старинному правилу после посева и *liratio* не полагалось никакой бороньбы, и Плиний ее не упоминает, но сельскохозяйственная практика взяла верх над всякими предписаниями, и у Колумеллы нет ни одного растения (за вычетом греческого сена), которое после посева не заборонивали бы. Для бороньбы существовало особое орудие *crates* («плетенка»), вероятно, нечто вроде нашей волокуши, но трудно представить себе, чтобы после устройства гребней можно было пустить по полю пару волов с такой бороной; вероятнее всего, что *occatio* после посева производилась вручную — граблями. Как правило, работа эта требовала для одного югера одного дня работы — вряд ли бы столько времени попадоб-

¹ P l i n., 18, 180.

² C o l., 2, 4, 10.

³ P l i n., 18, 178.

⁴ C o l., 2, 4, 2.

⁵ K. R a u. Geschichte des Pfluges. Гейдельберг, 1845, стр. 67.

⁶ H. V e h l e n. Der Pflug und das Pflügen. Дилленбург, 1904, стр. 57.

⁷ Там же, стр. 57.

⁸ C o l., 2, 12.

лось для такой легкой работы, если бы она производилась бороной и на волах. Другое дело, если работник обходил с граблями каждый гребень, разбивая на нем комья, разрыхляя и разравнивая землю. На бороньбу бобов уходило 1½ дня, что вполне понятно в виду той весьма легкой обработки, которой подвергалась для них земля; гораздо труднее понять, почему для проса, нута и льна, под которые земля обрабатывалась так же, как под пшеницу или полбу (трехкратная вспашка, судя по количеству дней), бороньба брала для проса и льна три дня, а для нута два. Естественнее всего было бы предположить, что внутри этих четырех дней работа распределялась как-то иначе и число гребней было больше, а гребни были соответственно уже. Существенной помехой, однако, для такого предположения является то обстоятельство, что *runcatio* (выпальвание), работа, производившаяся руками и требовавшая от работника того, чтобы он обошел все гребни и из всех повыдергал сорную траву, неизменно берет по одному дню. Остается только предположить, что бороньба после посева, равно как и мотыженье, производилась по-разному — по-разному рыхлилась и нагребалась земля, и различны были мотыги, которыми должен был орудовать работник. Три дня, полагающиеся для мотыженья проса и бора, можно объяснить многократностью этой операции, требуемой данными растениями. Колумелла,¹ повидимому, объединяет здесь прополки и мотыженья вместе. По поводу бороньбы для льна, проса и нута можно заметить следующее: не происходит ли здесь у Колумеллы смешение двух работ: бороньбы и мотыженья? Обе они могли производиться одним и тем же инструментом — граблями. Мы знаем, что люцерну мотыжили как раз деревянными граблями.² Может быть, бороньба льна складывается из действительной бороньбы плюс такое прочесывание посева? Может быть, то же самое следует сказать и о просе с бором, где к такому прочесыванию граблями прибавлялось еще настоящее окучивание плюс пропалывание.

Особенности итальянской пахоты находятся в тесной связи с разделкой поля гребнями и мотыженьем посевов. Мотыженье (*sartio*) давным-давно практиковалось в Италии. Плавт³ упоминает о нем как о чем-то само собой разумеющемся. Катон предписывает: «заставь дважды промотыжить хлеба».⁴ Колумелла, однако, говорит уже о мотыженье как о работе, относительно которой сельскохозяйственные писатели не могут прийти к соглашению.⁵ Было высказано мнение, что мотыженье не приносит никакой пользы, «потому что мотыга раскрывает корни хлебов, а то и отсекает их» (там же). На эти жалобы Колумелла ответил требованием производить мотыженье так, «чтобы не ранить корней у посевов, а засыпать их землей и окучивать».⁶ Колумелла, правда, принадлежал к числу людей, у которых трезвое понимание действительности сочеталось с абсолютным нежеланием считаться с ней. Совершенно ясно, что работа эта, требовавшая тщательности, внимания и осторожности, может быть, еще больше, чем пахота, приводила в рабских руках прямо к гибели растений. Хозяева старого толка нерешительно, но явно вступали на путь отказа от мотыженья. Категорическое предписание Катона «заставь дважды промотыжить хлеба» сменилось неуверенным заявлением, что лучше делать это дважды.⁷ Цельз предлагал вовсе отказаться от мотыженья бобов. Отказ от мотыженья ставил перед итальян-

¹ Col., 2, 9, 18.

² Col., 2, 10, 27.

³ Cap., 653—655.

⁴ Cato, 37, 5.

⁵ Col., 2, 11, 7.

⁶ Col., 2, 11, 8.

⁷ Plin., 18, 184.

ским земледельцем вопрос о полной перестройке всей системы обработки поля: если не надо мотыжить, то к чему оставлять чуть не половину поля незасеянной под бороздами? Не следовало ли вообще отказаться от разделки поля гребнями и перейти к другому способу его обработки?

Современники Колумеллы и, конечно, его предшественники знали такой способ посева, когда зерно оказывалось заделанным не в гребни, а в борозды.¹ Так сеяли на холмах, где гребней не устраивали, потому что они оползали. Мы не располагаем никакими сведениями, которые дали бы нам возможность проследить, как происходил в Италии постепенный переход к такой пахоте, при которой поле засевалось бы все сплошь. В переходе к такой пахоте действовало два фактора: с одной стороны, мотыжежье, требовавшее разделки на гребни, становилось невыгодным; с другой, гребни теряли свой смысл еще и потому, что итальянская почва, подвергавшаяся усиленному дренажу в течение ряда веков, постепенно утрачивала избыток влаги, и зерно теперь не нуждалось уже в защите от нее. В V в. н. э. у Палладия, во всяком случае, мы видим, что хлеба сеют и в борозды и на гребнях: в перечне необходимого сельскохозяйственного инвентаря Палладий говорит о плугах двух типов, которые должны иметься в хозяйстве, — он различает плуги простые и «ушастые» (*simplicia et aurita*),² причем этими «ушастыми» плугами пахут только на сырых равнинах во избежание зимнего вымокания хлебов: «*quibus possint contra stationes humoris hiberni sata celsiore sulco attoli*» («с помощью которых можно поднять посевы повыше во избежание застаивающейся зимней влаги»).³ Мы присутствуем, таким образом, у Палладия на стыке агротехники двух типов, старого и нового. К сожалению, мы не можем отчетливо представить себе это новое: Палладий очень редко отваживался на собственные замечания и наблюдения и предпочитал в вопросах полеводства просто списывать Колумеллу. Самый факт такого списывания весьма характерен: он свидетельствует о том, что резкого разрыва со старой агротехникой не происходит и что предписания ее в целом ряде случаев сохраняют свою силу и свое значение. Новое сосуществовало рядом со старым и для такого книжного человека, каким был Палладий, сплошь и рядом не бросалось в глаза. Потихоньку и незаметно распатывало оно старую агротехнику, постепенно слагаясь в некий комплекс, знаменовавший собой переход от древнего мира к феодальному средневековью.

M. SERGEENKO

LE LABOURAGE DANS L'ITALIE ANTIQUE

R é s u m é

Le labour est le plus important des travaux agricoles. Son caractère dépend de la charrue employée. La charrue araire de Civita Castellana (fig. 2) est précisément celle caractérisée par Pline comme «*genus volgare rostrati vectis*» (18, 171). Elle pouvait être construite entièrement à la maison, à l'exception du soc, démontable, qu'il fallait acheter (à la rigueur, on pouvait se passer du soc). Peu pesante et pas chère, elle était en usage chez les paysans; on l'utilisait aussi dans celles des exploitations esclavagistes où le maître regardait

¹ Col., 2, 4, 11.

² Pallad., 1, 43, 1.

³ Там же.

à la dépense. La charrue décrite par Virgile (G. I, 169—175) est déjà composée de pièces séparées, et c'est d'elle que Pline (op. cit.) dit: «latior haec (cuspis) quarto generi et acutior in mucronem fastigata eodemque gladio scindens solum et acie laterum radices herbarum secans». Plus lourde, elle remuait le sol plus profondément et plus soigneusement; elle était adoptée dans les milieux agricoles où l'on voulait obtenir un meilleur travail des terres, décrit par Columelle (2, 2. 25): «bubulcum autem per proscissum ingredi oportet alternisque versibus obliquum tenere aratrum et alternis recto plenoque sulcare».

Ce procédé était en même temps plus rationnel, étant donné le mode de labour en billons (lirae) ordinairement pratiqué en Italie. Toutefois, les propriétaires renoncent graduellement au billonnage et passent au labour continu du champ entier, vu, d'une part, la mauvaise qualité du travail des esclaves, d'autre part, l'assèchement progressif du sol par le drainage séculaire. En effet, on billonnait le champ parce que dans l'Italie antique on avait coutume de biner les céréales, travail qui exigeait d'être fait avec soin et précaution, afin de ne pas couper les racines des plantes; mais on ne pouvait attendre pareil travail de l'esclave, et il fallut abandonner peu à peu le binage; dans ces conditions, il ne valait plus la peine de faire des billons et de perdre ainsi près de la moitié de la surface à ensemençer.

La nouvelle technique se rencontre avec l'ancienne chez Palladius, d'après lequel le billonnage ne se pratique plus que dans les plaines humides, où les blés risquent d'être endommagés en hiver par l'eau stagnante.

Г Д. БЕЛОВ

К ИЗУЧЕНИЮ ЭКОНОМИКИ И БЫТА
ПОЗДНЕСРЕДНЕВЕКОВОГО ХЕРСОНЕСА

Для истории последних столетий существования Херсонеса письменные источники очень скудны. Тем большее значение имеют вещественные памятники, происходящие из раскопок. Особенно большой материал для изучения этого периода получен в результате раскопок последних семи лет (1931—1937), производившихся на северном берегу с целью исследования прибрежной части города, размываемой морем. Здесь открыто несколько кварталов города, причем наиболее ранние архитектурные остатки, керамика и другие предметы восходят к IV в. до н. э., самые поздние относятся к XIII—XV вв. Первоначальное заселение этого района Херсонеса относится ко времени около середины IV в. до н. э. С этих пор жизнь продолжалась непрерывно в течение многих столетий. В результате многовековой деятельности человека, и отчасти природы, накопился мощный культурный слой толщиной до 3—4 м. Над остатком стен эллинистических зданий в римский период были построены новые здания, а также многочисленные прямоугольные цистерны для засолки рыбы и круглые цистерны для воды. В раннесредневековый период (V—VII вв.) здесь воздвигаются большие христианские базилики. Одна из них открыта в квартале раскопок 1932 г., другая — через один квартал, на участке раскопок 1935 г.

В конце X в., или на рубеже X—XI вв., над городом разразилась катастрофа: Херсонес был сильно разрушен. После этого разрушения жизнь в описываемых кварталах на некоторое время совершенно прекратилась. Население города, повидимому, сильно уменьшилось и занимало только восточную и центральную части города. Западная же часть Херсонеса запустела и долгое время служила местом свалки городского мусора. В результате этого образовался толстый, в среднем около 2 м, мусорный слой, состоящий из вывезенных сюда кухонных отходов (ракушки, кости), обломков битой посуды, земли, мелких камней и строительного мусора (куски цемента, извести, штукатурки и т. п.). Образовавшаяся мусорная насыпь совершенно закрыла собой все архитектурные остатки разрушенных зданий.

С течением времени город оправился, и его территория опять начала расширяться к западу. Однако вновь заселена была не вся прежняя площадь: западная возвышенная часть города осталась незаселенной. Кварталы раскопок и местность до западной возвышенности (возле базилики, открытой в 1889 г.) в последние столетия жизни Херсонеса были окраиной города.

Жилые комплексы последнего строительного периода представляют значительный интерес. Архитектурные остатки и инвентарь помещений

дают цельную картину быта, хозяйственной и культурной жизни населения этих кварталов.

Раскопки позволяют точно установить план и размеры каждого дома. Так как при окончательном разрушении и гибели города население покинуло свои дома очень быстро, то внутри помещений осталось *in situ* большое количество всевозможных предметов: орудия труда, бытовая утварь, украшения и пр. Этот обильный материал позволяет довольно хорошо ознакомиться с условиями жизни населения, с его хозяйством, техникой, ремеслом.

1. АРХИТЕКТУРА ЗДАНИЙ

Планы зданий, техника их постройки и общий характер архитектурных остатков последнего строительного периода имеют ряд характерных особенностей. Здания в плане имеют обычно неправильную форму: противоположные стороны в них не равны, углы тупые или острые.¹ Эти черты присущи в одинаковой степени как жилым, так и хозяйственным помещениям. Размеры помещений, как правило, очень малы: например 5×3.50 м; 4×2.20 м; 4.50×4.25 м; 2.75×2 м и т. п. Высота их была вряд ли более 2.50 м.

Техника кладки стен очень простая. Стены сложены из мелкого бута, взятого, повидимому, из разрушенных зданий предыдущего периода. В кладке стен часто встречаются обработанные плиты, клинья арок и другие архитектурные детали из базилик. В этих же домах нередко встречаются мраморные плиты, обломки колонн и другие фрагменты, использованные в качестве порогов, ступеней, сидений и т. п. При постройке домов, очевидно, хищнически разрушались остатки зданий более раннего времени. В качестве связующего вещества употреблялась грязь, которая скоро высыхала и становилась поэтому непрочной.

Техника кладки стен следующая: наружные стороны стены выкладывались из более крупных камней, а промежуток между ними внутри стены заполнялся мелкими камнями и обломками черепиц; последние часто употреблялись для выравнивания рядов наружной кладки. Из штучных тесаных плит, более крупных размеров, выкладывались только наружные углы стен и стены дверных пролетов. Толщина стен жилых помещений в среднем около 0.50—0.60 м.

Здания строились на насыпи, на культурных отложениях, что также уменьшало прочность стен. Фундамент основных стен обычно очень неглубок, всего лишь на высоту двух-трех рядов кладки, внутренние же стены помещений и ограды ставились прямо на поверхности земли, на уровне пола.

Для увеличения прочности стен, для связи их друг с другом и для придания всему зданию большей устойчивости строители применяли следующий технический прием: на высоте примерно 0.50 м от пола (иногда ниже или выше) в стенах горизонтально прокладывались деревянные балки толщиной около 10 см. Эти деревянные балки обыкновенно клались с обеих сторон стены, что придавало кладке большую прочность. Балки связывали также в углах соседние стены, таким образом получался пояс, охватывавший все здание в нижней его части. Возможно, что такой же пояс был и вверху зданий, но верхние части их не сохранились. Вполне вероятно, что деревянные связи употреблялись и в антисейсмических целях. От этих деревянных балок, сторевших во время пожара,

¹ Ср. Г. Д. Белов. Отчет о раскопках Херсонеса в 1935—1936 гг. Симферополь, 1938.

в стенах образовались выемки-пустоты (рис. 1); местами в них сохранились куски угля.

Крыши во всех зданиях были черепичными: в каждом жилом помещении, вскрытом раскопками, на полу лежал толстый слой обломков черепиц. В виду того, что обломки черепиц обычно лежали с наклоном в одну сторону, а также принимая во внимание небольшую ширину помещений, можно предполагать, что крыши чаще всего строились на один скат. По обильному слою саж и множеству кусков угля, лежавших на полу жилых помещений, можно предполагать, что жилые помещения имели деревянные перекрытия.

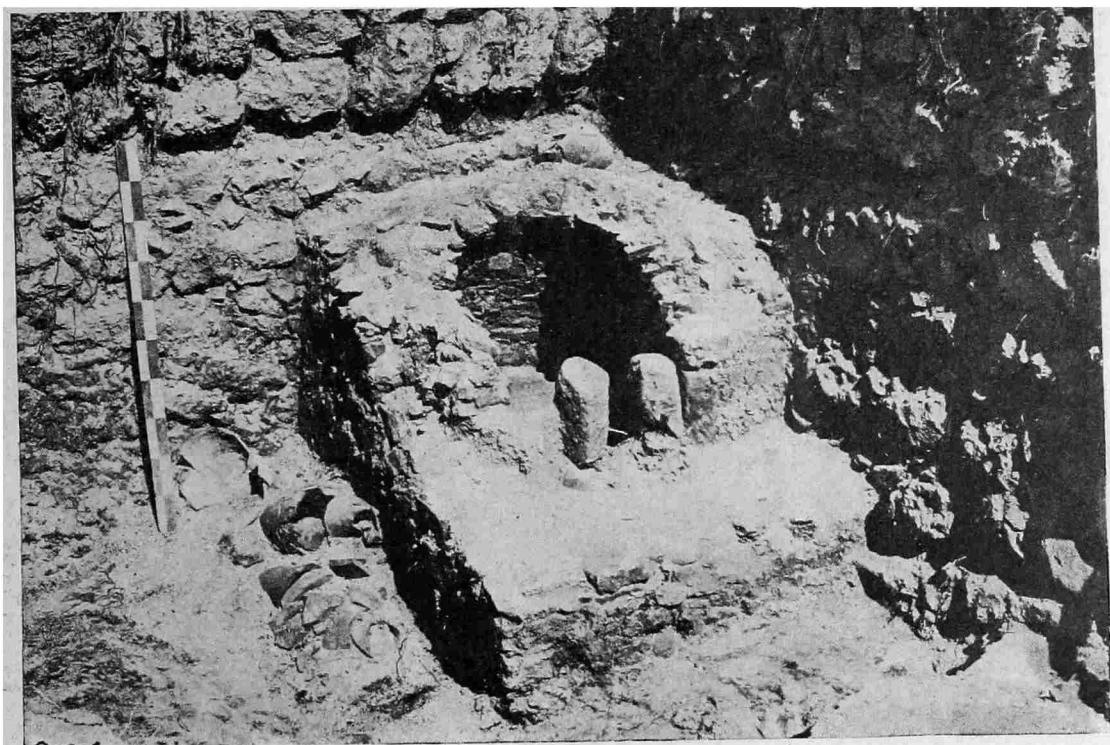

Рис. 1. Печь в помещении № 5, раск. 1933 г.

Внутри некоторых помещений, а иногда и во дворе, возле стен имеются остатки лестниц, которые вели во второй этаж. В некоторых домах жилые комнаты находились во втором этаже, в нижнем были кладовые, хозяйственные помещения и пр.

Дверные проемы имеют размеры от 0.80 до 1.10 м (рис. 2). Двери были одностворчатыми, на что указывают углубления, сохранившиеся в каменных порогах, и незначительная ширина дверных проемов. Каменные плиты в кладке дверных проемов несут ясные следы пожара: камни от огня потрескались и побавровели, а на пороге лежит толстый слой саж.

Следов окон нигде не сохранилось, так как верхние части стен везде разрушены. Кусков оконного стекла не найдено, — очевидно, в окна вставлялись какие-то иные материалы.

Внутренняя отделка жилых помещений вполне соответствует общему характеру постройки. Стены внутри были обмазаны грязью, которая в некоторых помещениях сохранилась. В нескольких помещениях была глиняная обмазка. В одном случае замечены следы известковой штукатурки.

Полы во всех помещениях земляные, крепко утрамбованные. Глиняная обмазка пола встречается редко, но и она не сплошная, а лишь неболь-

шими участками. Вымостка из камней и каменных плит имеется в нескольких помещениях, но тоже не сплошная, а частичная, обычно в середине помещений (№ 4 — 1932 г., № 8 — 1933 г., №№ 1, 5 — 1936 г.).

В подавляющем большинстве жилых помещений отопление производилось посредством небольших очагов. Устройство их различно. Чаще всего очаг обложен на земляном полу плитами, между которыми в углублении и разводился огонь. В одном случае на противоположных плитах очага имеются углубления для перекладки (или вертела) над огнем. Несколько очагов сделаны из глины-сырца в виде круга, с углублением в середине. Иногда очаг устраивался на глиняной обмазке пола. Другой вид очагов —

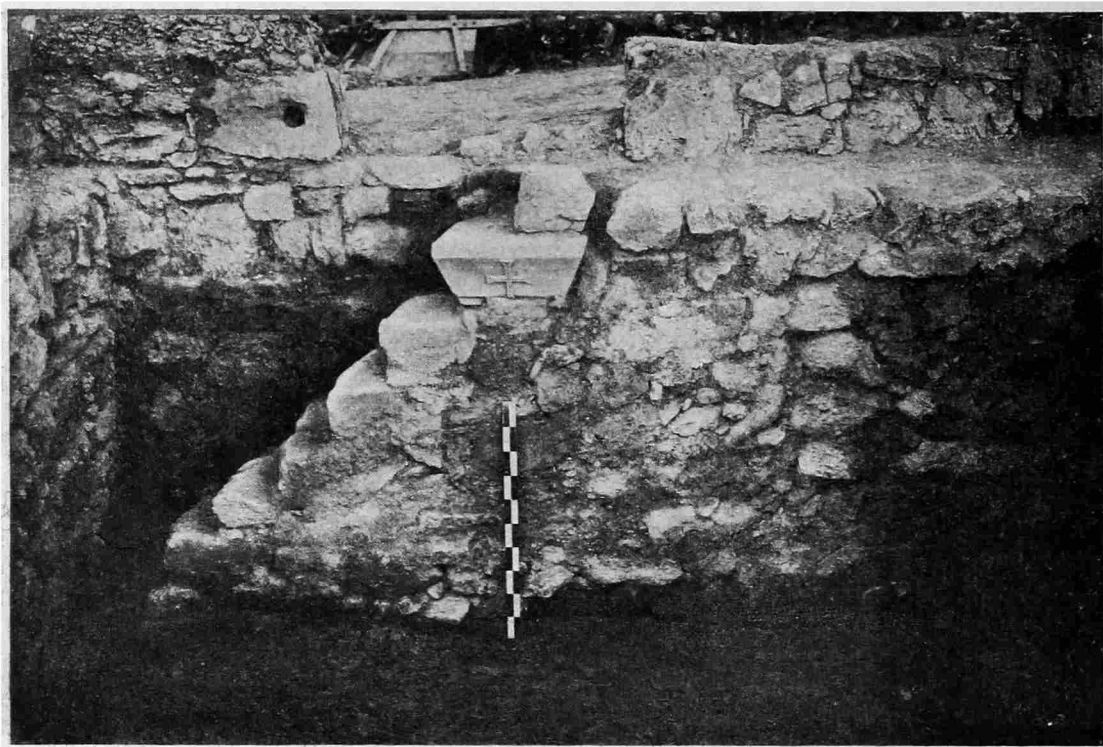

Рис. 2. Лестница в кладовой № 6, раск. 1932 г.

большие площадки, вымощенные черепицами, которые лежат на слое гравия, золы и мелких камней, края площадок обложены плитами. Всего открыто четыре таких очага.

Устраивались также и настоящие печи со стенами и сводом из кирпичей и обломков черепиц, сложенных на глине. В такого рода печах под вымощен черепицами, стены внутри обмазаны глиной, перед устьем печи имеется шесток. В раскопанных кварталах открыто четыре таких печи. Размеры их неодинаковы: напр., малая печь (рис. 1) в помещении № 5 раскопок 1933 г. имеет внутренний диаметр 0.70 м, выс. 0.50 м; большая печь в том же помещении — диаметр 1.40 м, выс. 0.50 м; наружные ее размеры — дл. 2.30 м, шир. 1.65 м. Над большой печью была найдена черепица с отверстием для дымохода. Эти печи, несомненно, служили не только для отопления, но и для выпечки хлеба. Возможно, что главным назначением печей именно и была выпечка хлеба; подтверждается это в частности, тем, что две печи из четырех находились не в жилых помещениях, а во дворах (печь во дворе № 1 — 1933 г., печь во дворе № 5 — 1936 г.).

Раскопки последних лет дают в большинстве случаев возможность установить и составные части каждого дома.

Характерной чертой кварталов в целом, равно как и отдельных домов, является их теснота и скученность: постройки стоят вплотную одна к другой; между отдельными домами нет свободного пространства.

Самая планировка зданий, дворов, а иногда и улиц производилась совершенно заново, без связи с нижележащими остатками построек предшествующего периода. Так, напр., в квартале 1931 г. над жилым зданием IX—X в. в позднее время проходил переулок, над ранней улицей оказался двор, а стены верхних домов часто пересекают более древние, засыпанные цистерны. Но особенно характерны изменения в плане квартала 1932 г.; здесь над мозаикой северного нефа базилики в поздний период прошла продольная улица. Над боковой апсидой было построено жилое помещение, в средней апсиде находилась часовня, в среднем нефе стояла сторожка, а вокруг часовни и на развалинах базилики расположилось кладбище. Никакой преемственности, таким образом, в плане кварталов города не наблюдается. Это свидетельствует о том, что между моментом разрушения нижних зданий и возникновением новых построек прошло значительное время.

Кварталы верхнего города по площади весьма невелики; так, напр., расстояния между поперечными улицами ок. 30 м. Ширина улиц: 3, 3.50, 4.70 м; наиболее широкая улица, между кварталами 1933 г. и 1935 г., имеет 7 м в ширину. Под каждой улицей, как правило, проходит канализация. Каналы сложены из плит на ребро и перекрыты горизонтальными плитами. Чаще всего каналы доходят до моря; встречаются и поглотители. Один из них находился на улице в северо-восточной стороне квартала 1932 г.

Дома состоят из жилых помещений, кладовых и дворов. Жилых помещений в домах темного — одно или два, редко три. К ним примыкают кладовые и другие хозяйственные помещения. Очень характерны кладовые с подвалами. В раскопанных кварталах открыто семь таких кладовых. Верхнее помещение кладовой имело деревянный пол, лежавший на стенах подвального помещения. Стены подвальных помещений глубоко опущены в насыпь и выступают внутрь, по сравнению с верхними стенами, на 0.60—0.70 м (рис. 2).

В стенах подвальных помещений иногда имеются ниши. В подвальные помещения некоторых кладовых ведет каменная лестница (сохранилась в трех кладовых, рис. 2); в других применялись, повидимому, деревянные лестницы. Над подвальной кладовой иногда находилось жилое помещение, но чаще верхнее помещение также служило кладовой. При этом, в нижней кладовой стояли крупные сосуды с запасами продуктов — пифосы, амфоры, кувшины, а в верхней находились мелкая посуда и другие предметы повседневного обихода. В некоторых домах имеются кладовые без подвального помещения, с земляным полом, находящимся на одном уровне с полом жилых помещений (кладовая № 9 в квартале 1933 г., кладовые №№ 1 и 3 раскопок 1937 г.). Иногда в домах были кладовые обоих видов (№№ 13 и 15 в квартале 1931 г.).

В каждом жилом комплексе имеется двор, находящийся обычно позади жилых помещений. Во двор обращены кухни и кладовые, а жилые помещения расположены вдоль улиц. Дворы разных домов отделяются друг от друга каменными оградами (дворы №№ 7 и 8 в квартале 1931 г.).

Колодцы имеются не в каждом дворе, они находились, повидимому, в общем пользовании нескольких усадеб. Характерно местоположение колодца № 3 в квартале 1931 г.: колодец находится между двумя дворами, на линии разделяющего их каменного забора; таким образом колодцем

могли пользоваться с обеих сторон. Во дворе № 12, в квартале 1933 г., открыта уборная, от нее сохранился поглотитель в виде продолговатой ямы, обложенной камнями и перекрытой плитами.

2. ИНВЕНТАРЬ ПОМЕЩЕНИЙ

Вследствие того, что город погиб стихийно, в покинутых жителями помещениях сохранилось, как уже указывалось, большое количество всевозможных предметов. Ни одно из античных или раннесредневековых помещений не дает такой полной и цельной картины, как помещения позднего города.

Непременной принадлежностью каждого дома являются жернова и ступы, служившие для размола зерна. Ступа обычно врыта в земляной пол и находится вблизи двери, в углу помещения или около стены. В одном

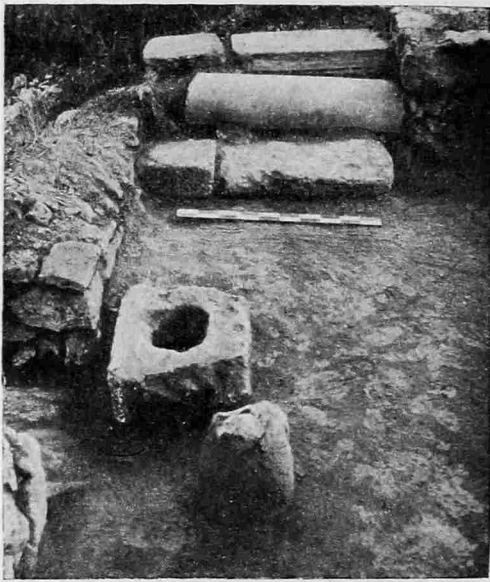

Рис. 3. Лестница и ступа в помещении № 8, раск. 1933 г.

из помещений сохранилась почти вся установка: ступа и возле нее столбик с углублением (рис. 3). В углублении, повидимому, стояла опора для рычага с пестом, которым размалывали зерно. Эта установка объясняет нам назначение ступ и указывает на технику размола в них зерна. В каждом доме имеется пара жерновов. Жернова небольших размеров и приводились в движение, несомненно, вручную. На некоторых верхних жерновах имеются углубления для привода. Интересен жернов с высоким верхом и воронкой для засыпки зерна. Из сельскохозяйственных орудий в одном из домов найдены два железных сошника, в других встречаются мотыги и цапки.

Рыболовные принадлежности найдены почти во всех домах. Характерно, что орудия рыбной ловли встречаются целыми комплектами. Например, в доме № 2 (раск. 1931 г.) во дворе лежали в куче глиняные грузила боченковидной формы в количестве 61 шт. В доме № 15 (раск. 1931 г.) таких грузил было 31 шт. (рис. 4). Здесь же найдена большая острога с пятью зубцами. В помещении № 8 (раск. 1933 г.) найдено 44 грузила, из них 14 шаровидных. В этом же доме в кладовой найдено 102 бронзовых рыболовных крючка. В доме № 3 (раск. 1931 г.) найдены: 13 свинцовых кольцевидных грузил для сети-намета и 23 рыболовных крючка, железная острога с тремя зубцами и железная драга из четырех загнутых зубьев для добывания ракушек со дна моря.

Из орудий текстильного производства найдены железные гребни с частыми длинными зубьями для обработки шерсти (рис. 5). Прясла для веретен и иглы для шитья встречаются почти в каждом доме.

Найдено большое количество металлических изделий. Особенно много встречается железных гвоздей, которые употреблялись, повидимому, для скрепления балок и стропил перекрытий. Часто встречаются железные замки (двух видов: круглые, плоские, вставлявшиеся внутрь двери, и висячие цилиндрической формы), упомянутые выше сошники, остроги, цапки и другие орудия.

Из орудий строительного дела найдены железные зубатки, обломки пилы и др. Следует отметить большое количество мелких и крупных точильных камней. Особенно много их было в доме, состоящем из помещений №№ 8—12, на участке раскопок 1933 г. В кладовой этого дома лежало большое количество металлических предметов (сошники, замки, планки,

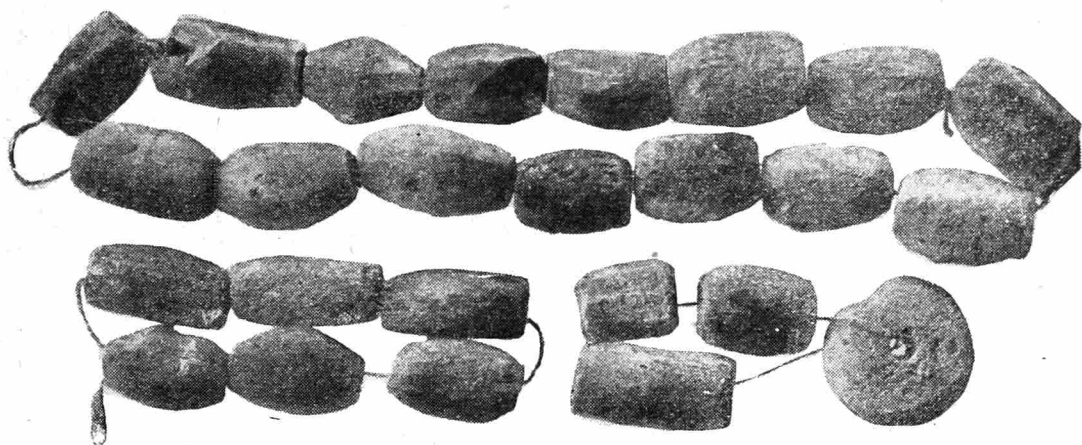

Рис. 4. Глиняные грузила из помещения № 15, раск. 1931 г.
($\frac{1}{4}$ н. в.)

петли, гвозди, много рыболовных крючков и др.). В одном из помещений находился большой очаг, каменные подставки и крупные точильные камни. Возможно, что это была мастерская или кузница. Помещение это не было жилым: оно выходит во двор и соединяется с ним широким проходом, в кото-

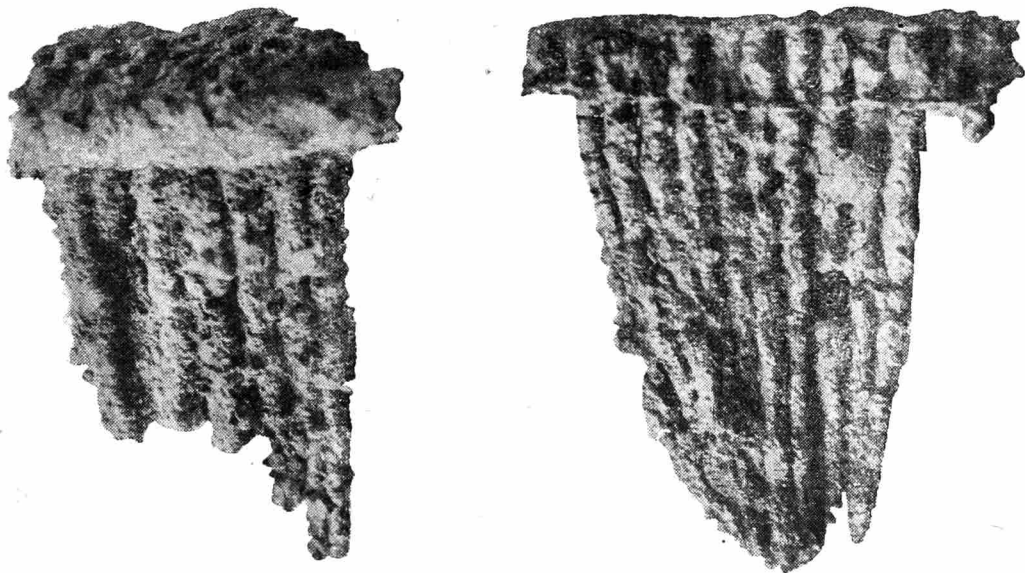

Рис. 5. Железные гребни из помещения № 3, раск. 1933 г.
($\frac{2}{3}$ н. в.)

ром нет двери. Таким образом очаг как таковой здесь был не нужен; по-видимому, это был горн в мастерской.

Гончарная посуда найдена в каждом доме в большом количестве. В кладовой № 13 (раск. 1931 г.) найдено более 20 поливных мисок и тарелок; в кладовой № 6 (раск. 1932 г.) найдено свыше 50 глиняных сосудов; в кладовой № 9 (раск. 1933 г.) около 20 амфор и мисок; в кладовых №№ 1 и 3 (раск. 1937 г.) по 7—10 пифосов и по 10—15 амфор и кувшинов в каждой.

Посуда различна по форме, по технике изготовления и по назначению. Пифосы имеются в каждом доме; они невелики размерами; их венчик украшен орнаментом в виде вдавленных круглых углублений или зигзагов из мелких углублений. В пифосах хранилось зерно пшеницы или ячменя; обуглившиеся его остатки на дне встречались очень часто. Во всех домах найдены амфоры с округлым дном, поперечными желобками на корпусе и с двумя ручками, согнутыми вверху под острым углом. Имеются также амфоры с широким шаровидным корпусом. В амфорах хранилась рыба; на это указывают часто встречавшиеся в них остатки рыбы. Кроме того, встречаются плоскодонные амфоры из красной глины, сильного обжига,

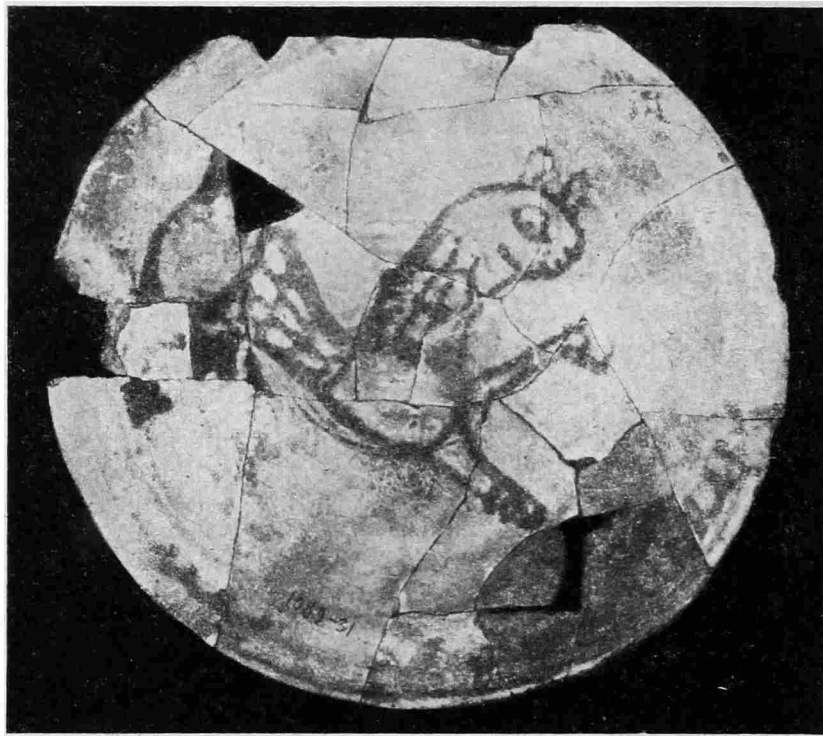

Рис. 6. Тарелка поливная из помещения № 13, раск. 1931 г.
($1/2$ н. в.)

и кувшины, исполненные в той же технике. Найден также один сосуд с тремя горизонтальными ручками, украшенными орнаментом в виде гребешков.

Следующая группа сосудов, одинаковых по технике, — это небольшие кувшины и горшки (кухонная посуда) из красновато-бурой глины, тонкостенные, слабого обжига; они не отличаются прочностью. Эта группа посуды широко распространена.

Поливная керамика имеется как белоглиняная, так и красноглиняная: белоглиняная с «акварельным» орнаментом, исполненным темнокоричневой и зеленой краской при помощи кисти. По форме — в большинстве тарелки (рис. 6), реже миски и блюда. Посуда из красной глины украшена гравированным орнаментом.

Черепица разнообразна по клеймам, по величине и технике. Особенного внимания и специального изучения заслуживают клейма в виде греческих букв и знаков, изображений животных, птиц, всадников и т. д.

Большое количество гончарных изделий, некоторые виды которых часто повторяются, указывает на широкое развитие гончарного производства в Херсонесе.

3 ЗАНЯТИЯ И СОСТАВ НАСЕЛЕНИЯ

По материалам раскопок — постройкам жилых усадеб, по орудиям труда и предметам быта — мы можем до некоторой степени определить, чем занималось население открытой раскопками части города и каков был его социальный состав.

Возьмем для примера усадьбу № 3 в квартале раскопок 1931 г. Она состоит из двух жилых помещений (№№ 4, 5), из кухни (№ 6), в которой имеется под большой печи, кладовой (№ 3) и двора (№ 8). Двери из дома и кладовой выходят в переулок, из кухни — во двор.

В помещениях этого дома найдены: два жернова, лежавшие в кухне на прилавке около печи. В первой комнате, около двери, на полу стояла ступа для размола зерна.

Здесь также найдены следующие рыболовные принадлежности: 23 крючка, повидимому для перемета, 13 свинцовых кольцевидных грузил для сети-намета и железная острога. Кроме того, найдена железная драга для добытия устриц. В кладовой дома в амфоре, в пифосе и в горшке были остатки рыбы.

Железный гребень для обработки шерсти, 3 прясла и иглы указывают на ткачество, железная зубатка — на обработку камня. Найдены также 2 куса пемзы, мраморная ступка и бронзовые чашечки весов. Во дворе дома обнаружены кухонные отбросы: кости домашних животных, ракушки и остатки рыбы.

Итак, инвентарь помещений говорит о том, что жители этого дома связаны были с рыболовством, но в то же время они занимались и домашними промыслами: строительным делом, прядильно-ткацким и др.

Орудия труда, посуда и прочий инвентарь этого дома свидетельствуют, что хозяйство было мелкое, удовлетворявшее преимущественно только собственные потребности.

Возьмем еще одну усадьбу, состоящую из помещений №№ 8—12 в квартале 1933 г. Здесь найдены: рыболовные грузила в количестве 44 шт., бронзовые рыболовные крючки — 102 шт., массивная железная якорная цепь; в кладовой в нескольких амфорах находилась рыба. Несомненно, что жители дома занимались рыболовством. Но они были не только рыбаками. Два железных сошника, лежавшие в кладовой, жернова и установка для размола зерна (ступа с опорой для рычага с пестом, рис. 3) указывают на занятые земледелием. В этом хозяйстве, кроме того, была и мастерская-кузница, находившаяся в помещении № 10, выходившем во двор, с горном и точильными камнями. Матрица для отливки металлических предметов и большое количество изделий из железа и бронзы, найденных в кладовой и соседних

Рис. 7. Бронзовая иконка с изображением Христа из помещения № 6, раск. 1932 г.

(5/8 н. в.)

помещениях, подтверждают предположение о существовании здесь кузнечной мастерской. Очевидно, мастерская эта обслуживала потребности хозяйств соседних кварталов.

Большинство других усадеб во вновь открытых кварталах Херсонеса имеет такой же характер: дома небольшие, с весьма простой обстановкой; из орудий труда в них преобладают рыболовные принадлежности, на втором месте стоят орудия сельского хозяйства и ремесла. Таким образом для основной массы населения западного района города характерно рыболовство и мелкое ремесло, соединенное с сельским хозяйством.

Население описываемых кварталов, однако, не было однородным. Некоторые из раскопанных жилых комплексов выделяются своими большими размерами и сравнительно богатым инвентарем.

На участке раскопок 1932 г. имеется усадьба, занимающая западный угол квартала. К сожалению, часть этого квартала разрушена морем,

Рис. 8. Шиферная иконка с изображением Георгия из помещения № 6, раск. 1932 г.
($\frac{3}{4}$ н. в.)

поэтому сохранились только некоторые помещения: двор (№ 5), жилое помещение (№ 4) с подом печи и очагом, проходная комната (№ 2), две кладовых (№№ 3 и 6). Кладовая № 6 имела два помещения: верхнее с деревянным полом и нижнее, подвальное, с земляным полом. Вниз вела каменная лестница, одной из ступеней которой служил мраморный импост (рис. 2). В подвальном помещении находилось большое количество посуды (свыше 50 сосудов). Значительная часть посуды не имеет следов употребления; возможно, что это был склад посуды и других предметов при торговом помещении. В верхнем помещении кладовой находилась мелкая посуда. Здесь же найдены две иконки: одна бронзовая, круглая, с изображением Христа, с хорошо сохранившейся позолотой (рис. 7), другая шиферная, с изображением Георгия (рис. 8). Обе иконки отличаются художественным выполнением, датируются XI—

XII в. В жилом помещении с печью и очагом найдены цепи и держава бронзовой люстры. Дом этот находится возле часовни, кладбища и сторожки.

В квартале раскопок 1936 г., в непосредственном соседстве с часовней, открытой в 1935 г., находилась большая усадьба, состоявшая из нескольких помещений, кладовой и двора. Во дворе было небольшое помещение, служившее, вероятно, для скота. Между этим помещением и стеной жилого помещения, в узком пространстве, находилась печь с частично сохранившимся сводом. В кладовой дома стояли амфоры с рыбой; в жилых комнатах найдены две стеатитовых иконки, богато орнаментированная бронзовая кадильница, костяные пластинки, украшенные резьбой, и много других предметов. На одной из иконок изображено рождество и поклонение волхвов, на другой иконке — вознесение Христа. Обе иконки тонкой, тщательной работы, со следами позолоты, датируются XI—XII в.

В квартале раскопок 1933 г. открыт большой жилой комплекс. Состоит он из двух дворов, кладовой с подвальным помещением, в котором стояли пифосы и другие сосуды, и жилых комнат с очагами; в одной из них были две печи — большая и малая. В помещении с печами найдено много посуды: амфоры с округлым дном, кувшины, миски, тарелки и др. Наличие двух

печей в одной небольшой комнате и третьей печи во дворе того же дома указывает на то, что хозяин этого дома был человеком самостоятельным.

В квартале раскопок 1937 г. открыт большой дом, прилегающий к IX поперечной улице. В этом доме несколько жилых помещений, кладовая, баня и двор. В кладовой находилось большое количество инфосов с зерном и амфор с рыбой. Большой интерес представляет баня. Она состоит из небольшого прямоугольного помещения с маленьким предбанником. Пол и стены бани тщательно оштукатурены. Отопление расположено под полом: от сводчатой печи под полом идет широкий продольный канал, от него отходят к боковым стенам бани 3 поперечных канала, откуда, горячий воздух поступал в устроенные в стенах вертикальные каналы. Над печью расположено частично сохранившееся маленькое помещение, пол которого покрыт толстым слоем известкового раствора; стены также оштукатурены; помещение это служило, вероятно, резервуаром для горячей воды. В предбаннике имеется каменная скамья; пол покрыт каменными плитами.

В кладовой, кроме сосудов найдена шиферная иконка XIII—XIV вв. с изображением благовещения.

Инвентарь и большие размеры дома указывают, что здесь было крупное хозяйство и что владелец дома был богатым человеком.

О дифференциации населения свидетельствуют и те многочисленные погребения, которые были открыты раскопками 1930, 1932, 1935 и 1937 гг.

На развалинах базилик в позднее время возникли кладбища. Подавляющее большинство погребений не имело никакого инвентаря, во многих могилах количество костяков (точнее, черепов) достигало 25—35—40 и даже 60, лежали они большей частью в беспорядке. Погребения являются часто повторными: с загородного кладбища кости были перенесены сюда, по преимуществу одни черепа, и здесь небрежно положены в усыпальницы.

Но есть и исключения: некоторые погребения были совершены здесь сразу же; в этих случаях костяки лежали правильно и в порядке, могилы устроены тщательно, на костяках найдены богатые украшения. В некоторых могилах найдены куски роскошных шелковых тканей, расшитых золотыми и серебряными нитями. Встречались иногда ценные бусы и подвески. Особенного внимания заслуживает орнамент из костяных пластинок, повидимому, украшавший погребальный покров (в могиле № 6 — 1932 г.); размеры его 1.20×0.80 м, по углам большие пластинки с изображениями грифонов, льва и лошади (рис. 9). Боковые полосы орнамента выполнены из мелких квадратиков и ромбиков, образующих кружки, с треугольниками между кружками, в оправе из тонких пластинок. В центральной части — две звезды, образованные пересекающимися квадратами (рис. 10). Погребения с такими украшениями говорят о том, что погребенные принадлежали, несомненно, к городской знати. О том же свидетельствуют и часовни с усыпальницами; возможно, что часовни были семейными храмиками с усыпальницами для умерших членов семьи.

Рис. 9. Костяные пластинки из могилы № 6, раск. 1932 г. (2/3 н. в.)

Следует отметить, что часовни были построены одновременно с жилыми домами. Техника постройки часовен совершенно аналогична технике жилых комплексов. Часовни стоят на месте уничтоженных базилик и по-

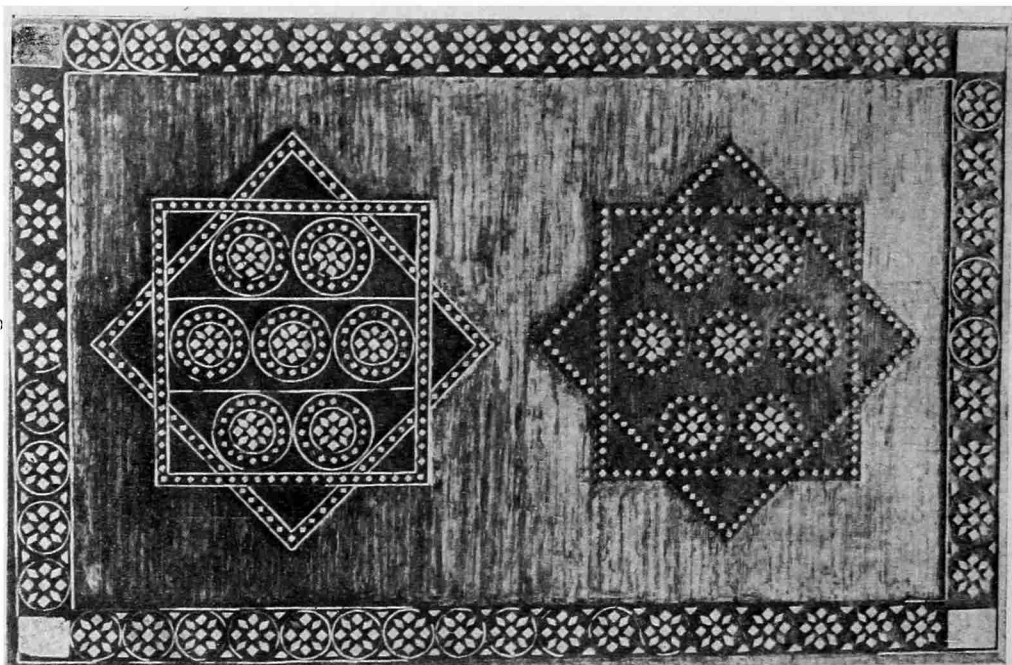

Рис. 10. Орнамент из костяных пластинок, найденный в могиле № 6, раск. 1932 г.

строены из их материалов, но отличаются от последних своими ничтожными размерами. Так, напр., часовня в квартале раскопок 1932 г. поместилась целиком в апсиде базилики.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Для характеристики положения Херсонеса в позднесредневековый период мы привлекли материалы лишь из раскопок последних лет. Но и кварталы, раскопанные в дореволюционные годы в восточной и южной частях города, дают аналогичную картину: та же скученность жилых комплексов и небольшие их размеры, та же техника постройки и аналогичный инвентарь. На этом основании можно распространить характеристику хозяйства и быта населения, относящуюся к вновь открытым кварталам, на весь город, но, разумеется, с некоторым ограничением. Если на окраинах города мы встречаемся с жилищами рыбаков, ремесленников, мелких хозяев и бедноты, то в центральной части города дома принадлежали, несомненно, более зажиточной и богатой части населения.

Таким образом на основании материалов, которыми мы располагаем в настоящее время, как из новых, так и из старых раскопок, можно сделать некоторые выводы и о положении всего Херсонеса в целом:

а) Экономическое положение населения города в последние века его существования находилось на очень низком уровне.

б) Жители города в значительной мере перешли на положение сельских жителей и занимались самостоятельным мелким хозяйством, удовлетворявшим их основные потребности.

в) Преобладающей формой городского ремесленного хозяйства была мелкая мастерская.

г) Внешняя торговля Херсонеса в XIII—XV вв. сократилась до ничтожных размеров. Херсонес утратил свое прежнее значение крупного торгового центра и превратился в небольшой город, экономически тесно связанный лишь с местной областью.

д) Город погиб в огне: был сожжен и разрушен неприятелем.

Какие же причины привели Херсонес к постепенному обеднению и упадку, что расстроило его хозяйство и торговлю? Причин этих несколько.

Во-первых, разрушение Херсонеса в конце X в., после которого город постепенно стал клониться к упадку. Материалы раскопок показывают, что восстановление города после этой катастрофы происходило очень медленно.

Только к XIII в. были вновь заселены кварталы города, открытые раскопками 1931—1937 гг. Западная же возвышенная часть Херсонеса так и оставалась пезаселенной. Это указывает на то, что население города сильно уменьшилось, что хозяйство и торговля были сильно расстроены и налаживались вновь лишь с большим трудом.

Во-вторых, крестовые походы и образование Латинской империи нарушили торговые связи Херсонеса с Византией.

В-третьих, проникновение на берега Черного моря итальянцев-генуэзцев и основание ими в Крыму своих торговых факторий и крепостей сильно способствовало упадку херсонесской торговли. Итальянцы, в особенности генуэзцы, на основании договоров с Византией, пользовались большими торговыми льготами и стали серьезными конкурентами для греческих городов, получив преимущественное, а затем и монопольное право торговли на Черном море.

Таким образом та транзитная торговля, которую вел Херсонес в широких размерах и которая во все времена была одним из главных источников существования населения города, — эта торговля в XII и последующих веках постепенно сокращается и, наконец, совсем замирает.

В-четвертых, собственное хозяйство, которое велось населением Херсонеса на принадлежавшей ему территории, было также расстроено, так как подвергалось частым нападениям (напр. татар). Вследствие постоянной опасности, угрожавшей Херсонесу и его области, население не могло заниматься сельским хозяйством в широких размерах, так как не было уверено в возможности собрать урожай.

В-пятых, в XIII—XV вв. в Крыму возвысились новые экономические и политические центры, которые стали средоточием местной и внешней торговли: Судак, Кафа, ближе к Херсонесу — Чембало (Балаклава), Каламита (Инкерман), Феодоро (Мангуп) и др.

Наконец, сама Византия в XIII и следующих веках находилась в состоянии упадка, территория империи сократилась, военная мощь ее ослабела, и она не могла оказать помощи отдаленному от нее Херсонесу. Последнее известие о возобновлении крепостных стен Херсонеса относится к 1059 г.; после этого мы не имеем сведений об их ремонте. В XIII—XIV вв. постройка жилых домов производилась вплотную к оборонительным стенам (напр. на юго-восточном участке города). Это обстоятельство указывает на то, что крепостные стены Херсонеса утратили свое первоначальное назначение и более уже не возобновлялись.

Отсутствие сил и средств на поддержание оборонительных сооружений города в свою очередь свидетельствует об упадке Херсонеса и о превращении его в XIII—XV вв. в пезначительное поселение.

G. BELOV

CONTRIBUTION A L'ÉTUDE DE LA VIE ÉCONOMIQUE
ET SOCIALE DES HABITANTS DE CHERSONÈSE À LA FIN
DU MOYEN ÂGE

R é s u m é

1. Après la catastrophe qui frappa Chersonèse à la fin du X-e siècle, les dimensions de la ville se réduisirent de beaucoup: sa partie ouest devint tout à fait déserte et ne fut plus jamais repeuplée.

2. Les fouilles de 1931—1937 montrent que le rétablissement de la ville fut lent; ainsi, la rive nord ne fut repeuplée qu'au XII-e siècle.

3. Les nouvelles constructions furent établies sur la puissante couche de décombres des IX—X-e siècles; aussi les maisons et même les quartiers furent-ils disposés souvent suivant un plan nouveau.

4. Les maisons d'habitation et les bâtiments administratifs ont des dimensions modestes; ils sont construits en petits moellons liés avec de l'argile et sont disposés d'une manière très serrée.

5. Dans les maisons subsiste une grande quantité d'objets divers, qui permettent de juger des occupations et du genre de vie de la population.

6. Les principales occupations des habitants étaient l'agriculture, la pêche et les métiers, parmi lesquels celui de potier atteignit un large développement.

7. Le commerce extérieur se réduisit de beaucoup: les objets d'importation manquent dans les locaux déblayés, de même les monnaies. Dans l'ensemble, la situation économique de la population de la ville dans la dernière période de son existence se trouvait à un bas niveau. Le commerce extérieur de Chersonèse fut réduit presque à rien aux XIII—XV-e siècles. Les causes en étaient les suivantes: a) fréquentes attaques de la ville par les ennemis extérieurs; b) dérangement par les Croisés des relations commerciales de Chersonèse avec Byzance et affaiblissement de cette dernière; c) concurrence victorieuse des Italiens (Génois qui avaient pénétré en Crimée) contre Chersonèse; d) avènement de nouveaux centres économiques et politiques en Crimée (Soudak, Kafa, Tchembalo, Kalamito, Theodoro, etc.), qui attirèrent à eux le commerce intérieur et extérieur.

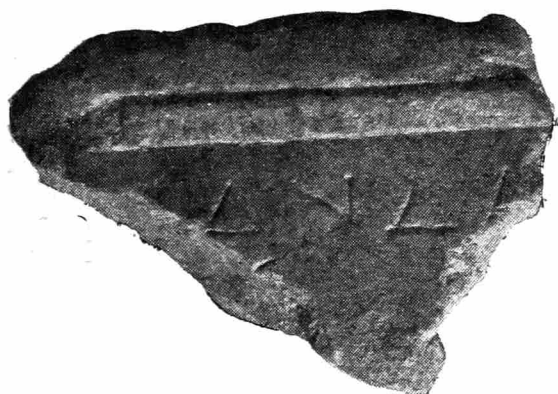
8. Au XV-e siècle, Chersonèse, devenue une localité tout à fait insignifiante, périt dans les flammes, détruite par les Turcs. On a un témoignage éloquent de cette catastrophe finale dans les traces laissées par l'incendie: le plancher des locaux est généralement recouvert d'une couche épaisse de cendres et de charbons; les murs calcinés et les objets brûlés attestent également les dimensions énormes de ce sinistre.

ПУБЛИКАЦИИ МАТЕРИАЛОВ

Н. П. РОЗАНОВА

НОВЫЕ ЭПИГРАФИЧЕСКИЕ ПАМЯТНИКИ ТАМАНСКОГО
ПОЛУОСТРОВА

Публикуемые в настоящей статье памятники были найдены во время работ экспедиций Государственного музея изобразительных искусств в 1928, 1929, 1930 и 1937 гг. В настоящее время все они хранятся в указанном музее.

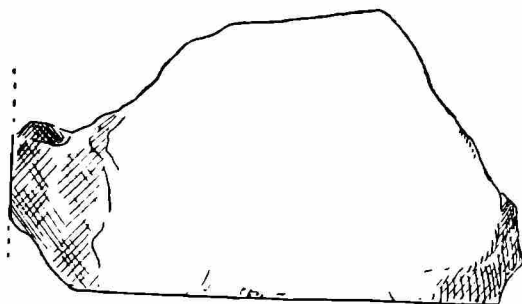
a

1

Инв. № 596. Рис. 1, *a, б, в*. Фрагмент небольшого блока хорошего белого мрамора с остатками надписи. Размер фрагмента 9 × 6.5 см. Найден во II разведке 1937 г. на Артюховском городище, на глубине 1.20—1.40 м в бутовой кладке римского времени. В верхней части фрагмента сохранилась часть рельефного обрамления (карниза), составленного из полки и четверт-

б

в

Рис. 1. Обломок мраморной плиты с частью надписи; инв. № 596.
Найден на Артюховском городище.

(*a* — вид спереди, *б* — боковой вид слева, *в* — вид сверху).

ного вала (ширина 2.1 см). С левой внешней стороны заметен совсем ничтожный кусочек того же рельефного карниза боковой стороны блок *a*. Ясно, что фрагмент составляет угловую верхнюю левую часть небольшого пьедестала с началом надписи. От надписи дошло всего четыре буквы, небольшая черточка слева возле облома и точка на самом левом обломе, составляющая часть утраченной пятой, совершенно очевидно начальной буквы. Сохранившиеся буквы прочитываются **ΑΝΔΑ**. Высота букв 1 см, ширина — 1.1 см, расстояние между буквами колеблется вниз от 0.7 до 0.8 см,

вверху — от 1.1 до 1.2 см. Буквы вырезаны стройным шрифтом конца IV — начала III в. до н. э.

Аналогичное начертание букв встречается на мраморном надгробном памятнике в виде жертвенника Пифарета, сына Йолея, родом из города Колофона. Латышев датировал этот памятник IV в. до н. э.¹ Ю. Ю. Марти относит его к III в. до н. э. То же начертание букв видим мы в надписи, посвященной Артемиде Эфесской, при Левконе, архонте Веспора и Феодосии и царе дандариев и псессов, и датируемой 387—347 гг. до н. э.²

Постараемся восстановить первую недостающую букву, которая является вместе с тем первой буквой начального слова надписи. От нее осталась только точка. Небольшая черта, идущая отдельно от точки справа отвесно вниз, — случайная и отношения к начертанию первой буквы не имеет. Первая буква безусловно имела очертание треугольника, т. е. могла быть или А, или Λ, или Δ. Буква А отпадает, так как две альфы подряд могли стоять лишь в случае ошибки резчика. Буква Λ также маловероятна, так как собственного имени с таким сочетанием букв до сих пор неизвестно. Следовательно, остается принять за начальную букву Δ, которая подходит здесь и по размеру места, нужного для ее начертания, и по смыслу надписи. Таким образом мы имеем уже пять букв ΔΑΝΔΑ. Остальное не так трудно добавить из лексикона собственных имен, встречающихся в этих краях. При таком восстановлении можно предложить два варианта предполагаемого чтения этой надписи; и в том и в другом случае мы имеем дело, очевидно, с посвятителем надписью.

Первый вариант: сохранившиеся буквы принадлежат личному имени Дандаксарта (Δανδά[ξαρθος]). Имя Дандаксарт однажды встретилось в посвятителем надписи Ахиллу Понтарху, найденной на острове Березани.³ Имена оканчивающиеся на ξαρθος, часто встречаются в надписях Пантикапея и Таманса, как напр.: Ἀλέξαρθος,⁴ Διδιμόξαρθος, Δοσυμόξαρθος, Καϊνάξαρθος. Но на Таманском полуострове имен с таким окончанием в боспорских надписях до сих пор не встречалось.

Второй вариант восстановления, представляющийся нам наиболее вероятным, может дать имя племени дандариев. Надпись в целом могла выглядеть, примерно, так:

Δανδαριοι. возможно ἀνέθεσαν. быть может τὸν ναόν. напр. Ἀρτέμιδι Ἀγροτέραι — Дандарии посвятили храм Артемиде Агротере.

Дандарии — племя мэотов — четыре раза упоминаются в посвятителем надписях Веспора IV в. до н. э., из них три найдены на Таманском полуострове, а одна — под Керчью.⁵ Таким образом наш фрагмент надписи, по видимому, является пятым эпиграфическим памятником с именем этого племени, но поставленным не в титуле боспорского архонта, а самостоятельно в именительном падеже, по образцу, примерно, следующих греческих надписей, изданных Рейнаком:⁶

1) Μεσσανιοὶ καὶ Ναυπάκτιοι ἀνέθεν Διὶ Ὀλυμπίῳ δεκάταν ἀπὸ τῶν πολεμίων. (AZ, 1876, стр. 178)

2) Ἀθηναῖοι ἀνέθεσαν τὴν στοὰν καὶ τῆα ὄπλα καὶ τὰ χρωτήρια ἐλόντες τῶν πολεμίων.

(BSH, V, стр. 12)

¹ IosPE, IV, № 401.

² ИАК, вып. 63, стр. 109, № 1.

³ IosPE, IV, № 135.

⁴ IosPE, II, 364.

⁵ IosPE, II, II, №№ 6, 344. — В. В. Шко р п и л. Новонайденные боспорские надписи. ИАК, вып. 63, стр. 109, № 1. — Ю. Ю. М а р т и. Новые эпиграфические памятники Веспора. ИГАИМК, вып. 104, стр. 57 и 59.

⁶ S. R e i n a c h. Traité d'épigraphie grecque. Париж, 1885, стр. 375.

3) Ἀθηναῖοι ἀπὸ Πελοπον[ν]ήσων ναυμαχίᾳ νικήσαντες ἀ[νέθεσαν].
(SIG¹, 28)

или

4) Ταρхντῖνοι ἀπο τῶν πολεμίων ἀνέθεσαν.

Последняя надпись начертана на небольшом архитраве, найденном в Афинах,¹ и приурочена Rangabé к двойной победе при Гераклее.

Если наша реконструкция надписи во втором варианте правильна, то такая формулировка в tituli dedicatorii встречается на юге СССР впервые в том смысле, что имя народа посвящающего стоит на первом месте в именительном падеже; в tituli honorarii такая формулировка встречается, но в середине текста надписи или в конце².

Подтверждением того, что первым словом надписи является имя племени, может служить место находки надписи, которое приблизительно совпадает с локализацией этого племени древних авторов.³ Правда,

Рис. 2. Обломок мраморной плиты с посвятительной надписью Гераклу; инв. № 1232. Найден в Фанагории.

место поселения дандариев до сих пор вполне точно не установлено. Страбон называет их тотчас же за синдами. Из следующих слов Страбона видно, что они жили недалеко от реки Кубани: «Фарпак, говорят, однажды отвел даже течение Ипанида к дандариям через какое-то старинное русло, которое он расчистил и таким образом затопил их страну». У Тацита дандарии или, как он их называет, «дандариды» граничат с Боспорским царством. Он же сообщает, что у дандаридов был город Soza. По Плутарху дандарии — это один из варварских народов, живших около Мэотида. Плутарх упоминает о правителе дандариев Олтаке, который служил в войсках царя Митридата Египатора. «Дандарии, народ у Кавказа» — говорит Гекатей; то же повторяет и Стефан Византийский. У Плиния они помещены среди тех народов, которые жили между Танаидом и пустынями, простиравшимися до гор Рипейских. Таковы в кратком изложении свидетельства древних авторов о дандариях. Находка надписи с именем этого племени в нетронутым культурном слое городища дополняет скудные данные античных авторов, а лаконичные упо-

¹ Изд. Rangabé. *Antiq. Hellén.*, № 1158 и у E. L. Hicks. *A Manuel of Greek Historical Inscriptions.* Оксфорд, 1882, № 193.

² *IosPE*, II, №№ 356; 360 — ὁ δῆμος ὁ Ἀγριππέων.

³ *Strabo*, XI, II, 11; *Hecat. Miles.* Fr. 161—*Steph. Byz.* s. v. — *Plut.* *Lukull.*, 16. — *Tac. Ann.*, XII, 15 sq — *Plin.* N. H. VI, 7, 19; *Dion. per.*, 652—710. — *Ptol.* V. 9. — *App. Mithr.*, 225.

минания Тацита о городе даидариев Soza наводят на мысль, не является ли Артюховское городище остатком этого города?

2

Инв. № 1232. Рис. 2. Фрагмент узкого блока из белого мрамора, справа, слева и сверху поврежденный. Размер: дл. 0.41 см, выс. 0.155 см, толщ. 0.105 см, высота букв 0.030—0.033 см. Возможно, фрагмент является частью архитрава портика при входе в храм. Плоскость с надписью гладкая. Обратная сторона обработана. Плита найдена в 1929 г. в западной части Фанагорийского городища на распаханной площади холма III. Надпись вырезана красивым характерным шрифтом III в. до н. э.

Ἀγίας Σ[ατύρου]

Ἡρακλε[ῖ]

Перевод: Агий, сын С[атира?] Гераклу.

Имя Ἀγίας второй раз встречается среди греческих имен юга СССР.¹ Интересно то, что здесь оно дано в именительном падеже. В списке граждан Горгииппии стоит: Δαμόστρατος Ἀγίου. В. В. Латышев в алфавитном указателе имен образует от него неточно именительный падеж Ἀγίος, а не Ἀγίας, как произносилось это имя на Боспоре, судя по нашей надписи. Надпись № 402 относится к 174—210 гг. н. э. В Горгииппии приблизительно в то же время (III в. до н. э.) существовало имя Ἀγίς с тем же корнем, но с другим окончанием.² В Греции, в дельфийских манумиссиях встречаем имя Ἀγίων, Ἀγίωνος (II в. до н. э.).³

Надписей нашего юга с упоминанием Геракла известно девять: три из них, включая описываемую нами, найдены на Таманском полуострове, три найдены в Керчи и три в Ольвии.⁴

Надписи, найденные на Таманском полуострове, следующие: одна из них⁵ — посвятельная, середины III в. до н. э.; точные данные о ее местонахождении утрачены. В этой надписи мы видим, что кто-то (имени не сохранилось) сын Тимогеа посвятил Гераклу статую Епикрата, а в свою очередь Епикрат посвятил Гераклу статую Кретина. Можно предположить, что утраченным именем является Кретин, т. е. два друга посвятили Гераклу статуи взаимно. Вторая надпись Таманского полуострова, найденная в кургане недалеко от древней Фанагории в районе станции Сенной, II—III вв. н. э., в честь одного из боспорских царей.⁶ Третья надпись Таманского полуострова уже описана нами.

Пантикапейских надписей известно три: две из них посвятельные, III и IV вв. до н. э., третья titulus honogarius, III в. н. э.⁷

Такое количество надписей указывает на большое распространение культа Геракла на Боспоре, в частности в Фанагории, в течение длительного времени, судя по найденным надписям с IV в. до н. э. до III в. н. э.

Свидетельства древних авторов, Геродота и Страбона, о которых речь будет ниже, подтверждают давность этого культа. Интересно, что боспор-

¹ Ср.: IosPE, II, № 402.

² IosPE, IV, № 432.

³ SDGD, I, № № 2218, 2110.

⁴ IosPE, I², 179, 186, 188.

⁵ IosPE, II, № 350.

⁶ IosPE, II, № 361.

⁷ IosPE, I², № 684; II, № № 24, 41.

ские цари во II—III вв. н. э. считали себя потомками не только Евмолпа, сына Посейдона, но также и Геракла.¹

В то же время имеется большое количество найденных в античных колониях Северного Причерноморья надписей, в которых люди различного происхождения носят имена, так или иначе связанные с именем или эпитетами Геракла. Такие имена, как Геракл, Гераклид, Гераклит, Гераклеон, Гераклеодор, а также имена, производные от первоначального имени Геракла Алкид или Алкей, многократно встречаются в надписях Пантикапея,² Горгииппии,³ Танаиса,⁴ других местностей Боспора,⁵ Херсонеса,⁶ Ольвии.⁷ Широкое распространение этих имен свидетельствует о том, как популярен был культ Геракла в греческих колониях нашего юга. И греки, и туземцы, и евреи⁸ с глубочайшей древности и до III—IV вв. н. э. носили имена, связанные с именем героя.

То же подтверждают нам свидетельства древних авторов. У Геродота (IV, § 59) упоминается, что скифы наряду с почитанием других божеств поклонялись и Гераклу; этот культ они, вероятно, заимствовали от эллинов. В другом месте Геродот подробно передает (IV, § 8 сл.) рассказы колонистов-эллинов, живущих у Понта, о том, как Геракл в Гилее (локализуется на левом берегу Днепра) сочетался браком с девушкой-змеей, от которой родились три сына; от самого младшего сына Геракла — Скифа — произошли цари скифов; кроме того, Геродот рассказывает, что на берегу скифской реки Тиры (Днестра) сохранился след ступни Геракла. Культ Геракла,

Рис. 3. Обломок мраморной плиты с фрагментом надписи; инв. № 1803. Найден в Фанагории.

¹ См., напр.: IosPE, II, №№ 41, 358. Ср. М. И. Ростовцев. Представление о монархической власти в Скифии и на Боспоре, ИАК, вып. 49, стр. 23.

² В Пантикапее известно 13 надписей с именем Ἡρακλείδης, ας, принадлежащих времени с IV в. до н. э. и до III в. н. э., 2 надписи с именем Геракла (III в. до н. э.) и по одной надписи с именами Ἡρακλεοδωρος (I—II в. н. э.), Ἡρακλέων (I в. н. э.), Ἀλκίφρων (IV в. до н. э.), Ἀλκιος (II в. н. э.).

³ В Горгииппии встречаются в надписях II и III вв. н. э. имена Геракла и производное от него Ἡρακλᾶς, четыре раза имя Ἡρακλείδης, ου, и один раз Ἡρακλείτης, ου, кроме того, в посвятельной надписи римского времени Ἀλκίμαχος (IosPE, II, № 398).

⁴ В надписях Танаиса, представляющих по большей части tituli conlegiorum, имя Ἡρακλείδης встречается 20 раз. Все они датируются II—III в. н. э. Большинство этих Гераклидов поклоняются Θεῷ ὑψίστῳ, т. е. они по национальности, вероятно, иудеи.

⁵ Надгробная надпись с именем Гераклида найдена в деревне Мама у Азовского моря, около мыса Зюк (ИГАИМК, вып. 104, стр. 83, № XVIII). К числу таких же надписей боспорских граждан принадлежит находящееся в Афинах надгробие Ἡρακλέων Βοσπορανός [IG, III, 2, 2398; ср. ВДИ, 1939 г., № 3 (8), стр. 288, № 63].

⁶ В Херсонесе встречаем 7 раз имя Ἡρακλείδης или Ἡρακλείδης в надписях, датирующихся с III в. до н. э. по римское время включительно, и один раз имя Ἡρακλεοδωρος, ου, в надписи II в. до н. э.

⁷ В Ольвии имя Ἡρακλείδης встречается 4 раза в памятниках не ранее III в. н. э.

⁸ Кроме танаидских надписей, в этом отношении интересна пантикапейская надпись об отпуске на волю раба Геракла Христой, женой Друза, с одобрения наследников Гераклида (Ἡρακλείδου) и Еликониады и с участием в опеке синагоги иудеев. Раб Геракл, которого отпускали на волю, мог быть и эллином, но наследник Гераклид, поскольку здесь принимает участие синагога иудеев, был вероятно евреем (IosPE, II, № 52).

несомненно, занимал видное место и в Фанагории в связи с упоминанием Геракла в местном мифе об Афродите Апатуре, почитавшейся фанагорийцами. Геракл является здесь освободителем Афродиты, на которую напали гиганты.¹

Вновь найденный фрагмент с надписью интересен тем, что он является частью архитектурной детали (архитрава), повидимому, храма Геракла, паходившегося в Фанагории.

3

Инв. № 1803. Рис. 3. Фрагмент плиты из среднезернистого белого мрамора; со всех сторон, кроме верхней части, обит. Размер: дл. 0.105 м,

шир. 0.165 м, толщ. 0.020—0.021 м, высота букв 0.021—0.022 м. Найден А. Пиценко на городище Фанагории и передан летом 1930 г. экспедиции ГМИИ. Сохранилась одна строка надписи, состоящая из пяти с половиной букв **2ΣΤΙΒΙ**. К какому типу принадлежит надпись, по такому малому количеству оставшихся букв определить трудно, можно только предположить, что это начальная строка или *tituli honorarii* или *tituli dedicatorii* в обычной формулировке:

[Ἀγαθῆ τύχη]

[Βασιλεύοντος Βασιλέ]ως Τιβε[ρίου

Ἰουλίου Σαυρομάτου φιλοκρίσαρος καὶ
φιλωμαίου εὐσεβοῦς...] ²

По начертанию букв можно предположить, что надпись относится скорее всего ко времени Тиберия Юлия Савромата I, царствовавшего с 93/4 по 123/4 г.³

4

Рис. 4. Обломок мраморной плиты с почитательной надписью в честь тысяченачальника Трифона; инв. № 767. Найден в Фанагории.

Инв. № 767. Рис. 4. Фрагмент плиты желтоватого мрамора, левая, нижняя и верхняя стороны которого обиты. Вверху плиты сохранились

остатки барельефного орнамента — части завитка и аканфового листа. Остатки надписи имеют сверху и сбоку обрамления. Плоскость с надписью углублена на 0.01 м. Сохранились три строки правой верхней части текста и одна буква от четвертой строки. Размер плиты: выс. 0.20 м, шир. 0.125 м, толщ. 0.08—0.095 м, высота букв 0.013—0.014 м. Обратная сторона обработана; на ней изображен орнамент в виде елочки повидимому, более позднего происхождения. Плита найдена в западной прибрежной части Фанагории, неподалеку от современного колодца.

Энергичный завиток довольно крупного масштаба указывает, что слева в утраченной части памятника помещалась центральная узловая

¹ Миф этот подробно излагается Страбоном (XI, II, 10).

² Ср. IosPE, II, №№ 364, 401, 402, 422 и др.

³ Ср. IosPE, IV, № 202.

часть орнамента, построенного по принципу симметрии. Реконструкция орнамента позволяет приблизительно представить себе размеры всего памятника, который, повидимому, имел еще около 30 см протяженности в левую сторону. Наш фрагмент составляет, вероятно, около $\frac{1}{3}$ целого памятника. Такое пространство дает возможность расположить на нем (исходя из расчета размещения букв в сохранившейся части) от 14 до 25 букв. Надпись, по аналогии с изданной в IosPE (II, № 46), может быть восстановлена примерно следующим образом:

[Ἀγαθῆι τύχηι. Τρύφωνα Αύρι-
[λιον Ρόδων]ος χειλάρχ-
[χον τὸ β' ἀνέ] (σ)τησε τὸν
[ἑαυτὸν εὐεργέτην Ἰού] λι-
[ος Κέλσος ἐν τῷ... ἔτει καὶ μηνί...].

Перевод: С добрым счастьем Юлий [Кельс] поставил Трифона Аврелия сына Родона, тысяченачальника во второй раз, своего благодетеля — в таком-то году, такого-то месяца, такого-то дня.

Χειλάρχης или χειλάρχος — tribunus militum, тысяченачальник;¹ должность эта, как свидетельствуют надписи (IosPE II, № № 29 и 46), могла соединяться с другими гражданскими и придворными должностями. Она встречается четыре раза в надписях Боспора² и один раз в Херсонесе.³ В нашей надписи в пятый раз упоминается эта должность. Все прежде найденные надписи датируются II—III вв. н. э. Нашу надпись на основании эпиграфических данных можно датировать также II—III в. н. э.⁴

5

Инв. № 766. Рис. 5, а, б. Плита надгробная из известняка, с надписью, левый угол отбит. Плита найдена в 1927 г. в прибрежной части Фанагории.

Размеры: выс. 0.33 м, шир. 0.26 м, толщ. 0.10—0.11 м, высота букв около 0.022 м. Надпись, состоящая из шести строк, очень неразборчива из-за плохой сохранности лицевой стороны надгробия. По начертанию букв может быть отнесена ко II или III в. н. э. Восстанавливая недостающие буквы, можем прочесть с большим трудом следующие имена усопших:

(Н)λί(ω)ν υἱ[έ]
[Ἰστιά]ίου (?)
Θι[άβ]ωγο[ς]
Θα[λά]μο[υ]
Θύφρ(ω)ν υἱέ
Ἐπι[χράτου]

Перевод: Гелион сын Истияя, Тиабог сын Талама, Тюфрон сын Епикрата.

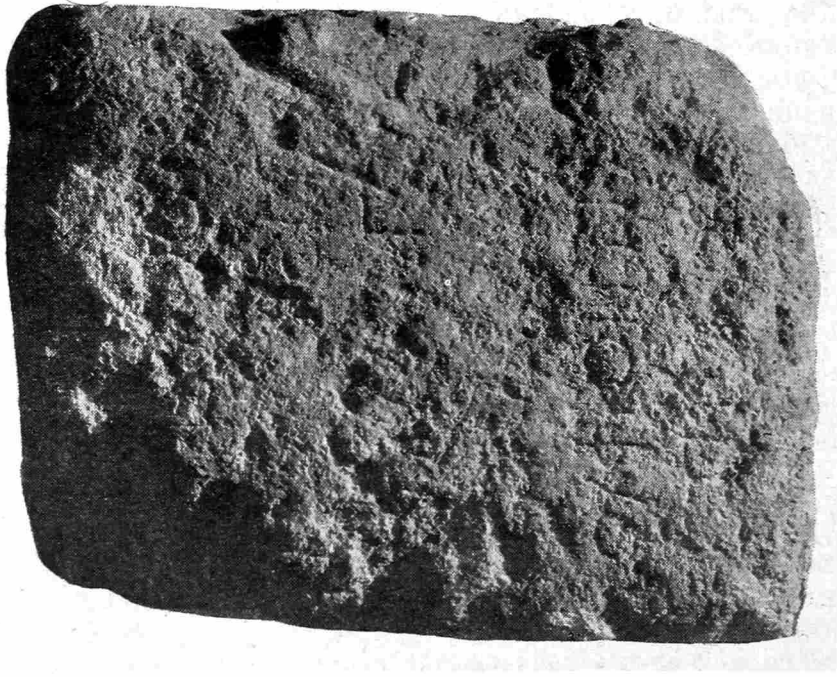
Имя Ἐπίλιον, здесь начертанное неправильно через ε и ο, во второй раз встретилось в надписях Боспора, причем надгробная плита, где

¹ Ср. S. Reipach, ук. соч., стр. 537.

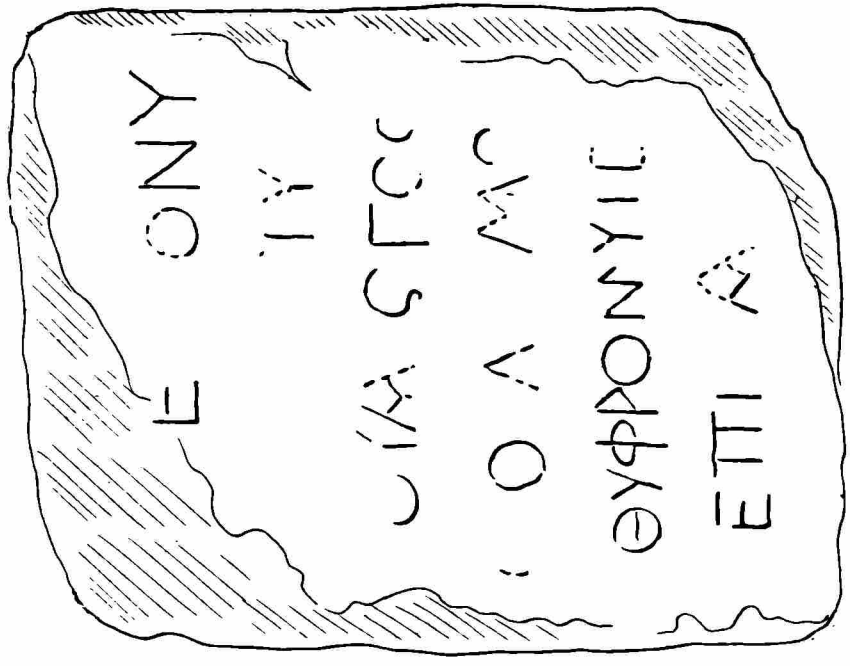
² IosPE, II, № № 29, 41, 46, 57.

³ IosPE, IV, № 81.

⁴ За принадлежность надписи указанному времени говорит форма букв Ε, Σ, Ω. Древнейший пример такого написания этих букв на Боспоре представляет, по указанию Латышева, надпись IosPE, IV, № 231; остальные (ср. IosPE, IV, № № 115, 339, 342) все позднее. Одновременно с вышеупомянутыми формами букв существовало и обычное начертание Ε, Σ, Ω.

a

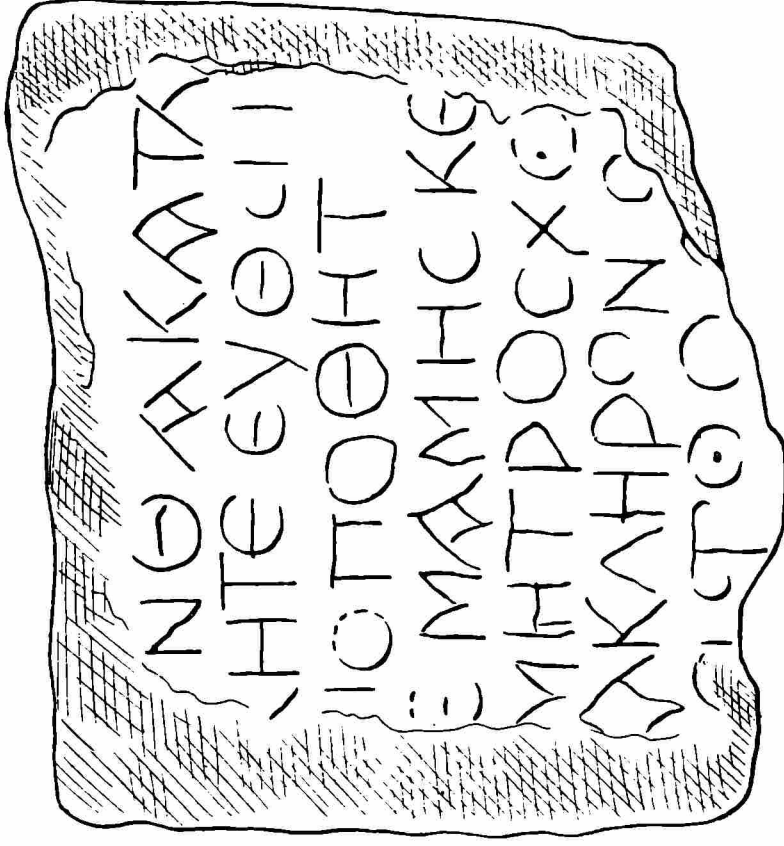

б

Рис. 5. Фрагментированное надгробие; инв. № 766.

а

б

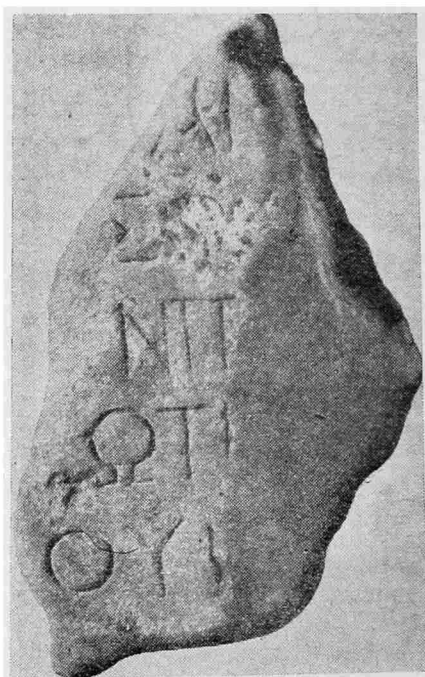
Рис. 6. Фрагментированное надгробие, найденное в Фалагории; инв. № 765.

это имя встретилось впервые,¹ позднее пропала, и уже Латышев, издавая ее в IosPE (II, № 160), пользовался не оригиналом, а фотографией или даже, вернее, рисунком.

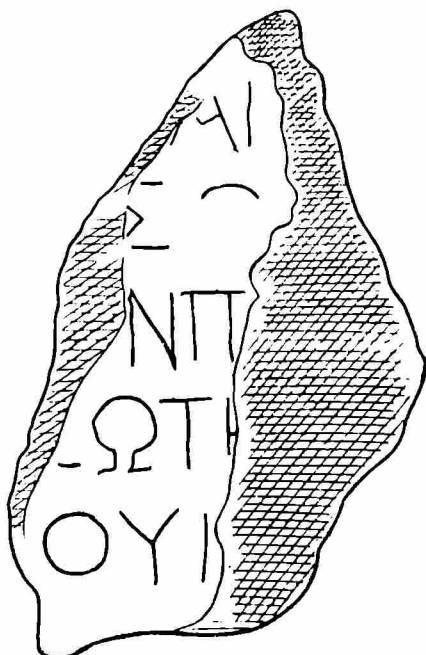
Имя *Θύρρων*, вырезанное неправильно через омикрон, впервые встретилось в греческой ономотологии юга СССР. Остальные имена уже встречались в надписях Восточного Боспора и ранее.²

6

Инв. № 765. Рис. 6, а, б. Фрагмент надгробной плиты из плотного керченского известняка с надписью. Правая сторона и низ отбиты.

а

б

Рис. 7. Обломок мраморной плиты с сохранившимися буквами надписи; инв. № 1228. Найден в Фанагории.

Плита найдена в куче случайных камней на городище Фанагории. Размеры: выс. 0.25 м, шир. 0.30 м, толщ. 0.10—0.12 м, высота 0.22—0.025 м. Буквы вырезаны небрежным шрифтом III—IV вв. н. э. (ср. IosPE, IV, № 404),

[*Ε*]υθα κατα

κητε Εὐθέη

τη ποθητ[ή]

...μάτης κε

μητρός χθ[όνα]

ἄκληρον ο....

.....τθο....

Здесь, может быть, мы имеем две неполные строки плохого гексаметра.

Перевод: Здесь лежит Ейтия, увы, оплакиваемая бабушкой и матерью, ... бездольную землю (= могилу).

¹ Ашик. Боспорское царство, стр. 68, № 30.

² Ios PE II, №№ 105, 122, 166, 350, 446, 454, 662.

Инв. № 1228. Рис. 7 а, б. Фрагмент плиты белого мрамора с надписью, со всех сторон обитый, с правой стороны, кроме того, обтесанный и окатанный водой, так что буквы с правой стороны менее сохранились, чем с левой. Плита была найдена на городище Фанагории одним из местных жителей и продана экспедиции ГМИИ 1 IX 1929 г. По начертанию букв надпись можно отнести к римскому времени. Восстановить чтение по таким незначительным остаткам букв затруднительно. Размеры плиты: выс. 0.16 м, шир. 0.5—0.6—0.4 м, толщ. 0.85 м.

N. ROZANOVA

MONUMENTS ÉPIGRAPHIQUES INÉDITS DE LA PRESQU'ÎLE
DE TAMAN

R é s u m é

L'auteur publie sept inscriptions sur des dalles de marbre trouvées à l'état fragmentaire en 1928, 1929, 1930 et 1937 dans la presqu'île de Taman par les missions du Musée des Beaux Arts dédié à la mémoire de Pouchkine et conservées au dit musée à Moscou.

1) № 596. Fragment de bloc trouvé dans le gorodistché d'Artioukhov portant les restes d'un nom **ANΔA**. Les lettres sont de la fin du IV-e ou du début du III-e siècle avant notre ère. Des considérations d'ordre épigraphique conduisent à la restitution **ΔANΔA**, d'où *Δανδάριοι* — Dandares, tribu méotique qui habitait la région du Kouban et qui est mentionnée quatre fois dans les inscriptions du Bosphore.

2) № 1232. Fragment d'un bloc de marbre, peut-être, partie de l'architrave du portique d'un temple. Les lettres sont du III-e siècle avant notre ère. Trouvé sur le territoire de l'ancienne ville de Phanagorie (la capitale du Bosphore asiatique). L'inscription est dédicatoire: Agios — fils de Satyre l'a dédié à Héraclès. Les inscriptions et les monnaies établissent l'existence du culte d'Héraclès au Bosphore et à Olbie aux IV-e et III-e siècles avant notre ère; d'autre part, la fréquence des noms dérivés du nom d'Héraclès, les renseignements qu'on trouve dans Hérodote et les mythes attestent la large propagation de ce culte au Bosphore jusqu'au III-e et IV-e siècles de notre ère. Il se peut que ce fragment d'inscription ait fait partie de l'architrave du temple d'Héraclès à Phanagorie.

3) Fragment trouvé à Phanagorie. Le type de l'inscription, qui date de la limite entre de I-er et le II-e siècle de notre ère, est impossible à déterminer. Reste à supposer que ce fragment d'inscription est une partie de la formule habituelle du titre du roi de Bosphore.

4) № 767. Fragment de dalle à ornement en bas-relief et inscription dédiée à un chef de mille soldats du II—III-e siècle de notre ère.

5) № 766. Dalle funéraire du II-e ou III-e siècle de notre ère.

6) № 765. Dalle funéraire trouvée à Phanagorie (III—IV-e siècles de notre ère).

7) № 1228. Ce fragment d'inscription trouvé à Phanagorie se rapporte à l'époque romaine. Abîmé de tous les côtés par des chocs, il ne présente plus que des lettres isolées et ne se prête pas à la restitution.

Н. В. АНФИМОВ

НОВЫЕ ДАННЫЕ К ИСТОРИИ АЗИАТСКОГО БОСПОРА

(СЕМИБРАТНЕЕ ГОРОДИЩЕ)

С 1938 г. Краснодарским музеем совместно с Краевым бюро по охране памятников начато исследование одного из окраинных городов Боспорского государства, расположенного в древности в северной части Синдики. Городище находится в низовьях р. Кубани, на левой надпойменной террасе ее, близ Семибратних курганов, в 2 км на З от станицы Варениковской.

Городище неправильной формы, более широкой стороной обращено на С к пойменной долине р. Кубани, воды которой в древности омывали его; с З и В городище ограничено широкими рвами. Южная граница прослеживается очень плохо, ров в этой части отсутствует и верхняя поверхность городища сливается с окружающим полем. Средние размеры городища с В на З в северной части 320 м, в южной — 140 м, с С на Ю — 350 м.

Впервые на городище производил небольшие раскопки В. Г. Тизенгаузен в 1878 г. Им были обнаружены крепостные стены, окружавшие городище, и фундаменты каменных зданий.¹ В 1927 г. и 1931 г. городище было дважды обследовано экспедициями РАНИОН² и ГАИМК.³ В 1937 г. Краснодарским краевым музеем была организована экспедиция по обследованию низовьев р. Кубани, во время которой на Семибратнем городище были проведены топографические работы и сбор подъемного материала. Осенью того же года колхозниками были обнаружены на городище каменные стены большого здания, частично ими разрушенные.

Обнаруженное здание находится в северо-восточной части городища на расстоянии 60 м от северной крепостной стены и 90 м от восточного края городища. В этом месте поверхность городища несколько возвышается и имеет форму округлого холма. С целью изучения и охраны обнаруженного здания в 1938 г. были начаты раскопки на городище, продолженные в 1939 г.

В результате проведенных в 1938—1939 гг. работ на городище почти целиком раскопаны большое каменное здание и небольшая площадь окружающей его территории. Невскрытыми остались восточная стена здания и прилегающие к ней части двух помещений.

Раскопанное здание (рис. 1) значительных размеров, очень монументально и сравнительно хорошо сохранилось. Здание имеет прямоугольную форму и довольно точно ориентировано по странам света. Длина его с В на З около 22.5 м, шир. — 19.50 м. Наружные стены здания необычайно мощные, достигающие толщины 1.70 м. Сложены они насухо из массивных

¹ ОАК, 1878—1879, стр. VIII—IX.

² А. С. Башкиров. Археологическое обследование Таманского п-ва летом 1927 г. ТСАРАНИОН, т. III, 1928, стр. 71—86.

³ А. А. Иессен и А. А. Миллер. Таманская экспедиция летом 1931 г. СГАИМК, вып. 11—12, 1932, стр. 59.

квадровых плит ракушечного известняка и состоят из двух рядов кладки (наружного и внутреннего панцыря), небольшое пространство между которыми заполнено мелким бутовым камнем и щебнем. Квадры наружного панцыря больше по величине, чем внутреннего, некоторые из них достигают очень крупных размеров (дл. 1.30—1.34 м, выс. 0.30—0.50 м), тщательно отесаны и хорошо пригнаны друг к другу. Лицевая сторона большинства квадров рустована. На фасаде здания у юго-западного угла имеется рельефная маска льва, высеченная на угловом квадре второго ряда.

Наружные стены здания построены на фундаменте, состоящем в верхней части из одного ряда регулярных гладких блоков разной толщины (0.20—0.40 м), выступающих на 0.10—0.14 м из-под квадров первого ряда кладки стены, под которым идет бутовый камень средней и мелкой величины. Толщина фундамента равняется 0.80—1.00 м. Наружные стены сохранились местами в высоту до 1.80 м. Под прямым углом от наружных стен отходят внутренние стены: одна с В на З и две параллельные с С на Ю. Внутренние стены менее массивны, толщина их колеблется от 1.35 до 1.40 м, кладка их менее

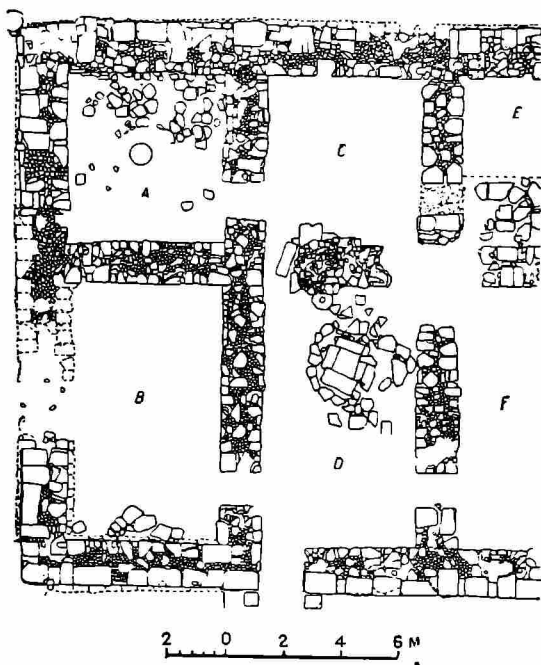

Рис. 1. План раскопанной части здания.

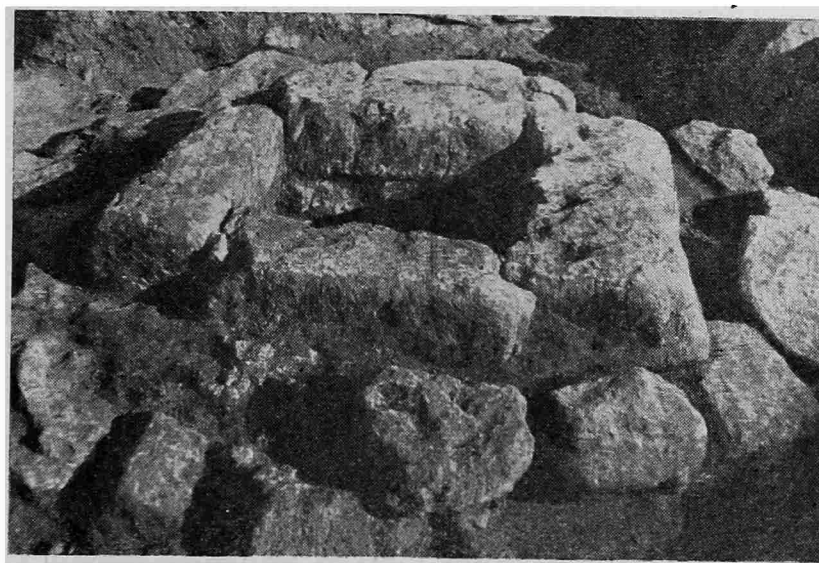

Рис. 2. Колодец во внутреннем дворике D эллинистического здания.

тщательна; в нижних частях она состоит из квадров, в верхних рядах из иррегулярных камней разной величины, сложенных на глине.

Следов штукатурки нигде не обнаружено. Кладка большинства стен сделана в переплет с наружными стенами здания.

Внутренними стенами здание разделяется на шесть помещений, из которых центральное, повидимому, является внутренним двориком. Все помещения расположены в два ряда с С на Ю. Главный вход в здание находится с южной стороны и ограничен снаружи двумя массивными гладкими столбами, квадратными в плане. Наружный дверной проход ведет во внутренний дворик, имеющий прямоугольную форму и вытянутый с С на Ю. Длина его 9.10 м, ширина 5.40 м. Южная половина дворика осталась недокопанной. В северной части был обнаружен квадратный колодец (рис. 2) размерами 0.75 × 0.88 м, венец которого сложен из четырех массивных продолговатых плит и обложен снаружи иррегулярными камнями, образующими замкнутый круг. Колодец выложен камнем на глубину 7.15 м. Кладка стен колодца состоит из иррегулярных камней ракушечного известняка средней и мелкой величины и сложена довольно небрежно. Колодец был засыпан до 5 м бутовым камнем, ниже шел слой древесного угля, далее — фрагменты сосудов римского времени и у самой воды обнаружено несколько фрагментов эллинистической эпохи. Вокруг колодца в северной части дворика частично сохранилась вымостка, состоящая из плоских плит средней величины. Из дворика дверные проходы ведут в соседние помещения: на В и на З в боковые помещения (В и F) и на С в среднюю комнату (С) северного ряда. Помещения северной половины (рис. 3) имеют почти квадратную форму, равны между собой и по величине отличаются от южных. Размеры их 5.70 × 5.40. Хорошо сохранившиеся дверные проходы соединяют угловые северные помещения (помещения А и Е со средней комнатой, пом. С). От южных помещений они отделены глухой внутренней стеной. Два южных помещения, расположенные по бокам внутреннего дворика, прямоугольной формы и равны последнему по величине. В некоторых помещениях (А, В и Е) сохранились остатки каменного пола, сложенного из небольших и средних плоских плит. В северо-западном угловом помещении (пом. А) обнаружена гладкая колонна из известняка (диам. 0.72 м), расположенная в центре помещения и находящаяся *in situ* (рис. 4). Барабаны таких же колонн были обнаружены среди завала бутового камня в юго-восточном углу помещения В и с наружной стороны здания у северо-западного угла. Назначение этих колонн в настоящее время не совсем ясно, может быть, они служили для поддержки перекрытия. Вопрос о перекрытии здания остается пока нерешенным. Обломки черепиц внутри здания найдены сравнительно в небольшом количестве.

Северные помещения здания (пом. А и С) были завалены бутовым камнем от разрушившихся стен, перемешанным с суглинистым грунтом, в котором встречались отдельные находки, в основном фрагменты керамики и незначительное количество костей домашних животных. Завалы бутового камня иногда лежали сплошным слоем по всей площади помещения. У самого пола количество бутового камня резко уменьшилось и несколько изменился характер находок. Если в верхних слоях преобладающим материалом являлся материал римского времени, а находки более раннего времени (обломки амфор, чернолаковых сосудов, черепиц) являлись единичными, то на глубине 12—14 штихов количество раннеэллинистического материала увеличилось, хотя вместе с ним продолжала встречаться и римская керамика.

На полу помещений С и Е были найдены две медные монеты: одна времени Митридата VI Евпатора и другая Митридата VIII.¹

Южные помещения (пом. В, внутренний дворик D) по характеру залившей их насыпи резко отличались от северных. В самых верхних слоях здесь также встречался в довольно значительном количестве бутовый камень

¹ Бур., табл. XXIII, 30 и табл. XXVI, 90.

Рис. 3. Северная часть здания (на переднем плане помещение А).

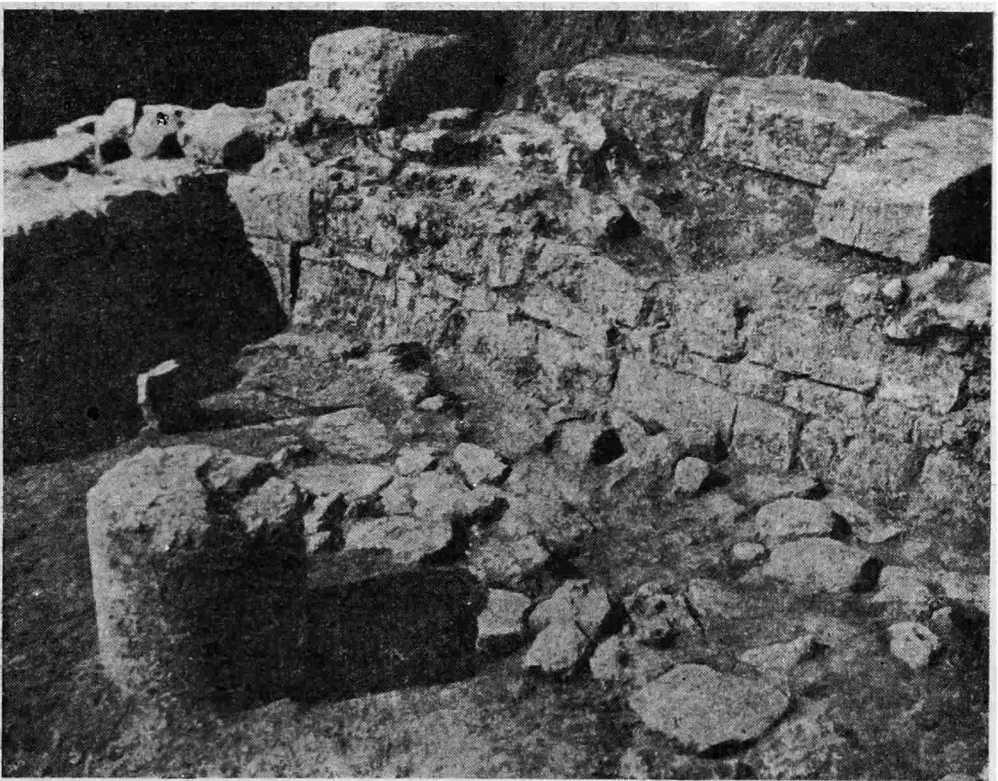

Рис. 4. Северная половина помещения А.

и мелкий щебень. С глубины 0.90—1.10 м начинался рыхлый зольный грунт, в котором встречались довольно крупные куски древесного угля и лежавшие в беспорядке массивные квадраты от наружной стены здания. Отличительной особенностью этого слоя являлась насыщенность его фрагментами керамики, среди которой найдены цельные сосуды, лежавшие, как правило, вверх дном. Среди керамического материала подавляющее большинство принадлежит местной сарматской посуде из серой или красно-коричневой глины. Необходимо отметить большое разнообразие как типов, так и форм сосудов. Фрагменты сосудов, изготовленных на гончарном кругу, происходят от различных кувшинов, мисок, горшков, пифосов, трехручных

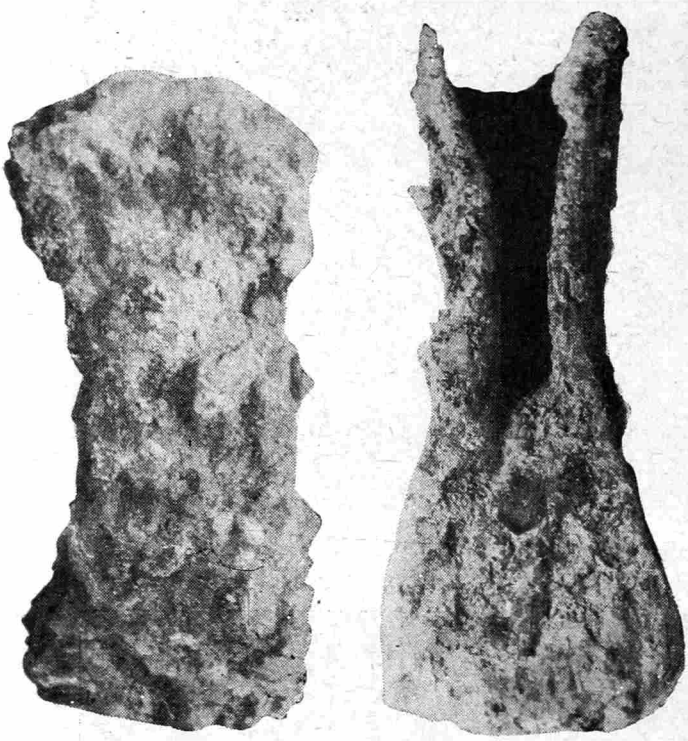

Рис. 5. Двусторонний железный топор из зольного слоя (помещение В).

Рис. 6. Земледельческое орудие I—II в. н. э. из зольного слоя (помещение В).

чаш, скифосов и т. д. Встречена целая серия оригинальных налепов на стенках сосудов. Большой процент среди находок составляют фрагменты грубых лепных сосудов: горшков, мисок, чаш на поддонах. Местами встречены скопления конусовидных грузиков. Привозная керамика представлена в основном фрагментами амфор, среди которых преобладающим типом является тип раннеримской амфоры светложелтой глины с включениями мелких частиц кварца, с сильно вытянутым узким корпусом, с двуствольными ручками, имеющими острый угол на месте изгиба, и с жолудеобразным донцем и отдельные фрагменты чернолаковой керамики конца IV—III вв. до н. э. Обломки черепиц найдены в значительном количестве.

Кроме того, в зольном грунте были найдены: два железных двусторонних топора (рис. 5); тязкообразное земледельческое орудие (рис. 6), совершенно аналогичное найденным на городище № 2 ст. Пашковской¹ и в погребении I в. н. э. в сарматском могильнике на территории г. Краснодара; обломки двух железных серпов, каменные жернова, глиняные прясла, фрагмент терракотовой статуэтки, изображающей всадника, фрагментированный стеклянный балзамарий. В нескольких местах были найдены сильно обуглившиеся зерна проса.

Зольный слой по мере углубления сужался, и нижние отложения у самого пола помещения В и у вымостки внутреннего дворика отличались как по характеру грунта, так и по количеству и характеру находок. Материал здесь был смешанный — эллинистическо-римского времени, количество сарматской керамики резко уменьшилось, в довольно большом количестве

¹ М. В. Покровский. Городища и могильники среднего Прикубанья. Тр. Краснодарск. Гос. пединст., т. VI, вып. 1, стр. 7.

встречались фрагменты простой красноглиняной посуды, а также фрагменты амфор IV—III вв. до н. э. Одновременно с фрагментами краснолаковых сосудов найдены и фрагменты чернолаковых. В отличие от зольного слоя в нижних частях встречались кости животных. Нижние слои южной половины здания совершенно идентичны тем же слоям северных помещений.

На основании изучения архитектуры здания, его планировки, стратиграфии культурных слоев как внутри здания, так и снаружи его, представляется возможным сделать ряд выводов, которые нужно считать только предварительными, так как часть здания остается еще не вскрытой и прилегающая к зданию площадь неисследованной. Здание это имеет жилой характер и, судя по общей планировке и размерам помещений, скорее всего могло являться частным домом, принадлежащим одному из представителей рабовладельческой верхушки города. Мощность наружных стен могла преследовать и защитные цели, что находит объяснение в окраинном положении города. Здание было построено во второй половине III в. до н. э. и просуществовало до римского времени.

Насколько нам известно, аналогичных зданий ни на Боспоре, ни при раскопках малоазиатских городов не встречено.

Интересно, однако, отметить, что еще более массивные стены, хотя по кладке и отличающиеся от здания городища Семибратнего, были обнаружены при раскопках 1934—1936 гг. в Тиритаке.¹ Здесь было вскрыто здание хозяйственного назначения римского времени с внутренним мощным двором и несколькими прилежавшими к нему помещениями. Наружная стена одного из помещений оказалась очень массивной, имеющей толщину около 2 м.

В архитектурном отношении здание Семибратнего городища не является чисто греческим, а носит целый ряд черт местного характера, представляя, может быть, образец синдской архитектуры.

Кроме самого здания, была раскопана узкая полоса площади с наружной стороны его. Здесь обнаружено несколько погребов в виде конусовидных ям, относящихся к более раннему времени, чем здание. Архитектурных остатков встречено не было.

Раскопками наружной части здания удалось установить ряд культурных наслоений, отражающих несколько периодов в жизни города. Самый нижний (первый) слой относится к классическому периоду (V в. до н. э.) и соответствует времени возникновения города. Встретившееся в этом слое сравнительно большое количество местной скифской керамики дает некоторые основания предполагать, что город возник на месте ранее существовавшего здесь скифского поселения.

Слой V в. до н. э. прослеживается на очень небольшом участке с западной стороны здания, так как в остальных местах он нарушен более поздними ямами. Находки этого слоя в основном представлены фрагментами горл амфор со вздутием, единичными фрагментами чернолаковых сосудов V—IV вв. до н. э. и фрагментами скифской лепной посуды с черным лощением.

Второй слой эллинистического времени дал наибольшее количество находок. К нижним горизонтам этого слоя, как выше было упомянуто, относится несколько ям, встреченных с северной, западной и южной сторон здания. С северной стороны были обнаружены две ямы: одна с неясно выраженными границами, вторая — западная — имела конусовидную, расширяющуюся книзу форму. Яма была наполнена грунтом, содержащим большое количество фрагментов керамики. С южной стороны здания обнаружена еще подобная же яма, по цилиндрической формы, частично пере-

¹ Пользуюсь случаем, чтобы выразить благодарность В. Ф. Гайдукевичу за предоставленные мне материалы.

крытая фундаментом здания. Диаметр ее в нижней части 1.45 м, глубина 3.17 м (от поверхности 7.10 м). Обе ямы, повидимому, первоначально служили погребями для хранения припасов, а впоследствии они были использованы как мусорные. Найденным в ямах вещественным материалом они датируются позднеклассическим — раннеэллинистическим временем. В южной яме найдена цельная амфора с энглифическим клеймом на горле: *Εὐπίδα;* — имя, впервые встречающееся на клеймах.¹

В северной яме встретились две ручки фасосских амфор с клеймами. Здесь же найдена нижняя часть амфоры IV в. до н. э. с сохранившейся внутри красной краской, оказавшейся кровавиком (Fe_2O_3). Точно такая же краска, как любезно сообщил В. Н. Кононов, производивший анализ ее, встречается на ольвийских штукатурках, на раскрашенных терракотовых

Рис. 7. Глазированная чаша из римского слоя.

статуэтках, а также на цементе рыбозасолочных ванн, открытых при раскопках Боспорской экспедиции ИИМК в Мирмекии и Тиритаке. Фрагменты чернолаковых сосудов, найденные в ямах, относятся к концу V—IV вв. до н. э., единичные фрагменты принадлежат сосудам III в. до н. э. Встречено несколько фрагментов от краснофигурных сосудов, на одном из которых сохранилось изображение юноши с лавровым венком на голове, играющего на кифаре. Здесь же были найдены фрагменты ионийской и коринфской посуды конца VI—V вв. до н. э. и чернолаковый светильник V в. до н. э. Кроме того, в ямах встречены фрагменты простой красноглиняной посуды, небольшое количество сероглиняной керамики, фрагменты лепных сосудов, часть из которых с черным лощением скифского типа, обломки черепиц (некоторые из них покрыты красной краской), пирамидальные грузики, прясла и в довольно значительном количестве кости животных (лошади, коровы, овцы, свиньи, собаки).

В эллинистическом слое, кроме фрагментов керамики, мало чем отличающихся от находок в ямах, найдены фрагменты терракотовых статуэток, женская терракотовая статуэтка с отбитой головой местной несколько грубоватой работы (глина содержит большую примесь толченой ракушки), ручки от амфор с фасосскими и синопскими клеймами и с клеймами неизвестного происхождения,² горло амфоры с энглифическим клеймом, плечико амфоры с энглифическим клеймом, содержащим имя фабриканта *Εὐκλείωνος*,³ бронзовый трехгранный цаконечник стрелы, грузики пирамидальные, прясла, обуглившиеся зерна пшеницы и ячменя, кости домашних животных, остатки рыб и кости птиц (курицы, дрофы?).

¹ Определено Б. Н. Граковым.

² Е. М. Придик. Инвентарный каталог клейм на амфорных ручках и горлышках и на черепицах Эрмитажного собрания. Пгр., 1917, табл. XV, 35, 5.

³ Там же, стр. 124, № 108.

К эллинистическому времени относится одна из наиболее интересных находок — часть головы женской мраморной статуи в натуральный человеческий рост, найденная в верхнем слое бутового завала среди развалин здания. От головы сохранилась левая сторона лица — глаз, щека, ухо и волосы, разделенные широкой гладкой полосой. Нижние части волос в виде пышных прядей, гораздо тщательнее исполнены, чем верхняя часть, закрывавшаяся, повидимому, диадемой или высоким головным убором типа калафа, прикреплявшимся к гладкой полосе, имеющей два небольших углубления для прикрепления.

Найденный фрагмент мраморной головы принадлежал статуе, изображавшей, повидимому, одну из греческих богинь, и датируется раннеэллинистическим временем.

Верхний культурный слой на городище менее насыщен культурными остатками, чем нижележащие слои, и относится к римскому времени. Среди керамического материала преобладает местная сарматская посуда — как грубая лепная, так и изготовленная на гончарном круге. Встречены отдельные фрагменты римских амфор и единичные обломки краснолаковой керамики. Заслуживает внимания находка поливной чаши у южной паружной стороны здания. Чаша (рис. 7) небольших размеров, двуручная, с накладным орнаментом в виде гирлянды, исполненной в барботированной технике, серой глины, покрытая зеленоватой глазурью с металлическим оттенком. Подобные чаши были найдены в Ольвии,¹ в Керчи² и в других античных колониях Северного Причерноморья. Чаша относится к раннеримскому времени. Редкую находку представляет пила (рис. 8), обнаруженная в одном слое с вышеописанной чашей. Найденная пила представляет тип поперечной пилы хорошей сохранности, имеющей в длину 0.80 м. Зубья пилы расположены косо. С одной стороны имеются две заклепки, при помощи которых прикреплялась деревянная рукоятка. Близкая по форме пила изображена в числе других инструментов на римском алтаре, в каталоге капитолийского музея.³

Найденные при раскопках предметы позволяют наметить отдельные вехи в жизни города и восстановить основные занятия его жителей. Расположенный на берегу р. Кубани город являлся важным торговым и стратегическим пунктом Боспорского царства, контролирующим сообщения Кубанского бассейна с морем, как раз у выхода Кубани в широкую дельту.⁴ Совершенно ясно, что торговля имела большой удельный вес в жизни города, особенно в эпоху расцвета Боспорского царства, что находит свое отражение в большом количестве импортной керамики, встреченной в классическом и эллинистическом слоях городища. Торговля велась как с местными туземными племенами, так и через Боспор с далекой Грецией, откуда взамен хлеба, рабов и различного сырья доставлялись предметы роскоши, дорогие ткани,

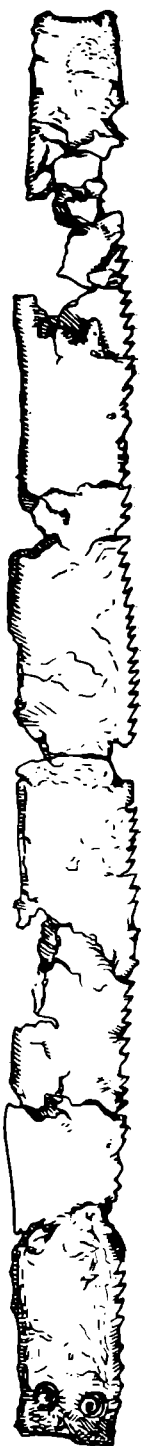

Рис. 8. Железная пила из римского слоя.

¹ Б. В. Фармаковский. Раскопки некрополя древней Ольвии в 1901 г. ИАК, вып. 8, стр. 51, рис. 51.

² Э. Р. Штерн. Античная глазированная посуда с юга России, ЗОО, т. XXII, стр. 22, сл., ср. табл. II, 2.

³ A catalogue of the ancient sculptures of the Museo Capitolino. Оксфорд, 1912, табл. 31, № 4 А (пила с правой стороны).

⁴ А. А. Иессен и А. А. Миллер, ук. соч., стр. 59.

украшения, вино и т. д. Часть жителей города и окружающее население занимались земледелием, скотоводством, рыбной ловлей. Были развиты ремесла.

Город, возникнув в V в. до н. э., может быть, на месте ранее существовавшего скифского или синдского поселения, просуществовал до III в. н. э.

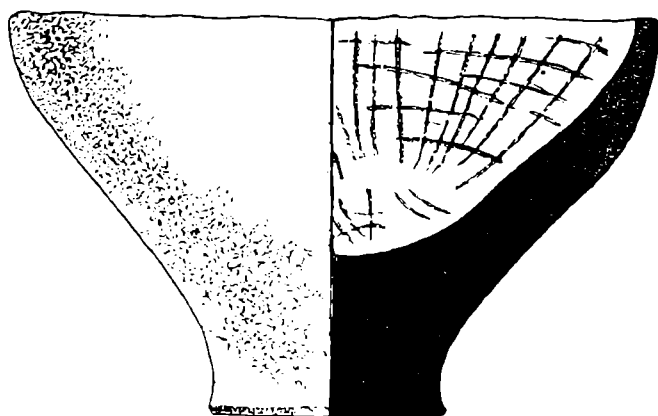

Рис. 9. Лепная чаша с насечками, образующими сетчатый узор на внутренней поверхности, из зольного слоя (помещение В).

Он был расположен в Синдике и входил в состав Боспорского царства, являясь одним из его периферийных городов.

В римское время облик города, повидимому, сильно изменился, насколько можно судить по материалу из римского слоя и по находкам из внутренней части здания, где в большом количестве встречена типичная сарматская керамика (один из образцов изображен на рис. 9) и целый ряд предметов, характерных для туземных городищ среднего Прикубанья пер-

вых веков пашей эры (тяпкообразное земледельческое орудие, жернова с насечками, стоячие глиняные плитки и т. д.).

Население города варваризируется, и в составе его, повидимому, преобладающее место занимают сарматы, которые в это время играют большую роль и во всей истории Боспора.

N. ANFIMOV

NOUVELLE CONTRIBUTION À L'HISTOIRE DU BOSPHORE ASIATIQUE

(GORODISTCHÉ DE VARÉNIKOVSKAÏA)

R é s u m é

En 1938 et 1939, le Musée de Krasnodar a entrepris, en collaboration avec le Bureau régional pour la protection des monuments, l'exploration du gorodistché de Sem Bratiev (des Sept Frères), situé sur la rive gauche du fleuve Kouban, sur son cours inférieur, près des tumulus du même nom (à 11 km du village de Varénikovskaïa); le gorodistché n'avait guère été fouillé avant 1938.

Les travaux de 1938—1939 ont découvert presque entièrement un grand bâtiment en pierre et une section restreinte du territoire environnant. Le bâtiment était de dimensions considérables et possédait des murs extérieurs atteignant jusqu'à 1.70 m d'épaisseur; il est relativement bien conservé. Il était composé de six appartements dont le central servait apparemment de coure intérieure; dans celle-ci on a découvert un puits. Certains appartements ont gardé des restes de plancher en pierre ainsi que des parties de colonnes, qui soutenaient peut-être le plafond.

Le bâtiment exhumé n'a d'analogues rapprochés ni dans le nord de la région de la mer Noire, ni dans les autres parties du monde antique. Au point de vue architectural, il n'est pas purement grec, mais offre plusieurs traits de caractère local, représentant peut-être un spécimen de l'architecture des Sindes.

Parmi les objets trouvés au cours des fouilles, les plus intéressants sont: une partie de tête d'une statue féminine en marbre de l'époque hellénistique ancienne; une coupe à vernis avec ornement à barbotine; une scie en fer; plusieurs instruments agricoles; une quantité considérable de céramique, de production locale ou étrangère. Ces trouvailles attestent le rôle important que jouait dans la vie des habitants le commerce soit avec les tribus du pays, soit avec la Grèce; elles permettent en même temps de suivre les étapes principales de l'histoire de la ville. Fondée au V-e siècle avant notre ère, peut-être sur l'emplacement d'une ancienne localité scythe ou sindique, la ville a existé jusqu'au III-e siècle de notre ère. Elle se trouvait dans le pays des Sindes et faisait partie du royaume du Bosphore, dont elle était une des villes périphériques.

À l'époque romaine, les Sarmates prédominaient dans sa population, ce qui eut pour effet de modifier fortement l'aspect général de la ville, qui acquit un caractère indigène nettement prononcé.

Р. В. ШМИДТ

К ИССЛЕДОВАНИЮ БОСПОРСКИХ ОБОРОНИТЕЛЬНЫХ ВАЛОВ

Задача военной обороны и укрепления городов, селений и хозяйственной территории, использованной под хлеботородные поля и пастбища, являлась весьма существенной для Боспорского государства, владевшего обширными районами восточного Крыма и Таманского полуострова, населенными различными туземными — варварскими, как их называли греки, — племенами.

Почти все населенные пункты Боспорского государства имели оборонительные сооружения в виде мощных городских стен, укрепленных башнями, а иногда и рвом; широко использовались также для обороны природные условия, балки, овраги и пр. Помимо специальных городских укреплений, на Боспоре имела место еще система валов и рвов, защищавших более крупные районы Боспорского государства.

В восточной части Крыма известны три основных вала, пересекающих Керченский полуостров с севера на юг, от Азовского моря до Керченского пролива и Черного моря (рис. 1); эти валы, следы которых видны еще в настоящее время, были отмечены различными путешественниками и исследователями с конца XVIII в., но планомерных археологических работ по изучению их не производилось. Только за последние годы, по инициативе Керченского историко-археологического музея, валы стали привлекать большее внимание и подвергаться археологическому обследованию, которое еще далеко не доведено до конца.

В настоящей статье будет дана сводка сведений, имеющихся об этих фортификационных сооружениях.

Античная традиция сохранила в истории Геродота легендарные рассказы о древнейшем рве, который будто бы потомки скифских рабов, вступивших в связь с женами скифов, во время отсутствия последних прорыли на всем протяжении «от Таврических гор до озера Мэотиды, где оно наиболее широко», чтобы оказать сопротивление скифам, возвратившимся из похода в Азию.¹ В другом месте Геродот, говоря о местоположении различных скифских племен, указывал, что лучшие скифы занимали территорию по ту сторону Герра, простирающуюся к югу до Таврики, а к востоку до рва, который выкопали потомки слепых.² И, наконец, в третьем месте он рассказывает, что «море и весь Боспор Киммерийский замерзают так, что скифы, живущие по сю сторону рва, толпами переходят по льду и на повозках переезжают на ту сторону в землю синдов».³

Уловить исторические основы в этих легендарных рассказах крайне трудно. Известно, что оседлое скифское население, например скифы сред-

¹ Herod., IV, 1, 3.

² Там же, 3, 20. Ср. также: St. Byz. Тάφραι.

³ Там же, 4, 28.

него Приднепровья, посредством рвов и мощных валов защищали от нападения соседних племен свои поселения, а иногда и прилегающие территории пастбищ и полей. Известны также так наз. скифские змеевые валы, тянущиеся на большие расстояния на сотни километров. Быть может, легенда, приводимая Геродотом, относится именно к такого рода скифским сооружениям. Что же касается рва между Таврическими горами и Азовским морем, то можно предполагать, что у Геродота имеется в виду скорее всего восточная часть Крыма близ Феодосии.

Но все же вопрос о действительном существовании скифского рва в этом районе остается пока открытым.

Перейдем теперь к изложению имеющихся сведений о тех укреплениях, которые были сооружены на Керченском полуострове. Ближайший к Пан-

Рис. 1. Схематическая карта Керченского полуострова с обозначением валов.

тикапею вал проходил около Золотого кургана (Алтын-оба), находящегося в 4 км к востоку от Пантикапея. Этот вал, тянущийся от Золотого кургана к Азовскому морю, отчетливо виден еще до сих пор. Первый обратил на него внимание Паллас в конце XVIII в.; упоминая о холме Алтын-оба и опровергая предположение, что в нем покоятся останки Митридата, он заметил, что холм оканчивается чем-то вроде вала, который перерезывает поперек одну часть полуострова.¹

Другой путешественник начала XIX в., П. Сумароков, писал: «Против Алтын-оба идет в сторону ров до деревни Катерлес, где по местам приметны частые ямы».² Кларк³ первый поставил в связь этот вал с Боспорским цар-

¹ P. P a l l a s. *Bemerkungen auf einer Reise in die südlichen Statthalterschaften des russischen Reichs in den Jahren 1793—1794*, т. II. Лейпциг, 1799—1801, стр. 276; русский перевод в ЗОО (т. XII, стр. 62, и т. XIII, стр. 35) не вполне точен.

² П. С у м а р о в. *Досуги крымского судьи*, ч. II. СПб., 1805, стр. 110.

³ E. C l a r k e. *Voyages en Russie; en Tartarie et en Turquies*, т. II, 1813, стр. 269 (французский перевод).

ством, предполагая, что Золотой курган был воздвигнут на вале, являвшемся крайней границей Боспорского царства. Вопросы о том, к какому периоду истории Боспорского царства следует отнести этот вал, Кларк не касался.

Вопрос этот был поставлен Дюбуа-де-Монперэ,¹ по мнению которого вал около Золотого кургана являлся первой границей Боспорского царства, впоследствии (после присоединения Нимфея и Феодосии) перенесенной за Феодосию.

Писал об этом вале и Ашик,² как о первой «меже» Боспорского царства, причем он считал, что вал дальше Золотого кургана на юг не шел и что на скалах, идущих к востоку от кургана до горы Митридата, были укрепления, защищавшие владения Боспора от набегов соседних скифов. Однако предположение, что вал не шел дальше Золотого кургана, как мы увидим ниже, оказалось неправильным.

В издании «Древности Босфора, Киммерийского» (стр. СХХХIV) вал, проходящий через Золотой курган, назван «первоначальным валом», ограничивающим небольшое пространство земли, занятое первыми пантикапейскими поселенцами.³

Вопрос о датировке вала, правда на основании только теоретических соображений, а не на основании конкретных археологических данных, был затронут Нейманом.⁴ Последний считал, что вал, сооруженный в V в. до н. э., защищал Пантикапей от нападения с запада в то время, когда Нимфей еще не входил в состав Боспорского царства, и что Золотой курган, воздвигнутый раньше вала, был включен в систему оборонительных сооружений, являясь своего рода сторожевой башней, укрепленной мощными циклопическими стенами. Датировка Золотого кургана до сих пор еще точно не установлена, но, судя по архитектуре склепа с уступчатым перекрытием, он близок по времени к царскому кургану и был, как предполагал Ростовцев,⁵ вряд ли значительно старше курганов, расположенных на хребте Юз-обы и датируемых второй половиной IV в. до н. э.; в таком случае сооружение вала относилось бы к III в. до н. э., что противоречит датировке Неймана.

Первая попытка археологического расследования вала произведена К. Э. Гриневичем в 1924 г.,⁶ тогда же была исполнена и съемка плана вала.⁷ Вал прослеживался с некоторыми перерывами в направлении от Камышбуруна на дер. Джарджаву, через 2-й Змеиный курган (находящийся в цепи Юз-обы), затем, отклоняясь несколько на восток, он шел к Золотому кургану и оттуда на север до дер. Катерлес, проходя к западу от нее и далее на север к Азовскому морю, где линия вала оказалась неотчетливой; по всей вероятности он проходил мимо Бюк-тархана.

По мнению Гриневича, в системе этого оборонительного сооружения играли большую стратегическую роль Золотой курган с мощной циклопи-

¹ F. Dubois de Montpéroux. Voyage autour de Caucase chez les Therkesses et les Abhases, en Colchidi, en Géorgie, en Arménie et en Crimée, т. V. Париж, 1843, стр. 240.

² А. Ашик. Боспорское царство, т. I. Одесса, 1848, стр. 24. См. также: Архив Керченского музея. Рапорт директора музея от 1845 г. керчь-еникальскому градоначальнику.

³ Аналогичный взгляд был высказан также и Е. Люценко (см. его неизданную рукопись «Выписка из дел Музеума древностей и собственные мои мысли и замечания» в Архиве Керченского музея).

⁴ K. Neuman. Die Hellenen im Skythenlande, т. I. Берлин, 1855, стр. 499 сл.

⁵ М. Ростовцев. Античная декоративная живопись. СПб., 1914, стр. 98.

⁶ Бюллетень Керченской археологической конференции 1926 г., № 4. — Ю. Ю. Мартин. Сто лет Керченского музея. Керчь, 1926, стр. 47.

⁷ План хранится в архиве Керченского музея.

ческой крепидою и 2-й Змеиный курган. Датировка же вала Гриневичем установлена не была.

В 1936 г. расследование вала продолжал Ю. Ю. Марти; при этом вдоль вала было проведено обследование городищ, которые «дают возможность отнести вал пока к эллинистическому времени».¹

Так как эти расследования еще далеко не закончены, то вопрос о времени сооружения вала окончательно решен быть не может.

Возможно, что он был сооружен еще в начальный период существования Пантикалея для защиты ближайшей к нему территории, но и в эллинистический период, хотя территория Боспорского государства сильно расширилась, он не был заброшен и продолжал служить в качестве оборонительного сооружения, на ряду с укреплениями отдельных городов и селений.²

Очевидно, в IV—III вв. до н. э., в связи с развитием эксплуатации местных племен, усилением крымских скифов, формированием скифского государства в западной части Крыма и проникновением новых племен под натиском сарматов, Боспорскому государству пришлось усилить оборонительные укрепления и частично воздвигнуть новые, поэтому не исключена возможность, что в это время для защиты ближайшей территории к столице Боспора Пантикалею был сооружен или скорее заново укреплен первый вал, проходящий от Тиритаки до Азовского моря.

Первым сведением о 2-м вале или так наз. Аккосовом вале, названном так по имени дер. Аккос (ныне Султановки), около которой он проходил, мы обязаны Палласу, который сделал следующие наблюдения.³

«В 4-х верстах, не доходя деревни Акгоз или Аккос, в 22-х верстах от станции Аргин (т. е. в 30-ти верстах от Керчи) на холмистой зеленой широкой равнине ясно заметна часть вала и рва, которые, без сомнения, служили границей между Боспорским царством и владениями херсонитов.⁴ Эта демаркационная линия еще довольно хорошо сохранилась потому, что она поросла здесь высокими травами».

«. . . Громадный вал у подошвы имеет 40 арш. в поперечнике, а находящийся за ним, на западной стороне ров до 20 арш. Он тянется прямо к дороге, которая перерезывает эту линию. Направо от дороги, в небольшом расстоянии от нее, находится поверх вала, в западной стороне небольшой холм, около которого разбросаны кучи больших камней, которые указывают, кажется, на то, что здесь должны были находиться прежде ворота или башни. От этого места линия принимает направление в сторону Азовского моря, между северо-западом и северо-северо-западом, но вместо того, чтобы продолжаться на юг до Черного моря, она кончается у северной оконечности соленого озера Итар-Алчик (в настоящее время Узунларского. — *Р III.*), имеющего более 8-ми верст протяжения».

Паллас предполагал, что этот вал и ров были установлены границей между Боспором и Херсонесом, после окончания борьбы Савромата Боспорского (последнего царя) с протевоним херсонесцев, Фарнаком, происходившей будто бы в IV в., согласно сообщению Константина Багрянородного.⁵

¹ Ю. Ю. Марти. Путеводитель по Керченскому историко-археологическому музею, 1937, стр. 9.

² Характерно, что и укрепления таких городов, как Мирмекий и Тиритака, которые входили в состав Боспорского государства, падают на IV—III вв. до н. э. В Тиритаке, хотя и имеются следы городских стен классического периода, но в эллинистический период на оборонительные сооружения было обращено сугубое внимание, стены были вновь перестроены и была усилена их обороноспособность. В Мирмекий же городские оборонительные стены были построены в IV в. до н. э.

³ P a l l a s, ук. соч., стр. 269 сл.

⁴ Имеются в виду херсонесцы.

⁵ Const. P o r p h. De adm. Imp., 53.

В этом сообщении говорится, что после победы Фарнака граница была установлена в Кивернике,¹ вместо прежней границы, проходившей через Каффу (Феодосия), и что боспорцам было оставлено только 40 миль земли, причем автор добавляет, что эта граница «остается и до сих пор». Этот рассказ большинством исследователей считается легендарным, и только описание местности и памятников можно считать реальным. Сооружение вала в столь позднее время (начало IV в.) мало вероятно.

Паллас обратил внимание также и на то, что об этом вале, быть может, упоминал уже Страбон (XI, 494) в том месте, где он говорит о городе Киммерике, «построенном на полуострове и замыкавшем перешеек рвом и валом».

Судя по описанию Страбона, селение Киммерик находилось на северо-западной оконечности теперешнего полуострова Фонтана (являющегося частью Таманского полуострова), недалеко от песчаной косы Чушки. Действительно, там имеется вал, но он проходит гораздо западнее того пункта, где, повидимому, находился Киммерик. Описание Страбона не подходит к Киммерикю, который находился на азиатской стороне Боспора, а скорее относится к Киммерикю, расположенному на Керченском полуострове около горы Опук, к юго-востоку от Узунларского озера. Повидимому, Страбон соединил сведения, взятые им из двух источников о разных поселениях, имеющих одно и то же название, не отдав себе отчета, что он имел дело с двумя разными поселениями. Если предположить, что Узунларское озеро было в древности заливом, то указание Страбона на наличие перешейка около Киммерика может быть реальным, а также и наличие рва и вала, пересекающих Керченский полуостров в этом месте.

В 1827 г. было произведено обследование этого вала Бларамбергом,² который называл его оградой Асандра или Аккоса (первое название, как мы увидим ниже, — неправильно). Было прорыто три траншеи во всю ширину ограды, т. е. вала и рва. Ширина рва измерялась в 20 арш. (14.20 м) и ширина вала в 40 арш. (28.4 м). К описанию Бларамберга были приложены чертежи и рисунки, из которых в настоящее время известен только один рисунок профиля вала, изданный в «Древностях Босфора Киммерийского», табл. А, в. При проведении первой траншеи, в четырех верстах от ст. Султановки в пятидесяти шагах вправо и влево от большой дороги, были открыты «остатки стены или фундамента, сложенного из грубых камней, наваленных без всякой системы, т. е. положенных один возле другого или один на другой. » «вся кладка представлялась как начало или основа ограды и придавала крепость и прочность земле, наваленной сверху и составляющей дополнение ограды».

При проведении второй траншеи «найлены были признаки степ или фундамент из тесаных камней, собранных без цемента, но образующих строение, выведенное по системе кладки камней одного на другом, параллелограммической формы» и при проведении третьей траншеи «найлена была, кроме признаков сей стены или фундамента из тесаных камней, кладка гемисферической формы, как означено на плане № 5 (план не найден. — Р III.). Эта конструкция как бы показывала, что на сем месте ретраншамент был подкреплен полукруглыми башнями, которые как будто прикрывали ограду и защищали афиладою ров».

¹ Киверник сближается с Киммериком, находящимся у горы Опук, к югу от Узунларского озера.

² Архив ИИМК. Дело № 197, 1852. О собрании сведений, нужных для сочинения о керченских древностях.

Этот вал Бларамберг относил к периоду Спартокидов, эта же граница, по его мнению, упоминалась и у Константина Багрянородного.¹ Наблюдения Бларамберга, установившие разные системы кладок, ставят вопрос либо о одновременности постройки вала, либо о применении разной системы кладок, в связи с условиями почвы; это последнее предположение подкрепляется произведенными в 50-х годах XIX в. исследованиями, о которых речь будет ниже.

Видели этот вал также и Кларк² и Дюбуа-де-Монперэ.³ Последний отмечал его хорошую сохранность, большую глубину рва, наличие остатков башен, он также называл этот вал Аккосовым валом и связывал его сооружение с легендарным рассказом Константина Багрянородного, в другом месте он высказывал предположение, что этот ров был прорыт еще киммерийцами.⁴ О вале писал и Ашик,⁵ который ошибочно утверждал, будто согласно свидетельству Скимна город Киты находился близ вала, между тем как ни у Псевдо-Скимна, ни у других писателей такого указания вовсе нет.

В 50-х годах XIX в. во время подготовки издания «Древностей Восточной Киммерийской», было проведено новое исследование вала в четырех местах: против ст. Султановки, против дер. Темеш, на берегу Азовского моря и, наконец, около Узунларского озера, против дер. Уч-Эвли.⁶

В тех местах, где почва была солончаковая, напр. близ Узунларского озера, земляной вал оказался почти совершенно смыт. В тех же местах, где он проходил по каменистому грунту, вал сохранился лучше и состоял из неправильной насыпи булыжного камня.

К сожалению, эти исследования, которые велись без надлежащего наблюдения, не дали никаких материалов для датировки вала, подробные описания исследований и чертежей не сохранились. Общая длина вала определялась около 30 верст.

В 1926 г., благодаря случайному открытию крестьянином Нешевым в кургане на Аккосовом валу (в 3 верстах от сел. Марфовка) богатого погребения с золотыми вещами сарматского стиля, украшенными инкрустацией, было снова обращено внимание на этот вал. В районе указанной находки Ю. Ю. Марти произвел обследование вала, результаты которого были описаны в отчете следующим образом.⁷

«При въезде в с. Бикеч вал этот высотой около 3-х саж.» [6.39 м] прерывается, образуя как бы ворота.

«Вал представляет в этом месте естественный горный кряж, приспособленный в древности для оборонительных целей. С внешней стороны [к Феодосии] гребень горы на всем протяжении окаймлен рвом, постепенно затянувшимся от эоловых наслоений. Местами на гребне горы, по обеим сторонам входа, видны круглые возвышения, как бы усеченные конусы. Можно предположить, что на этих круглых площадках, усеянных черепками, возвышались в старину сторожевые башни. Здесь у „ворот“ вала нужно искать остатки древних поселений».

¹ И. Б л а р а м б е р г. Замечания на некоторые места древней географии Тавриды. ЗОО, т. II, стр. 10.

² C l a r k e, ук. соч., т. II, стр. 291.

³ F. Dubois de Montpéroux, ук. соч., т. V, стр. 241.

⁴ Там же, стр. 258.

⁵ А. А ш и к, ук. соч., стр. 24 сл.

⁶ ДБК, стр. СXLIV

⁷ Ю. Ю. М а р т и. Сто лет Керченского музея. Керчь, 1926, стр. 48. — Архив ИИМК, дело ГАИМК, № 170, 1927. — Раскопки Ю. Ю. Марти в Керченском районе близ деревни Марфовка в 1926 г. (отчет не опубликован).

Обследован был также и курган около вала, в котором было найдено богатое, упоминавшееся выше, погребение. Курган, находящийся на площадке вала, оказался распаханным. В этом кургане обнаружен был ряд разрытых погребений, сменявших друг друга. Наиболее ранним было разоренное погребение с чернолаковой посудой. В северо-западной стороне кургана оказалась стена, образующая прямой угол с другой стеной, сложенная из дикарного камня. Ю. Ю. Марти предполагал, что это «остаток фундамента сторожевой башни»; внутри башни был обнаружен очаг. «Существование башни, — писал Марти, — на крайнем пункте вала, вблизи „ворот“, открывающих вход в Боспорское царство, вполне естественно». Открытие в кургане на Аккосовом валу погребений с чернолаковой посудой позволяет выдвинуть предположение о раннем происхождении вала. Быть может, этот вал и ров, как предполагает Ю. Ю. Марти,¹ служили границей Боспорского царства до присоединения Феодосии при Левконе I (387—347). Необходимо произвести дальнейшие работы по обследованию этого вала.

Несколько ближе к Керчи, почти параллельно Аккосову валу шел, по наблюдениям в 70-х годах XIX в. Безкровного, еще один древний, как он его называл «малый», вал. Этот вал проходил «от Чокракского соленого озера у Азовского моря на деревни: Конрата, Китай, Кошкуй и дальше одними курганами до соленого озера Тобечик».² Курганы, расположенные на этом валу, могли служить, по мнению Безкровного, сторожевыми пунктами, и таким образом, весь вал служил для защиты от нападений неприятеля. Больше никаких сведений об этом вале не имеется.

Третий большой вал, так наз. «Асандров» вал, также впервые был замечен Палласом, он дал следующее его описание:³

«Почтовая дорога, ведущая из Каффы [Феодосия] в Керчь, проходит деревню и станцию Шибан и идет по песчаному берегу бухты и соседним равнинам, почва которых та же самая.»

«У вышеупомянутой деревни Шибан, к востоку от нее, заметна линия развалин, образующих ряд небольших возвышенностей, которые разделены между собой кучами мусора. Груды эти лежат на небольшом одна от другой расстоянии. Говорят, что линия эта тянется на север до Азовского моря и простирается на восток и на запад в прямом направлении, на расстоянии нескольких верст в длину, до самой возвышенной части равнины, где, кажется, она поворачивает более к югу, к Феодосийской бухте. По собранным мною сведениям, я узнал, что эти остатки стены яснее видны между деревней Парпач и Корпеч и что стена тянется от Шибана на юго-запад к озеру и к деревне Тюреке — далее идет на Сарыгол и на Аджикалл, где замыкается у гор, соседних с Каффой, каменные насыпи ее составляющие, представляют также развалины нескольких круглых башен. В одном месте близ Шибана выдается еще край квадрата с тянущейся от него стеной. Упомянутые гряды камней лежат в 180 шагах расстояния одна от другой и имеют 60—80 шагов в диаметре. Кое-где с западной стороны заметны признаки древнего рва и много ям, которые, вероятно, остались после постройки, когда брали для стены глину. Кажется, нет сомнения, что это древняя «Асандрова стена», проведенная им поперек полуострова для его защиты, именно та стена, о которой говорит Страбон.»⁴

¹ Ю. Ю. Марти. Путеводитель по Керченскому историко-археологическому музею им. А. С. Пушкина. 1937, стр. 10.

² И. Безкровный. Древние валы и шоссе близ Керчи. ЗОО, т. IX, стр. 443 сл.

³ Pallas, ук. соч., т. II, стр. 264.

⁴ Strabo, VI, 311.

«Но расстояние между башнями — 10 саж. — этот писатель представляет слишком малым и не соответствующим расстоянию между теми грудами камней, о которых я говорил».

Видел эти остатки стен и башен также и Кларк,¹ он, как и Паллас, приписывал их стене Асандра, проходящей, по его мнению, от Азовского моря у Арабата до гор, тянувшихся за Каффою. Что касается несоответствия размеров стены, данных у Страбона, в 360 стадий и существующего расстояния от Феодосии до Арабата по прямой линии около 30 км, то Кларк объяснял это тем, что стена не шла по прямой линии. Однако даже при косом направлении и большой извилистости стены все же трудно допустить расстояние в 360 стадий в этом месте. Остатки стен отметил и Муравьев-Апостол, видевший следы укрепления вблизи деревни Шибан, на большой дороге, верстах в четырех не доезжая станции Аккоз.² «Бугорки в направлении от юга к северу и в близком один от другого расстоянии свидетельствуют о том, что была проведена стена, а как здешние жители все единодушно утверждают, что следы сии видны вдоль всего Керченского перешейка, от Черного моря до Азовского, то не остается в том сомнения, что на самом сем месте стояла стена и башни Асандровы — преграда набегам кочующих скифов на Боспорские владения».³

Муравьев-Апостол считал, что следует внести поправку в текст Страбона (VII, 311) и вместо десяти башен на каждой стадии читать одну башню на каждые десять стадий; он предполагал также, что на месте Асандрова вала следует искать ров, вырытый киммерийцами, скифскими рабами, о котором рассказывает Геродот, и что Асандр только восстановил древнюю ограду. Действительно, если следовать Геродоту, ров, выкопанный скифскими рабами, находился именно в этих местах, однако весь рассказ, как отмечалось выше, носит легендарный характер. Каких-либо серьезных археологических исследований этих оборонительных сооружений до сих пор не производилось. Главное внимание привлекал вопрос об отождествлении этого ограждения со скифским ровом и со стеной Асандра.

В пользу этих отождествлений высказывались еще многие другие исследователи.⁴

Против этих отождествлений выступал Köhler,⁵ который считал, что ров, упомянутый Геродотом, был временным и вряд ли мог сохраниться, а стена Асандра проходила не от Азовского моря к Черному, а по Арабатской стрелке; однако в пользу такого предположения достаточно веских аргументов приведено не было. Укрепление Арабатской стрелки, защищавшее подступы к Крыму с моря, не могло иметь существенного значения, так как в то время главная опасность была со стороны скифских племен, угрожавших на суше.

С другой стороны, Minns⁶ выдвигал предположение, что стена Асандра проходила от Каркинитского залива через Перекоп к Азовскому морю

¹ Clarke, ук. соч., т. II, стр. 301.

² Повидимому, здесь имеется в виду какая-то другая деревня Аккоз, а не та, вблизи которой проходил Аккозов вал. — P. III.

³ Муравьев-Апостол. Путешествие по Тавриде, стр. 256 сл.

⁴ F. Dubois de Montregeux, ук. соч., т. II, стр. 239. — Ср.: Ашик, ук. соч., стр. 25 и 70; ДБК, стр. СХХIV сл.; Antiquités du Bosphore Cimmérien, rééditées par S. Reinach, Париж 1892, стр. 34; Ф. Брун. Черноморье, т. II, 1880, стр. 50; Э. Р. Штерн. Феодосия и ее керамика, стр. 19. (Штерн неправильно передает свидетельство Страбона об укреплении перешейка между Феодосией и Мэотийским морем, у Страбона Феодосия не называется); E. Stern. Die politische und soziale Struktur der griechischen Colonien am Nordufer des Schwarzmeergebietes. Hermes, 50, Берлин, 1915, стр. 214; Brandis. Bosphorus. RE, т. III, 762; Ю. Ю. Марти, ук. соч., стр. 32 и др.

⁵ Köhler. Gesammelte Schriften, II. — Serapis, т. II, 1850, стр. 140

⁶ E. Minns. Scythians and Greeks. Кембридж, 1913, стр. 16 и 592.

около Гепическа, где он локализовал Кремшы, и, таким образом, она отделяла весь Крымский полуостров.

Обратимся же к самому тексту Страбона (VII, 311), на основании которого высказывались столь разнообразные предположения: сначала Страбон дает описание Херсонеса, т. е. Таврического полуострова в целом, указывая на плодородие равнины, простиравшейся за Феодосией, далее останавливается на характеристике живущих здесь земледельцев и помадов, находящихся выше. Точного указания на местопребывание помадов Страбон не дает, скорее всего следует предположить, что он имел в виду кочевые племена, находящиеся севернее полуострова. Затем Страбон говорит о дани, взимаемой помадами, оговариваясь, что не платят дани те, которые уверены в своих силах, так что могут легко отразить нападающих и воспрепятствовать их вторжению, и здесь же в качестве примера Страбон приводит, со слов Гипсикрата, мероприятие Асандра, который отгородил стеной перешеек Херсонеса у Мэотиды в 360 стадий, поставив 10 башен на каждом стадии.

Страбон в данном тексте под Херсонесом понимает несомненно весь Таврический полуостров и имеет в виду перешеек у Перекопа. Также и в другом месте (VII, 308), где он говорит о перешейке шириной в 40 стадий, отделяющем *Σαπρὸν λίμνην*, т. е. Гиплое озеро (Сиваш) от моря и образующем Херсонес (т. е. полуостров), называемый Таврическим или скифским, он, по всей вероятности, имел в виду перешеек у Перекопа, ширина которого примерно соответствует 40 стадиям. Тут же Страбон ссылается на утверждение «некоторых», что ширина перешейка равна 360 стадиям, очевидно, имея здесь в виду Гипсикрата, согласно которому Асандр отгородил Херсонес стеной в 360 стадий. Никакого объяснения такому разительному несоответствию в размерах перешейка Страбон не дает; он ограничился только указанием на разные мнения, не пытаясь их примирить. Из сопоставления этих текстов следует заключить, что, согласно данным Страбона, Асандр укрепил стеной перешеек Таврического полуострова скорее всего у Перекопа. Но можно ли на основании этого считать мнение Страбона правильным: он мог превратно понять Гипсикрата, сведения которого считаются надежными. Могло быть также искажение текста в отношении длины стены; свидетельство, что на расстоянии каждого стадия, т. е. около 200 м, стена имела 10 башен (т. е. на каждые 20 м — одна башня), кажется мало вероятным. Таким образом вопрос о том, где проходила Асандрова стена, остается впредь до проведения систематических археологических исследований, в виду неясности свидетельства Страбона — Гипсикрата, открытым. Однако не исключена возможность, что действительно за Феодосией где-то проходил вал или стена к Арабатской стрелке, так как Феодосия, по словам Страбона (VII, 309), прежде считалась границей между землей боспорцев и тавров, и боспорские тираны, со слов того же Страбона (VII, 310, 311), «раньше владели небольшой частью Херсонеса, при устье Мэотиды и при Паптикапее до Феодосии, большей же частью до перешейка и Каркинитского залива владели тавры, скифское племя».

Завоевание Феодосии произошло при Левконе I, в первой половине IV в. до н. э., следовательно, граница Боспорского государства, проходящая у Феодосии, была установлена не раньше этого времени. При Перисаде I (347—389) Боспорское государство занимало обширную территорию «между Таврами и Кавказом» (IosPE, II, № 9); в это время западная граница Боспорского государства также могла проходить у Феодосии и, следовательно, остатки фортификационных сооружений, которые видели Паллас и другие около станции Шибан, идущие по направлению к Феодосии и к Азовскому морю, могли быть устроены на границе Боспорского государства времени Спартокидов. Об этой же границе мог упоминать и Кон-

стантин Багрянородный в рассказе о легендарной борьбе боспорцев и херсонесцев, называя эту границу, проходящую через Каффу (Феодосию), прежней границей, установленной при первом Савромате.

Под властью Митридата территория Боспора объединяется с другими областями Таврического полуострова, и в таких границах Боспорское государство остается и при ближайших преемниках Митридата.¹

Следовательно, при Асандре Боспорское государство владело всем Таврическим полуостровом; в таком случае, где же Асандр отгородил стеною в 360 стадий перешеек Херсонеса?

Быть может, она проходила у Перекопа, что наиболее соответствует свидетельству Страбона — Гипсикрата, хотя расстояние в 360 стадий не совпадает с настоящим размером перешейка. По мнению Миннза у Страбона, повидимому, имеется в виду все расстояние от пш. Перекопа до Геническа, которое равняется примерно около 100 км; но все это пространство вряд ли было укреплено, поскольку большую часть его занимает Сиваш. Правда, у нас нет данных, чтобы судить о том, в каком состоянии был перешеек в античную эпоху и не образовалась ли большая часть Сиваша в более позднее время.

На наличие у Перекопа какого-то рва и вала, идущих от Черного моря к Сивашу на протяжении более чем 6 верст, указывалось,² но никто, повидимому, не исследовал времени их сооружения. Свидетельства античных авторов позволяют предположить, что около Перекопа находился город или область Тафры,³ наименование которой связано с греческим названием рва (τάφρος). Здесь же около Перекопа наблюдались следы какого-то древнего поселения.⁴

Но все эти данные весьма скудны и недостаточны для утверждения, что именно здесь Асандр воздвиг стену, — слишком далеко отстоял этот перешеек от основной территории Боспорского государства.

Границы Боспорского государства не были твердо установлены, ему подчинялись отдельные города и селения, расположенные на территории, населенной местными варварскими племенами, которые временами подпадали под власть Боспора, временами снова отпадали от него. Борьба Боспора, а также и Херсонеса с местными скифскими и таврскими племенами не прекращалась и после митридатского периода.

Укрепления оборонительных стен и частичное их восстановление в римский период в различных городах Боспора и в Херсонесе также говорят о постоянной опасности, угрожавшей городам со стороны варварских племен.

Поэтому все же остается не исключенным предположение, что Асандр соорудил оборонительные стены не на современной ему границе Боспорского государства, а на месте прежней границы, идущей от Феодосии к Азовскому морю у Арабатской стрелки, чтобы защитить от нашествия варваров основную территорию Боспорского государства на европейском берегу, где были расположены его главные города и селения, а также плодородная равнина, приносящая обильный урожай, виноградники, пастбища и гавани, удобные для торговых сношений и для рыбных промыслов.

Таким образом на Боспоре, на Таврическом полуострове были сооружены три линии оборонительных укреплений, состоящих из рва, вала и

¹ Страбон, VII, 308, 312.

² ЗОО, т. I, стр. 601, сообщение корреспондента Шевелева.

³ Помп. Мела, II, 4. — Плиний Старший, IV, 85. — Птоломей, III, 6. Ст. Вуз. с. в. Тафра. См. также: Страбон, VII, 308 (он называет жителей этого района тафраями).

⁴ Россия. Полное географическое описание нашего отечества, под ред. В. И. Семенова, т. XIV, 1910, стр. 643.

стен, снабженных башнями и воротами; они должны были защищать территорию Боспорского государства от нашествия варварских племен. Очевидно эти укрепления были сооружены не одновременно, но по мере территориального роста Боспорского государства оборонительная линия передвигалась дальше на запад. Первоначально, может быть еще при Археанактидах, был сооружен вал, проходящей через Золотой курган, в 4 км от Пантикапея, затем, повидимому, при первых Спартокидах, еще до завоевания Феодосия Левконом I, был воздвигнут второй, так наз. Аккосов вал, снабженный башнями и воротами, проходящий от Узупларского озера, около сел. Марфовка, к Азовскому морю. И, наконец, третья оборонительная линия, стена Асацдра, проходящая, повидимому, за Феодосией, мимо б. ст. Шибан к Азовскому морю у Арабатской стрелки, была сооружена в I в. до н. э. По всей вероятности, эти сооружения продолжали служить целям обороны в эллинистический и римский период, когда Боспору угрожали многочисленные полчища различных варварских племен.

Возможно, что наличие на Таврическом полуострове еще скифских оборонительных сооружений, о которых сохранились легендарные рассказы у Геродота, оказало влияние на сооружение рвов и валов для защиты Боспорского государства, быть может, даже скифские укрепления были использованы и вновь укреплены боспорцами.

Однако только планомерные археологические исследования дадут возможность разрешить целый ряд вопросов, касающихся боспорских оборонительных сооружений на Таврическом полуострове; остается только пожелать, чтобы эти исследования, частично предпринимавшиеся в настоящее время, были усилены и доведены до конца.

R. SCHMIDT

SUR L'ÉTUDE DES REMPARTS DU BOSPHORE

R é s u m é

Il existait au Bosphore, à côté des fortifications des différentes villes et villages, des ouvrages de défense protégeant les frontières de l'Etat du Bosphore contre les incursions des tribus barbares.

Dans la partie orientale de la Crimée on connaît trois lignes de défense fondamentales, qui traversaient la presqu'île de Kertch du sud au nord, de la mer Noire à la mer d'Azov; elles furent construites successivement, selon toute probabilité, à mesure que s'élargissait le territoire de l'Etat du Bosphore. Il n'a pas été entrepris de travaux archéologiques systématiques en vue d'étudier ces fortifications. Les premières observations furent faites par Pallas au XVIIIe siècle, puis vinrent celles d'autres voyageurs du XIXe siècle. Ces observations et quelques explorations archéologiques sporadiques établirent les points suivants.

Le I rempart, élevé peut-être encore sous les Archéanactides, allait de Kamych-Bouroun vers le village de Djardjava, passait par le 2e tumulus Zméiny (situé dans la chaîne des collines de Yous-Oba), puis s'écartant quelque peu vers l'est, se dirigeait sur le tumulus Zolotoï et de là au nord, jusqu'au village de Katerlès, et plus loin vers la mer d'Azov, en passant à côté de Biouk-Tarkhane. Le long du rempart, on a reconnu des gorodistché datant de l'époque hellénistique.

Le II rempart, celui d'Akkos, large de 28 m environ, passait du lac d'Ouzounlare devant le village de Marfovka, à 4 km de la station Akkos

(aujourd'hui village de Soultanovka) au village de Témèche sur la mer d'Azov. Le côté ouest du rempart était longé par un fossé de 14 m environ de largeur.

En certains endroits, le rempart consistait en un noyau formé de pierres et recouvert d'un remblai de terre, dans d'autres — seulement en un remblai. Près du village de Marfovka, on a découvert des restes de tours de garde. Ce rempart constituait évidemment la frontière de l'Etat Bosphorien avant l'annexion de Théodosie par Leucon I-er.

Les remparts I et II continuèrent, semble-t-il, à servir de ligne de défense également durant les périodes hellénistique et romaine.

Quant à la III ligne de défense — la muraille d'Asandre — on trouve à son sujet chez Strabon un témoignage vague d'Hypsicrate, qui ne permet pas de la localiser d'une manière précise.

Les observations de Pallas et d'autres voyageurs ont établi l'existence de vestiges d'une muraille avec tours et fossés passant à côté du village de Chibane dans la direction du sud-ouest, du côté du village de Tiureké, puis allant par Sarygol et Adjikal vers les montagnes près de Théodosie et se dirigeant ensuite au nord, entre les villages de Parapatch et de Korfatch, vers Arabat sur la mer d'Azov.

Il n'est pas impossible que ce soient là les restes de la muraille d'Asandre érigée à la frontière de l'Etat Bosphorien; cette muraille devait protéger contre les incursions des barbares la partie la plus importante du territoire de l'Etat Bosphorien, qui renfermait un grand nombre de villes, de villages, de vallées fertiles et de pâturages.

Il se peut que la présence dans la presqu'île de Tauride d'une ligne de défense scythe déjà existante sous forme de fossé (au sujet duquel on trouve dans Hérodote des récits légendaires ne permettant pas, il est vrai, de le localiser avec précision) ait exercé une influence sur l'érection d'ouvrages défensifs destinés à protéger l'Etat Bosphorien; peut-être même, ce rempart fut-il utilisé alors par les Bosphoriens et fortifié de nouveau.

Il est indispensable d'organiser des explorations archéologiques méthodiques de ces très intéressants monuments de la défense militaire du Bosphore.

Н. П. КИВОКУРЦЕВ

БОСПОРСКАЯ ГИПСОВАЯ СТАТУЭТКА ЭРОТА

Летом 1936 г., в связи с большими разнообразного характера работами, предпринятыми местными строительно-хозяйственными организациями, перед Керченским музеем возникла неотложная задача раскопок, носивших охранный характер.

Большая площадь, занятая, как это уже прежде было известно, пантикапейским некрополем довольно позднего времени, отходила под устройство стадиона и, таким образом, отчуждалась навсегда, требуя немедленного расследования. Отчуждаемая под стадион территория представляла собой ровный пустырь, непосредственно примыкавший с востока к фруктовым садам, известным в Керчи по их прежним владельцам как сады Верле или Пасквале; здесь имели место археологические находки еще в дореволюционное время.

Работами 1936 г. на этом участке был обнаружен ряд групповых, большей частью подбойных гробниц I—III вв. н. э. с типичным скромным инвентарем, состоящим из стекла, керамики, сероглиняной лепной и более тонкой гончарной керамики боспорской работы, поделок из бронзы, предметов вооружения.

В центральной части интересующего нас участка едва заметно выделялся перекрывавший значительное пространство расплывчатый холмик, не превышавший 0.5 м в высоту. После сплошного снятия грунта на месте расположения этой насыпи на глубину до 1.5 м дальнейшими работами, проводимыми уже силами музея, было выяснено, что насыпь покрывала четыре гробницы. Две из них оказались разграбленными, третья гробница осталась нетронутой, но содержала трупосожжение без инвентаря и лишь последняя имела трупоположение, сопровождаемое инвентарем.

Одному из памятников, найденных в этой гробнице, и посвящена настоящая работа.

Гробница эта представляла собой подбойную могилу, оказавшуюся на глубине 3.10 м от поверхности, и ориентированную на восток-запад с незначительным отклонением. Подбой, устроенный в северной стенке могильной ямы, ничем не был заложен. Высоту его определить не представлялось возможным из-за обвала, которым засыпало могилу.

Размеры могилы (0.72 м в длину) указывали, что здесь было детское погребение. Костяк младенца совершенно истлел, точно так же как и гроб, но о присутствии последнего свидетельствовала красная краска, наблюдавшаяся на северной стенке подбоя.

У восточной же стенки оказались сгруппированными вместе гипсовая статуэтка, терракотовая статуэтка и миниатюрный железный обоюдоострый кинжальчик с обломанным в древности острием.

Кинжал позволяет предполагать, что погребен был мальчик, но в виду того, что костяк полностью истлел, не представлялось возможным устано-

Рис. 1. Гипсовая статуэтка Эроса, найденная в Керчи в 1936 г.

вить, были ли вещи в изголовье его, или в ногах. Первое представляется более вероятным, судя по господствующей ориентировке.

Терракотовая статуэтка, сохранившаяся полностью, принадлежит к пространенной на Боспоре в римскую эпоху группе гротесков с подвижными ногами. Судя по аналогиям, она должна изображать уродца-музыканта, но с этим определением не вяжется неопределенный дубинкообразный предмет в руке, который вряд ли может быть отнесен к числу музыкальных инструментов.

Накопец, последний предмет представляет собой статуэтку из гипса высотой 0.24 м, изображающую ребенка, стоящего в спокойной позе со сдвинутыми ногами и вытянутыми вперед руками (рис. 1). Постановка фигуры строго фронтальна, положение рук и ног вполне симметрично. Руки найдены были отпавшими, в настоящее время они снова присоединены к туловищу; из ног пострадала правая — лодыжка со ступней утрачены. Пальцы на уцелевшей ноге обозначены едва заметно. Ступня совершенно плоская, так что при полной сохранности статуэтка могла стоять, но в положении неустойчивого равновесия. Так как уцелевшая ступня гладкая, т. е. не носит никаких следов излома, то можно думать, что статуэтка не имела подставки. При раскопке погребения никаких деформированных кусков гипса, которые могли быть остатками подставки, найдено не было.

Следы полихромии, сильно пострадавшей от сырости, совершенно ничтожны. Они сводятся почти исключительно к красной краске, наложенной чуть заметным слоем и, возможно, не по всей поверхности обнаженного тела. Сколько-нибудь значительные признаки краски этой сохранились на бедре, на кисти левой руки, на губах.

Одежда, трактованная весьма схематично и напоминающая по своему виду детский передник, представляет, вероятно, короткую рубашку без рукавов.

Характерны округлые детские черты с маленьким, приподнятым в углах ртом, полным и крупным носом, пухлыми щеками, которые переданы гораздо реалистичнее, чем другие части тела, как, напр., руки и ноги, которые трактованы довольно безжизненно. Волосы пластически не выражены. О живописной их передаче можно только догадываться, так как у левого виска еще заметны пятна темносерого оттенка, которые могли бы обозначать локоны.

Шляпа, увенчанная гребнем, как у фригийских шапочек, но в отличие от последних с небольшими полями, покрывает голову. Два крыла определяют статуэтку как изображение Эрота. Оперение обозначено параллельно прочерченными линиями. В настоящее время уцелело только левое крыло и то не полностью: имеется древний излом.

Протянутые в наклонном положении руки Эрота выдаются вперед; четыре пальца левой руки, сомкнутые плотно вместе, соприкасаются с большим пальцем, образуя сквозное круглое отверстие. На пальцах красная краска. Сказанное относится и к правой руке с той разницей, что пальцы здесь не расчленены и следов раскраски на них не сохранилось.

Статуэтка внутри полая; два маленьких круглых отверстия одинакового диаметра имеются на спине, подобно тому как это обычно бывает в терракотовых статуэтках. Эрот составлен из двух, отдельно сработанных половин, передней и задней. Если взглянуть на статуэтку в профиль, то бросается в глаза явное несоответствие частей тела статуэтки, несоответственность ее передней и задней сторон.

Особенно условно трактованы руки. Руки от кисти до локтя, не сгибаясь, выдаются вперед, в локтях они примыкают к одежде.

Странная одежда — плащ Эрота — именно здесь получает свое оправдание: ее назначение прежде всего в том, чтобы замаскировать соединение рук с туловищем.

Отверстия в спине, которые были бы понятны в терракотовых статуэтках с точки зрения технологии производственного процесса, необъяснимы с этой стороны у нашего Эрота. Не исключена, однако, возможность, что эти отверстия могли служить для подвешивания фигурки на шнуре.

Эрот собран из нескольких частей, приготовленных отдельно, а именно: 1) передняя часть туловища с плащом, включая всю голову, за исключением рук; 2) задняя часть туловища, за исключением головы; 3) руки и 4) крылья.

Шов, соединяющий обе половины статуэтки, хорошо заметен на ногах Эрота, особенно благодаря утрате правой ступни. Крылья, прилегающие не к лопаткам, как следовало бы, а к плечам, попутно служат тому, чтобы скрыть соединительный шов.

Не может быть никакого сомнения в местном происхождении нашей статуэтки. Уже самый материал, гипс, свидетельствует, что это боспорское, а не привозное изделие.

Боспорские гипсовые изделия еще ожидают своего исследователя. Однако уже и в настоящее время можно сказать с достаточной определенностью, что гипсовые прилепы на гробах в своем подавляющем большинстве укладываются в рамки I в. н. э. и, повидимому, не заходят во второе столетие. Полагаем, что Эрот должен быть отнесен к I в. н. э. Найденная вместе с ним терракота-гротеск относится отнюдь не к позднейшим изделиям этого рода и может быть датирована второй половиной I в. н. э.

С принимаемой датировкой согласуется и разграбленное смежное погребение. Погребение это было совершено в саркофаге простейшего типа в виде монолита из плотного известняка, выдолбленного внутри и закрытого массивной плоской плитой. Так как крышка пригоялась к саркофагу неплотно, с оставлением больших пазов по всей поверхности соприкосновения, то пазы эти оказались тщательно замазанными своеобразным цементом, содержащим толченые черепки.

Ограбление совершено было в древности сверху, через выпиленное в крышке четырехугольное отверстие. Внутри саркофага среди проникшей земли обнаружены лишь: от костяка один спинной позвонок, а из инвентаря фрагмент асимметрично-желобчатой ручки амфоры римской эпохи, из глины красно-коричневого оттенка.

Амфора, которой принадлежала ручка, весьма распространенного типа — узкогорлая с острым дном, имеющим снизу впадинку.¹ Оставляя в стороне вопрос о происхождении амфоры, которая является изделием не боспорским, а импортированным из Малой Азии, можно уверенно утверждать на основании многочисленных наблюдений во время раскопок последних лет в Мирмекии и особенно в Тиритаке, что время массового импорта амфор этого центра на Боспор — I в. н. э. Одновременность этих двух погребений, судя по их смежному расположению, не подлежит сомнению. Таким образом и с этой стороны подтверждается датировка статуэтки Эрота второй половиной I в. н. э.

Особенный интерес представляет то обстоятельство, что Эрот имел в руках атрибуты, ныне к сожалению утраченные. Диаметр отверстий в руках совершенно одинаков, и по этим признакам нельзя с несомненностью установить атрибуты, которые были из какого-то другого материала, может быть из дерева.

¹ При раскопках в Тиритаке в 1938 г. полностью сохранившаяся амфора такого типа была найдена в слое I в. н. э.

Обычные атрибуты Эроса, лук и стрелы, маловероятны. Представляется более правдоподобным, что в руках Эроса могли быть факелы. В пользу этого предположения говорит как одинаковость диаметров отверстий, так и совершенно идентичное по отношению к туловищу положение рук. Принимая такое толкование утраченных атрибутов, можно думать, что данная статуэтка Эроса имела погребальное значение.

Тесная связь нашей статуэтки с произведениями боспорского монументально-прикладного искусства подтверждается самыми памятниками. Интересный надгробный рельеф, найденный в Керчи в 1912 г., с именами Сабiona и Александра, сыновей Стефана, представляет умерших в сопровождении Гермеса Психопомпа.¹ Хотя по времени надгробие, повидимому, несколько старше статуэтки, но в трактовке фигур Гермеса и Эроса много общего. Правда, Гермес изображен облаченным в одежду местного покроя, тогда как Эрот представлен как-будто обнаженным, но возможно, что раскраска ног Эроса должна была условно обозначать шаровары.

Очерченные желтой краской глаза Эроса (сохранились отчетливые следы) и манера передачи рта сближают его, с другой стороны, с некоторыми памятниками росписи погребальных боспорских склепов. Так, напр., голова-апотропей Медузы в склепе, открытом в 1873 г., близко напоминает нашу статуэтку именно исполнением черт лица, переданных только несколько грубее, ремесленнее.²

Не исключена возможность, что в статуэтке Эроса нашел свое отражение существовавший на Боспоре тип культовой статуи. Это в известной мере может быть подтверждено тем, что имеющееся в росписи склепа Сорака изображение фигуры Гермеса на пьедестале является, очевидно, также воспроизведением существовавшего на Боспоре статуарного типа.³

N. KIVOKURCEV

UNE STATUETTE EN PLÂTRE D'ÉROS TROUVÉE AU BOSPHORE

R é s u m é

La statuette en plâtre d'Eros trouvée en 1936 dans une tombe d'enfant de la nécropole de Kertch est l'oeuvre d'un artiste bosphorien de la seconde moitié du I-er siècle. L'hypothèse, selon laquelle Éros y était représenté tenant dans ses mains des flambeaux, aujourd'hui disparus, basés sur la position des mains, conduit à croire que cette figuration d'Éros avait un caractère funéraire. Il se peut qu'elle reflétait le motif général d'une statue cultuelle existant au Bosphore.

¹ В. В. Шкорпил. Боспорские надписи, найденные в 1912 г. ИАК, вып. 49, стр. 66, рис. 4.

² Ю. Кулаковский. Две керченские катакомбы с фресками. МАР, № 19, табл. III.

³ М. Ростовцев. Античная декоративная живопись на юге России, СПб., 1914, стр. 248.

М. А. НАЛИВКИНА

ТЕРРАКОТОВАЯ ГОЛОВКА ИЗ МИРМЕКИЯ

При раскопках Мирмекия в 1934—1938 гг. было найдено значительное количество терракот, которые подготавливаются нами к изданию. Из числа этих терракот мы выделяем в настоящей заметке одну головку, представляющую особый интерес как своеобразный тип изделия античных коропластов, найденный на территории Северного Причерноморья.

Терракотовая головка была найдена в 1935 г. на участке «В» мирмекийского городища при раскопках нижнего культурного слоя, содер-

Рис. 1. Терракотовая головка, найденная в Мирмекии.

жавшего обломки керамики классического времени. Головка (инв. № М 404, рис. 1) принадлежала целой статуэтке, о чем свидетельствует неправильный излом на сохранившейся части шеи; головка (высота ее 0.03 м) отбита от статуэтке еще в древности. Сохранность головки в общем хорошая, отбита лишь небольшая часть верхней и нижней губы справа. Глина плотная, хорошо промытая, желтовато-розоватого тона, папоминающая глину терракот и других керамических изделий Аттики. У внутреннего угла правого глаза, а также и в некоторых других местах лица сохранились следы розовой краски. Повидимому, первоначально все лицо было раскрашено, но краска плохо сохранилась в виду того, что она нанесена была непосредственно на поверхность глины без предварительного покрытия ее облицовкой. Поверхность лица и головы тщательно отполирована. Головка имеет вытянутый, острый, слегка срезанный в левой части подбородок, глаза глубоко посажены, внешние углы глаз удлинены, а зрачки обозначены маленькими рельефными точками, надбровные дуги резко подчеркнуты. Скулы асимметричного лица сильно выдаются, что особенно подчеркивают впалые щеки. Нос большой, широкий, с горбинкой, ноздри сильно расширены. Рот сжат, губы вытянуты. На верхней

губе видны врезанные линии, которые, повидимому, должны были изображать усы.¹

Низкий покатый лоб обрамлен шапкой густых, коротко остриженных волос, покрывающих уши и образующих сзади у шеи подобие валика.² Необходимо отметить весьма резкую, но тонкую и искусную моделировку отдельных деталей лица и головы. Резкие, нарочито подчеркнутые черты лица несколько напоминают технику художественных изделий в бронзе.

Посмотрим теперь, одинок ли в античной коропластике только что описанный тип мирмекийской головки и где мы можем найти близкие ей аналоги. Прямой аналогией мирмекийской находке является голова терракотовой фрагментированной статуэтки (рис. 2), найденной в 1869 г. на Таманском полуострове.³

В Одесском музее имеется также фрагментированная статуэтка с головой, подобной мирмекийской и таманской.⁴

В Берлинском антиквариуме хранится целая терракотовая статуэтка (рис. 3), причем голова этой статуэтки очень близка мирмекийской головке.⁵

Рис. 2. Таманская фрагментированная статуэтка (Эрмитаж).

¹ Имеющееся иное возможное объяснение этих штрихов как морщин старушечьего лица по отношению к мирмекийской головке вряд ли приемлемо. Имеем в виду статью А. А. Передольской в журнале «Искусство» (о ней см. ниже).

² Подобную прическу можно видеть на одной статуэтке педагога с ребенком на руках, хранящейся в Берлинском антиквариуме (инв. № 7735) и происходящей из Коринфа. (F. Winter, Die Typen der figurlichen Terrakotten. Berlin, 1903, ч. II, стр. 403, рис. 9. — AZ, 1883, стр. 272.)

³ Хранится в Эрмитаже, инв. № 870—II. ОАК за 1870/71 г., Атлас, табл. V рис. 9; — А. В а u m e i s t e r. Denkmäler des klassischen Altertums, т. III, Мюнхен—Лейпциг, 1888, стр. 2112, рис. 2364. — И. И. Толстой и Н. П. Кондаков. Русские древности в памятниках искусства, вып. 1, СПб., 1889, стр. 97. — А. А. Передольская. К проблеме реализма в греческом искусстве V в. до н. э. Искусство, 1936, № 1, стр. 157. — F. Winter, ук. соч., ч. I, стр. 154, рис. 2. Эрмитажная статуэтка была найдена в обломках на «жженом точке», вместе с обломками керамики классического времени. Пережженная поверхность статуэтки имеет серо-бурый цвет и сильно затрудняет точное определение первоначального цвета глины, из которой она была изготовлена. По качеству глина напоминает аттическую.

⁴ А. А. Деревницкий, А. А. Павловский и Э. Р. Штерн. Терракоты Одесского музея. Одесса, 1897, вып. 1, табл. XIV, 6. — F. Winter, ук. соч., ч. II, стр. 465, рис. 5. В каталоге одесских терракот статуэтка определена как комическая старуха. Согласно имеющемуся там описанию (статуэтку на месте я не видела) глина красная и поверхность статуэтки почти сплошь покрыта слоем извести (не облицовка ли это? М. Н.). Найдена в Керчи и поступила в музей в 1894 г. (дар Бертье-Делагарда). По сообщению коллекционера А. В. Новикова на Керченском рынке древностей в конце прошлого века попадались новейшие реплики фигуры, подаренной Одесскому музею.

⁵ Ausgewählte griechische Terrakotten im Antiquarium der Königlichen Museen zu Berlin. Berlin, 1903, табл. XXXV. Значится, как приобретенная из Афин (Aus Athen erworben). Согласно описанию, составленному Е. Pernice'ом, статуэтка (выс. 0.10 м) воспроизводит старуху с большой безобразной головой. Сидит она на низкой скамейке о двух ножках и убаюкивает плачущего ребенка, которого держит своими большими руками на коленях. Старуха одета в длинный дорийский хитон. На хитоне заметны следы желтой краски, волосы ребенка красновато-коричневые. Лицо и руки старухи также были раскрашены; под действием огня поверхность кожи получила темнокоричневую окраску; светлокрасная глина вследствие вторичного преобразования в огне сделалась серой. Задняя сторона статуэтки обработана суммарно и изготовлена отдельно от лицевой части с последующим соединением (F. Winter, ук. соч., ч. I, стр. 154, рис. 1).

В каталоге терракот Винтера приводится, к сожалению в плохом рисунке, статуэтка, хранящаяся в Луврском музее, которая может быть поставлена в один ряд с только что указанными терракотами.¹

Наконец, в фонде Керченского музея удалось обнаружить подобную же отдельную головку, повидимому, также принадлежавшую целой статуэтке; эта головка имеет менее тщательную моделировку лица, чем мирмекийская.

Таким образом мы видим, что из 6 аналогичных однотипных терракот 4 происходят из Паптикалея и его окрестностей и 2 образца (берлинский

Рис. 3. Берлинская терракотовая статуэтка (Антиквариум).

и луврский) имеют указание на их происхождение из Греции. Имеющиеся толкования подобного типа изображений весьма разноречивы. Н. П. Кондаков при издании эрмитажной статуэтки считал ее изображением раба-педагога, держащего на руках ребенка, и датировал статуэтку III в. до н. э., не приводя, однако, в пользу такой датировки каких-либо доказательств.

Та же эрмитажная статуэтка воспроизведена в каталоге терракот Винтера среди женских фигур с ребенком на руках. Издатель терракот Берлинского антиквариума считал, что берлинская статуэтка являлась изображением старухи (*alte Frau*).²

А. А. Передольская, переиздавая эрмитажную статуэтку, реставрированную по образцу берлинской, также называет ее старухой, укачивающей ребенка. Сравнивая эрмитажную статуэтку со старухой-кормилицей Геракла, изображенной на вазе Пистоксена, хранящейся в Шверине, и привлекая, кроме того, как нам кажется, отдаленные аналогии, главным образом из вазовой живописи с реалистическими сюжетами, А. А. Передольская датирует данный тип изображения старухи второй четвертью V в. до н. э.

Однако нам представляется более правильным не ограничивать датировку подобных изображений первой половиной V в., хотя бы в силу того обстоятельства, что сохранившие полную неподвижность позы сидящих фигур как в монументальной скульптуре, так и в малой пластике живут в течение всего V в. до н. э. Все попытки отыскать в больших и малых пластических произведениях V в. до н. э. аналогии мирмекийской головке в трактовке лица не увенчались успехом. Лишь один образец терракотовой головы актера, найденной в Олинфе в 1928 г.,³ по трактовке сильно выступающих надбровных дуг может быть сближен с подобной же трактовкой надбровий у головок изучаемой группы. Олинфская форма дати-

¹ F Winter, ук. соч., ч. II, стр. 465, рис. 2 (где она значится как происходящая из Греции — *griechisch*).

² *Ausgewählte griechische Terrakotten...*, текст описания, стр. 26.

³ D. M. Robinson. *Excavations at Olynthus*, ч. IV. *The terracottas of Olynthus found in 1928*. Балтимора, Лондон, Оксфорд, 1931, табл. 60 и 61; 421a и 421b с и d.

руется всем комплексом находок первой половиной IV в. до н. э. Таким образом, отдельные детали все же сближают мирмекийскую головку с образцами пластики IV в. до н. э. Среди тех же олинфских терракот имеется еще один образец, являющийся для Олинфа одним из наиболее поздних типов гротеска. Таковой оказывается голова фигурного сосуда в виде комической маски,¹ где при ином типе лица мы видим ту же, здесь уже чрезмерно подчеркнутую, трактовку надбровных дуг, ту же манеру изображения зрачка в виде рельефного кружка и, наконец, тот же вытянутый подбородок, т. е. все черты, отмеченные выше и характерные для мирмекийской головки. Этот олинфский образец головы с еще более подчеркнутыми деталями может служить *terminus post quem* для головки из Мирмекии. Таким образом данный образец из Олинфа, относящийся ко времени разрушения Олинфа, т. е. к середине IV в. до н. э., и привлеченный выше образец олинфской маски, датируемый началом IV в. до н. э., заставляют более определенно говорить о времени изготовления мирмекийской головки, т. е. о самом конце V — начале IV в. до н. э.

Напомним при этом, что мирмекийская головка найдена в культурном слое с керамическими находками классического и раннеэллинистического времени, а наиболее ей близкая эрмитажная статуэтка также сопровождалась классическими и раннеэллинистическими образцами керамики.

Подобные изображения в античной коропластике близки ранним образцам сидящих женских фигур, носивших название кормилиц (*χοιροτρόφοι*), бытовавших и в эллинистическое время. Отсюда, естественно, желание многих авторов считать подобные изображения женскими. Но в античной коропластике, в частности среди терракот, найденных на Боспоре, известны и мужские изображения педагогов-рабов с ребенком на руках. Поэтому изображение ребенка на статуэтках изучаемой группы терракот одинаково вероятно как для женских, так и для мужских фигур. Прическа мирмекийской головки близка, как уже отмечалось, прическе мужчины-педагога. Особенно резко подчеркнутая грубость и скуластость лица мирмекийской головки вряд ли дает основание видеть в ней изображение старухи. Нам представляется более вероятным, что мирмекийская головка принадлежала статуэтке, изображавшей раба-педагога.

Аттическое происхождение мирмекийской головки, а также тесно к ней примыкающей эрмитажной статуэтки, на основании отмеченного выше качества глины, не подлежит никакому сомнению.

Необходимо отметить, что терракоты, подобные издаваемой, в других причерноморских центрах пока не найдены. Именно Боспор дает нам эти интересные образцы.

В заключение отметим, что рассмотрение стилистических особенностей данной группы терракотовых изображений убеждает в том, что, наряду с реалистичностью данных изображений, в них имеются и известные элементы гротеска. Считать, что подобные изображения воспроизводят образы реальной жизни, без всякого наличия карикатурных моментов, было бы неправильным.

Если в позах сидящих фигур изучаемой группы можно отметить пережитки ранних иератических форм, идущих еще от архаики, то своеобразная трактовка лица объясняется стремлением мастера-коропласта к известной типизации данного образа, наиболее ярко воплощенной в издаваемой мирмекийской головке.

¹ Excavations at Olynthus, ч. VII. D. M. Robinson. The Terracottas of Olynthus found in 1931. Балтимора, Лондон, Оксфорд, 1933, табл. 58; 404 и 404а.

M. NALIVKINA

UNE TÊTE EN TERRE CUITE PROVENANT DE MYRMÉKIE

R é s u m é

Dans sa brève notice consacrée à la publication préliminaire d'une tête en terre cuite trouvée à Myrmékie l'auteur passe en revue et compare entre elles toutes les trouvailles connues de ce type de terres cuites. Les particularités du style et de la technique lui permettent de conjecturer le lieu et l'époque de la fabrication de la tête myrmékienne ainsi que des échantillons qui lui sont voisins. La qualité de l'argile de cette tête, de même que de celle d'une statuette de l'Ermitage qui s'en rapproche le plus, indiquent leur origine attique. La datation de la tête myrmékienne (fin du Ve — début du IVe siècle avant notre ère) est confirmée aussi bien par certaines conditions de sa trouvaille que par les particularités du style sus-indiquées, différents détails dans l'exécution du visage (arcade sourcilière fortement proéminente) étant proches de ceux des masques en terre cuite d'Olynthe, qui sont datés du début et du milieu du IVe siècle avant notre ère.

Les échantillons de terres cuites choisis par l'auteur reflètent non pas simplement des types réels, mais aussi la tendance du coroplaste à conférer à ses créations des traits individuels, dans une certaine mesure caricaturaux.

О. Э. ЛАНГОВАЯ

ПОЗДНЕРИМСКАЯ АМФОРА ИЗ МИРМЕКИЯ

(ОПЫТ РЕСТАВРАЦИИ)

Производившиеся в 1938 г. Боспорской экспедицией ИИМК раскопки Мирмекия (в 4 км к СВ от Керчи) увенчались, в частности, открытием большого комплекса рыбозасолочных ванн римского времени.¹ Почти во всех ваннах оказалось очень большое количество обломков черепиц (керамид и калиптеров), служивших, повидимому, перекрытием этих ванн. При очистке ванн №№ 2 и 4 в них, так же как и в других ваннах, были обнаружены в верхнем уровне многочисленные обломки черепиц, но по мере углубления, ближе ко дну, они уступали место большому количеству обломков амфор, которых особенно много было найдено в ванне № 2. Судя по обломкам, они в основном принадлежали крупным амфорам позднеримского времени. Обломки таких амфор достаточно обильно представлены в римских культурных наслоениях как Мирмекия, так и других боспорских городищ, но целых экземпляров подобных амфор в наших музеях почти нет. Естественно, что при раскопках мирмекийских ванн возникло желание попытаться из найденных многочисленных обломков восстановить целые амфоры. Однако осуществление этой задачи затруднялось тем, что обломков амфор было огромное количество, и, чтобы разобраться в них, требовалось много труда и времени, что в условиях полевой работы было неосуществимо. Поэтому все обломки, найденные в одной из ванн, были перевезены в Ленинград, где и произведена работа по восстановлению сосудов.²

Первоначально весь материал был классифицирован по группам на основании наиболее бросающихся в глаза признаков: по характеру поверхности обломка и по характеру теста черепка. Разделив, таким образом, всю массу обломков, я получила три основных группы: I группа — розовый цвет теста, поверхность желобчатая; II группа — красный цвет теста, поверхность обломка гладкая, коричневого цвета; III группа — тесто розового цвета, поверхность покрыта зеленовато-коричневым налетом. Каждая из этих групп в свою очередь рассортировывалась более детально по следующим признакам: цвет и структура теста, толщина черепка, внешняя и внутренняя обработка его поверхности и др. Такое деление на группы внесло некоторую ясность.

Относительно III группы можно было сразу же сказать, что здесь больше одного сосуда восстановить невозможно. Из этой группы обломков и удалось склеить одну амфору, но, к сожалению, без ручек; последние были повидимому, утрачены еще в древности. Из обломков II группы не ока-

¹ Краткие сообщения ИИМК, I, 1939, стр. 24.

² Работа велась в Реставрационной мастерской ИИМК.

залось возможным собрать ни одного сосуда. Но зато из обломков I группы удалось реставрировать целую амфору, являющуюся, насколько мне известно, единственным пока экземпляром.

Склежку этой амфоры я начала с днища, форма которого была наиболее ясна. Подобрал среди обломков недостающие части днища, я занялась затем подбором стенок сосуда, прилегающих к днищу.¹ Так удалось вос-

стаповать амфору до плеч. Затем была произведена отдельно сборка и склейка верхних частей амфоры (горла и плеч), после чего обе части сосуда были соединены. Таким образом получился почти целый сосуд; не хватало только, примерно, его трети. Восстановление утраченных частей производилось по сохранившимся частям сосуда, при помощи гипса.²

Реставрированная амфора (см. рис.) имеет яйцевидную форму с плавным переходом в остродонное днище. Верхняя часть ее туловища, начиная от основания ручек, а также все днище имеют желобчатую поверхность. Между той и другой желобчатыми поверхностями проходит гладкий пояс шириной 0.12 м. Широкое горло немного суживается кверху. Высота амфоры 1.10 м, наибольшая ширина туловища 0.40 м. Диаметр устья горла 0.12 м, высота горла 0.23—0.24 м. Венчик амфоры валикообразной формы, слегка расширяется кверху. Ручки реберчатые, ширина их равна 0.05 м, толщина 0.02—0.03 м. С внутренней стороны каждая ручка имеет посередине довольно глубокий продольный желобок. По горлу проходят две горизонтальные неглубокие борозды. С одной стороны часть плеча амфоры, прилегающая к основанию ручек, вдавлена, что произошло, очевидно, при изготовлении сосуда. Днище амфоры заканчивается небольшим выступом.

Амфора, восстановленная из обломков, найденных в одной из рыбозасолочных ванн при раскопках в Мирмекии в 1938 г.

также в большом количестве обломки других амфор, горла которых совершенно аналогичны горлам, найденным в 1929 г. в Керчи при

К какому времени относится реставрированная амфора? В той же ванне, где была найдена в обломках эта амфора, оказались

¹ Клеилась амфора столярным клеем с гипсом; для того чтобы подобранные части как можно плотнее соединялись друг с другом, т. е. швы между обломками были меньше, я разводила клей жидко. Клей этот готовится следующим образом. Столярный клей, положенный в неглубокий сосуд, заливается холодной водой и выдерживается в течение суток при комнатной температуре. Затем нужное количество набухшего клея растворяется в огнеупорной или просто железной чашечке в горячей водяной бане, т. е. в сосуде, наполненном водой, доведенной до точки кипения. В расплавленный нагретый клей постепенно вводится (при тщательном размешивании) гипс в количестве 1—2 весовых частей на 4—5 весовых частей клея.

² В целях большей прочности склейки, прежде чем загипсовывать недостающие части, все швы с внутренней стороны покрывались замазкой, состоящей из того же клея с гипсом, но более густой консистенции.

раскопках на Эсплападной ул., близ керамической печи, и датирующихся позднеримским временем, III—IV в. н. э.¹

Особенно близка нашей амфоре по форме амфора, найденная в одной из могил Ай-Тодора.² Она хорошо датируется найденными в могиле монетами Рискупорида VI (323 и 325 гг.). Пригеденные сопоставления дают нам основание отнести мирмекийскую реставрированную амфору к концу III — первой половине IV в. н. э.

O. LANGOVAJA

UNE AMPHORE DE L'ÉPOQUE ROMAINE TARDIVE
TROUVÉE À MYRMÉKIE

(ESSAI DE RESTAURATION)

R é s u m é

Les fouilles exécutées en 1938 à 3.5 km au nord-est de Kertch sur le territoire de l'ancienne ville de Myrmékie (qui faisait partie de l'État Bosphorien) ont amené la découverte, entre autre, de restes bien conservés d'une grande installation composée de huit citernes cimentées, qui servaient à l'époque romaine au salage du poisson. A l'intérieur des citernes se trouvait une grande quantité de tuiles (céramides plates et calyptères en gouttière) provenant du toit qui abritait les citernes et qui s'effondra lors de la destruction de celles-ci. En outre, on y a découvert une quantité énorme d'amphores simples à fond en pointe brisées, dans lesquelles on conservait les vivres. Les fragments d'amphore, trouvés dans une des citernes, furent envoyées à Leningrad à l'atelier de restauration de l'Institut d'Histoire de la Culture matérielle, où l'auteur procéda à leur classification et à leur restauration. On réussit ainsi à reconstituer en entier une amphore à fond en pointe de 1.10 m de hauteur, à col grand et large. Le corps entier de l'amphore présente à l'extérieur des rainures horizontales. A juger d'après les analogies, l'amphore ici publiée se rapporte à la fin du IIIe ou à la première moitié du IVe siècle de notre ère.

¹ В. Ф. Гайдукевич. Античные керамические обжигательные печи. ИГАИМК, вып. 84, стр. 48.

² В. Д. Блаватский. Раскопки Харакса в 1931, 1932 и 1933 гг. ВДИ, № 2 (3), 1938, стр. 327—328.

Л. М. СЛАВИН

ОЛЬВИЙСКИЕ ГОРОДСКИЕ КВАРТАЛЫ СЕВЕРО-ВОСТОЧНОЙ
ЧАСТИ ВЕРХНЕГО ГОРОДА

В 1928—1930, 1932 и 1935—1939 гг. производились систематические раскопки древней Ольвии на нескольких участках нагорной и портовой частей городской ее территории (верхний и нижний город). Наиболее важные и интересные открытия и находки дали раскопки в верхнем городе (участок И — рис. 1), где был добыт большой и очень ценный материал для характеристики различных сторон истории Ольвии, для изучения ее топографии и городского строительства.

Участок И расположен в крайней северо-восточной части верхнего города Ольвии, в углу, образуемом на С глубокой северной балкой, на В косогором (склоном), соединяющим верхний город с нижним; с Ю и З этот участок ограничен небольшой балкой, по которой проходит одна из современных дорог, ведущих из верхнего города в нижний. На этой территории до 1924 г. находилась усадьба с жилыми и хозяйственными постройками, садом и огородом, вследствие чего за весь предшествующий период раскопок Ольвии этот район ни разу не подвергался археологическому исследованию. Между тем, для установления топографии древнего города изучение данного пункта представляло значительный интерес.

Не удивительно поэтому, что сразу же после передачи усадьбы в собственность ольвийскому заповеднику Б. В. Фармаковский сосредоточил на этом участке работы ольвийской экспедиции 1925 г. Раскопки были возобновлены здесь в 1928 г., продолжались в 1929, 1930 и 1932 гг. В течение последних пяти лет — 1935—1939 гг. — систематические раскопки на участке И производились особенно широко.

Раскопки показали, что крайний северо-восточный угол верхнего города, начиная со времени основания Ольвии и до IV в. до н. э., был использован в качестве некрополя, где ольвиополиты, так же как и на участках, расположенных на С и СЗ от северной балки, хоронили умерших. До сих пор удалось открыть около 50 погребений, преимущественно простых грунтовых. Обращает на себя внимание ряд детских погребений в амфорах. Данные об обряде погребений, а также вещественный инвентарь могил, среди которого были и расписные сосуды, привезенные из малоазийских и аттических центров, свидетельствуют о том, что большая часть погребений принадлежит греческой части населения Ольвии. Однако вместе с греческими могилами и часто рядом с ними здесь были встречены и скифские погребения, в которых покойники лежали на боку в скорченном положении, иногда в сопровождении небольшого инвентаря, иногда и вовсе без вещей. Это свидетельствует о том, что в ранний период существования Ольвии разделения некрополя на греческие и скифские участки не существовало,

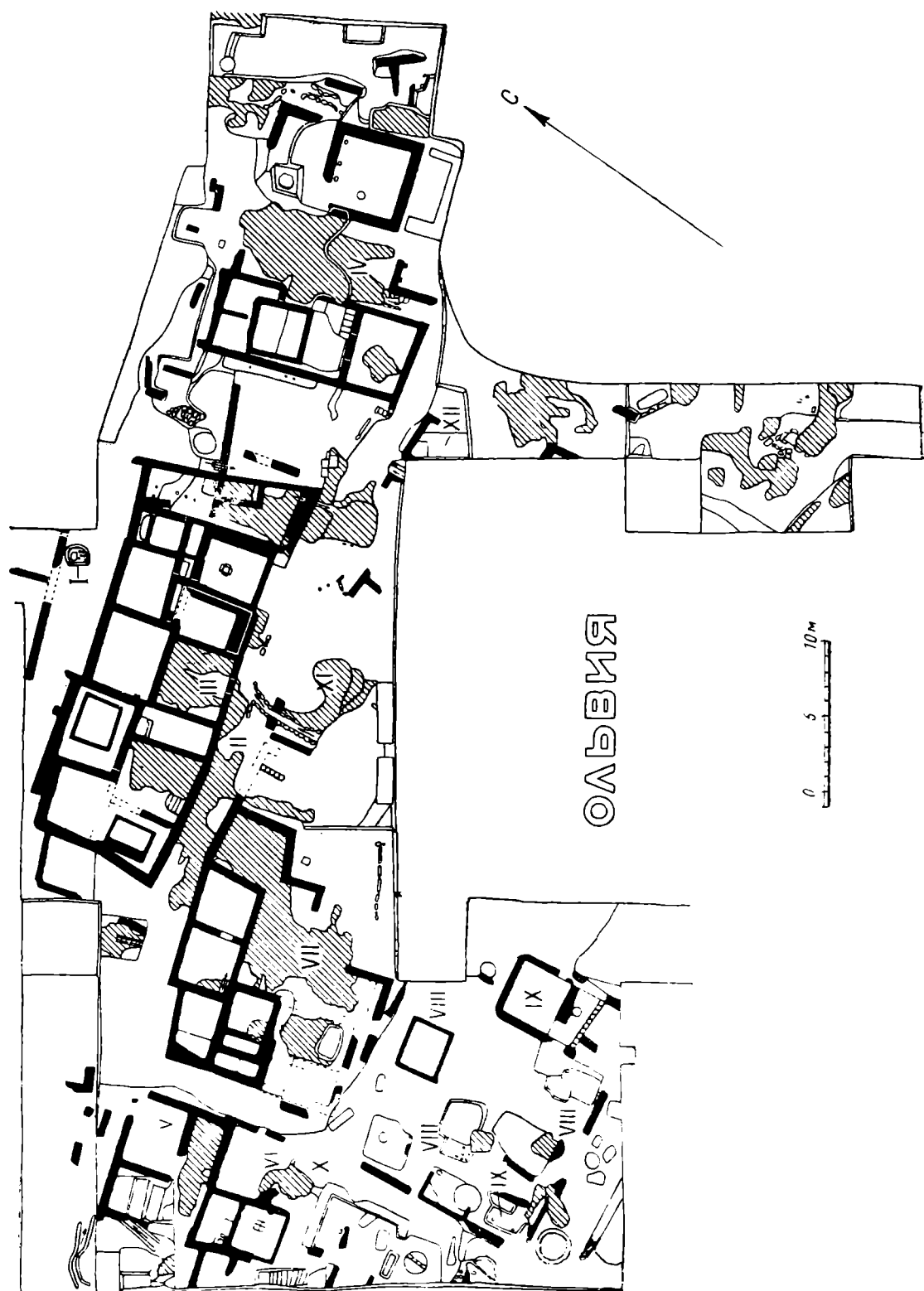

Рис. 1. Общий план участка И.

как, повидимому, и в пределах самого города не было особых скифских кварталов, отделенных от кварталов города с греческим населением.¹

В IV в. до н. э., в период значительного расширения Ольвии, вся северная часть верхнего города вплоть до глубокой северной балки была включена в городскую черту. Вдоль северной балки, в направлении с З на В, ольвиополиты выстроили мощную крепостную стену, начинавшуюся, повидимому, у главных северных городских ворот (раскопанных Б. В. Фармаковским в 1907—1908 гг.). Судя по значительной части куртины, раскопанной в пределах участка И, стена была построена весьма солидно. В качестве субструкции для нее был сооружен мощный глинобитный массив высотой в 1—1.5 м, шириной свыше 4 м, на котором местами были устроены еще дополнительно субструкции из пескольных налегающих одна на другую глинистых и зольных прослоек. Такие земляные субструкции, встречавшиеся неоднократно и при предшествовавших раскопках, отличаются настолько большой прочностью и твердостью, что и в настоящее время они с трудом поддаются лопате. Глинобитные и глинисто-зольные слоевые субструкции употреблялись ольвийскими строителями в качестве фундаментов, преимущественно в классическое и эллинистическое время, при постройке как крепостных сооружений, так и больших общественных и жилых зданий. Такие субструкции предохраняли воздвигавшиеся над ними постройки от неравномерной осадки и служили для них прочным основанием, что было особенно важно в условиях ольвийского лесса, подверженного оползням и размыву.

Повышенная мощность земляных фундаментов, сооруженных для северной крепостной стены на участке И, была вызвана тем, что стена находилась над самым обрывом глубокой северной балки, и предохранить ее основание от осадки и сползания в сторону балки было особенно важно.

Над глинобитным массивом и слоевой субструкцией возвышалась каменная кладка самой стены, от которой, к сожалению, сохранились очень незначительные остатки. Стена, имевшая 2.80 м ширины, была облицована снаружи большими обработанными плитами, внутреннее же пространство было заполнено бутовым камнем.

После включения указанного района в территорию города, здесь были проведены большие земляные работы по выравниванию рельефа местности и его приспособлению для городского строительства. Была засыпана ранее находившаяся здесь небольшая балка глубиной до 7 м, а также выровнен ряд площадок, которые спускались террасами из верхнего города в нижний. Террасы были расположены также и на косогоре, примыкающем к участку И, из чего можно заключить, что ольвиополиты заселили также и склоны, спускающиеся из верхнего города в нижний.

Застройка участка началась, очевидно, со второй половины IV в. до н. э. Правда, строительных остатков указанного времени сохранилось ничтожное количество; это объясняется, вероятно, тем, что при капитальных постройках, производившихся здесь в III в. до н. э., старые здания были снесены. От IV в. сохранились лишь небольшие участки щебневой и каменной вымостки, части водосточных каналов (в одном случае каменного, в другом черепичного) и совсем незначительные остатки стен. Однако этот ранний горизонт культурного слоя дал большое количество керамических находок, преимущественно второй половины IV в. до н. э.

Раскопки открыли значительное количество построек III—II вв. до н. э. на средней террасе и ряд комплексов того же времени на прилегающих к ней с З и В частях верхней и нижней террас. Наибольший интерес по

¹ Раскопкам архаического некрополя на участке И посвящена статья Т. Н. Книпович (Сов. археол., VI).

имеют уклон на Ю — в сторону улицы, чтобы обеспечить более быстрый сток дождевых вод. Для этой же цели в южной стене восточного дворика был проложен водосток, выводивший на улицу дождевые воды. В центральном дворике сохранились остатки вымостки и более позднего времени, показывающие, что в третьем строительном периоде вдоль западной и южной его стен находились портики с колоннадой; обнаружены остатки стилобата со следами мест, где стояли колонны.

Помещения (размерами от 2.53×1.40 м до 4.90×4.00 м) имели сырцово-глиобитные полы, частично сохранившиеся в отдельных местах. Более тщательно был устроен пол помещения б, в котором сохранились сырцовые кирпичи пола.

Одно из помещений (л) в крайнем восточном конце здания (рис. 3), значительно отличается от других помещений. Оно занимает часть восточного дворика и по размерам своим очень невелико (2.53×1.40 м); стены помещения сложены на каменной вымостке двора, из чего можно заключить, что оно выстроено в наиболее поздний период жизни здания. Возможно, что в этом помещении жил привратник.

В ряде помещений были открыты остатки очагов, часть которых служила, по видимому, для обогрева помещений, часть — для приготовления пищи.

В четырех помещениях здания (б, ж, и, к) сохранились подвалы размерами от 2.60×1.80 м (ж) до 3.78×3.35 м (к). Подвалы также имеют каменные стены, выложенные, в большинстве случаев, отступя вовнутрь от линии основных стен помещений. Наиболее интересен по своему устройству подвал помещения к, сохранившийся лучше других (рис. 4). В верхней части западной стены этого подвала во всю длину стены имеются четырехугольные гнезда для укладки в них концов балок перекрытия подвала. В северной и восточной стенах сохранились узкие прямоугольные вертикальные пазы, куда, судя по обнаруженным остаткам деревянной трухи, вставлялись деревянные брусья для предохранения стены от выпучивания. В центре подвала, на уровне нижних рядов кладки стен фундамента, сохранилась небольшая обкладка из известняковых плит, поставленных на ребро, очевидно, для прямоугольного столба, поддерживавшего деревянное перекрытие, служившее полом для находившегося над подвалом помещения. Все подвалы имели земляные полы.

Значительная часть помещений здания сообщается между собой входами, проемы от которых сохранились во многих местах. Всего таких входов обнаружено одиннадцать.

Кладка стен этого здания, как и других построек, открытых на участке И, выполнена из ракушечного известняка, происходящего из близких к Ольвии месторождений. В нижних рядах кладки камни чаще всего крупные, более или менее обработанные, одинаковых размеров; выше — камни разных размеров, средних и даже мелких. Горизонтальная правильность рядов кладки большей частью соблюдена. В кладке встречаются камни вторичного употребления. Стены одного помещения, дворика или подвала, клавшиеся одновременно, связываются между собой чаще всего впереплет. Обычная ширина стен $0.50—0.65$ м.

В большинстве помещений найдено значительное количество целых черепиц и их обломков от разрушенной крыши здания. В нескольких помещениях найдены куски штукатурки; несколько кусков сохранилось *in situ* на стенах помещений. Среди кусков штукатурки были и такие, которые сохранили раскраску, сделанную преимущественно голубой краской.

Судя по размерам и устройству здания, а также принимая во внимание большое количество найденных в нем культовых терракот, известняковых алтариков (рис. 5), нарядной привозной керамики (более подробно

Рис. 3. Большое северное здание.

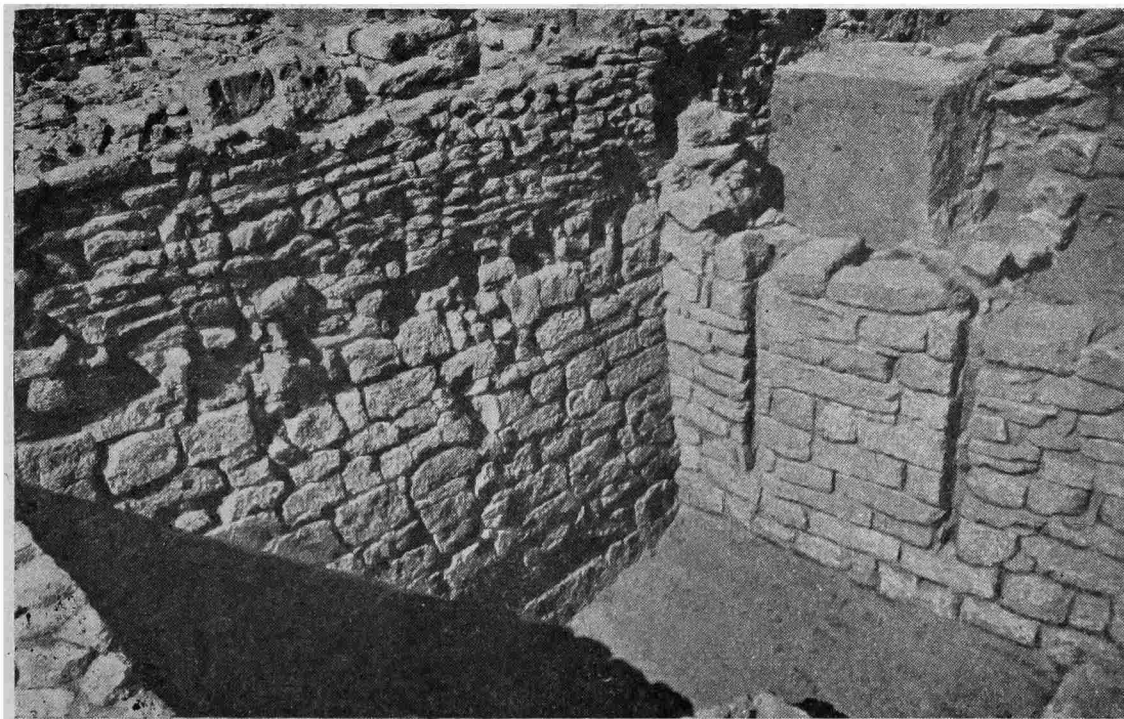

Рис. 4. Подвальное помещение к в северном здании.

о находках см. ниже), можно считать, что большое северное здание не принадлежало к числу рядовых частных жилищ.

В юго-западном углу средней террасы, па Ю от улицы, раскопано жилое здание (рис. 6), отличающееся ясностью и законченностью плана. Оно

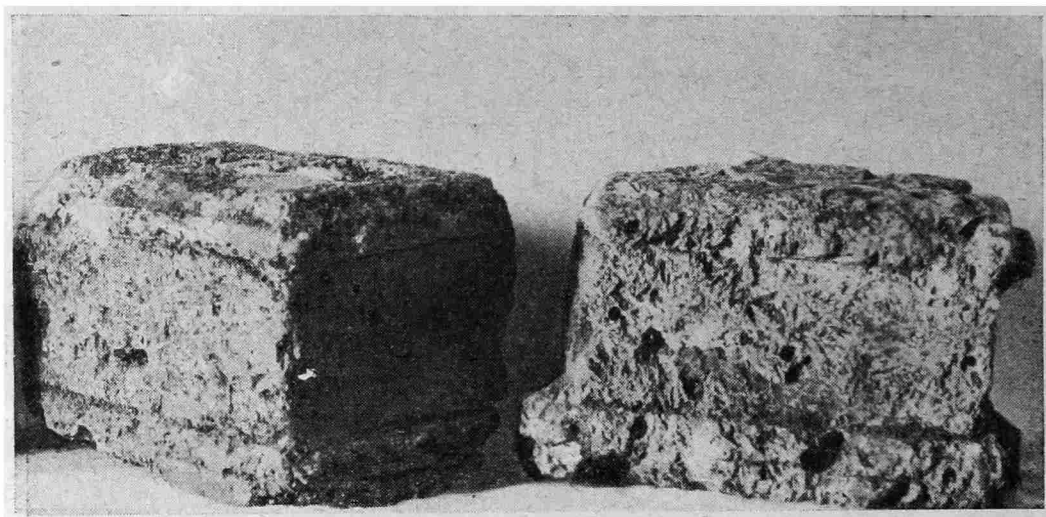

Рис. Известняковые алтари.

было выстроено уже после сооружения западной части большого северного здания, во второй строительный период. Здание это состоит из четырех

Рис. 6. Схематический план южного здания.

основных помещений, занимающих северо-западную часть комплекса, и двух дворов, расположенных в восточной и юго-восточной его частях (рис. 7). Три помещения (а, б, в) расположены одно за другим, в направлении с В на З (рис. 8), четвертое (г) примыкает к крайнему на З помещению с Ю. Размеры помещений: 3.60 м, 3.40 × 3.67 м; 4.15 × 2.44 м; 3.86 × 2.68 м. Форма помещений и дворов как в южном, так и в других зданиях участка И очень редко прямоугольная. Очевидно, строители не

стремились к достижению правильных углов и линий в воздвигаемых ими постройках.

Полы во всех помещениях глинобитные. Один из входов соединяет между собой два восточных помещения (а и б), другой — два помещения в северо-

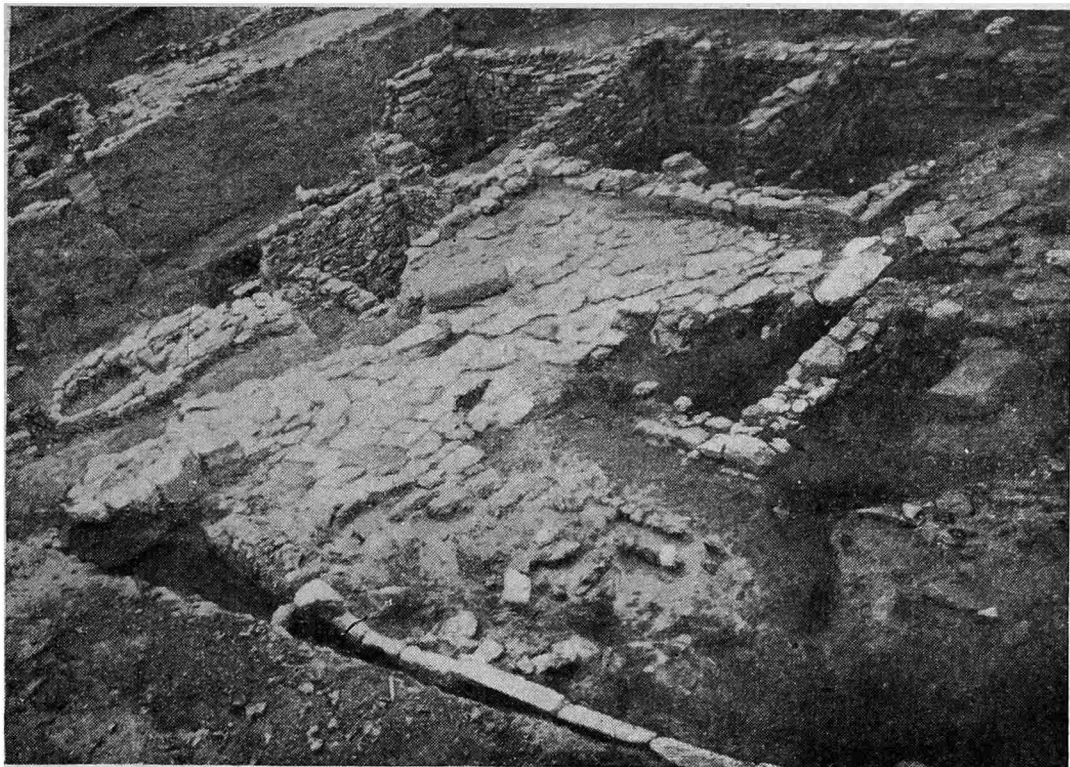

Рис. 7. Общий вид остатков южного здания.

Рис. 8. Жилые помещения *а*, *б*, *в* южного здания.

западной части комплекса. Ширина дверных проемов: первого — 0.97 м, второго — 0.67 м.

В помещении *г* обнаружен подвал размерами 5.25 × 2.70 м; впоследствии, при перестройке здания (в третьем строительном периоде), подвал был уменьшен до 3.68 × 2.60 м. В первоначальный период существования здания подвал был разделен каменной стеной на две камеры и имел земляной пол с плотной обмазкой темносерого цвета, состоявшей из песка, цементированного каким-то крепким связующим составом. Во второй период каменная стена, делившая подвал на две части, была разобрана, а вместо земляного пола сделана вымостка из камней. На основании фрагментарно сохранившихся строительных остатков и вещественных находок можно полагать, что в юго-западной части комплекса находилась хозяйственная пристройка, служившая кладовой.

Дворики южного здания — малый (на В от комплекса помещения *а*, *б*, *в*) и большой (на Ю от этих же помещений) — соединяются между собой широким проходом (до 1.30 м) у внешнего юго-восточного угла помещения *а*. Оба дворика вымощены каменными плитами. Вымостка малого дворика (5.10 × 4.10 м) состоит из больших, чаще из средней величины каменных плит, а также мелких камней, заполняющих промежутки между плитами. Каменный настил большого двора (10 × 8.50 м), имеющий уклон на Ю, сложен более тщательно, в основном из больших плит и средней величины камней.

На участке, примыкающем с В к большому и малому дворикам, можно предположить наличие третьего «черного» двора. Здесь сохранилось большое количество домашних и кухонных отбросов: обломки посуды, среди которой очень много кухонной, закопченной; пищевые остатки (кости млекопитающих и рыб); много золы, углей и др. — все это свидетельствует о том, что здесь располагались мусорные ямы, а может быть и кухонные очаги или печи для приготовления пищи. Предположение это подкрепляется тем, что ни в помещениях, ни во двориках остатков очагов открыто не было. Сохранилась и часть стены, огораживавшей этот дворик на С, со стороны улицы.

Как и в большом северном здании, здесь было найдено значительное количество черепиц (целых и в фрагментах), которыми здание было перекрыто.

Раскопки участка, примыкающего с В к южному зданию, показали, что здесь находилось второе южное здание; исследование его частично уже начато.

Восточное здание, также являющееся частной жилой постройкой, занимает восточную часть площадки средней террасы. Оно находится с северной стороны улицы, к В от большого северного здания. Здание состоит из пяти помещений, располагающихся по двум сторонам (на В и З) большого двора, мощеного каменными плитами (рис. 9). В одном из помещений (на юго-востоке) сохранились субструкции, служившие основаниями для каменных стен. В двух помещениях здания были подвалы: в них при раскопках обнаружены обломки больших сосудов — пифосов и амфор, в которых, очевидно, хранились продукты. Восточное здание существовало в течение III—II вв. до н. э. и пережило несколько строительных периодов. Так, сохранились две каменные вымостки дворика, относящиеся к двум периодам существования здания. В помещениях полы были глинобитные, в некоторых из них открыты остатки очагов.

Остатки построек, открытых на верхней террасе, сравнительно немногочисленны. Здесь проходят две улицы, одна из которых имеет направление с С на Ю, другая — с В на З. О наличии этих улиц и их направлений свидетельствуют остатки открытых здесь каменных водосточных каналов.

В юго-восточном углу, образуемом улицами, располагаются сохранившиеся фрагментарно остатки двух разновременных жилых построек III—II вв. до н. э., сменяющих одна другую. Здание верхнего слоя состоит из мощеного двора, имеющего вытянутую с З на В форму, двух помещений, расположенных на С от двора, и из нескольких помещений на Ю от него (установить точное их количество в виду сильной нарушенности строительных остатков в этой части комплекса невозможно). Под этим зданием находятся остатки другой постройки начала III в. до н. э., не раскрытой еще пока полностью; она состоит не меньше чем из шести небольших помещений. На Ю от этих построек открыты плохо сохранившиеся остатки значительного числа строений того же времени с подвальными помещениями для хранения продуктов.

Рис. 9. Вымостка двора и прилегающие помещения восточного здания.

Приступлено было также к расследованию нижней террасы, расположенной на ЮВ от раскрытой части средней террасы. Пока раскопано только одно из помещений находившегося здесь здания III в. до н. э.

К более позднему времени (по сравнению со всеми упомянутыми комплексами) принадлежат остатки открытой на участке II еще в 1930 г. большой гончарной мастерской с четырьмя обжигательными печами, из которых одна сохранилась сравнительно удовлетворительно. Функционирование гончарной мастерской относится к самому концу догетской или началу послегетской эпохи, когда городские кварталы этого участка уже находились в упадке.

В послегетский период территория участка II находилась уже далеко от новых крепостных стен, сооруженных вновь отстроившимся городом; последний занимал, как известно, лишь небольшую часть прежней своей территории. На участке II к послегетской эпохе относятся также остатки дороги с щебневым замостом и каменными водостоками, обнаруженные в верхнем культурном слое. Очевидно, по этой местности в послегетский период проходила одна из дорог, которая вела из степи в ольвийскую гавань, занимавшую южную часть нижнего города.

Раскопки на участке II за отчетные годы дали большое количество разнообразных находок разной степени сохранности, среди которых немало

выдающихся памятников искусства и быта. Кратко охарактеризуем основные группы находок.¹

Наиболее многочисленна группа керамических находок. Особый интерес представляет разнообразная керамика местного производства, в большом количестве встречаемая на участке И и относящаяся ко времени с конца IV по II в. до н. э. В большинстве своем сосуды этой группы сделаны на гончарном круге и имеют самые разнообразные формы и типы, говорящие о преимущественно утилитарном назначении этой керамики. Немало встречается и таких сосудов, которые в техническом отношении стоят на довольно высоком уровне, свидетельствуя о значительном мастерстве ольвийских гончаров. Глины имеют различные оттенки, чаще красноватые и желтые, реже светлые и зеленоватые. Глины брались из местных и близких к Ольвии карьеров по Прибужью, хорошо обрабатывались, причем для выделки высоких сортов тонкостенной керамики тесто подготавливалось особенно тщательно. Глина кухонной толстостенной керамики массовых сортов содержит много примесей (кварц, слюда, известняк и др.). Кухонная посуда встречена следующих типов: круглодонные миски различной высоты с вертикально поставленными ручками и с крышками, имеющими форму низкого копуса с шишкой в верхней части, горшки разных форм и размеров, низкие сковороды с плоским дном и ручками, полыми внутри или кольцеобразными или, наконец, в виде круглых выступов. Из столовой посуды, в большинстве своем тонкостенной, чаще всего встречаются кувшины с округлым туловищем на кольцеобразной ножке, чашки с округлыми стенками на кольцеобразной подставке или на высокой ножке и др. Обращают на себя внимание находки толстостенных плоскодонных мисок со сливами, типа лутериев, бальзамарий, сосуды типа канфаров и др.

Необходимо отметить также группу светильников местного производства; среди них представлены как типы светильников с открытым вместилищем, так и более поздние типы, характеризующиеся отверстием в щитке, круглым, коротким или удлиненным рожком и горизонтально поставленной ручкой, согнутой под углом. Многочисленны находки фрагментов сероглиняной керамики, нередко имеющей на поверхности серую глазурь или обмазку. Некоторые из перечисленных сосудов местного производства украшены или расписаны. Так, напр., на нескольких сковородках имеются линейные узоры, выполненные лощением; встречаются обломки кувшинов, тарелок и чашек, покрытые глазурью (или, как ее обычно называют, лаком) черного и красного цветов; на ряде обломков встречена роспись поясками по глиняному фону или по обмазке белого или желтого цвета, в нескольких случаях — растительный орнамент, исполненный красной краской; орнаментальные узоры, выполненные при помощи лощения, встречаются в это время редко. Среди находок участка И в значительном количестве представлена и лепная керамика, сделанная от руки. Посуда этой группы в большинстве случаев выполнена из плохо обработанной глины с большим количеством примесей, в частности кварца. Здесь представлены также плоскодонные горшки с выпуклыми стенками, иногда снабженные ручками в виде плоских, круглых или дугообразных выступов. Эти сосуды часто украшены ногтевым или щипковым орнаментом на плечиках и венчиках. Встречаются, наконец, кувшины и горшечки с округлыми стенками.

¹ Публикация отдельных групп находок за 1935—1936 гг. по участку И подготовлена А. Н. Зографом, А. Г. Кацеваловым, Т. Н. Книпович, Е. И. Леви, М. А. Наливкиной и М. М. Худяком.

Греческая привозная керамика занимала видное место у жителей городских кварталов, расследованных на участке И. Архаической керамики в культурных слоях участка И было сравнительно немного, обломки привозной керамики принадлежат коринфской, навкратийской, родосско-милетской и аттической чернофигурной группам и относятся преимущественно ко второй половине VI в. до н. э. Обращают на себя внимание: 1) обломок тарелки «родосско-милетской» группы первой половины VI в. до н. э. с сохранившимся изображением козла и звезды из лучей и 2) обломок края чернофигурного килика с частично сохранившимся изображением женской фигуры в длинном хитоне, стоящей между двумя воинами, держащими копья и щиты.

Керамические находки классического времени должны быть отнесены, в основном, уже ко времени включения участка И в городскую территорию и к первому периоду его освоения, т. е. к IV в. до н. э.; находок V в. встречено очень мало. Найдены фрагменты аттических краснофигурных сосудов, в том числе фрагменты кратеров и пелик с изображениями лавровых листьев или олов на венчиках и групп стоящих мужских (реже женских) фигур на стенках. Интересен обломок стенки краснофигурной пелики с изображением четверки лошадей. Имеется и значительное количество фрагментов лекал с изображениями сцен туалета на крышках, а также фрагментов краснофигурных сосудов других форм — лекифов, скифосов, асков, амфор и т. д. Представлена и чернолаковая керамика различных форм, очень часто снабженная штампованным и резным орнаментами, в основном, также относящаяся к IV в. до н. э.

Группа привозной греческой керамики эллинистического времени — одна из наиболее многочисленных. Это вполне естественно, если вспомнить, что основной культурный слой участка И относится именно к этому времени. На первом месте стоит продукция малоазийских центров III—II вв. до н. э., в особенности Пергама. Аттическая керамика представлена в единичных экземплярах, преимущественно изделиями раннеэллинистического времени. Наиболее многочисленны обломки чернолаковой керамики, украшенной росписью, выполненной накладной белой краской и разбавленной глиной, а также резьбой. Хорошо представлены открытые сосуды типа лутериев, в основном относящиеся к III в. до н. э. и происходящие, главным образом, из Пергама, с изображениями гирлянд плюща, лавровых листьев с плодами и других растительных мотивов по туловищу, розеток из лепестков по дну. Отметим также ряд обломков чернолаковых

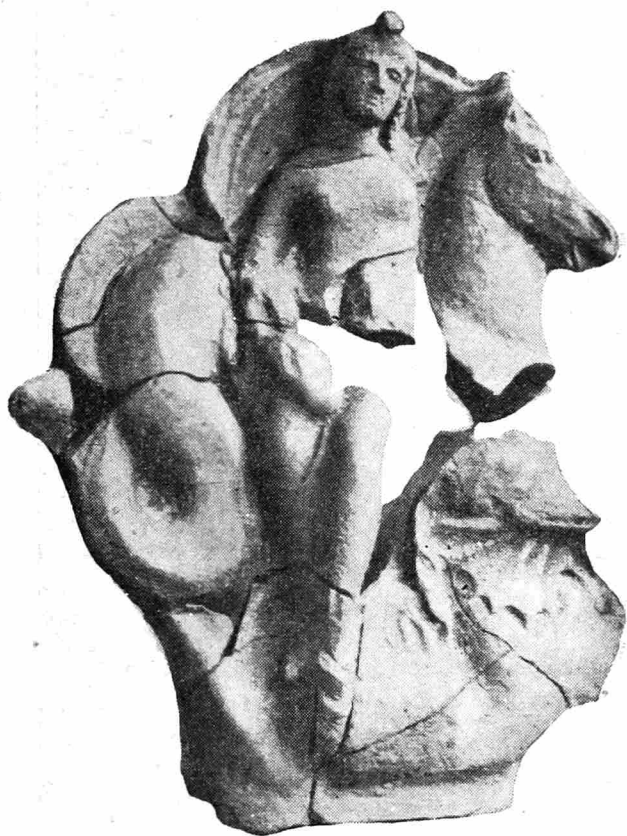

Рис. 10. Нереида на гишокампе.

пелик III—II вв. до н. э. с росписью из гирлянд, с подвесками на горле и веткой плюща или лавровых листьев на плечиках; обломки раннеэллинистических черполаковых тонкостенных аттических сосудов с исполненными разбавленной глиной изображениями маленьких дельфинов; обломки черполаковых канфаров, киликов, чаш и других сосудов малых форм, часто украшенных штампованной и резной орнаментацией. Наконец, встречаются обломки «мегарских» чашек III—II вв. до н. э., украшенных как

Рис. 11. Фрагментированная мраморная статуэтка Диониса.

растительным орнаментом, так и различными сценами, в числе которых имеются изображения борьбы амазонок с греками, Эрота и др. Несколько раз встречались доньшки чашек с изображениями в медальоне головы женщины в короне и с надписью KIPBEI. На ряду с этим в слоях классического и эллинистического времени было найдено большое количество обломков остроносых амфор: ручек (часто с клеймами), днищ, венчиков, стенок и т. д., а в едипичных экземплярах и обломки пифосов.

Очень интересна многочисленная группа терракот (около 50), найденных, главным образом, в помещениях большого северного здания, в примыкающем к нему восточном здании и между ними, а также на верхней террасе. Большинство терракот является изображениями Деметры, Кибелы, Афины, Кору-Персефоны и др. Значение найденных терракот не только в том, что некоторые из них представляют памятники высокого мастерства, но и в том, что среди них имеется группа изделий местных, выполненных ольвийскими мастерами. Из числа местных терракот отметим поэтому и большую полуфигуру, изображающие Деметру и относящиеся к III в. до н. э. У той и другой на голове калафы, в ушах серьги, на лбу широкая повязка с коримбами поверх нее; обе фигуры одеты в хитон и плащ. Среди других местных терракот имеется несколько аналогичных изображений Деметры; указанный тип был, очевидно, весьма распространенным у ольвиополитов в этот период. Стиль ольвийских коропластов отличается простотой и ясностью изображаемого образа на ряду, впрочем, с некоторой суммарностью в его трактовке. Из привозных терракот отметим впервые найденную в Ольвии терракотовую группу IV в. до н. э., изображающую Нереиду, одетую в хитон и плащ, верхом на гиппокампе; Нереида держит в правой руке меч, который она везет Ахиллу (рис. 10). Интересна терракота III в. до н. э. малоазийской работы, изображающая Кибелу с головным убором наподобие крепостной стены; Кибела сидит в кресле, держа на коле-

аях львенка, а в руках фиалу и тимпан. На ряду с изображениями Деметры местной работы на участке И найдена также головка Деметры, исполненная малоазийским мастером; возможно, что она служила одним из образцов для ольвийских коропластов. Над лбом богини поверх волос веночек из рельефных листьев и два коримба, в ушах серьги, на голове высокий головной убор в форме перевернутого усеченного конуса с рельефными ланцетовидными листьями.

Необходимо отметить также замечательные находки фрагментированной мраморной статуэтки Диониса (рис. 11), пескольных пастовых фигурок Беса и навкратийскую головку сирийца из цветного стекла (рис. 12).

Изделий из металлов (меди, бронзы, железа, свинца) довольно много, но в большинстве материал этот сильно фрагментированный и окислившийся. Преобладают гвозди, остатки ножей, обломки металлических сосудов, части подвесок и украшений. Найдена целая серия сделанных из амфорных ручек форм для литья медных и бронзовых украшений. Эти формы встречены, главным образом, в большом северном здании. Здесь же было найдено около десятка небольших известняковых алтариков, канелированная колонка, служившая подставкой для лутерия, и обломки мраморных чаш.

Что касается эпиграфических находок, то на участке И они представлены преимущественно керамическими клеймами и граффити на сосудах. В течение 1935—1937 гг. было найдено 580 клейм на ручках остродонных амфор и на черепицах; все они за небольшим исключением происходят с участка И. На первом месте стоят здесь родосские клейма — их имеется 300 экземпляров, что составляет 50% общего количества клейм за эти три года. Это свидетельствует об оживленных торговых сношениях Ольвии с Родосом в III—II вв. до н. э. (для более раннего времени показателями связей Ольвии с Родосом являются многочисленные находки родосской керамики). На втором месте стоят астиномпые клейма (синопские по Б. Н. Гракову) — их 99, или 17%. Взаимоотношения Ольвии и Синопы в эллинистический период устанавливаются не только на основании вещественных находок; об этих связях свидетельствуют также и лапидарные надписи, происходящие из Ольвии. Далее идут клейма херсонесские — 41 клеймо, фасосские — 17 клейм, кидские — 15 клейм, английские — 14 клейм и др. Клейм неизвестного происхождения 91. Особо отметим 4 клейма, которые принято считать ольвийскими: это два клейма на черепицах с надписью Μόσχο и два клейма, изображающих колесо, на амфорных ручках.

Граффити, встречающиеся, главным образом, на чернолаковой керамике, содержат как имена владельцев сосудов, так и посвящения богам: упоминается Гефест, Деметра, Ахилл, Афродита, Афина, Пан, боги рек Гипаниса и Борисфена и др.

Много найдено и монет при раскопках участка И.

Изучению были подвергнуты также и все находки костей домашних животных и рыб. Подсчет костных остатков за 1935, 1936 и 1937 гг. показал, что на первом месте стоят бык и рыбы — по 16—17%; далее следует коза — 15%, лошадь (включая мула) — 14%, собака — 12%, овца — 11%, свинья — 5%, курица — 1% и т. д.

Рис. 12. Головка сирийца из цветного стекла.

L. SLAVIN

LES QUARTIERS DE LA PARTIE NORD-EST DE LA VILLE HAUTE À OLBIE

R é s u m é

Une des parties les plus intéressantes et les plus riches en matériel archéologique de l'ancienne Olbie fouillées dans ces dernières années (1928—1930, 1932 et 1935—1939) est la partie nord-est de la ville haute (secteur II).

Les fouilles ont établi que l'angle nord-est extrême de la ville haute était utilisé comme nécropole depuis la fondation de la ville et jusqu'au IVe siècle avant notre ère. La majorité des 50 sépultures ici explorées sont de simples sépultures en pleine terre; on a constaté plusieurs sépultures d'enfants en amphores. À juger d'après le rituel et le mobilier funéraire, la plupart des sépultures appartenaient à la partie grecque de la population d'Olbie; toutefois, on rencontre aussi parmi les sépultures grecques et parfois à côté d'elles des sépultures scythiques, dans lesquelles les morts étaient couchées sur le flanc dans une posture ramassée. La nécropole n'était évidemment pas partagée en quartiers grec et scythique, de même qu'il n'existait pas de quartiers grecs et scythiques dans la ville même.

Aux IV—IIe siècles avant notre ère, tout ce territoire fut inclus dans la ville habitée. Les fouilles ont mis au jour des parties d'un puissant rempart et un grand nombre de constructions urbaines. La ville était disposée ici en terrasses. Particulièrement intéressant est le grand quartier des III—IIe siècles avant notre ère qui occupait la moyenne terrasse. On y a découvert une grande rue à pente dirigée vers la ville basse et des restes de bâtiments sur ses deux côtés. L'un de ces bâtiments, situé dans la partie nord-ouest de la moyenne terrasse, se distingue par ses grandes dimensions et renfermait 11 locaux et 3 petites cours; certains de ces locaux possédaient un sous-sol. À juger d'après ses dimensions, son aménagement et les objets trouvés, parmi lesquels il y avait beaucoup de terres cuites cultuelles, de petits autels en calcaire et de céramique grecque ornementée, ce devait être un édifice peu ordinaire. Deux autres bâtiments — un bâtiment sud situé dans l'angle sud-ouest de la moyenne terrasse, et un bâtiment est, situé à l'est du grand bâtiment nord, étaient des maisons d'habitation privées de moindres dimensions. Le premier renfermait 4 locaux et 3 petites cours, le second — 5 locaux et 2 petites cours; tous deux possédaient des caves. Tous les bâtiments susmentionnés avaient des planchers de terre battue et des toits couverts de tuiles; tous ont subsisté durant plusieurs périodes de construction.

On a exploré également un complexe habité qui s'élevait sur la terrasse supérieure, dont les bâtiments se sont conservés à un état plus fragmentaire; on a commencé aussi l'exploration de la terrasse inférieure.

Des restes d'un grand atelier de potier avec quatre fours de cuisson appartiennent à une époque plus récente (avant ou après l'invasion des ghètes). Dans la période post-ghétienne, le secteur II de la ville n'était déjà plus habité; il était traversé par une route empierrée et des égouts en pierre.

La céramique occupe la première place au point de vue quantitatif parmi les nombreux objets trouvés dans le secteur II. Particulièrement intéressante est la céramique diverse de fabrication locale, qui avait surtout une destination utilitaire et qui se répartit en plusieurs catégories d'après le mode de fabrications et le caractère de l'ornementation. À côté de pots grossiers façonnés à la main, on y trouve représentés des vases dont la technique at-

teint un niveau assez élevé. La céramique d'importation grecque, parmi laquelle prédomine celle des centres de l'Asie Mineure, principalement de Pergame, occupe une place importante; moins nombreux sont les échantillons des époques archaïque et classique. Le groupe des terres cuites offre un grand intérêt; la plupart représentent des divinités féminines — Déméter, Coré, Cybèle, Athéna. Une partie de ces terres cuites a été apportée des centres grecs, les autres sont l'oeuvre de coroplastes d'Olbie Il est à signaler un fragment de statuette en marbre de Dionysos. Parmi les autres trouvailles, il convient de mentionner toute une série de moules pour le coulage d'objets métalliques faits avec des anses d'amphores.

Les monuments épigraphiques sont représentés par des marques céramiques (de Rhodes, Sinope, Chersonèse, Thasos, Cnide; ingyphiques ou autres) et des graffiti sur vases. On a trouvé beaucoup de monnaies. On a étudié également tous les os d'animaux domestiques et de poissons recueillis au cours des fouilles.

Е. И. ЛЕВИ

ТЕРРАКОТОВАЯ АРХАИЧЕСКАЯ ГОЛОВКА, НАЙДЕННАЯ В ОЛЬВИИ

Издаваемая терракотовая головка (№ 4914) была найдена в 1938 г. в нижнем городе Ольвии, на участке НГФ.¹

Систематическое расследование этого участка было начато Б. В. Фармаковским в 1909—1914 гг.; в 1920 г. С. А. Семенов-Зусер продолжал работы в северной части участка; с тех пор до 1936 г. работа здесь не возобновлялась. За этот период раскоп пришел в плохое состояние, зарос травой, а часть кладок разрушилась. Предпринятые в 1936 г. реставрационные работы на раскопе НГФ ставили своей задачей не только возможную реставрацию и консервацию строительных остатков для приведения раскопа в экспозиционное состояние, но и доследование тех участков, которые в свое время не были раскопаны полностью.

В 1938 г., кроме работ на пижней террасе, где в 1910—1912 гг. Б. В. Фармаковским был раскрыт интересный эллиптический комплекс, производились также работы и на вышележащей террасе, давшие весьма важные результаты. В этой части раскопа удалось углубиться до материкового грунта (правда, на весьма незначительной площади 4 × 5 м). Непосредственно над материком залегал архаический культурный слой,² не содержащий никаких строительных остатков. Архаический слой, открытый по склону в нижний город, идет с сильным снижением в северо-восточном направлении: на протяжении 5 м уровень поверхности материка падает на 2 м.

В этом слое среди значительного количества обломков керамики и была найдена издаваемая часть терракотовой мужской головки (рис. 1). Сохранилось лицо до начала шеи с незначительной частью волос; кончик носа справа отбит. Общая высота 5.2 см, наибольшая ширина 3 см, толщина 2.3—0.6 см; длина лица от подбородка до волос 4.4 см. Терракота, внутри полая, была, очевидно, сформована из двух частей;³ форма была сработана не очень тщательно — на поверхности лица имеются впадинки, выступы, шероховатости. Глина, в изломе бледнокрасная со слегка желтоватым оттенком, на внутренней, суммарно сглаженной поверхности принимает кирпичневатый оттенок; изредка попадаются сильно измельченные вкрапления извести и блестки слюды. Внешняя поверхность терракоты покрыта

¹ Так условно обозначается в настоящее время участок прибрежной части Ольвии, исследованный Б. В. Фармаковским.

² Архаический слой лежит на одном уровне с эллиптической вымосткой, открытой в 1911 г.

³ До нас дошла передняя часть; граней шва не видно, так как края со всех сторон отбиты.

блестящей обмазкой кремового цвета, по которой в живописной манере темной глазурью даны изображения глаз и волос; рельефно трактованные губы также покрыты глазурью. Обмазка густым ровным слоем покрывала поверхность; в настоящее время в наиболее выпуклых местах, как щеки, подбородок, отчасти нос, она стерлась, в целом не утратив, однако, своей свежести. Также весьма удовлетворительно сохранилась и роспись глазурью темнокоричневого цвета, принимающая местами, где она положена менее густым слоем, более светлые оттенки до желтоватого тона: разбавленной глазурью даны брови и очертания глаз.

Местами на поверхности обмазки заметны легкие царапины,¹ являющиеся, очевидно, следами ворсинок от кисти, при помощи которой наклеивалась обмазка. Эти следы свидетельствуют о том, что мастер работал кистью в разных направлениях. В то же время капли густой глазури у внешних углов глаз и на концах бровей, указывающие на отрыв кисти в этих местах, и менее заметные капли у внутренних углов глаз и у начала бровей дают возможность установить, что контуры глаза были нанесены в два приема, начиная от внутреннего угла. Правая бровь на конце вторично подкрашена, вследствие чего эта часть ее несколько темнее. Глазурь на нижней губе стерлась; следы ее говорят о том, что в свое время губа была окрашена целиком. Кое-где на поверхности попадаются брызги глазури в виде темных точек.²

Лицо узкое, продолговатой формы, с сильно выступающим вперед заостренным подбородком. Низкий лоб обрамлен зигзагообразной полосой, шир. 0.8 см, условно передающей волнистость волос; выше шла крайне незначительно сохранившаяся диадема, оставленная в цвете обмазки. Волосы, очевидно, спускались на спину волнистыми прядями; такая прическа обычно встречается на раннеархаических памятниках скульптуры и живописи.³

Бросается в глаза асимметричность лица; в то время как правая половина спокойна, неподвижна, черты левой приподняты, что придает лицу выражение улыбки: приподнят внешний угол левого глаза, левая ноздря, левый угол косо прочерченного рта; справа улыбка при прямой линии рта подчеркнута небольшой ямочкой около угла, оставленной в цвете глины, и легкой вдавленной линией, идущей от носа ко рту. Асимметричность наблюдается и в изображении глаз: правый продолговатой, узкой формы, меньше левого глаза, раскосо посаженного и вытянутого к внешнему углу. Внутренний угол левого глаза подчеркнут неглубокой впадиной.⁴ Изогнутые на концах дугообразные брови резко очерчивают глаза, заходя на переносицу; левая бровь почти параллельна верхнему контуру глаза. Глазные яблоки показаны не имеющей четких очертаний выпуклостью, заходящей отчасти на лоб; очертания глаз, выполненные кистью, с границами выпуклости не совпадают.

Нос длинный, расширяющийся книзу, слегка вдавлен у переносицы, что придает верхней линии профиля легкую изогнутость. Короткая верхняя губа выдается над узкой нижней. Острый подбородок сильно выступает вперед, почти достигая линии носа. Щеки узкие, сухие; левая щека

¹ У внешнего угла левого глаза, ниже левого глаза на щеке, на переносице, отчасти на лбу.

² На левой и правой щеках, около правой ноздри, справа у шеи и волос.

³ См. напр.: E. P f u h l. *Malerei und Zeichnung der Griechen*, т. III, стр. 45, рис. 145 и др. — *From the collections of the ny Carlsberg Glyptothek*, т. II. Копенгаген, 1938, стр. 73—75, рис. 5—7; стр. 81, рис. 12.

⁴ Впадина эта, хотя и оставленная в цвете глины, была сделана нарочито; об этом говорит то обстоятельство, что очертания внутреннего угла левого глаза заходят на поверхность впадины.

несколько полнее вследствие приподнятости всей левой половины лица. Уши не сохранились; очевидно, как и на всех ранних архаических статуях и в архаической живописи,¹ они были очень высоко посажены и начинались, примерно, у излома левой части, на уровне левого глаза, где сохранился едва заметный след зигзага от спускающихся волос. Шея почти отсутствует: ниже подбородка сразу начинается сильное расширение.

Что представляла собою терракота в целом — сказать трудно. Возможно, что она являлась верхней частью фигурного сосуда или украшением какой-либо вазы; примеры того и другого известны в керамической продукции греческих центров архаической эпохи.² Наибольшую вероятность представляет первое предположение. На мысль о том, что данная терракотовая головка являлась частью фигурного сосуда, наводит почти полное отсутствие шеи при резком переходе от головы к туловищу, что особенно заметно с правой стороны, а также тонкость края у шеи, напоминающая толщину стенок керамической посуды; в пользу того же предположения говорит и наличие закругленного воронкообразного углубления в верхней части с внутренней стороны. И по своим размерам издаваемая головка близка фигурным сосудам: длина ее лица совпадает с длиной лица фигурного сосуда для оливкового масла, найденного в Афинах.³

Обрисовка деталей лица посредством росписи, исполненной глазурью по светлой обмазке, постоянно встречается на вышедших из восточно-ионийских мастерских архаических фигурных сосудах с изображениями птиц, животных, зверьков, человеческих голов.⁴ Стиль терракоты указывает на ту же область, как наиболее вероятное место ее производства. Характерно, что один из издателей вышеупомянутого фигурного сосуда из Афин, близкого по трактовке некоторых деталей нашей головке (о чем речь будет ниже), замечает, что найденный сосуд принадлежит, очевидно, ионийскому мастеру, работавшему в Афинах.⁵ По составу глины издаваемая головка ближе всего стоит к изделиям Родоса и, особенно, Навкратиса; также и по качеству и цвету обмазки и глазури она близка навкратийским образцам.⁶

Среди изданного архаического материала большой и малой пластики, который был нам доступен, мы не могли найти не только полных, но и близко стоящих аналогий. Отдельные стилистические детали встречаются аналогично, но в целом издаваемая головка настолько своеобразна, что приходится признать ее пока уникальной.

Обратившись к разбору деталей, следует отметить, что по живописной трактовке глаз ольвийская головка аналогична вышеупомянутому фигурному сосуду из Афин.⁷ (рис. 2), на котором кроме того также рельефно изо-

¹ E. P f u h l, ук. соч., т. III, стр. 45, рис. 145 и др. — From the collections of the ny Carlsberg Glyptothek, т. II, 145 и др.; Копенгаген, 1938, стр. 81, рис. 12. — Clara R h o d o s, Studie materiali, т. V, рис. 18.

² Примеры см. в работе М. И. Максимовой «Античные фигурные вазы» (М. 1916). — E. G a r d n e r. Naukratis, II. Лондон, 1888, табл. VI, 2. — E. P o t t i e r. Vases antiques du Louvre. Париж, 1891, табл. XIII, A 396 (1).

³ JAI, 1933, т. 48, часть 1 и 2, стр. 206, рис. 5. Также почти совпадает она по размерам и с двуликим фигурным сосудом из Родоса (М. И. М а к с и м о в а. Античные фигурные вазы. М., 1916, табл. XV, 115, а и в).

⁴ См. указанную выше работу М. И. Максимовой.

⁵ JAI, 1933, т. 48, ч. 1 и 2, стр. 203. Thompson, опубликовавший этот сосуд в AJA, 1933, т. 37, стр. 296, считает его аттическим произведением.

⁶ Особенно близки по глине, цвету и качеству обмазки и глазури обломки навкратийского сосуда из Березани (№№ 191 + 195 + 470, оп. V/126), хранящиеся в Эрмитаже, из того же собрания обломки кубков № 188, оп. 14216, 15849 и др. Из коллекции березанского материала, хранящейся в ИИМК, особенно близки обломки кубков №№ 840, 842, 848 и др.

⁷ JAI, 1933, т. 48, ч. 1 и 2, стр. 206, рис. 5.

Рис. 1. Терракотовая мужская головка из Ольвии.

бражены глазные яблоки, причем рисунок глаз, исполненный кистью, не совпадает с очертаниями рельефа. Близко по форме и раскосости изображение левого глаза у издаваемой головки с изображением глаз на сосуде из Афин; известное сходство имеется в форме носа, верхней линии рта, в высокой посадке ушей, короткой шее. Но в ряде деталей головка фигурного сосуда из Афин, у которой обе половины лица симметричны, лицо шире и более округло, волосы, разделенные пробором, даны не живописью, а рельефом, отличается от издаваемого экземпляра. И рельеф глазных яблок, уже правильно передающий очертания глаз, далек от бесформенной выпуклости, имеющейся у нашей головки.

По овальной вытянутой форме лица и выдающемуся вперед острому подбородку наша головка близка мужской голове двуликого фигурного сосуда, найденного на о. Родосе;¹ но этим и ограничивается сходство между ними. Некоторое, правда, отдаленное сходство имеется с головой фасосского куроса;² мы видим тот же удлиненный овал лица, низкий лоб, тот же ряд волнистых прядей волос. Но симметричность лица, посадка и форма глаз, нос, очертания рта, равномерно приподнятого к углам, округлый подбородок не совпадают с трактовкой тех же черт у нашей головки. Некоторое отдаленное сходство в выражении лица можно усмотреть и в теийском куросе,³ у которого левая половина лица также слегка приподнята для усиления передачи улыбки; известное сходство имеется в трактовке волос, зигзагообразно обрамляющих лоб, в форме носа, верхней линии рта; но лицо куроса значительно полнее, более округло, глаза не имеют той узкой продолговатой формы, которая характерна для глаз нашей терракоты, уши посажены значительно ниже.

Более близкие аналогии мы нашли в изображениях человеческих голов в профиль, которые встречаются на родосских расписных блюдах и чашах. На одном из обломков блюд Эрмитажного собрания, найденном на о. Березани (№ 448, оп. V/104) (рис. 3, 1), мы видим ту же изогнутую линию верхней части профиля, уходящий назад лоб, тот же довольно длинный расширяющийся книзу нос, выдающуюся вперед верхнюю губу; сходна и трактовка глаза с несколько изогнутой бровью.

Рис. 2. Фигурный сосуд серед. VI в. до н. э. из Афин (JAI, 1933, стр. 206, рис. 5).

¹ М. И. Максимова, ук. соч., табл. XV, 115, а и в. М. И. Максимова относит его к мастерской ионийской, не включая в родосскую группу (ук. соч., стр. 9).

² From the collections of the ny Carlsberg Glyptothek, II. Копенгаген, 1938, стр. 73—75, рис. 5—7

³ Там же, стр. 81, рис. 12.

Но нижняя часть профиля — выдающаяся полная нижняя губа, округлый подбородок — отличают нашу головку от разбираемого изображения, так же как и трактовка волос, гладко обрамляющих лоб. Если мы возьмем другие изображения на родосских блюдах и чашах, найденных как на Березани, так и на Родосе, — для всех будет характерна при большом сходстве верхней части профиля разница в трактовке нижней его части и волос.¹

При сопоставлении головок, изображенных на родосских блюдах, с нашей может возникнуть предположение, что разница в трактовке нижней части лица объясняется изображением на блюдах женских типов, у нас — мужского, что и подчеркнуто энергичным, выдающимся вперед подбородком. Но это предположение отпадет, если обратиться к изображению женщины на навкратийских сосудах; в этих изображениях мы находим сильно выступающий вперед заостренный подбородок, едва заметную нижнюю губу под сильно выдающейся верхней, т. е. те детали, которые отличают издаваемую головку от родосских. В изображениях идущей женщины на прекрасно сохранившемся навкратийском кубке с Березани,² головы сфинкса в профиль на обломке навкратийского кубка Британского музея,³ женской головы в профиль на обломке края навкратийского кубка, найденного на Березани (рис. 3, 4), имеются те же отмеченные выше, характерные детали лица. Кроме того, если на навкратийском кубке и последнем упомянутом обломке волосы, как и на родосских блюдах, даны гладкой сплошной массой, то на фрагменте с изображением головы сфинкса мы видим ту же условную передачу волнистости волос путем зигзагообразной линии. Близкую аналогию как по профилю лица, так и по трактовке волос, обозначенных несколькими мазками кисти, условно передающими их волнообразный характер, дает также изображение скачущего всадника на обломке навкратийского кубка Британского музея.⁴

Трактовка волос, спадающих на лоб в виде зигзагообразных линий, часто встречается в живописи архаического периода. Но особенностью в трактовке волос нашей головки является то, что зигзагообразная линия дана с двух сторон. Аналогий этой особенности мы не нашли — обычно зигзаги при переходе в диадему отсутствуют. Очевидно, мы имеем дело с особым приемом условной передачи целого ряда волнистых прядей.⁵

Итак, мы видим, что издаваемая головка носит на себе черты стиля, характерные и для Родоса и для Навкратиса. Близость стиля обоих этих центров общеизвестна — еще Kinch отметил, что произведения Навкратиса стояли в тесной зависимости от родосских мастерских и что, по существу, навкратийский стиль является лишь позднейшей переработкой древнейшего родосского.⁶ С другой стороны, особенности глины головки говорят скорее за Навкратис. Таким образом и стилистический анализ и качество глины свидетельствуют, что головка вероятнее всего вышла из навкратийской мастерской. Это не является чем-то новым для Ольвии. Изделия Нав-

¹ См. неизданные обломки родосских блюд с Березани в Эрмитажной коллекции № 449, оп. V/105 (рис. 3, 2), № 450, оп. V/106 (рис. 3, 3) и изображение на родосской энохе, опубликованной в: Clara Rhodos, *Studia materiali*, т. VI—VII, табл. V.

² Находится в Эрмитаже (ИАК, вып. 40, стр. 142, рис. 1).

³ Из Навкратиса (BSA, т. V, табл. VI, 1).

⁴ JHS, т. XXV, табл. X, 1.

⁵ Ср., напр., прическу курца из Фасоса (From the collections of the ny Carlsberg Glyptothek, II. Kopenhagen, 1938, стр. 73—75, рис. 5—7).

⁶ K. Kinch. *Fouilles de Vroulia*. Берлин, 1914, стр. 229—230.

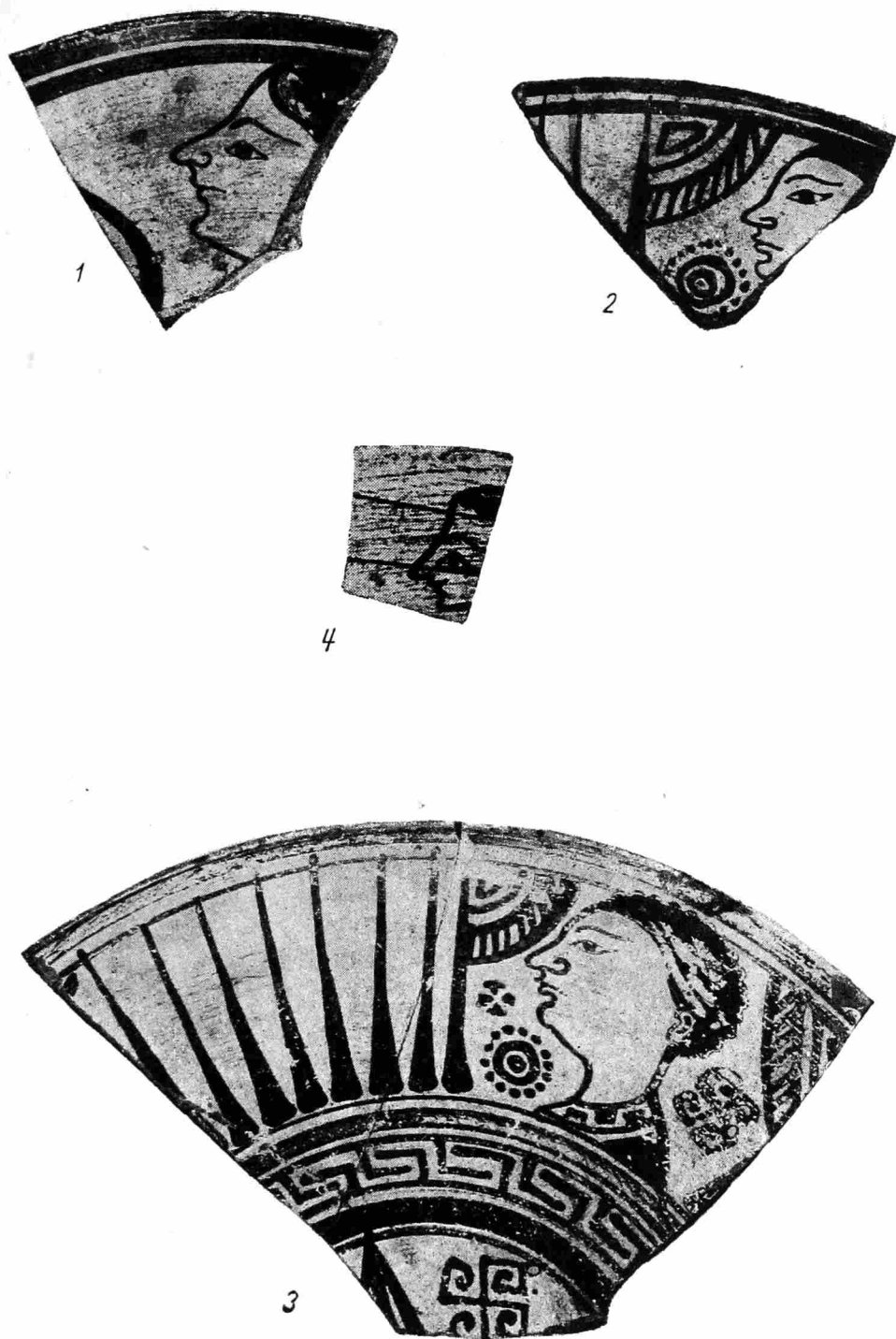

Рис. 3. 1—3—фрагменты родосских блюд с изображением женских голов; 4—фрагмент навкратийского кубка. Находки на о. Березани.

кратиса в Ольвии и на о. Березани довольно часто встречаются среди находок архаического времени. Вспомним, напр., найденные в Ольвии известные алебастровые вазы на подставках в виде женских фигур,¹ сосуд с изображением птицы на главном поле,² фаянсовые фигурные сосуды в виде ежей,³ ряд навкратийских кувшинчиков;⁴ а также найденные на о. Березани алебастровую вазу на подставках,⁵ кубок с изображением женской фигуры в профиль,⁶ фигурный сосуд в виде кузнечика⁷, ряд фрагментов навкратийской посуды и найденных как в Ольвии,⁸ так и на Березани. Фрагменты навкратийской посуды были также найдены в одном слое с издаваемой головкой, о чем подробнее мы скажем несколько ниже. Навкратийская продукция, очевидно, доставлялась в Ольвию через метрополию Милет.⁹

Черты архаической условности в издаваемой головке еще достаточно сильны; они сказываются в удлиненном овале лица, в слегка изогнутой линии профиля при переходе от лба к носу, в трактовке волнистости волос, не разделенных пробором, переданных сплошной зигзагообразной линией, в форме глаз, высокой посадке ушей, в легкой приподнятости левой половины для придания лицу выражения улыбки. Но при всем этом черты лица пропорциональны, а в той выразительности и живости, которые свойственны нашей головке и которые придают ей своеобразное очарование, нельзя не усмотреть мастерства ее выполнения, свидетельствующего о том, что мастер уже более или менее свободно владел кистью; это чувствуется и в довольно свободном выполнении зигзагообразной линии волос и в изогнутом очертании бровей.

Привлеченные в качестве аналогий памятники относятся преимущественно к первой половине VI в. до н. э., частично к середине VI в. Первой половиной VI в. датирует Prinz изданный им обломок навкратийского кубка с изображением головы сфинкса;¹⁰ к числу ранних экземпляров принадлежит, по мнению Hogarth'a, обломок кубка с изображением двух всадников;¹¹ кубок же из Березани является результатом дальнейшего развития этого стиля и стоит на грани первой и второй половины столетия, как это доказывает Энман.¹² Родосские блюда и чаши по характеру заполнительного орнамента, следуя классификации Kinch'a,¹³ должны быть отнесены частично к первому, более строгому, частично ко второму, более свободному, стилю.

К строгому архаическому стилю относит М. И. Максимова близкий по форме лица двуликий фигурный сосуд из Родоса;¹⁴ серединой VI ст. (около 550 г.) датируют издатель фигурный сосуд для оливкового масла, найденный в Афинах.¹⁵

¹ Б. В. Фармаковский. Архаический период в России. МАР, № 34, табл. IV, V и VI.

² Он же. Милетские вазы из России. М., 1914, табл. X, 2.

³ Он же. Архаический период в России, табл. VIII, 1.

⁴ ОАК, 1913—1915, стр. 43.

⁵ Б. В. Фармаковский, ук. соч., табл. VIII, 6.

⁶ ИАК, вып. 40, стр. 142, рис. 1.

⁷ М. И. Максимова, ук. соч., табл. XVI, 12.

⁸ ИАК, вып. 13, стр. 221 и сл.

⁹ Б. В. Фармаковский, ук. соч., стр. 18. — Н. Энман. Навкратийский кубок, найденный на о. Березани. ИАК, вып. 40, стр. 156—157.

¹⁰ См. выше, стр. 312. Prinz. Funde aus Naukratis. Лейпциг, 1908, стр. 87

¹¹ См. выше, стр. 312. Hogarth, Lorimer, Edgar. Naukratis. BSA, XXV стр. 121.

¹² Н. Энман, ук. соч., стр. 155.

¹³ К. Kinch, ук. соч., стр. 227.

¹⁴ М. И. Максимова, ук. соч., стр. 113.

¹⁵ JAI, 1933, т. 48, часть 1 и 2, стр. 203. — AJA, 1933, т. 37, стр. 296;

Сравнения с монументальной скульптурой дают указания на первую четверть VI в., к которой относится курос с Фасоса, и на вторую четверть, которой датируется тефийский курос.¹

Вместе с издаваемой головкой при раскопках был найден ряд фрагментов ионийской посуды, в том числе обломки, принадлежащие уже известным по раскопкам прежних лет типам родосских сосудов, обломки самосских сосудов с орнаментацией в виде полумесяцев и лучей, обломки тонкостенных ионийских киликов с пурпурным пояском на внутренней, покрытой темной обмазкой поверхности. Следует отметить обломок дна родосской тарелки (№ 4884) с орнаментом разорванного меандра на горизонтально отогнутом крае и изображением в центре розетки. Розетка обрамлена двумя поясками, исполненными глазурью и отделенными один от другого пояском цвета глины; глазурь красноватого цвета, сильно стерлась. Аналогичная тарелка была куплена в Ольвии в 1908 г.² Родосской продукции принадлежит также обломок донышка миниатюрной тарелочки (№ 4906) с частично сохранившимся в центре изображением лепестковой розетки, исполненной темной глазурью по светлой обмазке; розетка окружена рядом полихромных поясков, среди которых имеется пояс пурпура, (рис. 4, 1). Применение полихромных поясов, по мнению Kinch'a, является характерным для конца VII — первой половины VI в. до н. э.³

Особого внимания заслуживают фрагменты краев двух навкратийских кубков. На внутренней стороне одного из них (№ 4889) сохранилось изображение цветка лотоса, исполненное в двух тонах — пурпуром и белой краской по темному фону (рис. 4, 2); цветок расположен непосредственно под сохранившейся частью двустольной ручки; ниже цветка проходит пояс, выполненный белой краской. На внешней стороне, покрытой густой обмазкой кремового цвета, сохранилось (справа от ручки) изображение лестничного орнамента между двумя вертикальными полосами; орнамент выполнен коричневого цвета глазурью, прилегающей местами более светлые оттенки; глазурью того же тона была окрашена и ручка кубка. По характеру тщательно выписанных цветка лотоса и лестничного орнамента, а также и по форме глубокого кубка, описываемый фрагмент должен быть отнесен к первой половине VI в. до н. э. На втором фрагменте края кубка (№ 4888) частично сохранилось изображение человеческой фигуры, исполненное в силуэтной технике по светлой обмазке; детали даны резцом (рис. 4, 3). Фигура изображена в профиль, в движении направо; опорой туловища является левая согнутая в колене нога. Левая рука, слегка согнутая в локте, протянута вперед, правая вытянута в обратном направлении; головной убор имеет конусообразную форму. Глаз довольно небрежно прочерчен резцом в виде дельты; нижний край прически и шея при переходе к туловищу прочерчены двойными линиями; двойная резная линия подчеркивает также переход от туловища к ногам; на внутренней стороне, покрытой темной обмазкой, сохранились два узких пояса, исполненных белой краской, и незначительный конец лепестка лотоса. Аналогичный по стилю обломок навкратийского кубка был найден на том же участке несколько выше с материалом архаического и классического времени. Фрагменты навкратийских кубков с изображением челове-

¹ W. Poulsen. Three archaic greekheads in the ny Carlsberg Glyptotek. From the collections of the ny Carlsberg Glyptotek, Copenhagen, II, 1938, стр. 78—79.

² ОАК, 1908, стр. 79, рис. 63. — АА, 1909, стр. 175, рис. 39. Небольшая разница имеется в чередовании поясов, обрамляющих розетку, так как на тарелке 1908 г. количество их больше.

³ К. Kinch, ук. соч., стр. 228.

ческих фигур в силуэтной технике известны в Северном Причерноморье по находкам на о. Березани; в Ольвии же они встречаются впервые. Применение резца в навкратийской расписной керамике характерно для второй половины VI в. до н. э.

Из находок навкратийского производства заслуживает внимания фрагментированное донышко расписной чашки (№ 4887), внутри донышка находится круг, исполненный обмазкой кремового цвета, в центре которого

Рис. 4. Фрагменты расписных сосудов из архаического слоя Ольвии (раскопки 1938 г.).

1 — фрагмент донышка родосской тарелочки; 2 — фрагмент края навкратийского кубка с изображением лотоса на внутренней стороне; 3 — обломок навкратийского кубка с изображением человеческой фигуры.

проходят два узких concentрических кружка, выполненные коричневой глазурью. Выше светлого круга поверхность чаши покрыта темнокоричневой глазурью, причем переход подчеркнут узким кружком разбавленной глазури оранжевого тона. Спаружи дно небрежно окрашено светлой обмазкой, стенки же покрыты темнокоричневой глазурью, переходящей местами в красноватый тон.

На ряду с фрагментами расписной ионийской посуды было найдено незначительное количество чернолаковой керамики и большое количество местной сероглиняной лощеной посуды, представленной обломками чашек и кувшинов.

По совокупности всех данных издаваемая терракотовая головка должна быть отнесена к первой половине VI в. до н. э. Учитывая же известную свободу и мастерство в исполнении деталей, следует признать, что она стоит ближе к кругу тенейского курса, т. е. к среднему периоду архаической пластики, и, вероятнее всего, должна быть датирована рубежом первой и второй четверти VI в. до н. э., когда более строгий стиль архаики уже изживал себя, уступая место более свободному, выразительному стилю середины столетия.

Издаваемая головка является ценным памятником архаического стиля малой пластики. Для истории Ольвии эта находка имеет особое значение. До сих пор, несмотря на многолетние раскопки, остается не вполне решенным вопрос о времени заселения Ольвии милетскими колонистами. Как известно, показание Евсевия об основании Ольвии около середины VII в. до н. э. расходится с данными археологическими: подавляющее большинство найденных в Ольвии архаических вещественных находок не выходит за пределы второй половины VI в. до н. э. Правда, единичные фрагменты, как, напр., обломок родосского сосуда с частями фигур грифона и гуся¹ и обломок тарелки (№ 1047) из раскопок 1936 г. с изображением козла на главном фризе,² дают более ранние даты, но в виду своей единичности эти находки не могут иметь решающего значения. По характеру кладки не может быть датирована ранее второй половины VI в. и архаическая полигональная стена, открытая в 1902 г. близ Зевсова кургана,³ что и подтвердилось исследованием 1939 г.

Кроме того, упомянутые выше наиболее ранние керамические находки найдены в более поздних слоях со смешанным материалом. Впервые в 1938 г. удалось дойти до нетронутого архаического слоя, в котором наряду с хорошо известными для Ольвии вещественными находками второй половины VI в. был найден и более ранний материал, как издаваемая головка, обломок навкратийского кубка с изображением цветка лотоса, обломок родосской тарелки с лепестковой розеткой в центре. Правда, эти находки не слишком повышают уже известную дату, но сам по себе факт нахождения их в нетронутом слое имеет большое значение; возможно, что именно в этом районе находилось наиболее древнее греческое поселение. Здесь сосредоточены все лучшие источники, здесь была наиболее удобная гавань, о чем говорят остатки пристани, скрытые в настоящее время водой.

E. LÉVI

UNE TÊTE EN TERRE CUITE ARCHAÏQUE TROUVÉE À OLBIE

R é s u m é

L'auteur publie une terre cuite représentant une tête d'homme trouvée en 1938 dans la partie riveraine d'Olbie au cours de fouilles complémentaires sur l'emplacement des travaux exécutés en 1909—1914 par B. Farmakovskij. Sa surface extérieure est couverte d'un enduit de couleur crème, sur lequel les cheveux et les yeux sont dessinés à l'aide d'un vernis brun foncé; la bouche en relief est également couverte de vernis.

¹ МАР, вып. 34, табл. I, 1.

² Е. Лев и. Привозная греческая керамика из раскопок в Ольвии в 1935 и 1936 гг. «Ольвия», Киев, 1940, табл. I, 1.

³ ИАК, вып. 13, табл. IV, 1, 2.

La face est caractérisée par sa forme étroite et allongée et son asymétrie: les traits de la moitié gauche (coin de la bouche, angle extérieur de l'oeil) sont relevés, donnant au visage une expression souriante, alors que la moitié droite est calme et immobile. Comme style, la tête offre des traits que la rapprochent des têtes humaines figurées sur la céramique de Rhodes; elle montre une ressemblance marquée avec celles représentées sur les vases peints de Naucratis. La composition de l'argile et la couleur et la qualité de l'enduit et du vernis la rattachent aux échantillons de Naucratis. Tout cela permet de considérer Naucratis comme le lieu de provenance le plus probable de la terre cuite ici publiée. Il se peut qu'elle fût partie d'un vase plastique. Tout en présentant une série de traits caractéristiques des premiers monuments de l'époque archaïque, l'exécution atteste dans l'ensemble une certaine indépendance et de l'habileté chez l'artiste.

Le style de la terre cuite et les analogies constatées permettent de la rapporter à la limite entre les styles sévère et libre de la plastique archaïque, c'est-à-dire au milieu de la première moitié du VIe siècle avant notre ère.

La tête en terre cuite d'Olbie offre un grand intérêt en tant que monument du style archaïque de la coroplastique pour le moment unique en son genre, non seulement dans les colonies grecques du nord de la région de la mer Noire, mais aussi dans la Grèce tout entière. Sa trouvaille a une importance particulière pour Olbie, vu que c'est un des rares monuments de la première moitié du VIe siècle avant notre ère trouvé pour la première fois dans une couche archaïque intacte.

Е. О. ПРУШЕВСКАЯ

ИЗ ОЛЬВИЙСКИХ НАХОДОК КРАСНОФИГУРНОЙ КЕРАМИКИ
СТРОГОГО СТИЛЯ

В погребениях Ольвии раннего периода, расследованных до настоящего времени раскопками, аттической краснофигурной керамики почти не встречалось. Поэтому правильное представление об импорте краснофигурной керамики строгого стиля в Ольвию может быть составлено только на основании материала, происходящего из городища.

В плане исследования вопроса о торговых сношениях Ольвии с Афинами ценна каждая находка краснофигурного обломка, поддающегося датировке, независимо от количества сохранившейся на нем росписи; такая находка еще более ценна, если остаток росписи дает возможность суждения о качестве вещи и, следовательно, об ее стоимости. Исследование материала показывает, что краснофигурная керамика поступала в Ольвию непрерывно с последних десятилетий VI в. и в течение всего V в., что не было того перерыва в импорте афинских товаров от начала греко-персидских войн до экспедиции Перикла в Понт, на котором настаивал в свое время Штерн. Но Афины посылали в Ольвию в это время преимущественно дешевый керамический товар: шаблонную позднюю чернофигурную и чернолаковую керамику и в значительно меньшем количестве керамику краснофигурную, к выработке которой перешли в конце VI в. все лучшие афинские мастерские.¹ Все же среди находок в Ольвии представлены образцы краснофигурной керамики различных направлений и разного художественного достоинства, изделия наиболее замечательных мастеров и, на ряду, с ними более скромные образцы вазописи.

Здесь издается редкий для Ольвии целый сосуд строгого стиля: лекиф, купленный в с. Парутино. Хотя никаких документальных данных о его находке нет, все же происхождение его из одного из ольвийских погребений, открытых крестьянами, не вызывает сомнения.² Вместе издается чрезвычайно близкий к нему по стилю обломок килика из ольвийского городища.

Краснофигурный лекиф. Эрмитаж № Ол. 4350 (рис. 1).³

¹ Этим объясняется и отмеченная выше редкость краснофигурной керамики строгого стиля в ольвийских погребениях. Видимо, ольвиополиты краснофигурную керамику очень ценили (на это указывают и многочисленные примеры следов реставрации на краснофигурных обломках), а с конца VI в. наблюдается значительное уменьшение в Ольвии погребений, обставленных ценными вещами, по сравнению с серединой VI в. Можно думать, что при дальнейших раскопках эта картина не изменится. Публикация всего имеющегося материала по керамике строгого стиля из Ольвии мною подготавливается.

² По типу предмета и по характеру сохранившихся на нем почвенных наслоений.

³ Лекиф был куплен у крестьянина с. Парутино в 1908 г. Мишениным, местным жителем, производившим покупки по поручению Археологической комиссии. Б. В. Фармаковским лекиф был доставлен, вместе с вещами из раскопок Ольвии 1908 г. и с другими сделанными в с. Парутино покупками, в Археологическую комиссию (за № 415* 1908 г.), а Комиссией передан в Эрмитаж.

Рис. 1. Краснофигурный лекциф.

Размеры: выс. 16.6 см, наиб. диам. 7 1 см; диам. венчика 3.95 см; диам. ножки 4.65 см.

Сохранность хорошая. Повреждения небольшие: была отбита ручка, причем недостает нескольких мелких осколков около места соединения ручки с горлом; довольно много мелких выбоин на тулове, слева от фигуры Эрота, а также на краях венчика и на краях плеч; слегка обтерся лак по краям ручки. На поверхности лекифа наслоения известкового характера.

Глина аттическая, с мелкими блестящими слюдами. Глазурь («лак») довольно блестящая, черная лишь в немногих местах, частью сероватого цвета, частью оранжево-красного, особенно на задней стороне лекифа, где цвет глазури очень неровный, пятнами, вследствие неравномерного обжига.

Форма лекифа почти цилиндрическая, суживающаяся книзу. Тулово сделано не совсем ровно, есть легкая припухлость в некоторых местах.

Плечи, темного покатыя, чуть вогнуты, венчик выпуклый, эхинообразный. Ручка почти одной высоты с горлом, широкая, с небольшой продольной вдавленностью. Ножка плоская, в форме диска.

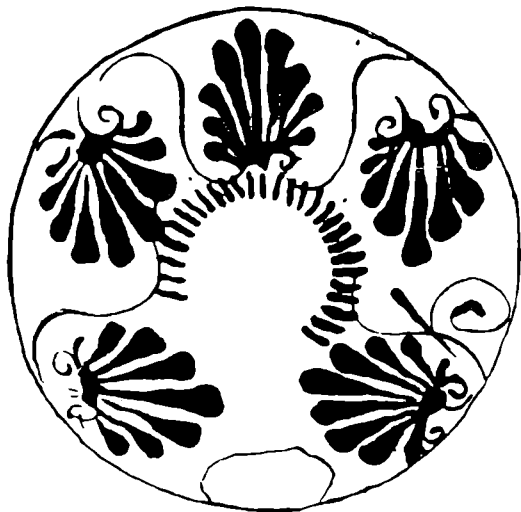

Рис. 2. Деталь росписи лекифа. Эрмитаж. Инв. № Ол. 4350.

Глазурью покрыто: все тулово, за исключением обрамляющего его сверху пояса, ножка сверху, наружные части венчика, внутренняя поверхность его воронки и ручка снаружи и с боков, кроме кусочка у места соединения ее с горлом. Глазурь на ручке заходит от краев темного и на внутреннюю ее поверхность. Горло, плечи, верх венчика, внутренняя поверхность ручки и нижняя и боковая поверхности ножки глазурью не покрыты.

На плечах выполненная черной глазурью орнаментация: у места соединения с горлом — орнамент палочек («Stabornament»), дальше пять пальметок на дугах, образуемых стеблями (рис. 2).

Тулово обрамлено сверху оставленным в цвете глины поясом (шир. 8 мм), окаймленным сверху и снизу узкими поясками, между которыми исполненный глазурью простой меандр, прерывающийся у ручки, на некотором от нее расстоянии. Снизу выделенное для рисунка среднее поле лекифа обрамлено тонким пояском, оставленным в цвете глины.

Спереди изображен стоящий Эрот. По сторонам от него в вертикальном направлении две исполненные пурпурной краской надписи из числа декоративных, не имеющих смысла (рис. 3). Эрот стоит вправо, опираясь на обе ступни, причем левая его нога темного выдвинута вперед.

Рис. 3. Надписи на лекифе. Эрмитаж. Инв. № 4350.

Голова и ноги изображены в профиль, торс — в три четверти. За спиной его два маленьких крыла, из которых левое выступает из-за правого; форма крыльев неодинакова, так как дать перспективное изображение мастер не сумел. В левой руке, от локтя немного приподнятой, Эрот

держит керикейон, в правой — опущенную ветвь, состоящую из стебля с цветком и двумя загнутыми спиралью усиками. Голова Эроса, яйцевидной формы на короткой, уходящей в высокие плечи шее, производит впечатление слегка наклоненной; коптуры ее оставлены в цвете глины. Волосы исполнены черной глазурью сплошной массой, длинные концы волос, спадающие прямыми прядями вдоль шеи и обрамляющие бахромкой лоб и виски, исполнены более слабым разведением глазури коричневатого цвета. Голова охвачена узкой тенью (следы пурпурной краски). Линия лба и носа прямая, черты лица мелкие; малепький нос заострен, губы плотно сжаты и сильно выпячены, подбородок выступает слегка вперед. Вытянутый кверху овал головы подчеркивается положением брови, глаза и губ темного наискось. Глаз помещен близко к носу; он маленький, продолговатый, с совершенно прямой линией нижнего века и дугообразной — верхнего; зрачок изображен точкой посредине глаза. Ухо маленькое, с раковиной простой формы.

Пропорции фигуры стройные. Впечатление архаической широты развернутого в три четверти торса усиливается благодаря расплывчатости контура левой стороны, не вырисовывающегося на фоне глазури, но сливающегося с выступающей за ним, прижатой к нему левой рукой. К талии торе утопчается, образуя резкий переход к бедрам.

В рисунке крыльев следует отметить их округлую форму и характер членения групп перьев. Верхняя часть, с обозначенными точками мелкими перьями, отделена широким поперечным пояском, обрамленным рельефными линиями и заполненным полоской слегка разбавленной глазури. Длинные перья двух размеров изображены в два ряда, как обычно; деление показано условно; линии перьев идут от пояса, отделяющего короткие перья, непрерывно во всю длину крыла и лишь пересекаются рядом дуг, которые должны изображать концы перьев меньшей длины; дуги исполнены рельефной линией и оттенены разбавленной глазурью коричневатого цвета.

Заметны частично коптуры предварительного наброска фигуры внутри контуров на окончательном рисунке: первоначальный набросок давал, таким образом, фигуру более тонкую. Контуры рисунка были обведены кистью широкой полосой глазури и частично рельефной линией.¹ Многие рельефные линии начинаются слегка намеченной точкой; они вполне четки и чисты. Те части фигуры и атрибуты, которые не обведены по контурам рельефными линиями: левая рука, керикейон, цветок — отличаются некоторой нечеткостью, расплывчатостью.

В мелочах есть дефекты рисунка: правая рука коротка; нечетко обрисованы пальцы левой руки, пальцы на ногах совсем не вырисованы; неодинаков рисунок подъема ног. Однако эти мелкие недочеты в рисунке не влияют на впечатление от композиционно продуманной и тщательно выполненной фигуры.

Сюжет росписи до сих пор неизвестный. В руках Эроса цветок и керикейон. Цветок — обычный атрибут Эроса, керикейон — нет. Эроса с керикейоном не встречено ни в греческом искусстве, ни в греческой литературе.²

¹ Рельефной линией были обведены: ноги, кроме подошв и подъема левой ноги; правый бок; небольшая часть левой руки; линия лба и носа, причем эта линия обрывается у конца носа, не загибаясь, слегка не доходя до него; верхний край крыла до его загиба; нижняя половина керикейона; нижний конец ветви, около руки. Рельефными же линиями исполнены все контуры фигуры, приходящиеся на фоне других ее частей, а также ухо, глаз и бровь.

² A. Furtwängler. Eros in der Vasenmalerei. Мюнхен, 1875 (= Kleine Schriften, I, 1912, стр. 1 сл.). — A. Furtwängler. Eros. Roscher, Lex. Myth., I, стлб. 1333 сл. и стлб. 1339 сл. — Waser. Eros. RE, VI, стлб. 484 сл. По вопросу об отношении Эроса к хтоническому миру ср.: Jane E. Harrison. Prolegomena to the History of Greek Religion. Кембридж, 1903.

Считать, что автор рисунка изобразил керикейон случайно, пельзя; эпоха и характер отношения мастера к сюжетам в своих работах (см. ниже) не допускает такого предположения. Поэтому необходимо объяснение по существу. Вероятно, здесь отражено представление об Эроте, разделяющем с Гермесом связанные с хтоническим миром функции, что вполне согласуется с архаической традицией; связь Эрота с Гермесом в искусстве образно передана изображениями обоих с теми же атрибутами — лирой и цветком.¹ Образ Эрота, поздно появившийся в греческом искусстве, не сразу вылился в определенные художественные формы и, в виду редкости изображений его, возможно встретить неизвестные варианты. Одним из них является Эрот на эрмитажном лекифе. Интересно, что он сходен с Гермесом на более раннем килике работы Skythes'a в Лувре:² совпадает поза, а также и атрибуты, которые только иначе распределены в руках.

Рисунок на лекифе — очень характерная работа одного из мастеров развитого строгого стиля, специализировавшихся в росписи небольших сосудов — так наз. *Dutuitmaler*.³

Наивная, архаически-угловатая, но изящная и не лишенная жизни фигура Эрота — одна из серии фигур, которые мастер помещал на амфорах, ойнохоях, гидриях, лекифах, по две или по одной, оживляя композиции представителями животного мира и ветвями растений. Все его персонажи живут своеобразной жизнью, отражающей наивное восприятие их автором мотивов греческой мифологии. Beazley хорошо отметил характер трактовки сюжетов этим мастером.⁴ Собранные в списке Beazley работы мастера дают достаточный материал для характеристики его рисунка, стиля и техники.

Эрот на издаваемом лекифе композиционно очень близок к стоящей женской фигуре на лекифе собрания Gallatin в Нью-Йорке (рис. 4)⁵, которая обращена влево и держит такую же, как и Эрот, ветку с цветком, соответственно в левой руке. Постановка фигуры, ее пропорции, ракурс торса, угловатый рисунок согнутых рук — все совершенно одинаково; одежда женской фигуры не позволяет провести срав-

Рис. 4. Краснофигурный лекиф. Нью-Йорк, колл. Gallatin. C. V. A. Hoppin and Gallatin Collections, табл. 18, 1.

¹ Chr. Scherer. Hermes. Roscher, Lex. Myth., 1, стлб. 2342 сл. — Eitrem, Hermes. RE, XV, стлб. 748 сл.

² Лувр, G, 10. — J. D. Beazley. Attische Vasenmaler des rotfigurigen Stils. Тюбинген, 1925, стр. 40, № 7. — E. Pottier. Vases antiques de Louvre, II. Париж, 1897, табл. 89.

³ Мастера ойнохон Dutuit — т. е. ойнохон в Petit Palais, в Париже, входившей ранее в состав коллекции Dutuit (J. D. Beazley The Master of the Dutuit Oinochoe. JHS, т. XXXIII, 1913, стр. 106 сл. — Он же. Attic Red-figured Vases in American Museums. Кембридж, 1918, стр. 69. — Он же. Att. Vas., стр. 127 сл. — Gisella M. A. Richter. Red-figured Vases in the Metropolitan Museum of Art. Нью-Гавен — Лондон — Нью-Йорк, 1936, стр. 51 сл.

⁴ JHS, т. XXXIII, стр. 106 сл. («his little men and women have an alert air and a naive charm.»).

⁵ J. D. Beazley Att. Vas., № 17. — CVA. United States of America, 1, Hoppin and Gallatin Collections, 1, 1925, табл. 18, 1.

нения в рисунке тела, но кисти рук и ступни ног те же. К сожалению, единственное воспроизведение пьюиоркского лекифа в США слишком мелко и неотчетливо для суждения о рисунке лица. Очень близок Эрот также и к менаде на ойнохое в Лувре (рис. 5),¹ и композиционно, и в рисунке рук и ног; характерен острый угол колена выступающей вперед ноги в обоих случаях, причем у одетой в хитон менады мастер подчеркнул колена отрезком рельефной линии в контуре ноги. В рисунке лица сходство также очень велико: совершенно те же бровь, нос, губы, ухо. Глаз, такой характерный для мастера, с горизонтальной, совершенно прямой линией нижнего века и с дугообразной линией верхнего, отличается от глаза Эрота тем, что внутренний угол его слегка приоткрыт. Еще ближе лицо Эрота к лицу Фетиды на голландской амфоре в Бостоне:² одинаковы глаз, ухо, заостренный нос и губы.

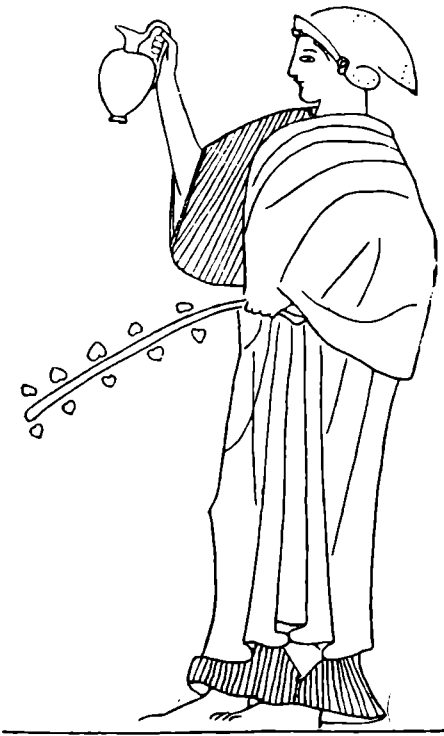

Рис. 5. Деталь росписи красно-фигурной ойнохой. Париж, Лувр, № J, 240. JHS, т. XXXIII, табл. 10.

У нее же ср. трактовку волос с прядями, исполненными кистью в собранном на затылке пучке. Этот мастер рисовал часто крылатые фигуры: и крылатую Артемиду, и Ники, и Эрота. К сожалению, мне неизвестен рисунок летящего Эрота на мюнхенской ойнохое.³ У Ники на лекифе Метрополитанского музея в Нью-Йорке⁴ крылья такие же, маленькие, округлые. Те же крылья, лишь немного более удлиненные, и у Артемиды на ойнохое Dutuit.⁵ Особенно характерна для мастера трактовка перьев, описанная выше. Основные ее особенности повторяются на всех крылатых фигурах мастера. Следует сравнить крылья на эрмитажном лекифе с крыльями на ойнохое Dutuit, а также на амфоре в Лувре (обе Ники),⁶ где форма крыльев отличается, но характерные черты

трактовки групп перьев те же. Имеются на нескольких вещах этого мастера также надписи, лишенные смысла, аналогичные надписям издаваемого лекифа.⁷ Beazley⁸ и G. Richter⁹ отметили отдельные характерные черты рисунка мастера: продолговатый узкий глаз, иногда со слегка приоткрытыми углами, часто с прямой нижней линией, со зрачком, помещенным посередине. Нос, заостренной на конце формы, без обозначения

¹ Лувр, J, 240. J. D. Beazley, *Att. Vas.*, № 3. — JHS, т. XXXIII, табл. 10.

² Бостон, 13, 188. J. D. Beazley, *Att. Vas.*, № 11. — JHS, т. XXXIII, табл. 11.

³ München 2445 (J. 300). J. D. Beazley, *Att. Vas.*, № 6. — E. Pfuhi, *Malerei und Zeichnung der Griechen*, т. III. Мюнхен, 1923, рис. 782 (форма сосуда).

⁴ Нью-Йорк, 13, 227, 16. J. D. Beazley, *Att. Vas.*, № 14, *Bull. Metr. Mus.*, т. IX, рис. 2 (на стр. 234).

⁵ Париж, *Petit Palais*. J. D. Beazley, *Att. Vas.*, № 4. — JHS, т. XXXIII, рис. 1 (на стр. 106).

⁶ Лувр, 137. J. D. Beazley, *Att. Vas.*, № 7. — Pottier, *Vases antiques du Louvre*. Париж, 1897—1901, табл. 115. — CVA, *Louvre*, вып. 6, рис. 34, I, 2.

⁷ JHS, т. XXXIII, стр. 110. — J. D. Beazley, *Att. Vas.*, №№ 9, 10, 11, 12, 14.

⁸ JHS, XXXIII, стр. 109 сл.

⁹ G. Richter, *ук. соч.*, стр. 52.

ноздри; слегка приоткрытый рот; обозначение локтя и колена короткой черной линией и др.

К этому я считаю нужным добавить: иногда совершенно закрытый внутренний угол глаза, иногда плотно сжатые губы; часто встречающееся разделение перьев прямым пояском (иногда с рядом точек) в верхней части и дужками — в средней, с подцветчиванием коричневой разбавленной глазурью; всегда одинаковый рисунок сжатой кисти руки, обращенной к зрителю, с характерным изгибом большого пальца, нижняя фаланга которого нарисована в один ряд с другими пальцами; подчеркнутый острый угол колена выдвинутой ноги, рисунок ступней ног, иногда с небрежно намечеными линиями пальцев; применение разбавленной глазури коричневого цвета для деталей. Главное же — характер применения в рисунке контурных рельефных линий, которые не обходят всего контура фигур и предметов, но применяются отрезками лишь для тех частей, которые мастер стремился подчеркнуть: в контуре лица — линия лба и носа, причем она не обрисовывает конца носа, но обрывается, не загибаясь; для шеи спереди, для частей крыла, для частей атрибутов, в том месте, где их охватывают руки.

Мастер неплохо владел рисунком, но в значительно большей мере — композицией; со свойственным ему чувством меры он напосил одну-две фигуры в некоторых случаях на сосуды очень изысканной формы¹ и умел достичь хорошего декоративного эффекта.

Маленький эрмитажный лекиф, вероятно, представляет самую раннюю из изданных работ мастера; он должен относиться ко времени немного ранее 490 г.²

Обломок килика. Эрмитаж. Инв. № Ол. 2633 (рис. 6).
Находка 1907 г., № 1791. Место находки: раск. VII.

Размеры: 7.35 × 1.85 см; толщ. 0.35 см. Глина аттичская, с мелкими блестками. Глазурь черная, блестящая, наложенная густым слоем. Обломок поврежден: на паружной стороне сильно поцарапана нижняя часть росписи.

Обломок представляет часть гладкого края килика. Внутренняя сторона сплошь покрыта глазурью; снаружи сохранилась часть росписи: часть головы влево и правого крыла, повидимому, женской крылатой фигуры, вероятно Ники. Сохранилась верхняя часть лица и часть сильно выступающих над лбом волос; возможно, что они были выпущены из-под саккоса.

Над рисунком четыре буквы надписи *graffito* (рис. 6) в горизонтальном направлении, может быть посвятительного характера, как многие на ольвийских чашах. К сожалению, она еще остается непроцтенной.

Роспись носит характерные черты работы того же мастера, который расписывал эрмитажный лекиф, — т. е. *Dutuitmaler*. Черты лица мелкие, с отлогой линией лба и носа, который заострен, и с выступающими немного вперед губами. Глаз с горизонтальной нижней линией и овальной верхней, со зрачком посредине; прямая линия брови. Очертания глаза несколько менее четки, чем на эрмитажном лекифе, но близки к нему. Крыло, от которого сохранились верхняя часть с мелкими перьями и средняя внешняя часть длинных перьев, имеет горизонтальное положение и лишь немного приподнято концами вверх. Трактовка перьев близка к отмеченной на эрмитажном лекифе и на других вещах мастера. От эрмитажного лекифа отличается поперечное деление перьев в верхней части: на пояске расположен ряд точек; обрамляющие его рельефные линии заходят за контур, округло за-

Рис. 6. Обломок краснофигурного килика. Эрмитаж. Инв. № Ол. 2633.

¹ Как, напр. амфора в Лувре (CVA, Louvre, вып. 6, 1929, табл. 33, 8—10).

² G. Richter датирует лекиф Метрополитанского музея ок. 490 г.

гибаясь; тот же характерный способ ведения контурной линии, которая также обрывается у конца носа, только здесь она немного длиннее его. Рисунок особенно близок к рисунку летящей Ники на луврской амфоре¹: ср. линию лба и носа вместе с формой глаза и брови, волосы и крыло. Впрочем, конец крыла на эрмитажном обломке не сохранился; возможно, что его форма была другая, без обрисовки каждого пера. Одинаков рисунок поперечного деления (с рядом точек) в верхней части крыла, подобный тому, который был нами отмечен на ойнохое Dutuit.

Килик, часть которого представляет ольвийский обломок, был близок по стилю к эрмитажному лекифу и также принадлежал к числу ранних работ мастера.

Это — впервые встреченный образец работы мастера на килике и на чаше вообще.

Находка обломка расширяет наше представление о характере работ мастера в ранний период. Лекиф интересен так же, как одна из ранних работ мастера, менее уверенного рисунка, чем вещи его зрелого периода, но с нешаблонным сюжетом росписи и с характерными чертами его стиля и техники.

Для Ольвии эти вещи имеют значение как звено среди других находок краснофигурной керамики, как образцы аттического импорта хороших краснофигурных ваз в годы, непосредственно предшествующие греко-персидским войнам.

E. PRUŠEVSKAJA

QUELQUES OBJETS DE CÉRAMIQUE À FIGURES ROUGES DU STYLE SÉVÈRE TROUVÉS À OLBIE

R é s u m é

La céramique attique à figures rouges de la période la plus ancienne est fort rare dans les tombes d'Olbie. Presqu'aucun vase du style sévère n'a été trouvé au cours des dizaines d'années de fouilles de la nécropole. C'est qu'à la fin du VIe et au commencement du Ve siècle, Athènes exportait de préférence dans les régions lointaines de la mer Noire des produits céramiques à bon marché — vases à figures noires du style tardif et vases à vernis noir; aussi les vases à figures rouges de cette époque étaient-ils fort appréciés à Olbie et on ne les y donnait pas volontiers aux morts. C'est aux trouvailles de fragments dans les remblais de la ville que nous devons la vraie connaissance de l'usage à Olbie de la céramique à figures rouges; ils témoignent de son importation ininterrompue.

Le lécythe du Musée de l'Ermitage (№ ОА 4350, fig. 1) fut acheté en 1908 par la Commission Archéologique à un paysan du village de Paroutino (sur l'emplacement de l'ancienne Olbie); sa provenance d'une des tombes d'Olbie fouillées par les paysans est hors de doute. C'est l'oeuvre du peintre anonyme nommé «Dutuitmaler» par J. D. Beazley, qui a dressé la liste de ses vases — auteur de compositions simples et naïves pour les vases de dimensions modestes, dont le dessin délicat et plein de charme fut apprécié par Beazley et par Miss G. Richter.

L'Eros au caducée, figure attrayante par la nouveauté du sujet (Eros psychopompe?) est semblable à la femme sur le lécythe de mêmes dimensions

¹ Лувр, F., 137. J. D. Beazley. Att. Vas., № 7. — CVA, Louvre, вып. 6, табл. 34, 1.

de la collection Gallatin à New-York (fig. 4), qui a un rameau identique à celui de l'Eros. Par le dessin du visage et d'autres détails l'Eros ressemble à la Ménade de l'oenoché du Louvre (fig. 5). Les inscriptions décoratives (en pourpre) semblables à celles du lécythe de l'Ermitage sont très communes sur les vases du peintre de l'oenoché Dutuit. Le dessin des ailes courtes, l'emploi du vernis délayé de couleur brune pour les détails et surtout la manière de tracer le contour en traits interrompus sont fréquents chez ce peintre. Le lécythe à l'Eros est de 495—490 avant notre ère.

Le petit fragment de coupe du Musée de l'Ermitage (№ OA 2633, fig. 6) provenant de la ville d'Olbie (fouilles de 1907) est du même peintre. On y reconnaît les restes de Nikè à l'une des variétés de dessin de l'aile qu'on trouve sur plusieurs de ses vases; le coin de son oeil est fermé. C'est le premier exemple connu de coupe dessinée par le peintre de l'oenoché Dutuit.

Л. Н. БЕЛОВА

НЕИЗДАННЫЕ МОНЕТЫ ХЕРСОНЕСА

В Херсонесском музее хранится большое количество монет, происходящих из раскопок Херсонеса. В течение ряда лет мне приходилось проводить работу как над инвентаризацией, так и над определением и описанием тех монет, которые ежегодно (начиная с 1926 г.) поступали из новых раскопок. В результате этой работы удалось выявить некоторые новые типы монет и несколько вариантов ранее изданных монет.

1. Инв. №№ 4616 и 2290 (I).¹ Материал — медь с примесью серебра. Диамет. 1.3 и 1.4 см; вес 1.4 и 1.2 г.

Л. ст. Голова Девы в башенной короне, вправо. Слева в круглом клейме — восьми- или шестиконечная звезда, в другом клейме прямоугольном — палица.

Об. ст. Вверху: **ХЕР**, ниже лук тетивою кверху, под ним колчан крышкою вправо. Внизу имя: **ДЕΛΦΟΣ**.

Всех экземпляров этого типа монет, остававшегося до сих пор неопубликованным, в собрании Херсонесского музея насчитывается 11. Из них две монеты имеют только круглую надчеканку со звездой, три — только прямоугольную с палицей и шесть — с двумя надчеканками. Все эти монеты плохой сохранности, найдены в разное время и в разных местах Херсонеса. В раскопках К. К. Косцюшко-Валюжинича (1888—1907) найдено шесть таких монет; точное время и место находки их неизвестны. В 1909 г. при раскопках северо-восточной части Херсонеса в помещении XXXII была найдена одна монета этого типа вместе с вещами эллинистического времени, а другая найдена в помещении XI на глубине 1 м с предметами того же периода. В 1928 и 1936 гг. были найдены подобные монеты в третьем слое, совместно с монетами конца II—I вв. до н. э.² По стилю, по типу и совместному нахождению с эллинистическими вещами II—I вв. этот новый тип монеты можно внести в группу периода боспорского влияния, охватывающего время с конца II в. до 25/24 г. до н. э.³ По определению А. Н. Зографа, публикуемый новый тип монеты относится ко времени Митридата VI, к 80-м годам до н. э., и примыкает непосредственно к монетам, изданным у Бурачкова (табл. XIV, 7 и 9—10). Номинал ее неопределенный. Клеймо на херсонесских монетах в виде звезды с шестью или восемью лучами уже известно на лицевой стороне следующих монет: а) голова Афины в шлеме с султаном (Бур. XV, 64—65) и б) голова Геракла в львиной шкуре.⁴ А. Л. Бертье-

¹ На таблице представлена лицевая сторона одной монеты (слева) и оборотная сторона другой (справа).

² Г. Д. Белов. Отчет о раскопках в Херсонесе за 1935—1936 гг. Симферополь, 1938, стр. 259.

³ А. В. Орешников. Монеты Херсонеса Таврического, царей Боспора Киммерийского и Палемона Понтийского. М., 1912, стр. 26.

⁴ ЗОО, т. XXVI, табл. III, 25, 30.

Делагард первую монету отнес ко времени не ранее второй половины II в. до н. э., а вторую несколько позднее. Клеймо с изображением палицы в прямоугольнике встречается на херсонесских монетах впервые. Культ Геракла, перенесенный из метрополии, Гераклеи Понтийской, как известно, пользовался популярностью в Херсонесе — это подтверждается как пумизматическим материалом, так и памятниками искусства: мраморные жертвенники с сучковатой палицею,¹ мраморная плита с рельефным изображением Геракла, совершающего подвиги.²

Встречаемое впервые на монетах Херсонеса имя магистрата ΔΕΛΦΟΣ не является новым для эпиграфических памятников Херсонеса. Так, напр., на амфорных ручках херсонесского производства II в. до н. э. известно клеймо Δέλφου τοῦ Ἰστρου ἀστυνομήντος.³

2. Инв. № 4795/8 (2 и 3). Медные. Диамет. 1.8 и 1.6 см; вес 4.5 и 5.5 г.

Л. ст. DNZENOPER[EAVG]. Бюст императора Зенона в плаще и в диадеме, обращен вправо.

Об. ст. [CONC]-OΔIAR. Император Зенон изображен во весь рост, голова обращена вправо. Одет в короткую тунику, плащ и сапоги, голова увенчана диадемой. В правой руке император держит длинный крест, древко которого заканчивается острием, как копьё; в левой руке у него сфера. Левою ногой попирает пленника, обращенного вправо. Буква R пропущена гравером и поставлена в конце надписи.

В раскопках дореволюционного периода часто встречались монеты, подобные вышеописанной. Все они были плохой сохранности: расслоившиеся, перегоревшие, стертые, и определялись обычно как монеты Льва I или Юстиниана I, на основании сходства изображений с медными монетами этих императоров. Но, когда в 1927 г. музеем были приобретены от частного лица вместе с херсонесскими и монеты императора Зенона описанного типа хорошей сохранности, то выяснилось, что в собрании Херсонесского музея среди монет, приписанных Льву I и Юстиниану I, имеется немало монет Зенона. При дальнейших раскопках в Херсонесе с 1926 г. и до последнего времени медные монеты Зенона встречались ежегодно. Этот тип монеты Зенона нигде не издан, встречается он только в Херсонесе. Место чекана на монете не обозначено. Можно предполагать, что эту монету Зенона чеканили на одном из византийских монетных дворов только для Херсонеса или, может быть, ее выпуск производился даже в Херсонесе. Последнее возможно допустить, если вспомнить известную найденную в Херсонесе плиту с надписью в честь императора Зенона, где указаны его заботы о Херсонесе.⁴

3. К типу медной херсонесской монеты Юстиниана I, изданной А. В. Орешниковым,⁵ можно присоединить еще один тип в двух разновидностях, описание одной из которых даем ниже.

Инв. №№ 1203 и 2020 (4 и 5). Медные. Диамет. 1.5 и 1.3 см, вес 3.2 и 2.4 г.

¹ Извлечение из отчета К. К. Косцюшко-Валюжинича о раскопках в Херсонесе в 1902 г. (ИАК, вып. 9, стр. 43, рис. 24).

² Г. Д. Белов, ук. соч., стр. 57, рис. 33.

³ Там же, стр. 76. — И. И. Махов. Амфорные ручки Херсонеса Таврического с именами астиномов. ИТУАК, вып. 48, стр. 150. — E. P r i d i k. Die Astynomenamen auf Amphoren und Ziegelstempeln aus Südrussland. Sitzber. der Preuss. Akad. d. Wissensch., Phil.-Hist. Kl., т. XXIV, Берлин, 1928, стр. 29, №№ 42—43.

⁴ В. В. Л а т ы ш е в. Сборник греческих надписей христианских времен из южной России. СПб., 1896, стр. 7. — А. Б е р т ь е Д е л а г а р д. Надпись времени императора Зенона, в связи с отрывком из истории Херсонеса. ЗОО, т. XVI, стр. 45—88.

⁵ А. В. О р е ш н и к о в. Херсонско-византийские монеты. М., 1905, табл. VIII, 1—3.

Л. ст. [DNIV]STI — NIA[NVS]. Бюст Юстиниана I, обращенный вправо; одет в плащ, застегнутый фибулой, голова украшена диадемой.

Об. ст. VICTOR. Император изображен во весь рост, впрямь, голова обращена влево. Одет в короткую тунику и плащ, на голове диадема. В правой руке держит длинный крест, в левой — щит, опущенный вниз.

Вторая разновидность монеты этого типа издана у И. И. Толстого.¹ По стилю, размеру и номиналу (5 нуммий) монеты обеих разновидностей подобны изданной Орешниковым монете с монограммой имени города Херсонеса.² Монеты и того и другого типа можно с полной уверенностью отнести к херсонесскому монетному производству, так как они встречаются в большом количестве на территории Херсонеса. Монет первого типа в собрании Херсонесского музея имеется 207, а монет второго типа, включающего в себя две разновидности, насчитывается до 185 экз., — количественная разница невелика. Да и едва ли в течение долгих лет своего царствования Юстиниан I выпускал для Херсонеса только однотипную монету. Ежегодно в раскопках Херсонеса находят почти одинаковое количество юстиниановских медных монет обоих типов.

4. Инв. № 6416 (6). Медная. Диамет. 1.7 см; вес 2.7 г. Найдена в 1937 г. при раскопках помещения XVII, во втором слое.

Л. ст. [DNIVSTI]NIAN[VS....]. Бюст Юстиниана I, одетого в плащ, обращен вправо, голова увенчана диадемой.

Об. ст. VICTOR[I-AA]VGGGE. Император во весь рост, впрямь. Одет в короткую тунику, плащ и сапоги. Голова украшена диадемой и покрыта шлемом. В правой руке держит длинный крест, в левой — сферу.

Интересно отметить, что на оборотной стороне монеты в конце надписи имеется обозначение номинала: €̄. Эта монета примыкает к вышеописанной группе юстиниановских монет.

5. Инв. № 26595 (7). Медная. Диамет. 1.3×1.5 см; вес 3 г. Края монеты носят на себе следы литья.

Л. ст. Император Маврикий и его жена Констанция представлены во весь рост, впрямь. Между ними длинный крест, который держит Констанция. Справа сохранилась неразборчивая надпись.

Об. ст. Феодосий с длинным крестом в правой руке, слева знак Δ, вверху крест.

Найдена монета при раскопках 1935 г. в могиле № 12. Все монеты императора Маврикия, выпущенные херсонесским монетным двором, чеканенные. Описанная монета отличается от изданных монет Маврикия³ тем, что она литая и встречается впервые; подобных монет в собрании Музея не имеется.

6. Инв. № 5344 (8). Медная, литая. Диамет. 1.3 см., вес 1.2 г.

Л. ст. $\overset{\circ}{\text{T}}\text{H}$.

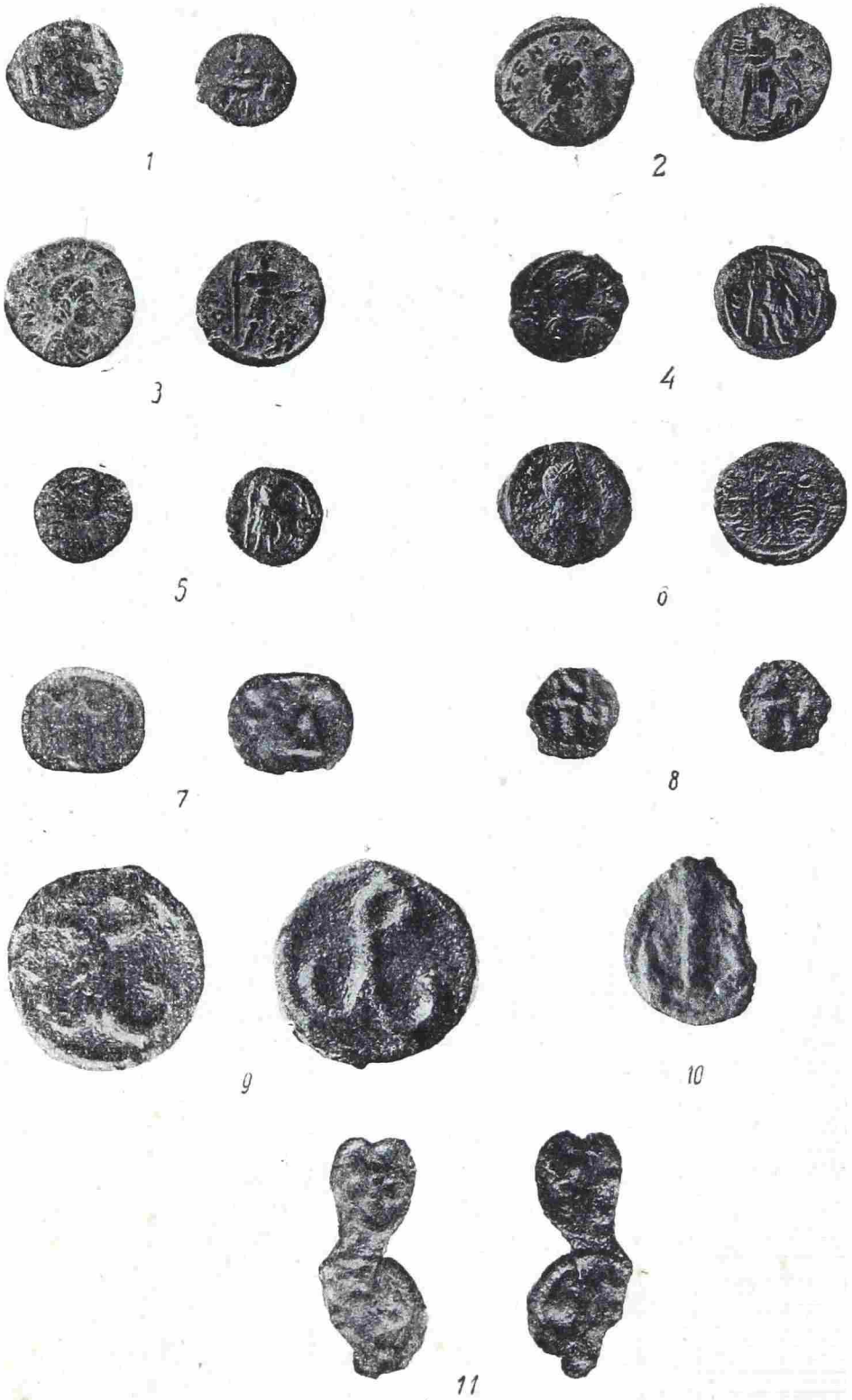
Об. ст. $\overset{\circ}{\text{ПЛ}}$.

На лицевой стороне над буквой **Т** находится или буква **о**, или шарик, или, может быть, утолщение в виде точки, образовавшееся при литье монеты. Найдена при раскопках Херсонеса в 1932 г. в помещении V, вместе с монетами Зенона и Юстиниана I. По технике выполнения, по типу и размеру монета

¹ И. И. Толстой. Византийские монеты. СПб., 1912—1914, табл. 72, № 514—515.

² А. В. Орешников, ук. соч., табл. VIII, 1—3.

³ А. В. Орешников, ук. соч., табл. VIII.

Неизданные монеты Херсонеса.

должна быть отнесена ко времени Михаила III и Василия I. Вопрос о значении букв на монете и об их расшифровке остается открытым.

7. Инв. № 4712 (9). Медная, литая, со следами литников. Диам. 2.5 см., вес 9.5 г.

Л. ст. — монограмма имени императора Романа I.

Об. ст. То же.

На оборотной стороне монет этого типа, уже изданных,¹ изображен крест или монограмма титула «деспот».² Разновидность вышеописанной монеты, с одинаковым изображением на обеих сторонах, также издапа А. В. Орешниковым,³ но отличается от настоящей монеты формой буквы.

8. Инв. № 4785 (10). Свинцовая. Наиб. диам. 2.1 см.

Л. ст. — монограмма имепи Романа I.

Об. ст. — испорчена. Эта монета является единственным экземпляром, литым из свинца.

В результате изучения многочисленных монетных находок Н. Д. Косцюшко-Валюжинич сделал в свое время вывод, что все монеты Херсонеса IX—X вв. литые.⁴ Формы делались из обожженной глипы для целой группы монет, расположенных рядами. Монетные формы соединялись литниками, объединенными одним общим жерлом. Ряды монетных форм не соединялись литниками.⁵ Существование в Херсонесе именно такой монетной формы при литье медных монет в IX—X вв. подтверждается интересной находкой двух медных монет, соединенных литником (11).

Л. ст. — монограмма имени императора Василия II.

Об. ст. — монограмма титула «деспот».⁶ Общ. наиб. дл. 3 см; наиб. диам. каждой монеты 1.4 и 1.3 см; вес. 3.5. Инв. № 4796.

L. BELOVA

MONNAIES INÉDITES DE CHERSONÈSE

R é s u m é

L'auteur publie des monnaies de la collection du musée de Chersonèse. Elles se répartissent en 8 types, dont le type I appartient à l'époque antique (années 80 avant notre ère) et les autres à l'époque byzantine — règnes des empereurs Zénon, Justinien Ier, Maurice, Michel III, Basile Ier et Romain Ier. Quelques-uns de ces types sont publiés pour la première fois. Une partie importante de ces monnaies sont issues de l'Hôtel des Monnaies de Chersonèse. L'auteur signale le cas unique de la trouvaille d'une monnaie de plomb coulé.

¹ А. В. Орешников, ук. соч., табл. IX, 34—35.

² Нумизматический сборник под ред. А. В. Орешникова, т. I, М., 1911, стр. 303—304.

³ А. В. Орешников. Экскурсы в область древней нумизматики Черноморского побережья. М., 1914, стр. 44, табл. I, 21.

⁴ Н. Д. Косцюшко-Валюжинич. Заметки о технике монетного дела в Херсонесе Таврическом. Нумизмат. сборн., т. III, стр. 165.

⁵ Схематический рисунок подобной литейной формы издан М. Bahrfieldt'ом в «Berliner Münzblätter» (№ 25, январь, 1904, стр. 434, рис. 2).

⁶ Ср. А. В. Орешников, ук. соч., табл. X, 60.

СПИСОК ПРИНЯТЫХ СОКРАЩЕНИЙ

АН	— Академия Наук
Бур.	— П. Бурачков. Общий каталог монет, принадлежащих эллинским колониям, существовавшим в древности на северном берегу Черного моря в пределах нынешней южной России. Одесса, 1884.
ВВ	— Византийский временник.
ВДИ	— Вестник древней истории.
Вестн. АН	— Вестник АН
ГАИМК	— Государственная Академия истории материальной культуры им. Н. Я. Марра.
ДАН—В	— Доклады АН—В.
ДБК	— Древности Боспора Киммерийского. СПб., 1854.
ДГС	— Древности Геродотовой Скифии.
ЖМНП	— Журнал Министерства народного просвещения.
ЗОО	— Записки Одесского общества истории и древностей.
ЗРАО	— Записки Русского археологического общества.
ИАК	— Известия Археологической комиссии.
ИГАИМК	— Известия ГАИМК.
ИИМК	— Институт истории материальной культуры им. Н. Я. Марра АН СССР
ИОГН	— Известия АН СССР. Отделение гуманитарных наук.
ИОН	— Известия АН СССР. Отделение общественных наук.
ИОРЯС	— Известия Отделения русского языка и словесности.
ИТОИАЭ	— Известия Таврического общества истории, археологии и этнографии.
ИТУАК	— Известия Таврической ученой архивной комиссии.
МАР	— Материалы по археологии России.
ОАК	— Отчеты археологической комиссии.
Проблемы	— Проблемы истории материальной культуры (с 1934 г. — Проблемы истории докапиталистических формаций).
ПСРЛ	— Полное собрание русских летописей.
РАНИОН	— Российская ассоциация научных институтов общественных наук.
РФВ	— Русский филологический вестник.
СГАИМК	— Сообщения ГАИМК.
ТМАО	— Труды Московского археологического общества.
Тр. . . АС	— Труды I—XV Всероссийских археологических съездов.
ТСАРАНИОН	— Труды секции археологии РАНИОН.
ФО	— Филологическое обозрение.
АА	— Archäologischer Anzeiger.
АМ	— Mitteilungen des Deutschen Archäologischen Instituts. Athenische Abteilung.
AZ	— Archäologische Zeitung.
BCH	— Bulletin de correspondance hellénique.
CIG	— Corpus inscriptionum graecarum.
CIL	— Corpus inscriptionum latinarum.
CVA	— Corpus vasorum antiquorum.
Daramberg—Saglio	— Ch. Daramberg et E. Saglio. Dictionnaire des antiquités grecques et romaines.
ESA	— Eurasia Septentrionalis Antiqua.
IG	— Inscriptiones graecae.
IosPE	— Inscriptiones orae septentrionalis Ponti Euxini.
JAI	— Jahrbuch des Deutschen Archäologischen Instituts.
JHS	— The Journal of Hellenic Studies.

PhW	— Philologische Wochenschrift.
PZ	— Prähistorische Zeitschrift.
RA	— Revue archéologique.
RE	— Pauly—Wissowa—Kroll. Realencyclopädie der Klassischen Altertumswissenschaft.
Rec. SR	— Recherches de Science Religieuse.
REG	— Revue des études grecques.
RM	— Mitteilungen des Deutschen Archäologischen Instituts, Römische Abteilung.
Scytica et Caucasica	— В. В. Латышев. Известия древних писателей греческих и латинских о Скифии и Кавказе. СПб., 1893.
SDGD	— Sammlung der griechischen Dialekt-Inschriften von F.-Bechtel, A. Bezzenberger, F. Blase (etc.).
SIG	— W. Dittenberger, Sylloge Inscriptionum Graecarum.

ОТ РЕДАКЦИИ

Кроме работ, помещенных в VII выпуске «Советской Археологии», в редакцию, для сборника в честь академика Сергея Александровича Жебелева, поступили также еще и перечисленные ниже статьи. Статьи эти не могли быть включены в настоящий выпуск в виду ограниченности его объема и будут напечатаны в последующих выпусках «Советской Археологии».

1. М. И. Артамонов (Ленинград). Древний Дербент.
2. Н. П. Бауэр (Ленинград). Путевые расходы ганзейских послов 1494 года.
3. В. В. Гольмстен (Ленинград). Буртасы.
4. Л. А. Ельницкий (Москва). К истории эллинистических культов в Причерноморье (Дионис-Сабазий).
5. С. Н. Замятин (Ленинград). Скифский могильник «Частые курганы» (раскопки Воронежской Архивной комиссии 1909—1915).
6. С. Д. Лисициан (Ереван). Тигран Великий по монетам.
7. Г. И. Мосберг (Таллин). К вопросу о могильниках юго-западного Крыма.
8. А. П. Окладников (Ленинград). Новая скифская находка в верховьях р. Лены.
9. Е. А. Рыдзевская (Ленинград). О названии острова Березань.
10. С. М. Сергеев (Бийск). О резных костяных украшениях конской узды из «скифского» кургана на Алтае.
11. И. В. Синицын. Материалы по сарматской культуре на территории Нижнего Поволжья.
12. С. Н. Чернов. К истории изучения восточных монет в середине XVIII века.

Редактор издательства А. М. Барбапов. Подписано к печати 10/II 1941 г. М 28141. Объем 22³/₈ печ. л.+13 вклеек. 30,98 авт. л. 57341 зн. в п. л. Тираж 2000 экз. Цена книги руб. коп.

Типо-литография издательства Академии Наук СССР. Ленинград, В. О., 9 линия, 12. Зак. 1107.

О П Е Ч А Т К И

<i>Страница</i>	<i>Строка</i>	<i>Напечатано</i>	<i>Следует читать</i>	<i>По чьей вине</i>
63	16—17 сверху	Филопарты	Филопатры	автора
65	20 сверху	инвентаря?	инвентаря.	»
105	4 »	<i>Pagalrhenoideum</i>	<i>Pagalrhenoideum</i>	»
178	17 снизу	Софокал	Софокла	»
181	26 »	может быть больше.	может больше.	редактора
258	5 сверху	2 км	11 км	автора
284	2 снизу	подчеркивают	подчеркивает	редактора